Г. В. ГУБАРЕВ

КАЗАКИ И ИХ ЗЕМЛЯ

в свете новых данных

Вторая **КНИГА О КАЗАКАХ**

Издание **Г. В. КАРПЕНКО**

Буэнос Айрес
1974

При дополнительном просмотре книги КАЗАКИ И ИХ ЗЕМЛЯ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ обнаружены опечатки, не исправленные типографскими наборщиками.

страница	строка	напечатано	должно быть
12	9 сн.	исследованаия	исследования
12	13 сн.	тысячилетие	тысячелетие
13	16 св.	инвтересов	интересов
13	20 св.	внимаание	внимание
16	примечание	историках "История	источниках "Истории
21	примечание	кисацких	кайсацких
34	4 сн.	наывать	называть
42	6 св.	Меотинское	Меотийское
42	7 св.	называние	название
43	1 сн.	соединись	соединясь
44	8 сн.	германао	германо
67	7 сн.	Казаками	Казарами ✓
81	7 сн.	направкение	направление
81	9 сн.	сторики	историки
103	9 св.	непреступные	неприступные
117	11 св.	скучаев	случаев
127	16 св.	киким то	каким то
207	9 сн.	Литвеном	Лиственом
210	примечание	т. столб.	т. 1 столб.
263	примечание	Ерусалима	Еруслана
267	5 сн.	отчимами	отчичами
268	2 св.	отчимами	отчичами
362	7 и 14 св.	Голобицкий	Голобуцкий
371	11 сн.	Голубуцкий	Голобуцкий
382	2 сн.	до Радогощи	в Радогощи

Г. В. ГУБАРЁВ

КАЗАКИ И ИХ ЗЕМЛЯ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

Вторая **КНИГА О КАЗАКАХ**

Издание **Г. В. Карпенко**
Буэнос Айрес
1974

Cossacks and Their Land in the Light of New Data

by

GEORGE GUBAROFF

PUBLISHED BY G. V. KARPENCO
Buenos Aires
1974

All rights reserved by author
Drawings of vignettes are taken from
"Orientale rugs antique and modern"
by Walter A. Hawley

Printed in the Argentina

Ольге Антоновне Губарёвой

О, Лель, моя лада, свет души моей, неизменный друг и помощница, тебе с благодарностью посвящаю эти сказания о героическом и печальном прошлом наших далёких предков.

ВВЕДЕНИЕ

"Люди, носящие в себе действительную национальную сущность, способны продолжить жизнь своей страны, независимо от политических условий, в которых она находится".

Адам Мицкевич

Мы, Казаки, имеем историю древнюю, красочную и довольно богатую документальными источниками, но до сего времени создать свою собственную историографию нам не удавалось. Нет нужды утверждать, что она пригодилась бы казачьим поколениям не только в качестве занимательного чтения. Причины же ее прискорбного отсутствия заключаются в том, что живая мысль нашего народа всегда была направлена на службу чужим интересам и в том, что попытки подобного рода в корне пресекались прямыми противодействиями русских властей. В прошлом веке создать казачью историческую систему пробовал В. Д. Сухоруков, но перенёс за это гонения и ссылки. Его объективное и капитальное исследование прошло через правительственную суровую цензуру и вышло из печати переработанным, однобоким и безыменным трудом под заглавием "Историческое описание Земли Войска Донского" в гг 1867 и 1872. После этого никто не предполагал возможности изучить нашу древность, как самостоятельный предмет. Все дороги вели в Третий Рим — Московию.

Часто исследователи нашего прошлого изрекают, как некий догмат: "вопрос о происхождении Казачества всё еще находится в состоянии неопределенности". И вместо того, чтобы постараться эту неопределенность рассеять, начинают сразу, даже не с половины нашего исторического бытия, а с какого-то конца, от того времени, когда о Казаках узнали Русские и Поляки, когда наше имя начало появляться в их письменности. Но могут ли иметь решающее значение сообщения запоздавшие на много веков? Можно ли основывать свои заключения только на них, без учёта иных исторических материалов. Ведь польские хроники и русские летописи заняты почти исключительно историей Церкви, династий и воен. Особенно русские летописи. По ним невозможно составить цельного представления о жизни, внешнем

облике, быте, культуре не только тех народов, с которыми Руси приходилось жить бок о бок, но и самого народа-гегемона. Поучающим, сухим тоном там излагается, наряду с библейскими истинами, что лета такого-то произошло нечто достойное внимания, люди же, действующие в каждом отдельном случае, остаются в туманной мгле. "Мы не любопытны и ленивы", писал Пушкин и действительно, русские летописцы мало любознательны, их не интересовали особенности свойственные даже ближайшим соседям. И этим летописи резко отличаются от хроник западных, греческих и восточных, где в подробных повествованиях чувствуется интерес не только к событиям, а и к виновникам событий, живым людям.

Под своим общим именем Казаки появлялись в летописях только тогда, когда наши предки включались в бег московских событий. До этого времени Русы вспоминают довольно часто названия степных племен, не связывая их с казачьим именем. Может быть летописцы о этих связях и не знали. Мало ли чего не знали русские летописцы! До прихода Монголов они о таком народе и не слышали: "Их же добре ясно никто же весть, кто суть, и откуда приидоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их, зовут же я Татары, а иные глаголют Таурмены, а другие Печенези".

За 250 лет пребывания под их властью, современные им русские книжники не удосужились узнать и описать подробнее своих угнетателей. Все сведения о государственном устрействе Золотой Орды, о социальной, экономической и культурной жизни ее населения, историки находят у Армян, Персов, Арабов, Итальянцев, Французов и т. п., а не в летописях народа, который долго находился в близких сношениях с Татарами и должен был бы знать их лучше, чем кто-нибудь другой.

Так же неожиданно, вдруг, как и Татары, выплывают из тумана и попадают на страницы русских летописей Казаки. У южных соседей они появляются на много столетий раньше. Мало этого, не в меру патриотические архивариусы нераз вносили и вносят свои цензурные коррективы, даже в эти скудные записи летописца. Вероятно, благодаря их стараниям из Лаврентьевской летописи исчезли листки за годы 1282-83. А по историку Болтину как раз в эти годы баскак Ахмат призвал из Пятигорья Казаков-Черкесов и населил ими две слободы под Курском. Если бы русский генерал и историк не выписал своевременно сообщение об этом событии и не опубликовал его в своей книге. (Примечания на исто-

рию древняя и нынешняя Россия Г. Леклерка т. 1 1788 года.), оно бы пропало для науки бесследно. По каким-то неведомым причинам из "Московского летописного свода конца XV века" (ПСРЛ т. XXV М. — Л. 1949, стр. 262) также исчез листок с описанием событий 1443-1445 лет. А в старом издании Ермолинской летописи сохранилась запись под этими годами о поражении Городецкими Казаками царевича Мустафы и о призвании ханом Махметом двух тысяч Казаков из того же Пятигорья. Можно было бы приписать такие пропажи случайностям, но странно, что в обоих случаях речь шла именно о Казаках из Пятигорья.

На Руси заметили наших предков только в XIII веке, но это ничего в нашей истории не изменяет. Довольно того что в Киеве уже с десятого века знали казачьих пращуров Чёрных Клобуков — Черкасов. А о населении Дона и Кавказа русские люди до XVI века имели весьма смутные понятия. Это были земли далёкие, "незнаемые". В основной Лаврентьевской летописи Дон встречается только семь раз за период в 525 лет (852-1377), а в упомянутом выше Московском своде за 420 лет (от 1072 по 1492) — девять раз. И там и тут Дон Великий постоянно смешивается с Доном Малым — Северским Донцом. Данные о Кавказской Томаторкани попали в киевские летописи только случайно, благодаря временному пребыванию там невольного киевского эмигранта Великого Никона, монаха и летописца.

У южных соседей Греков и Персов наше имя появляется гораздо раньше. У первых — военный народ Коссахов знали географ Страбон (начало первого века по Р. Х.) и те мастера, которые высекали имя "Касакос" на каменных памятниках Танаиды в античную эпоху. Эти надписи прочитаны и изданы академиками В. В. Латышевым и С. А. Жебелевым. Исследователь осетинского языка Вс. Ф. Миллер хотел в них видеть личные имена и придал им значение осетинских слов, совпадающих по звучанию. Вообще, историки и этнографы искали значения нашего имени в разных восточных языках и, не скупясь,, придали ему десяток "осмысливаний", отводя мысль о том, что это просто общеплеменное имя скифского происхождения. Однако, Земля Касаков и Касахия оказались географическими названиями и в девятом веке попали на страницы писанных источников. У персов в старых книгохранилищах должны найтись те данные, которые положены в основание их географии 982-го года, **Гудуд ал Алэм.** Параграфы 5, 6 и 48 этой

географии вспоминают горы Касак в средней Азии и землю Касак на северном Кавказе.[1])

Касакию упоминает в своем трактате византийский император Константин Багрянородный в 948 г. г.[2]) Во всей греческой географической литературе это тоже не может быть единственным свидетельством о кавказской стране Касахии. Где-то в Греции должен храниться и тот источник, на основании которого царственный автор опубликовал свое сообщение о ней. Не исключено, что он когда-нибудь станет в науке достоянием широких кругов. По сравнению с русскими летописями эти два свидетельства делают казачью народность исторически старше на пол тысячелетия, а близкое к ее зарождению сообщение Страбона, так же как надписи на Танаидских камнях, убеждают, что утверждение о полной неопределенности вопроса о казачьих древностях и не точно и довольно наивно. Кое-какие сведения нам сохранили писанные источники и в дополнение к ним многое разъясняет археология. Таким образом, мы располагаем не меньшими данными, чем иные народы Восточной Европы, а в некоторых случаях и — большими.

Вообще же, далёкое прошлое, корни своего рода знают не многие древние народы. Ясное представление о своих предках имеют только народности и нации образовавшиеся сравнительно недавно. Каждое государство Нового Света, действительно, может точно сообщить время образования своего основного национального ядра, с точностью знает статистику внедрения в него различных пришельцев из Европы, Азии, Африки. В остальных случаях обширность сведений о прежней жизни зависит от времени появления местной письменности. Чем раньше в стране появились писанные хроники и акты, тем глубже народная память проникает в свое прошлое. Дальше же — тёмный мрак, который не всегда в состоянии рассеять сохранившиеся преданаия или бытовые археологические памятники. Камень руин говорит историкам о многом **неизвестном, но слово надежнее.** Археология оказалась весьма полезной помощницей историографии, но всё же самым верным источником осталось записанное слово. Близок к истине был поэт, сказавший:

---

[1]) Hudud al-Alam, a Persian Geography 982 A.D. Translated and explained by V. Minorsky, London 1937.

[2]) Constantinas Porphirogenitus, De Administrando Imperio. Greek text edited by Gy Moravcsik, English Translation by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, p. 182, 183, 186, 187.

"Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь Слову жизнь дана.
Из древней тьмы на мировом погосте
Звучат лишь письмена". (И. Бунин).

Нет сомнения, что и в Земле Касак на Тамани когда-то существовало писанное слово. История создания славянской азбуки тесно связаана с Приазовьев. Св. Кирилл, прежде чем начать переводы богослужебных книг, посетил нашу землю. Сов. филолог Н. А. Мещерский, изучая древне-славянские рукописи, пришел к выводу, что переводы некоторых еврейских и греческих книг на славянский язык были выполнены где-то около Казарии.[3]) Но в Томи (на Тамани) и в Тане (Азове, епископии и митрополии помещались уже от четвертого века. Можно ли предполагать, что они обходились без языка местных Славян и не делали никаких переводов на него, хотя бы при помощи греческого алфавита. Однако, во время постоянных нашествий кочевников, уничтожавших всё до чёрной земли, никакие рукописи сохраниться не могли.

Много ли знают древние народы о своей глубокой старине, не попавшей на страницы первоначальных хроник? Могут ли немецкие этнографы точно осветить процессы слияния воедино своих разноязычных предков: Германцев, Франков, Кельтов, Готов, Славян, Литовцев-Пруссов и др.? Могут ли французские народоведы точно сообщить, каким образом произошел сплав разноязычных Галлов, Кельтов, Вандалов, Иберийцев, Франков, Норманнов, Британов, Арабов, в их единую нацию.

Этот туман нависший над древностями служит побуждающей причиной научной любознательности, постоянных поисков затерявшихся звеньев, выпавших из непрерывной цепи сменяющихся эпох. Многих звеньев не хватает и в истории казачьей древности. Но ясно, что наш народ в смысле национальном и общественном не представляет никакого исключительного явления. За всё время своего существования он подчинялся общим для всех законам зарождения и роста, проходил общие для всех народов пути социального развития, но только в своей особой, степной, интерпретации.

В младенческой стадии он выделился из отдельного

---

3) Н. А. Мещерский, История Иудейской войны Иосифа Флавия в древне-русском переводе, М. — Л. 1958, стр. 118 сл. Того же автора, Визатийско-славянские литературные связи, Византийский Временник т. XVII, М. — Л. 1960, стр. 68.

скифского юго-западного массива Коссаков ввиде раздробленных и разноязычных племен: Сираков, Торетов, Удзов, Бережджеров и Степных Славян. Каждое из них, подвижное и воинственное, вначале шло своим особым путём, лишь постепенно навязывая друг с другом родственные и политические связи. Слились они воедино только после многих веков близкого соседства и сожительства, поглотив по-пути остатки погибших Асов — Аланов и Чёрных Болгар, приняв общее для всех скифо-туранское имя Коссаков или Касаков. Тогда же среди них восторжествовал язык северокавказских степных Славян.

Благодаря вечным степным тревогам и погромам, поколение за поколением уходило из жизни не оставив по себе никаких крепких следов. Сохранялось только имя, мало изменившееся в веках, изредка появлявшееся в записях Греков и восточных авторов и в христианскую эпоху (5 - 6 в.в.) высеченное на античных камнях Танаиды.

Таких данных достаточно для того, чтобы знать, что племенная основа нашего народа, так же как его имя, неизменно хранились на протяжении двух тысячелетий. Но это, к сожалению, все, чем на сегодняшний день нас одарили письменные источники и поэтому в нашей едрвней истории остается еще много пробелов. Их освещают шаг за шагом археологические открытия последник лет.

Историю народа надо изучать на той земле, где протекала его жизнь. Родная земля хранит свои предания, как неизменный центр, в котором от далекого прошлого сходятся все путеводные нити. Только родная земля открывает тайны прожитых столетий Они хранятся там и в затерявшейся среди песков старой монете, и в предметах погребального обряда, и в ржавых остатках боевого снаряжения и даже в черепке разбитого глиняного сосуда, пролежавшего тысячелетие в чернозёме между корешками степной травы. Только там можно надеяться на неожиданную встречу с записями высеченными на камнях, начертанными на бересте или на деревянных дощечках.

Все просвещенные народы выделяют крупные кадры учёных для исследования и изучения древних культур, упокоившихся в их странах. Им поручается, как можно глубже и шире докопаться до начальных корней народностей, возросших в политических границах их земли. Влечёт к этому непреодолимое и понятное стремление узнать, как можно основательней, прошедшую жизнь своего края, познать до тонкостей физический и

духовный склад своих предшественников, может быть для того, чтобы сравнить их с собою, познать причины радостей и бед, встреченных ими на длительных путях истории, наконец, познавать ради самого Знания, радостных открытий того, что было, что жило, что хранится еще в скрытых кое-где остатках этой былой жизни.

У нас, Казаков, тоже есть о чем пораспросить свои архивы, древние курганы — великаны, почву и подпочву родной земли. Но, к сожалению, они нам совсем недоступны. К нашей беде теперь в них роются чужие руки, а на все ценные находки смотрят чужие глаза. И в стране, где история — только политика, обращённая в прошлое, только верная слуга партийной идеологии, никакой "научный объективизм" не заставит эти чужие глаза видеть вещи без подсказки чужих же национальных и политических интересов. Вопросы нашей истории неизменно остаются в тени или направляются в ложное русло. Приходится её изучать по отрывочным сведениям разбросанным там и здесь в источниках соседей, уделять большое внимаание и тем народностям, которые когда-либо проживали в тесных связях с нашими предками, пользоваться исключительно вещевыми материальными данными советских научных трудов, поневоле оставляя без внимания большую часть их выводов.

Однако, даже при таких условиях, Казак — исследователь может найти в трудах чужих учёных не одну многообещающую встречу со свидетельствами о прошлой жизни его предков. Всё скрыть или всё представить в извращённом виде невозможно. К тому же в распоряжении наших историков имеется мало изменившееся племенное имя Косайи, Косахи, Касахи, Касаги и это — ценное национальное богатство, сохранявшееся до наших дней две тысячи лет.

Для систематического ознакомления с нашей многовековой, разнообразной и богатой событиями историей, её следует изучать по эпохам, границами которых служат особые события, врывающиеся в жизнь народа и в корне изменяющие её однообразное течение. Приход Турок на северные берега Чёрного моря также полностью нарушил соотношение сил, существовавшее там раньше, а в жизни Казаков создал новую эпоху. Основная тема этой книги — обзор исторических материалов по казачьей истории XVI столетия, но прежде чем приступить к её изложению, мне пришлось сделать неко-

торые добавления по содержанию первой **Книги о Казаках.** [4])

С тех пор, как она вышла из печати, прошло больше десяти лет. За эти годы на нашем книжном рынке появились десятки томов русского летописного и актового материала, опубликовано множество данных по археологии нашего края. Некоторые неразрешенные до селе вопросы осветили "Труды Волго-Донской Археологической Экспедиции" В трёх изданных томах (МИА 62. 75, 109) помещен изобильный фактический материал. В них М. И. Артамонов напечатал подробное исследование остатков донской крепости Саркела — Белой Вежи; О. А. Артамонова дала описание могильников её оседлого населения; антропологи В. В. Гинцбург, Л. Г. Вуич, Б. В. Фирштейн и Д. Г. Рохлин поместили отдельные статьи и таблицы с богатым кранеологическим материалом. Есть также статьи И. И. Ляпушкина по вопросам Салтово-Маяцкой археологической культуры и о Славянах на Дону в VIII веке, а кроме того и статьи других авторов о крепостных сооружениях, оружии и керамике Саркела. Там же С. А. Плетнева дала содержательную сводку материалов из курганных могил Торков с их Печенегами и Половцев. Её классификацию погребений приходится принимать с некоторым сомнением, но все вещевые данные из ее статьи представляют большой интерес. Богато сведениями и отдельное исследование того ж автора "От коччвий к городам" (Москва 1967).

Особого внимания заслуживат **История Хазар** М. И. Артамонова. Она во многом дополняет английский труд — Д. М. Данлоп, История Хазар — Иудеев (Нью Джерзи 1954). Стали мне доступны также: трактат Константина Багрянородного **Об управлении империей** и персидская география 982 года **Гудуд ал Алэм,** непревзойденный сборник сведений о народах, проживавших в IX-X веках на нашей земле.

Обнаружил её в Бухаре среди трёх других персидских трактатов капитан русской службы и ориенталист А. Г. Туманский в 1892 г. Первым было своего рода предисловие к географической карте; вторым — география, по мнению капитана Туманского, составленная в 949 г.; третьим был краткий трактат о музыке и четвертым — справочник имама Факр-и-Рази. Географический трактат назывался **Гудуд ал-Алэм.** Переводчик персидского текста географии на английский язык В. Ф. Минорский датирует её рукопись 982-м годом. Но совер-

[4]) Г. В. Губарёв, Книга о Казаках, Париж 1957

шенно очевидно, что её составитель руководствовался более ранними географическими сочинениями. Это следует хотя бы из того, что, например, кочевья Печенегов указаны им за Волгой и через Жигули (Печенежские горы) на юг от Оки к Верхнему Дону. А по Константину Багрянородному Казары совместно с Торками-Узами изгнали их оттуда не позднее 898 года. В. Ф. Минорский снабдил также свой перевод богатыми комментариями, к сожалению, в некоторых случаях очень сомнительными.

При ознакомлении с географией 982 года, в первую очередь приходится обратить внимание на особенности принятой в ней терминологии. Вот списанаие Чёрного моря: "Следующее море Грузинское (Гурзиян), которое называют Бантос. На его восточном берегу находятся земли ал Ланов; у его северных берегов — Печенеги, Казар, Казар, Мирват, Срединные Болгары и Саклаб; на его западных берегах — страна Буржан, а на южных — Рум"[5]). В комментариях поясяется, что древние считали Азовское море заливом моря Гурзиян или Пантоса, а потому его берега относили к нынешнему Чёрному морю; название Рум географ неизменно применяет к Византии, а Буржан к Болгарии. Упоминая Казар, переводчик в сносе замечает: "Это слово написано дважды", но персидского начертания этих слов в английском тексте не приводит, хотя это часто делает в других случаях, требующих пояснения. Такое неожиданное повторение вызывает вопрос: правильно ли переводчик прочитал последнюю букву в одном из названий "Казар"? Не было ли тут какоголибо "разночтения", при котором одно слово следовало бы считать не **Казар,** а **Казак?** В том случае, если рукопись была немного повреждена, это вполне возможно, очертания букв Р и К в персидско-арабском алфавите имеют нечто общее.

Удалось мне приобрести и 25 томов русских летописей, из которых особенно важен летописный свод В. Н. Татищева. В нём даны наиболее полные сведения о степных Черкасах — Чёрных Клобуках. Свод помещен в четырёх томах **Истории Российской.** Её автор — крупный сановник и один из наиболее образованных людей Петровско-Екатерининской эпохи. В его распоряжении оказалось много летописных и архивных списков, из которых некоторые после пропали. В этом смысле его работы ценит и современная нам русская историография:

---

[5]) Hudud al-Alam, A Persian Geography 982 A. D. London 1937, p. 53.

"В руках Татищева были такие списки летописей, которые до нашего времени не дошли". "Они погибли для науки безвозвратно и понятие о них даёт лишь **"История Российская".** Пропала, например, Раскольничья летопись, которая считается первоначальным списком Ипатьевской. Служили Татищеву также: Галицинский манускрипт, написанный "белорусским письмом", как видно, летописная хроника; Ростовская летопись, Иоакимовская летопись, Казанский и Астраханский архивы. Все эти источники не сохранились даже до XIX-го столетия. Понятие о них дает только летописный свод Татищева.

Татищев родился в 1686 г. Он был свидетелем казачьих выступлений против России с Булавиным и Мазепою и сохранял недоброжелательные чувства по отношению к Казакам всю жизнь. Тем большую ценность приобретает для нас каждый абзац его свода в тех местах, где он передает содержание источников, касающихся наших предков.

На столетие позднее увидел свет такой же кропотливый и обширный труд "Историческое описание Земли Войска Донского". Он, несомненно, принадлежит Казаку В. Д. Сухорукову, но прошел через контрольную проверку русских правительственных цензоров. Начало его, вероятно, уничтожено, автор не указан. И всё же эта книга может считаться одним из наиболее богатых сборников актовых и летописных сведений по казачьей истории XVI-XVIII вв. [6])

Некоторые данные с резонными соображениями о Чёрных Клобуках, Бродниках и Казаках встречаются в популярных книжках советских авторов Л. Н. Гумилева (Открытие Хазарии, Москва 1966) и Г. А. Фёдорова-Давыдова (Курганы, идолы, монеты. Москва 1968).

Не так давно корни казачьего рода пытался определить и немецкий исследователь Гюнтер Штоекль (Günter Stökl, Die Entstegung des Kosakentums München 1954). В своей книге он иногда цитирует выдержки из материалов, здесь нам недоступных, но сопровождает их многословными комментариями, основанными почти исключительно на устарелых соображениях русских и украинских историков, без учёта новостей археологии и ранних источников.

Может явиться вопрос: почему нам, в поисках исторической правды приходится постоянно обращаться к

---

[6]) М. Н. Тихомиров, О русских источниках «Истории Российской», в книге В. Н. Татищев, История Российская т. 1, стр. 47,41).

чужим источникам? Ясный ответ на этот вопрос дают развалины замков и городов, остатки поселений повсюду разбросанных на нашей земле. Теперь это груды камней и пласты бытовых остатков, где археологи находят предметы, не поддавшиеся уничтожению. Но кроме этих счастливцев в пожарах нашли свою гибель многие другие памятники, а среди них скрижали, хартии, записи. Погибли также свидетельства (всё равно на каком языке), которые теперь могли бы ответить на многие вопросы нашей истории. Письменных памятников не оставили по себе и такие могущественные народы, как Асы — Аланы и Казары, во владении которых находились подолгу и наши степи. Они исчезли бы без следа, так же как Кыпчаки — Половцы и Печенеги, если бы некоторые сведения о них не попали в записи оседлых соседей.

Из десятка народов, указанных на нашей земле древними географиями, сохранились одни Касаки — Казаки. Мы сумели остаться при жизни, несмотря на частые, буквально до чёрной земли, разгромы наших жилищ. Не удивительно, что после них нам приходится искать памятники своей древности в чужих архивах.

Казачье летописание началось в XI веке на Тамани. Монастырь Пресвятой Богородицы, где собрались грамотные монахи, погиб вместе со своими архивами. Но благодаря, пребывавшему там, киевскому эмигранту Великому Никону, фрагменты нашей летописи попали на страницы киевских анналов, уцелевших от огня и тления. Из них и можно узнать кое-что о расцвете Томаторканской казачьей государственности.

Так или иначе, те новые материалы, которые я изучил за последние годы, ничем не противоречат выводам, сделанным мною раньше и изложенным в моей первой "Книге о Казаках". Темы остаются прежними, а непрерывная исследовательская работа только расширяет и углубляет их. Ненарушим остаётся и главный вывод: Казаки — особое племя Степных Славян, возросшее на равнинах Северного Кавказа и впитавшее уже в начале нашей эры не только скифские племена, пришедшие туда с востока и юга, но и их имя **Касак,** известное истории со времен Страбона и мало изменившееся до наших дней.

Его варианты и теперь еще принадлежат некоторым скифским остаткам: 1) Нашим дальним родственникам по Торкам-Касакам, Казакам-Туранцам, живущим в закавказской области и известным по всему свету ручной выработкой художественных казачьих ков-

ров; 2) Кайсакам, которых раньше ошибочно отождествляли с Киргизами, а теперь от них отделили и называют Казахами.

Носят то же имя и Славяно-Казаки. Оно стало известно истории от времен Страбона, как производное от общего имени Азиатских Скифов — Саков. Возникнув у Туранцев, оно укрепилось в понятиях Персов. Иосафат Барбаро, путешественник и автор XV века говорит, что у Персов и скифский кафтан назывался в его время "Казак". Не знаю, каким словарём пользовался старинн русский автор А. Попов, опубликовавший в 1814-16 г.г. "История о Донском Войске", но он там на стр. 111 утверждал, что на персидском языке "Казак значит Скифа".

Это не единственные случаи, когда понятие Скифия — Скуфь переплетается с нашим именем. Теперь оно принадлежит трем, казалось бы, совсём различным народам, но за завесой двух тысячелетий можно было бы поискать и племенного родства между ними. Судьба разбросала Скифов — Саков по большим пространствам, поставила между ними высокие горы, пустыни, моря и реки, в веках произошли многие изменения и только нациснальное имя сохранилось почти неизменно: все — Казаки!

Между Степными Славянами казачье имя укоренилось тем легче, что они и сами оказались среди народов Скифии. Персы и Греки знали землю Касак — Касахию там, где находилась часть Восточной Скифии, где указывают её и киевские летописцы, а по ним и по греческим данным в Приазовской Скифии Макарьевские Четьи Минеи помещают народ языка славянского.

Новейшие открытия археологии подробно осветили процессы перемещения степных племён, их взаимного "внедрения", слияния и метисаций. Благодаря этому многие гипотезы, построенные на вероятности, обратились теперь в обоснованные теории. Яснее стала и проблема образования славяно-казачьей народности. Мысли высказанные мною в "Книге о Казаках" нашли свое подтверждение. К этой теме, имеющей первоклассное значение для нашей истории, приходится возвращаться и здесь. За прошедшее столетие в казачьей истории скопилось много предвзятостей. По пути к Истине приходится неоднократно подчёркивать одни и те же факты, упоминать те же явления, совершенно очевидные, но непривычные.

РАЗДЕЛ I

ДРЕВНОСТИ НАШЕЙ ЗЕМЛИ

Глава первая

КАСАКИ

От пятого века старой эры географы называли разноплеменное население Кавказа, Средней Азии и Турана Скифами Азиатскими. Это имя всёже применялось к ним условно, так как каждый из проживавших там народов имел свое племенное название и в объединённом скифском политическом массиве не состоял. Так, в Персидском царстве северных соседей знали, как независимых **Саков** и это имя от Персов стало известно Грекам, которые изменили его, сообразно со своим произношением, в **Сахи** и даже **в Сайхи.** Именно таким оно встречается в Географии Страбона. В закавказском междуречьи Куры и Аракса, где в начале первого века по Р. Хр. их указал Страбон, находилась и область Саков — Сакасена. Там "повыше Мидии" проживали, по его словам, воины-лучники Коссахи, беспокоившие соседний Иран частыми набегами. Но если их национальная область называлась Сакасена, то и имя этих воинов следует произносить по персидски **Сака,** а не по ыречески **Сайха.** Как и у Страбона, оно закрепилось в веках вместе с приставкой **Кос** — **Коссака.** В название Кавказа слово **Кос,** обозначавшее в скифском языке белый цвет, тоже вошло составной частью (Кау-кос, скифское — от снега белый), а наше основное имя **КосСака** благодаря ему приобрело расширенный смысл **— Белые Саки.** У Татищева читаем: "Далее есть народ скифский. Персы их всех Саками называли, а древние Арамеями, они же Персов зовут Харсарами, а Кавказскую гору Грауказом, т. е. Белою от покрывающего снега (Татары ныне зовут Белым).[1])

С другой стороны, не только **Кос-Сака,** но и **Ка-Сака** имеют свою этимологию. Слова "Ка" и "Кай" на

[1]) История Российская т. 1, стр. 166

многих языках имеют значение "горный", "высший", "главный", "великий".[2]) После Страбона повсюду в греческих и персидских источниках появляется именно "Касакос", "Кассак", а не "Косссак", остатки же Закавказских Саков издавна до наших дней называются Муганскими Казаками. В восьмом веке на реке Куре уже стоял город Казах, названный по их имени.

Закавказские Касаки не оставались неподвижно в Сакасене. Исторические памятники, а особенно археология, указывают пути их продвижения к северу. Правда, эти указания разделены одно от другого долгими промежутками времени, но такие перерывы произошли по той причине, что своих записей в хрониках они не вели, а в чужие — попадали лишь от случая до случая. Непрерывность сохранялась только в их имени и в особом обряде погребения, расставившем вехи по всему их многовековому пути. Погребения Касаков изменялись из века в век весьма незначительными подробностями. Мало изменилось за две тысячи лет и их имя: вначале — **Кассайхи** в Сакасене, и затем **Касакос,** высеченное в античную эпоху на каменных и мраморных памятниках Танаиды (Подонья), наконец, **Касахия,** как Константин Багрянородный называет новое место поселения Касаков на Северном Кавказе, и **Земля Касак,** точное положение которой указано в персидской географии 982 года "Гудуд ал-Алэм".

Но в некоторых случаях, ранние западные географы называют Касаков их первоначальным именем **Саки.** Например, в географии Птоломея (II в. по Р. Хр.) Сакани указааны в северо-восточной части Кавказа, при одном из отрогов горного хребта рядом с Сербиями и недалеко от Прикаспийских Удзов. В Сагинах Прокопия Кесарийского, вероятно тоже следует видеть Саков. Он указывает их в VI веке приблизительно там же, где Багрянородный помещает свою Касахию.

Передвинувшись от границ Мидии за Кубань и Терек, племена Сакинов-Касаков стали на Северном Кавказе своими людьми, общались со Славянами Приазовья и частично "внедрялись" в их среду. С ними вместе распространялось и их имя, постепенно покрывая всё больше племен Меотиды и обратившееся там в название края.

Ввиду того, что Страбон записал его первоначаль-

2) Г. В. Губарёв, Книга о Казаках, стр. 26-29; В. Н. Татищев, История Российская т. I, стр. 365: у Монголов «кан значит высший»; Константин Багрянородный, Об упр. империей, стр. 188: катархонт — главный князь, великий князь.

ную форму в первые годы новой эры, можно с полным основанием считать, что Казаки стали историческим народом точно во время Кроткого Иисуса из Назарета, Воплощённого Бога-Слова.

Естественно, что Касаками могли называться и некоторые другие племена, населявшие в древние времена Туранские степи и Среднюю Азию и каким-либо образом связанные с Саками. Это мы видим и теперь на примере Казахов, наших родственников, если не по крови, то по имени. Выводы русского автора прошлого столетия А. И. Левшина (1799-1879) находим на этот счет в книге И. П. Буданова:

"Большая часть русских писателей, — говорит Левшин, — полагает, что первые Казаки произошли или составились у Татар, что у них же родилось название "Казак" и от них перешло ко всем отраслям прежде бывших и ныне существующих Казаков. Мысль сию, к которой мы уже привыкли, опровергают восточные историки, утверждая, что Казаки составляли самостоятельный и независимый народ в отдаленнейших веках нашего летоисчесления. Некоторые даже относят их существование далее Р. Х." "Фердевси или Фердуси", — продолжает Левшин, — живший около 1020 года, т. е. за два столетия до появления Монголо-Татар на Западе, в истории Рустема упоминает о народе Казаках и ханах казакских. Из сочинений его и д р е в н е й ш и х летописей персидских (собранных при династии Сасанидов, существовавшей с 136 до 632 гг. н. э.), которыми он пользовался, известно, что Казаки древние, подобно позднейшим, прославили свое имя грабежами и набегами, что главное оружие их было копья и что по сему в Азии начали называть их именем всякую толпу наездников, вооруженную копьями и занимавшуюся ремеслом подлинных Казаков, т. е. разбоями и нападениями на соседственные земли".

Разбои и "нападения на соседственные земли" — явление общее для Средних веков и у всех народов. Норманны, рыцари Крестоносцы и сами Русы тоже не были святыми. Страбон исчерпывающе объяснил, почему к его времени наши предки стали воинами: "Все время они проводят в набегах, потому что сами владеют страной малой и неурожайной. Они вынуждены питать-

---

3) И. П. Буданов, Дон и Москва кн. III, стр. 61, 62. Название источника не указано, но в других местах упоминается книга: Левшин, Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей ч. I.

ся с добычи взятой от других племен и по необходимости стали сильным народом, так как каждый из них воин". Такой образ жизни обратился в национальную традицию и Казаки следовали ей многие века, особенно при наличии враждебного окружения. Археологические памятники связывают Касаков по погребальному обряду и по материальной культуре с другими племенами, переселившимися из Закавказья на Кубань и ближе к Дону. Наиболее отчётливые связи у них обнаруживаются с Сираками, Удзами и Торетами.

Все эти народы, включая в их число и Закавказских Касаков, принадлежали к туранской этнической основе, а у Персов для Туранцев было принято общее наименование Торки, т. е. такое же, какое у них теперь сохранилось для Турок. Это имя стало известным и на Руси, но летописцы пользовались им в качестве племенного названия, наравне с Печенегами и Берендеями. Возможно, что в Киеве под именем Торков вначале, по персидскому примеру, объединяли несколько туранских племён, а так как они мало отличались друг от друга, их стали считать одним народом.

Общее прозвище **Торки** пришло на Северный Кавказ, на Дон и на Днепр вместе с переселенцами от персидских границ. В основе все они были Туранцами и, следовательно, в каждом случае к этим народам применимо имя **Торки.** В первую очередь оно относилось к Сиракам, Удзам и Касакам (Коссакам), до того времени, пока они не слились со Славянами. А процессы их слияния начавшись на Северном Кавказе продолжались до XI века по всей обширной Томаторканской державе. Торки-Сираки, Торки-Удзы и Торки-Касаки смешались с Приазовскими и Подонскими Славянами и сбразовали казачью народность. Часть их, попавшая на Днепр в качестве Торков — Чёрных Клобуков, осталась по крови более туранской, но благодаря двухвековой жизни по городам Киевской Руси прошла сплошную славянизацию и также приняла имя одного из своих наиболее значительных племен — **Казаков.**

Глава вторая

СИРАКИНЫ

Страбон пишет: "Аорсы и Сираки, как предполагают, были выходцами из горных племен того же имени и Аорсы более северные, чем Сираки".[1]) К его времени, т. е. к началу новой эры, последние уже больше ста лет кочевали между Кубанью и Манычем. Там же они основали свою столицу, город У с п а, местоположение которого ещё не определено археологически. Птоломей (II век по Р. Хр.) указывает Сиракинов ближе к Дону.

Страбон в своей Географии вспоминает их дважды и оба раза вместе с Аорсами. Однако, по мнению русско-американского археолога М. И. Ростовцева, Сираки и Аорсы были народами разного происхождения: "Сираки принадлежали к иному племенному корню, — пишет проф. Ростовцев, — от Аорсов и Аланов им приходилось оборонять свою независимость. Племена их имени встречались и в Гиркании, на южном побережье Каспийского моря, а частично и в Армении около той группы Саков, которая продвинулась в степи Северного Кавказа во время их крупной миграции. Они могли появиться здесь тогда же, когда Аорсы пришли с севера".[2])

Разноплеменные народы Азиатской Скифии, а среди них и Сака, в последние века старой эры находились в постоянном движении и историей засвидетельствованы некоторые из их больших переселений. Об одном из них упоминает английский историк В. В. Тарн: "В 135 году до Р. Хр. началось великое передвижение закаспийских племен. Массагеты и Сакарауки нахлынули в Бактрию и Парфию. В Малой Азии они продвинулись за реку Тигр и, повидимому, именно в это время часть из них заняла в Закавказье Сакасену".[3])

Судя по археологическим данным, приблизительно в то же время началось и **переселение закавказских** племён. Их волны одна за другой ушли на Северный Кавказ, где вместе с ними появились погребения человека с одним конём, однотипные с закавказскими. Погребе-

---

[1]) The Geography of Strabo, London - New York 1932.

[2]) M. Rostovtzeff, The Sarmatae and Parthians, Cambridge Ancient History v. XI.

[3]) W. W. Tarn, Parthia. Camb. Anc. Hist. IX.

ния этого типа появляются на Кубани в более или менее установленную археологией эпоху прихода туда Сираков (II век до Р. Хр.). Раньше погребения с лошадьми сохраняли здесь староскифские особенности: в могилу одного покойника укладывалось несколько лошадей, а с приходом Сираков и других Торков всё шире распространяется закавказский обряд, при котором "кладётся только одна лошадь и только с воином".[4]) Описание таких могил приводит археолог Н. В. Анфимов: "В материке вырывалась могильная яма (колодец) глубиной 1,65 — 1,75 м. В одной из ее продольных стен (чаще в северной) делалась путём подбоя камера длиной 1,60 — 2,00 метра и высотой более 1,00 метра. Дно камеры углублялось по сравнению с дном колодца на 0,40 — 0,75, образуя своего рода ступеньку. В камеру помещался покойник вместе с инвентарём. Закрывалось ли чем нибудь отверстие камеры, осталось не выясненным. Во всяком случае следы заклада ни разу прослежены не были. После погребения покойника, в могильную яму помещали тушу убитого животного и могилу засыпали".[5]) Покойника и его лошадь укладывали преимущественно головой на запад.В инвентаре погребения среди бытовых предметов находилось оружие и украшения для конской сбруи. Профессор Ростовцев особенное внимание уделяет серебряным и золотым наборам — "фалерам": "Эти фалеры, — пишет он, — вместе с драгоценными камнями, найденными при них, дают по стилю и сюжету такое подобие более ранних произведений греко-сакского искусства, что в людях их употреблявших приходится видеть именно ту среду, для которой Греки создали особенное искусство, приспособленное ко вкусу Саков и родственное раннему искусству парфянскому. В Южной России эти греко-сакские фалеры появились, очевидно, вместе с Сираками и уже от них распространились они вдоль северных берегов Чёрного моря".[6])

Погребения с одним конём появились именно там, где по Плинию и Птоломею поселились Сираки, Удзы и Касаки, т. е. племена Торков, после их переселения с юга. Не напрасно один из археологов подчёркивает:

---

[4]) Н. В. Анфимов, Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья, МИА 23, стр. 146.

[5]) Н. В. Анфимов, Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, МИА 23, стр. 191.

[6]) M. Rostovtzeff, The Sarmatae and Parthians, Camb. Anc. Hist. v. XI.

"Необходимо помнить, что именно в Закавказье мы имеем наиболее ранние захоронения с конём".[7])

На переломе двух эр Сираки принимали заметное участие в жизни Царства Боспорского. Они были союзниками царя Фарнака в его борьбе с Римом, а после того как он пал (47 год по Р. Хр.), оставались сторонниками других потомков Митридата Евпатора. При римском императоре Клавдии (47 — 54 г.г. новой эры) Сираки вместе с Местами поддерживали противника Римлян и нового претендента на боспорский трон Митридата VI. В это время они проживали вдоль берегов реки Ахардей (предположительно река Егорлык) и на правом берегу Кубани. На век позднее они передвинулись к Нижнему Дону. Теперь же, изгнав Дандариев, живших на Тамани, Сираки готовы были напасть на столицу Боспора Пантикапей (Керчь). Однако римские войска двинулись на них от черноморского побережья, а ставленники Рима, боспорские цари Аквила и Котис упрочили свой союз с Евноном главой Аорсов и заручились его обещанием угрожать Сиракам с севера. Митридат VI и его союзники имели против себя сильных противников. Одних Аорсов было раз в десять больше, чем Сираков. Положение для последних складывалось безнадёжно. Римская пехота и конница заняли низовья Кубани и штурмовали столицу Успу, предав ее огню и мечу. Сиракинский царь Зорсин принужден был просить мира и выслать заложников, а претендент Митридат перебежал к Аорсам и через них повёл переговоры о почётном плене.[8])

Это один из знакомых истории моментов, определяющий политические отношения Сиракинов и территорию их кочевий в начале нашей эры.

В конце II века они, очевидно, должны были подчиниться власти боспорских царей. Надпись этого времени, обнаруженная в Танаисе, прославляет Савромата II, который, "покорив Сирахов и Скифов и подчинив по договору Таврику, сделал море у берегов Понта и Вифинии свободным для мореплавателей".[9]) Краткая надпись говорящая о многом! Из нее следует, что жители Приазовья Сиракины и Скифо-Меоты, морские по-

---

[7]) Е. И. Крупнов, Киммерийцы на Северном Кавказе, МИА 68, стр. 188.

[8]) Cambridge Ancient History v. X, p. 753.

[9]) П. С. Карышковский, Лев Диакон о Тмутараканской Руси. Визант. Времен. XVII, 1960, стр. 45.

ходы которых описал ещё Страбон, до этого времени постоянно угрожали с моря Малой Азии.[10])

После того, как Римляне в первой половине III века увели свои гарнизоны с Тамани, Северным Кавказом овладело могущественное гото-скандинавское племя Асаланов или Танаитов. Они упрочились на Дону ещё в первом веке нашей эры, а теперь распространились дальше на юг, где к этому времени значительная часть Сираков перешла к оседлости. Уже Страбон отмечал о Сираках, что проживая в прикубанских степях, "одни из них кочуют, а другие живут в хатах и занимаются земледелием".[11]) О том же говорят и данные археологии. Одновременно с этим происходило смешивание с аборигенами. Эти процессы метисации иногда называют "внедрением Сираков в среду Меотов". Географ Птоломей уже во втором веке нашей эры знает на Северо-западном Кавказе особый народ Метисов.

Подчинившись власти Танаитов и живя в одних политических границах с другими северо-кавказскими племенами, Сираки основательно породнились с местными Славяно-Меотами, и с иными соседями, Касаками, Удзами и Торетами. Их частное имя от третьего века в источниках уже не упоминается. На Северном Кавказе к этому времени все племенные наименования поглащаются политическим прозвищем **Аланы.** Не поддалися этой инновации только племена Касаков. И под властью Танаитов они сохранили не только свое племенное имя, но и название своего края. Персидская география 982-го года упоминает его в качестве подчиненной Аланам **Земли Касак.**

Долго ещё появлялось в источниках и другое этническое наименование **Торки.** Как и в самом начале, оно оставалось общим для всех бывших Закавказцев. Предполагать, что Сираки погибли, поголовно уничтоженные Танаитами, нет данных. Смешавшись с соседями, они скорее потеряли свое национальное лицо и после попадали в источники, как **Торки.** Их продолжали, как видно, считать Туранцами, хотя и они и их соседи постепенно превращались в очевидный турано-славянский сплав с однообразным бытом и почти одинаковым обрядом погребения.

---

[10]) Г. Губарёв, Книга о Казаках, стр. 36

[11]) Страбон, География XI, 2. 1

Глава третья

ТОРЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Ближайшими соседями Сираков по северо-кавказской степи были Тореты. Они вспоминаются в титуле боспорского царя Аспурга (23 года по Р. Хр.).[1]) С другой стороны к земле Сираков у Терека примыкали кочевья Удзов и Утцов. Здесь они указаны греческими географами I и II веков Плинием Старшим и Птоломеем.[2]) Все они, появившись в этих памятниках, потом исчезают как будто бы навсегда, но только в том случае, если их не узнать, как старых знакомых, в племенах Торков-Удзов. Древние авторы потеряли их из виду в III - IV веках, а появляются они снова в комплексе Узов-Торков на страницах источников IX-X столетий. Получается разрыв в пять веков. Его невозможно было бы заполнить без помощи археологии, которая обнаружила особый и общий для них обряд погребения с конем. Этот род могил служил надёжным свидетелем неугасавшей племенной жизни Сираков, Касаков, Торетов и Удзов и для того времени, когда о них молчат другие исторические памятники. Появившись теперь в Прикаспии, они точно указывают очередной этап переселения всех Удзов-Торков с Кавказа через Заволжье на последующие донские и донецкие кочевья, где такие же погребения появятся в начале десятого века.

А на Сев. Кавказе этот похоронный обряд стал угасать с постепенным переходом кочевников к оседлости. В V веке он исчезает здесь совершенно, но зато появляется в курганах за Нижней Волгой и оттуда распространяется до Среднего Яика. По словам одного из археологов:

> В оренбургских степях мы имеем позднекочевнические погребения близкие по деталям обряда быковским и другим заволжским погребениям. Они были, например, исследованы Б. Н. Граковым под Ориенбургом у посёлка Нежинского. С. А. Кравцова Гракова,, опубликовавшая эти погребения, сопоставила их с кочевническими погребени-

---

[1]) Византийский Временник т.XVII 1960, стр. 45

[2]) Плиний, Естественная история VI, 38; Птоломей, География V, 8. 17.

ями южно-русских степей и связала их с Торками.[3])

Таким образом, без риска ошибиться, можно признать в людях, хоронивших в Заволжьи своих покойников с конём, тех же Сиракинов, Касаков, Торетов и Удзов, перекочевавших сюда на новый юрт.

Наиболее вероятной причиной такой перекочёвки следовало бы считать насильственное выселение их из степей Сев. Кавказа, вскоре после крушения Аланской империи под ударами Гуннов в конце четвертого века. Совершенно понятно, что завоеватели Гунны и бывшие с ними Болгары отбирали в свое пользование самые богатые пастбища, самые плодородные области. А какая область нашего степного юга могла сравняться с торговым побережьем Азовского моря и Нижнего Дона, где воды изобиловали рыбой, тучные чернозёмы приносили богатые урожаи хлебов, а широкие просторы пастбищ поростали густым разнотравием.

Прежним владельцам степей теперь здесь места не было. Ограбленные завоевателями, оставив победителям лучший скот и лучших лошадей, Сираки, Косаки, Удзы и Тореты должны были уйти на восток за Волгу, куда перенесли с собою прежнюю домашнюю утварь, старые обычаи и привычные обряды. Так и появились за Волгой погребения с конё, с кавказским оружием и кавказскими предметами мирного быта.

В Поволжье, как и на Кавказе, ориентировка покойников вначале не отличается однообразием, но со временем сводится к единой-западной. Так же как и там для покойника сооружали поместительную боковую камеру или подбой, если плотный грунт позволял это. Подбой устраивался ниже дна могилы и таким образом конь лежал как бы на приступке, головой к голове покойника и обязательно с левой от него стороны, будто бы для того, чтобы его хозяин, как и при жизни, мог вскочить в седло, вложивши в стремя левую ногу.

Это были основные и общие с кавказскими черты погребений на новых местах. Отклонения в деталях от основной формы, как например, бесподбойная могила или конское чучело, вместо целой туши коня, не нарушали идейной целости обряда. Шёл век за веком, эпоха сменялась эпохой, изменялась окружающая обстановка, менялись экономические возможности, менялись взгляды. Проживая спокойно на тучных **пастбищах Предкавказья,** богатый кочевник мог не считаться с по-

---

[3]) К. Ф. Смирнов, Быковские курганы, МИА 78, стр. 268

терей всей съедобной конской туши. Он и клал её целиком в могилу родича. Но после гуннского разорения (375-380 гг.), тот же Удзин или Касак, лишённый стад и табунов, должен был сберегать мясо погребального коня для угощения участников общей тризны. Поэтому он начал укладывать вместе с покойником лишь несъедобные части, голову, ноги с копытами и шкуру с хвостом, набив её сеном. В более поздних погребениях такая имитация коня встречается очень часто. После шестого века, когда на Поволжье установилась власть казарских Хаканов, Торки остались на старых кочевьях или поселились в новой столице — Ателе. Это следует из замечания Араба Масуди о погребениях язычников: "Что касается язычников, то на его территории они имеются разного рода, включая Сакалибов и Русь. Они проживают на одном из двух берегов в этом городе, а хоронят своих покойников вместе с их лошадьми, оружием и личными украшениями".[4])

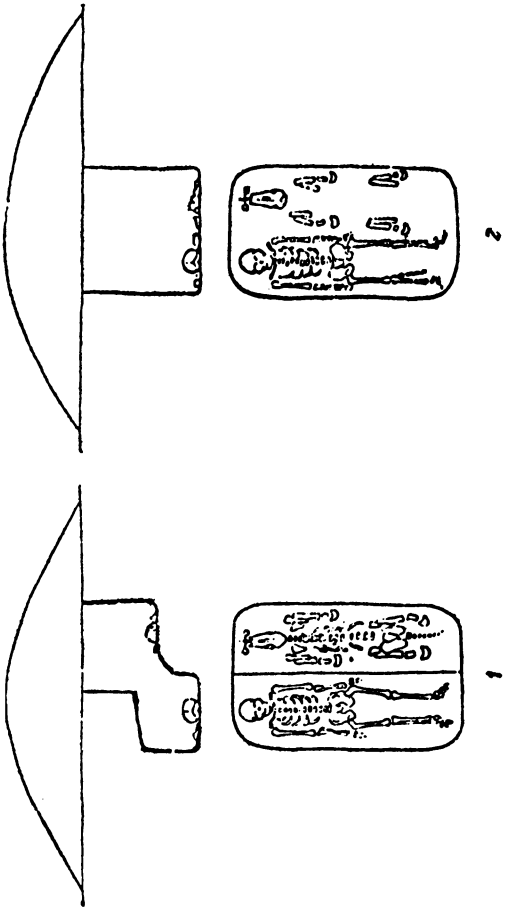
Русские археологи А. А. Спицын, В. А. Городцов, Л. П. Зяблин, С. А. Кривцова Гракова, К. Ф Смирнов, Н. Д. Мец, считают принадлежащими Торкам и погребения с целой тушей и с конским чучелом, но, например, Н. Д. Мец считает последние наиболее характерными для Торков, особенно если головы взнузданы одночленными удилами, старинного кавказского образца. Это "четырехгранный, слегка изогнутый прут длиной 14-15 см., с концами согнутыми в петли, в которые вдеты кольца диаметром 5-6 см".[5]) Он называет их удилами без перегиба. Так или иначе, подобный тип погребений встречается в Поволжье между V и IX веками, после чего ими отмечен дальнейший путь Удзов-Торков от Волги до Нижнего Днепра, через Дон и Донец, где осталась широкая полоса "торческих" курганов. Они теперь раскопаны во множестве.

Археология не может дать ответ, к какому этническому корню принадлежали Узы-Торки. Относительно их языка тоже ничего определенного неизвестно. Единственным указанием в этом смысле может послужить скифо-сакская основа, к которой их относит историография. До перекочевки на Кавказ их жизнь долго связывалась с Туранской низменностью, где господствовали смешанные тюркско-иранские диалекты. Английский историк В. В. Тарн предполагает, что язык Саков сле-

---

[4]) Д. М. Данлоп, История Казар — Иудеев, стр. 201

[5]) Н. Д. Мец, К вопросу о Торках. КСИИМК вып. XXIII 1948

Два типа торческих погребений

1. Подбойнсе с целой тушей. 2. Бесподбойное с чучелом коня.

довало бы считать северо-иранским диалектом, который усвоил и некоторые элементы тюркские. Многовековое сожительство с Меотами и Аланами, пребывание в близких связях с населением Казарии также должны были наложить основательный отпечаток на речь Узов-Торков, насытив ее славянскими и алано-готскими словами. Во всяком случае, к десятому веку имени Торков было придано скандинавское значение по Тору — языческому богу грома и молнии. Когда они в одиннадцатом веке пришли на Днепр, им сопутствовали Берендеи, а Берен дий или Перун див — тот же бог грома и молнии, но у Славян. Следовательно внутренний смысл этих двух однозначных имен зародился одновременно в алано-

скандинавской и в славянской среде, в каких-то, пока не выясненных процессах взаимных влияний.

В Киеве Торков и Берендеев наделили общим прозвищем **Черные Клобуки** или **Черкасы.** Узов русские летописцы не знали. В московски хактах 1501 г. вспоминается личное имя Азовского Казака Узь Черкас, а в Никоновской летописи, он значится, как Угуз-Черкас.

Персидский географ десятого века в книге "Гудут ал-Алэм" Торков не вспоминает. Для него **Торк, Торкайе** — понятие черезчур широкое и неточное. Так в Персии называли всех Тюрков и Туранцев. Область наибольшего распространения на Сев. Кавказе Касаков и Сиракинов он обозначил, как **Землю Касак,** по племенному названию, хорошо знакомому Персам. Его современник Константин Багрянородный тоже не вспомнил Торков в своем трактате. Он называл Турками Мадьяров, а для бывших Закавказцев избрал одно из их племенных имен **Удзы,** которое в его начертании обратилось в **Узы.** Не обошел он молчанием и Землю Касак, назвав её по своему Касахией.

---

6) ПСРЛ т. XII, стр. 253

Глава четвертая

СЛАВЯНЕ НА КАЗАЧЬЕЙ ЗЕМЛЕ

Время появления Славян на Дону и в Приазовье вопрос для казачьей истории весьма существенный по той причине, что при образовании нашей народности на исконно казачьей земле преобладающими оказались именно славянские этнические основы и славянский язык. Они полностью восторжествовали над туранo-скифской сущностью наших предков Касаков. Обследовать этот вопрос в полном его объеме мы пока лишены возможности, т. к. в нынешних условиях не имеем доступа ко многим историческим и археологическим памятникам. Но за последние годы заграницу просочилось достаточное количество материалов, позволяющих несколько расширить освещение темы о степных и Кавказских Славянах, которым в первой "Книге о Казаках" уделено мало внимания.

Теперь в советской исторической науке укрепляется мнение, по существу, весьма шаткое, что Восточные Славяне от ранних, чуть ли не доисторических, времен составляли единый расовый монолит, пребывавший в областях распространения Зарубинецкой, Черняховской и Пшеворской археологических культур, т. е. между Верхним Донцом, Карпатами и рекой Эльбой. По мнению Русских, они могли появиться во всех местах своего окончательного рассеяния только оттуда.

Однако, в прошлом веке некоторые русские историки, среди которых оказался и Донской Казак Д. И. Иловайский, полагали, что Славяне жили на Дону с глубокой древности, обосновавшись там в период переселения их в Европу из азиатской прародины. Эта мудрая теория подкрашивалась немудрым утверждением, что именно у нас на Дону находился один из древнейших центров русской государственности — Приазовская Русь и что на этом основании Россия имеет исторические права и на Дон и на Приазовье. Как увидим дальше, считать Дон и Приазовье центром Русской государственности можно только при наличии очень богатой фантазии, но такая идея всё же нашла сочувствие и у некоторых русских историков нашего времени. Из них особенно горячий ревнитель Б. А. Рыбаков, изобрёвший "степную культуру русских дружинников" в Черноморских степях. Сильно грешит против объективности и русско-американский профессор Г. В. Вернадский, от-

крывший Русь на Тамани при помощи одного осетинского словаря. Они оба с завидным рвением укладывают в Прокрустово ложе своих теорий все сведения о нашей земле.

Однако, старинное мнение о проживании Славян на Дону и у берегов Азовского моря имеет ряд положительных оснований, с тем только, что эти Славяне никогда не назывались Русами. В начале нашей эры, когда Боспор Киммерийский принадлежал ещё Римлянам, степные Славяне приобрели от них прозвание "Северы" — "отделившиеся". Такое название получилось от латинского separare, как английское to sever — "отделять, отделяться". Под таким именем они значатся на Кавказе у Плиния Старшего (I в. по Р. Хр.), Птоломей же (II в. н. эры) указывает там же Сервиев и Суаров, наиболее близких им по имени. В VI в. Прокопий Кесарийский переводит их имя на греческий язык с тем же названием: "Споры" — "рассеянные, разделившиеся". Тогда же часть из них появилась на Дунае, как Сервии и Северы, а от десятого века русские летописцы начинают упоминать все чаще Северян, появившихся на Северском Донце и на Десне.

Судьбы Северов-Споров, задержавшихся на Сев. Кавказе, из века в век связаны со скифскими осколками Касаками, Сиракинами, Торетами и Удзами в такой же мере как с Аланами-Танаитами, Приазовскими Болгарами и, наконец, с Казарами. Их материальная культура неотделима от общего комплекса этих народов и по своим специфическим степным чертам, во многом отличается от культур других Славян. Остатки их поселений в своем большинстве лишены "славянского своеобразия", возникшего в лесах и привычного для русских археологов. Степные Славяне жили среди иноплеменных народов общей с ними жизнью. Остальными Славянами их связывало только отдалённое и полузабытое родство.

Чешский славист Л. Нидерле, ссылаясь на восточных авторов IX и X веков, делает заключение, что на Дону и на Северном Кавказе славянские колонии существовали уже в VI веке; поэтому Ибн Хордабе (средина IX в.) называет Дон "славянской" рекой, а Масуди на век позднее говорит, что берега Дона издавна заселены

---

[1]) Б. А. Рыбаков, Древние Русы. Сов. Археология XVII, М. 1953, стр. 53 сл.

[2]) The Origin of Russia by George Vernardsky, Oxford 1959.

многочисленными славянскими народами.[3]) Кроме этого Масуди сообщал, что "Русь и Славяне составляют войско и прислугу хазарского царя,[4]) а в описании славянских земель ал Бекри, основанном на донесении еврейского купца из Испании Ибрагима бен Якуба (965-66), между "северными народами, говорившими по-славянски указаны и казары"[5]). Из этого однако не следует, что все Казары знали славянский яык. Слишком уж разнообразен был племенной состав их государства, но, как видно, люди говорившие по-славянски, встречались там очень часто. Поэтому слова Великих Четьи Миней о Казарах, как о скифском народе славянского языка, считать неожиданными не приходится.[6]) Д. И. Иловайский настойчиво отстаивал мнение, что Болгары были славянизированы уже во время проживания в Приазовье. Филолог Н. А. Мещерский предполагает, что некоторые из первых переводов с греческого и еврейских языков на — славянский исполнены где-то в Казарии или, как он говорит, "в месте, где бы чувствовалось воздействие хазарской стихии". в одной из своих статей он пишет:

> "Некоторые языковые особенности указанных переводных памятников, как нами отмечалось в ряде работ, также могут быть признаны свидетельствами о связи их с Хазарской землей. Но если в Хазарском каганате иудейство являлось господствующим вероисповеданием, то ещё раньше в нём распространилось христианство, оно поддерживалось там в течение последующих периодов тесным общением с византийской церковью. Среди христианских подданных хазарского кагана несомненн, было очень много Славян, и едва ли славянский язык не был в результате этого своеобразия общим письменным языком для всего населения каганата в последнее столетие его существования"[7]).

Советский славяновед П. Н. Третьяков решился по тому же вопросу сделать только осторожное заключение: "Следует повидимому различать два периода сла-

---

[3]) Л. Нидерле, Славянские древности, Москва 1956, стр. 152, 153

[4]) М. И. Артоманов, История Хазар, стр. 383

[5]) The Origin of Russia by G. Vernardsky, p. 94.

[6]) Книга о Казаках, стр. 45, 46

[7]) Н. А. Мещерский, Византийско-славянские литературные связи. Визант. Временник т. XVII, стр. 68

вянского проникновения на юго-восток: раннее и позднее, границей между которыми было время VIII-IX в.в."[8]) Конечно, должно говорить не о проникновении с севера, а о двух эпохах пребывания на юго-востоке. Так или иначе, а Северный Кавказ пока что остается бесспорным этапом продвижения народов из азиатской прародины в европейские страны.

Но все же предложенный П. Н. Третьяковым рубеж вполне приемлем и для казачьей истории. Начало восьмого столетия, действительно, делит её изучение на два периода, из которых первый не богат письменными источниками и может быть несколько освещён только при сочетании их с археологическими открытиями последних лет. Второй же период, начиная от восьмого века, постепенно обогащается писанными источниками и приводит к более широким научным горизонтам.

Однако и в первом периоде, наряду с редкими известиями о Сервиях, Северах, Спорах, Сварах (Суарах), исторические памятники сохранили для нашей земли названия, в которых обнаруживается славянский смысл. Например, по Страбону в Меотиде — Приазовье проживало племя Ситакенов (жителей ситовья, камышевых зарослей); у ряда авторов первых веков нашей эры встречается река Бог, вливающая свои воды в Боспор Киммерийский, поселение Цепи,[9]) при выходе из Таманского залива, затем склад товаров Кремни недалеко от Сиваша, который у Птоломея назван по славянски **Бычьим озером** (Byces Lacus), что выглядит сродни соседнему греко-латинскому названию Bosporus — Бычий Проход. У Константина Богрянородного встречаются: совершенно славянское название острова, расположенного против Керчи — Царьпаганин, очевидно того, где у моря на вершине холма по Страбону стоял монумент Сатира; другой остров ближе к Чёрному морю тогда назывался **Атех** (по казачьи "сток" — остров); **Укруг** (по нашему — вокруг, кругом) название кубанской дельты, которая отделяла Тамань от материка и одним устьем выходила в Азовское море, а другим **Бурликом** — в Чёрное.

Это, конечно, редкие и разрозненные славянские

---

8) П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, Москва 1953, стр. 253

9) Не имея в своем языке звука Ц, Греки пишут это название как «Кепы», также как Сикилия, вместо Сицилия или Киклада, вместо Циклады.

10) Об управлении Империей, стр. 189

11) Страбон, 11. 2. 7

названия, но все они служат ключем при решении вопроса о древности славянского пребывания на Северном Кавказе. В этом случае можно использовать метод слависта Л. Нидерле. Указывая некоторые славянские названия в бассейне Дуная, бывшие там раньше V -VI веков, он писал:

> "Таких названий было немного, но они всё же существуют". "Сами по себе эти названия не могут, конечно, опровергнуть ту точку зрения, что на этих землях обитали первоначально паннонцы, иллирийцы, фракийцы, даки, являющиеся все без исключения народами неславянскими. Последнее не подлежит сомнению. Но как только в этих областях обнаруживается одно или несколько названий, славянский характер которых бесспорен и если наряду с этим имеется также возможность допустить на основании других исторических данных, что существование здесь Славян не только не исключено, но и вполне вероятно, то я рассматриваю каждое такое название, как свидетельство наличия славянской общественной единицы (рода — общины — племени) на территории чужих областей".[12])

По многим историческим и археологическим данным, существование Славян на Дону и в Приазовье от глубокой древности "не только не исключено, но и вполне вероятно". Следуя методу профессора Нидерле, мы тоже имеем достаточно оснований для решения, что на Северном Кавказе, где с древних времен встречаются славянские географические названия, среди неславянских народов уже в начале нашей эры проживали и славянские "общественные единицы (роды — общины — племена)".

Для начала новой эры русская археология не сумела обнаружить там ни Славян, ни Казаков. Но покойный М. А. Миллер говорил, что "специальных разведок на славянские памятники на Дону — Приазовье никогда не производилось и все славянские памятники были открыты более или менее случайно".[13])

Русские археологи, как говорилось выше, определяют Восточных Славян исключительно по чертам их "славянского своеобразия", которое свойственно населению Днепра, Оки и Верхней Волги. Судьба же наших

---

12) Л. Нидерле, Славянские древности, стр. 51

13) Проф. М. А. Миллер, Дон и Приазовье в древности, часть III, стр. 120

степных предков не всегда в древности пересекалась общеславянскими путями, а их быт и материальная культура были насыщены свойствами и предметами чуждыми всему славянскому лесному миру. Поэтому остатки их жизни надо искать в той же степной материальной культуре Подонья и Приазовья. М. А. Миллер уверен в том,

> "что при сплошном обследовании всей области Дона-Приазовья, особенно ее необследованных районов и при сосредоточении внимания на словянских памятниках, их будет открыто здесь еще такое количество, которое сейчас еще не возможно предвидеть, но которое должно быть очень значительным".
>
> "В настоящее время мы уже знаем остатки ряда славянских поселений на Нижнем Дону. С территории Тмутаракани и Таманского полуострова получено уже большое количество памятников славянской культуры, а по берегам Кубани известны остатки славянских поселений.[14])

Покойный историк и археолог ведёт здесь речь о памятниках, отличающихся "славянским своеобразием", но, как известно по археологическим отчётам, в подонских и северокавказских памятниках характерные черты подобного своеобразия встречаются очень редко, а если обнаруживаются, то только вместе с преобладающим количеством предметов других степных культур (Асаланской, Праболгарской, Казарской или Салто-Маяцкой), которые в известной степени тоже принадлежат Степным Славянам. Славяне Подонья и приморской Меотиды жили своей обособленной жизнью, их быт во многом отличался от быта лесных соплеменников.[15])

Первые четыре века по Р. Хр. всё население Дона и Северного Кавказа проживало среди Аланов Танаитов,

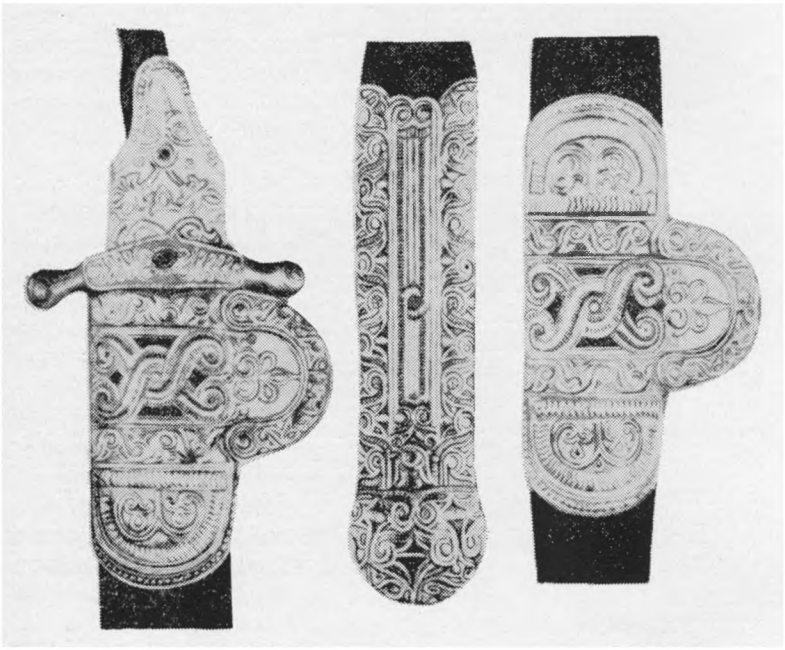
---

[14]) М. А. Миллер, Дон и Приазовье в древности, ч. III, стр. 121 - 123

[15]) Следует также отметить, что имя Русь, перешедшее к лесным Славянам (Полянам, Древлянам, Кривичам, Радимичам и др.) от правящего у них племени, на наши степи не распространилось. Уже покоренные Россией, Казаки в XVIII в. говорили ген. А. И. Ригельману, что они «считают себя природою не от московских людей и думают заподлинно только обрусевши, живучи при России, а не Русскими людьми быть». А. И. Ригельман, История или Повествование о Донских Казаках.

под властью их династического клана Ансов или Асов. Как и в каждом государстве с пёстрым населением, жители страны пользовались общими для всех предметами домашнего быта и одинаковым военным снаряжением.

Гуннское нашествие 375 года оказалось роковым для Алании, но укоренившаяся в ней материальная культура уничтожена не была. Многие из ее предметов попали на Запад вместе с Гуннами и их невольными союзниками — Танаитами. Среди привычных вещей продолжали жить и Торки, насильно выселенные победителями с тучных земель Прикубанья на тощие пастбища Северного Прикаспия. Унесли их с собою и те, что скрылись глубже в горах.

Детали аланской сабли из ст. Змейской.

Глава пятая

КЕСАРЕЯ, ТАНАИТЫ, ГОТЫ И ГУННЫ

От конца первого века до Р. Хр. по третий век нашей эры нынешним Кубанским краем владели Римляне. Они не старались изменить там прежний общественный строй и не искореняли местные обычаи. Эта земля считалась собственностью римского кесаря и управлялась его ставленниками боспорскими царями. При первом из них Полемоне Первом чеканились монеты с греческой надписью **кайсареон.** Такие монеты датируются годами 14-8 г.г. старой эры.[1]) Подобная надпись обнаруживается и на монетах боспорского царя Котиса I (45-62 годы по Р. Хр.).[2]) Все они дают основание считать, что по своему положению в Римской империи кавказские владения Царства Боспорского приобрели у местных Греков наименование **Кесареи.** Иногда высказывалось мнение, что этим именем стали называть только город Пантикапею, но более поздние географические источники опровергают такую мысль. Помпоний Мела, писавший свою "Хорографию" через пол века после прихода Римлян на берега Азовского моря, указывает не Кесарею, а Пантикапею. Несколько позднее в том же веке у Плинея Старшего в "Натуральной Истории" вспоминается также Пантикапея, а не Кесарея. Стоит Пантикапея на своем месте и у Птоломея, писавшего "Географию" во II-ом веке. Жители этого города нигде не называются кесарейцами. Так и на мраморном постаменте конца первого века нашей эры из Фанагории значится "сын Диофанта пантикапеец".[3])

Новое имя город город Пантикапей приобрёл только после гуннского нашествия. Греки стали называть его Боспором, как столицу царства того же имени и как раньше уже назывался Керченский пролив. Прокопий Кесарийский писал: "приморский город по имени Бос-

---

[1]) А. Н. Зограф, Античные моменты, МИА 16, стр. 247; того же автора, Описание монет, МИА 25, стр. 385; Н. Л. Белова, Монеты из раскопок Тиритаки, Мирмекия и Илурата, МИА85, стр.331, 338

[2]) Корпус Боспорских надписей, М. — Л. 1965, стр. 611

[3]) Там же, стр.608

пор, не так давно ставший подчиненным Римлянам".[4]) Так же называет его Константин Багрянородный.[5])

Все эти данные говорят, что в начале новой эры Кесареей называли не город, а одну из областей Царства Боспорского, скорее всего Меотиду. Всё царство жители понимали под прозвищем **Базилея.** Это подтверждается текстами греческих надписей, высеченных на камнях. Например на обломке мраморной плиты, найденной в станице Таманской, говорится об освобождении жреца одного из местных храмов от всяких налогов, взимаемых в Базилее, и о назначении его пожизненным жрецом кесарейского храма. Надпись относится ко второму веку по Р. Хр.[6]) На другой мраморной доске, найденной возле Тамани, в 307 году начертано: "Марку Аврелию сыну Паппа, бывшему наместнику Базилеи и сыну его, лохагу Агриппеи, архонты Кесареи эту стеллу воздвигли почёта ради".[7]) Ещё в иной надписи говорится о построении или обновлении кесарейского здания; эта надпись датируется шестым веком и она тоже найдена у станицыТаманской. Ее датировка совпадает с тем временем, когда, по словам Прокопия Кесарийского, западную часть Предкавказья еще занимали Аланы — "христиане и друзья Ромеев" (Византийцев).[8]) В тех же местах Прокопий указывает Сагинов,[9]) может быть расслышав так греческое произношение слова "Сакины" или "Саки". Такое чтение вполне возможно, потому что подобное имя, в сочетании с приставкой Ка упоминается в тех же местах авторами десятого века Константином Багрянородным, как **Касахия,** составителем персидской географии 982 года, как **Касак,** а позднее русскими летописцами, как **Касаги** и **Касоги.** Аланов Прокопий относит к готским народам и рядом с ними помещает Готов-Тетракситов, таких же христиан, проживавших вдоль морского берега при Тамани.

Виду того, что жизнь Касаков много веков была связана с Ас-Аланами или, как их называют иногда, с

---

[4]) Прокопий из Кесарии, Война с Готами, М. 1950, стр. 388. Римлянами здесь названы Византийты — Ромеи

[5]) Об Управлении Империей гл. 11, стр. 64, 65

[6]) Корпус Боспорских надписей, стр. 610

[7]) Там же, стр. 612

[8]) Прокопий Кесарийский, История воен II, 29. 15

[9]) Прокопий из Кесарии, Война с Готами, стр. 383, 384

Готиталанами, судьбы этого народа не могут быть безразличными и для казачьей истории.

Ясы или Аланы впервые вспоминаются у автора первого века Иосифа Флавия в его книге "История Иудейской войны". Через сто лет Птоломей помещает их в донской излучине там, где протекал Аскол (Оскол) и его приток Хаалан. На северо-восток от них, через Дон, он помещает Асов (Asaei), а ниже по течению Дона — Танаитов и Осилов. Из этого следует, что движение на юг и на восток Асы-Аланы и Танаиты начали с северо-запада.

Римский историк Аммиан Марцеллин писал о них в начале пятого века: "Постепенно покоряя все соседние народы, путём их неоднократного поражения, они подобно Персам присоединяют их к себе и включают их в свое собственное имя". "Так они распространились на две части света, а в их нацию вошли многие племена". "Аланы получили возможность передвигаться по огромной стране, как кочевники чуждые местным номадам, но со временем все эти племена объединились под одим именем и все стали называться Аланами".[10])

Факт распространения их имени на покоренные народы очень усложнил вопрос выяснения точного этнического лица самих основателей могущественной империи — "собственно Аланов". По этому поводу создалась невероятная путаница. Из за политической и территориальной связи с древними Сарматами их признают ирано-язычным народом. Разноплеменные Сарматы, а среди них и ираноязычные, действительно, входили в общую "аланскую нацию", но причислять к ним и самих Асов — Аланов нет ни оснований, ни нужды. После этого мощного народа-завоевателя осталось такое множество оригинальных и отчетливых историко-археологических памятников, что выделение его в особую группу не представляет никаких трудностей.

Между тем русская историография и археология видят в Аланах только часть сармато-осетинского комплекса. В русской научной литературе почти повсюду,их название удваивается в Сармато-Аланов с пояснением в скобках "ираноязычные". Русские историки не понимают Аланов иначе, как Осетинов и щедро передают всё их культурное и историческое достояние в собственность этого достойного, но не аланского народа. У Осетинов имеются свои более вероятные предки в ли-

---

[10]) Англ. кн. Аммиан Марцеллин, Римская История, XXXI, ч. 2

це **Эсседонов** и **Аорсов.** Те и другие хорошо известны древним авторам, как жители не только Поволжья, но и современной Осетии. В первом веке Плиний писал: "Недалеко от берегов Меотийского озера живут Напиты, а за ними Эсседоны, которые соединяются с Колхами и населяют вершины гор". Меотинское озеро — Азовское море, а Колхида — древнее название Грузии и, значит, здесь указывается вся юго-западная часть нынешней Осетии, где уже тогда проживали предки Осетинов Эсседоны. Многие древние географы знают и Аорсов, а Страбон специально выделяет "Горных Аорсов", владевших Каспийским побережьем. Сами Осетины до недавна различались только по племенным группам Ирон, Дигор и Туалта, а свое право на имя Асов-Аланов начали теперь основывать, по инициативе русской науки, на некотором созвучии слогов "ас" и "ос" и на "Овсах" грузинских хроник. Но наименование Овсы, как в Грузии называются Осетины, не имеет ничего общего с Аланами, а с Асами менее созвучно, чем с Аорсами и это позволяет предполагать, что имя **Овсы** получилось у Грузин путем звуковой трансформации из **Аорсы.** Подобное изменение произошло и со скифским именем **Грауко**[11] — белый от снега, которое у Армян претворилось в **Гаукас** и дало начало известному нам **Кавказу.**

В Черноморских степях Аланы не были единственными представителями нордической расы. Приток с севера начался еще до Аланов. Первыми пришли Бастарны, а вслед за ними явились скандинавские племена Ругундры, Герулы и Вандалы. Переселение завершилось в конце 2-го в. с приходом Готов. Готы прикочевали от Балтийского моря в двух основных племенных ветвях: Остроготов или Грейтунгов и Вестготов или Тервингов. Ближайшими соседями Подонских Аланов, **Танаитов,** от этого времени стали Грейтунги.

Появление Готов ничем не нарушило течения жизни в царстве Асаланов. Они не стремились распространиться за Азовское море и за Дон, а Аланы не препятствовали им занять Донецкие степи. От третьего века они уже действуют сообща, предпринимая походы на запад в Европу. Спокойную жизнь Причерноморья нарушил ураган гуннского нашествия.

Около 375 года на далеких восточных окраинах Алании появились грозные орды новых завоевателей — Гунны. Прежде всего они напали на Массагетов, живших за

---

[11]) История Северо-Осетинской АССР, М. 1959, стр. 34, 35

рекою Уралом, и побив их двинулись дальше, пересекая Поволжье. У Дона им пришлось преодолеть отчаянное сопротивление **Асов-Танаитов.** Гунны задержались здесь на некоторое время, и обрушились на степные кочевья Готов только

> "после того, как прошли земли Аланов, а особенно того племени, которое граничило с Грейтунгами и которое называлось Танаитами. Из них они многих ограбили и убили, а переживших нашествие присоединили к себе в качестве союзников".[12])

Так завершил краткое описание гибели Аланской империи современник события Аммиан Марцеллин. О том же пишет историк готов Иордан на два века позднее:

> "Спустя немного времени, как передаёт Орозий, взъярилось на Готов племя Гуннов, самое страшное из всех своей дикостью". "Аланов, хотя и равных им в бою, но отличных от них человечностью, образом жизни и наружным видом, они также подчинили себе, обезсилив частыми стычками".[13])

Английский историк Эдуард Гиббон описывает события так:

> "Гунны с женами и детьми, со стадами и отарами, с покорёнными и союзными племенами, переправились на западный берег Волги и решительно двинулись на окончательное завоевание царства Аланов, пастушеского народа, который иногда опустошал, обширные пространства Скифской пустыни. Кочевые племена Аланов занимали своими кибитками степи между Волгой и Доном, но их имя и обычаи распространялись гораздо шире на завоеванные области". "На берегах Танаиса встретились с равной доблестью, но с неравным счастьем две военные мощи: Гунны и Аланы. В кровавом споре выиграли Гунны; царь Аланов был убит и остатки побеждённого народа должны были бежать или стать пленниками. Часть изгнанников нашла безопасный приют в горах Кавказа между Эвксинским и Каспийским морями, где они сохранили свое имя и независимость; другие с безстрашием отчаяния прорвались к берегам Балтики и соединясь там с Северными Германцами, захватили от-

---

12) Ammianus Marcellinus, The Roman History.

13) Иордан, Гетика, стр. 90, 91

туда римские провинции Галию и Испанию. Но в значительном большинстве Аланы приняли от победителей предложение почётного мира и выгодного союза. Гунны, Оценивши по заслугам доблесть менее счастливого противника, возросли в числе и в силе и повели наступление на земли Готского царства".[14])

Подобным образом освещает нашествие гуннов и немецкий историк Оскар Егер: "Так называемые Гунны, большое число монголо-туркестанских и татарско-чудских племен, объединённых под властью хана Баламира, разгромили германао-сарматский народ Аланов и в 373 году обратились против Готов". [15])

Аланы, прорвавшиеся вместе с Вандалами в Германию, прошли Галию и Испанию. Выйдя к Средиземному морю, они переправились в Африку, где в тридцатых годах пятого столетия возникло Вандало-Аланское государство. Оно просуществовало свыше столетия.

---

[14]) The Decline and Faff of the Roman Empire by Edward Gibbon. Chicago - London - Toronto, 1952, v. I.

[15]) Weltgeschichte fon Prof. Dr Oskar Jaeger, I Band, p. 580.

Глава шестая

АЛАНЫ

Несмотря на подчёркнутые утверждения в русской науке о сармато-аланской этнической общности, Аланы постоянно выделяются из под сарматских теней, как особый народ и господа многих скифских и сарматских остатков. В отдельную категорию их обособляет и тот факт, что приказав всем завоёванным народам называться в их парстве Аланами, господствующее племя для себя сохраняло горделивое племенное имя **Асы.** Впервые название **Асии** встречается у Плиния Старшего, затем **Асэи** и **Асманы** указаны у Птоломея на север от Среднего Дона. Автор шестого века Иордан пишет это имя с носовой гласной — **Ансы**, а у средневековых путешественников оно всегда служит вторым именем Аланов: у Плано Карпини (1246 г.) среди покоренных Монголами народов состоят "Аланы или Ас"; Рубрукис (1254 г.) говорит об Аланах, "которые сами себя именуют Аас"; Иосафат Барбаро (ок. 1450 г.) писал: "народ аланский, который сам себя называет Ас". Это Ясы русских летописцев. Аланов они совсем не знают. И в иностранных источниках и в русских — женский род образуется одинаково: Ас — Асыня, Яс — Ясыня.

О том, что Асов-Аланов следует считать ираноязычными Сарматами прямых указаний в источниках нет. Это мнение основывается лишь на предположениях. До средины шестого века, вообще нет ни одного точного определения их племенной принадлежности. У Птоломея они обозначены, как Аланы-Скифы, но его предшественник Плиний указал, что "имя Скифов распространяется во всех направлениях, равно на Сарматов и Германцев"[2]). Заведомых Германцев — Готов византийские хроники тоже постоянно называли Скифами. Но о Готах — Скифах повели речь только после второго века, а о каких Германцах на скифской земле мог говорить Плиний в первом веке? Это очень существенный вопрос! Ведь Готов тогда там еще не было. Несколько запоздавший, но зато точ-

---

[1]) История Российская, т. I, стр. 177

[2]) Плиний, Натуральная История, стр. 330

ный ответ на него даёт Прокопий Кесарийский ок. 550 года. В двух своих книгах какую-то часть Аланов, он называет готским, а значит, и германским народом: "Вандалы, жившие около Меотического озера, принуждённые к тому голодом, двинулисф на Рейн в страну Германцев, которых теперь называют Франками, присоединив к себе Аланов, готский народ".[3]) И во второй книге: Римляне приняли в качестве союзников Скиров, Аланов и другие готские племена.[4])

На полтора века раньше Аммиам Марцеллин, современник гуннского нашествия, описал внешность Аланов: "За редким исключением, все Аланы люди высокого роста и большой красоты; их волосы почти желтого цвета.[5]) Высокий рост светлые волосы, это черты типа нордического. Английский историк Эдвард Гиббон объясняет появление среди Иранцев-Сарматов блондинов метисацией: "Смесь сарматской крови с германской стала причиной побеления смуглой кожи Аланов и окрасила их волосы в желтоватый цвет, который редко встречается у татарских народов".[6]) Откуда пришёл в "сарматскую" среду поток германской крови, достаточный для того, чтобы уже к четвёртому веку изменить азиатский тип на нордический, историк не указал.

Так ли просто из Иранца обратиться в Германца?

Ко всему этому Марцеллин знал, что Подонские Аланы-Танаиты ведут свой род от какого-то особенного корня: "Они не имеют понятия о рабстве, потому что сами происходят от благородного начала".[7]) Ясно, что эти слова относятся не ко всему населению Алании, а только к господствующему племени или клану.

Автор немецкой Всемирной истории др. Оскар Егер, кажется ближе к истине, когда называет Аланов германо-сарматским народом: "Гунны (. . . . . .) разгромили германо сарматский кочевой народ, Аланов и в 373 г. обратились проти Готов".[8]) Аланскую нацию, взятую всю вместе, действительно, можно определить, как германо-сар-

---

[3]) Прокопий Кесарийский, История воен., III. 3. 1

[4]) Прокопий из Кесарии, Война с Готами, V. 1. 3

[5]) Аммиан Марцеллин, Римская история кн. XXXI, гл. 2

[6]) The Decline and Fall of the Roman Empire by E. Gibbon, v. I, p. 417.

[7]) Аммиан Марцеллин, Римская история, кн. XXXI, гл. 2

[8]) Weltgeschichte fon Dr. O. Jager, I Band, p. 580.

матский сплав, но какая-то часть его была в своей основе чисто германской. Очевидно та часть, которая по Гиббону способствовала "улучшению расы" в племенах насильно присоединённых к Аланскому царству. Какой же другой источник нордической крови можно было бы обнаружить в этой кочевой империи, кроме самих ее основателей **Асов?**

Гордое имя **Асы** пришло на нашу землю несомненно с севера. По древним преданиям в Балтийском бассейне племя или клан с таким именем существовал уже в конце старой эры. **Асы, Азары,** — герои, полубоги. О них много говорится в нордической эпопее.[9]) Обожествляемый **Один** считается князем Асов. С веками то же имя перешло в наименование почётной касты. В "Гетике" Иордана это — знать, которую войска провозглашают "полубогами то есть Ансами".[11])

Следовательно **Асы** никто иной, как правящее племя или клан, волею которого расширялись границы Алании, а все завоеванные народы приобретали ее имя, становились Аланами. Название государства так же можно выводить от скандинавского Ааланд — остров, но, например, ранний русский академик З. Беер "о аланах говорит, что имя сарматское, значит народ". Это тоже приемлемое объяснение. Название Аланы иногда сочетается в средневековых источниках с именем Готов: Аланготы, Валготы, Готиталаны. Обычно эти двойственные названия понимают, как следствие слияния двух народов воедино. Однако форма "Готиталаны" подсказывает иное решение, она соответствует готскому понятию Gotiúdalan имеющему тоже самое значение, что и немецкое Gotischalanen или английское Gothicalans — **готский народ Аланы.**[11]) Сочетание **Готиталаны** близко всем им и другого значения иметь не может. Прокопий Кесарийский так и говорит — "готский народ", а за ним и некоторые авторы XI-XII века выражают уверенность, что Асаланы принадлежали к той этнической основе, от которой вели начало и Норманы-Варяги. Так "известный космограф Бируни, живший в конце десятого и начале одиннадцатого столетий ставит вместе с именем Асов и Варангов (Asiuof Varang). Низами же, писавший в XII веке (....) описывает

---

[9]) Старшая Эдда, М. — Л. 1963, стр. 12, 36, 38, 49, 167, 196 197, Ynglinga Saga, Vinking Age by Paul de Chaillu, v. I, p. 344.

[10]) Иордан, Гетика, стр. 81

[11]) М. М. Гухман, Готский язык, М. 1958, стр. 265

атаку Русов и их союзников Алан-Варягов (Алан-Вараг) на город Дербент".[12])

По археологическим остаткам также обнаруживаются отчётливые связи между Асами-Асеанами и жителями севера. В бассейне Дона-Донца Аланам или Ясам принадлежит Салтово-Маяцкая археологическая культура. Она датируется VIII-X вв. Здесь повсюду аланскими погребениями считаются подкурганные могилы в специальных камерах. Их точное подобие для раннего Средневековья встречается и в Скандинавии:

> "Покойников хоронили в глубоко вырытых в земле катакомбах или камерах, преимущественно овальной в плане формы со сводчатым потолком. Ход в камеру шел через длинный (до 5-7 метров) узкий коридор. Средние размеры камеры около 2x2x1.5 м. Камеры содержали в большей части по несколько захоронений — мужчин, женщин, детей. Костяки находились в вытянутом на спине положении, преимущественно перпендикулярно ко входу, реже ногами к нему. С покойником клался многочисленный инвентарь, состоящий из предметов украшения, оружия, конского снаряжения орудий труда, утвари, а также пища в виде мяса домашних животных. В ряде могил были найдены восточные монеты VI - X веков". [13])

Подчёркивается сходство салтовских погребений с северо-кавказскими, но это явление вполне оправдано исторически: Асаланы владели Предскавказьем в общей сложности около тысячи лет; они утвердились там во втором веке нашей эры и оставались его хозяевами до прихода Татар Золотой Орды в XIII веке. При таких условиях отсутствие их памятников на Северном Кавказе было бы совсем непонятным.

По каким-то причинам в советской археологии наблюдается полное отсутствие интереса к культурным связям между Асами Подонскими и Асами Северными, скандинавскими. А такие связи несомненно существовали. "Если обратимся к археологии, — пишет один из американских знатоков англо-саксонских древностей, — то окажется, что недалеко от прежних греческих колоний, по соседству с Чёрным морем, можно найти погребения необычайно схожие с древними могилами

---

12) The Origin of Russia by George Vernardsky, p. 178.

13) И. И. Ляпушкин, Памятники Салтово — Маяцкой культуры, МИА 62, стр. 105

Скандинавии и по орнаментации и по другим реликтам".[14])

Основная идея северного погребального обряда описана в нордических Сагах. Они записаны около 900 года и относятся к концу ст. эры, когда верховным вождём Норманов был легендарный **Один:** "Один установил в своей стране те же законы, которые были приняты у Асов", — пишет дю Чэйллу. "В первую эпоху каждого покойника сжигали, а потом начался период могильных насыпей. Над могилами выдающихся людей стали воздвигать курганы, а простых смертных хоронили в грунте".[15])

Сокровища, положенные в некоторые могилы, объясняются словами другой Саги: "В то время сильные князья и знатные люди обычно посвящали себя военному делу, добывая оружием богатство и славу. Но имущество не считалось наследственным и сыновья не получали его после отпов, оно помещалось в могилы вместе с владельцами".[16]) Саги указывают также случаи погребения боевого коня, но не в могиле хозяина, а рядом с нею: "Аран, молочный брат Асмунда, неожиданно умер. Похоронив его, Асмунд насыпал курган, а сбоку от него закопал его коня с седлом и уздою, его знамя, оружие, сокола и пса".[17]) Обычай требовал, чтобы оружие положенное в могилу было поломано или, по крайней мере, согнуто. Однолезвийные мечи скандинавских могил напоминают аланские "кончары" и по малому изгибу и по форме эфеса, выкованного вместе с клинком не посредине его ширины, а ближе к обуху (тупой стороне). Крестовины и охранной дужки у них также не было. Этим всем они весьма близки и к донскому палашу нашего времени. Могилы такого типа встречаются и на Донце.

По выводам сов. археолога И. И. Ляпушкина, памятники Салтово-Маяцкой культуры распространаены "на территории всего бассейна Дона к юго-востоку от лесо-степной полосы, а также переходят на побережье Азовского моря, в Крым, на Тамань и Приазовье и, повидимому, сливаются в одну цепь с родственными памятниками северо-кавказских предгорий".[18]) Наряду с

---

14) The Viking Age by Paul B. du Chaillu, v. I, p. 26.

15) The Viking Age by Paul du Chaillu, v. I, p. 32.

16) Там же, стр. 320

17) Там же, стр. 324

18) И. И. Ляпушкин, Памятники Салтово-Маяцкой культуры,

грунтовыми могильниками, там повсюду возвышается множество ранних курганов принадлежавших Аланам-кочевникам. Легенды о сокровищах, скрытых в них, сохранялись среди местных людей от глубокой древности до наших дней и это послужило причиной раскопок и разграбления многочисленных подкурганных погребений. Иосиф Барбаро, живший в Тане (Азове) между 1436 и 1452 г.г. тоже слышал о них. Он порешил организовать общество по розыскам аланских сокровищ и они начали раскопки одного из курганов. Как велись эти безрезультатные раскопки описано в его сочинении о путешествии в Тану.[19])

Все известные до сего времени сведения об Аланах заставляют думать, что их завоеватели Подонские Асы-Танаиты были в своей основе не иранаоязычными Сарматами, а Норманнами. Народы, когда либо входившие в число их подданных, имеют основание, отказавшись от своих племенных наименований, называть себя Аланами. Наши предки, жители Подонья и Приазовья тоже долго подчинялись Асам-Аланам. В десятом веке, по словам персидской географии Гудуд-ал-Алэм, земля Касак еще состояла в их владении, но Казакам нет нужды претендовать, по примеру Осетинов, на всё историческое достояние своих завоевателей.

19) Iosafat Barbaro, The Travels to Tana, London 1873.

Глава седьмая

ПОСЛЕ ГУННОВ

В половине четвертого столетия по Р. Хр. империя Асаланов простиралась от Дона в глубину Средней Азии, достигая на юге чуть ли не реки Ганга. На Северном Кавказе ими были покорены все равнинные народы и часть горских племен, в лице Аорсов и Эсседонов.

Источники ничего не говорят об административном устройстве их страны, но совершенно очевидно, что государственность Алании была построена на началах классического империализма: Асы не только покоряли народы, но и требовали, чтобы все они принимали общее имя и назывались Аланами. Иначе говоря, в единых границах при единой власти создавали единый народ, а может быть, и единую веру.

Вместе с тем, огромные пространства империи требовал и деления на административные области, в которых непререкаемая власть должна была принадлежать ставленникам центральной власти, династии Асов — Завоевателей.

Империя в ее широких границах кончала третий век своего существования, когда в 375 г. на нее нахлынули из Азии неисчислимые и непреодолимые полчища Гуннов. Все восточные области Алании сразу попали под власть новых правителей, а затем Гунны опустошили степное Поволжье и, преодолев упорное сопротивление Асов-Танаитов, восторжествовали на Дону. В дальнейшем и все европейские кочевники должны были смириться перед Гуннами и начать вместе с ними поход на Западную Европу.

Но аланское население северо-кавказских областей, повидимому, своевременно успело отойти в горы и после того, как Гунны, прихватив с собою Танаитов двинулись дальше на запад, Аланы стали спускаться с гор и сомкнутым фронтом возвращаться на свои старые предгорья и равнины. Их продвижение на север задержали Болгары — Утигуры, шедшие следом за Гуннами и обосновавшиеся в Приазовье. И все же к началу VI столетия племена подвластные аланским правителям занимали земли, ставшие со временем известными, как Черкасия. По существу здесь народился новый центр древней Алании. Он снова стал разростаться и постепенно

распространился к горным вершинам Терека, на Пятигорье, берега Кубани и приморскую область Готов — Тетракситов. После того как Болгары были Казарами изгнаны с Сев. Кавказа, Асы-Аланы захватили и часть Приазовья. Продвигаясь к северу они дошли до южного берега Азовского моря и Донской дельты. От этого времени Тана (Азов) и девять южных областей Казарии постоянно находились под угрозой их нападений. Константин Багрянородный указывает рядом с Аланами, за горой от них, страну Касахию,[1]) а персидский географ считает эту землю Касак принадлежащей Аланам. В географии Гудуд ал-Алэм о их стране сказано:

"На восток и на юг от неё горная страна Сарир; на запад от неё — Византия (Рум); на север от неё — море Гурз и Казарские Печенеги. Вся эта гористая страна пересечена долинами и одарена природными богатствами. Их парь христианин. Они имеют до тысячи больших поселений. Среди них есть и христиане и язычники, некоторые горцы, а другие жители равнин.

1) **Касак** — земля принадлежащая Аланам на берегу моря Гурз. Это прекрасная местность, удобная для торговли.

2) **Хаилан** — город, где находится царская армия.

3) **Дар-и-Алан** — город, расположенный на вершине горы. Каждый день на его стенах 1.000 человек несут стражу по очереди".

Переводчик и комментатор географии В. Ф. Минорский думает, что ее автор допустил ошибку в ориентации страны и считает необходимым, для более точного определения её положения, обернуть её северную часть на 90 градусов на запад.[2]) Но, если последовать его совету, Казарских Печенегов придётся поместить прямо в море, Византию — в Кавказских горах, а горный Сарир в степях на север от Терека. По всему этому приходится признать положение указанное в географии совершенно правильным и Землю Касак искать на берегу Азовского моря, которое в древности считалось заливом Грузинской части Чёрного моря и частично, вместе с Нижним Доном, находилось прямо на север от Земли Касак.

---

1) Константин Багрянородный, Об управлении империей, стр. 64, 65

2) Гудуд ал-Алэм, стр. 160, 161

3) Там же, стр. 445, 446

Ираноязычных Осетинов, которых по старой памяти тоже считали Аланами, как видно, Асам покорить снова не удалось. Проживая за Тереком, они свободно избирали себе друзей и союзников, иногда в лице Казар, а чаще, по словам Прокопия Кесарийского, они вместе с Персами выступали против Византии.[4])

В Западной Алании казачье имя уже давно не было новым. После прохода Гуннов оно неоднократно появляется высеченным на памятных камнях Танаиды.[5]) И какой бы контекст его не сопровождал в надписях, не будет ошибкой предполагать, что "касакос" это не только личные имена местных жителей, но и определение их племенной принадлежности. Если бы это было только личное имя, то им бы не называлась в Аланском княжестве пелая область — "Земля Касак". А так мы имеем основание видеть в греческом **касакос** только бесспорную промежуточную форму нашего имени между Касахами Страбона (1 в. по Р. Хр.) и Казаками нашего времени.

---

4) Прокопий из Кесарии, Война с Готами IV. 3. 4

5) В. Ф. Миллер, Язык Осетин, М. — Л. 1962, стр. 19

Глава восьмая

ЗЕМЛЯ КАСАК

Таким образом, судя по указаниям двух очень старых источников, трактата Константина Багрянородного и персидской географии Гудут ал-Алэм, в северо-западном углу Кавказа находилась Земля Касак, которая на юге переходила в страну Касахию. И та и другая находились под властью Асаланов. Арабский автор десятого века Масуди тоже знал Касаков, жителей Приазовья. Он отличал их от закубанских горцев Кешеков. Из его слов следует, что это два разных народа.[1]) Надо иметь в виду, что Кабардинцев в то время на Сев. Кавказе ещё не было, а земли нынешней Большой Кабарды занимали те же Асаланы, после которых Осетины и сохранили её название **Казах.** На севере эта страна переходила в Землю Касак, равнинную часть Асаланского княжества. Кабардинцы же пришли в горы от низовьев Дона не раньше пятнадцатого столетия.

Русские летописцы считали население Земли Касак Скифами, а Великие Четьи Минеи — даже Скифами славянской речи. К восьмому веку эти Скифы составились из остатков прежнего меотийского населения и возвратившихся с гор племён известных под общими именами Аланов и Торков. Во время нашествия Гунном они скрылись в горных ущельях и получили возможность спуститься на равнину только после того, как Казары, не без участия их самих, изгнали из Приазовья Болгар-Утигуров.

Появившись на Кубани вместе с Асаланами, Торки-Касаки стали теснить и самих Казаров и продвигаясь год за годом всё дальше в степи, они в восьмом веке вышли к низовьям Дона. Тогда северная и западная граница Западной Алании передвинулась к берегам Азовского моря, а степная часть этого государства получила название Земли Касак.

Но казарский царь удержал в своих руках водный путь от Таны до Тамани, где укрепления Таматарха, вместе с его владениями в Восточном Крыму, обеспечивала **свободный выход через проливы** в широкое море.

---

[1]) Гудуд ал-Алэм, стр. 446, прим.

Торки, выселенные некогда Гуннами из Приазовья за Волгу, судя по датировке торческих погребений с кснём, обратно на Кавказ не вернулись.

История, к сожалению, очень бедна сведениями о средневековых судьбах северо-западной части Кавказа, а потому в тумане остается и прошлое Земли Касак. Точно известно только ее местоположение. В персидской географии она значится, как приморская торговая область между Кубанью и Доном. Её северная граница, совпадавшая с границей Западной Алании, по Багрянородному, отстояла от Днепровских Печенегов на один день пути дальше, чем до Казар у Саркела или до Торков — Узов, живших в его время за Верхним Доном. До Узов и Казаров было по пять дней пути, а до Асов-Аланов — шесть дней.[2]) Эта граница установилась не раньше восьмого века.

На севере Западная Алания примыкала к Казарии. Асаланы оказались для Казар не очень мирными соседями. В то время как Восточная Алания (ираноязычная) редко отказывала им в военной помощи, Асы западные причиняли им неоднократные неприятности, уже во время своего продвижения к северу. Из письма казарского царя Иосифа известно, что и в начале десятого столетия Казарам удалось отбить нападение Асиев, Торков и Печенегов только благодаря помощи Аланов.[3]) Это одно из подтверждений слов Прокопия о том, что Асы-Аланы и восточные Аланы всегда находились в противоположных лагерях. Русский историк-археолог М. И. Артамонов счёл возможным сделать по этому поводу весьма знаменательный вывод: "Следовательно в древности Аланы и Асы различались между собой и представляли два разных племени".[4]) Он припоминает и Птоломея, знавшего Донских Асов и географа XIV века Абу-л-Фида, отличавшего оседлых Аланов от степных кочевников Асов и сочинение "О Церемониале", где Константин Багрянородный упоминает отдельно царей Алании и правителей Асиев.[5]) В другом своем трактате Багрянородный говорит об опасности постоянно угрожающей Казарии со стороны Западных Аланов (Асов): "Девять областей Казарии примыкают к Ала-

---

2) Об управлении империей, стр. 168, 169

3) М. И. Артаманов, История Хазар, стр.359

4) Там же, стр. 359

5) Там же стр. 356, прим. и Гудуд ал-Алэм, стр. 445, прим.

нии и Алан, если вздумаеть, может пограбить её и, причинив большие разорения, вызвать голод среди Казар, т. к. из этих девяти областей идёт всё изобилие и пропитание Казарии.[6])

Население Земли Касак, подчиняясь Асам, тоже должно было участвовать в таких нападениях, но они, вероятно, совершались не часто. Имеются данные предполагать, что трон самой Касарии занимала одна из ветвей готиталанской династии, часть того же клана Асов или Ансов. Это, вероятно, сдерживало и Асаланов и Касаков, хотя не исключало полностью возможности взаимных потасовок, особенно после того, как в игру вошли религиозные антагонизмы между Асами — христианами и правителями Казарии — иудеями.

Земля Касак находилась в стороне от степных просторов в довольно затишном углу между Кавказским хребтом и Азовским морем, но и тут, как в открытой степи, Касаки вели привычный полукочевой образ жизни природных воинов. Они были способны вести бой и в степях и в горах и на море, берегами которого обладали. Война для казачьих поколений уже обратилась в своего рода неизбежный биологический процесс, когда неведомая сила Предназначения указывала свой естественный подбор наиболее жизнеспособных боевых организмов сохранявшихся при жизни в самых трудных условиях борьбы за существование.

Не малую роль в военной закалке Касаков играло близкое сожительство с воинственными Асами. Касаки пребывали в стране военных традиций, привычных и для тех и для других с древности, но вместе с тем власть в стране принадлежала христианским правителям и недалеки были окраины просвещённой Византии. Высокие религиозные руководители, находившиеся тут же в Таматархе и в Тане, старались распространить христианство среди иноверных, но они же приобщали их к культурным достижениям классического мира. Оседлые жители Западной Алании, Асы, Готы-Тетракситы, остатки Меото-Скифов, давно уже были последователями Греческой веры, а в связи с этим не были чужды и западной культуре. Не отставали от них и основные кадры Касаков. В смысле материальном, повсюду ширились однообразные предметы быта, домашней утвари, оружия, конского снаряжения. Именно в то время получили развитие однолезвийные палаши — кончары без охранных дужек и асаланский тип горско-казачьего дву-

---

[6]) Об управлении империей, стр. 64, 65

лучного седла с деревянным ленчиком и со стременами. Асаланское оснащение всех сторон быта стало господствовать и повсюду в местах расселения Касаков. Но очевидно их присутствие не прошло без следа и в жизни остального населения Северо-Западного Кавказа. К десятому веку Касаки настолько перемешались с жителями Западной Алании, что и всю эту страну стали иногда понимать, как край принадлежащий Касакам. Поэтому и закрепилось за её южной частью название **Касахии,** а за северной — подобное же название — **Касак.**

Археологические открытия последних лет несколько расширили научные горизонты, но всей совокупности данных о Земле Касак ещё недостаточно для того, чтобы составить летописный свод событий свершившихся там с VII по X вв.

Исторические туманы усугубляет еще постоянная путаница, созданная около имени Касагов, несомненных жителей Земли Касак. Русские летописцы называют их не одинаково: Косагами, Козагами, Козягами, а чаще всего Касогами, в которых историки желают видеть исключительно горские племена Адыгейцев, хотя ни одно из них так себя никогда не именовало и не именует. Как увидим дальше,[7]) все эти имена только варианты того же древнего названия **Касак.**

Интересно отметить, что А. И. Ригельман, не располагавший ещё данными персидской географии, всё же ведёт казачий род от Касаков и по традиции своего времени производит наше первоначальное племенное имя от вождя Касака, победившего в 948 г. каких-то Татар.

---

[7]) См. главу девятнадцатую этой книги

Глава девятая

АСАЛАНСКИЕ ПУТИ-ДОРОГИ

Вместе с Гуннами пришлось уйти в Европу и многим Асам-Танаитам. Танаитами их называли потому, что они были коренными жителями берегов Танаиса (Дона). Поневоле присоединились к ним и Остготы кочевавшие в Черноморских степях. 9 августа 378 года объединённые войска Баламбера, короля Гуннов, в сражении под Адрианополем нанесли решительное поражение Римлянам. Аланскими предводителями в этой битве были Алатей и Сафрак, которых греческий летописец Зосим считал "гегемонами двух частей германских племен". [1])

Победа открыла Гуннам дорогу в Северную Италию, где стараниями паннонского епископа Амантия Остготы и Аланы обращены в христианство.[2])

Со временем союз с Гуннами распался, а сотрудничество Аланов с Готами обуславливалось лишь совпадением взаимных интересов. В 451 году при разгроме Гуннов на Каталунских полях Аланы с Везеготами оказались по стороне Римлян, в то время как Остготы всё еще оставались с Гуннами Аттилы.

После смерти этого гуннского царя и распада его царства, остатки Аланов, по соглашению с императором Византии Львом I, заняли для поселения земли при Дунае, Малую Скифию и Нижнюю Мезию. Вместе с ними там же проживали Готы Малые, народ многочисленный, но бедный и невоинственный. Они тоже уже стали христианами. Их просвещённый епископ Вульфила (311-383) изобрёл для них азбуку на основах греческого и латинского алфавитов и при её помощи написал Евангелие, переведенное им на готский язык.

Так прежние жители Дона Асаланы-Танаиты оказались в Добрудже, окруженные готскими племенами. Здесь находились окраины Восточно-Римской империи. один из тревожных очагов её борьбы с задунайскими варварами.

---

[1]) Иордан, Гетика, стр. 283, коммент.; Зосим IV. 34. 2

[2]) Там же, стр. 282

В VI-VII вв. самыми беспокойными из этих варваров были Подунайские и Карпатские Славяне. Их племена непрерывно продвигались к югу, захватывали свободные области в Мезии или Фракии, оставались там жить и ко второй половине VII в. уже преобладали количественно в Подунае. Началась столь интенсивная славянизация края, что у Греков его скоро стали считать весь "склавинским".

Около 660 года сюда же из Приазовья перекочевала орда болгарского князя Аспаруха. Болгар было не так много, но они сумели овладеть и Фракией и Мизией и Валахией, хотя сами вскоре национально ассимилировались в славянских массах местного населения.

Болгары принесли с собою много таких бытовых предметов, какими когда то широко пользовались в Аланском царстве на Северном Кавказе. И вот, через сто лет те же предметы появляются на Северном Донце и на Верхнем Дону между Коротояком и Воронежом. Их принесли с собою с Балкан, какие то "выходцы из склавинского племени". Они основали много поселений, строили замки и в их погребениях, при археологических раскопках, обнаружены связи не только с Северным Кавказом и Болгарией, но и с далёким скандинавским севером. Всё, что обнаружено в остатках этой угасшей жизни, в науке относится к Салтово-Маяцкой археологической культуре. Русский археолог И. И. Ляпушкин, на основании изученного материала, определяет:

> "Памятники этой культуры датируются VIII - X в. в. Некоторые исследователи отодвигают нижнюю границу до VII века, но для этого пока нет оснований. Наиболее ранними из этих памятников являются памятники пограничной полосы лесо-степи (Салтово, Маяцкое, Добрая и некоторые другие), т. е. группа памятников с катакомбным обрядом захоронения верхнесалтовского типа. В степной полосе, а также по нижнему течению Дона поселения возникают несколько позже, повидимому, на рубеже VIII - IX веков".

Эти выводы несколько расширяет другой советский археолог Н. Я. Мерперт:

---

[3]) La Suède et L'orient par T. J. Arne, Upsala 1914, pp. 42, 50, 93, 128, 138, 139.

[4]) И. И. Ляпушкин, Памятники Салтово-Маяцкой культуры, МИА 62, стр. 144

"В Приазовье, по Дону и Северскому Донцу, вплодь до границы лесо-степи, была распространена салтовская культура VIII-X веков, происходящая от поздне-сарматской культуры и находящаяся в ближайшем родстве с культурой аланских племен Приазовья и Северного Кавказа. В это же время в Дунайской Болгарии, в могильниках несомненно принадлежащих историческим Болгарам, мы встречаемся с полным повторением салтовского комплекса. Примером может служить могильник Новый Пазар, исследованный в последние годы болгарскими археологами. Здесь открыты захоронения дружинников, при которых найдены типичные салтовские сабли, поясные украшения и лощёные кувшины, тождественные которым имеются в сармато-аланских могильниках. Вещи салтовского типа в значительном числе найдены и при раскопках древней болгарской столицы Абоба Плиски".[5])

Как и всегда, о каких либо связях русских археологических памятников с нормандским севером, советские учёные предпочитают не вспоминать и здесь. Но это не значит, что таких связей не было.

Обширные археологические данные указывают три основных области распространения Асаланской материальной культуры. Из них первая по времени II-V веков обнаруживается в ремесленных центрах древнего Аланского царства на Северном Кавказе. В пятом веке часть этой области с Приазовьем перешла по праву завоевания к Болгарам-Утигурам. В эпоху формирования Дунайской Болгарии предметы той же культуры Утигуры принесли из Приазовья во Фракию и Мезию. Это вторая область ее распространения, между VII и VIII веками. Наконец, между восьмым и десятым веками, она отчётливо проявляется в третьей области на Северском Донце в Салтово-Маяцкой культуре, откуда постепенно переходит и на весь Нижний Дон. Именно такой путь проделали вещевые памятники Асаланской археологической культуры за время между вторым и десятым веками.

Этому вопросу в дальнейшем будет уделено еще много внимания, пока же хронология событий принуждает обратиться к стране Казар, возникшей в начале

---

5) Н. Я. Мерперт, Вопросы происхождения Булгар в книге А. И. Смирнова, Сов. археология т. XVII, стр. 281

седьмого века на юг от Терека, по соседству с Горной Осетией. По некоторым данным, своим возникновением она была обязана одному из асаланских княжеских родов. Восточные Аланы, вероятно, участвовали и в основании Казарии. Ее друзьями они оставались долгое время. Персидский автор десятого века Бал'ами (умер в 947 г.) писал, что в 644 году, напав на Казар, Арабы имели против себя также Аланов.[6]) Речь, повидимому идёт о нескольких племенах, живших на юг и на восток от Терека рядом с новым государством. Все они по традиции, сложившейся ещё в догуннское время, назывались Аланами. Среди них были Беленджеры и жители Северной Осетии. А в восьмом веке, по словам жившего тогда Фазари (писал в 772/3 годах) "Хазары и Аланы образовывали одно царство".[7]) Это было самое раннее сообщение о Казарии.

По примеру русских летописцев, я пишу название этого государства не **Хазария**, а **Казария.** Судя по "Еврейской переписке", оно так называлось в действительности. Имя **Хазары** появилось в Европе от Греков, как результат, частого в греческом языке, перехода звука "К" перед гласными в звук"Х".

---

[6]) М. И. Артамонов, История Хазар, стр. 179

[7]) Там же, стр. 360

Глава десятая

КАЗАРСКАЯ ДИНАСТИЯ

По сообщению Моисея Хоренского, жившего в пятом веке, армянского автора, Казары и Базилиане в 198 году подвергли Армению грабежу и разорению.[1]) Сочетание этих двух названий, Казары и Базилиане, говорит о том, что армянский летописец не придавал им племенного значения, а употребил, как территориальное прозвище, разумел под ними жителей Боспорской Кесарии-Базилеи. Государства Казарии в то время ещё не существовало.

Во время царствования византийского императора Маврикия (582-602) вспоминать Казар начинают сирийские источники.[2]) И хотя ко времени основания Казарского Хаканата его название на Северном Кавказе уже не было новым, оно и там ещё не приобретало значения этнологического, а относилось к азиатской части, покорённого некогда Римлянами, Царства Боспорского, именно — к части оставленной во владении кесаря.[3])

Новое государство **Казария** образовалось между Нижним Тереком и Северным Дагестаном только в начале VII века. Об его основателях единого мнения в науке нет. Известно только, что в Казарии господствовала династия Ансов. В персидской географии 982-го года сказано: "Атель — город разделенный рекой Атилем. Это столица Казаров и резиденция их царя, который называется тархан — хакан и он потомок рода Анса".[4])

О значении родового или кланового понятия **Анса** находим объяснение у аланского автора VI-го века Иордана. Он пишет о Готах: "Одержав повсеместно большую победу, они провозгласили представителей своей знати, благодаря фортуне которых они оказались победителями, не простыми людьми, а полубогами, то есть Ансами".[5])

---

[1]) Данлоп, стр. 5; М. И. Артоманов, История Хазар, стр. 131
[2]) Данлоп, стр. 5
[3]) Губарёв, Книга о Казаках, стр. 44
[4]) Гудуд ал-Алэм, стр. 161, 162
[5]) Иордан, Гетика, стр. 81

Так в истории и появляется клан **Ансов.** В скандинавских Сагах их отождествляют с **Асами, Асиями.**[6])

Такое название казарской династии свидетельствует о её гото-скандинавском происхождении. К тому же и название их паря **хакан** не только созвучно со скандинавским **Гааконг,** но имеет с ним одинаковое значение **— великий конунг** или **великий князь.** Кроме этого, если сходство погребального обряда подтверждает племенное родство, то погребения казарских хаканов, по своей исключительной оригинальности, также служат свидетельством их родства с Готами или Готиталанами. В списаниях Иордана и ибн Фадлана находим разительное подобие между погребниями короля Везеготов Алариха и казарских хаканов.

Английский историк Х. Х. Хаворт принял ошибочно похоронный обряд Алариха за погребение гуннского вождя Аттилы.[7]) Доверяя этому серьёзному учёному, я привёл в **Книге о Казаках** точный перевод его слов.[8]) А между тем, его ошибка имеет решающее значение. Теперь, получив в свое распоряжение сочинение Иордана, спешу исправить эту оплошность: Иордан пишет о похоронах готского короля Алариха, а не Аттилы:

> "Готы оплакивали его по своей огромной любви к нему; они отвели из русла реку Бузент около города Консенции, а река эта, ниспадая от подножия горы, течёт целебной струей как раз близ того города; посредине русла этого потока они, собрав толпу пленных, вырыли место для погребения и туда, в лоно этой могилы, опустили Алариха со множеством сокровищ, а затем вернули воды обратно в их русло. Но, чтобы никто никогда не узнал того места, землекопы были все умерщвлены".[9])

У Казар для хаканов практиковались такие же "речные погребения" еще и через 450 лет после смерит Алариха. Вот как его описывает в 923 году ибн-Фадлан, секретарь арабского посольства к царю Камских Болгар:

> Когда хакан умирает, "то строится для него большой двор, в котором двадцать домов и в каж-

---

[6]) Старшая Эдда, М. — Л. 1963, стр. 12, 36, 38, 49

[7]) The Journal of the Ethnological Society of London 1879, p. 191.

[8]) Губарёв, Книга о Казаках, стр. 79

[9]) Иордан, Гетика, стр. 97

дом из этих домов для него вырывается могила. Измельчаются камни настолько что они делаются похожи на глазной порошок и расстилается в ней, и поверх этого накладывается негашеная известь. А под двором река и река большая текущая, и они помещают эту реку над этой могилой, и говорят: "Чтобы не добрался до нее ни шетан, ни человек, ни черви, ни насекомые". Когда он похоронен, то рубят шеи тем, кто его хоронил, чтобы не было известно, в каком из домов его могила. Могила его называется рай, и говорят: "Он вошел в рай". И все дома высланы парчей, сотканой из золота".[10])

Оба эти погребения разнятся лишь мало существенными деталями, но за 450 лет могли появиться и не такие различия. К тому же точность перевода с арабского языка остается на ответственности переводчика.

Приведенные выше, древние свидетельства говорят, что основателями нового царства — Казарии можно считать представителей алано-готского клана **Анса.** Похоже, что это те самые люди, которых вспоминает в списании Казаров ал Магриби: "Их край холодный и сырой. Отсюда их тело белое, глаза голубые; их распущенные волосы преимущественно желтоватые, их корпус крупный, а их натура холодная. Их главное свойство — свирепость".[11]) Это совсем не восточно-азиатский тип. Да кроме того и многие арабские авторы IX - X веков говорят, что Казары совершенно отличаются от Тюрок и по внешности и по языку. Это указано и в географии ибн Хаукала, составленной в 976/77 годы.[12]) И все же американский историк Данлоп, так же как и его русский коллега Артамонов, предпочитает читать название цартвующего в Казарии клана, как Асена, Ашина, а не Анса.[13]) М. И. Артамонов выводит эту династию из Тюркутского рода, от хана Ашины.[14]) Это совершенно произвольное "разночтение", не оправданное никакими источниками. И тюркутские погребения ханов не имеют ничего общего с описанными выше. Н. Я. Бичурин (Иокинф) указывает, что главным моментом обряда Тюркутов (по китайски "тюкуэсцев") служит сжигание покой-

---

[10]) А. П. Ковалевский, Книга Ахмеда ибн Фадлана, Харьков 1956, стр. 146, 147

[11]) Данлоп, стр. 11

[12]) H. H. Howorth, Esq. The Circassians and White Khazars. The Journal of the Ethnolog. Society of London, 1879, p. 183.

[13]) Данлоп, стр. 160

[14]) М. И. Артамонов, История Хазар, стр. 103, 104.

ника: "В избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают; собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу".[15])

Уже одна кремация показывает, что Казаров с Тюркутами никакое родство не связывало.

Династия Анса основала первый центр Казарин на юг от Терека у Каспия с малыми силами. Главным городом их называют Семендер (Тарки). В "Еврейско-хазарской переписке", памятнике X-го века, царь Иосиф сообщает:

> "У меня записано, что когда мои предки были еще малочисленны, Всесвятой — благословен Он — дал им силу, мощность и крепость. Они вели войну за войной со многими народами, которые были могущественнее и сильнее их. С помощью Божьей они прогнали их и заняли их страну, а некоторых из них заставили платить дань до настоящего дня".[16])

Начав с Терека, династия Анса со своими небольшими силами обрушилась в первую очередь на Приазовских Болгар, изгнала их, а затем заняла и восточную часть Крыма. Этим хаканы как бы осуществили свое право на земли бывшей Боспорской Кесарии и тем оправдывали избранное ими для царства наименование — Казария, соответственно с алано-готским произношением Кайзария. Государство становилось многонациональным и такое простое и привычное его название не было обидным ни для одного подчинённого народа.

Достойно внимания, что из первого своего центра в Верхнем Дагестане, Казары начали продвижение на запад и на север. Это значит, что организующие силы шли с Кавказа, а не из-за Каспия, как это принято предполагать среди сторонников "тюркутской гипотезы". На Волгу Казары вышли только закрепившись на Северном Кавказе. Всё это произошло в течение первого столетия существования нового государства, которому одновременно пришлось обороняться от нападений Арабов, а временами и самим совершать походы на захваченное теми Закавказье.

В продвижении Казаров на Дон, Волгу и Северовосточный Каспий можно предполагать стремление возродить Аланскую империю, павшую под ударами Гуннов.

---

15) Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена т. I, стр. 230

Это хаканам в известной степени и удавалось: к началу восьмого столетия Казария твёрдо занимала берега Нижней Волги, где была основана новая столица **Атель,** ей принадлежали Нижний Терек, Дон до Иловли, Тамань и Керченский полуостров.

Такое стихийное расширение границ могло произойти только при наличии неудержимой военной динамики и крупного политического опыта у правящего в царстве класса.

История возникновения и трехвекового процветания Казарского царства в значительной степени связана с прошлым тех племен, которые принесли на Северный Кавказ казачье имя и после слились с местными Степными Славянами. Гуннский разгром и следовавшие за ним постоянные нападения Болгар и Заяицких Огузов-Массагетов заставили эти племена подчиниться просвещённой власти правителей Казарии. Они проживали в её политических границах, а их воины способствовали расширению владений хакана. Здесь интенсивнее, чем где либо, проходили процессы слияния в одну народность Торков-Касаков, Торков-Узов, Славян-Казаровцев, Беренджеров и Асаланов. И хотя границы государства имели очень неясные очертания, можно не сомневаться, что население областей, примыкавших к Волге до Камы, к берегам рек Терека, Кубани, Дона и Северского Донца, находились в большей или меньшей зависимости от хаканов.[17])

---

[16]) М. И. Артамонов, История Хазар, стр. 171, 172

[17]) см. также Г. В. Губарёв, **Книга о Казаках,** главы 10, 11, 12; Того же автора статья **Казар,** Казачий словарь-справочник т. II, стр. 25 сл.

Глава одинадцатая

БЕЛЕНДЖЕР

К концу шестого века подвижные кадры будущего Казара, возникающей новой государственности, собрались за Тереком и захватили там небольшое княжество. Княжество это, по имени народа его населяющего, называлось **Беленджер** или **Баранджер.**[1]). Арабские источники относят то же название и к реке, пересекающей страну.Иранец Табари (IX век) писал, что выше Дагестана находится много городов царства Беленджер, а его поздний продолжатель Ибн ал-Асир, говоря об этом царстве, считал его столицей город Булкар. Но он вспоминал там же город Вабандар или Ванандар. М. И. Артамонов по этому поводу говорит:

> "Поскольку "ванандар" или "венетр" — одно из обозначений болгар, то Вабандар (Ванандар) может означать тот же город, который арабские писатели называли Беленджер или Булкар, т. е. так же, как и страну, в которой он находился. Это, по всей вероятности, тот же город, который в армянских известиях о стране Гуннов называет Варачан". [2])

Как видим, диалектная форма слова Беланджер трактуется по разному. Иногда к нему же относят и название В-н--нт-р; в "Еврейской переписке" X века казарский царь Иосиф так называет Болгар:

> "В - н - нт - р'ы были многочисленны — так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед Казаками. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени Дуна. До настоящего дня они расположены на реке Дуне и поблизости Кустандины, а Хазары заняли их страну до настоящего дня".[3])

Описанное Иосифом событие произошло около 660

---

1) М. И. Артамонов, История Хазар, стр. 177 прим. 16
2) Там же стр. 207, 208
3) Там же стр. 171,172

года, когда казары, действительно, изгнали Болгар с Сев. Кавказа и те поселились за Дунаем в сфере Византии.

Вслед за Казарами и Арабы стали называть Болгар Венедрами-Нендрами.[4])

Такое различное начертание одного и того же имени может показаться неправдоподобным, но от сов. арабиста Б. Н. Заходера узнаём о "трудности чтения в арабской транскрипции слов не арабо-персидских и особенно имён". По его образному определению, "туловище" слова иностранного происхождения у Арабов подвергались столь значительным переменам, что нередко была исключена возможность реконструкции его первоначального начертания.[5])

Не меньше чем у Арабов, неожиданности в транкрипции имён можно встретить у Евреев, Армян и у других восточных авторов. По выдержкам из различных источников видно, что все они изменяют географические названия, сообразно с их личным произношением, иногда до неузнаваемости. Так и получились в исторической литературе различные варианты Беленджера-Береджера вроде Ванандара, Венендера, Венентера и Варачана. Это племенное имя, при своей путанной изменчивости бродит по источникам в самых невероятных формах. Пришлось ему измениться или скорее возвратиться к своему первоначальному, истинному, виду, попав на славянскую почву. Со Славянами они всё же ближе соприкасались, чем с Арабами. В русских летописях они появились, как **Берендичи, Берендеи.**

Кавказский Беленджер подвергался постоянным нападениям с юга. Якуби писал, что однажды его захватили Персы, но Казары изгнали их. Если это случилось в самом начале при образовании Казарии, то её основатели явились в Беленджер, как освободители от власти чужого и далёкого народа. Жители остались на местах в своем крае, а их самый крупный город, по Масуди (X век) стал первой столицей Казарского царства.[6])

Беленджер неоднократно подвергался нападениям со стороны врагов и тогда, когда у Казаров начались войны с Арабами. В некоторых случаях арабские вой-

---

[4]) М. И. Артамонов, История Хазар, стр. 172

[5]) Б. Н. Заходер, Каспийский свод сведений о Восточной Европе т. II, М. 1967, стр. 137

[6]) М. И. Артоманов, История Хазар, стр. 178

ска терпели поражения. Наиболее трагические обстоятельства сложились для края в 721 г., когда арабскому полководцу Джахару удалось пройти через Дагестан и захватить ряд городов Южной Казарии. По словам Ибн ал-Асира, "ввиду многочисленности пленных — хазар и их семей — Джахар приказал топить их в реке Беланджер. Жителей городов решено было выселить. Многие из них бежали на север".[7])

Спустя два столетия Ибн Фадлан встретил в Камском Булгаре "пять тысяч душ женщин и мужчин, уже принявших ислам. Все они известны под названием Баранджар.[8]) Если **Ванандар** или **Венендер** считать одним из вариантов того же имени, принятым у Персов, то другая крупная группа Баранджаров находилась тогда же на Среднем Дону. Её указывает там география **Гудуд ал-Алэм** под именем В-н-нд-р: "На восток от них Брадасы, на юг — Казар, на запад от них горы, на север — Маджар. Они люди робкие, слабые, бедные, обладют скудным достоянием".[9]) В другом параграфе той же географии, где говорится об угро-финских племенах Волго-Окского бассейна —Маджарах (Меря, Мещеря, Мордва), сказано, что на юг от них находится христианское племя того же имени В-н-нд-р.[10] Венендеры жили рядом с Брадасами — Бродниками, у отрогов Средне-Русской возвышенности. Они пришли сюда христианами и сохранили свою веру. В XI веке, под давлением Половцев, это племя вместе с Торками переселилось к Днепру. Тогда и появились в поле зрения киевских летописцев Берендичи-Берендеи под своим настоящим именем. Арабские, персидские и еврейские варианты этого названия ничто иное, как прямые производные от **Берендий** через промежуточную форму **Берендъяр.** Арабский суфикс **джар** послужил здесь заменой слога **дьяр,** что бывало и в других случаях (Мадъяр — Маджар).

Дьяры в скандинавских Сагах, а следовательно и в гото-аланском языке, — некие высшие существа, князья божественного происхождения. Их можно сопоставить со славянскими **диями, дивами,** мелкими языческими божками. Но в сочетании Берендий или Перендий, как иногда пишут летописцы, это составное имя принадлежало у Славяно-Русов грозному языческому богу грома и молний. У Скандинавов тем же богом был

---

7) М. И. Артаманов, История Хазар, стр. 207

8) Книга Ахмеда ибн Фадлана, стр. 138

9) Гудуд ал-Алэм, стр. 162

10) там же, стр. 101

Тор. По каким-то неведомым причинам, на глазах у истории образовалось два названия — синонима. Первое — Берендеи до наших дней сохранило в Центральной Росси и свой сказочный мистический смысл. Второе — Торки стало выглядеть производным от нордического Тора и летописцы употребляют его не в первоначальном персидском смысле, объединявшем несколько скифо-туранских народов, а в качестве названия особого племени. Как видно, сожительство с Гото-Аланами не прошло без следа под их влиянием имя Торки приобрело тот же мистический смысл, которым обладало имя Берендеев.

Известно, что те и другие прошли долгий совместный путь от Кавказа через Дон к Днепру. В летописях Торки и Берендеи считаются Чёрными Клобуками с пояснением: "еже зовутся Черкасы". В Киеве знали, что все они пришли из Кавказской Черкасии. Торки появились в летописях на пол века раньше, чем Берендеи. Последних летописцы начинают упоминать от 1097 года, как народ независимый, но уже обжившийся у границ Киевской Руси и принимавший участие в ее политической жизни на положении "федератов".

В русской науке в Берендеях предполагаются Кыпчаки Половцы, потомки Баяндура, внука Огуз-хана. Но достаточно внимательно просмотреть летописные записи о них, чтобы понять ложность такой гипотезы. Чёрные Клобуки, в том числе и Берендеи, никогда не прекращали кровавой борьбы с Половцами. Эта борьба не выглядела, как частые междуплеменные недоразумения.

Глава двенадцатая

КАЗАРИЯ

Перейдя в шестом веке с Кубани на восток, династический клан **Анса** унёс с собою прежнее понятие **Кесария.** Несколько германизированное, оно и легло в основу названия, созданной ими новой страны, как **Казария.** Здесь оно приобрело значение **Царства,** не обидное ни для одного из многочисленных народов, подчинившихся хакану, так как не возвышало перед другими ни какое отдельное племя. В крае Береңджеров они заняли их главный город и дали ему имя **Семендер.** Разночтение **Самандьяр** придает ему гото-аланский смысл — **Объединённое княжество.**[1])

Однако, малый край Беленджер оказался тесным для широких замыслов клана Анса. Хаканы повели свои войска к степному северу и в низовьях Волги основали большой город **Атель.** Его название тоже имело готоаланскую основу, уменьшительное от **атта — отец, Аттел — батюшка.**[2]) Одновременно с этим власть хаканов распространилась на многие отдалённые племена. Иногда их войска появлялись в Закавказье, но казарские походы на юг выглядят как набеги без завоевательных целей, только как демонстрация сил с попутным приобретением добычи. Закавказские земли не имели тех привлекательных свойств, какими обладали открытые степи. В свое время Асаланы тоже не раз ходили за горные массивы Кавказского хребта и возвращались оттуда отягощенные добычей. Попыток же обосноваться там надолго они не делали. Полукочевая Казария тоже расширялась за счёт степных просторов, не забираясь глубоко ни в горы ни в леса.

В первую очередь войска хакана вытеснили тюркутское племя Котрагов или Приазовских Болгар. Около 660 года Болгарам пришлось уйти на Дунай и на Каму. Войска Казарии шли за ними до Днепра, где хакан повелел основать город Самбату (теперешний Киев). Северяне с верховьев Донца и Вятичи, жившие между Верхним Доном и Окой, стали его данниками.

---

[1]) М. М. Гухман, Готский язык, стр. 271
МИА 62, стр. 89, 90

[2]) Там же, стр. 257

Добыча и дани пополняли казну государства, но ещё большую пользу казарские правители умели извлечь из своего положения между Севером и Югом. Через земли Казарии, вверх и вниз по крупным рекам Восточной Европы шли купеческие караваны из бассейнов Каспийского и Чёрного морей. Отряды хакана обеспечивали им безопасность и взимали с них транзитную пошлину. В Ателе, Корчеве, Тане и Самбате образовались крупные рынки, куда стекались со всех сторон продавцы и покупатели. Вверх по рекам везли свои товары византийские и восточные купцы, а на рынках Казарии их встречали Норманны, Днепровские и Северные Славяне, Угро-Финны и Камские Болгары. Все они должны были вносить в казну хакана установленную пошлину. Благодаря этому хаканы и торговые круги государства стали интересоваться безопасностью торговых путей гораздо больше, чем завоеванием новых земель и даже больше, чем охраной границ. Из за трудно проходимых порогов, днепровский водный путь приобрёл лишь второстепенное значение. Для купцов Черноморского бассейна одной из удобных дорог на север стал Дон с переволокой к Волге. За ее безопасностью следили из Таны и из построенной на пути к Переволоке крепости Саркела.

Благодаря военным и торговым успехам, Казария в течение ста лет поднялась до уровня великих империй Востока. О ней узнали и далёкие страны, где она прославилась победоносной армией, блестящим правовым порядком и цветущей торговлей.

К началу восьмого века, в эпоху расцвета военной и экономической мощи, государственная структура Казарии, при мало отчётливых политических границах, складывалась из четырёх основных элементов: 1) Власть — хакан с его кадрами, господствующий клан **Анса;** 2) прямые подданые — жители местностей, непосредственно примыкавших к правящему пентру; 3) данники — покорённые соседи; 4) вассалы — народы, принявшие без принуждения покровительство могущественного государя и 5) наёмная армия.

Клан **Аиса** избирал хакана из своей среды, причём договаривался с ним о сроке его пребывания у власти. Принадлежность к династическому роду не представляла никаких материальных преимуществ. Знатность не связывалась с богатством. У М. И. Артамонова читаем: "Истахри сообщает, что на одном из рынков Атиля можно было видеть молодого человека, продававшего хлеб,

о котором говорили, что после смерти жившего тогда кагана — он ближайший кандидат на его место".[3])

Управление страной отличалось еще одной особенностью, совершенно необычайной для Востока: **двоевластием.** Во главе ее стояло два царя: хакан и хакан-бек. Первый царствовал, но не правил, а второй правил, но не царствовал. Почти незримый для населения хакан почитался всеми, как некое языческое божество. Он жил за высокими стенами дворца окруженный тайной, как тибетский Далай Лама, и духовным авторитетом своей мистической личности покрывал и санкционировал распоряжения и действия правителя, хакан-бека. Представители клана Анса и весь народ склонялись перед его загадочной особой, но в том случае, когда страна переживала катастрофические неудачи или стихийные бедствия, никто не мог воспрепятствовать его насильственной смерти. Его божественный авторитет падал, народ признавал, что Бог отвернул от него свой лик, что его сверхестественная мощь истощилась и судьба страны требует его замены другим представителем того же рода **Анса.** Ему предлагали окончить жизнь самоубийством, а если он отказывался от этого, его попросту убивали. Так же поступали с ним, если кончался срок его царствования, условленный при вгборах, а хакан не проявлял желания уйти на покой. Ритуал убийства исторически не освещен.

Фактическим привителем, лицом близким к ежедневным требованиям государственной жизни, без всякого мистического покрова, состоял другой царь, хакан-бек. Он вёл все дела, был вхож к хакану, не чуждался близости с народом, заведывал финансами, следил за исправным поступлением даней, заключал договоры и водил войска в бой. Считался только с традициями и с волей хакана, а если умирал или погибал в битве, его погребали под курганом. Все без исключения, минуя его могильный холм, должны были сойти с коня, поклониться его праху и пройти мимо пешком.

Система двойственного правления сама по себе отрицает возможность происхождения клана Анса от Тюркутов, пришедших с востока. На Востоке двоевластие не практиковалось, было исключено. Однако историки Данлоп, Артамонов и Гумилев ведут казарскую династию именно с востока, от Тюркутов, переиначив **Анса** в **Ашина** и без внимания на аналогии, частые в классическом мире. На Западе в древние времена власть

---

[3]) М. И. Арамонов, История Хазар, стр. 410

неоднократно делили между собою два царя. В великих империях она одинаково принадлежала императору — полководцу и кесарю — цесарю, постоянно пребывавшему в столице. Уже в IV веке до Р. Хр. греческие мыслители Платон и Аристотель рассуждали о положительных свойствах правления двух царей в Спарте и Карфагене. Варианты такого строя повторялись в Риме, в Византии и в Царстве Боспорском. Случались там и убийства августейших правителей по решению преторианаской гвардии. В этом смысле, самым близким примером для Казарии могло служить Царство Боспорское.

Что касается населения страны, то оно было необычайно разнообразным даже в чертах расовых. Наряду с белотелыми жителями Севера, современные авторы указывают людей темноликих. Здесь также продолжались интенсивные процессы слияния племен. По данным археологии, в границах Казарии появилось много метисов, а среди них — какие то Славяно-Туранцы, жители Дона **Сакалибы.** Их имя созвучно со скифским **Сака.** В истории их иногда считают чистыми Славянами, а иногда склонны отнести их название ко всем белотелым народам севера. Судьбы Сакалибов связаны с Доном. Им пришлось перенести много невзгод, но их остатки, по всем видимостям слились с казачьими предками **Бродниками.** Уделим им немного внимания.

Начало восьмого века ознаменовалось для Казара частыми нападениями Арабов. В 737 г. Арабы проникли особенно далеко на север. Их полководец Мерван начал поход из закавказского поселения **Касак,** расположенного между Тбилиси и Бердаа.[4]) Прорвавшись через Дагестан, 150 тысяч арабского войска широким фронтом вторглись во владения Казарии. Хаканы, застигнутые врасплох, не решились встретиться с сильным врагом и отошли вместе с армией за Волгу. Мерван, двигаясь вдоль этой реки, вышел к Дону и Донцу, где встретил племена Сакалибов, кочевавших со своими табунами и стадами. Арабы опустошили их край, переправившись через Волгу, нанесли поражение войскам хакана, затем начали отход, прихватив с собой табуны Сакалибов и 20 тысяч семей, для переселения на новые места в Закавказье.

М. И. Артамонов пишет: "Так как Сакалибами Арабы обычно именовали Славян, то пленных Мерваном считают Славянами, а местожительство их ищут на славянской реке — Дону или Волге".[5])

---

4) Данлоп, стр. 80, 81

5) М. И. Артоманов, История Хазар, стр. 218 220

Против левого крыла наступавшей армии Мервана у Северского Донца оказались Славяне-Анты, о которых сообщал Прокопий из Кесарии.[6]) Судя по данным археологи, эти Северяне именно тогда без задержки ушли от арабов и перекочевали в ближайшую лесную зону. От этого времени в лесах начинают скопляться предметы Роменский археологической культуры, а Северский Донец на четверть века опустел.

Вернувшись в Закавказье, Арабы поселили семьи пленных Сакалибов рядом с Кахетией при византийской границе, т. е. там, где Страбо указывал Сакасену и военный народ Коссахов. Но пленники вскоре перебили стражу, вместе с поставленным над ними эмиром, и двинулись обратно через горы на Дон. Арабы и тут преградили им путь, а в наказание за бунт жестоко с ними расправились. Не исключена возможность, что часть Сакалибов после оказалась среди Муганских Казаков, и тогда и теперь проживающих за рекой Курой.

Оправившись от поражения, Казары использовали династические распри в Арабском Калифате, в свою очередь напали на Закавказье и распоряжались там до 762 года. Вернувшись из похода, правители и вся аристократия из клана Анса порешили принять Иудейство. От этого времени хаканами могли быть только иудеи.

Клан Анса перешел в эту религию, очевидно, не ради ее идеологических основ. Первое время новые иудеи пренебрегали всею обрядностью, а зато они таким образом подчеркнули свою обособленность от рядового населения государства, свою высшость. Иудейство стало в Казарии религией избранных.

К концу восьмого века закончилась эпоха героических походов, побед и покорений. Последними признали вассальную зависимость от хаканов племена, так называемых, "выходцев из склавинского племени", пришедших с Дуная в 764 г. и занявших покинутые Северянами берега Донца.

В стране восторжествовал дух меркантилизма, хаканы стали обладателями огромных богатств, население потеряло вкус к войнам, а вместе с тем потеряло и доверие властей. Правители перешли к армии наемников, вербованных в Средней Азии.

[6]) Прокопий из Кесарии, Война с Готами VIII. 4, 9

Крупным событием последующей эпохи стало сооружение в 836 г. на Дону крепости Саркела. От этого времени там находился наемный гарнизон, охранявший и воды Дона и "залозный путь" по суше из Ателя в Самбату на Днепре.[7])

Казария сложилась в государство особого типа. Ансов перестало интересовать приобретение новых земель, а старые получили значение только по величине дани, которую выплачивали, и по торговым путям, через них проходившим.

Смирившиеся народы продолжали управляться собственными князьями и старейшинами, доставлявшими в Атель установленные для них дани, а при общности интересов обороны они выражали покорность хаканам военной помощью: в случае нужды, усиливали наемное войско Казарии своими отрядами.

Династический клан Анса и коренное население Ателя жили своими торговыми интересами, а подвластные народы оставались сами по себе. Существовал обширное государство Казар или Хазария, а единой казарской (хазарской) нации не создалось. История таковой не знает.

Народы Подонья и Меотиды также продолжали идти своим жизненным путём. После того, как Тюркуто-Болгары удалились с их степей, Доно-Кубанское междуречье снова оказалось в их полном распоряжении. Там окончательно укоренилось географическое название **Земля Касак** или по гречески **Касахия.** В 948 году Константин Багрянородный, перечисляя края примыкавшие к Тамани, называет Зихию с Папагией и дальше Касахию на месте Меотиды, а последнюю уже не вспоминает. Однако, там же, соседкой девяти южных провинций Казарии, указывает Аланию. Объяснение этому находится в персидской географии 982 года, которая говорит, что прекрасный край **Земля Касак** помещалась у берегов Азовского моря и входила в состав Западной Алании с ее царем-христианином.

---

[7]) Путь вдоль берегов Донца, «за лозою».

Глава тринадцатая

БУРТАСЫ И БРАДАСЫ-БРОДНИКИ

Обратимся к географии Гудут ал-Алэм. По ее описаниям, на восток от Казарии проживали Огузы. Руководствуясь арабским начертанием **ал Гузей**, переводчик географии В. Ф. Минорский почему то называет их Гузами, хотя по отношению к Аланам он не пользуется персидским начертанием этого имени **ал Лан** и пишет его полностью, не отбрасывая первого слога.

Огузы указаны персидским географом там, где их помещают и другие источники, в заволжских степях и в Западной Азии.[1]) Сведения о Печенегах-Тюрках взяты им с того времени, когда этот народ в IX веке, пересекая Волгу у Жигулей (Печенежских гор), ещё размещался между Огузами и Поокскими Угро-Финнами.[2]) О христианском народе В. н. нд. р, как о Беленжерах попавших на Дон, говорилось раньше (см. главу 11), а на восток ст них, между Верхним Доном и Волгой, указаны в географии **Брадасы** или **Барадасы**, особый народ, который по созвучию имён часто смешивают с Буртасами. Но край Брадасов по описанию географии лежал отдельно от края Буртасов; на противоположном берегу Волги:

> "На восток от него — река Атиль; на юг от него — Казары; на запад от него — В. н. нд. р; на север от него — Печенеги Тюрки. Люди этой земли исповедывают такую же веру, как Огузы, живут в войлочных хатах и сжигают своих покойников. Они подчиняются Казарам, а деньги их состоят из шкурок зверька ласки. Они имеют двух князей, которые держатся отдельно друг от друга".[3])

Земля же Буртасов описана так:

"На юг и на восток от нее — Огузы; на запад от нее — река Атиль, на север от нее — край Печенегов. Это мусульманский народ с особым языком. Их царь называется Мус; они живут в палатках и войлочных юртах и поделены на три орды: Бар-

---

[1]) Гудуд ал-Алэм, § 19

[2]) Там же, § 20

[3]) Там же, § 52

чула, Ишкил и Балкар. Они живут в постоянной вражде, но мирятся, когда появляется общий неприятель".[4])

Совершенно ясно, что в приведенных выше отрывках речь идёт о двух разных народах. Первые жувут на запад от Волги, вторые — от неё на восток; первые — язычники и по общеславянскому обряду сжигают своих покойников, вторые — мусульмане; первые имеют двух князей, а вторые поделены на три орды.

География упоминает их отдельно еще дважды (в параграфах 8 и 20), но несмотря на это, ее комментатор В. Ф. Минорский считает Буртасов и Брадасов одним и тем же народом.[5]) Такое решение не выглядит особенно остроумным. И хотя, кроме персидской географии, достаточно точных указаний на этот счёт не обнаружено, его точка зрения не подтверждается сообщениями других древних авторов. Ибн Русте указывает Буртасов между Казаром и землей Камских Болгар на протяжении семнадцати дней пути. Он писал в начале X-го века. На пол столетия позднее Истахари сказал, что Волга проходит минуя вначале Русь, затем — Булгар, а после — Буртас. Всё это очень неопределённо, но не противоречит данным из Гудут ал-Алэм. Несколько отчетливее указания Масуди, современника двух первых авторов (Тамбий, 62). Он говорит:

"Буртасы большой народ Тюрков, живущих в зависимости от Казаров между землями Ховарезма и Казарским царством. Их река возможна для навигации больших судов с различными товарами из земель Ховарезма и других мест. От Буртас вывозятся чёрные лисицы, самые лучшие меха".[6])

В другом месте Масуди называет реку Буртас притоком Волги. Тысячу лет назад, когда он писал свои сочинения, карта водных путей Северного Прикаспия была совершенно иной по сравнению с нынешней. Морские берега ушли далеко на юг, оставив на поверхности подвижные летучие пески. Ветер переносил их с места на место, засыпая ими реки и озёра. От многих из них остались только "старицы" или солонцеватые впадины. Можно ли ручаться, что среди них не затерялась и река

---

[4]) Гудуд ал-Алэм, § 51
[5]) Там же, стр. 460-465
[6]) Там же, стр. 462, 463

Буртас, по которой хорезмийские купцы доставляли свои товары в страну того же названия — Буртас. Отрезанными от моря и от Волги в Северном Прикаспии оказались и реки Узени, Большой и Малый, нижнее течение которых занесли пески.

По одной из заметок Масуди, страна Буртас находилась между Казарией и Хорезмом,[7]) иначе говоря, между Волгой и Средней Азией, что вполне отвечает указаниям персидской географии. Однако, другие древние авторы не особенно отчётливо понимали разницу между Брадас и Буртас. Они только делили Буртасов на два "разряда", из которых "один разряд предаёт мертвых сожжению, а другой хоронит их".

Самое отчётливое, ясное и, можно сказать, неопровержимое указание даёт персидская география **Гудуд ал-Алэм:** три племени, Барчула, Ишкил и Балкар. кочевали в стране Буртас между Волгой и Яиком, а два племени Бардасов проживали отдельно от них между Волгой и Средним Доном, по соседству с Баранджерами — В. н. нд. р. Вообще же **Буртас** — понятие географическое, а не этническое. Многие восточные авторы десятого века подчёркивают, что так назывался край, а не племена, проживавшие в нём.

Брадасы не появляются в истории неожиданно. В Хроникон Пасхале (I, 57), источнике седьмого века, уже упоминались жители Нижнего Дона **Борадесы.** Г. В. Вернадский видит в них тех смелых мореходов, которых автор пятого века Зосим называл Боранами,[8]) а один из советских историков считает, что Бораны — "какое то скифо-сармато-аланское или славянское племя".[9]) Все эти предположения заслуживают внимания.

Точные указания Гудуд ал-Алэм находят свое подтверждение в русских летописях и в западноевропейских актах. Через два века эти источники указывают Бродников именно там, где география помещает Брадасов, т. е. на Среднем Дону. В связи с этим, понимать созвучие их имён, как простую случайность, не приходится. В одном случае имеем транскрипцию славянскую, а в другом — транскрипцию персидскую для того же имени. Различие понятное и оправданное. По данным двенадцатого века, очевидные потомки Брадасов — Бродинки уже христиане. Они иногда сотрудничали с кня-

---

7) Б. Н. Заходер, Каспийский Свод т. I, стр. 235 прим.

8) G. Vernadsky, History of Russia v. I, p. 108.

9) А. М. Ременников, Борьба племен Северного Причерно-

зьями Северо-Восточной Руси, а с Русью Киевской враждавали. В битве на реке Калке (1223 г.) Бродники оказались с Монголами. Они помогли им побить Русов и их союзников Половцев.

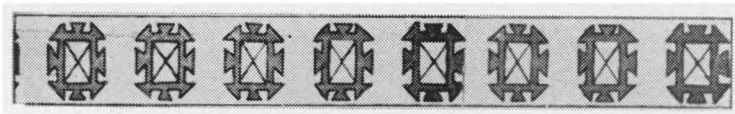
Русская летопись говорит о них, как о христианах, хотя, живя в стороне от Киева, они не участвовали в христианизации лесных Славян. Христианство пришло к ним не с Днепра, а с юга через Кавказ. На Средний Дон его принесли из страны Беленджер прежние жители города Варачана, народ В. н. нд. р. Эти люди приняли крещение в г.г. 681-682, после проповеди епископа Кавказской Албании Израила.[10]) На Дону они появились около средины VIII века и жили там до прихода Половцев (1054 г.) рядом с Брадасами — Бродниками, которые тоже стали христианами.

Брадасы были народом с преобладающей славянской кровью, а Буртасы — Тюрки. Смешивать их с какими либо Угро-Финнами нет никаких оснований. Что касается племен, живших в стране Буртас, то из них сохранилось племя Балкар, соседнее теперь с Кабардинцами, а также еще встречается название другого племени **Борчала,** передавшего свое имя одной из южных областей Грузии. Неизвестно только, куда девалось племя Ишкил.

Сообщением о Брадасах география Гудуд ал-Алэм помогает подойти ближе к разрешению вопроса о коренном казачьем населении Подонья.

морья с Римом в III веке, стр. 90

[10]) Б. Н. Заходер, Каспийский Свод, стр. 176

РАЗДЕЛ II

АРТАНА

Глава четырнадцатая

ВЫХОДЦЫ ИЗ СКЛАВИНСКОГО ПЛЕМЕНИ

В восьмом веке, после нападения Арабов полководца Мервана на Казарию, Северский Донец на время запустел, его население ушло глубже в леса. Но через два или три десятка лет покинутые земли снова ожили: у лесо-степных граней между Донцом и Доном возникли многочисленные поселения. Появились и укрепленные центры в виде каменных замков.

Русские историки еще и теперь предполагают, что на Донец с севера хлынула обратная волна Славян, но археологические открытия восстановили, во первых, разноплеменность нового населения, а во вторых, его непосредственные связи с Дунайской Болгарией и с Северным Кавказом. Следовательно, возможность переселения лесных Славян на юг в степную зону устраняется. Откуда же они пришли? Разрешение этого несложного вопроса подсказывается связями с Дунаем. Особенно, если обратиться к письменным памятникам половины восьмого столетия, когда и произошло массовое переселение на Донец. Ясно, что пройти незамеченным у современников оно не могло. Говорит о нём и живший в то время константинопольский патриарх Никифор в своей **Краткой Истории.** Он пишет, что в 764 г. с Балкан на реку Артану переселилось двести тысяч "выходцев из склавинского племени".

Русские историки убеждены, что Артану следует искать где то в Малой Азии,[1]) но Никифор совершенно определённо указывает северное направление. По его словам, зима в этом году была настолько суровой, что даже Чёрное море покрылось толстым льдом далеко в глубину своего пространства, **"но больше всего на самом севере и близ севера".**[2]) "Море как бы приросло к материку, так что не легко было отличить одно от другого. И так все желающие передвигаться с материка **на се-**

---

[1]) См., например, М. Ю. Брайчевский. К истории расселения Славян. Византийский Временник XIX, стр. 134

[2]) Вв т. III, М. 195д, стр. 378. Курсив мой. Г.

вер по воде шли пешком. Она была проходима, сколь **в границы Хазарской земли, так и к соседним скифским народам и не только для людей, но и для скота и других животных".**[3]) А у Босфорского пролива через некоторое время стали громоздиться, пловучие льдины, оторванные бурей:

"Пролетело несколько дней и этот несбъятный тянувшийся лёд стал раскалываться на отдельные куски, каждый из которых имел такую высоту, что казалося высоченной горой. Из этих отколовшихся частей, некоторые силой ветра были прибиты к Дафнусии, одной из укрепленнейших крепостей в Понтийской части; оттуда же оттолкнулись и приплыли до пролива из Эвксинского Понта. И скопившись в одном месте у узкого его прохода, они заполнили лежащий между материками Фракии и Азии пролив и соединили их друг с другом так, что желающие переправиться с каждой стороны на противоположную было удобнее идти пешком, чем вплавь". [4])

Из этих слов следует, что загроможденный высокими торосами Босфорский пролив могли переходить отдельные люди, способные преодолевать препятствия. Но был ли этот путь в М. Азию возможен для двухсот тысяч переселенцев с повозками и со стадами? Несуразность такого предположения станет ясной каждому, кто потрудится определить длину колонны в 40-50 тысяч семейств. Даже при движении в два или три ряда повозок по гладкому льду, она заняла бы в длину не меньше 250 километров и при благоприятной погоде переправлялась бы целый месяц. А кроме этого надо было, чтобы ко времени образования заторов переселенцы находились на берегу пролива. Однако, по словам того же источника, льдины, не задержавшись надолго, продолжали двигаться на юг, сталкивались со стенами встречных крепостей, сотрясали их и тем приводили в ужас жителей побережья.

Продолжая дальше и указывая тот же 764 год, патриарх Никифор пишет:

"Прошло немного времени и выходцы из склавинского племени, переселяясь со своей земли, перешли через Эвксинское море. Их количество достигло до двухсот восьми тысяч человек. И они поселились у реки именуемой Артаном".[5])

---

[3]) ВВ т. III, стр. 378. Курсив мой. Г.

[4]) Там же

[5]) Там же

Ознакомившись с этими сообщениями, следует принять в расчёт: 1) что Артана это — тюркский перевод русского географического названия — **Задонщина, позади Таны (Дона);** 2) что область Артаны по восточным свидетельствам — одно из мест расселения Восточ-Славян; 3) что для восьмого века археология обнаруживает огромный приток населения в доно-донецкую часть степной зоны, где в это время появилось большое число новых стойбищ и поселений. При этом некоторые из них определяются, как славянские, а остальные, как принадлежавшие Асаланам и Чёрным Болгарам. Они принесли с собою особую материальную культуру, которая в археологии получила название Салтово-Маяцкой. Река Артан — цель переселения "выходцев из склавинского племени" — это Малый Дон, Донец, с точки зрения восточных людей **Задний Дон.**

Все указанные обстоятельства связывают переселение на реку Артан не с Малой Азией, а с восточной Европой. Совершенно очевидно, что переправа в короткий срок по торосам через стремительный Босфор была невозможной для больших масс переселенцев, а зато спокойный переход из Добруджи к Днепру и Донцу, не только по льду крепко замёрзшего моря, но и по его берегу, не требовал большого напряжения сил и спешки, даже в начале весны, когда, собственно, и начиналось традиционное движение кочевников с южных зимних убежищ на северные пастбища.

Кроме этого, восьмой век чреват событиями, которые не могли располагать к переселению в малоазиатские владения Византии. Между 732-750 гг. по Малой Азии прошла полоса землетрясений, причём особенно пострадали Сирия и Месопотамия. Там многие города и поселения были целиком поглощены землёю или обрушились с возвышенных мест в долины. На довершение бед в Сирии начались преследования христиан. Как говорит английский историк: "судьба христиан находилась в зависимости от того, существовал ли мир в среде самих магометан или там наступала религиозная борьба, предшествовавшая падению господствующего дома Омеядов и торжеству в 750 году новых калифов Аббасидов, перенесших столицу Сирии из Дамаска в Багдад".[6])

Все эти годы Сирийцы и Армяне, древние христиане, должны были неоднократно уходить от сарацинских

---

[6]) Syrian Stone-Lore, by Claud Reinier Conder, R. E. London 1886, p. 349.

зверств, бежать из Малой Азии и искать спасения в Европейской Фракии. Император Константин Копроним от 756 у. строил там для них города, но и здесь их не ожидала спокойная жизнь. Болгары не желали у своих границ новых поселений и постоянно тревожили их нападениями. К тому же это были годы непрерывных междуусобий в самой Византии, иконоборческих распрей и борьбы за власть. В 746 г. страну посетил опустошительный мор, уничтоживший большинство жителей столицы и областей смежных с нею. Через пять лет после него великое смущение породил массовый звездопад, как зловещее предзнаменование грядущих бед. В 763 г. Константин V разгромил Болгар. Их хан Телетс был убит своими же боярами. В Болгарии началось междуцарствие, связанная с этим усобица, а одновременно непрекращавшаяся война с Византией.

Всё это и могло послужить причиной, побудившей "выходцев из склавинского племени" покинуть Мезию и Фракию в поисках областей наиболее отдалённых и от Сарацинов, и от Болгарии, и от Византии с её бедствиями. Такое место они нашли в Артане, донских и донецких степях, недавно покинутых прежними антским и северянским населением, ушедшим вглубь лесов. Здесь в Артане оказалось много свободных пространств, не было стихийных катастроф и безжалостных завоевателей, а достаточно сильная Казария плотно закрепила Урало-Каспийский проход и сдерживала азиатские орды от нападений на черноморские степи. Надо думать, именно по этой причине "выходцы из склавинского племени" избрали реку Артану и область того же имени — Задонщину. Но существовала и другая веская причина, по которой степные Славяне, Асаланы и Болгары оказались на Донце. Их переселение в Артану было возвращением из дальних странствий. Пестрая смесь племен, сливающаяся в один народ шла на свою прародину.

Человек поневоле существо общественное. Он слишком слаб для того, чтобы в одиночестве вести борьбу с силами природы и враждебным окружением. Поэтому создавались, разраставшиеся в числе, общества, родовые, племенные и союзные — политические зародки государств. В них весь мир делился на "своих", неприкосновенных и на "чужих", которых можно было обижать, если бы они оказались слабее, и от которых приходилось ожидать всяких бед в том случае, если они окажутся сильнее. Главными задачами племенных сообществ, кроме пропитания семей, во всякое время не-

изменно оставались сооружение тёплых жилищ и охрана безопасности. Легче всего это удавалось в оседлом быту, а потому к оседанию на родной и знакомой земле стремились все кочевники, когда подходили к тому сроки.

Но это не всегда удавалось. Часто непреодолимое насилие срывало с места и заставляло десятилетиями блуждать где-либо в стороне, сохраняя в душе стремление возвратиться "к Пенатам". Пенаты! Добрые божества семейного очага! Среди грозного Пантеона гневливых и требовательных языческих богов, они были самыми добрыми и ласковыми хранителями семейного тепла и благосостояния. Память о них хранилась до наших дней в образе добродушного домового.

Влечение к своим Пенатам не иссякло и в племенных общинах, сорванных с Дона Гуннами. Родные степи тянули к себе и через три века блужданий по Европе. Весною 765 года они снова увидели Донец и Дон.

Они пришли из края, за которым уже укоренилось название Болгарии, и большинство населения состояло и зпокоренных Болгарами Славян, Аланов и Готов. Там уже сто лет происходило интенсивное смешивание племен и рас. "И при этом ассимиляции педвергались не столько Славяне, сколько Болгары, — говорит чешский славист Л. Нидерле. — Болгарские правители, а затем бояре и народ в целом, уже спустя короткое время стали принимать славянские имена и заменять свой родной язык славянским".[7]) Греки уже давно называли их край Склавинией славянской землёй[8]) и неудивительно, что патриарх Никифор считает эмигрантов в Артану "выходцами из склавинского племени". По крови они не были однородны, хотя при переселении составляли политически организованное общество. Во всяком случае, Никифор избегает их называть просто Славянами. Греки позднее знали их под именем Чёрных Болгар,[9]) а Персы — как Срединных Болгар.[10]) Была среди них и колония христиан, Сирийских Черкесов, будущих Кабардинцев, которых персидский географ назвал именем Мирват,[11]) а также часть чистых Славян. Русские ле-

---

[7]) Л. Нидерле, Славянские древности, М. 1956, стр. 84

[8]) Там же, стр. 87

[9]) Повесть Временных лет изд. 1950 г., стр. 37; ПСРЛ т. I, М. 1962, стр. 51

[10]) Гудуд ал-Алэм, стр. 53, 67, 158, 160

[11]) Там же, стр. 160

тописи, кроме Чёрных Болгар, упоминает и какое-то количество Ясов с их князьями.

"Выходцы из склавинского племени" вначале заняли только ту полосу земель при Донце и Доне, где начиналась лесо-степь. Там и возникли замки их привителей. Но со временем они стали распространяться к югу. В начале девятого века их кочевая часть уже размещалась вдоль всего Донца с его притоками, а также по Среднему и Нижнему Дону. **Продвижение их шло с севера на юг.** Предполагается, что к этому времени они уже признали вассальную зависимость от Казарских хаканов. В археологии их взаимные связи подтверждаются широким распространением Салтово-Маяцкой материальной культуры переселенцев по всей Казарии. Вначале же отношения не были дружественными. Вскоре после своего прихода "выходцы из склавинского племени" воздвигли на правом берегу Дона, повыше донецкого устья, крепость со стенами из белого известняка. Этому искусному сооружению, повидимому, и принадлежало первоначальное славянское название "Белая вежа". "Залозный путь" между Ателем и Самбатой на Днепре весь оказался под контролем новых поселенцев. Хакан не мог примириться с таким положением. В начале девятого века Казары взяли белый замок с бою и разрушили его до основания. Хакан порешил обеспечить все близлежащие пути постройкой своей крепости. Но он не имел специалистов для возведения крупных каменных сооружений, а воспользоваться услугами строителей из среды новых соседей не пожелал, хотя среди них было не мало специалистов, построивших на Донце и на Дону из подручного материала еще несколько замков. Правитель Казарии обратился за помощью к Византии и греческие строители в 836 году воздвигли для него крепость Саркел, на острове между двумя руслами Дона. Местные Степные Славяне назвали его старым именем — Белая Вежа, хотя стены его были выложены из красного кирпича. Тюркское название — **Саркл** определяет его цвет более точно: — **Сары-кала** — **Желтая постройка.** Добрые отношения между Казарами и донецкими переселенцами постепенно укрепились. Другую крепость на юг от устья реки Сал строили уже местные мастера из Салтовцев.

Казарская крепость у Дона на юг от реки Сал
Внешний вид восстановил Н. Ф. Мишаткин

Глава пятнадцатая

ЗАГАДКА ИМЕНИ МИРВАТ

Некоторые существенные указания по поводу "выходцев из склавинского племени" находятся в персидской географии 982 года Гудуд ал-Алэм. Она составлена по материалам того времени, когда эти народы ещё благополучно здравствовали в западном бассейне реки Дона. Сведения о них дополняют данные, обнаруженные при раскопках поселений и могильников Салтово-Маяцкой археологической культуры.

В географии Гудуд ал-Алэм для эмигрантов с Дуная встречается только два имени: Срединные Болгары и Мирват. Что касается первого названия, то оно появляется в страницах источников не в последний раз. Вообще, о Болгарах имеется богатая литература на многих языках, а Донецкие Болгары упоминаются не только у Персов, а и в русских летописях, но под именем Чёрных Болгар. Так же их называет и Константин Багрянородный. Интересно при этом заметить, что среди русских историков, кажется, только один Д. И. Иловайский признал местом последних кочевий Чёрных Болгар именно **Артану.**

Беленджеры, к которым относится и народ В. н. нд. р (Венендер) персидской географии, тоже считаются Прикаспийскими Болгарами, но в Гудуд ал-Алэм они указаны отдельнно от Срединных Болгар и это значит, что при встрече в бассейне Дона те и другие уже не были однородными по своим племенным признакам. В то время как В. н. нд. р еще сохранял свою болгарскую сущность, Срединные Болгары к этому времени уже далеко от нея отошли и понимались, как "выподцы из склавинского племени", тюрко-славянскими метисами. В персидской географии о них сказано:

> "На восток от них — Мирват; на юг от них море Гурз; на запад от них Саклабы; на север от них Русская возвышенность. Это страна без городов. Народ смелый, воинственный, внушающий страх, по натуре схожий с Турками,[1]) живущими рядом с Казарией. Срединные Болгары воюют с разными Русами, но торгуют со всеми соседями.

---

[1]) Очевидно речь идет о Торках. Турок, как таковых, в географии нет.

Они имеют овец, оружие и всё необходимое для войны". [2])

Здесь народ Мирват упоминается впервые. Его описание таково:

"На восток от него — немного возвышенностей и часть Казарских Печенегов; на юг от него — другая часть Казарских Печенегов и Море Гурз; на запад от него — море Гурз и Срединные Болгары; на север от него — часть последних и возвышенности В. н. нд. р. Они христиане и говорят на двух языках: по арабски и по гречески. Одеваются, как Арабы, живут в дружбе с соседними Турками и Византийцами". [3])

Н. Ф. Минорский, русский переводчик на английский язык этой географии и ее комментатор, теряется в догадках, что это за странный народ, попавший к нам на Дон. Он хочет разрешить вопрос в отрыве от византийских данных и не считаясь с миграцией "выходцев из склавинского племени". А между тем, среди этих выходцев, судя по "Краткой Истории" патриарха Никифора, могла оказаться и крупная группа недавних переселенцев из Сирии, ушедших с родины на европейскую сторону. [4]) Как уже говорилось, император Константин поощрял их переселение и строил для них специальные города у Болгарской границы. К тому же и Константин Багрянородный вспоминает их, как Сирию, на берегу Азовского моря. В 948 году он писал: "В Меотийское море впадают реки многие и большие; с его северной стороны протекает река Днепр, откуда Русы проходят (к нему) через Чёрную Болгарию и Хазарию и Сирию. Этот же самый Меотийский залив" [5]) и т. д. Двигаясь вдоль Донца, к Азовскому морю, Русы, действительно, должны были миновать Чёрную Болгарию, а затем могли подойти к его заливу (Таганрогскому) с севера — через кочевья пришедших сюда Сирийцев, а с востока через владения Казарии. Там же раскопаны погребения в которых не было ничего, кроме покойника, остатков его одежды и личных украшений. По мнению С. А. Плетневой, это "бедные захоронения", а дело здесь совсем не в бедности. Люди пришедшие из Сирии были христианами, а у христиан никогда не было в обычае класть в могилу остатки тразны или оружие.

В этих могилах встречаются также остатки с чере-

---

2) Гудуд ал-Алэм, § 45

3) Там же, § 46

4) Взант. Временник т. III, стр. 377

5 Об управлении империей, 42. 75-78, стр. 186, 187

пами негроидов. Антрополог В. В. Гинцбург удивляется: "Несколько необычайна частота появления "негродных" признаков на изученных черепах. Если же предположить наличие примеси экваториальной расы в данной популяции, то сразу же встают вопросы о путях и древности ее".[6]) На эти вопросы точно отвечает присутствие среди переселенцев в Артану выходцев из Аравии — Сирийцев. Далекая Сирия уже давно стала христианской. Первая христианская церковь была там построена в 232 году.[7]) В шестом веке около города Скифополиса (теперь Байсан) был основан христианский монастырь.[8])

У Адыгейцев и Кабардинцев сохранилось предание, по которому их предки пришли на Кавказ из той же Сирии — Шама. Истории известны Шам и Бадиат ал Шам на восток от Дамаска и Скифополя. На север от этой области у гор Тауруса стоял город Шам'ал (теперь Синджерли), где население пользовалось особым языком.[9])

Предание об уходе из Сирии крепко держится среди адыгейских народов до наших дней. Связавши его с событиями 764 года и свидетельством Константина Багрянородного о Сирии на берегу Азовского моря, можно решить, что вместе с "выходцами из склавинского племени" на Дон попала и та крупная группа одного из адыгейских народов, которая перед тем, по воле императора Константина Копронима, оказалась во Фракии. Несомненно, этими Сирийцами племени Мирват были предки Кабардинцев. Такой вывод подтверждает более поздние источники и географические карты. Другие Черкесы, Церкеты, Адыге-Дзыги, были известны географам, как жители Кавказа много раньше.

Около 1050 года в труде другого персидского автора появляется имя подобное Мирвату. Этот автор Гардизи пишет, что за горой от Венендеров, от них в десяти днях пути, проживал народ из христиан, которых называли Мардатами. "Их одежда походит на одежду Арабов из чалмы, рубаха и джубы. У них есть пашни и виноград".[10])

Следовательно племя Мирват — Мардат — Кабардинцы проживало уже оседло на Нижнем Дону, занимаясь земледелием и виноградорством. Но, очевидно,

---

6) В. В. Гинцбург, Кранеологические материалы Правобережного городища, МИА 109, стр. 307

7) History of Syria by Philip K. Hitti, New York 1951, p. 365.

8) Там же, стр. 367

9) Там же, стр. 144, 165, 170

10) Б. Н. Заходер, Каспийский Свод т. II, стр. 53

они также и кочевали вдоль Миуса и Кальмиуса, в той области, которую более поздние восточные авторы считали Землёю Черкесов "за Калак рекой".

Следует помнить, что даже в тринадцатом веке Мирват — Кабардинцев на Северном Кавказе еще не было, а Земля Касак и Касахия уже существовали. Это лишнее доказательство, что имя Касак, с его вариантами Касах, Касаг, Касог, принесли на Кавказ не Кабардинцы и что такое племенное название к ним относиться не могло.

При дележе свободных земель бывшие Сирийцы получили северное побережье Азовского моря и часть берега Нижнего Дона. Здось племя Мирват оказалось рядом с основными владениями сильного в то время казарского хакана. Они должны были подчиниться его власти и, получив по своим боевым заслугам достойную оценку, стали играть видную роль в управлении государством. Их туранское название **Кабары — Великие,** вероятно, зародилось именно в то время, но оно могло быть и переводом их сирийского имени Мирват, арабский корень которого **мир** и соответствует туранскому **кабар, кабир.** Смысл первого — **князь, господин,** а смысл второго — **выдающийся, великий.**

Благодаря их близости к правящей династии, Константин Багрянородный считал их Казарами:

> "Так называемые Кабары были одного рода с Хазарами. Случилось так, что они захотели избавиться от их власти, но, когда вспыхнуло междуусобие, победило прежнее правительство. Некоторые из них были убиты, а другие бежали и поселились на земле Печенегов вместе с Турками. Здесь они стали их друзьями и получили название "Кабары". "А так как в войнах они оказались наиболее упорными и доблестными из всех восьми кланом, Турки признали их почётным кланом". [11])

Турками Багрянородный называл Мадьяр. К Мадьярам ушел только один клан Мирват-Кабардинцев. Он навсегда остался среди них, остальные же продолжали занимать северо-западный берег Таганрогского залива и донской дельты. Европейцы отмечали здесь их имя даже на картах XV века. Х. Х. Хаворт сообщает, что "на карте составленной в 14 97 г. Фредутио из Анконы и обнаруженной в библиотеке Вольфенбителя, название Ка-

---

[11]) Об управлении империей, гл. 39, стр. 174, 175

барда стоит немного западнее Таганрога. Там же оно помещено и двумя столетиями раньше (ок. 1312 г.) на картах сделанных от руки в Вене. В этом случае там стоит обозначение Кабарды![12]). Для итальянских карт XIV-XV вв. это, вообще, не редкость.

В персидской географии 982 года говорится, что народ Мирват исповедывал христианство. Когда хакан Обадия, горячий приверженец старозаконного ритуала, стал в гг. 810-820 проводить в стране религиозные и общественные реформы,[13]) его племена начали мятеж. Это время также совпадает с разрушением правобережной белой крепости, лишь недавно воздвигнутой пришельцами с Балкан. Можно предполагать, что она принадлежала именно восставшему народу Мирват и служила центром его управления.

В связи с приходом в наши степи Татар Золотой Орды, Кабардинцы перешли на левый берег Дона, где их и вспоминает в 1430 г. Иосафат Барбаро, проживавший тогда в Азове.[14] В этом году они уже находились южнее Дона, хотя на карте Жирарда Меркатора (XVI в.) название селения Cabari представлено по старой памяти при реке Миус, севернее Таганрогского залива. На карте Исаака Массы, составленной в начале XVII в. по данным Иоганеса и Корнелия Блако, Kabarda указана на южном берегу Нижнего Дона.

Не удивительно, что в низовьях Дона после этого появились: Черкасский Яр, речка Черкаска, остров Черкасский, о котором Казаки, оставив Туркам Азов и покинув Монастырский городок, писали в 1644 г. московскому парю: "и городок на старых своих юртовых местах, на Черкаском острову, поставили".[15]).

Мирват — Кабардинцы проживали у Нижнего Дона больше шести веков. Они пришли сюда христианами. Поэтому вполне возможно, что ими был основан и христианский монастырь в 12 километрах от Черкасского острова. После он был разрушен какими-то кочевниками, но в донской топонимике сохранилось название "Монастырское урочище". Эта местность до сего времени археологически не исследована.

---

12) The Journal of the Ethnological Society of London 1879, p. 184.

13) М. И. Артамонов, История Хазар, стр. 278-280, 324 сл.

14) Josafat Barbaro, The Travels to Tana and Persia, London 1873.

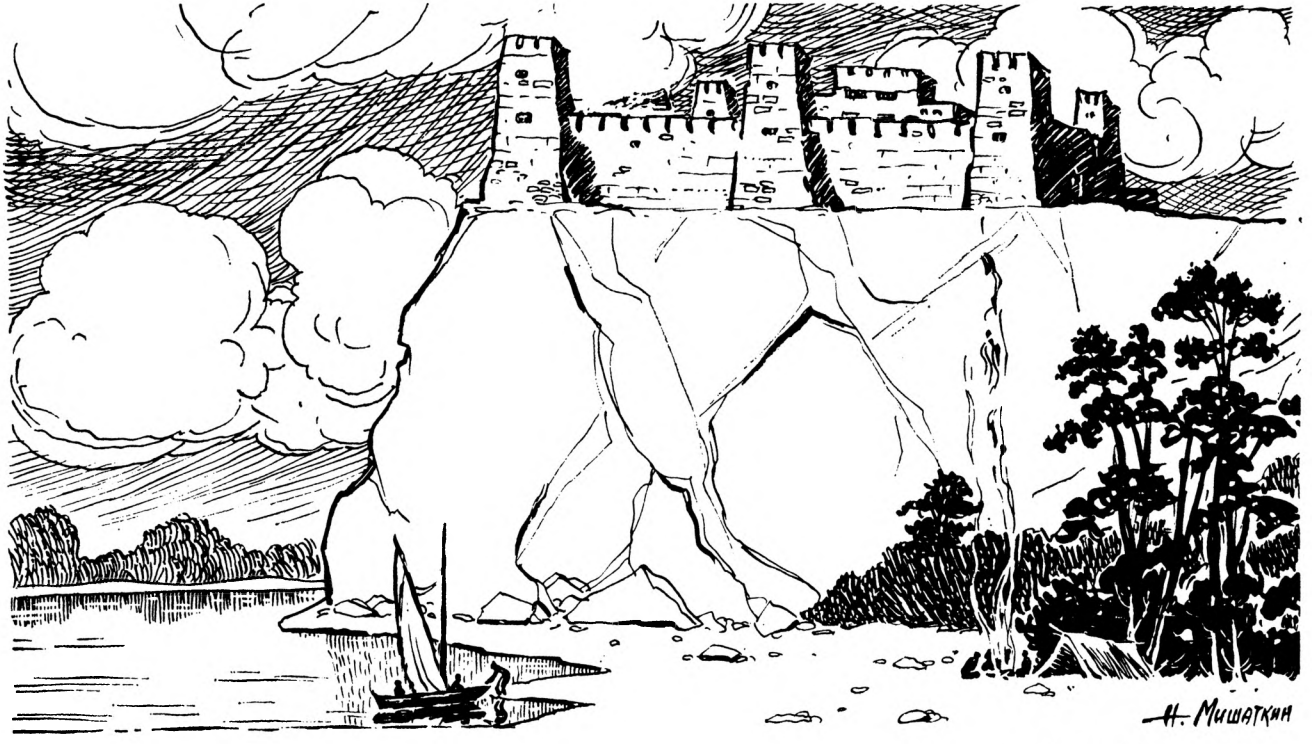
15) Дела Донские, СРИО 41, стр. 547

В годы власти Золотой Орды Мирват — Кабардинцы постепенно перенесли свои кочевья на Ставропольские возвышенности. В половине пятнадцатого века их там встретил по дороге в Персию Иосафат Барбаро. Они кочевали в трёх днях пути от Азова по волнистым степям местности, которая называлась — Гремуч. Жители Гремуча прекрасные наездники, приветливые и остроумные люди" — пишет Барбаро. Их тогда уже причисляли к Черкасам и они иногда бродили под Азовом. В 1502 г. там произошла боевая встреча между ними и жившими в городе Казаками. Она стоила жизни атаманам Узь-Черкасу и Карабаю.[16])

Из приведенных в этой главе данных следует, что народ Мирват — сирийские племена, родственные Адыгейцам. Они принуждены были оставить родину и через Фракию попали на Донские земли с тем, чтобы позднее перекочевать в ту кавказскую область, которая уже давно называлась Касахией и Землей Касак.

---

[16]) Дела Донские, СРИО т. 41, стр. 381

Белая крепость на правом берегу Дона. Внешний вид восстановил Н. Ф. Мишаткин

Глава шестнадцатая

САЛТОВО-МАЯЦКАЯ КУЛЬТУРА

"Выходцы из склавинского племени" принесли с собою на Донец много новых для его берегов предметов повседневного обихода и оружия, особые обряды и технические сноровки. Следы их пребывания в бассейне реки Дона обнаруживаются в остатках поселений и в могильниках, известных в археологии, как Салтово-Маяцкие. Основой для этого названия послужили Верхний Салтов на Донце и Маяцкое городище на Дону около Коротояка, между которыми у граней лесо степи возникли первые поселения новых здесь племён "салтовцев".

Салтово-Маяцкой археологической культуре и ее носителям посвящено много работ. В местах их распространения по Донцу и Дону произведены многочисленные раскопки. Последними по времени занимались ими археологи М. И. Артамонов, И. И. Ляпушкин и С. А. Плетнева. Большая часть сводок их достижений помещена в **Трудах Волго-Донской Археологической Экспедиции,**[1]) но на ту же тему имеется ряд и других изданий.

Большинство русских учёных считает Салтово-Маяцкую культуру бесспорно аланской. Её истоки находят на Сев. Кавказе. Она зародилась там в первые века н. э. Но никто из них не решается определить, какими путями салтовцы дошли с Кавказа до лесо-степи донского бассейна. А в действительности решение этого вопроса не так уж сложно. Оно заключается в хронологии событий, принятой без предвзятостей. О том, что основы Салтово-Маяцкой культуры возникли среди жителей Сев. Кавказа в античное время, сомневаться не приходится. Теперь истории и археологии стал известен её второй этап — Дунайская Болгария. Но истории также известно, что время появления её носителей на Донце совпадает с переселением двухсоттысячных людских масс с Балкан в Артану. Это и был третий этап продвижений Аланской культуры, но теперь уже с запада на восток. За века пребывания в Европе она несколько изменилась по сравнению с её первоначальными формами; каждый встречный народ вложил в неё свою долю,, но эти на-

---

[1]) Труды Волго-Донской Археологической Экспедиции, МИА тт. 62, 75 и 109

слоения всё же не вытеснили основ, принесенных некогда к нам на юг алано-готскими племенами Севера.

Во второй половине восьмого века её памятники, будто бы неожиданно, появляются у края донецкой и донской лесо-степи (Верхний Салтов, Добрая, Маяцкое и др.). Это памятники с характерным обрядом катакомбных погребений верхне-салтовского типа. Появившись вначале на Донце, они постепенно распространяются и на юго-восток: "В степной полосе, а также по нижнему течению Дона поселения возникают несколько позже, повидимому, на рубеже VIII-IX в.в.[2]) Одновременно с ними предметы салтовского типа появляются и на Верхнем Дону вплоть до нынешнего Воронежа, хотя там на Белой горе оказались погребения древне-славянского обряда с трупосожжением.[3])

В русской науке иногда выражалось мнение, что салтовцы появились на Донце непосредственно с Кавказа. Такой же точки зрения придерживалась и С. А. Плетнева в книге "От кочевий к городам".[4]) Но если бы это было так, то и движение памятников, связанных с переселением, должно было бы следовать с юга на север, т. е., начиная с Кавказа и Приазовья, через Нижний Дон к Верхнему Донцу. Но промежуточных показателей подобного движения археологией не обнаружено. Их там нигде нет. Профессор М. А. Миллер говорит:

> "Аланская культура на Дону VIII-X ст. ст. совершенно идентична культуре Алан на Северном Кавказе той же эпохи. Между этими двумя центрами аланских поселений и культуры находится громадное степное пространство (около 800 км. по прямой линии) и непосредственную связь между этими центрами трудно допустить". "Мы не имеем ни одного памятника, который хотя бы предположительно мог быть отнесен к VI-VII ст. ст."[5]).

Другой археолог Ю. В. Готье говорит о том же:

> "Нельзя, однако, расчитывать на то, чтобы географически оказалось возможным тесно сблизить сходные между собою северокавказскию и донецкую археологические культуры. Они разъеденены громадным расстоянием — около 800 в. по

---

2) И. И. Ляпушкин, Памятники Салтово-Маяцкой культуры в бассейне р. Дона, Миа 62, стр. 144

3) Археологические открытия 1967 года, м. 1968, стр. 61, 62

4) С. А. Плетнева, От кочевий к городам, М. 1967, стр. 91

5) М. А. Миллер, Дон и Приазовье в древности, ч. III, стр. 10

прямой линии. Их нельзя связать вместе территориально. Это звенья какой-то разорванной цепи. Пытаться найти недостающие звенья бесполезно при современном состоянии наших археологических знаний".[6])

Последнее мнение высказано в 1927 году, когда болгарские следы Аланской или Салтово-Маяцкой культуры в городах Нови Пазар и Абоба Плиски ещё не стали достоянием науки, а свидетельство патриарха Никифора о "выходцах из склавинского племени" понималось советскими учёными в ложном смысле, как миграция Балканских Славян через море в М. Азию. При сочетании болгарских археологических открытий в этих двух городах с правильно понятым свидетельством Никифора, "недостающие звенья разорванной пепи" могут быть легко восстановлены: Аланская культура, обратившаяся в восьмом веке в Салтово-Маяцкую, пришла на Донец и Дон именно с Дуная. Принесли же её сюда, после долгих странствий, остатки Аланов-Танаитов и другие племена, приставшие к ним по пути.

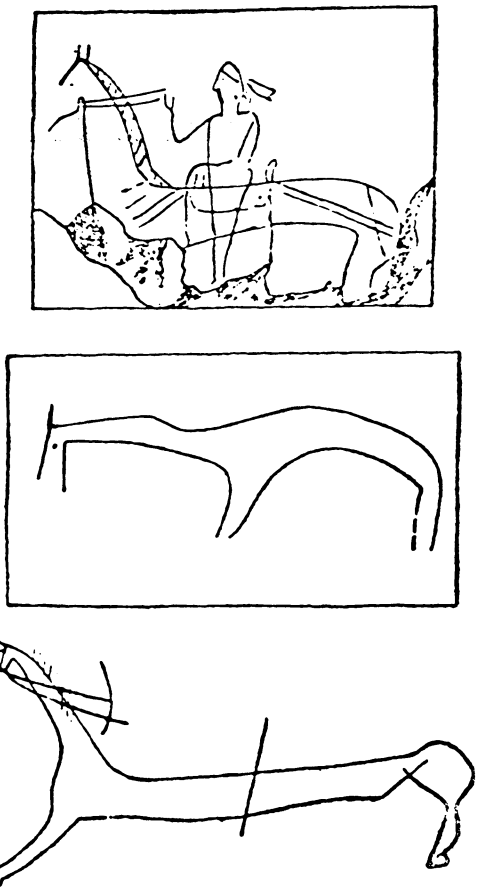
Необходимо, однако, принять в ресчёт, что со времени ухода Аланов в Европу до возвращения их в бассейн Дона прошло почти 400 лет. На Дон теперь возвращались не Танаиты в чистом своем виде, а сплав народностей, в состав которого вошли некоторые новые племена, а в том числе Славяне, Чёрные Болгары, выходцы из Сирии, а также остатки Готов и Гуннов. Из них каждое внесло свои особенности в общую сумму признаков древне-аланской культуры, но, повидимому, Асам-Аланам, Танаитам, принадлежала и тут руководящая роль.

Весьма своеобразно поняли неожиданное появление салтовцев на Донце авторы, изданной на английском языке, **Истории России,** русско-американские профессора Г. Вернадский и М. Карпович. Ввиду того, что Салтово-Маяцкая культура и по материалам и по обрядам во многом носит характер скандинавский, авторы **Истории России** смело выдвигают гипотезу о приходе на Донец Шведов: "Вероятно, не раньше чем в 737 г., открыв источники Дона, они изгнали донецкую орду Мадъяр и заняли Верхний Салтов. Отсюда они пошли вниз по Донцу и Дону и таким образом достигли Азовской и Северокавказской областей".[7]) Это только одна

---

[6]) И. И. Ляпушкин, Памятники Салтово-Маяцкой культуры, МИА 62, стр. 90

[7]) A History of Russia by George Vernardsky and Michael Karpovich v. I p. 261, 270-272.

Рисунки на камнях Маяцкого городища.
Эрмитаж.

из многочисленных гипотез, предложенных профессорами Вернадским и Карповичем. Никакими источниками она не подтверждается. Среди путей, которыми в Средние века пользовались Норманы, Дон и Донец не значится.

Относительно датировки Салтово-Маяцкой культуры изучавший её И. И. Ляпушкин пишет:

"Большую ценность имеют монеты, как датирующий материал отдельных могильных комплексов, а также и культуры в целом. Именно монетными данными обосновывалась первая датировка Салтовского могильника, предложенная А. М. Пок-

ровским на XII Археологическом съезде. А. М. Покровский датировал могильники VIII-X вв., причём период VIII - X в.в. он считал временем наибольшего расцвета жизни Салтовского поселения. Эта дата была принята большинством исследователей. Материалы последующих раскопок полностью подтвердили датировку А. М. Покровского. Монет более позднего времени, чем X век, найдено не было ни в поселениях, ни в могильниках".[8]) "Это подтверждается также тем, что керамика салтово-маяцкого комплекса была находима в составе материалов славянских поселений VIII-X вв., датированных монетами, найденными в жилищах, которые закончили свое существование вместе с прекращением жизни на всём поселении".[9])

Речь в данном случае идет о славянских поселениях на Дону:

"Изучение памятников салтовской группы, — говорит дальше И. И. Ляпушкин, — показывает, что с момента своего появления в бассейне реки Дона Салтово-аяцкая культура выступает, как вполне сложившаяся культура оседло-земледельческого населения, ведущего пашенное земледелие (при помощи сравнительно высокой замледельческой техники), знакомого со строительным делом, широко применявшемся, как при постройке жилых и хозяйственных помещений, так и при возведении оборонительных сооружений, укреплённых поселений, имеющего высокоразвитое гончарное ремесло, кузнечное дело и т. д. В свете этих данных нет никаких оснований считать собственно салтовскую группу поселений памятниками, принадлежащими оседающим кочевникам. Но это не даёт, конечно, права полностью отрицать наличие в составе населения Салтово-Маяцкой культуры кочевников".[10])

---

[8]) И. И. Ляпушкин, Памятники Салтово-Маяцкой культуры, МИА 62, стр. 121

[9]) И. И. Ляпушкин, Памятники Салтово-Маяцкой культуры, МИА 62, стр. 124

[10]) Там же, стр. 144

Глава семнадцатая

ЗАМКИ

С. А. Плетнева в сводке данных о Салтово-Маяцкой культуры указывает: "на территории Подсенья известно 12 каменных городищ-развалин величественных и грозных цитаделей".[1]) Доступными для изучения по сохранившимся остаткам оказались замки: Салтановский (Верхне-Салтовский), Нежегольский, Кабановский, Мухначевский, Комелшенский, Добринский на реке Короча (Дмитровский)), Волчанский, на реке Волчьей, Коробовский на Северном Донце, Подлысенковский на реке Оскол, Правобережный Цымлянский, Карабутский на Дону при устье Чёрной Калитвы, Семикаракорский при устье реки Сала и самый северный на Дону — Маяцкий.[2]) Все сни сооружены в VIII-IX веках и разрушены во второй половине десятого века. В московской "Книге Большого Чертежа" указаны еще четыре замковых городища, расположенные на Донце: Змиев, Чугуев, Кодкевское и Гумниньа, но их остатки бесследно уничтожены обвалами речных берегов и позднейшими поселениями.[3]). По словам С. А. Плетневой, все эти замки аланских феодальных владык "создали совершенно новый тип построек, свойственный только их культуре", хотя конструкция каменных стен имеет много общего с техникой древнего строительства Закавказья, Крыма и Византии римского времени.[4])

Кроме каменных замков, в области распространения Салтово-Маяцкой культуры обнаружены остатки нескольких поселений с защитными валами из камня и земли. Расположение всех укреплённых мест указывает, что оседлая часть "выходцев из склавинского племени", поселившись между Донцом и Доном, вскоре занялась возведением крепостей замкового типа, с целью обеспечить свои многочисленные земледельческие поселения от нападения с севера и запада. С юго-востока, очевидно, опасность не угрожала. Там в широких степях находилась кочевая часть пришельпев с Дуная, Чёрные Болгары и Сирийцы-Мирват. Следы их летних и зимних стойбищ находятся повсюду от реки Оскола до Нижнего Дона и Таганрогского залива, а их редкие оседлые поселения

---

1) С. А. Плетнева, От кочевий к городам, стр. 25
2) Там же
3) Там же
4) Там же, стр. 33, 34

располагались по берегам Донца и Нижнего Дона.[5]) Там же повыше донецкого устья некоторое время гордо возвышались башни, построенного ими, белого княжеского замка, который в начале IX века огнём и мечём разрушили войска казарского хакана. Людские скелеты остались в завалах жилищ и между постройками. Их положение указывает, что трупы не были погребены, а остались на месте гибели.[6]) От замка остались только руины Правобережного Цымлянского городища, сохранившиеся до нашего времени.

Вероятно, после этого Мирват-Кабардинцы или Чёрные Болгары создали новый кочевой центр ввиде земляного укрепления на Донце у Каменской станицы. Его остатки известны, как Рыгинское городище.

Все замки, укреплённые поселения, открытые селища и кочевые стойбища принадлежали смешанному этнически, но однообразному по материальной культуре, населению. Рядом с Асами там проживали Степные Славяне, Готы, Гунны, Чёрные Болгары, будущие Кабардинцы и т. п. Все они пользовались одинаковыми предметами быта, строительными и земледельческими орудиями и сходным оружием; при постройках жилых помещений, каменных и земляных укреплений, применяли одинаковые технические способы и сноровки. Земляные оборонные валы всегда снабжали каменною основой -- "ядром". В некоторых случаях на валах возвышались два высоких параллельных плетня, между которыми набивалась утрамбованная глина.

Обычно стены каменных замков, шириною до 4-х метров и высотою в 5-6 метров, выкладывались без известкового раствора, насухо. Они состояли из двух рядов рваного камня, между которыми набивался известняковый или меловой щебень. Но оказалось два замка сооруженных из хорошо обработанных блоков. Один из них Провобережный Цымлянский, а другой Маяцкий, также, на Дону около устья Тихой Сосны.

С. А. Плетнева считает такой тип построек из тесанного камня совершенно необычайным для донского бассейна в эпоху Салтово-Маяцкой культуры, "тем более, что постройки южных (приазовских) поселений из рваного камня были для донских и донецких строителей прекрасным примером". "Из необтесанного камня, — говорит она, —

---

[5]) С. А. Плетнева, От кочевий к городам, стр. 14

[6]) В. В. Гинцбург, Антрополог. состав Саркела — Белой Вежи, МИА 109, стр. 262

была выстроена вся Византия. Так же строило крепостные стены и жилые дома население крымских и боспорских городов и селений. Тем необычайнее на этом фоне выглядят два великолепных белоснежных замка, сооруженных из прекрасно обработанных стандартных блоков".[7])

"Техника кладки из тёсанного камня, — продолжает С. А. Плетнева, — была широко распространена в то время только на территории нынешней Северо-Восточной Болгарии, на землях захваченных и освоенных в середине VII века ордой Аспаруха. Примерно через сто лет, в середине VIII века, осевшие болгарские племена (или, как их называют, праболгары) в тесном союзе с остатками местного населения и Славянами создали яркую самобытную культуру, очень близкую к салтово-маяцкой". "Именно среди народов, родственных этнически и близких культурно, появилась и расцвела оригинальная для того времени совершенная техника кладки из тёсанного камня".[8])

Можно ли найти более убедительное доказательство об этнических и культурных связях Донецкой Артаны с населением Дунайской Болгарии?! Они могли возникнуть только в результате вековой совместной жизни. Не пора ли изгнать из научного обихода гипотезу о том, что в 764 году "выходцы из склавинского племени" переселились по льду в Малую Азию?!

Но вернемся к салтовским замкам.

Каждый из них должен был служить местом пребывания районного правителя и его дружины. В каком из них находился и проживал старший князь определить трудно. Скопление четырёх замков и множество поселений вокруг них обнаружено археологами на обоих берегах Верхнего Донца, при впадении в него речки Уды. Возможно, что именно здесь и находилась столица Артаны. Там же сохранилось "Мохначевское городище, несомненно, наиболее крупный из открытых до сих пор каменных замков".[9])

Во второй половине десятого века все эти замки были разрушены, неожиданным нападением иноплеменных войск, а поселения с большинством жителей уничтожены. Их судьба — вечный символ! Это многовеко-

---

7) С. А. Плетнева, От кочевий к городам, стр. 43

8) Там же

9) Там же, стр. 30

вая судьба степных народов, пытавшихся в Средние века надолго закрепиться на просторах открытой степи. В Западной Европе, окруженной естественными преградами, морями, горами, лесами, повсюду ещё стоят памятники Средневековья каменные и кирпичные замки, бывший оплот феодальной власти. Они заложены королями и рыцарями. Здравствуют и потомки тех народов, руками которых они построены. Наши же степные, на вид грозные и непреступные, укреплённые обители феодалов обращены в груды развалин, а от народов их воздвигнувших не осталось никакого следа, кроме этих руин.

Такова была жизнь нашего степного Востока! Можно ли удивляться, что народ, окруженный со всех сторон широкими равнинами Черноморских степей, оставался всегда готовым к бою воином.

В XI веке наши степи заняли Кыпчаки — Половцы. Судя по киевским летописям, на Донце как то сохранились города Сугров, Шарукань и Балин. В 1116 г. княжич Ярополк Владимирович, во время похода на Половцев, "взя полон мног" и "приведе с собою Ясы", а также "приведе себе жену красну вельми, ясьского князя дщерь полонив.[10]) И значит, между Половцами в то время еще сумели сохраниться остатки Асов-Аланов, "выходцев из склавинского племени", и был у них, по крайней мере, один князь. Казачье племя Сары-Азман, занявшее Нижний Дон в середине XVI века, пришло тоже с Северского Донца. Своего князя оно не имело, но созвучие имён Асы или Ясы и Азманы не могло быть случайным.

---

[10]) ПСРЛ т. I, М. 1962, столб. 291; Повесть Вшеменных лет, М. — Л. 1950, стр. 201

Глава восемнадцатая

САЛТОВЦЫ

Население, неожиданно появившееся на берегах Северского Донца в восьмом веке, было наполовину уничтожено в десятом столетии, но пришедшая с ним Салтово-Маяцкая культура заглохла только к XII веку. Всё это время она составляла на нашей земле основной фон материальных достижений салтовцев, хотя различалась в некоторых местных частностях. Совершенно естественно, что между её остатками встречаются также вкрапления предметов из быта прежних жителей, Славян, ушедших в леса при арабском нападении в 737 г. Часть этих Славян, в лице Северян на Донпе и Вятичей на Верхнем Дону, оказалась ближайшими соседями "выходцев из склавинского племени", но по быту отличалась от последних. Их вещевые остатки известны в археологии под названием Боршево-Роменской культуры.

Раскопки последних десятилетий обогатили историю нашей земли многими данными. Между прочим, оказалось, что на берегах Дона у Переволоки кочевники стали переходить к оседлости уже за тысячу лет до Р. Хр. и что татары уничтожили там поселения Донцов, только в конце четырнадцатого столетия.[1])

К сожалению, подробных сведений об этом районе, так же как о других участках Среднего Дона, пока не опубликовано. Известно только, что на реке Иловле встречаются курганы с торческими погребениями человека и его коня.[2]) На речке Толучеевой, левом притоке Дона, также оказались подкурганные погребения торческого типа с предметами Салтово-Маяцкой культуры. Вообще же, берега Хопра, Медведицы и Иловли, область наиболее интересная для казачьей средневековой истории, ещё археологически освещена весьма скудно.

Население Донского бассейна, с которым пришла Салтово-Маяцкая культура, проживало в одних политических границах. Сохранившиеся после него памятники, подкрепленные данными истории, довольно подробно освещают повседневный быт местных народов, характер их деятельности, верования и погребальные об-

---

[1]) Археологические открытия 1966 г. М. 1969, стр. 90

[2]) Археологические открытия 1967 года, М. 1968, стр. 132

ряды. Установлено, что племена населяющие степи Сев. Кавказа и Дона с его притоками во время Салтовцев более или менее однородны по материальной культуре даже тогда, когда по образу жизни делятся на оседлых и кочевников. Народы непрерывно общались, роднились и производили на свет новые поколения смешанного типа. Одновременно они вживались в общее для всех степняков скифское имя **Касак.** Первое место по численности там неизменно принадлежало "выходцам из склавинского племени", Славянам особого рода, которым не трудно было найти общий язык с остатками местных степных Славяно-Казаров.

М. И. Артамонов говорит: "Теперь установлено, что Славяне проникали в салтовскую среду, основывали в глубине салтовской территории свои поселения, т. е. что между Славянами и Салтовцами существовали мирные, дружественные отношения".[3])

Под Славянами в этом случае он понимал исключительно представителей Боршево-Роменской культуры, будто бы, возвратившихся с Верхнего Дона и Десны. Другой сов. археолог В. Д. Белецкий понимает их так же:

> "Как показывает изучение материалов Саркела — Белой Вежи, в этом городе славянское население появляется до разгрома хазар. Если при этом учесть, что появление Славян в Саркеле в хазарский период не было явлением единичным на Нижнем Дону, о чём свидетельствует, например, наличие здесь, открытого И. И. Ляпушкиным, поселения у хутора Ближняя Мельница, то проникновение славянского населения в бассейн Нижнего Дона, следует очевидно связать не с приходом Святослава, а с более ранним движением Славян на юго-восток.[4])

К этому следует добавить некоторые пояснения: Киевский князь Святослав разгромил Салтово-Маяцкий край и Казарию в 965 году, а славянские поселения возникали на Дону много раньше. Кроме поселения у хутора Ближняя Мельница, открыты остатки и другого подобного ему по смешанной Боршево-Салтовской культуре в восьми километрах к юго-западу от станицы Богоявленской: "Поселение датируется по материалу IX века н. э. и относится к кругу салтово-маяцких поселе-

---

[3]) Саркел — Белая Вежа. МИА 62, стр. 62

[4]) В. Д. Белецкий. Жилища Саркела, МИА 75, стр. 134

ний, окружавших Саркел. Ближайшая аналогия ему — поселение у хутора Ближняя Мельнипа, иследованное И. И. Ляпушкиным.

Понимать под Славянами, основавшими эти два поселения, Вятичей или Северян, возвратившихся на юг, было бы ошибкой. Советская наука еще не обратила своего внимания на переселенцев с Дуная в Задонскую Артану, а потому русские археологи не принимают в расчёт, что эти "выходцы из склавинского племени" сами состояли из племен славянских или славянизированных. А кроме того степные Славяне были жителями Казарии с давних пор, об этом известно от восточных авторов. Они и строили новые поселения на Дону, уходя с юга от арабских нашествий. Салтовцы только приумножили на нашей земле славяно-туранский слой населения.

Оседлых жителей Приазовья и Подонья киевские летописцы по племенам не различали. Они знали их всех под одним именем **Козары.** После же того как Казария пала, а народ владевший ею бесследно ушёл с исторической сцены, на Руси имя Козары утвердилось за Приазовскими и Подонскими Славянами. Козарами их считали и в XVI веке, когда Митрополит Макарий в своих Великих Четьи Минеях указал Козаров народом скифским языка славянского, проживавшими у берегов Меотического озера (Азовского моря).

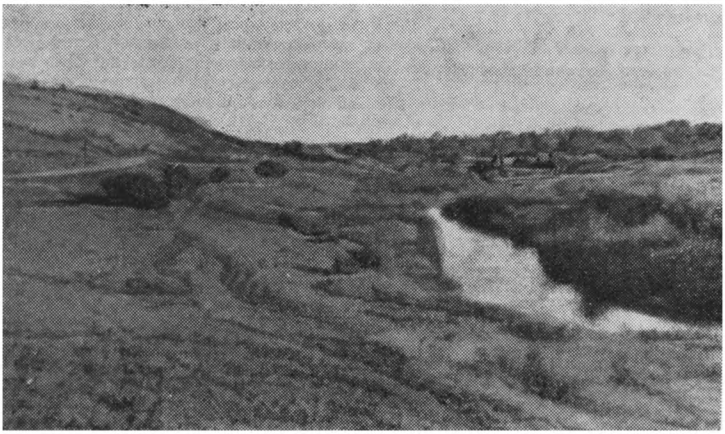
Русские археологи также не решаются относить, обнаруженные ими на Дону остатки славянских поселений к какой либо лесной или днепровской культуре, а считают их принадлежащими "к кругу салтово-маяцких поселений",[5]) хотя и находят в них некоторые боршевороменские вкрапления. Небольшое количество Славян-Русов, действительно, появилось на Дону и на Тамани после разгрома Казарии Святославом, но не раньше XI века.[6]) Они и принесли в разоренный Саркел некоторые предметы, характерные для Киева той эпохи. До этого же времени единственными Славянами там повсюду были степняки, усвоившие все достижения Салтово-Маяцкой культуры. Ввиду недостаточно точным датировкам, совершенно невозможно определить, считать ли предметы Боршево-Роменской культуры неотъемлемой частью обихода Подонских Славян или попавшими к ним случайно.

---

[5]) Археологические открытия 1968 года, стр. 122

[6]) Саркел — Белая Вежа, МИА 62, стр. 65; МИА 109, Предисловие, стр. 6, 7

Жизнь кочевых Салтовцев протекала рядом с оседлыми. В конце девятого века их ряды пополнил союз племен, известных в истории под общим именем **Торков.** Торки всё больше проникали на запад, из года в год переходили к оседлости, но неизменно сохраняли прежние обычаи и обряды. Около Саркела они появились одновременно с постройкой крепости и от этого времени там возникают погребения по терческому обряду: "Почти в каждой могиле положены в анатомическом порядке голова и ноги коня, — говорит С. А. Плетнева.

Общий вид на остатки раннеславянского поселения у хут. Ближняя Мельница

— Они лежат или рядом с покойником, или на приступке, или на крышке гроба".[7]) Такой же погребальный обряд несколько позднее появился и у Верхнего Салтова. На салтовском кладбище в могилах этого рода "инвентарь оказался таким же богатым, как и в катакомбах. Наиболее богаты погребения воинов с конями, роскошными поясами и сбруей".[8]) Так хоронили здесь своих покойников люди из Торческого племенного союза. Они и теперь сохраняли свой древний обряд, хотя, повидимому, уже жили в оседлых поселениях между салтовцами.

К десятому веку Торческий племенной союз, сложившийся из скифских племен Ка-Саков, Сиракинов, Удзов и приставших к ним Казарских Печенегов, объ-

---

[7]) С. А. Плетнева, От кочевий к городам, стр. 99

[8]) Там же, стр. 95

единялся не только по быту, религиозным взглядам, но и по этническим связям. "Этническую близость их подтверждают и антропологические измерения черепов из курганов кочевнического могильника близ Саркела".[9])

В русской антропологии существует удачное предположение, что по пути на запад Торки приняли в свою среду и Срединных Болгар.[10]) Упоминая об этом мнении, С. А. Плетнева говорит: "Л. Г. Вуич считает возможным предположить, что болгарское население было частично ассимилировано новой волной кочевников, хлынувшей в степи в конце IX века".[11]) Конец девятого века — время, когда Торки-Узы, изгнав, совместно с Казарами, Печенегов, кочевавших до этого в Волго-Донском междуречьи, появились среди Чёрных Болгар. Они жили вместе с ними на Донце почти два века, а после, подхваченные кочевым потоком, при подходе Кыпчаков-Половцев, сообща оказались у Днепра. Тогда обобщающее имя Торков (Туранцев) могло перейти и на Болгар. Могли они примкнуть и к своим отдалённым соплеменникам, соседям по Дону В. н. нд. р. Берендеям. Похоже, что их частное племенное имя утонуло в общем произвище **Чёрные Клобуки.**

---

[9]) С. А. Плетнева, От кочевий к городам, стр. 99

[10]) Л. Г. Вуич, Черепа из кочевнического могильника, МИА 109, стр. 444

[11])С. А. Плетнева, От кочевий к городам, стр. 99

Глава девятнадцатая

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САЛТОВЦЕВ

Кроме крепостей и замков, после оседлых Салтовцев сохранились остатки многочисленных и довольно густо населенных городков и сёл, особенно на Верхнем Донце. Ниже по течению их обнаружено немного, что объясняется кочевым характером, проживавших там Срединных Болгар и Мирват-Кабардинцев. Другая область широкого распространения салтовских городищ и селищ — Нижний Дон. За 200-300 лет существования, при них возникли обширные кладбища, давшие теперь богатый материал для изучения прошлого нашей земли. Саркел — Белая Вежа и его могильники также относятся к кругу Салтово-Маяцкой культуры.

Жилищами для Салтовцев служили преимущественно полуземлянки, хотя в некоторых случаях встречались и наземные хаты с глинобитными стенами. Мирват-Кабардинцы строили свои турлучные дома на каменном цоколе. В Саркеле обнаружены прямоугольные полуземляаки "солидной конструкции", со стенами из двух параллельных плетней забитых глиною, с дверью, с двухскатной крышей и улучшенными очагами, глинобитными или кирпичными.[1]) Кочевники проживали в круглых юртах, от которых долго не отказывались и попав в оседлые городки. М. И. Артамонов считает, что "разнообразие жилищ и типов печей в Белой Веже, по всей видимости, отражает сложный этнический состав населения города. В него входили представители не только разных восточно-славянских племён, но и не Славяне".[2])

Главным занятием и способом пропитания оседлого населения нашей земли служила охота, рыболовство и земледелие с подворным скотоводством.

В береговых зарослях, камышах и плавнях водилась съедобаая дичь всякого рода: кабаны, олени, дикие туры, так же как бобры и разные звери. Охотились на нах в одиночку или группами при помощи луков со стрелами или легких пик — дротиков.

Реки и озёра в изобилии снабжали рыбой. Не ред-

---

[1]) В. Д. Белецкий, Жилища Саркела, МИА 75

[2]) Саркел — Белая Вежа, МИА 62, стр. 60

костью были крупные осетры, севрюги и белорыбица. Из рыболовных снастей в прибрежных селищах сохранились только грузила для сеток и крючки, выкованные в местных кузницах. Больше известно о земледельческих орудиях и ремесленных инструментах. М. И. Артамонов делает некоторые выводы:

> "Население Саркела, как и соседних поселений салтовской культуры обрабатывало землю с помощью развитых пашенных орудий в виде тяжелого плуга с большим симметричным лемехом, массивным ножем (чересломи) из железа и, вероятно, с деревянным отвалом. Такой плуг запрягался несколькими парами быков и был пригоден для вспашки тяжелых степных почв. Большие ямы для хранеаия зерна, в огромном количестве находившиеся подле жилищ, свидетельствуют, что урожай, поступавший в распоряжение отдельных хозяйств, был весьма значительным. В этих ямах и культурном слое хазарского времени встречалось много зёрен, отличающихся хорошей сортностью, крупными размерами и незасоренностью, что опять таки свидетельствует о высоком качестве земледелия. Здесь возделывалось просо, двурядный ячмень, карликовая пшеница, несвойственная Восточной Европе". [3])

При раскопках там находили также семена дыни, огурцов и косточки диких фруктов. Уже и в то время на Дону существовало виноградарство. "Эти виноградники, — пишет другой археолог, — тянулись не только по давно освоенным виноградарями склонам Крымского и Таманского полуостровов, не только в окрестностях, близкого от Кавказской Албании и Армении, Семендера, но и по берегам Дона, где и сейчас находятся крупнейшие виноградники нашей страны". [4]) Особый "виноградный" нож, найденный при раскопках Правобережного Цымлянского городища, служит тому свидетельством и потверждает сообщения Арабов о множестье виноградников в Казарском парстве.

В такой же степени, как земледелие и виноградарство, широко было развито подворное животноводство. Судя по костным остаткам, разводились кони, крупный скот, овцы, козы и домашние свиньи.

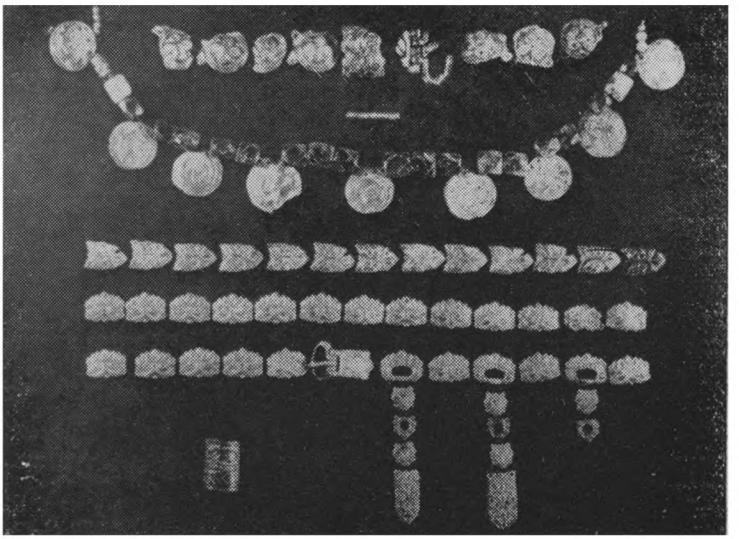
К услугам сельских хозяев были местные кузнецы,

---

[3]) Саркел — Белая Вежа, МИА 62, стр. 37

[4]) С. А. Плетнева, От кочевий к городам, стр. 147

слесаря, оружейники, плотники, седельники, горшечники и другие ремесленники-мастера, готовившие инвентарь необходимый в хозяйстве: плуги, косы, серпы, ручные жернова, топоры, молотки, долота, напильники, свёрла и др. инструменты. Выполнялись висячие замки сложной конструкции, украшения из цветных металлов и разнообразное оружие: палаши, ножи, луки, наконечники для стрел и для дротиков, боевые топорики, булавы, стремена, пряжки для сбруи и удила двух родов, двучленные и из цельного стержня, "без перегиба".

Салтовские серебряные украшения и поясной набор

Если не препятствовали большие нашествия иноплеменников, оседлые жители имели возможность использовать в свободном труде все земные блага предоставленные щедрой природой. Следов рабского труда среди жителей нашего края не обнаруживается. Случались пленники, взятые при набегах на враждебных соседей. За них можно было получить выкуп от родственников или продать в Крыму на рынках невольников. Они и расценивались не как рабочие руки, а как рыночная ценность.

Салтовцы около двух веков находились в зависимости от Казар, но их князья не стали подданными хакана и очевидно всё время оставались на положении его данников и вассалов. Да, пожалуй, хаканы и не пытались установить над ними твердую власть. Их, по обыкновению, интересовали только торговые базы и пути к ним.

На долю кочевой части Салтовцев, как говорилось раньше, выпала обязанность оборонять край от всяких нападений со стороны. Вероятно, их князья были обязаны поставлять свои отряды в помощь казарским войскам, а в частности охранять водные пути и пограничные крепости. Во всяком случае, известно скопление их стойбищ у Саркела и у другой крепости около устья реки Сал. Там и теперь возвышаются курганы с торческими погребениями. По материалам полученным при их раскопках установлено, что наступательным оружием конных воинов служили сабли или, вернее, палаши, боевые топоры, копья, арканы и луки со стрелами; для защиты головы и корпуса употреблялись кожаные шлемы с железным каркасом и кольчуги. Сбруя коня состояла из узды с железными удилами и двулучного седла с деревянным арчаком и металическими стременами. У шашек "обычно клинки почти прямые, а рукоятка совсем не имеет наклона (иногда с небольшим скосом в сторону лезвия). Длина клинков редко превышает 0,8 м". Изредка попадаются и мечи. Но "и во времена Печенегов (в средине X в.) степным оружием оставалась сабля, а русским — меч.[5]) Палаши иногда попадаются с замечательной оправой на эфесе и ножнах.

---

[5]) С. А. Плетнева, От кочевий к городам, стр. 157, 158

Глава двадцатая

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ САЛТОВЦЕВ

Прибыв в Донской бассейн, "выходцы из склавинского племени" наполнили его жизнь особым духовным содержанием. Их культурные влияния разошлись широко по соседним областям и настолько укоренились в Казарии, что теперь часто встает вопрос, не была ли Салтово-Маяцкая культура общей и для страны хаканов. В смысле социально-политическом все племена, пришедшие с Дуная, оказались организованными в одно объединённое общество, достаточно независимое, хотя и обязанное считаться с волею могущественного правителя Казарии. Но всё же их спаянное единство не может быть признанно за однообразный народ. Процессы слияния, начавшись на Дунае, продолжались и здесь, чему порукой служит общая материальная и политическая культура, но духовного единства еще не возникло. Они различались по религиозным взглядам, главному проявлению духовной культуры, и хотя во многих случаях исповедывали общее для большинства Христианство, каждый нанрод придерживался своих привычных обрядов. Особенно в погребениях.

После них остались могилы трёх родов: Могильники с катакомбами или камерами, выкопанными в твёрдом грунте, где помещалось несколько покойников. Это своего рода семейные усыпальницы. У других племен приктиковалось положение умерших в могильных ямах и, наконец, в третьм случае — кремация, трупосожжение. Особенно часты два первых рода погребения. Третий — встречается редко. При этом катакомбные погребения в своем большинстве находятся у лесо-степных рубежей, т. е. там, где остались больше всего замковых руин и асаланских укреплёееых поселений. Следует заметить, что катакомбные могилы схожи по ритуалу и по "инвентарю" с погребениями Скандинавов тех же эпох и это укрепляет убеждение о северном происхождении Асов-Аланов. Не напрасно они в древних памятниках назывались Аланготами и Готиталанами. Готы ведь несомненные Балтийцы германского племени. При катакомбах Салтовцев, так же как у древних Шве-

дов, "отдельно от человеческих захоронений были обнаружены погребения лошадей".[1])

Второй род погребений — в могильных ямах — довольно однообразен, с вытянутыми на спине скелетами головой на запад и с несложным "инвентарем". Почти как правило, в могилах нет никаких лишних предметов, кроме частей одежды и личных украшений. Покойников из таких могил можно уверенно считать христианам, хотя С. А. Плетнева квалифицирует их голько, как "бедные". Ведь, Салтовцы пришли с Дуная, а там христианство к этому времени распространялось очень широко. На салтовских могильниках встречаются и погребения торческого типа, всадники с конём.

Что касается могил, в которых находят урны с пеплом, некоторые вещи и костные остатки тризны, то они встречаются только в отдельных случаях. Они могли принадлежать и более решительным Северянам, не пожелавшим уйти в 737 год от Арабов в лесную зону. Это обряд чисто славянский, языческий.

Датировка погребений представляет большие трудности. Она особенно затруднительна в том случае, если явится желание доказать, что до крещения Руси (988 г.) христианство не могло распространиться ни на один народ, проживавший на территории нынешней России. В нескольких могилах на кладбищах Саркела найдены при раскопках металические нательные крестики. Изучавшая погребения О. А. Артамонова не решается отнести эти могилы ко времени более раннему, чем XI век.[2]) Она датирует их так неуверенно, что является желание припомнить ей некоторые факты: 1) что, когда Салтовцы в 764 году появились в Донском Вассейне, с ними вместе пришло племя Мирват — христиане из Сирии 2) что, по словам автора десятого века ал Истахри, Русы получали дань от Срединных Болгар, христиан, которые жили близко от их страны. Он отличал последних от "внешних" Камских Болгар;[3]) 3) что племя В. н. нд. р, поселившееся на Дону не позднее девятого века, тоже пришло туда уже просвещенное Христовой верой; 4) что при постройке Саркела в 836 году проектировался и христианский храм, для которого были доставлены из Крыма некоторые строительные материалы. Сле-

---

[1]) И. И. Ляпушкин, Памятники Салтово-Маяцкой культуры, МИА 62, стр. 105

[2]) О. А. Артамонова, Могильник Саркела — Белой Вежи, МИА 105

[3]) Гудуд ал-Алем, стр. 439 прим.

дует ли после этого доискиваться происхождения каких либо христианских символов из могил нашей земли обязательно на Руси?

Духовная жизнь Кавказской Алании, Земли Касак и берегов Дона имела своим источником весьма древнюю, глубокую и яркую культуру античных Эллинов. Их влияния нашли отражение уже в языческой идеологии и в художественных вкусах Скифов и Сарматов, а тем более в быту жителей Приазовья, Меотов, ближайших соседей греческих городов-колоний северо-черноморского побережья. Здесь эллинская культура царила безраздельно даже во времена римского господства (I — III веков нашей эры).

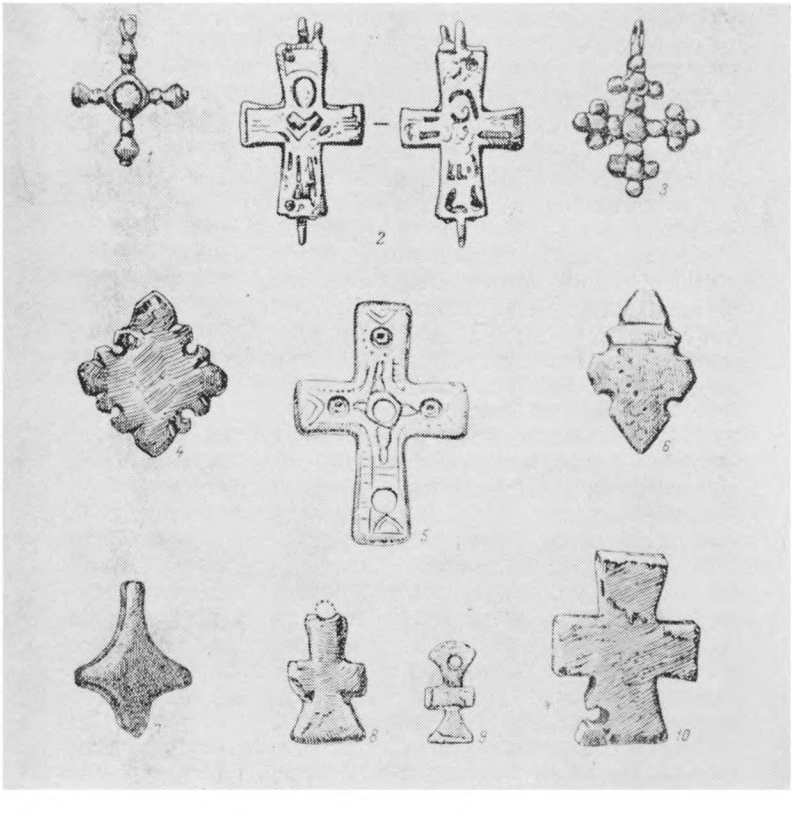
По тем же греческим каналам потекли в нашу страну новые духовные веяния, пришедшие в мир с евангельской проповедью первых апостолов. Под непосредственным влиянием христианских соседей оказались и Казачьи земли. Проповедь Новой Веры по всему югу Старого Поля шла от Греков и Грузин. На Терек Ее приносили ранние армянские проповедники через Дагестан. И как видно, Слово Христово встретило на Северном Кавказе благодатную почву. Без этого у константинопольских первосвященников не было нужды поставлять там, в главных центрах края, высших церковных иерархов. Таких жизненных духовных центров было два: город Томи у Боспора Киммерийского [4]) по Кавказской стороне и город Тана (Азов) около Донского устья. Оба они вспоминаются в ранних церковных актах. Акты Второго Вселенского Собора в 381 году подписал между азиатскими епископами Геронтий епископ Томи и Таны (Томитанский). Сохранились также подписи: Тимофея, епископа Скифии Томитанской, под актом Ефесского Собора в 431 году и Александра епископа Томитаны, присутствовавшего на Втором Константинопольском Соборе в 448 году. Но Томитанская епархия разросталась и через девять лет там оказалась уже не епископия, а митрополия: под окружным посланием византийскому императору Льву Первому в 457 году подписался Феотим, митрополит Томитаны и прочей Скифии. [5]) Они касаются именно тех племён, которые проживали на нашей земле и позднее вошли в состав казачьей народности. Прокопий Кесарийский писал в половине VI века, что в его время Западные Аланы, а следо-

---

[4]) Византийский Временник т. III, стр. 367

[5]) Дм. Струков, Древние памятники Христианства в Тавриде, Москва 1876

вательно и жители Земли Касак были христианами и друзьями Византийцев (Ромеев).[6]) О Готах Трапезитах, живших между Протокой и устьем Кубани в другой его книге читаем: "они не многочисленны и, тем не менее, не хиже многих других с благоговением соблюдают христианский закон".[7]) До переселения в Артану Асы-Аланы три века занимали область в Мезии рядом с Малыми Готами, у которых уже в четвёртом столетии был свой епископ Ульфила и, переведенное им на готский язык, Евангелие. Там среди Дунайских Алан, как и сре-

Нательные крестики из серкельских могил

ди Аланов Кавказских уже торжествовало Христианство.

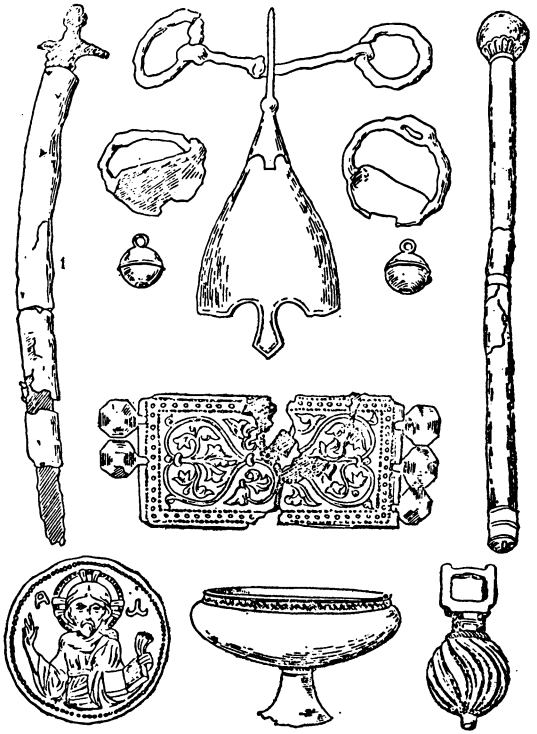
[6]) Прокопий Кесарийский, История войн II. 29. 15

[7]) Прокопий из Кесарии, Война с Готами VIII. 4. 9

Иордан, автор VI века, происходя из Аланов, тоже был христианином.

Сколько их оказалось среди 208 тысяч, пришедших в Артану, "выходцев из склавинского племени", по археологическим данным определить невозможно. При раскопках нательные крестики найдены только в нескольких могилах саркельского кладбища. **Может быть, еще много их осталось** в земле. Не могли сохраниться в могилах и священные символы из дерева. За века они сами обратились в прах.

С другой стороны, кроме редких скучаев языческого обряда с трупосожжением, для эпохи Салтово-Маяц-

Предметы из погребения X века, раскопанного под Таганчей

кой культуры археология не обнаружила на ее могильниках никаких отчётливых символов языческих. Предметы положенные в могилы, украшения и оружие не могут определить религию покойника, как языческую. Примером служит курганное погребение раскопанное под Таганчей (Каневский р-н Киевской области):

"В нём захоронен мужчина, ориентированный головой на запад; вместе с ним положен конь. Инвентарь чрезвычайно богат и разнообразен: стремена, удила, сабля, копье, булава, остатки щита, кольчуга, шлем, медальон с изображением Христа, серебряные накладки, серебряная чаша и т. д." [8])

Здесь кочевники не отказались от торческого обряда и при погребении одного из своих христиан.

В наше время тоже иногда полагали покойников-христиан в богатых усыпальницах украшаемых скульптурами и хоругвями. При этом в гробе оставляли ценные личные украшения именно те, которые умерший при жизни больше всего любил. Рассказывали о случаях ограбления таких могил.

Наши предки, так же как и мы, испытывали чувства привязанности и родственной близости. Так же как и мы, со скорбью переживали потерю любимых людей, заботились об удобствах для их бренных остатков в месте вечного упокоения, напутствовали их известным количеством еды и старались сохранить о них память. Письменностью они еще не пользовались, а только помещали с ними в могилы предметы указавшие их прежнюю деятельность и насыпали над ними большие или меньшие холмики.

Так поступали язычники, так делают и христиане, выбивая надписи на каменных памятниках. И если при входе в катакомбу или в грунтовой могиле обнаруживают сосуды с признаками оставленной в них пищи, то они мало отличаются от теперешней "кутьи", поставленной на могилу или съеденной в память покойника при "поминках". "Кутья" — только вариант древнего языческого обычая, провожать дорогого покойника изобильной тризной.

При нынешнем состоянии разрушенных до основания поселений Салтовцев, совершенно невозможно выяснить, находились ли при них христианские храмы. Наука этому вопросу особенного внимания и не уделяла. Монастырское урочие на Нижнем Дону существует, но кто его так назвал и почему, это не известно. Если были христиане, то должны были со временем появиться и христианские церкви. На Таманском полуострове и в городах прежней **Папагии** у верховьев Кубани остатки храмов уже давно обнаружены. Древний храм находился и в Тане (Азове). А. И. Ригельман видел в Азовском соборе иконы писанные в 637 году.

---

[8]) С. А. Плетнева, Печенеги, Торки и Половцы, МИА 62, стр. 185

Состояние письменности у Салтовцев можно считать одним из наиболее существенных вопросов, но найти ответ на него едва ли скоро удастся. Там, где были храмы, всё равно какие, христианские, иудейские или магометанские, в близких к ним кругах должна была существовать и грамотность. В областях расселения Казаровцев и Салтовцев звучала разнообразная речь. Грамотность также могла быть разной: греческой, еврейской, готской или арабской. Вероятно устная речь Славян-Казаровцев почиталась в Средневековой Византии за одну из основных форм славянского языка. Этим только и можно объяснить, почему св. Кирилл, получив поручение императора составить славянскую азбуку и перевести на славянский язык богослужебные книги, прежде всего отправился в Казарию. Какого рода деятельности посвящал он там свое время, его жития подробно не говорят. Но, возвратившись оттуда и поселившись в Моравии, он только теперь счёл возможным начать переводы священных книг и, после того как некоторые были готовы, "он возвратився въспять и иде учить болгарьского языка",[9]) то есть просвещать Болгарский народ. Из этих слов летописца ясно, что искать образцов древне-словянской письменности у Дунайских Болгар было бы ошибкой, а такая гипотеза раньше крепко держалась в русской лингвистике и церковнославянский язык иначе называли древнеболгарским.[10])

Нет сомнения, что зачатки славянской речи Дунайские Болгары принесли с берегов Азовского моря. Окончательно сформили ее Славяне, среди которых они жили на Дунае. Но можно ли предполагать, что во время Кирилла и Мефодия они уже настолько в ней укрепились, что могли дать образцы чистого церковнославянского языка без всяких примесей из своей прежней угротюркской речи?

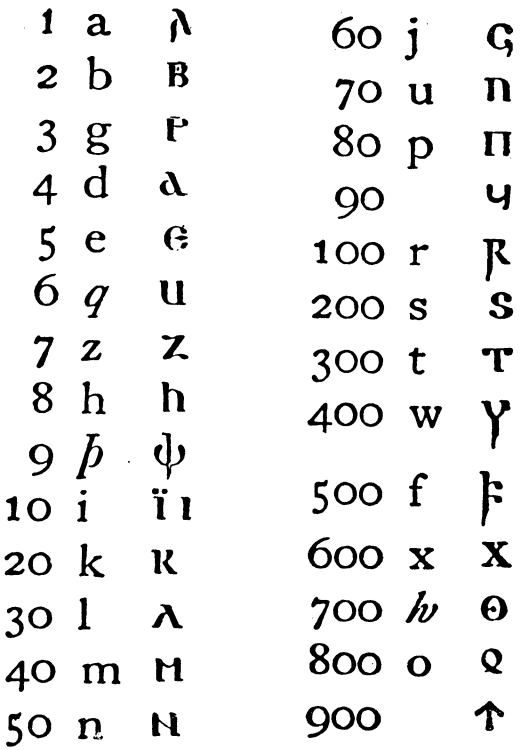
Очонь многое разъясняет Паннонское жизнеописание святого Кирилла, в рассказе о его посещении Корсуни (Херсонеса) в 860 году. Но вспомним предварительно: 1) что в то время имя Русь на юге могло принадлежать исключительно Норманнам-Русам, Русам — Дромитам, проживавшим у Днепровско-Бугского Лимана. Их предки Готы известны в том районе уже во втором и третьем веках 2) что готская азбука была изобретена и перевод Евангелия был выполнен во второй половине четвёртого века; 3) что основой для готской азбуки послу-

---

9) Повесть Временных лет, 1910, стр. 22

10) Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика, М. 1959, стр. 23

жил греческий алфавит и лишь некоторые буквы имеют самостоятельное начертание; 4) что первоначальная готская азбука во многом схожа с древнеславянской **кириллицей,** в основу которой положен тот же греческий алфавит.

Готский алфавит [11])

Приняв это всё во внимание, глубже поймём следующие слова Паннонского жития:

"И дошед Корсуня..... обреть же тоу Иеваггелие и Псалтырь росьскы письмены писано и чловека обреть, глаголюща тою беседою, и беседовав с ним и силоу речи приемь, своеи беседе прикладае, разлоучи писмена гласьная и съгласьная и къ Богоу мольтву дрьже, вскоре начеть чисти и съказати и мнози ся ему дивляху".[12])

---

[11]) М. М. Гухман, Готский язык, М. 1958, стр. 33

[12]) Большая энциклопедия Брокгауз и Ефрон, статья **Библия у Славян;** Повесть Временных лет т. II, стр. 258

Имели ли отношение эти "росьски писмены" к Днепровским Славянам? Конечно, нет! В то время Варяги-Русы едва появились из Скандинавии в далёком Новгороде, а Киев — Самбата принадлежал Казарам. Его славянское население стало называться Русами только после того, как Олег овладел городом и в 913 году передал княжение в нём Игорю Рюриковичу. Об этом говорит и летописец: "И седе Игорь княжа в Киеве и беша у него мужи Варежи, Словене, и оттоле прочии прозвашася Русью".[13]) Иначе говоря, от посещения святым Кириллом Херсонеса до появления на юге первых Славян-Руси прошло не меньше пятидесяти лет.

Какая то славянская письменность должна была появиться в Приазовье раньше, чем на Днепре. Епископы и митрополиты Томи и Таны не могли обойтись без некоторых богослужебных книг, понятных для славянской паствы. До изобретения кириллицы, их иереям не представляло труда использовать старинный готский алфавит, сдобренный греческим уставным шрифтом. Такая азбука стала совершенно пригодна для начертания славянских слов.

Евангелие и Псалтирь, показанные святому Кириллу в Херсонесе, с большим вероятием могли быть готорусьскими. Но если это были книги славянские, написанные с помощью гото-росьского и греческого алфавита, то ему, действительно, было не трудно понять их текст, после чего оставалось только перенять для своих переводов алфавит, положенный в основу этого текста. Никто бы иначе не поступил.

Такое решение подсказывает и толковая Палея в **Похвале русскому языку:**

"Грамота русская явилась Богом дана в Корсуне руску, от нея же научися философ Константин, откуду сложив, написав книги руским гласом".[14])

Как в житиях так и тут говорится не о славянских письменах и глосах, а о русских. Для того времени это не одно и то же.

В. Н. Татищев также подчеркивает: "В житии Кирилла Селунского, как в римских, так в наших, написано, что Кирилл первее Казар вере Христове учил и для них буквы, а Нестор сказует, в Моравии, сложил и по-

---

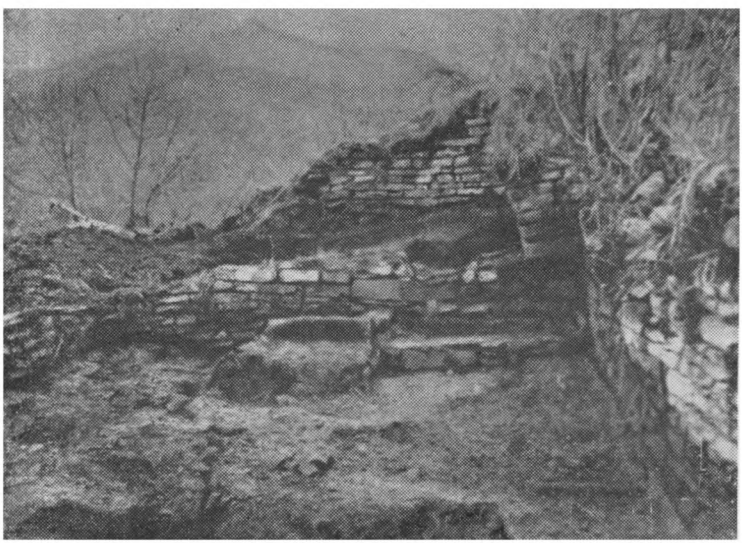
[13]) Новгородская Первая летопись старш. и младш. изводов, М. — Л. 1950, стр. 107 и 514

[14]) Пов. временных лет т. II, стр. 258

том Моравом и Болгором сообсчены".[15]) В его время, как уже говорилось, Русские считали Казар Славянами.

Салтовцы принесли с Запада крупные культурные навыки. Они поделились ими с населением Казарии. Но и Казария была цивилизованным государством. Довольно того, что там мирно уживались разнообразные религиозные вероучения, а через торговлю велось широкое общение и с Востоком и с Западом. По археологическим остаткам можно судить и о художественных вкусах жителей всего нашего края. О них говорят женские украшения, металические наборы на пояса и на конскую сбрую, дорогая изящная отделка оружия, орнаментация бытовых предметов местного производства, произведения греческого и восточного прикладного искусства, всё то, что шло через Казарию и находило широкий сбыт на местных рынках и у Салтовцев.

Не один салтовский воин красовался своим дорогим оружием, любовался вычурным рисунком нарядов своей жены или поставив в углу глинобитной хаты греческую серебряную вазу с удовлетворением поглядывал на неё в свободное от трудов время.

Развалины аланского храма IX века в верховьях Кубани

[15]) История Российская, т. I, стр. 203

Глава двадцать первая

ТОРКИ - УЗЫ

Константин Багрянородный в трактате **Об управлении империей** под г. г. 893-898 вспоминает Узов, довольно значительный народ. В киевских летописях Узы зачислены в общее число Торков, которые позвляются там впервые под годом 985.

Русская и советская историография обычно относит Торков-Узов к роду Огузов, жителей Средней Азии. Главным основанием для такого решения послужило некоторое созвучие имён (Узы-Огузы), особенно при испорченном арабском начертании названия **Огузы,** как **ол Гузей.** Без артикля **ол** получается **Гузей,** нечто вроде **Узы,** и на этом построена гипотеза о тождественности Среднеазиатских Огузов или Гузов и кавказских выходцев Торков-Узов.

Но Узы всё же — не Гузы! Арабы и Ирланцы в имени Аланов также часто образуют из первого слога артикль: ал-Лан. Однако русская наука в этом случае сокращение в расчёт не принимает. Аланы остаются Аланами.

Родословие и племенной состав Огузов хорошо известны по сочинениям Рашида ад Дина (Сборник летописей) [1]) и Абу-л-Гази хана хивинского (Родословная Туркмен). [2]) Среди указанных ими огузских племён Узов и Торков нет. Имеются Бачинаки — Печенеги и Кыпчаки — Половцы. Последние считаются родственниками Огузов по Кыпчаку, приемному сыну Огуз-хана. И вот, при каждой встрече, самыми злыми врагами всех Торков были именно Печенеги и Половцы. Это не похоже на отношения близкого родства.

Торки, а с ними и Узы, как говорилось раньше, (см. главу третью), происхождения кавказского. Ничего общего ни по историческим данным ни по материальной культуре они с Огузами не имеют. Их племена, практиковавшие погребения торческого типа, по материальной культуре неразрывно связаны с Кавказом, где они находились до пятого века в качестве скифского племенного союза.

В торческих могилах сохранился особый тип бытовых предметов, посуды, украшений, оружия, конской

---

[1]) Рашид ад Дин, Сборник летописей т. I, кн. первая, М. — Л. 1952, стр. 83-90

[2]) А. Н. Кононов, Родословная Туркмен, сочинение Абу-л-Гази, М. — Л. 1958, стр. 53, 54

сбруи, все прикубанского и меотского производства. При помощи этих вещей "выявлены генетические связи Аланов верховья Кубани с Сарматами Поволжья". [3]) Связи с Кавказом по материальной культуре у тех областей Заволжья, где в Средние века кочевали Торки, настолько очевидны, что, при определении возраста курганных и грунтовых погребений, "основой для проверки датировки сарматских памятников Поволжья и Южного Приуралья послужили прежде всего меото-сарматские погребения Прикубанья". [4]) Со всем этим соглашаются и выводы антропологов: "Изучение конкретной группы сталинградских [5]) Сарматов позволяет говорить и об их родственной близости к населению предкавказских степей." [6])

Археология Туркестана не может похвалиться подобными категорическими связями с Поволжьем, и потому вести род Торков-Узов из Средней Азии нет никакого резона. В Средней Азии, действительно, встречаются остатки скифского погребального обряда, но их детали мало схожи с подробностями погребений торческих, которые находят свой прототип и по форме и по "инвентарю" не на Востоке, а на Кавказе. Оттуда они и пришли в V веке, как обряд новый и не сарматский: "В позднейших алано-сарматских могилах встречаются черепа и нижние части ног лошади. Это не сарматский обычай. На Волге он появляется в конце IV-V веков извне". [7])

С тех пор как в русской археологии стали отождествлять Узов с закаспийскими Огузами, многие научные выводы сов. историков отклонились от истины, а торческие погребения классифицируются по весьма сомнительным признакам. Например, Н. Д. Мец оставляет Торкам лишь те погребения, в которых обнаружены только части конских скелетов и удила "без перегиба", четырехгранный слегка изогнутый прут длиной 14-16 см., с концами согнутыми в петли, в которые вдеты кольца диаметром 5-6 см." [8]) Но проявив склонность к такой точной классификации и считая доказанным, что

---

[3]) К. Ф. Смирнов, Итоги и задачи изучения сармат. племен, Сов. Арх. XVII, стр. 141

[4]) Там же, стр. 136

[5]) Сталинград, б. Царицын, теперь Волгоград.

[6]) В. В. Гинсбург, Этногенические связи др. населения Сталинградск. Заволжья, МИА 60, стр. 594

[7]) К. Ф. Смирнов, Быковские курганы, МИА 78, стр. 267

[8]) Н. Д. Мец, К вопросу о Торках, КСИИМК XXIII, стр. 47, 48

"Узы византийских источников, Гуззы арабских, тождественны Торкам наших летописей", Н. Д. Мец почему то ищет подтверждения своим выводам в описании совсем не схожих погребений: с одной стороны — торческих, с другой — огузских (гуззских).

Сопоставим и мы эти погребения.

О могилах, где всадник лежит рядом со своим конём, Н. Д. Мец говорит:

"Отличительной чертой их является захоронение человека вместе с конём. Обряд погребения следующий: покойник ориентирован головой на запад, в вытянутом положении; с левой стороны его — лошадиный остов, ориентированный тоже на запад. Захоронения коня не однородны — иногда это целый остов, иногда часть его, голова, передние и задние конечности, расположенные в строгом порядке: голова коня у головы покойника, с ориентировской на запад; передняя пара ног у головы коня, копытами на запад же, а задняя пара ног — у ног покойника, копытами на восток".[10])

Как говорилось выше, торческими он признаёт только те, в которых положены лишь части коня.[11])

Похоронный обряд Огузов, в описании Ибн Фадлана, выглядит совсем иначе:

"А если умрёт человек из их числа, то для него выроют большую яму в виде дома, возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук... и положат в его руку кубок с набизом, принесут всё, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нём, и дом над ним покроют настилом и накладут над ним нечто вреде купола из глины. Потом возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов, или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И, право же, они растягивают всё это на деревянных сооружениях и говорят: "Это его лошади, на которых он поедет в рай". Если же он когда либо убил человека и был храбр ,то они вырубят изображения из дерева по числу тех кого он убил, поместят их на его могиле и скажут: "Вот его отроки, которые будут служить ему в раю". Иногда они пренебрегут убиени-

---

[9]) Н. Д. Мец, К вопросу о Торках, КСИИМК XXIII. стр. 45

[10]) Там же, стр. 46

[11]) Там же, стр. 48

ем лошадей день или два. Тогда побуждает их какой нибудь старик из числа старейшин и говорит: "Я видел такого то, то есть умершего, во сне и он сказал мне: Вот видишь меня уже перегнали мои товарищи, и на моих ногах образовались язвы от следования за ними. Я не догнал их и остался один". При этих обстоятельствах они берут его лошадей и убивают их и растягивают их на его могиле".[12])

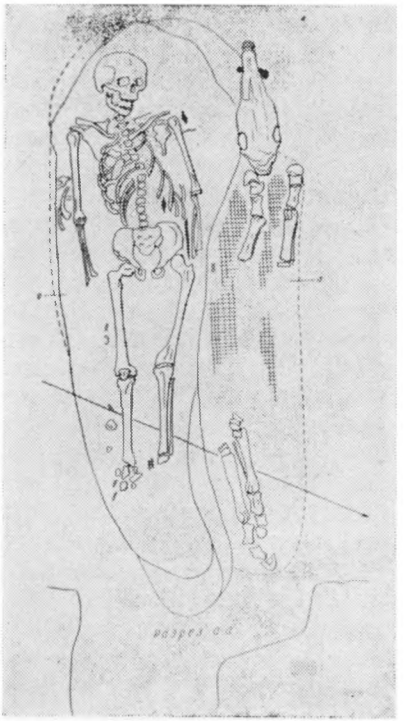
Непонятно, как можно основывать свои заключена столь несходных похоронных обрядах! И могут ли такие незначительные отклонения от основного обряда, как конское чучело вместо целой туши или форма удил, играть какую либо роль при определении погребений. Наступившее после нашествия Гуннов и Болгар общее обеднение тоже могло послужить причиной замены туши на чучело. Об этом говорилось раньше. Удила же — совершенно не существенный признак, т. к. любой народ может одновременно пользоваться разными их сортами. Тут все зависит от конского темперамента. Если бедный русский крестьянин часто управлял своей клячей, даже не взнуздав её, то ямщик мог сдержать горячую тройку лошадей лишь при помощи тонких удил, режущих кореннику губы. Такие удила и в наше время делали без всяких перегибов из свитых вместе проволок. Тонкие трензельные удила, часто еще и с мартингалами, [13], нужны были всаднику для того, чтобы справиться с особенно горячим конём. Той же цели служат варварские мундштучные удила, из одного куска, круглого в сечении железа, изогнутого посредине в полукольпо. Все эти многоразличные типы удил могут оказаться в обиходе у разных народов одновременно и потому форма удил, найденных в могилах, не может служить указанием на этническую принадлежность покойника, употреблявшего их для управления своим конём. По ним можно судить только о темпераменте местных лошадей. В этом смысле следует подчеркнуть, что одночленные удила без перегиба — бытовой предмет кавказский. Они употреблялись на Кавказе и зодолго до Р. Хр. Некоторые из них вдобавок "снабжены шипами, литыми зарубками или имитацией обмотки". "Подавляющее большинство этих ранних удил происходит из

---

[12]) А. П. Ковалевский, Книга Ахмеда ибн Фадлана, Харьков 1956, стр. 128

[13]) Мартингалы — приспособление из ремней, принуждающее коня держать голову вертикально.

районов Северного Кавказа и не только из Прикубанья, но и из более восточных районов, в том числе из горных пунктов Кабардино-Пятигорья и Северной Осетии"[14]) А в Средней Азии, по словам С. А. Плетневой, "удила без перегиба не попадались ни разу".[15]) Тому, кто основывает свою классификацию на фасоне удил, придётся отказаться от мысли, что Торки могли принести их с собою из Тукестана и что они сами жили там когда нибудь.

Погребение Торка в плане

И всё же С. А. Плетнева, по киким то неизвестным причинам, остаётся при убеждении, что Торки вышли из среды Огузов. Подчёркивая это ложное мнение, она в своих статьях неизменно употребляет термин **гузы-торки,** хотя предусмотрительно нигде не приводит аналогий между культурно-обрядовыми остатками Огузов (гузов) и Торков-Узов.[16]) Больше этого, она признает, что политическая история Торков-Узов "развивалась исключительно в зависимости от западных соседей. Обособление южно-русских кочевников в отдельную ударную группу позволяет выделить и изучить их в отрыве от основного азиатского кочевого массива".[17])

---

[14]) Е. И. Крупнов, Киммерийцы на Северном Кавказе, МИА 68, стр. 189

[15]) С. А. Плетнева, Печенеги, Торки и Половцы, МИА 62, стр. 162

[16]) С. А. Плетнева, Печенеги, Торки и Половцы, МИА 62, 1958; Её же, Керамика Саркела — Белой Вежи, МИА 75, 1657; Её же, Кочевнический могильник близ Саркела-Белой Вежи, МИА 109, 1963; Её же, От кочевий к городам, М. 1967

Иначе и нельзя, так как вся историческая жизнь Торков-Узов складывалась не на азиатском, а в кавказском кочевом массиве.

К сожалению, цитированный выше автор, С. А. Плетнева, как археолог, мало считается с писанными источниками. Довольно сказать, что исследовав 205 кочевых погребений в областях, где Торки проживали веками, она определила, как принадлежавшие им, только три.[18]) Произошло же это потому, что она искала в них не своеобразия торческих погребений кавказского типа, а признаков среднеазиатского огузского обряда. Она игнорировала также известное ей свидетельство автора XII века Идриси о том, что, принадлежащие к роду Огузов, Печенеги сжигали своих мертвецов. [19]) и слова Константина Багрянородного о том, что Печенеги, приставшие к Узам, вскоре переняли все их обычаи, а следовательно, и их торческий погребальный обряд. Не мешало бы С. А. Плетневой с Н. Д. Мец припомнить и описанный у В. Рубрукиса последний акт при похоронах Кыпчака-Половца: "Они развесили на высоких жердях шестнадцать лошадиных шкур". Вот эти, действительно хоронили своих покойников подобно Огузам, так как состояли с ними в родстве: "Из их родственников были Кыпчак и потомки Кыпчака", говорил Рашид ад Дин.

Надо всё же отдать справедливость С. А. Плетневой. Она собрала и опубликовала множество материалов по археологии нашей степи, а что касается её выводов, то они часто подсказываются мало объективными установками сов. науки.

---

[17]) С. А. Плетнева, Печенеги, Торки и Половцы, МИА 62, стр. 151

[18]) Там же, стр. 161-165

[19]) Её же, Кочевнический могильник, МИА 109, стр. 239/40

Глава двадцать вторая

НАШИ КОЧЕВНИКИ

В, конце девятого века произошли события, благодаря которым на Дону появился новый кочевой народ, — Торки-Узы.

Раньше Торки-Узы занимали степи между Волгой и Яиком. Об их пребывании в этой области свидетельствуют, разбросанные там повсюду курганы с торческими погребениями. Непосредственно рядом с ними на севере кочевали Печенеги, часто нападавшие на Торков-Узов. Последние должны были искать опоры у хакана и со своей стороны стали прикрывать Казарию и от Печенегов и от Огузов.

К концу девятого века Печенеги расширили свои кочевья далеко на запад и заняли часть лесо-степи вдоль южного берега Оки. Вероятно, Жигули именно в то время приобрели прежнее название **Печенежские горы.**

Для Казарии появление Печенегов на обоих берегах Волги было весьма опасным. Они могли в любой момент закрыть их торговые пути с севера. Поэтому от 893 года между ними и войсками хакана начались постоянные столкновения. В этой борьбе с охотой приняли участие и Торки-Узы.

Константин Багрянородный рассказываеть

> "Вначале Печенеги имели свои жилища на реке Атель и на реке Яик рядом с Казарами и так называемыми Узами. Но пятьдесят лет тому назад так называемые Узы объединились с Казарами и вместе пошли против Печенегов. И они победили их и изгнали их из их страны, которую с тех пор до сегодняшнего дня занимают так называемые Узы. Печенеги же бежали и блуждали кругом, в поисках места для своего поселения. И когда они достигли края, которым теперь владеют, и встретили, живших там Турок, они их поразили в сражении, и изгнали, и отбросили, и поселились там, и остаются хозяевами этого края около пятидесяти пяти лет, как было уже сказано".[1])

Турки-Мадьяры до этого времени проживали на запад от верхнего Дона. В 898 году под натиском Пече-

---

1) Об управлении империей гл. 37, стр. 166, 167

негов они должны были отойти к Днепру и дальше на юг. По словам летописца они прошли в этом году мимо Киева.[2]) За ними двинулись и побитые Печенеги, а на верхнем Дону задержались теперь Торки-Узы.

Багрянородный дополняет сведения об Узах некоторыми интересными подробностями:

> "В то время как Печенеги были изгнаны из своей страны, некоторые из них по собственному желанию и личному решению отстали от них и соединились с так называемыми Узами. Даже до этого времени они живут между ними приняв такие отличительные знаки, которыми они отделяются и отрекаются от собственного происхождения, т. к. их кафтаны теперь стали короткими, не длиннее чем до колен, а рукава отрезаны около плеча. Посредством этого они подчёркивают, как вы видите, что они отрезанаы и от своих людей и от всей своей народности".[3])

Эти слова царственного автора могут послужить иллюстрацией к тем процессам слияния, метисапии и ассимиляции, которые уже века происходили на берегах Дона.

На длительных путях своих миграций Торки поглотили не одну племенную группу. В свое время на Кавказе попадали к ним и Славяне, но часть Торков-Касаков заброшенная на Яик в девятом веке была, повидимому, ещё мало славянизирована. Это случилось несколько позднее. Теперь же, на глазах истории, с ними смешалась некоторая часть Печенегов, утонувшая в их народности, а позднее и в их казачьем имени.

Кого Константин Багрянородный понимал под именем **Узы?**

Сочетая его сведения с другими византийскими источниками и с сообщениями русских летописей, можно с уверенностью видеть в Узах сильный скифо-туранский племенной союз, в иных случаях выступающий под именем Торков. В нём видное место занимали Ка-Саки, Сиракины, Удзы и Тореты древних авторов.

Могут возникнуть вопросы: почему Багрянородный, говоря об Узах, не вспоминает Торков и каким образом кавказские Удзы обратились у него в Узов?

Эти вопросы могут разрешить особенности географических понятий того времени и некоторые свойства греческой фонетики. В самом деле, император не мог

---

2) ПСРЛ т. IX, стр. 16

3) Об управлении империей, стр. 168, 169

применить имя **Торки** к скифским племенам Казарии по той причине, что подобным именем — **Турки** в его время постоянно назывались Угро-Финны и в частности Мадъяры. Вместо него он взял известное ему по древним географиям крупное кавказское племя Удов, упростил в нём звонкое зубное Д (дельту) в З и обозначил этот звук буквой "зета", которая в деревне-греческом языке тоже произносилась, как ДЗ. Додобная замена ДЗ и ТЗ на З и С неоднократно встречается и в боспорских памятных надписях на камнях: Гдовс — Гзовск, Бендис, Огодиакос — Охозиакос, Фадинамос и Фазинамос.[4]) У Прокопия также, Тзаны равны Санам.[5])

Следует обратить внимание, что Багрянородный пишет всегда "так называемые Узы", а не просто "Узы". При этом он подчёркивает, что оставшиеся с ними Печенеги переняли все их обычаи. Об этом следует помнить, обратившись к классификации курганных погребений. Последнее местоположение Узии император указывает на таком же расстоянии от Днепровских Печенегов, как и Казарии, в пяти днях пути по прямой линии, минуя земли Асов и Чёрных Болгар к Верхнему Дону.

По разному называют Узов и ранние русские историки: Г. З. Беер — **Усы,** И. К. Тауберт — **Уци,** В. Н. Татищев — **Узийцы и Узоры.** Киевским летописцам Узы неизвестны. Народы, обозначенные таким именем у Греков, они знают, как Торков, Козаров, Порсян и т. д. Вместе с Берендеями они вошли в общее прозвище — Чёрные Клобуки, с пояснением: "Чёрные Клобуки, еже зовутся Черкасы".[6])

Обращает на себя внимаание отсутствие Торков-Узов и в персидской географии Гудуд ал-Алэм. Но это тоже объяснимо. Во-первых, персидский географ поместил в книге только народы составлявшие политические общества под властью своих князей и царей, а Удзы, проживавшие со времён Птоломея в устьях Волги, давно находились в подчинении у казарских хаканов. Их имя уже было забыто и если бы Багрянородный не извлёк его из древней географии, навряд кто либо в Византии вспоминал бы его впоследствии. Торками же Персы и теперь называют Турок. Население Сев. Кавказа они Турками не считали. По их мнении, там находились остатки Скифо-Туранцев и их Земля Касак. Вме-

---

[4]) Корпус Боспорских надписей, М. — Л. 1965, стр. 386, 808

[5]) Прокопий из Кесарии, Война с Готами, стр. 376

[6]) Московский летописный свод конца XV века, под г. 1152; Так же в летописи Воскресенской

сте с тем анонимный автор персидской географии узнал, что к его времени рядом с Землёй Касак появились какие то новые люди. Эти люди, не спросивши разрешения хакана, заняли кочевья в Сальских степях. Среди них, каким то образом, оказались и Печенеги, а так как они поселились на казарской земле, он их и назвал Казарскими Печенегами, в отличие от основного союза племен Тюркских Печенегов. Но торческие погребения Сальских степей, как точные вехи указывают, что туда пришли именно Торки-Узы со своими Печенегами.

Турок в географии тоже нет. Указано только несколько народов, по происхождению тюркские. Нет и Туркменов, а помещены их предки Огузы. Переводчик географии на английский язык В. Минорский называет их неполным именем — Гузы. Такие сокращения, как уже говорилось, делают и другие советские авторы, хотя, например, переводчик Ибн Фадлана, следуя традиции своих русских коллег и написав **Гуззы,** всё же в комментариях объяснил: "Сохраняю это название в переводе, вместо обычного "Огузы".[7])

Торки со своими Печенегами пришли на реку Сал, очевидно, вскоре после того, как изгнали Тюркских Печенегов из лесс-степного междуречья Дона — Волги. Помогая хакану избавиться от врагов, они, как видно, считали себя в праве пользоваться его землями. Но хакан не признал за ними этого права и потому в царствование Вениамина началась война между Казарами и Асиями, Турку и Пайнил. М. И. Артамонов понимает эти названия из "Еврейской переписки", как Асов, Торков и Печенегов. Кембриджский аноним сообщал в этой пипеерске, что Вениамин обратился за помощью к Аланам (восточным?) и вместе с ними отразил врагов. [8]) Вероятно о том же событии, но несколько иначе говорится в персидской географии: Там сказано, что Казарские Печенеги, а следовательно, и Торки заняли берег реки Сала помимо воли хакана:

> "На восток от них — Казарские возвышенности. На юг от них — Аланы; на запад от них — море Гурз; на север от них — Мирват. Эти люди раньше были частью Тюркских Печенегов; они пришли сюда, захватили этот край с боя и поселились в нём. У них есть войлочные хижины и палатки, скот и овцы. Они идут по тем степям к пастбищам, расположенным в Казарских возвышенностях.

---

[7]) А. И. Ковалевский, Книга Ахмеда ибн Фадлана, стр. 181

[8]) М. И. Артомаков, История Хазар, стр. 356

Казарские рабы, приводимые в страны Ислама по большей части отсюда". [9])

Последние слова говорят о том, что пастбища в Ставропольских возвышенностях, далёкие от их зимних стойбищ на Салу, оставались всегда для них опасными. Торческо-печенежские пастухи, пригнавшие туда овец, скот или табуны лошадей, могли постоянно ожидать нападений со стороны Волги. Весьма показательно, что Торки со своими Печенегами, придя сюда, поместились по соседству с западными Асами-Аланами и Землей Касак.

На юг от Саркела — Белой Вежи и нынешнего хутора Попова раскопаны десятки курганов с могилами кочевников. Многие из них оказались типичными торческими погребениями человека с конём. Часть мужчин старшего возраста положена без частей конской туши, но с некоторым конским снаряжением: удилами, стременами, седельными пряжками и так далее. Четыре женских — оказались христианскими. У некоторых покойников на костях следы рубленных ран, послуживших причиной их смерти. Один похоронен с отрубленной головой. Все эти погребения датируются X-XI веками. По обнаруженным материалам, весь курганный могильник определён, как "памятник, оставленный двумя народами — Печенегами и Торками". [10])

Кочевники жили отдельно от городского и сельского населения, но путём браков вступали с оседлыми жителями в родство. [11]) Это объясняет, почему многие из разбросанных по берегам Дона селений не имеют никаких оборонительных сооружений. Выглядит так, будто оседлые не только не опасались кочевников, но ожидали от них защиты в случае нападения со стороны. Торки и их Печенеги брали себе жен — горожанок, а оседлые не гнушались кочевными красавицами. Особенно ярко выступает факт такого мирного сожительства в остатках Саркела — Белой Вежи: Среди жилищ, раскопанных в этом городе, рядом с глинобитной полуземлянкой оседлой семьи стояли юрты кочевников, переходивших к оседлости.

Город снабжал кочевных воинов оружием, а их семьи — необходимой в хозяйстве утварью. Оружие в степи было важнее, чем плуги. Его привозили и с Кав-

---

[9]) Гудуд ал-Алэм, § 47

[10]) С. А. Плетнева, Кочевнический могильник, МИА 109, стр. 259

[11]) В. В. Гинцбург, Антропологический состав Саркела, МИА 109, стр. 281

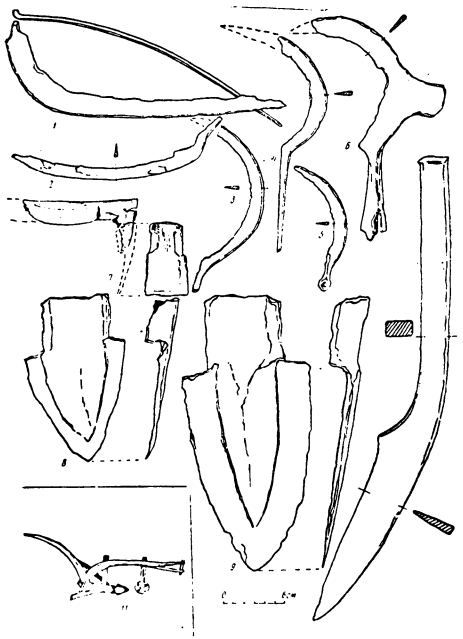
каза, где мастера давно прославились выработкой лучших стальных клинков. От местных оружейников его тоже можно было приобрести, но похуже качеством.

В области зимних стоянок Торков — Печенегов, при реке Сал, недалеко от Дона, стояла вторая казарская крепость, выложенная из камня.

На степных стойбищах — зимовниках кочевые Торки и их Печенеги укрывались от холода в круглых юртах, иногда с двойными вертикальными стенами, покрытыми по каркасу, плетенному из хвороста, двойным же рядом войлочных полостей.

В десятом веке кочевники начали переходить в оседлый быт, селились в степных хуторах и строили для семей не кибитки или юрты, а турлучные полуземлянки из плетня или камыша обмазанного глиной, с примитивными очагами из камней.

Судя по костным остаткам, обнаруженным на кочевых стойбищах, у Торко-Печенегов в изобилии водились кони, рогатый скот и овцы. Свиней не было, а верблюды попадались на Нижнем Дону только, как отдельные экземпляры. Всадники пользовались двулучными сёдлами на деревянном арчаке с железными стременами.

Земледельческие орудия Салтовцев

РАЗДЕЛ III

СЛАВЯНЕ И РУСЫ

Глава двадцать третья

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ РУСЫ

Продолжатель сирийского летописца Захария Ритора в 555 году дополнил его сочинение географическим справочником о тринадцати народах, живших в его время на север от Кавказа. Восточнее этих народов он указал Амазратов и людей-псов, западнее и севернее — Амазонок, а за Амазонками находился,

> "соседний с ними народ Hrws — люди наделенные огромными членами тела; оружия нет у них и кони не могут их носить из-за их размеров. Дальше на восток у северных краёв есть ещё три чёрных народа".[1])

Такие четыре арабских буквы Hrws служат у Сирийцев и теперь для обозначения русских людей. По этому, несмотря на общую неясность сирийского сообщения, сов. историки имеют основание предполагать, что этот источник указывает именно Русов. Речь в нём идёт о каком-то крупном нордическом народе, но не обязательно о том, который мы понимает теперь под именем **Русы, Русские.**

Следующим по порядку сообщением о Русах можно признать заметку Иордана о племени Росомонов (Росоманов?).[2]) В конце четвёртого века они проживали где то на Нижнем Днепре и были подданными готского короля Германариха:

> "Вероломному же племени Росомонов, которое в те времена служило ему в числе других племён, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени, по имени Сунильду, за изменнический уход от мужа, король

---

[1]) Б. А. Рыбаков, Древние Русы, Сов. Арх. т. XVII, стр. 64

[2]) В латинских рукописях это имя пишется по разному: Rosomonorum gens, Rosomanorum, Rosimanorum, Rosomorum. См. Иордан, стр. 279

(Германарих), движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав её к диким коням и пустив их вскачь. Братья же её, Сар и Аммий, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечём".[3])

Обстановка этого события и имена указывают на связь Росомонов с Готами.

Очередное появление Русов или Росов в средневековых источниках находится в Бертинской летописи:

"В мае 839 года в город Ингельхейм (у Рейна, несколько ниже Майнца), где тогда находился император Людвиг Благочестивый, прибыло посольство византийского императора Феофила и с ним несколько человек из народа называвшего себя "Рос". По сообщению византийца, царь этих росов, по имени "хакан", отправил в Константинополь послов с изъявлением дружбы; путь из Константинополя на родину был им отрезан "варварскими и свирепыми народами", поэтому Феофил просил Людовика разрешить им проехать через его владения. Расследование, произведенное в Ингельхейме, выяснило, что эти "Росы" в действительности были Шведами."[4])

Эта запись Бертинской летописи вполне соглашается со свидетельством летописи киевской, по которой Славяне приобрели свое объединяющее имя **Русь** от **Варягов-Норманов.** Но кроме этого франконский источник указывает, что шведский король или великий князь назывался **хаканом,** т. е. однозвучно со скандинавским **гаакингом,** термином того же значения.

Через сто с лишним лет германский купец Луитпранд встретил Русов в 968 г. при посещении Константинополя. Описывая эти встречу, он объясняет что это были "Rusios quos alio nomine Nortmannos appellamus", т. е. те "Русы, которых по иному мы называем Норманнами".[5]).

Русская летопись запечатлела все эти данные в рассказе 862 года о призвании правителей из за моря, Варягов, Рюрика, Синеуса и Трувора:

"Сице бо ся зваху тьи варязи Русь". "И от тех **варяг** прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, пре-

---

[3]) Иордан, стр. 91, 92, лат. 151, 152

[4]) В .В. Бартольд, Сочинения т. II, стр. 818; Полнее — В. Н. Татищев, Ист. Рос. т. I, стр. 294

[5]) Византийский Временник т. XII, 1957, стр. 137

же бо беша словене. По двою же лету Синеус умре и брат его Трувор и прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городам суть находници варязи, а первии насельници в Новогороде словене, в Полотьски кривичи, в Ростове меря, в Бело-озере весь, в Муроме мурома; и теми всеми обладаше Рюрик".[6])

Следует однако заметить, что и раньше, то есть до 862 года, Варяги уже господствовали среди Северных Славян, изгнавших своих правителей Русов в 859 г. На местах тогда осталась лишь часть рядовых жителей Русов.

Разноязычные племена северо-западной части нын. России еще долго сохраняли свои племенные названия, хотя области принадлежавшие **правящему клану Норманов — Руси** постепенно стали называться **Русской Землёй.**

В то время, когда на севере среди славяно-финского населения происходили эти политические перемены, на юге, ближе к берегам Чёрного моря, проживало другое племя Русов, очевидно остатки готских Росоманов. Где то у выхода из Крыма они основали Новый Город Русский, известный по жизнеописанию св. Стефана Сурожского. В Никоновской летописи тоже говорится, что эта Русь со своими князьями Аскольдом и Диром, как и Половцы — Куманы впоследствии, находились у берегов Чёрного моря, Евксинского Понта. В статье "О князи Рустем Оскольде" читаем:

"Роди же нарицаемии Руси, иже, и Кумани живяху в Ексинопонте, и начаша пленовати страну Римлянскую, и хотяху поити и в Константиноград; но возбрани им Вышний Промысл, паче же и приключися им гнев Божий, и тогда возвратишася тщии князи Аскольд и Дир. Василие же много воинствова на Агаряны и Манихеи. Сотвориже и мирное устроение с прежереченными Русы, и приложи их на христианство, и обещавшеся крестится и просиша архиерея, и посла к ним царь".[7])

Повесть Временных лет указывает дату нападения Аскольда и Дира наа Константинополь "в 14 лето Михаила Цесаря", т. е. год **866**. В послании того же года патриарх Фотий объявил о принятии Русами христианства.[8])

---

[6]) Повесть Временных лет, стр. 18

[7]) ПСРЛ т. IX, стр. 13

[8]) Византийский Временник т. VI 1953, стр. 32

Предание, записанное в летописи, рассказывает о чуде совершившемся перед их крещением. Когда присланный из Византии архиепископ убеждал Русов в божественности евангельского учения, те потребовали доказательств: "Мы не хотим быть христианами, говорили они, если не увидим специального знамени. Положи Евангелие в огонь и если оно не сгорит, мы станем верными христианами". Миссионер исполнил их требование и совершилось чудо — Евангелие осталось нетленным. Поражённые этим, Русы крестились и для них была образована епископия.[9]) Её назвали Тавроскифской епархией, т. к. Черноморских Готов в Византии называли Тавроскифами. К одиннадцатому веку она выросла в митрополию Маврокастрон или Новая Россия.[11])

Тавроскифами вначале называли и Киевских Русов. Так Лев Диакон в девятом веке писал, что для переговоров с киевским князем Святославом, император Цимисхий посла отправил к Тавро-Скифам, которых в обычной речи именуют — Рос".[12]) Другой автор того же века Продолжатель Феофана, говорит, что Росы назывались и Дромитами.[13]) Византинисты считают, что этот новый эпитет Русы — Тавроскифы приобрели по причине постоянного пребывания у Ахиллесова Дромоса — Ахиллесова Бега у днепровского устья.[14]) Следовательно, землею первоначального пребывания Русов-Тавроскифов-Дромитов на юге приходится считать равнинный полуостров между Каркинитским заливом и Днепровско-Бугским лиманом вместе с озёрами, плавнями и косами древнего Ахиллесова Бега. Это юго-западная часть нашей Таврии и Недавней Новороссии. Там где то и следует искать остатков Нового Города Русского. Митрополия **Маврокастрон или Новая Россия** распространялась и на эти земли. Греческий автор Скилица (XI в.) жаловался: "На всё находящееся внутри Эвксинского Понта и на всё его побережье нападал русский флот (народ же Рос — скифский, живущий у Северного Тавра, дикий и грубый) и на самый царствующий град навлекал он страшную опасность".[15])

---

9) Византийский Временник т. VI, стр. 32; ПСРЛ т. IX, стр. 13

10) Византийский Временник т. XVII г. 1960, стр. 45

11) Византийский Временник т. VI г. 1953, стр. 19; тот же т. XVII, стр. 139

12) Там же т. XVII, стр. 43

13) Там же, стр. 46

14) Там же, стр. 46

15) Византийский Временник т. III, стр. 240

Источники отчетливо различают две племенные группы Росов — Русов, севеную и южную. Между ними вначале во всю длину лежал бассейн реки Днепр. И если, по словам сов. византиниста М. В. Левченко, "летописные повести X века ясно различают Варягов и Русь",[16]) то это объясняется попыткой летописцев отделить Норманов, издавна поселившиэся на юге, Русь-Тавроскифов, от Норманов, лишь недавно оставивших Скандинавию, Русь-Варягов.[17]) Ни те ни другие Славянами не были.

Русы-Варяги и Русы Дромиты давно уже жили отдельно, действуя сообразно со своими частными интересами, преследуя свои частные цели. Первых привлекали богатства Севера и дани его малоспособного к сопротивлению, мятущегося в междуплеменных склоках, славяно-финского населения. А Русы-Дромиты продолжали добытнические традиции готских племён античной эпохи и мало интересовались покорением окружающих племен. Для Византийцев имя этих Росов звучало зловеще и грозно. Составитель жития Георгия Амастридского, писавший ранее 842 года, считал, что жертвоприношения знакомой ему языческой Руси имели приемственную связь "с древним таврическим избиением иностранцев".[18])

Росы-Дромиты начали свои набеги на византийские земли ещё в готские времена и совместно с Готами, которых Византийцы также именовали Скифами. Только здесь у Ахиллесова Бега, в этом приморском разбойничьем гнезде и сохранились кадры смелых мореходов. Только этих Русов "из Нового Города Руского" можно узнать в князе Бравлине с его ратью, разгромившей в первой четверти IX века всё южно-крымское побережье и напавшего на Сурож. Именно эти Русы-Тавроскифы подверглись разгрому под стенами Константинополя в 866 году. Но с другой стороны, в постоянных боевых столкновениях с Византией, они первыми из всех Русов познакомились с её внутренним строем, с Христианством. Их добровольцы - наемники начали служить в войсках и гвардии византийских императоров. Наконец, они первыми из Русов заинтересовались Новой Верой и в 866 г. многие из них стали христианами.

---

[16]) Византийский Временник т. VI, стр. 22

[17]) По академику Шахматову, Варяги или Варанги, как понятие, образовались от славянского Фряги, Франки, имени, которым в Древней Руси назывались все Европейцы. В. В. Бартольд, Сочинения т. II/I, стр. 817

[18]) Византийский Временник т. XVII, стр. 43

Вероятно, в результате поражения под Константинополем, один из их кланов во главе с Аскольдом и Диром двинулся на север и поселился в казарском городе Самбата. Здесь они попали в вассальную зависимость от хакана. В 882 г. сюда же пришел клан Варягов-Русов с севера. Его привел князь Олёг из рода Рюрика. Он пришел с малой дружиной, под видом купеческого каравана, выманил "воровским способом" прежних князей из за стен, убил их, занял город Самбату и закрепил за ним новое имя — Киев. Правителями края стали Рюриковичи, прекратившие выплату дани Казарам. Была создана независимая Киевская Русь, в которую, повидимому, переселились и остатки Русов-Дромитов. Они хорошо знали Чёрное море и могли оказаться очень полезными при организации морских походов на Константинополь. Они же, вместе с Казаровцами, создали первые кадры дружинников-христиан и за сто лет до крещения Киевской Руси построили церковь **Пророка Ильи над Ручаем** в Киеве.

В их лице первые Норманы отказались от своих языческих богов и признали Единого Бога, но память громовержцев Тора и Перуна сохраняли в христианском святом, пророке Илье. Народное предание наградило его теми же свойствами и стало представлять в виде нового громовержца, творящего громы и молнии, создающего бури. Во имя его и была создана первая киевская церковь.

Так сохранялась преемственная связь между старой и новой религиями. Огненная колесница Ильи-пророка сохранялась в народной памяти до наших дней.

Из всех этих данных следует вывод, что первые Русы не были Славянами. И Русы-Дромиты и Русы-Варяги вели свой род от нордических племён. Они пришли на земли заселенные лесными Славянами, покорили их и принудили их всех называться **Русскими**, то есть, принадлежащими им — Русам. Отсюда и повело свое начало странное этническое наименование, отвечающее этимологически на вопрос: какой, чей? а не на вопрос: кто?

Глава двадцать четвертая

РУСЫ ПОВОЛЖСКИЕ

В те годы когда наиболее сильное племя Варягов-Русов обосновалось в Новгороде,[1]) один из его правящих кланов направился на юго-восток. Через Белое озеро и реку Шексну он достиг реки Волги и, задержавшись здесь на долгое время, покорил всех местных Славян. Затем они сообща поглотили ближайшие угрофинские племена и тем завершили первую стадию зарождения великорусской народности. Возможно, что название города **Ростов,** который они основали вскоре после своего прибытия, произошло от какого то древне-скандинавского, исландского или финнского значения с корнями Ross и town и понималось, как **Русский город.**

Этих Поволжских Русов Арабы и Персы знали лучше, чем Новгородских, Днепровских или Дромитов. Но, вообще, восточным авторам были известны только три племени Русов, о которых более точные сведения появились в их географических сочинениях только с началом десяого века. В первых сообщениях говорилось о трёх славянских центрах, а потом их же стали именовать **русскими.** Ал-Балхи около 920 г. писал:

> "Русы состоят из трёх племён, из которых одно ближе к Булгару, а царь его живёт в городе называемом Куяба. Другое племя — дальше первого, называется Славия. Ещё племя называется Артания, а царь его живёт в Арте. Люди отправляются торговать в Куябу. Что же касается Арты, то мы не припоминаем, чтобы кто нибудь из иностранпев странствовал там, ибо они убивают всякого иноземца, путешествующего по их земле".[2])

Если припомнить о "таврических избиениях иностранцев" из жития Георгия Амастридского (см. гл. 23), то Русы, избивающие каждого приходящего в Артану иностранца, выглядят, как Русы-Дромиты, занимавшие юго-западную Таврию. Из этого следует, что у Арабов представление о Задонщине-Артане связывалась с обширным краем, раскинувшимся от Дона до низовьев Днепра. Например. Истахри указывает Арту между Казаром и Дунайской Болгарией, а это включает Таврию.

---

[1]) По летописям от 862 г.

[2]) В. В. Бартольд, Сочинения т. II/I, стр. 836; П. Н. Третьяков, Восточно-славянские племена, М. 1963, стр. 300

В персидской географии 982 года название Арта отсутствует, а вместо него есть Уртаб. Там о Русах говорится:

"На восток от их страны находятся Печенежские горы; на юг от неё — река Рута; на запад от неё — Славяне; на севере — безлюдная северная пустыня. Это обширная страна, а её жители злонравны, несговорчивы, надменны, вздорны и воинственны. Они воюют со всеми неверными, которые живут вокруг них и выходят победителями. Их царь называется Рус-Хакан. Природа этой страны особенно богата всем необходимым для жизни. Часть из них составляет конницу. Они почитают знахарей. Своим правителям они отдают десятую часть из добычи и торговых прибылей. Среди них живет часть Славян, которые им служат. Они шьют очень широкие холщевые штаны, подтягивая их фалдами и подвязывая выше колен. Они также носят мягкие шерстяные колпаки с хвостами, которые висят над их затылками. Они хоронят своих покойников вместе со всем их имуществом, одеждой и украшениями, а также кладут в их могилу еду и напитки. В их стране находятся:

1) К у я б а — город или область Русов, расположенная ближе всего к землям мусульман. Это весёлая местность, где находится их царь. Там добывают различные меха и делают ценные мечи.

2) С а л а б а — приятный город, из которого в мирное время они отправляются по торговым делам в Булгар.

3) У р т а б — город, где чужеземцев убивают, как только они там появляются. Там выделывают очень ценные клинки и мечи. Их можно сгибать вдвое, но если руку принять. они снова выпрямляются". [3])

Из этого описания следует, что известные Персам Русы занимали край от реки Оки (Руты) далеко на север; на востоке этот край подходил к Печенежским горам — Жигулям, а на западе имел непосредственными соседями Славян. Речь здесь идет об одних Русах Поволжских, ближайших соседях мусульманского Камского Булгара. Славянам в этой географии посвящена отдельная статья. [4]) Они помещены на запад от Руси и Срединных (Чёрных) Болгар в обширной лесной стра-

---

[3]) Гудуд ал-Алэм, § 44

[4]) Там же, § 43

не между Чёрным морем и безлюдной пустыней севера. Им неоднократно приходилось страдать от соседних Русов. Автор десятого века Ибн Русте пишет о последних:

"Они делают набеги на Славян, причём садятся на корабли, отправляются к Славянам, захватывают их в плен, увозят к Хазарам и Болгарам и продают. Пашень у них нет, они питаются только тем, что увозят из земли Славян". [5])

Перс Гардизи после него говорил, что "многие Славяне приходят к Русам служить им, чтобы этой службой приобрести для себя безопасность". [6])

Интересные сведения о Поволжских Русах оставил Ахмед ибн Фадлан в книге о путешествии к Волгским Болгарам в г. г. 921 - 922. По его словам, ему не приходилось видеть людей "с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, белокуры, красны лицом, белы телом". Многие из них были покрыты татуировкой от края ногтей до шеи. Но при этом, с точки зрения мусульманина, "они грязнейшие из творений Аллаха и не очищаются ни от каких нечистот, "как блуждающие ослы". Такими же нечистоплотными эти язычники, не исключая и их царя, были в своих отношениях с женщинами. "И этот поступок они не считают постыдным".

Ибн Фадлан встречал в городе Булгаре Русов - купцов и имел случай наблюдать их погребальный обряд, сожжение покойника в ладье, сопровождавшееся половыми неистовсвами его родственников и друзей и насильственной смертью девушки, уложенной рядом с мёртвым. [7])

Как видно из приведенных источников Арабы и Персы в X веке рассматривали Поволжских Русов, как отдельную ветвь этого народа. Очевидно так и было, хотя в летописях говорится, что Мерянская область с городом Ростовом подчинялась уже Рюрику, сидевшему в Новгороде. Поволжеские Русы были немногочисленны, на Булгар или на Казарию нападать они не решались, а зато вели с ними оживлённую торговлю, особенно рабами, захваченными в славянских поселениях.

---

5) В. В. Бартольд, Сочинения т. II ч. 1, стр. 821

6) Там же, стр. 822

7) А. П. Ковалевский, Книга Ахмеда ибн-Фадлана, стр. 141-146

Глава двадцать пятая

РУССКОЕ ИМЯ

Для нашей темы полезно будет проследить эволюцию звучания русского имени на разных языках в разное время.

Вплоть до XVII столетия летописцы не пользовались наименованием Россия. Они писали **Русь, Русин, Руская земля. Россия** появляется позднее в результате византийских книжных влияний, причём в XVI веке всегда была в употреблении переходная форма — **Русия.**

Не одинаково писали и пишут это имя и иноземцы. Например, в сирийской географии, как уже говорилось, Русы в 555 году обозначены словом "Hrws". Позднее Арабы называли и страну и народ одинаково **ал Русия,** а Турки — **Урус.** У Греков последовательно — **хРос, хРус, хРусия, хРуссия, хРосия,** всегда с придыханием в первом согласном звуке. У Мадьяров было **Орош,** у Чувашей — **Вырос;** у Французов в XIV - XV в. в. *Rossie, Rousie, Roisie,* хотя в древнем издании Марко Поло — *Rosie, Rosei.* В литовских актах XIV ст. сохранился титул великого князя Ягеллы. Его именовали *Dominus Rosie,* а его подданых *Litwinis et Rutenis* или *Litwinos et Rotenos.* Испанцы в то время называли Россию *Roxia,* а живущих в ней людей — Roxes. Германские народы издревле знали Russland, а Англичане — Russia (Раша). *Russian* (Рашен). В XIV в. на итальянских картах стояло *Rossia,* а XV веке встречается и *Rosie.*

Такой пример постоянного чредования в первом слоге А, О, У, так же как и другие перемены, отчетливо иллюстрируют способ разнообразного начертания, принятого у разных народов. Подобное чередование гласных сохраняется и теперь: Россия — Русский.

Судя по многим данным, на протяжении десятого столетия, современники ещё не смешивали воедино Русов и Славян, хотя процесс интенсивного слияния Норманов с населением Новгорода, Киева и Ростова начался уже давно. Их совместная жизнь иногда вызывала смешение понятий **Рус** и **Славянин.** Если доверять точности перевода дошедших до нас выдержек из географического труда Ибн Хордадбеха, такое смешение

происходило и в конце девятого века, когда Русы уже владели многими славянскими племенами. Хордадбех, будто бы, записал:

"Что касается русских купцов, а они (русы) племя из славян, то они привозят меха бобров, меха чёрных лисиц и мечи из самых отдалённых (частей) страны славян к Румскому (Чёрному) морю, и взимает с них десятину царь румийцев". "Иногда они привозят свои товары из Джурджана в Багдад, причём переводчиками им служат славянские евнухи (халифа), они выдают себя за христиан и уплачивают джизью (подушную подать)".[1])

Нужно сказать, что Русам-Дромитам, если это были они, "выдавать себя за христиан" было незачем: они ко времени Хордадбеха стали уже действительными христианами.

Константин Багрянородный говорит о славянских племенах, как о данниках Руси: "Их славянские данники, так называемые Кривичане, Лензенины и остальные славянские области".[2]) Коренные Русы не были Славянами. Кадры киевских князей состояли исключительно из Норманнов. Договоры с императорами Византии в 911 и 945 г. г. от имени Олега и Игоря заключали не славянские послы. В первом договоре говорится:

"Мы от рода рускаго Карлы, Инегелд, Фарлоф, Веремуд, Руслав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид, иже послани от Олега великого князя руского и от всех, иже суть под рукою его светлых и великих князь и его великих бояр, к вам, Львови и Александру и Костянтину, великим о Бозе самодержцем, царем греческим".[3])

Здесь имена послов отчётливо скандинавские, Такими же Норманнами были представители князя Игоря и его Варягов при заключении договора в 945 году:

"Мы от рода руского сълы и гостье: Ивор, сол Игорев, великого князя рускаго, и объчии сълы: Вуефаст Святославль, сына Игорева; Искусеви Ольги княгини; Слуды Игорев, нети Игорев; Улеб

---

[1]) В. В. Бартольд, Сочинения т. II ч. 1, стр. 825

[2]) Об управлении империей, стр. 56, 57

[3]) Повесть Временных лет т. I, стр. 25, 26; И. Д. Приселков, Троицкая летопись, М. — Л. 1950, стр. 66

Володиславль; Каницар Передъславин; Шыхъберн Сфанъдр, жены Улебле; Прасьтен Туръдуви; Либиар Фастов; Грим Сфирьков; Прастен Акун, нети Игорев; Кары Тудков; Каршев Туръдов; Егри Евлисков; Воист Воиков; Истр Аминодов; Прастен Бернов; Явтяг Гунарев; Шибрид Алдан; Кол Клеков; Стегги Етонов; Сфирка....; Алвад Гудов; Фудри Туадов; Мутур Утин; купец Адунь, Адулб, Иггивлад, Олеб, Фрутан, Гомол, Куци, Емиг Туръбид, Фуръстен, Бруны, Роалд, Гнастр, Фрастен, Игелъд, Туръберн, Моны, Руалд, Свень, Стир, Алдан, Тилен, Апубьксарь, Вузлев, Синко, Боричь послании от Игоря, великого князя рускаго и от всякоя княжья и от всех людей Руския земля".[4])

Сами князья рода Рюрика уже не брезгают именами своих подданых Славян, особенно после княгини Ольги.

В те же годы Константин Багрянородный приводит названия Днепровских порогов, отдельно на русском языке и по славянски. При этом он объяснил славянское значение некоторых:

По русски	По славянски
Ессупи на обоих языках значит	Не спать!
Ульворси	Островуни праг — Остров
Геландра при славянском значении	Грохот порога
Айфор	Неасыт, потому что на нём гнёзда пеликана
Варуфорс	Вульнипрах, потому что около него большой затон
Леанти	Веручий — кипящая вода
Струкун	Напрези — малый порог.[5])

Дело не в том, правильно ли понимал автор славянское значение этих замысловатых названий, важно лишь то, что русский и славянский языки в его время ещё существенно отличались один от другого.

Шведский археолог Т. Арне указывает на сходство

---

[4]) Повесть Временных лет, стр. 34, 35; Троицкая летопись, стр. 74; ПСРЛ т. I стр. 46, 47; т. II, стр. 35, 36

[5]) Об управлении империей, стр. 58-61

названия **Айфор** со шведским словом *Aifur* — **невозможный для судоходства.** [6])

И князья рода Рюриковичей и их первоначальные дружинники все были Норманами, Скандинавами. Это — историческая правда неприятная для многих историков — автохтонистов, приверженцев идеи, что имя Русь всегда принадлежало Славянам, что в создании Русского государства Норманны принимали лишь незначительное участие, что готские и другие западно-германские культурные влияния были минимальными на протяжении всей истории Руси и не могли оставить заметного следа в политической жизни русского народа. Но при наличии вышеприведенных свидетельств согласиться со всем этим невозможно. Из них следует, что именно Варяго-Русы, создавши Новгородский, Поволжский и Киевский очаги русской государственности, разбудили силы объединения, заставили действовать процессы слияния многих славянских племен в единый Русский народ. По пути они сообща прихватили и некоторые иноязычные племена. Все они, одно за другим, приняли национальное имя своих правителей и покорителей, все стали Русскими.

Подобный переход национального имени правителей на подчинённые народы, в истории обычное явление. Благодаря ему Кыпчаки-Половцы стали называться Татарами, а Дунайские Славяне, передав Болгарам свой язык, сами обратились в Болгар. По той же причине в Европе появилось имя Франция, полученное Галлами от правителей из германского племени Франков. Белорусы под властью литовской династии заставили её изъясняться на их языке, а сами получили их имя и долгие века выступали под именем Литвы; в свою очередь, литовские племена Восточной Пруссии отказались от родного языка и стали наиболее резкими выразителями прусского германизма. Это всё близкие нам примеры. Их можно найти много больше.

Следует также помнить, что во время формирования обширной Руси, ни Русы — Дромиты, ни Варяго-Русы, ни Русы Поволжские никакого касательства не имели к народам, проживавшим в бассейне Дона, в Приазовье на Земле Касак или в Казарии.Они не нарушали их племенных названий Касаков-Касагов, Торков, Ясов, Берендеев, Брадасов — Бродников, Чёрных Болгар и т. д. С точки зрения Славяно-Русов они оставались Казарами, жителями "земли незнаемой". О Тома-

---

[6]) La Suèd et l'Orient par J. J. Arne, Upsala 1914, p. 11.

торкани летописцы узнали только случайно, благодаря тому, что там временами скрывались некоторые "эмигранты", бежавшие от гнева Рюриковичей. До этого времени Кавказа и Дона летописцы не знали совершенно и ничего о них не сообщали. Процессы создания на этих землях скифо-славянского сплава прошли для них незамеченными. В XVI веке, составляя свои Великие Четьи Минеи, московский митрополит Макарий черпал сведения о жителях Дона и Приазовья не от русских летописцев, а из греческих хроник. Поэтому он их определил с большой достоверностью, как с к и ф с к и й н а р о д я з ы к а с л а в я н с к о г о. Об этом, — говорит А. И. Ригельман, —

> "объявляет нам ясно, взятое из Греческих летописцев, Российская Четь Минея, повествованием своим в месяце мае, в 11 день, что Козары, коих Греки Козарами, Римляне же Газарами, называли, был народ скифский, языка славянского, страна же их была близь Меотического озера, что и Мертвым морем называлось (ныне же Азовским именуется), во онсе Дон река, которая Азию от Европы разделяет, впадает". [7])

Автор **Слова о полку Игореве** знал, что и в конце XII века Дон, Нижняя Волга и даже близкое Посулье были для русских людей областями далёкими и незнакомыми. Такой же была и Томаторкань, где на высоком мысу стоял, известный всему древнему миру истукан Сатира, [8]) который местные Славяне называли балваном (идолом) языческого царя: "Див кличет верху древа, велит послушати земли незнаеме Волзе и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе Тьмутораканьскый болван". [9])

В 1185 году князь Игорь Святославич пошел в поход "поискати града Тьмутораканя, а любо испити шеломом Дону" [10]) и попал в руки Половцев.

---

[7]) Летописное повествование о Малой России. М. 1847, стр. 5

[8]) Страбон, География 11. 2. 7: Девяносто стадий от Гераклеи к монументу Сатира, который возвышается на выступе в море. По Константину Багрянородному там же — остров Царьпаганин, часть Таманского островного массива.

[9]) Слово о полку Игореве, М. — Л. 1950, стр. 9

[10]) Там же, стр. 24

Глава двадцать шестая

ВЗГЛДЫ РУССКИХ ИСТОРИКОВ

По вопросам о Казаках и их истории русская наука почти всегда пользовалась исключительно своими летописными и актовыми материалами, которые к тому же не изучались достаточно глубоко. Поэтому и установился абсурдный взгляд на Казаков, как на некий военный класс, совершенно неожиданно образовавшийся в недрах татарского, русского и украинского народов и так же неожиданно появившийся в летописях и хрониках. Тех же взглядов придерживались и советские историки. Но в средине тридцатых годов, когда власти порешили использовать, взращённый веками, боевой дух военного народа, Казаков полуофициально признали **полуцарскими** и при помощи такой **полуправды** избежали упрёков в возрождении класса в безклассовом государстве. Советские власти начали формировать казачьи конные полки, усердно насыщая их инакородными. Одновременно с этим в прессе появились указания о том, что в прошлом связи Казаков с русскими государями были во всём подобны отношениям Римской и Византийской империй с их **федератами,** подунайскими кочевыми племенами **варваров.**

В связи с этим и в исторической литературе появились довольно крамольные намёки, что в степях, действительно, всегда существовали какие то основные кадры воинов, сделавшие возможным появление там и беглых русских крестьян, из которых, будто бы, и образовалась значительная часть Казаков.

"Беглецы, приходя на Дон, попадали не в пустыню, пишет один из советских историков. — Потому и родилась знаменитая пословица: "С Дону выдачи нет". В самом деле, можно поверить, что Робинзон Крузо (или его прототип) выжил на необитаемом острове и даже сумел отбиться от кучки Индейцев, впрочем, с помощью огнестрельного оружия. Но как мог не погибнуть русский крестьянин, попавший в непривычную ему природную обстановку, когда во всех водораздельных степях Причерноморья господствовали Ногаи, промышлявшие ловлей людей и продажей их в рабство? Невозможно ответить на вопрос: почему москов-

ское правительство, очень нуждавшееся в налогоплательщиках, допускало уход своих подданых за границу, если один конный отряд мог выловить сколько угодно безоружных беглецов? И наконец, для того чтобы из земледельца-пахаря превратиться в воина и охотника, нужно время и выучка. Очевидно, на Дону имелись места, где пришелец мог спокойно привыкнуть к новым условиям и новому образу жизни. Это значит, что с XIII по XVI века там жили потомки Бродников, воевавшие со степью и нуждавшиеся в пополнении".[1])

Автор, опубликовавший эту точку зрения, ни чем не рисковал, так как по старорусской традиции Брадасы-Бродники тоже считаются выходцами из русских или украинских гущ. Их племенное имя только по созвучию и совершенно произвольно связывают с русским **бродить.** А для того, чтобы отобрать от них право на остатки степных археологических культур и передать его Руси, современый историк Б. А. Рыбаков даже изобрёл особый термин — **дружинная культура.**[2]) При этом, русскими дружиниками для этого случая он ститает тех же Бродников.

Однако, трудно себе представить, чтобы какое либо военное соединение, посещая степи даже непрерывно, оставило там бытовые предметы, ни чем не связанные с его главной базой, с той страной, откуда велись выпады в степи. Относиться с доверием к такому гипотетическому изобретению современого историка невозможно. Степь жила своей жизнью и в смысле материальной культуры. Изобретение Б. А. Рыбакова приходится принимать за точное выполнение догматической формулы старшего советского историка: "История — политика сбращённая в прошлое".

Вызывает сомнение и предположение М. И. Артамонова, будто бы имя Бродников могло принадлежать "смешаному русско-половецкому населению Подонья".[3]) Когда и где могло произойти подобное смешивание? По его же словам русских людей на Дону и на Тамани было очень немного. Половцы явились на Дон около 1060 года, а Бродники в киевских летописях появляются под годом 1147,[4]) как полностью сформированный народ.

---

[1]) Л. Н. Гумилев, Открытие Хазарии, М. 1966, стр. 178

[2]) Б. А. Рыбаков, Древние Русы, Сов. Арх. т. XVII, м. 1953, стр. 63 сл.

[3]) Саркел — Белая Вежа, МИА 62, стр. 84

[4]) ПСРЛ т. XXV М. — Л. 1949, стр. 40

Слишком короткий срок для полной ассимиляции! Брадасы по персидской географии 982 года проживали на Среднем Дону задолго до появления там Половцев.

Нет нужды искать в Бродниках и русско-казарской крови, как это делает Л. Н. Гумилев. Он сам пишет:

"Бродники говорили на русском языке и исповедывали православную веру, но современные им летописцы никогда не смешивают Бродников и Русских. Они считали, что это два разных народа".[5])

Русские ученые, проживающие в свободном мире, тоже нераз придерживаются постулата сов. историка Покровского о том, что история, как наука, должна служить политическим целям, а потому перестают быть объективными.

Ознакомимся вкраце со взглядами русско-американских историков Г. Вернадского и М. Карповича в той части их труда **История России,** где говорится о древностях и раннем Средневековье Приазовья и Дона. Казакам тоже не помешает познакомиться с их выкладками ввиду того, что, издав свой труд на английском языке, они пристрастно и в искаженном виде знакомят иностранцев с историей нашей земли, а нам это не может быть безразлично.

Их многотомная **История России** начинается с провозглашения неопровержимых истин общего характера. На одной из первых страниц чатаем:

"Общность языков и одинаковая культура не могут служить признаком обязательного племенного родства. Народности, принадлежащие к одной и той же языковой группе и к той самой культурной сфере, могут различаться даже по расе и принадлежать к различным антропологическим типам. История знает множество примеров, когда один народ воспринимал язык и культуру другого. Так в эпоху расцвета могущества Римской империи Кельты и Иберийцы, особенно в Галлии и Испании, усвоили язык своих покорителей, из которого развились современные нам языки французский и испанский.

"Не менее показательны процессы изменений происшедшие в персидском языке, после того как Иран был покорён Арабами. Тогда в язык Иранцев не только проникло много арабских слов, но изменилась и сама структура персидской речи, принявшей некоторые арабские грамматические формы.

---

5) Л. Н. Гумилев, Открытие Хазарии, стр. 176

И это несмотря на то, что язык персидский относится к индо-европейской группе, а арабский — к семитской.

"Некоторые факты из русской истории также предостерегают от неосмотрительного отождествления языка с племенными основами. Например, хорошо известно, что Норманны, которые в девятом и десятом столетиях стали правящим классом Киевского государства, сами быстро ассимилировались в массах местного населения, приняв и его славянский язык.

"Русская аристократия тоже интересный пример. Эта социальная группа создавалась из разноплеменных элементов. Некоторые самые древние аристократические роды России вели свое начало от Аланов и варяжских вождей; другие по происхождению — Поляки, Литва, Украинцы, Германцы, Шведы, Монголы, Татары, Армяне или Грузины. Все эти разнородные элементы сошлись воедино благодаря тому, что приняли русский язык и русскую культуру". [6])

Оспаривать приведенные выше истины было бы неблагоразумно. Требуется только одна маленькая поправка: Разнородные элементы сошлись воедино и включились в русскую аристократию только благодаря монаршему соизволению, а русская культура и русский язык играли при этом второстепенные роли.

Таковы были основные положения большого труда русско-американских авторов. Но начавши так, они в дальнейшем изложении не всегда руководствовались этими мудрыми основами, а прибегая к помощи словарей извлекают из них через чур рискованные выводы.

Уже в первом томе поражает богатство использованного материала, но поражает также и изобилие гипотез, часто принятых за подлинную истину.

Вот пример:

Для нас в этой книге особенно интересно трактование источников касающихся средневекового населения Приазовья и Дона. И вот там мы находим мысль о тождественности понятия **Асии** и одного из славянских этнических имен **Анты,** а одновременно указывается, что "Асии могут пониматься, как Ас (Асы или Ясы русских летописей), то есть, как предки Осетин. Асы были известны также, как Аланы". [7]) "Сокращение имени Ант

---

[6]) A History of Russia by George Vernadsky and Michael Karpovich, v. I, New Haven 1943, p. 3.

[7]) Там же, стр. 82

в Ас может быть объяснено фонетическими законами греческого языка". [8]) В результате можно сделать совсем невероятный вывод: Асы, Аланы и Славяне-Анты один и тот же народ, имевший общих предков с Иранцами — Осетинами! Вывод ошеломляющий, но неизбежный.

Однако через несколько страниц оказывается, что фонетические законы греческого языка тут были непричём: "Между другими племенами под властью Аланов находились и некоторые славянские племена или, по крайней мере, одно из них — Анты, принявшие имя своих новых правителей". [9]) Причём же здесь греческая фонетика? "Так же точно, после установления власти Алан на Северном Кавказе, — продолжают авторы, — они должны были включить в свое государство некоторые местные племена. Таким было и кавказское племя Осетин, Осы, они же Асы, предположительно алано-яфетического происхождения". [10]) Похоже, что Асы-Аланы покорили самих себя?!

В том, что Осетины на протяжении II - IV веков находились под властью Асов-Аланов, сомневаться не приходится. Империя Аланов распространялась по всему Северному Кавказу. Асы - Аланы оставались там владельцами многих земель и после нашествия Гунов, [11]) и даже в X веке, [12]) и даже перед нашествием Татар в 1223 году. [13]) Но Осетины не приобрели свое имя от Асов, во первых потому, что и до этого времени были известны географам на тех же местах, где и теперь проживают, только под своим древним именем **Эсседонов,** а во вторых, потому, что покоряя народы Асы приказывали им называться Аланами, а не Асами. **Асы, Асии** — имя господ, они не делились им ни с кем. По скандинавским источникам известно, что это имя принадлежало обожествляемому клану родоначальников, правящему клану. У профессоров же Вернадского и Карповича Асы постоянно смешиваются и отождествляются то с разноплеменными Аланами, то с Антами, то с Русами. При

---

[8]) A History of Russia by G. Vernadsky and M. Karpovich, v. I, p. 82.

[9]) Там же, стр. 90

[10]) Там же

[11]) Прокопий, Война с Готами, IV. 3. 4; того же автора, История воен, II. 24. 15

[12]) Гудуд ал-Алэм § 48

[13]) Рашид ад Дин, Сборник летописей т. I, кн. 2, стр. 229

этом последних они выводят из сарматского племени Роксоланов. И эта гипотеза, основанная лишь на некотором созвучии имён, обращается у них в утверждённую истину: "Как мы знаем (откуда? Г. Г.), аланский клан организовал славянские племена Антов и мы можем допустить, что даже в западной аланской орде были отряды и антские (Асо-Славян) и русские (Рукс-Асов). Западные походы Аланов были в этом смысле первым нашествием Русских на Европу".[14])

Сказано смело! Но подтверждения таким категорическим выводам в источниках найти невозможно.

Так же легко Асы-Аланы превращаются у них в Гетов: "Если мы сочтём Виталина внуком Аспара, то должны согласиться с тем, что в его жилах текла готская и "гетская" (аланская) кровь".[15]) В другом случае оказывается, что Аланов можно считать и Гуннами: "Окончательная битва между Аланами и Остроготами произошла при реке Эрак (теперь Тилигул) около 375 года по Р. Хр. Иордан, вероятно пользуясь какой то старинной Сагой, списывает это сражение, как дуэль на луках между королём Гуннов (т. е. Аланов) и королём Остроготов. Первый убил последнего стрелою. По Иордану, имя царя Гуннов (т. е. в этом случае Аланов) было Баламбер".[16])

Остаётся загадкой: каким образом Аланы обратились в Гуннов через год или два, после появления настоящих Гуннов на Дону и в Европе?

Как видим из приведенных выдержек, русско-американские профессора, считая Асов-Аланов по крови Иранцами, щедро наделяют их именем и Антов (Асо-Славяне), и Русов (Рукс-Асы), и Осетин, и Гуннов, и Гетов.

Ясно, что за этим расовым столпотворением не возможно обнаружить и малейшего признака истинных родовых корней правящего клана Асов—Ансов, обожествляемых и Готами и Аланами.

Совершенно своеобразное освещение получает в этом историческом труде и Салтово-Маяпкая археологическая культура. Авторы приметили ее скандинавский характер, но не принимают во внимание её связей с па-

---

14) A History of Russia by G. Vernadsky and M. Karpovich, p. 135.

15) Там же, стр. 163

16) Там же, стр. 131

мятниками обнаруженными на Северном Кавказе и на Дунае. Поэтому они датируют появление у нас на Юге Скандинавов с опозданием на 700 лет.

После туманных рассуждений о Шведах, якобы явившихся на Дснец в восьмом веке, русско-американские профессора предлагают новую гипотезу: "Отряд Шведов, который владел местными племенами Асов и Рукс-Асов (Руси), не был, вероятно, многочисленным и Шведы постепенно оказались поглощены своими вассалами, приняв даже их имя. После этого они стали известны вначале как Асы, а затем как Русы".[17]) Говорится о восьмом и последующих веках. А как понимать, приведенные на той же странице, слова скандинавского предания: "Мы читаем в Инглинга Саге: Страна в Азии на восток от Танаквиса (Танаис — Дон) называлась Асаланд или Азагейм и главный город в той стране назывался Асагард (город Асов)". Речь в этой Саге идёт о времени родоначальника Асов, Скандинава **Одина,** на рубеже старой и новой эры, когда он и его люди находились на Танаисе. Там же в первом веке появились и Асы-Аланы или Танаиты, которых Прокопий Кесарийский причисляет к готским народам, иначе говоря, если не к Скандинавам, то к Балтийцам.

"Захвативши Верхний Салтов, — говорится дальше в **Истории России,** — Варяги открыли для себя путь в Азовское море через Донец и Дон".[18]) "Жившие там Асс-Славяне приветствовали появление Варягов".[19]) Всё это фантастика, ни на чём не основанная. Скандинавская историческая литература указывает только два восточных пути Викингов — Варягов: один в Чёрное море по Днепру и другой в Каспийское море по Волге. Русские летописи знают только один путь "из Варяг в Греки" — днепровский. На Донце Варяги появились в 965 году с дружинами киевского князя Святослава. О том, как "приветствовали" их появление местные Асо-Славяне, свидетельствуют остатки, погибшей при этом, Салтово-Маяцкой археологической культуры.

Все теоретические устремления историков Вернадского и Карповича направлены на Тамань, где по их предположению должна была существовать фантастическая **Приазовская Русь.** Оттуда они готовы вывести и основы киевского христианства: "В 867 году констан-

---

[18] A History of Russia by G. Vernadsky and M. Karpovich, p. 274.

[18]) Там же стр. 272

[19]) Там же, стр. 272

тинопольский патриарх Фотий имел основание объявить с удовлетворением, что народ Рос, известный своей свирепостью, принял епископа и с большим рвением выполняет заветы христианства".[20]) При этом авторы добавляют: "К сожалению, Фотий не указал в своем послании, где епископ помещался, но мы можем решить без риска, что это была Тмуторокань, так как епархия Тмутаракань упоминается в списке готских епархий". И дальше: "Мы можем быть уверены, что Тмутороканская епархия стала основой Русской Церкви".[21]) Как раз, в такой возможности и нельзя быть уверенным, по той простой причине, что это предположение ничем не доказывается.

Посмотрим, как обстояло дело в действительности. По списку епископий Константинопольской патриархии во время Седьмого Вселенского Собора (787 г.) в Крыму существовала Готская митрополия, в которой числилась и епархия Туматарха, но о Руси в списке не говорится.[22]) Архиепископ русский вспоминается позднее в другом месте, поближе к исторической Руси. Константин Багрянородный в "Продолжателе Феофана" рассказывает, что его дед Василий I привлёк "народ русский, воинственный и языческий, раздавая ему одежды золотые, серебряные и шелковые, и установив с ним дружбу и соглашение, уговорил его принять крещение".[23]) К ним был послан архиепископ. Когда он уговаривал Русов отказаться от язычества, совершилось чудо повлиявшее на их решение: "По требованию языческой Руси он положил Евангелие в огонь и оно осталось нетленным. Тогда Русь, пораженная чудом, крестилась и приняла архиепископа".[24]) Константинопольский патриарх Фотий в Окружном послании 866-го года говорит о крещении этих Русов, как о совершившемся факте. Поэтому не удивительно, что в Западной Таврии появились не только епископия, но и митрополия. Советский византинист М. В. Левченко писал: "Согласно "Записке греческого топарха", византийский военный

---

20) A History of Russia by G. Vernadsky and M. Karpovich, p. 353.

21) Там же

22) М. И. Артамонов, История Хазар, стр. 258; The Goths in the Crimea by A. A. Vasiliev, Cambridge Mass. 1936, p. 97.

23) М. В. Левченко, Известия Константина Багрянородного о Руси, В. В. т. VI, стр. 32

24) Там же

отряд направляется домой в зимнее время по южно-русской степи, в направлении Маврокастрона. В половине XI века мы видим в этом Маврокастроне византийскую церковную митрополию, носящую название "Маврокастрон" или "Новая Росия".[25]) Есть указание, что город Маврокастрон на древней карте помещен в Крыму не далеко от Перекопа. Там же указывается и Новая Росия.[26]) Последний город также вспоминается в жизнеописании святого Стефана Сурожского; через несколько лет после его смерти, на Сурож совершили нападение жители Нового Города Руского.[27]) Это произшло не позже первой четверти девятого века.

Все данные указывают, что "основы Русской Церкви" следует искать в ближайшей к Византии Руси Таврической, неславянской, а не в степях Приазовья, как это делают авторы американской **Истории Росии.** В восьмом и девятом веках наши степи населяли не Славяно-Русы, а степные Славяно-Казары, Казаровцы. По археологическим данным Славяно-Русов на Дону и в Приазовье оказалось очень мало даже при временном господстве там Киева в годы 965 - 1015. Археологи говорят:

> "Так же как и в Тмуторкани, русское население Белой Вежи было немногочисленным".[28]) "Антропологический материал, полученный при раскопках беловежского кладбища, говорит как бы о том, что этнически население в городе изменилось мало, приезжих из Киевской Руси было немного".[29]) "Славяне поселившиеся в городе, после разгрома Хазар, принесли только отчасти новый антропологический тип. Однако женщин-славянок здесь было сравнительно мало, что способствовало заключению браков между славянскими мужчинами и местными жительницами и приводило к некоторой нивелировке типов".[30])

В завоеванную князем Святославом Томаторкань явилось из Киева так мало Русов, что их не было даже

---

[25]) Византийский Временник т. VI 1953, стр. 19; также т. XII 1957, стр. 139

[26]) Дм. Струков Древние памятники Христианства в Тавриде, Москва 1876

[27]) Византийский Временник т. III 1950, стр. 239

[28]) М. И. Артамонов, Предисловие, МИА 109, стр. 6

[29]) С. А. Плетнева, Керамика Саркела — Белой Вежи, МИА 75, стр. 272

[30]) В. В. Гинцбург, Антропологический состав Саркела, МИА 109, стр. 280

[31]) ПСРЛ т. IX М. 1965, стр. 78

в дружине местного князя Мстислава Храброго. Летописец записал: "Прииде Мстислав со Козары и с Косаги на Ярослава".[31]) Придуманная в прошлом столетии гипотеза "об исконном существовании Руси Приазовской", "прилежащей к Боспору Киммерийскому" совсем не оправдывается источниками. П. О. Карышковский в объективном разборе текста "Истории" Льва Диакона, византийского автора десятого столетия, пришёл к выводу, что Тмутараканская Русь — только ничем не обоснованная фантазия и что Русы-Тавроскифы, если и были в VIII-IX веках, где либо на побережье Чёрного моря, то только поблизости к днепровскому устью.[32]) Советский археолог М. И. Артамонов, вообще, не признает никакой Черноморской Руси и называет ее "мифической".[33])

Этим, конечно, не опровергается факт существования от древних времен на Дону и в Приазовье населения с особой степной материальной культурой и с одним из славянских наречий.

Так на сегодняшний день обстоит вопрос о воображаемой "Приазовской Руси". Не находят оправдания в источниках и сложные построения историков Вернадского и Карповича на тему об Асах-Аланах. Судя по источникам, Асы-Аланы в своей основе народ северный, а не иранский. Но не исключено, что за тысячелетнее пребывание среди иных народов Асы подверглись смешиванию и метисации и к концу Средних в. в. были уже иными, чем описанные Аммианом Марцеллином в начале пятого века. Многовековое сожительство с иноплеменниками откладывало свой отпечаток на любом народе. Не избежали посторонних влияний и Асы-Аланы. Еще один русско-американский автор А. А. Васильев говорит, что Крымские Готы и Аланы к концу четырнадцатого столетия были настолько эллинизированы или отатарены, что только некоторые из них помнили свой прежний язык.[34]) При этом они назывались по прежнему Готами, Асами, Аланами и Готиталанами. Во второй половине XV века они всё же пользовались германской речью. Встретивший их тогда в Крыму, Иосиф Барбаро писал:

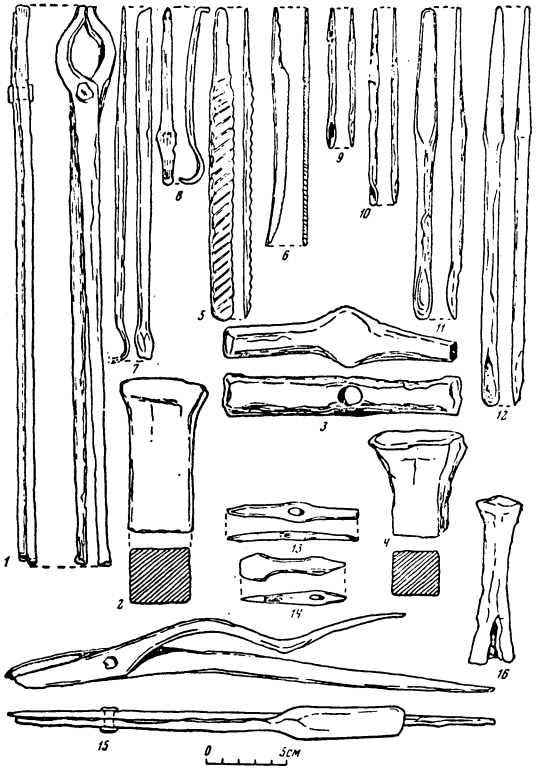
"Готы говорят по немецки, как я узнал от своего слуги-немца, который был там со мною. И он

---

32) П. О. Карышковский, Лев Диакон о Тмутараканской Руси, Византийский Временник XVII 1960

33) М. И. Артамонов, История Хазар, стр. 379

34) Англ. изд. кн. А. А. Васильев, Готы в Крыми, стр. 226

Инструменты Салтовцев

понимал их достаточно, не меньше чем мы понимаем фурланов и флорентийцев. От этого сожительства Готов и Аланов, я предполагаю, и произошло имя Готиталаны, потому что Аланы были раньше в этой местности, а когда пришли Готы и покорили эту страну, они смешали свое имя с Аланами".[35])

Согласно с готским словарём, имя **Готиталаны,** как уже говорилось раньше, имело совершенно ясный смысл — **готский народ Аланы.**

Но оставим гипотезы русско-американских источников и возвратимся к объективному обзору материалов, касающихся древностей нашей земли и её населения.

Мне здесь пришлось привести вторично текст некоторых источников, хотя о них уже говорилось раньше. Сделал это поневоле, так как именно их не приняли в расчёт профессора Г. Вернадский и М. Карпович.

---

[35]) Иосафат Барбаро, Путешествие в Тану и Персию, стр. 30

Глава двадцать седьмая

РУСЫ И ГИБЕЛЬ САЛТОВЦЕВ

Переселенцы с Дуная прожили в Артане более или менее спокойно два века. Затем цветущая и деятельная жизнь Салтовцев оборвалась как то сразу, в результате сплошного истребления людей и полного разгрома их замков и мирных поселений.

Советские археологи подходят к этому вопросу с большой осторожностью. И. И. Ляпушкин только и решился сказать:

> "Одновременно с прекращением жизни на поселениях Салтово-Маяцкой культуры прекратилась жизнь на многих поселениях смежной полосы, занятой Славянами, причём как в тех, так и в других заметны следы ярко выраженного насильственного разрушения поселений, сопровождавшегося пожарами и человеческими жертвами. Приблизительно в то же время (X веке) прекращается жизнь и на большей части поселений Восточного Крыма".[1])
> "Нет никакого сомнения в том, что на юго-востоке произошли какие то крупные политические события, повлекшие за собою перемещение значительных масс населения. Но это уже особая тема и касаться ее здесь нет возможности".[2])

С. А. Плетнева более решительна, она складывает всю ответственность за этот варварский акт на Печенегов и склонна датировать гибель Салтовцев началом десятого века.[3]) Неизвестно по какой причине она убеждена, что

> "Тюркские Печенеги" захватили Донецко-Донское междуречье, разрушили все донские и донецкие крепости, построенные местным населением (Маяцкое, Салтовское, Мохначевское, Гомольшенское и другие городища) и подчинили это население (в основе Белгар и Ясов). Только небольшая

---

[1]) И. И. Ляпушкин, Памятники Салтово-Маяцкой культуры, МИА 62, стр. 148

[2]) Там же

[3]) С. А. Плетнева, Печенеги Торки и Половцы, МИА 62, стр. 214; её же, От кочевий к городам, стр. 143

часть местного населения бежала на юг, в земли собственно Хазарского каганата". [4])

Это мнение полностью опровергает другой видный археолог М. И. Артамонов. По его мнению во всём виноваты Казары:

"Обычно считают, что гибель Салтонской культуры и находящихся вместе с ними славянских поселений является следствием появления Печенегов и их набегов на соседние оседлые племена. С. А. Плетнева, ссылаясь на Б. А. Рыбакова, даже помещает Печенегов после их вторжения из-за Волги на месте Салтовской культуры — между Доном и Донцем. Но это мало вероятно". "Что же касается роли кочевников в судьбах оседлых племён, то она может быть действительно роковой. Известно, какое опустошение произвели Гунны, в результате нашествия которых обезлюдели огромные территории. Но так бывало далеко не при всяком нашествии кочевников. Известно, что Мадьяры и Печенеги часто нападали на соседние оседлые племена, сжигали их поселения и угоняли в неволю население, но всё это не вело к запустению целых областей с укоренившимся в них оседлым земледельческим хозяйством. Самое большое, что вызывали такие набеги, — это некоторое перемещение населения в соседние области, менее доступные для нападений. В большинстве же случаев между кочевниками и оседлым населением, не располагавшим силами для отпора врагам, устанавливались отношения зависимости вторых от первых с выплатой регулярной дани взамен неверной добычи от грабежей. В случае с Салтовской культурой мы имеем совсем другое — полное её уничтожение,, без какого-либо продолжения свойственных ей признаков в соседних областях". [5])

"Уничтожение Салтовской культуры в свете изложенных данных вероятнее всего рассматривать, как результат беспощадной расправы Хазар с непокорным, изменившим им народам, проведенной планомерно и целеустремленно с тем, чтобы истребить его без остатка. Не надеясь удержать Асов в своей власти ввиду постоянной угрозы со стороны Печенегов и союза Асов с последними,

---

[4]) С. А. Плетнева, Печенеги, Торки и Половцы, МИА 62, стр. 214

[5]) М. И. Артамонов, История Хазар, стр. 357

хазарам не оставалось ничего иного, как, по возможности, начисто ликвидировать своих бывших подданных. В условиях жесточайшей хазарской экзекуции пострадали, конечно, и жившие рядом с ними Славяне. Уцелевшие Асы, повидимому искали спасения у своих союзников Печенегов. Утратив многое из своего культурного достояния, они сохранили племенную самостоятельность и в дальнейшем вновь обосновались на части прежней своей территории, но в рамках подчинения соседним кочевникам".[6])

И выходит так, что С. А. Плетнева признаёт Печенегов жестокими врагами Салтовцев, а "земли собственно Хазарского каганата" их последним убежищем, в то время как М. И. Артамонов наоборот считает тех же Печенегов их союзниками и в истреблении Салтовцев обвиняет Казаров.

Как, увидим, неправы оба. К их теоретическим рассуждениям можно было бы отнестись со вниманием в том случае, если бы между ними и хронологией событий не оказалось крупных противоречий. По С. А. Плетневой гибель Салтовцев по времени совпадает с изгнанием Печенегов с берегов Верхнего Дона в начале десятого столетия. К тому же приблизительно времени (913-914 гг.) М. И. Артамонов относит возникновение распрей между Салтовцами и хаканом, ставших причиной уничтожения Салтовской культуры.[7])

Но оказывается, что в начале десятого века Салтовцы уничтожены не были. Население Артаны пребывало благополучно на своих местах и в половине этого столетия. Киевские летописцы знали Салтовцев под общим именем Чёрных Болгар, о которых говорилось в договоре киевского князя Игоря с Греками. Договор, заключенный после двух неудачных походов на Византию в 945 году, "составлен от лица византийских царей, чувствующих себя победителями и потому диктующих свою волю побеждённому русскому князю".[8]) В текст договора по их распоряжению внесен особый пункт, трактующий о Чёрных Болгарах:

"а о сих, оже то приходят Чернии Болгаре и воюют в стране Корсунстей и велим князю русскому да их не почает в пакость стране его",[9]) т. е. чтобы он

---

6) М. И. Артоманов, История Хазар, стр. 358

7) Там же

8) Там же, стр. 378

9) ПСРЛ т. I, стр. 51; Повесть Временных лет, стр. 37

не ожидал (почаять — ожидать), пока они станут причинять зло и его стране".

Знал о них и император Константин Багрянородный. Через три-четыре года после заключения договора он писал в своем трактате: "Так называемая Чёрная Булгария, тоже может атаковать Казаров".[10]) Вспоминал он их и в другом месте, когда говорил, что Русы от Днепра проходят к Азовскому морю через Чёрную Болгарию, Казарию и Сирию.[11]) Из его слов следует, что жители Чёрной Болгарии в 948-949 гг. всё ещё жили на старых местах в Артане, Задонщине.

О том же говорится и в персидской географии Гудуд ал-Алэм, составленной по материалам 949 г.: "Средние Болгары находятся в состоянии войны со всей Русью, но ведут торговые дела с каждым из своих соседей".[12])

Совершенно ясно, что жители западной части Донского бассейна много не пострадали ни от Печенегов, ни от Казаров. Если бы их разгромили Печенеги, то они не были бы в состоянии бунтовать против своего сюзерена — хакана в 913-14 гг. А они действительно в эти годы бунтовали. Если же, паче чаяния, Казары добили их в годы мятежа, то они после этого не могли бы представлять угрозы ни для Русов ни для византийских городов в Крыму и не было бы нужды говорить о них в договоре 945 года.

Из этих данных следует, что разгром поселений и уничтожение жителей Донецкого края вместе с Салтово-Маяцкой культурой произошли не раньше половины десятого века.

Наиболее крупное политическое событие, которое предполагал И. И. Ляпушкин, совершилось в 965 году, когда киевский воинственный князь Святослав напал на Казарию. В результате его похода очевидно и последовало "перемещение значительных масс населения" прямым путем к ... праотцам. По пути на Казарию войска Святослава уничтожили поселения всей совокупности пламён-носителей Салтово-Маяцкой культуры, без различия, были это Ясы, Чёрные Болгары или Подонские Славяне. Возможно, что такая суровая судьба постигла Чёрных Болгар и других Салтовцев из за религиозных различий: киевские язычники уничтожали подонских

---

10) Об управлении империей, стр. 64, 65

11) Там же, стр. 186, 187

12) Гудуд ал-Алэм, § 45

христиан, не пожелавших подчиниться им добровольно и оказавших не достаточно организованное сопротивление.

Киевский летописец рассказал об этом избиении в **Повести Временных лет** коротко: "Иде Святослав на Козары; слышав же Козари, изидоша противу с князем своим Каганом и съступившася битиси и бывши брани, одоле Святослав Козаром и град их Белу Вежу взя. И Ясы победи и Касоги". К этому В. Н. Татищев добавил в своем летописном своде некоторые подробности: "Ясы и Касоги победил, из которых много привёл в Киев на поселение, а грады их разорил".[13]) Последние слова он взял из неизвестного нам источника, ещё не зная, что они найдут подтверждение в археологических открытиях нашего времени. Поселения Салтовцев на Донце и на Дону, действительно, тогда были обращены в развалины, а множество людей варварски перебито, не считаясь с возрастом, родом и племенем В. н. нд. р — Беренджеры и Брадасы — Бродники на Среднем Дону, вероятно, пострадали меньше, чем "выходцы из склавинского племени" на Донце.

Гибель подонского населения пришла теперь не с востока, как при Гуннах, а с запада.

Но войскам Святослава не удалось уничтожить или пленить всех встречных жителей. Летописцы и дальше иногда упоминают Ясов, Казаров, Касогов, как народы населяющие наши степи. Б летописях не появляется больше только имя Чёрных Болгар.

Новый разгром Подонья, равно как и нашествие Арабов в 737 году, чреват весьма значительными последствиями. В раннем случае от этих событий стало зависить отношение наших предков к воинствующему Исламу, а в более позднем — отношение к Днепровским Славянам. Возникшее через пол века на развалинах Салтово-Маяцкой культуры, новое степное государство оказалось отчётливо враждебным лесному Киеву. Ненависть, родившаяся в результате варварских действий киевских дружин, длилась веками.

Остатки Салтовцев собрались позднее около томаторканского князя Мстислава Храброго. Их детям удалось отомстить киевлянам за смерть отцов. В 1023 году под Лиственом они в свою очередь разгромили войска киевского князя Ярослава, заставили его постыдно бежать с поля и отдать державе Томаторканской полови-

---

[13]) История Российская т. II, стр. 49

ну прежних владений Руси с Черниговом, Курском и Рязанью.[14])

Потомки Салтовцев под Лиственом **отпели панихиду** по Салтово-Маяцкой культуре.

Даже ослабленные приходом в наши степи Кыпчаков-Половцев, Томаторканцы сохраняли в своих сердцах те же чувства. Когда в 1223 году на Дону появились никому неведомые Монголы Джебе и Субедея. Донцы оказались по их стороне только потому, что те напали на Русов и Половцев. Летописные Бродники с вождём Плоскынею воздали Киеву должное за прежние обиды и кровь.

В одиннадцатом веке до киевлян дошли из Приазовья и Дона, из далёких степей, два основных имени: Славяно-Казары и Касаги (Касоги, Казяги), оба почти одинаковые по звучанию, уже сливающиеся одно с другим. Объединялась всё теснее и пёстрая племенная смесь степняков, сливаясь в один народ, принявший название наиболее крупного туранского слагаемого, **Касаков.** давно поддавшихся основательной славянизации.

---

[14]) Книга о Казаках, стр. 131

Глава двадцать восьмая

УПАДОК КАЗАРИИ

В 882 году казарский город **Самбата** перешёл во владение Рюриковичей, норманской династии господствовавшей в Новгороде. От этого времени он стал называться **Киевом**, а основавшиеся в нём князья стали шаг за шагом ущемлять власть хакана над окрестными Славянами. К 885 году Казары потеряли дани Северян и Радимичей, подчинившихся Киеву.

Русь росла и крепла при Днепре и на Верхней Волге, но еще долго не могла расшириться к реке Донцу. Область, лежавшая на восток от реки Сули, называлась в Киеве **Посулием.** По понятиям киевлян эта область простиралась до Северского Донца, а может быть и дальше. Даже для черниговских Северян она и в XII веке оставалась краем неведомым, как говорилось в **Слове о полку Игореве:** "земле незнаеме Влъзе, и по морию, и по Сулию, и Сурожу, и Корсуню..."

Жители этого Посулия, Чёрные или Срединные Болгары, в первой половине десятого века оставались вассалами правителя Казарии и упорно отражали попытки Киева овладеть их Артаной. В персидской географии говорится, что Срединные Болгары постоянно воевали со всею Русью. Но, очевидно, они не только оборонялись от нападений киевлян, но и сами не раз шарпали окраины Руси. Так и возникла взаимная ненависть, закончившаяся в 965 г. столь трагически для Салтово-Маяцкой культуры. Войска Святослава обрушились на жителей Артаны всеми своими силами и расправились с ними немилосердно.

Что же касается самой Казарии с ее коренными землями, то в 965 году Святослав только начал ее разгром. Точные данные о движении его войск сохранились в следах разрушений. Судя по ним, его полки двигались широким фронтом между Доном и Донцом, сопровождаемые речными флотилиями. Спустившись по Дону к берегам Азовского моря, они пограбили их население, заняли без боя Таматарху, а затем переправились через пролив в Крым. Здесь они тоже ограбили и разорили греческие поселения вдоль северного берега Керчен-

ского полуострова и, скорее всего, по Арабской стрелке двинулись, отягощённые добычей, назад к Доцу, обходя Азовское море с запада и минуя Печенегов с востока.

965 год не был последним для Казарского царства. Казария потеряла много земель и была ослаблена до последней степени, но нигде в летописях не сказано, чтобы взяв Белую Вежу киевские войска устремились на Нижнюю Волгу. Правда, в некоторых из них сказано: "и град их и Белу Вежю взя", но мало ли городов, неизвестных летописцу по названию, находилось под властью хакана в Приазовье и на Дону. Речь могла идти и о Таматархе, жителей которой, по свидетельству Шахбен Мурзина, не сопротивлялись нашествию и даже помогли Святославу овладеть Саркелом — Белой Вежей.

В том же году, как говорит Ибн ал-Асир и Ибн Мискавейх, Казары с помощью Хорезмийпев успешно отразили нападение каких-то **Турков** (Торков?).[1]) Следовательно им пришлось отбиваться одновременно на двух фронтах. Побитые на западе, они вышли победителями на востоке. Современник события Ибн Хаукал, не без основания, датирует гибель поволжского центра Казарии годами 968 или 969, т. е. на три — четыре года позднее похода Святослава. Он также утверждает, что Русы шли к Ателю не через Дон, а по Волге, погромив по пути Камских Булгар и Буртасов. Около 975 г. он писал: "В это наше время не осталось ничего ни от Булгар, ни от Буртасов, ни от Хазар. Дело в том, что на всех них произвели нападение Русы и отняли у них все эти области, которые и перешли во власть их (Русов); кто спасся от их руки, те расселись по соседним областям, желая находиться вблизи своей страны и надеясь заключить с ними (Русами) договор и вернуться под их владычество".2)

Следовательно, использовав ослабление Казарии, второй сокрушительный удар нанесли ей не Днепровские Русы, а Поволжские. Но и это ещё не был конец!

В. В. Бартольд считает, что государство Казар, "по представлению самого летописца, было уничтожено не в результате похода Святослава; в легендарном рассказе о попытках представителей различных религий обратить Владимира в свою веру упоминаются также и хазарские иудеи, как иноземцы не подчиненные рус-

---

1) В. В. Бартольд, Сочинения т. II ч. 1, стр. 689, 848

2) Там же, стр. 849

ским".[3]) А испытание религий Владимир сын Святослава начал лет через двадцать после похода отца на Дон.

Катастрофа 965 года стала возможной только благодаря отсутствию в Казарии национального единства. Между правящим центром и теми народами, которым была поручена охрана широких границ царства, часто возникали разногласия. К десятому веку эпоха победоносных походов и завоеваний прошла безвозвратно. Границы номинальных владений стали суживаться; начали отпадать данники и хакану приходилось принимать это, как неизбежность. Десять-двенадцать тысяч наемников - арсиев могли послужить только для охраны порядка в столице и для наблюдения за особо важными торговыми путями. По византийским образцам, к обороне границ привлекались за известные блага "федераты", соседние племена. Эти народы жили разрозненно, каждый со своими князьями, каждый со своими интересами. Они не стремились к действительному объединению с метрополией и не создавали крупных союзов, даже пользуясь родственными языками и живя в однообразных условиях материальной культуры. Например, племена Барчула, Ишкил и Балкар, пребывая рядом на земле Буртас, должны были охранять Волгу с востока от Огузов, но они не могли поладить друг с другом. По словам персидского географа, между ними шла постоянная война, а объединялись они только в том случае, если появлялся общий враг. Это не выглядит крепкой военной организацией.

Торки - Узы, Венендры - Береджеры и Брадасы-Бродники прикрывали Казарию с севера. Ту же роль на западе выполняли Чёрные Болгары со своими князьями Асиями. На юге у Саркела и вдоль Маныча некоторым заслоном служили Торки-Касаки, ставшие подданными хакана вместе со своими Казарскими Печенегами. Они соседствовали с землей Касаков и с Западными Асаланами, не всегда доброжелательными и спокойными. Дальше к востоку были Кавказские горы и союзные Аланы-Осетины.

Такая охрана границ была мало надёжной. Иногда **федераты** сами нападали на метрополию и причиняли царству большие потери.

Правители страны получали огромные прибыли с торговых и таможенных пошлин. Они имели возмож-

---

[3]) В. В. Бартольд, Сочинения т. V, стр. 600

ность заполучить дружбу и помощь соседей подкупами и богатыми подарками, но достигнуть политического единства царствующему дому Анса не удалось. Жизнь в государстве сверху до низу была пронизана торгашеством. Для таких военных народов, как Торки-Касаки, не оставалось никакого простора для привычной деятельности. Они уходили служить на сторону. У киевских князей появились дружинники — Казары.

В 913 году 50 тысяч русов беспрепятственно прошла в Каспий через земли и реки Казара. Хакан задержать их был не в силах и должен был пропустить их мимо Ателя. Когда же Русы возвратились на Волгу, после грабительского набега на персидское побережье, тут их погромили какие то мусульмане и христиане, а не войска хакана. Богатейшее торговое государство к десятому веку носило зловещий зародыш обреченности во всём своем строе. Казна правительства росла, многочисленное купечество богатело от торговых оборотов, а на окраинах отпадало племя за племенем вместе со своими данями и задержать начавшийся распад не хватало сил. В 969 г., после всех поражений, государственный центр принуждён был оставить Волгу и скрыться в крымских владениях. Последним пристанищем казарских правителей в Европе стала бывшая Кесария.

В летописях Казары появились еще раз под годом 1083, но скорее, как славянские жители Тамани и только те, которые состояли в заговоре против князя Олега и его брата Романа: "иже беша светници на убиение брата его и на самого".[4]) Но географическое понятие **Казария** — Газария оставалось в памяти местных людей ещё долго. Сохранялась также, хотя была и не у дел, часть династической линии казарского правящего дома Анса. Последний казарский князь Иоанн с женой Марией выехал в Трапезунд между 1440 и 1446 г. г. Княгиня Мария состояла по отцу в родстве с византийскими императорами Палеологами. В 1446-47 г. Иоанн Евгеник написал эпитафию для умершего в Трапезунде мальчика Алексия, сына Иоанна, князя Казарии.[5])

Опустошенные берега Нижней Волги, Дона и Приазовский край на долгое время перестали привлекать внимание Киева. В уцелевшие поселения наведывались только вооруженные отряды Русов. Они не задерживались там надолго. Как говорилось раньше, археологи-

---

[4]) Повесть Временных лет, стр. 135

[5]) Англ. кн. А. А. Васильев, Готы в Крыму, стр. 195 и 218

ческие остатки и погребения посалтовского времени не указывают на какие-либо изменения в основном составе местного населения или на долговременное присутствие там посторонних пришельцев. Русские государственные образования на Днепре и на Верхней Волге тогда ещё не были в состоянии освоить огромные пространства, заселенные остатками чужих народов. Святослава тянул к себе богатый дунайский юг, а его сын Владимир населял ближайшее пограничье, закреплял свое положение в Новгороде и среди славяно-финского населения на Верхней Волге. О колонизации выходцами с Днепра обедневших земель Казарии ни тот ни другой не заботился. Жизнь на Дону, в Приазовье и на Нижней Волге возрождалась усилиями остатков их прежнего населения, а из Русов появлялись здесь купцы, ремесленники и киевские эмигранты.

Киевские летописцы тоже мало интересовались Волгой и Доном. До 1015 года наши земли оставались вне их поля зрения. Они о них не вспоминают ни разу. И если бы черноризцу Никону не пришлось в Томаторкани спасаться от гнева киевского князя Изяслава, Киев ничего бы не знал о нашем крае ещё две-три сотни лет.

Никон-летописец, получивший у киевских книжников прозвание Великого, жил на Тамани от февраля 1061 по март 1067 г. Ему приписывают заботы об основании там монастыря. Возвратившись в Киев, он записал в **Повести Временных лет** всё, что ему удалось узнать о прошлом Томаторкани из местных преданий или что ему пришлось наблюдать самому.[6])

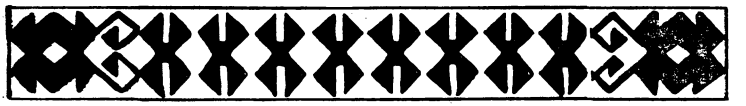
1073 год он снова провёл в Томаторкани.[7]) Затем возвратился в Киев, был избран настоятелем Киево-Печерского монастыря и умер в 1088 году.[8]) В его время сухопутная дорога из Киева в Приазовье была уже отрезана кочевьями Половцев. На Тамань можно было попасть только окружив по морю Крым. Это "по морие" всё еще оставалось для киевлян **землей незнаемой.** Вообще Византийцы и Арабы были осведомлены о павшей Казарии лучше, чем Русы. Теперь же, после ста лет археологических раскопок, первенство в этом смысле перешло к русской науке, в которой несомненно принимают участие и наши единоплеменники, Казаки.

---

[6]) Повесть Временных лет т. II М. — Л. 1950, стр. 57-59

[7]) Изборник, М. 1969, стр. 135

[8]) Повесть Временных лет т. I, стр. 127 и 137

РАЗДЕЛ IV

КАЗАЧЬЕ ЦАРСТВО

Глава двадцать девятая

ТАМАНЬ И ПОДОНЬЕ

От 965 года Таманский полуостров, на котором стоял город Томаторкань, пол века был одним из отдаленных форпостов Киева. В то время его ещё отделяли от материка два русла кубанской дельты. Одно из них выходило к Темрюку и впадало в Азовское море, а другое пересекало полуостров и шло к Кизилташскому лиману, где впадало в Чёрное море. Эта водная дуга отделяла Тамань от остальной суши и создавала из неё своего рода остров. Оба протока вместе предоставляли кораблям возможность проходить из Чёрного моря в Азовское, минуя Керченский пролив. По словам Багрянороднего, местные люди называли эту дугу словом **Укрух.** [1]) Она шла, как Казаки говорят **у круг** (в круг) в 18 или 20 византийских милях от города Томаторкани и отделяла её от Зихии (Адыгеи). [2])

Кроме Укруха местность прорезало ещё несколько ериков, соединявших Кубань с Таманским заливом и деливших Тамань на мелкие части, островки. Страбон в первом веке по Р. Хр. знал пять таких островов. Они существовали и во время Константина Багрянородного в десятом веке. Он определял ширину Керченского пролива в 18 миль и следовательно его миля равнялась одному километру. Припомним, что посредине пролива этот порфирородный автор указывал большой низменный остров **Атех,** что очевидно соответствует древнему казачьему слову **отск — остров.** Оно и теперь еще сохраняется у Некрасовцев. Были там также острова Турганрих и **Царбаганин** и этот последний, так же как **Укрух** и **Атех,** находил свое соответствие в славяноской речи наших предков; несомненно, это был остров **Царьпаганин,** на котором находилось огромное изваяние Сатира, **Тмутараканского болвана** из **Слова о полку Игореве.**

---

[1]) Об управлении империей, стр. 186, 187

[2]) Там же

Два-три островка находились по стороне Зихии и Адыгейцы находили там спасение во время нападения Аланов.[3]) Было еще одно название, славянское по звучанию, **Бурлик.** Так называли вход в Керченский пролив, а одновременно и речку, впадавшую недалеко от него в Азовское море.

Славянские географические названия свидетельствуют о том, что Славяне проживали на Тамани долгое время и до прихода туда Русов Святослава. По данным археологии известно о непрерывном смешивании жителей Меотиды с приходившими к ним скифо-туранскими племенами. Они оставались там среди Славян и за тысячелетие создался законченный сплав особого степного славяно-туранского народа. Его поселения находились в границах особой страны, которую Константин Багрянородный назвал **Касахией,** а персидский географ — **Землей Касак.** В Европе и на Руси этого народа близко не знали и причисляли его к Казарам. Московским книжникам было известно, что у берегов Кубани проживают какие то христиане, пользующиеся "главным образом" славянским языком. Они рассказывали об этом послу Священной Римской империи Сигизмунду Герберштейну, посетившему Москву дважды в **1517** и **1526** годах. Несколько позднее, в том же XVI веке, общерусское мнение, как уже говорилось, запечатлел в Великих Четьи Минеях московской митрополит Макарий, написав в чтениях на 11 мая, что близ Меотийского озера проживал скифский народ славянского языка. Вероятно, на этом основании и считая всех Восточных Славян Русами, некоторые историки всё еще пытаются даказать, что на Тамани уже в девятом веке существовала некая Тмутороканская Русь, чуть ли не первоначальный центр русской государственности.

Эту идею придумал в прошлом веке мало-авторитетный русский исследователь Н. П. Ламбин; в Д. И. Иловайском она нашла своего горячего последователя и с тех пор начать дискуссию "об исконном существовании Приазовской Руси" готовы все, для кого важна не истина, а имперские интересы, доказательство исторического права России на казачьи земли.

В арсенал этой научной спекуляции принята также созвучность имени **Россия** с итальянским словом **rosso** — **красный;** забывая, что прилагательное **русский** будет по итальянски rossiano, а не rosso, предлагают последнее понимать в фальшивом смысле — **русский.** И так

---

[3]) Об управлении империей, стр. 186-189

"русскими" стали, помещенные на итальянских картах: остров Rossa к югу от днепровского устья; Rossofar — маяк на север от Евпатории; Rosso или Fiume Rosso — речка впадающая в Азовское море недалеко от донского устья и, наконец, Malorossa — на Тамани. В истинном значении это были соответственно: Красный остров, Красный маяк, Красная речка и какая то Красная Немочь в кубанских плавнях. Последнее находит соответствие в Кизилташском лимане, где в название входит составной частью турецкое **кизил — красный.** Вместе с тем, на одной из итальянских карт XIV века в бассейне Днепра указана Rossia Rossa. Можно ли сомневаться, что эта надпись сбозначала **Красную Русь,** а не что либо иное.[4])

Ни в девятом ни в десятом веке на Тамани никакой Приазовской Руси не было. По географическим данным вокруг нее лежала Земля Касак или Касахия.

Томаторкань не стала Приазовской Русью даже после того, как она в 965 году попала под власть Киева. Не стала она Русью и получив в князья Рюриковича Мстислава Владимировича. Ко времени его возмужания там в дружине не оставалось ни одного Варяго-Руса. Не было там и города России. Сторонники мнения, будто бы город с таким названием стоял на месте нынешнего Азова, Керчи или где то на Тамани, основываются на договоре византийского императора Маврикия с Генуей. Но в этом договоре говорится не о городах, а о **областях:** "Генуэзские корабли могут передвигаться во всех областях моей империи за исключением России и Матархи, кроме того случая, когда они имеют на то специальное разрешение, пожалованное нашим величеством".[5])

Город Тома или Томатархань (греческого Таматарха) стоял на особом островке, окруженный со всех сторон морем, заливом, лиманами и речными протоками-ериками.[6]) Считается, что он возник на развалинах античной Гермонассы. Судя по археологическим остаткам жизнь поселения не прекращалась и после гуннского нашествия.[7]) Связанный рекою Кубанью со степями Предкавказья, город долгое время был серьёзным торговым конкурентом Пантикапеи (Керчи). Но к десятому веку рукав, соединявший его с Кубанью, занесло пе-

---

[4]) Византийский Временник т. XII, стр. 140

[5]) Англ. кн. А. А. Васильев, Готы в Крыму, стр. 114

[6]) Книга о Казаках, стр. 115-116, 309-311

[7]) С. А. Плетнева, От кочевий к городам, стр. 48

ском и илом. После этого торговое значение Томаторкани несколько поколебалось, хотя не пало окончательно. Персидский географ 982 года помещал Землю Касак рядом с Таманью и писал, что это очень приятная местность с развитой торговлей.[8]) Население города в это время было уже христианским, а подчинялось наместнику киевского князя-язычника.

Персидский географ дает также довольно точные, хотя и краткие указания о расположении народов вдоль берегов Дона.

В его время севернее Земли Касак размещались Казарские Печенеги, судя по археологическим данным, сильно перемешанные с Торками-Узами. Против них на правом берегу Дона кочевали Срединные Болгары, а пониже их, ближе к Азовскому морю, находились племена Мирват - Кабардинцев. Выше по Дону соседями Срединных Болгар было христианское племя Венендер (Береңджер), а от него на восток, у Хопра, Медведицы и Иловли жили два племени Брадасов - Бродников. Все правобережные народы жили в условиях Салтово-Маяцкой археологической культуры, хотя в некоторых случаях в ней заметны вкрапления культуры Боршевской, принадлежавшей Славянам - Вятичам. Летописцы считали Вятичей племенем ляшским, т. е. родственниками Поляков.

К тому времени, когда писалась персидская география, все эти племена и народы прошли уже основательные процессы смешивания и по бытовой материальной культуре составляли довольно однообразную массу. Следовательно, после разгрома 965 года слияние приазовских и подонских племён в один народ подходило к полному завершению. К сожалению археологические остатки не могут ответить на вопрос, каким языком пользовались Торки - Касаки, Торки - Узы и Беренджеры. Первоначально среди этих скифских осколков должны были господствовать смешанные ирано - туранские диалекты, но многовековое сожительство в Приазовье и на Дону с Асаланами, Меотами и Казарскими Славянами, наделив их одинаковой для них материальной культурой, не могло пройти без следа и для их языка. За это время племенному имени Торетов было придано особое скандинавское, то есть алано-готское значение, по Тору богу грома и молний с параллельным его переводом на славянский язык: на исторической сцене появились Берендеи или Перендеи. Северо-скандинавский Тор на-

[8]) Гудуд ал-Алэм, стр. 161

шёл свое соответствие в варяго-русском и славянском Перен — дие или Берендее.

Тор из рода Асов — божество с человеческими свойствами, постоянный персонаж нордических Саг, песен о богах и героях. Его имя, очевидно, понималось как основа для имён Торетов и Торков, т. к. рядом с ними появилось одинаковое по смыслу имя Берендеев. Берендей же на русской почве стал частым героем русских сказок и преданий, как некий царь наделенный сверхестественными качествами. И Тор и Берендей в народном эпосе сохранили от языческих времен свою мистическую сущность.

Беренджеры - Берендеи, подобно остальным Гунно-Болгарам быстро пошли по пути славянизапии и значительная часть их после разгрома 965 года присоединилась к торческому союзу племен. В Киеве их тоже стали считать Чёрными Клобуками и Черкасами.

Вскоре после своего появления на берегах Дона 898 году Торки - Касаки и Торки - Узы начали продвижение дальше на Донец. Там в это время проживали Чёрные или Срединные Болгары и Торки кочевали между ними беспрепятственно. Об этом свидетельствуют торческие погребения уже тогда появившиеся на их территории. Когда часть донецких кочевников была уничтожена киевскими когортами, остальные, повидимому, окончательно слились с крупными массами Торков-Касаков и Торков-Узов, пришедших к ним на Донец с Верхнего Дона и из Приазовья. Ассимиляция Болгар среди Торков могла совершиться только, как следствие мирного сожительства двух народов. Но возможно, что часть их смешалась с Беренджерами-Берендеями, их родственниками по болгарской крови и давними их соседями по донским кочевьям. Исчезновение Чёрных Болгар из русских памятников никак иначе объяснить невозможно. Они как бы совсем уходят из жизни. Вообще, после упадка Казарии на ее землях остались много степных Славян и народов в значительной степени славянизированных. Избежали процессов смешивания одни Мирват-Кабардинцы. Они проживали особняком у берегов Азовского моря и у Нижнего Дона, мало общались с соседями и сохранили свою адыгейскую сущность.

В 988 году в политической жизни всех этих народов призошли коренные перемены. Томатаркань стала зародышем нового государственного образования, наследницей царства хаканов в его прежних границах.

Глава тридцатая

МСТИСЛАВ — ОБЪЕДИНИТЕЛЬ

В 988 году, т. е. через 23 года после похода Святослава на Казар и разгрома Салтовцев, его сын киевский князь Владимир принял крещение и сочетался браком с греческой царевной Анной по христианскому обряду.

Теперь он не мог оставить при себе прежних жен и прижитых с ними в язычестве детей. Окрестив их всех, он разослал сыновей по дальним городам, отдав им в кормление прилегавшие к этим городам области с тем, чтобы они содержали своих матерей, а ему самому выплачивали назначенный каждому из них "урок".

Одного из самых младших сыновей, Мстислава, отправили вместе с матерью "чехинею" на Таманский остров в город Томаторкань. С ними вместе пошла небольшая наёмная дружина.

Ни двор изгнанной княгини ни дружинники не принесли с собою на Тамань сколько либо значительное количество специфически киевских предметов быта. Археологи находят их там очень мало. Очевидно всё необходимое они нашли на месте.

Прибыв туда вместе с матерью ещё в младенческом возрасте, Мстислав рос среди местных Славяно-Казаров, Греков, Готов-Тетракситов и Западных Асов с их Касаками, чьим именем называлось всё Приазовье — Земля Касак.

Был там и особый род кочевых Касаков, Торки-Касаки. О них Татищев со слов Нестора-летописца говорит: "Иные в Тмутаракань переведены и часто их в тех местах упоминает".[1])

Пока Мстислав был ребенком областью правила его мать Адель, опираясь на пришедшую с ней дружину. Население Приазовья и Подонья мало чувствовало зависимость от Томаторкани и ещё меньше — от Киева. Помнило только ужасы недавней расправы и покорное своей судьбе отстраивало разрушенные поселения, возвращалось к прежнему мирному труду. Земледельцы снова гнули спины над своими нивами, пользуясь такими же орудиями, что и во время Казарии, хотя сеяли теперь некоторые сорта злаков, принесенные с Днепра. Раньше ими не пользовались. Археолог М. И. Артамонов вообще отмечает, что в казарское время "корни и традиции русского земледелия были совершенно иные,

---

[1]) История Российская т. I, стр. 274; т. II, стр. 306

чем у населения Подонья".[2]) Кочевники со своими стадами возвращались к сладким водам Дона. Крепостные стены полуразрушенных городов и замков ещё могли служить им надежными пристанищами в зимнее время и они скрывались за ними от резких ветров в тёплых юртах.

Сам юный князь Мстислав рос под опекой матери в тесном окружении местных жителей, на своем острове между морей Черного и Азовского, далеко от Киева. Здесь всё было ещё пропитано дыханием древних культур Киммериян, Эллинов, Римской Кесарии, недавней Казарии. Сохранилась и возникшая некогда цитадель северо-кавказского христианства, а может быть, во дни Мстислава ещё хранились архивы Томитанской митрополии.

Годы шли, княжич мужал, отдавая время охоте на диких зверей и другим рыцарским забавам. "Его из млада никто поборсть не мог". Прежняя дружина дряхлела и он создал новую из местных воинов. Жил с ними их жизнью, проникался их кавказским духом, привыкал любить и ненавидеть то, что любили и ненавидели его молодые сподвижники. Стал для них своим человеком и потому, что женился на красавице Надо, девушке из местного знатного рода.

При жизни отца, даже достигнув зрелого возраста, Мстислав не пытался проявить себя какой либо политической деятельностью и только после его смерти взялся за расширение границ края, полученного в наследство.

Первым значительным политическим шагом стало его участие в нападении Византийцев на крымские остатки казарских владений. В январе 1016 года войско Мстислава заняло Керченский полуостров. По греческим данным командовал им Свен, "брат царя Владимира". Очевидно, у киевского князя Святослава был и такой побочный сын.[3]) Остальную часть Крыма заняли Византийцы.[4])

Закрепив за собой Керченский пролив и город Корчев, Мстислав стал господином всего Азовско-Донского водного пути. Он должен был чувствовать себя наследником павшей Казарии и ждал соответствующего момента, чтобы расширить свое княжество до прежних казарских степных границ.

---

[2]) М. И. Артамонов, Саркел — Белая Вежа, МИА 62, стр. 65

[3]) В. В. Бартольд, Сочинения т. V, стр. 600, 601

[4]) Там же, т. II, стр. 458

К тому, что происходило на Руси, он относился безучастно. Наблюдал издали, как его сводные братья, которых он по настоящему и не знал, уничтожали друг друга в борьбе за отдельные области отцовского наследства. У него были свои местные степные задачи.

В 1022 году Мстислав обратился к приазовским поселениям и кочевьям славяно-туранских жителей древней Меотиды. История присоединения к Томаторкани Земли Касак или Касахии подробно описана в киевских летописях, но летописцы неоднократно искажали наше основное имя в Касоги, Касаги, Казяги и т. п.

По данным географии Гудуд ал-Алэм Земля Касак в то время входила в состав владений христианской династии Асов-Аланов и управлялась одним из ее представителей. Когда Мстислав вошел в землю Касаков, его встретил там князь Редедя со своим войском. Противники начали переговоры и по обоюдному соглашению решили окончить спор о власти над этим краем личным единоборством.

Для Никона, киевского летописца, такое решение было чем то необычайным. Он описал встречу двух князей-витязей очень поэтично. Причиной оригинального решения он указал заботу сторон о дружинах: "Что ради губиве дружину межи собою?" Однако у Редеди могли быть для этого и более веские основания. Он несомненно чувствовал, что войско Мстислава было по духу ближе его Касакам, чем он сам. Обе дружины состояли из родственного по крови военного люда, о котором Великие Четьи Минеи вспоминали позднее, как о жившем у берегов Азовского моря "скифском народе, языка славянского". Из этой славяно-туранской смеси около Мстислава собралась ее оседлая часть. Он вырос среди них. Они знали друг друга с детства и молва о нём шла далеко по степям среди Касаков, кочевых поддан-ных Асалании. Редедя не мог полностью доверять своему войску, а потому и предложил единоборство. К тому же он был уверен в своем физическом превосходстве, "бе бо велик и силен Редедя". Но несмотря на это он был побежден в поединке. Они боролись без оружия, но с ножами. Мстислав подмял его под себя и зарезал. По предварительному договору, после смерти противника, он овладел его страной, его семьей и его имуществом. [5])

Войско побежденного Редеди оказалось совершен-

---

[5]) ПСРЛ т. т. I и II под годом 1022; Книга о Казаках, стр. 127, 128

но безучастным. Выглядит так, будто Касакам-Касогам была совершенно безразлична судьба их князя и его семьи, было всё равно, кто станет во главе Земли Касак. Именно в этом заключается точное указание, что Асалан Редедя для Касаков своим касагским князем не был. Геройский победитель, славянизированный Норманн Мстислав и его дружина из Славяно-Казаров оказались им ближе и по крови и по духу.

Редедя был прав, предложив поединок, но выиграть борьбу не смог. Мстислав приобрёл Землю Касак **малой кровью.** Чуть ли не от первого дня после его победы Касаги— Касаки вошли в состав войск томаторканского князя и вскоре стали для него такими же ценными боевыми сподвижниками, какими до этого времени были Славяно-Казары.

Событие свершившееся в 1022 году на полях Предкавказья дало направление всей степной жизни для следующего столетия. Резрозненные подонские племена, во многих случаях близкие друг другу по крови и по речи, раньше не проявляли стремления к объединению. Казарское правительство не привлекало степняков и не обратилось в центр их организованной обороны. Племена жили каждое по себе и это породило возможность катастрофы 965 года. Поле неё длжна была народиться мысль о насущной необходимости отражать врагов совместными силами, но вначале всё еще не хватало **объединяющей воли.** Она явилась через пол века в лице томаторканского князя Мстислава. Когда слава о его подвиге пошла широко по степи, а южные Касаки добровольно признали его своим вождём и привителем, под высокую руку томаторканского князя начали стекаться все остатки бывших Казаровцев и Салтовцев с Донца и Подонья. Объединение племён проходило теперь стройно без особых усилий со стороны Мстислава и вскоре он стал на востоке Европы самым мощным государем. Под его властью все племена, жившие на огромных просторах Азовско-Черноморских степей, обратились в непреодолимый заслон для Азиатов.

В этом случае единая воля, единодержавный строй показал свою положительную сторону. Как увидим при князьях в Томаторкани появились и летописание. Призванное для прославления деяний Мстислава Храброго, оно послужило и интересам истории нашей земли.

Глава тридцать первая

КАСОГИ

Благодаря добровольному подчинению населения степных областей, князь Мстислав стал государем всех земель, примыкающих к рекам донского бассейна. В границах Томаторканского княжества оказались все Славяно-Казары, все Терки-Касаки с их Печенегами, все Чёрные Болгары, все Береджеры, все Брадасы-Бродники, все Мирват-Кабардинцы, все остатки Донецких Ясов. За исключением двух последних, перечисленные выше народы оказались к одинадцатому веку настолько перемешаны друг с другом, что в глазах первоначальных киевских летописцев и даже Великого Никона, знавшего их ближе, все они были Казарами или Касогами (Касагами).

Имя **Касак** русские летописцы писали по разному: одни, как **Касаги,**[1]) другие, как **Косаги,**[2]) **Касоги,**[3]) **Казяги**[4]) **Казоги,**[5]) **при наиболее** распространённом — **Касоги.** Киевские книжники никак не могли уловить его истинного начертания и всё же созвучие этих вариантов с Касахией Константина Багряногодного и Землей Касак персидской географии оставалось неизменным. Оно не могло быть случайным. Так это понимали ранние русские учёные и опальный советский академик Н. Я. Марр, "по мнению которого в слове **Казак** сохранилось древнее кавказское название народа **Касог**, упоминаемое в русских летописях".[6])

Для Русов также Касоги были жителями Кавказа. По их сведениям, рядом с ними в горах проживали **Обезы** (общее имя для горских племен) и равнинные **Козары,** оседлые приморские Славяне.

В Российской Академии Наук, вскоре после ее основания, было принято считать Касогов Казачьими предками. Академик первой половины XVIII столетия Готлиб Зигфрид Беер писал о Касахии: "Сие есть всех древнейшее Казацкого народа упомянутие". С его точ-

---

[1]) ПСРЛ т. IX, стр. 93; т. XXVII, стр. 227, 228
[2]) ПСРЛ т. IX, стр. 78; т. XXV, стр. 374
[3]) ПСРЛ т. XXVIII, стр. 20, 115, 214
[4]) ПСРЛ т. XXVI, стр. 41; т. XXVII, стр. 25
[5]) Там же, стр. 66
[6]) В. В. Бартольд, Сочинения т. V, стр. 535

ки зрения это не подлежало сомнению. Но такой взгляд "наиболее ученого профессора" вызвал возражения его современника В. Н. Татищева, историка, хотя и не академика:

> "Казацкого народа древность Беера подобными именами не однова обманула, яко в Истории Азовской вместо Косогов, от неведения русской истории, в Казаки превратил, а здесь их мнит особый народ от Русских".[8])

Однако до его времени никто ещё в русской истории Касогов от Казаков не отличал. Татищев сделал это первый, не приведя на то никаких убедительных оснований, а наоборот, указавши, что и "у Нестора Ясы и Косоги все едино были Словяне".[9]) Как и в этом случае, Татищев по таким вопросам нераз блуждал в потёмках, Беер же хорошо знал распределение народов юго-востока Европы и задолго до других правильно определил местоположение Тома торкани. Девятитомное академическое издание трудов Г. З. Беера Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae, an. 1744 пользовались в свое время большой авторитетностью, а потому Российской Академии адъюнкт И. К. Тауберт придерживается его мнения и в переводе одной из работ Беера говорит о томаторканском князе Мстиславе:

> "Там покорил он себе в 1021 г. соседственных, до Кавказских гор распространившихся, Казаков и отправил их вместе с Казарами против своего брата Ярослава". "Итак жили уже во время цесаря Константина Порфирогенита оные Казаки, которых Мстислав себе покорил, в южно-восточной стороне от сея крепости (Азова, Г. Г.) до Кавказских гор. Потому может всяк разсудить, как бы России возможно было все оные места содержать в своей власти, а Казаков, как храбрый народ, привести под свою державу, ежели б она всей рекой Доном и следовательно Азовом не владела".[10])

Вообще, убеждение русских академиков о тождестве Касогов (Касагов) с нашими предками Касаками основывалось на общерусском мнении. Достойно внимания и произношение в России нашего имени с ударе-

---

[8]) История Российская т. I, стр. 203

[9]) Там же, стр. 105

[10]) И. К. Тауберт, Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова. С-Петербург. При Академии Наук 1782, стр. 47, 48

нием на среднем слоге, т. е. так же как Косàги. Как видно, название Касоги со всеми его вариантами в конце концов должно было уступить место более правильному начертанию нашего имени. В последний раз Касоги упоминаются в летописях под годом 1223. Затем они там исчезают и через некоторое время в источниках появляются Казаки, с указанием их первоначального расселения в Пятигорье, в древней стране Касахии.

Из этого следует, что первые русские академики-иностранцы понимали источники правильно, а "птенец гнезда Петрова" В. Н. Татищев руководствовался личными антипатиями. Он был крупным царским сановником, современником Булавинского восстания и выступления против России гетмана Мазепы, а потому и большим казачьим недоброжелателем.

О том, когда в русской науке появилось мнение, что название Касоги следует относить к Адыгейцам и Кабардинцам, у меня сведений нет. Но теперь эта гипотеза, без всяких на то оснований, принята, как неопровержимая истина. Однако, среди горцев Северного Кавказа не сохранилось ни одного племени с подобным именем и сам по себе термин **Касог** считается пришлым со стороны. В академическом издании **История Кабарды** сказано:

> "Термин "касог" с его вариантами ("касог", "касах", "кешак", "кешае") — не адыгский. Он получил распространение благодаря Аланам, потомки которых, Осетины, до сих пор называют Адыгов — "Кашег". Первые "Касоги" упоминаются у византийского автора Епифания (конец VIII — начало IX в.), который не смешивает их с Зихами. Византийский император Константин Багрянородный (X в.) также различал "Зихов" и "Касогов".[11]).

Значит древние авторы считали их отдельными народами. Но дальше в той же книге ссылаются на Масуди (X в.), который помещает между Кавказскими горами и Чёрным морем племя **Кешак.** Однако Масуди подчёркивает, что Кешак — не то же самое, что Касог-Касак (Танбий 184).[12]) К тому же все жители Земли Касак подчинялись асаланскому царю, а Кешаки, по Масуди, оставались независимыми и спасались от нападений со стороны жителей Западной Алании в береговых ук-

---

[11]) История Кабарды, Москва 1957, стр. 24. Зихи те же Адыгейцы.

[12]) Гудуд ал-Алэм, стр. 446 прим.

реплениях и на островах. Багрянородный помещает между Касахией и Зихией племя Папагов.

То же и с Кабардинцами. В персидской географии 982 г. сказано, что они раньше назывались **Мирват** и что в X веке они проживали на север от Таганрогского залива или на правом берегу Нижнего Дона, занимаясь земледелием скотоводством и коневодством. Именно эта область "за Калак рекой" поздние тюркские авторы считали первоначальной землёй Черкасов. Мирват-Кабардинцы обитали там и в то время, когда на Сев. Кавказе уже давно были известны и Касахия и Касак. Они переселились на Кавказ не раньше XIV века. На карте Исаака Массы, составленной по ранним данным в начале семнадцатого века, Кабарда указана в низовьях Дона. И хотя Осетины в своем обиходе сохранили старинное название **Касах** для края, занятого впоследствии Кабардиннцами, совершенно ясно, что оно пришло на Кавказ не с ними.

В 1022 г. Касаки-Касоги добровольно включились в жизнь Томаторкани и стали чуть ли не главной боевой опорой расширенного при их помощи княжества. Его воины составили значительную часть любимой дружины князя Мстислава. Томаторкань стала их государством, действия её населения, её власти, её армии стали действиями **их самих, их власти, их армии.** Если бы это были Зихи-Адыгейцы, у них не было бы причины относиться с ненавистью **к своей Томаторкани.** Однако у них, а от них и у Кабардинцев до наших дней были в употреблении злые проклятия: "Тымутаркай ух!" — Чтоб ты стал Томаторканцем! И "Тымутаркай ухуньме" чтобы тебя постигла участь томатарканцев. Значит эта страна с ее Казарами и Касогами всегда оставалась для них чужой.

Из всего этого видно, что Адыгейцы и Кабардинцы никогда не назывались Касагами или Касогами и что начало названиям Касахия и Касак положил какой то иной народ. Таким народом, сохранившим основу этих имен для себя до наших дней, мог быть только **народ Казачий.** Это так же ясно, как ясна надпись на поздних картах **Земля Донских Казаков.** Историческое имя Касак, Касог, Касаг во всех его вариантах, не могло принадлежать никому другому, кроме наших предков. Оно послужило основой и для географических названий Касахия и Касак. Город Казах на юг от Тифлиса, где в тридцатых годах находилась главная квартира арабского полководца Мервана, имел в своем названии ту же этническую основу. Она оказалась и в одном из личных имён древности. Как в наше время для этого иногда пользуют-

ся названиями народов (Алан, Герман, Франк), так и в античвую эпоху детей не раз называли этнонимами. Уже от II в. н. э. по всему Черноморью можно было встретить личные имена **Скиф, Азий, Синд, Сармат, Касак.**[13])

В. Ф. Миллер, считая греческое название **Касакос** исключительно личным именем, склонен переводить его соответственно осетинскому значению **кэсаг — зрячий, зоркий.** Но он почему то оставил без внимания много слов из других языков, так же созвучных с нашим именем. Поискавши по словарям, как это иногда делают, можно было бы придумать еще более оригинальные и не менее абсурдные **осмысливания.**

Мудрое решение по этому вопросу высказал учёный администратор А. И. Левшин. Его приводит в одной из своих книг И. П. Буданов (**Дон и Москва** кн. 2, стр. 11):

> "Самое название Казаков, как имя собственное народа, не подлежит ни переводу ни этимологическим спорам, следовательно тщетно трудились те, которые производили оное от козявки, козьих шкур и т. п." "Большая часть русских писателей полагает, что первые Казаки произошли или составились у Татар, что у них же родилось название "Казак" и от них перешло ко всем отраслям прежде бывших и ныне существующих Казаков. Мысль сию, к которой мы уже привыкли, опровергают восточные историки, утверждая, что Казаки составляли самостоятельный и независимый народ в отдаленнейших веках нашего летоисчесления".[14])

По этому вопросу есть много теорий. Большинство из них придумано совсем не для того, чтобы дать на него точный ответ, а скорее с целью отвлечь внимание от его истинного решения. В "разночтениях" наше имя не одинаково, но это значения не имеет, нас и теперь разные народы называют по разному. Но главные фонетические черты **Кассахов** и Страбона, пройдя через античных **Касаков,** сохраняются неизменно в нынешних **Казаках** уже две тысячи лет.

---

[13]) Надписи Ольвии. Л. 1968, стр. 71; Корпус Боспорских надписей. М. — Л. 1965, стр. 676, 678, 697, 721; В. Миллер, Язык Осетин, стр. 19

[14]) А. И. Левшин, Описание Киргиз-казачьих или Киргиз-Кайсацких орд и степей ч. II, стр. 41, СПб. 1832

Глава тридцать вторая

ТОРКИ-КАСАКИ И МСТИСЛАВ

В предыдущей главе пришлось несколько отклониться от рабочей темы. Когда речь шла о Мстиславе и его княжестве, надо было остановить специальное внимание на Касогах. Теперь же, как говорили летописцы, "на предняя возвратимся, яко же бехом преже глаголали". Возвратимся к Томаторкани.

При бескровном расширении границ княжества, Мстислав приобрёл еще один большой и сильный, а к тому же родственный Кавказским Касакам, народ. В киевских летописях он появляется под названием Торков. В Киеве его понимали, как один из народов в Черно-Клобуцком союзе племен, хотя позднее оказалось, что это те же Касаки или Казаки.

В то время, когда Святослав напал на Салтовцев, большая часть Торков находилась еще за Верхним Доном, в стороне от продвижения киевских войск. Разгром не затронул их совершенно. Те же, которые уже переселились на Нижний Дон и Донец, использовали свою кочевую подвижность, уклонились от наступающих Русов и избежали гибели. Теперь они все без сопротивления присоединились к населению Томаторкани, признали власть князя-богатыря и начали занимать освободившиеся земли вдоль Донца. С ними пришёл один из печенежских улусов, а тут к ним примкнули и остатки Чёрных Болгар. Всех вместе их собралось больше 600 тысяч душ. По мнению С. А. Плетневой среди них оказалось некоторое число и Кавказских Касаков-Касагов, принесших на Дон особый тип "касожских" горшков.[1])

До недавна все степные народы находились частично в границах Казарии, частично в известной зависимости от казарских хаканов, как его соседи "федераты". Признав власть томаторканского князя они нашли в нем заботливого правителя, близкого большинству из них по языку и по вере, а к тому же постановившего предоставить в распоряжение своих подданных всю северочерноморскую степь. Но для того, чтобы закрепить её

---

[1]) С. А. Плетнева, Керамика Саркела — Белой Вежи, МИА 75, стр. 272

за собой необходимо было принудить соседних Русов отказаться от притязаний на эти земли.

Путь к Днепру по суше и по водам был открыт. В 1023 году Мстислав, собрав свои войска, отправился в поход.

В русской летописи под этим годом сообщается: "Поиде Мстислав на Ярослава с Козары и с Касоги".[2]) В некоторых списках последние обозначены, как Косаги,[3]) Косоги,[4]) Козяги.[5]) При этом ни в одном случае летописцы не вспоминают в дружине Мстислава Русов.

Певец подвигов Мстислава, Великий Никон, об этой встрече противников рассказывает в своих летописных записях подробно и в поэтических тонах.

Вначале Мстислав пришёл к Киеву, но киевляне его не приняли и в город не впустили. Он и не настаивал, а вернувшись за Днепр, занял без боя Чернигов. Это не пришлось по вкусу киевскому и новгородскому князю Ярославу. Он был в это время в Новгороде и оттуда двинул свое войско к Чернигову. С ним шёл отряд Варягов во главе с князем Якуном. Мстислав вышел против них и встретил их у Листвена. В его войске, кроме дружин из Казаров и Касаков, было некоторое количество черниговских Северян. Расставляя войска перед боем, Мстислав поставил их против Варягов с фронта и в первую же ночь, по словам летописца, над ними "потрудишася Варязе, секше Север". Но тут же, в бурю и грозу, на рать Ярослава обрушились с флангов Казары и Касоги. Они порубили Варягов и обратили в бегство все войска Русов с их предводителями. "Якун ту отбеже луды златое",[6]) потерял свои золотые латы, иронически замечает летописец.

Из летописной записи видно, что Мстислав высоко ценил и берёг дружину, а о Северянах заботился мало". "Мстислав же о свет заутра, видев лежачие сечени от своих Север и Варяги Ярославле рек: кто сему не рад, се лежит Северянин, а се Варяг, а дружина своя цела".[7])

---

[2]) ПСРЛ т. т. I и II

[3]) ПСРЛ т. т. IX и XXX Владимирский летописец

[4]) ПСРЛ т. т. XXV Эрмит., XXVIII и XXXI

[5]) ПСРЛ т. т. XXVI и XXVII

[6]) Повесть Времен. лет т. I стр. 100; ПСРЛ т. I и II под годом 1023/24

[7]) Там же

Вероятно, его степные сподвижники вдохновлялись рассказами стариков о нашествии Святослава. Такие события забываются народами не легко.

После блестящей победы под Лиственом, Мстислав не пытался занять Киев, хотя мог это сделать без большого труда. Наоборот, он послал сказать Ярославу, что не претендует на Днепровское Правобережье и довольствуется степями. К ним он присоединил лесостепные области с городами Черниговом, Курском, Муромом, Рязанью, создав из них северные форпосты страны.

Ярослав всё же долго ещё не решался перенести свою резиденцию из Новгорода в Киев. Он явился туда только через три года после поражения, в 1026 году, "совокупив вои многы", хотя Мстислав и не пытался ему в этом препятствовать.

Некоторое время после битвы под Лиственом, Мстислав пребывал в Чернигове и оттуда укрепил свою власть над северной границей. Но черниговским князем на Руси его не называли. Он до конца оставался князем Томаторкани, где постоянно проживала его семья и где по летописному своду Татищева в 1033 году умер его единственный сын Евстафий.[8])

Немного сведений о его княжении сохранилось лишь в киевских летописях. На их страницы попали только некоторые события его времени. Почти полувековое княжение томаторканского князя осталось бы в Киеве совсем неизвестным, если бы на Тамани не нашел убежища, скрывшийся там от гнева своего князя Изяслава, киевский монах Никон, писнер киевского летописания. Он пробыл в Томаторкани от 1061 по 1974 год с некоторым перерывом. Записав в летописях кое что о военных подвигах Мстислава и его Касаков, он ничего не сообщил о внутренней структуре царства. О ней можно судить только по косвенным данным.

Тамань с ее населением, первые годы после ее завоевания Русами, была чем то вроде отдалённой колонии Киева, а в обширном хозяйстве великого князя каким то хутором, где его наместники собирали пошлины с купцов и рабочего люда.

При Мстиславе же она обратилась в цветущий центр его державы, откуда началось образование нового политического общества, союза племен, добровольно объединившихся в государство для достижения общего блага, безопасности, правового порядка и создания мощного заслона со стороны Азии.

---

[8]) История Российская т. II, стр. 77; т. IV, стр. 147

Центр нового политического общества возник на Тамани и государство получило свое название по таманскому городу **Томатархе** или **Томаторкани,** который на Руси по недоразумению переименовали в **Тьмуатаркань.** Как увидим дальше, на славянском языке это название писалось вначале — **Томаторокань.** И это вполне логично, т. к. оно получилось из двух составных частей: первоначального имени приморского поселения **Тома,** снабженного эпитетом тарханская или торканская, при этимологии первого — **тарханный,** свободный от налогов и второго — торканский, принадлежащий Торкам.

При князе Мстиславе вокруг Томаторкани собрались все степные народы, принявшие на себя известные повинности. Первая из них — пополнение княжеских войск. Повинности мирного свойства припадали на долю городов Керчи, Азова, Саркела, Чернигова, Курска, Рязани и Мурома. Для лесостепных городов Мстислав стал государем и великим князем, освободившим их от всяких обязательств по отношению к Ростову Суздальскому и Киеву. Они стали томаторканскими городами и платили все пошлины таманской столице. Их население состояло из Северян и Вятичей, носителей той славянской бытовой культуры, которая в археологии называется Борщево-Роменской. Принадлежность их городов к Томаторканской державе, впоследствии послужила причиной ложных взглядов на местонахождение города Томаторкани. Русские книжники потерявшие его из виду в XII веке, никак не могли вспомнить, где он находился и искали его именно в лесостепной зоне. Например, историк В. Н. Татищев был убеждён, что Томаторкань находилась где то около Рязани,[9]) а там, в действительности, была только северо-восточная часть государства.

Все данные говорят о том, что Томаторканская держава не была бедным государством. Её бюджет, особенно после завоевания Керчи, щедро пополнялся транзитными пошлинами с купеческих караванов, проходивших мимо по водным путям страны к Азову и дальше на север и восток. Известно, что были доходы и от даней, поступавших от присоединённых кочевых улусов. По словам летописца дружина Мстислава получала щедрое вознаграждение и пользовалась всеми благами. Культурная деятельность Мстислава Храброго, по обычаю того времени, была направлена на распространение христианства и постройку храмов. В своей столице на Тамани он воздвиг храм Пресвятой Богородице. Никон

---

9) История Российская т. II, стр. 240

в летописных записях передаёт предание, будто бы князь построил его по обету, в благодарность за сверхестественную помощь во время борьбы с Редедею. Незадолго перед смертью он начал строить другой храм, предположительно в Чернигове, во имя Христа-Спаса.

При нём христианское население, вероятно, возросло количественно. Ясно, что сходясь под его властью жители чувствовали общность интересов, блага объединения и близость к славяно-казарской степной стихии. Это нашло свое отражение в дальнейших судьбах всех казачьих племён.

Несмотря на миролюбивое отношение к Киеву, Мстислав заслужил там прозвище "лютого".[10]) А зато черниговский дружинный эпос наградил его эпитетом **Храбрый**.

Считая от младенческих лет, Мстислав был у власти почти пол века. В 1036 году он, будучи на охоте, простудился, заболел и умер. И положили его в церкви Святого Спаса, которую при нем начали постройкой, а стены её были выведены в высоту настолько, что достать их верх можно было лишь стоя на коне.

"Был же Мстислав дороден телом, румян, с большими глазами, храбрый в бою, милостив, очень любил дружину, казны своей для неё не жалел, ни в пище ни в напитках её не ограничивал".

---

[10]) Киево-Печерский Патерик, Изборник М. 1969, стр 300

Глава тридцать третья

ЖЕМЧУЖИНА АЗОВСКО-ДОНСКОГО КРАЯ

После смерти казачьего князя Мстислава, Чернигов и Переяслав ушли под власть Киева, а все остальные области оставались при своем прежнем таманском центре. Тома торкань сохраняла независимость. Отношение её населения к Киеву было мало дружественным. А. И. Ригельман в **Летописном повествовании о Малой России** пишет, что Ярослав, "овладев многими землями, вдоль Днепра реки простирающимися, покорил под свою власть Касаков, которых прежде более всего опасался". Это важное для нашей истории сообщение он не подтвердил ссылкой на какой либо источник. По летописным же данным кочевое и оседлое население Томаторкани, живя на своей земле,, не признавало власти Ярослава. Первая встреча Киевских Русов с Торками-Касаками произошла за Переясловом в 1055 году. Летописец записал: "В се же лето иде Всеволод на Торки, зиме к Воиню. И победи Торки".[1]) Слодовательно не может быть и речи, чтобы до этого года власть Киева распространялась и на коренные земли Томаторкани. Не говоря о Тамани, Керчи, Земле Касак и Тане (Азове), русским князьям не принадлежали также Курск, Рязань и Муром. Ни один из этих городов не указан в завещании киевского князя Ярослава, умершего в 1054 г. Старшему сыну Изяславу он оставил Киев и Новгород, Всеволоду — Переяслав, Игорю — Владимир, Святославу — Чернигов, Вячеславу — Смоленск.[2]) При Ярославе объединённая Русь состояла только из этих уделов.

Заметим, что Ростислав, сын умершего в 1052 году Владимира Ярославича не получил от деда никакого города, так как по господствующему положению в то время великокняжеское наследство распределялось только между живущими сыновьями; внуки от сыновей умерших раньше родителя-завещателя, оставались без уделов, становились **изгоями.**

О том, что население Томаторкани не подчинялось Киеву и после победы Всеволода над Торками, указывает сообщение летописи под годом 1060. В этом году на Азовско-черноморские степи произошло новое на-

---

[1]) ПСРЛ т. I, столб. 162

[2]) Там же, столб. 161-162

шествие Азиатов. На этот раз к западу двинулись племена-родственники Огузов, Кыпчаки или Половцы. В Европе их называли Куманами. Теснимые ими жители Дона и Донца подошли к Днепру. Здесь они были приняты как враги. Им пришлось биться и с Половцами и с Русами, а за Днепром пробиваться через кочевья Печенегов.[3])

Наши степи заняли Полвцы. Томаторкань оказалась сжатой в первоначальных границах на Тамани и Керченском полуострове, но по торговому положению на азовско-черноморском пути, по природным богатствам и по культурным влияниям оставалась прежней жемчужиной Азовско-Донского края. Земля Касак не подчинилась Половцам. Рязань и Муром тоже не отказались от своей прежней столицы.

Когда в 1061 году на Тамань прибыл, бежавший из Киева, черноризец Никон, там правил двоюродный внук Мстислава Глеб Святославич. Было очень сложное положение. Княжество потеряло все подонские степи, всех своих кочевых воинов, а Глеб, как видно, нес умел своевременно организовать сопротивление новым завоевателям и замкнулся на острове. В 1064 г. его ослабление использовал другой двоюродный внук Мстислава Храброго, Ростислав Владимирович. Потеряв отца в 1052 г., на два года раньше смерти деда Ярослава, он остался изгоем без удела. Энергичный и боевой Ростислав решил овладеть Томаторканским княжеством. Он приплыл на Тамань со своими людьми, занял город и принудил Глеба отправиться под опеку отца в Чернигов.

Начав княжение при таких обстоятельствах, Ростислав вскоре объединил вокруг себя остатки оседлого и кочевого населения Земли Касак, укрепил свое положение в Керчи и сумел заслужить расположение жителей Херсонеса.

Томаторкань стала возрождаться и снова распространилась к донскому устью. Но усиление княжества оказалось не по душе византийским правителям. Ростислав, мудрый и смелый князь, мог ослабить влияния Византии даже в сплошь греческом Херсонесе. Возможно, что он готовился подчинить Томаторкани весь Крым и находил сочувствие этому плану у корсунцев.

По рассказу того времени, византийские придворные круги подослали к нему тайного убийцу. Тот явился в качестве дипломатического представителя — кото-

---

[3]) ПСРЛ т. I, столб. 163

пана. Ростислав принял его не остерегаясь, поверил его льстивым словам, а во время пиршества принял из его рук кубок вина, в который Котопан подсыпал медленно действующий яд. Через несколько дней после отравления, 3-го января 1066 года Ростислав умер. Котопан отъехал в Херсонес и себе на беду похвалился там своим подвигом. У корсунцев он однако сочувствия не встретил, т. к. жители Херсонеса искренне уважали Ростислава. Его преступление вызвало возмущение. Разъяренная толпа побила котопана каменьями. Черноризец Никон тогда проживал на Тамани и описал это происшествие коротко, без прикрас, но с явным укором для Византийцев.[4])

Города Томаторкань и Керчь в его время сохраняли свое культурное и политическое значение во всём Азовском-Донском крае. Особенно в делах укрепления Христовой веры и, связанного с этим, распространения письменности. Как и везде очагами просвещения служили монастыри, от которых культурные веяния лучами расходились в степи и в горы. Одним из таких рассадников христианства можно считать обитель, основанную на Дону выше нын. Ростова, вероятно, Кабардинцами. Память о ней хранится в Монастырском урочище. А о Таманском монастыре в Киево-Печерском Патерике говорится:

> "Велий же Никон отъиде въ островь Тмутороканьский и ту обрете место чисто близъ города и седе. И Божьею благодатью възрасте место то и церьковь святыя Богородицы възгради на немь и бысть монастырь славенъ, иже и доныне есть, прикладъ же имый въ сей Печерьский монастырь".[5])

В своем монастыре Никон установил порядок, взяв пример (приклад) с порядков установленных в Киево-Печерском монастыре. Здесь его обитель стала новым центром местного церковного управления. Известно, что в конце XI столетия там находился томаторканский епископ Николай.[6]) Много вероятия в том, что на Тамани и до этого времени был греческий монастырь. Здесь ведь уже много веков шла просветительная деятельность митрополитов Томи и Таны, а значит, были и

---

[4]) ПСРЛ т. I, столб. 166

[5]) Е. Ч. Скрыжинская, Греческая надпись. Визант. Временник т. XVIII, стр. 80

[6]) Изборник, М. 1969, стр. 292

их подворья. Обычно же при митрополичьих резиденциях находится и монастырь. Истории известно, что во время императора Льва VI-го, т. е. в начале X века, епархия с центром на Тамани находилась под правлением архиепископов. Греческие монахи встречались там и при Никоне. Память об одном из них сохраняет мраморная плита, найденная в г. Тамани.[7]) Начертанная на ней греческая надпись гласит: "Почил раб Божий Иоаникий монах, он же строитель в этом святом монастыре, месяца октября 23-го, в день третий, в час 7-й года 6587-го, индикта 2-го."[8]) Эта плита вначале была заделана в стену какого то монастыря, судя по надписи — греческого. Возможно, что Иоаникий, как образованный зодчий, помогал Никону выполнить планы, расчёты и сметы для зданий его монастыря.

Вообще население Тамани и Керчи отличалось большой пестротой. Наравне с Греками и остатками казарских иудеев, здесь повсюду проживали Славяне или славянизированные Туранцы и Гото-Аланы. В Томаторкани Никон встретил приверженцев древне-греческого благочестия, столь близкого его сердцу. При переводах греческих и еврейских сочинений, он мог пользоваться помощью местных разноязычных книжников. На каждом шагу ему встречались свидетели недавнего прошлого и всё, что он узнал в этой культурной жемчужине Азовско-Донского края, всё попадало на страницы его летописных записей.

Местные жители привлекли его и к политической деятельности. Потеряв Ростислава, томаторканские граждане нашли в нём наиболее подходящего посланника в Чернигов. Там он должен был уговорить князя Глеба возвратиться к ним на княжение. Это была довольно щекотливая миссия, так как в свое время жители Томаторкани не поддержали Глеба и Ростиславу позволили его изгнать.

Никон добрался до Чернигова и долго ожидал там окончательного решения. Глеб в это время находился в Новгороде, а его отец Святослав Ярославич воевал с Всеславом Полоцким. В 1067 году, когда народ изгнал

---

7) Е. Ч. Скрыжинская, Греческая надпись из Тмуторокани, Визант. Временник т. XVIII, 1961, стр. 81 в прим. указана книга Макария архиепископа харьковского, «История Христианства в России до Равноапостольного князя Владимира», СПб. 1868, стр. 79-80

8) Там же, стр. 76-78. Дни недели считались начиная от воскресения: третий день — вторник. Октябрь 6587-го года относят к 1078 году нашего исчисления.

Изяслава из Киева, Никон посетил Киево-Печерский монастырь. На увещевания игумена Феодосия остаться при нём он ответил, что сможет покинуть Тамань только после того, как закончит там устройство монастыря.

Выполнив черниговскую миссию, Никон прибыл в Томаторкань вместе с князем Глебом. От 1070 по 1073 г. он находился в Киеве, где шли непрерывные распри между князьями. "Великий же Никон, видев такое смятение в князех суще отыде съинема двема чьрьноризьцема в прежереченый островь, иде же бе монастырь съставил". [9])

Окончательно он возвратился в Киев не раньше 1075 года. Проживая в Киево-Печерском монастыре продолжал свои летописные труды, был избран его игуменом и умер в 1088 г.

Глеб же оставался князем Томаторкани до 1074 г. По его инициативе было измерено растояние между столицею и Керчью. В ознаменование этого достижения он приказал высечь на камне следующую надпись:

ѿ҃въ лѣто ѕ҃ѳф҃(с). і҃н҃і҃ѕ҃ глѣбъ кнаѕь мѣриль м҃
по ледѣ ѿ҃ тьмоуторокана до кърчева ѕ҃ѧ҃ и ѵ҃ ѧ҃ сажен

"В лето 6576 индиктиона 6 Глеб князь мерил море по лёду от Тъмутороканя до Кърчева 10 тысяч и 4 тысячи сажен".[10]) Здесь названия городов в первом слоге имеют твёрдый знак, который в таких случаях читался как краткое О. Следовательно города по славянски назывались Томуторокань и Корчев.

Надпись на Томаторканском камне дала возможность установить, точное местоположение и истинное название самого города.[11])

В 1074 году отец Глеба, Святослав Ярославич, занял киевское княжение и пожелал видеть сына на Руси. Глеб получил Переяслав. Выполняя поручение отца, он убит за Ладожским озером в 1078 году.

Очевидно Никон находил на Тамани более спокойную обстановку для своих летописных и просветительных трудов. Дважды он посетил Киев и оба раза стремился обратно в Томаторкань. В общей сложности он прожил на Тамани больше десяти лет и возвратился в Киево-Печерскую обитель, унося об этом крае и о на-

---

[9]) Житие Феодосия, Изборник, М. 1969, стр. 134

[10]) Л. П. Якубинский, История древне-русского языка, М. 1953, стр. 284

[11]) Книга о Казаках, стр. 116, 309-311

селявших его людях самые лучшие воспоминания. Записи о них сделаны им в благожелательных тонах.

Может быть, при его посредстве на Русь попали и некоторые переводы древних греческих и еврейских источников, выполненные красочным славянским слогом переводчиком из Томаторкани. По осторожным выводам советского филолога Н. А. Мещерского, это так и было. Он высказал мнение, что **История Иудейской войны Иосифа Флавия** переведена с греческого языка на древне-славянский, вероятнее всего, на юго-востоке, близ Чёрного моря и Казарии. "Если, однако, — говорит он, — перевод и мог был сделан вблизи Хазарской земли, то во всяком случае его автором был русский и притом православный русский человек".[12]) Он уверен, что перевод сделан в эпоху Киевской Руси не позднее XI века:

> "Будучи переведенным в XI в., текст древнерусской "Истории" Иосифа Флавия и перевод "Иосиппона" продолжали жить активной литературной жизнью в течение многих веков".[13]) "Проследив многовековую литературную историю памятника, мы можем убедительно доказать, какое громадное культурное значение имел древне-русский перевод "Истории" сделанной в XI в. На заре развития русского народа безвестный даровитый мастер слова, в совершенстве владея языком подлинника, обладая незаурядным талантом писателя, смог не только выполнить литературную задачу, в осуществлении которой ему не нашлось соперника вплоть до наших дней, но и создать подлинно художественное произведение, достойное того, чтобы называться гордостью нашей литературы".[14])

Нет сомнения, что язык перевода во многом отличается от первоначального летописного русского. Был ли он сделан русским человеком — вопрос остаётся открытым. В Киев он попал, вероятно, при посредстве Никона, хотя мог быть сделан и до его появления на Тамани местным Славяно-Казаром.

Ещё более Н. А. Мещерский убеждён в том, что ряд других переводов, как например, **Летописец Еллин-**

---

[12]) Н. А. Мещерский, История Иудейской войны Иосифа Флавия в древне-русском переводе, М. — Л. 1958, стр. 118-119

13) Там же, стр. 154

[14]) Там же, стр. 164

ский с **Повестью о Казарине и о жене его** — с греческого оригинала, а библейская книга **Есфирь** — с древнееврейского оригинала, сделаны тоже в XI веке и связаны с Казарией.[15]) Свое убеждение он дополняет интересными соображениями:

> "Если в Хазарском каганате иудейство являлось господствующим вероисповеданием, то еще раньше в нём распространилось христианство, оно поддерживалось там в течение последующих периодов тесным общением с Византийской Церковью. Среди христианских подданных Хазарского кагана, несомненно, было очень много Славян и едва ли славянский язык не был в результате этого своеобразия общим письменным языком для всего населения каганата в последнее столетие его существования.
>
> Эта христианско-хазарская этническая и бытовая среда, естественно, могла бы служить посредником при передаче Славянам произведений еврейской языковой культуры. В той же самой среде,вероятно, могли складываться и передаваться из поколения в поколение повести подобные нашей, героями которых выступали деятели византийско-хазарской истории".[16])

Статьи Н. А. Мещерского подсказывают вывод, что в XI веке кто то из русских образованных киевлян пребывал на землях быв. Казарии, нашёл там несколько литературных переводов выполненных по славянски с греческого и еврейского языков и оттуда привёз их на Русь.

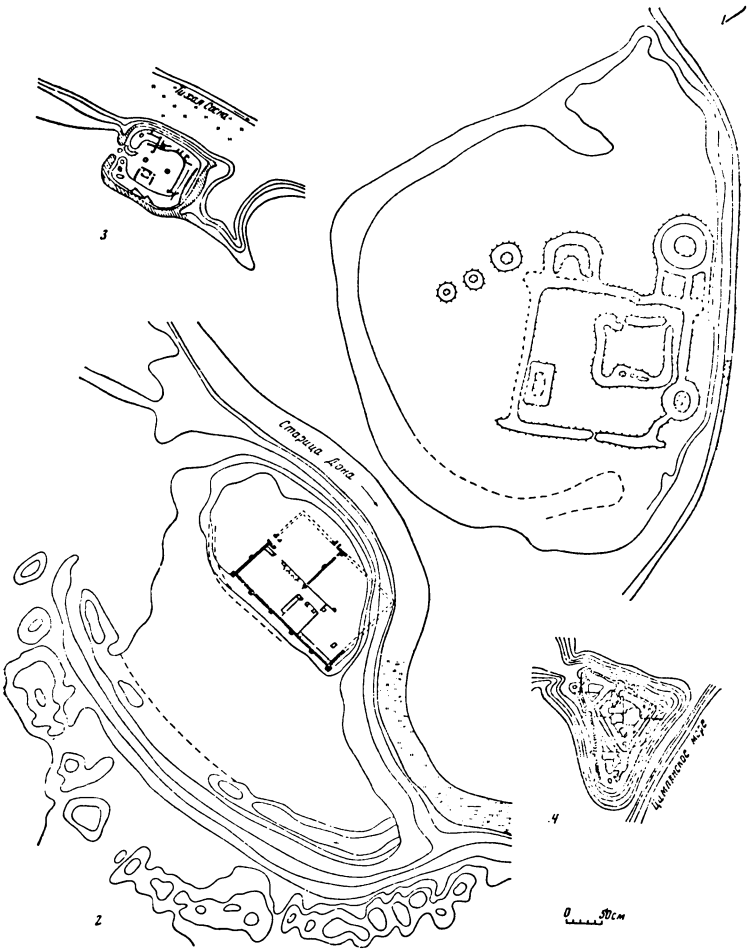
Таким русским книжником, по летописным данным, мог быть один Великий Никон. Томаторкань предоставила ему все возможности для большого творческого труда и этот учёный монах избрал её не только в качестве убежища от преследований. Он возвращался в этот укромный угол и тогда, когда ему в Киеве уже не угрожало никакой опасности. В Киево-Печерский монастырь Никон отъехал только после того, как стройное течение жизни степного государства начали нарушать нашествия Половцев и борьба за власть разных княжичей.

---

[15]) Н. А. Мещерский, К вопросу о византийско-славянских литературных связях, Визант. Временник т. XVII, стр. 67, 68

[16]) Там же

Он увёз оттуда и свои летописные записи, после попавшие в киевские летописи. Однако не может быть уверенности, что в русской исторической литературе сохранилось всё то, что Никон принёс из Томаторкани. При многократных переписках из его материалов могла быть изъята часть, не имевшая непосредственного отношения к делам Руси.

Планы крепостных и замковых руин на Дону

1. — Семикаракорское городище; 2 — Саркел или Белая Вежа; 3 — Маяцкое городище; 4 — Правобережное Цымлянское городище.

Глава тридцать четвертая

РАЗРУШИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ

Случай с Ростиславом, погибшим от яда, только один из исторических примеров действия тех сил, которые роковым образом препятствовали укреплению молодого Томоторканского государства. На долю его жителей выпало непрестанное сопротивление разрушителям. На землях Подонья и Северного Кавказа, в общей колыбели народившихся и возросших там племён, жители уже осознали выгоды политического объединения, но народу не удалось закрепить нормальный для того времени строй, столь блестяще организованный князем Мстиславом.

Этот популярный князь умер не оставив наследников. После краткого правления погиб и другой энергичный правитель Ростислав, глава государства признанный народом. Пробовали перенести династическую традицию на черниговских Святославичей, но эти княжеские отпрыски не обладали теми свойствами самоотверженного риска, здравого политического смысла и особой привязанности к своему народу, которыми отличался истинно-казачий князь Мстислав Храбрый. В своих эгоистических стремлениях Святославичи невольно становились подсобниками разрушительных сил действовавших в нашем Старом Поле со всех сторон. С юга шла Византия, вооруженная большим политическим опытом, дипломатическими хитростями, торговым капиталом, а иногда и ядом. С востока грозили физические силы несметных азиатских орд, готовых хлынуть в наши степи. С севера непрерывной угрозой висела, лишенная нравственных начал, кровавая борьба между претендентами на осиротевший трон Томаторкани. С запада она поддерживалась Киевом, не терявшим надежды возвратить земли отобранные Мстиславом.

Политическая жизнь молодого государства не успела достаточно окрепнуть настолько, чтобы успешно сопротивляться распаду и непоколебимо охранять начертанные при Мстиславе границы.

Первыми такое положение использовали Киевские Русы, отобрав Переяслав, Чернигов и Курск. Ослабел

и прежний европейский заслон со стороны Азии, на Волге и на Дону стали появляться Кыпчаки-Половцы. В Европе этот союз племен называли Куманами; они были сродни Огузам и проживали рядом с ними в северных областях Средней Азии. В 1054 году, преодолев разрозненное сопротивление подонских кочевников, один из их улусов во главе с Болушем подошёл к Днепру. Подойдя к Переяславу, Куманы мирно переговорили с местным русским князем Всеволодом и разведав подступы к Руси отправились назад за Волгу.

В 1060 году Кыпчаки неожиданно обрушились на степи Северного Черноморья всей своей массой и принудили местные народы спешно уходить на запад. Под их натиском к Днепру двинулись Донецкие и Подонские Торки (Касаки и Узы), остатки Чёрных Болгар и Венендеры-Берендеи, жившие до этого времени между Верхним Доном и Донцом. Гардизи, персидский автор и современник миграции Половцев, причисляет Венендеров к Румийцам (Византийцам) и сокращает их имя в **Нендер:** "Они все христиане, их называют Нендерами, они многочисленнее Мадьяр, но слабее их".[1]) После того, как Половцы заняли наши степи, Венендры оказались у Днепра и надолго связали свои судьбы с Русью. Летописцы и их включили в прозвище "своих поганых", Чёрных Клобуков, Черкасов, но в отдельности называют их Берендеями.

Часть Торков с давно приставшими к ним Печенегами всё же осталась на Дону. Нетронутыми оказались и некоторые города на Верхнем Донце. Половцы нашли нужным оставить их в качестве ремесленных и торговых оседлых пунктов и сохранили их ясское, асаланское население.

Торков в Киеве знали и раньше. Их отряды, наряду с казарскими, можно было встретить среди вспомогательных войск, действовавших с дружинами киевских князей. В 985 году князь Владимир Святославич вёл на Болгар свои войска "в лодьях, а Торки берегом приведе на коних и победи Болгары".[2]) Но после Касаки и Казары, т. е. те же Торки стали главными кадрами войска Мстислава Храброго и Русам пришлось с ними хорошо познакомиться в 1023 году под Лиственом, где Торки разгромили киевско-новгородского князя Ярос-

---

[1]) Б. Н. Заходер, Каспийский Свод т. II М. 1967, стр. 53

[2]) ПСРЛ т. I, столб. 84; т. II, столб. 71

лава с его Варягами. Может быть, именно поэтому русские князья встретили их враждебно в 1060 году, когда они подошли к их владениям, теснимые Половцами:

"Изяслав и Святослав и Всеволод и Всеслав, совокупивше воя бещислены и поидоша на конях и в лодьях бещисленое множьство на Торкы и се слышавше Торци убоявьшеся пробегоша и до сего дни и помроша бегающе Божиим гневом гонимы, овии от зимы, друзии же гладом, инии же мором, судом Божиим. И так Бог избави крестьяны от поганых".[3])

В Воронцовском списке **Истории** В. Н. Татищева читаем:

"Бароний в 1065 году сказует, на восточной стороне Дуная народ Узоры, весьма сильный, который на Болгары и Грек в 600 000 нападение учинил, но вскоре гладом и мором погибли. И сие не иначей, как о Козарах, которых переводчик или Бароний сам иногда неправо Турки вместо Торки 893-го и 971-го годех имянуют".[4])

Из сочетания двух этих свидетельств, летописного и европейского следует, что летописные Торки в Европе назывались Узами. Видимой причиной такого разнообразия могла послужить многочисленность Узов в Торческом союзе племен, а вместе с тем и более широкое значение, заключавшееся в имени Торков, которое на Руси обняло и поглотило название Узов. Последним больше семи веков пришлось кочевать среди других Торков. Они были все вместе во время переселений за Волгу, к Дону и Донцу. Свыше четырёх веков все они тесно сожительствовали с жителями Казарии и не удивительно, что киевские летописцы, как говорит Татищев, видели в них тех же Казаров..

Половцы принудили разноплеменный союз Торков оставить Дон и Донец. Томаторкань потеряла все срединные земли и значительную часть населениь Господами Подонских степей от 1061 г. надолго стали азиатские кочевники — Куманы. Днепровская Русь иногда заключали с ними союзы и тем доводила старое население степей, если не до полного уничтожения, то до полного отчаяния.

---

[3]) ПСРЛ т. II, столб. 151-152

[4]) История Российская т. II, стр. 313; Н. Д. Мец, К вопросу о Торках, КСИИМК, М. — Л. 1948, стр. 46

Глава тридцать пятая

ТЫСЯЧА ЛЕТ

Время образования Томаторканской державы совпало с тысячелетием появления в исторических памятниках нашего имени. Грек Страбон писал **Географию** при жизни Спасителя. Он завершил свой труд во втором десятилетии новой эры. Среди стран и народов, указанных в нём, он уделил довольно много внимания Кассахам, проживавшим в закавказской области Саков (Сакасене) повыше Мидии, на расстоянии 180 клм. от Верхнего Ефрата. В наше время остатки этих Коссахов, Муганские Казаки, проживают на равнине в Казахском округе с административным центром в поселении Казах. Они славятся по всему свету ручной выработкой художественных казачьих ковров.

Страбон также объяснил, каким образом война стала главным занятием Коссахов, почему они обратились в военный народ:

> "Коссахи, как и соседние с ними горцы, по большей части смелые воины-лучники. Они все время проводят в набегах, так как сами владеют страной малой и почвой неплодородной. Вынужденные питаться добычей взятой у соседей, они в силу необходимости стали сильным народом, потому что каждый из них воин".[1])

Из этой заметки узнаём, что наши предки обратились в военный народ уже две тысячи лет тому назад и мы, оставаясь прирожденными воинами, только сохраняем их основное свойство, укоренившееся за века последующей жизни.

Каким же этот народ стал за первую тысячу лет своей истории?

Тысяча лет — много времени! За десять веков на нашей грешной земле произошли значительные перемены. Одни народы ушли из жизни, другие, — из малых племён выросли в мощные политические общества. Не прошли они бесследно и для Коссахов. Военный народ разросся, для него стали тесными бедные горы и степи, выделилось несколько племен, которые в поисках новых земель оказались на Северном Кавказе. Тут и произошёл сплав местных народов с пришлым, передавшим им свое прежнее имя.

---

[1]) Страбон, География 11. 13. 5

Но до того времени пока степное население Приазовья и Подонья слилось в один народ и стало пользоваться общим именем Касаков, отдельные племена Торков, Узов, Береңджеров, Бродников не расставались со своими частными наименованиями. Каждое из них брело своим путём и, не ознакомившись с историей их многовековых странствий, трудно было бы понять те мотивы, по которым они слились воедино. В то время и их соседи, лесные люди Древляне, Дреговичи, Северяне, Кривичи, Вятичи, Меря, Мурома, Весь, тоже еще не были объединены под одним варяжским именем— Русь.

Процессам слияния различных племен во многом способствовало совместное пребывание в границах Алании, Казарии, а позднее — Томаторкани. При политической близости и общности интересов, все жившие там народы пользовались достижениями однообразной материальной культуры. Насущные потребности борьбы за существование, особенно острое в условиях открытой степи, поневоле тянули друг к другу. Они роднились независимо от своего происхождения. Именно в то время создавался основной тип степного воина Славяно-туранца.

За родственными связями следовал обмен духовными ценностями, больше всего в религиозных воззрениях и обрядах. Помимо прочих положительных влияний на среду, религия и тут оказывалась могучим средством объединения. Вокруг алтарей создавалось единство духа, санкционировалась власть, росло национальное сознание, ставились преграды к распадению.

Все эти степные процессы нашли некоторое отражение и в писанных источниках, но лучше знакомят с ними памятники археологии. За последние годы особенно отчётливые результаты дало подробное изучение Салтово-Маяцкой археологической культуры. Как говорилось раньше, она датируется VIII-X веками, но на ее фоне выступают и более ранние смешивания народностей, проживавших в наших степях. Оказалось, что следы первого тысячелетия, оставленные Скифо-Туранцами, Асами-Аланами и Степными Славянами, взаимно перекрывают друг друга.

Просмотрим новейшие выводы археологов и антропологов на тему о том, как выглядело к десятому веку население Донца, Дона и Приазовья, оставившее после себя мощный пласт Салтово-маяцкой культуры.

Археолог М. И. Артамонов, принимая в расчёт по-

казатели обнаруженные при раскопках, делает интересное заключение:

"Антропологические исследования многочисленных скелетов из бескурганного могильника Белой Вежи рисуют яркую картину смешения различных физических типов или рас. Наряду с длинноголовыми славянскими индивидами здесь много короткоголовых с черепами зливкинского типа, встречаются черепа с более или менее выраженными чертами монголовидности, имеются различные виды и степени расовой метисации".[2])

Подобно ему замечает признаки слияния племён и С. А. Плетнева:

"Погребальные обычаи и обряды разнятся только незначительными деталями. Эти последние в свою очередь исчезают и заменяются новыми при слиянии или смешивании народов, что постоянно происходило в среде кочевников при передвижении их по южно-русским степям".[3])

Она же в общих выводах к статье о степных обитателях пишет:

"1) На протяжении всей истории кочевники (Печенеги, Торки, Половцы) смешивались с туземным алано-хазарским населением.

2) Результатом этого слияния явилось появление в бассейне Донца населения, выделяющегося из кочевнической массы особым погребальным обрядом, в котором соединены черты салтовского и кочевнического обрядов".[4])

С такой же категоричностью подчёркивает эти явления и третий сов. археолог Э. А. Сымонович:

"Линия непрерывного развития, намечаемая по антропологическим данным и в какой то степени подтверждённая археологически, требует объяснения. В степи, повидимому, сменялись только основные племена кочевников (Хазары, Печенеги, Половцы). Поколения потомков древнего населения степей при этом оставались, подвергаясь ассимиляции пришлыми племенами и постепенно меняя свой культурный облик".[5])

Выводы археологов основываются не только на

---

2) М. И. Артамонов, Саркел-Белая Вежа. МИА 62, стр.. 81-82

3) С. А. Плетнева, Печенеги, Торки, Половцы. МИА 62, стр. 153

4) Там же, стр. 226

5) Э. А. Сымонович, Погребения X - XI веков. Каменского могильника. КСИИМК вып. 65, 1956 год, стр. 106

особенностях материальных культур первого тысячелетия нашей эры, но в такой же мере и на данных антропологии. Измеряя черепа из могил оседлых и кочевых жителей Дона, антропологи обнаружили в их строении совершенно неожиданные примеси: у "длинноголовых" европеидов — черты "короткоголовых" туранцев и монголоидов, а у двух последних — черты жителей Европы.

Вот основные выводы советских антропологов:

"Изученные погребения начального периода существования Саркела показывают, что уже ранее население его было смешанным. В него вошли компоненты типичные для населения Южного Поволжья и Подонья. Это, конечно, объясняется тем, что в строительстве города и первом заселении его участвовало местное население Хазарского каганата. Все мужчины и часть женщин относятся к такому же антропологическому типу, что и захороненные в Зливкинском могильнике, а также обитавшие в Правобережной крепости".[6]) "С течением времени население города смешивалось, хотя и не в одинаковой степени в разных группах. Однако, антропологический тип значительной части горожан становится всё более общим. Более раннее население имело в своем составе больше местных элементов. С течением времени увеличивался удельный вес Славян. Среди женщин, несомненно, больше лиц местного происхождения, среди мужчин — больше пришлых". "Обособленно жившее кочевое население окрестностей города вступало с его жителями в родство".[7])

"Несмотря на различное происхождение населения Саркела, частью местное, частью пришлое, оно, особенно в последний период существования города, было в значительной мере смешанным".[8])

Саркел был крупным военным центром, внутри стен которого и в окрестных степях собиралось всё на-

---

[6]) В. В. Гинсбург, Антропологический состав Саркела. МИА 109, стр. 263

[7]) Там же, стр. 281. Речь идёт о Славянах, определяемых по признакам Боршевской арх. культуры. Местные Славяне по мат. культуре не отличались от Салтовцев. Антропологи не выделяют их в особую группу. Это просто — местные жители.

[8]) Л. Г. Вуич, В. В. Гинсбург, Б. В. Фирштейн, Черепа из могильников, МИА 109, стр. 410

селение Подонья. Поэтому антропологические особенности его жителей могут считаться характерными для всех Салтовцев.

Сумма всех этих данных подсказывает совершенно очевидный вывод: на Дону и в Приазовье к концу первого тысячелетия н. э., при культурной общности и политической близости разноплеменных и разноязычных народов, завершался процесс слияния их всех в более или менее единый этнографический и национальный монолит позднейших жителей Томаторканской державы. В него вошли: Степные Славяне, славянияированные Степные Болгары, Торки-Касаки, Торки-Узы, часть Асов и другие менее значительные племена Подонья. На нашей равнине произошло смешение рас и народов большее, чем где-либо в ином месте Европы. Именно благодаря народу, распространившему среди них название **Касаков**, небольшая киевская колония на Тамани обратилась в крупное независимое государство **Томаторканъ**. И когда великий Никон записал в своих аналах под годом 1023, "Поиде Мьстислав на Ярослава с Козары и с Касоги", он заключил в эти два этнических наименования всё население Приазовья и Подонья. Казары для него были оседлыми жителями края, а Касоги — жителями кочевыми. Они то при слиянии имен (Казары и Касоги) и создали азиатско-европейский тип Казака. Как и его туранские предки, это всё тот же военный народ, о котором говорил Страбон, с тою только разницей, что за тысячу лет он обратился из скифо-туранского в скифо-славянский. Перемены произошли в политических границах Алании, Казарии и Томаторкани, т. е. на тех же землях, которые принадлежали Казакам и в последние века нового времени, с которыми они не хотят расставаться и теперь.

Но процессы метисации не закончились даже в Томаторкани. Они продолжались и дальше при основном национальном ядре. Как и повсюду на свете, законы этнологии не переставали действовать там и в последующие века. При Половцах и Татарах Золотой Орды население степей не избежало еще больших тюркских влияний. Пахимер, Грек — современник, писал о племенах подчинённых крымскому владельцу темнику Нагаю:

> "Аланы, Чики, Русы и множество других народов, живших раньше на этой земле около моря и дальше от моря, были теперь собраны вместе. Вскоре они приняли татарские обычаи, фасон костюмов, язык,, и объединённые стали настолько сильны,

что хан, которому они вместе с Нагаем перестали подчиняться, попробовав их усмирить, понес много боевых потерь и сам был рад уйти от них целым". Они любили войну и вели простой образ жизни, довольствуясь малым и пренебрегая накоплением богатств".[9])

Трудно теперь установить в какой мере при Татарах наши предки сумели сохранить славянскую речь. Судя по актам XVI века, одни из них помнили ее лучше, а другие предпочитали пользоваться татарскими диалектами. И не удивительно, многие поколения Ордынских Казаков выросли среди Татар.

Язык кочевника — свойство весьма неустойчивое. Только в организованном оседлом государстве он закрепляется грамотностью и становится признаком политической принадлежности. Во время Салтовцев по всей Казарии, а особенно среди жителей Дона и Приазовья, славянский язык не был редкостью. Салтовцы тоже были "выходцы из склавинского племени". Может быть, в результате смешения их вместе с Туранцами и долговременного пребывания между иноплеменниками, Казаки стали изъясняться на ломанных славянских наречиях. Но хотя они и были насыщены восточными словами и оборотами, Русы, встречая Казаков, могли с ними разговориться. Вероятно, **средний род** выпал из нашей славянской грамматики под влиянием Тюрок.

---

[9]) L'Histoire des Empereurs Michel et Andronique, escrite par Pachiner. L' Histoire de Constantinope v. IV, París 1681, p. 206-207.

Глава тридцать шестая

СМУТНАЯ ПОРА

Русский ученый М. И. Артамонов считает, что еще до прихода половецкой конницы внутри Руси наметился раскол на византийскую и степную ориентации. Первую проводил Ярослав Мудрый, а вторую его брат Мстислав, князь Тмутараканский".[1])

По обыкновению русских историков, автор этих слов и здесь злоупотребляет понятием **Русь.** Никакого тут раскола **внутри Руси** не было, т. к. Томаторкань находилась вне Руси и начавшаяся по инициативе Мстислава война с Ярославом велась между двумя государственными образованиями. С одной стороны выступала сплошная лесная Русь, а с другой стороны — степная Томаторкань, в которой тот же М. И. Артоманов установил почти полное отсутствие Славяно-Русов.[2]) Это однако не мешает ему и другим советским археологам часто повторять о **русском периоде** на Дону в эпоху 965-1117 гг. **Русский период** в этом случае понятие ложное, особенно для столетия между 1015 и1117 годами. В битве под Лиственном (1023 г.) население Томаторкани встретило Русь и отомстило ей за кровавый разгром Салтовцев и всего Подонья в 965 г.

Родство между правителями государств не играло никакой роли. Оно было чисто формальным. Князья Мстислав и Ярослав, разлученные с детства, выросли в двух противоположных концах Восточной Европы: один на Тамани, другой в Новгороде. Они друг друга почти не знали, никаких нежных чувств друг к другу не питали и до битвы под Литвеном едва ли имели случай когда либо встретиться.

По мнению М. И. Артамонова, Ярослав был представителем **византийской ориентации.** Если под **византийской ориенцией** понимать копирование ненасытного захватнического духа императоров Восточноримской империи, то он, пожалуй, прав. В этом смысле киевские князья, а в дальнейшем и московский **Третий Рим,** мало отставали от своего прототипа. Но Византия вместе

---

[1]) М. И. Артоманов, История Хазар, стр. 438

[2]) Того же автора, Предисловие. МИА 109, стр. 6-7

с проникновением на чужие земли приносила туда высшую духовную культуру, Киев же начиная от Святослава нёс в наши степи стихию насилия и разрушения. **Византийская ориентация,** подкрашенная мрачным духом лесного севера, на нашей земле ничем созидательным не проявилась. Претендуя на наши широкие, солнечные и свободные степи, Русь никакой культуры там за "русский период" не насадила и от вторжения азиатских кочевников не оградила, как это легко удалось Мстиславу с его степняками, стоявшими при нём непреодолимой для Азии стеной.

Государственное образование Томаторкань отличалось от всякой Руси по составу населения, по быту, по культуре. В политике она была наследницей Казарии, а в духовных ценностях — наследницей Эллады, Рима и Византии.

Во время Мстислава Томаторкань стала огромной державой. Она владела всем Черноморским степным югом, а также землями Курска, Рязани и Мурома. Эти земли тоже назывались Томаторканью и томаторканские князья еще долго отбивались там от киевских ставленников. По населению и по предыдущей своей истории Курск, Рязань и Муром могли и тогда считаться русскими. Следовательно, не Томаторкань была частью Руси, а часть Руси принадлежала сто с лишним лет Томаторкани.

Как говорилось раньше, родной племянник Мстислава Храброго, Святослав Ярославич, получивши в 1054 году Чернигов, стал считать себя законным продолжателем томаторканской династии Но в 1073 году ему удалось изгнать из Киева старшего брата Изяслава, а захватив великокняжеский престол, он уступил свое место в Чернигове младшему брату Всеволоду. Чернигов оставлся под властью Киева, но его переход к Всеволоду внёс большую путаницу в распорядок томаторканского престонаследия. Получилось две семьи претендентов: Святославичи и Всеволодочи.

В это время держава Томаторканская уже была поделена на две отдельные части, южную и северную. Между ними вклинились половцы. На севере кипела непрерывная борьба с Киевом, а в южном центре, на Тамани, в Земле Касак и на Керченском полуострове, жизнь протекала относительно спокойно. Прежние водные пути также оставались в распоряжении Томаторкани, сообщение между севером и югом не прерывалось. У Половцев не было речной флотилии а плывущие по

широкому Дону суда могли безопасно проходить вниз и вверх по течению, особенно, если сопровождались сильной охраной. К тому же Святославичи вскоре связались с Половцами родственными узами: Олег Святославич женился на половецкой княжне. Её отец хан Осодук и братья, Турукан и Комос, всегда были готовы придти к нему с помощью.

На Тамани княжил Роман Святославич. В 1077 году к нему прибежал княжич-изгой Борис Вячеславич. Он был обижен родственниками, скрылся под опеку двоюродного брата и ждал подходящего случая отмостить обидчикам.

В Чернигове при Всеволоде остался один из младших Святославичей, Олег. Некоторое время он терпел над собой власть дядьки, а поссорившись с ним однажды во время пасхального пиршества, в 1078 году также ушел к брату Роману на Тамань. Тут они с Борисом задумали изгнать Всеволода из Чернигова с тем, чтобы город снова перешел в руки томаторканских Святославичей. На их стороне были и симпатии жителей. 16 августа 1078 г. Олег и Борис побили дядьку на реке Сожце и заставили его искать спасения в Киеве. После этого они заняли Чернигов и отправились пополнять свое войско для дальнейшей борьбы.

На помощь брату Всеволоду выступил Изяслав, который недавно возвратился на киевское княжение. В Чернигов их горожане не впустили и двинувшись дальше, они встретили Олега и Бориса у Нежатой Нивы. Сил у племянников было мало, они потерпели поражение в бою 3-го сентября. Среди убитых оказались: Изяслав с одной стороны и Борис Вячеславич — с другой. Олег с остатками своего войска ушел обратно на юг.

После гибели Изяслава, киевское княжение принял Всеволод Ярославич. В Чернигове он посадил своего сына Владимира, а за Святославичами признал без борьбы право на Томаторкань с рекой Доном, Муромом и "иные тамо области".

Роман и Олег Святославичи остались на юге, но не стали здесь популярными правителями. Они пользовались симпатиями только на севере, где прошло их детство. Создать сильное войско из местных Казаровцев и Касаков им не удалось, а так как они не хотели смириться с создавшимся положением и решили продолжать борьбу, им пришлось пользоваться услугами Половпов. В 1079 г. при их помощи братья пытались возвратить Томаторкани Переяслав.

Всеволод вышел к ним на встречу. Половцы, не вступили с ним в бой, начали переговоры и пошли на соглашение. После пререканий с возмущенным Романом, они его убили. В летописи под тем же годом записано: "И возвратишася Роман с Половцы въспять и бывшю ему убиша и Половци месяца августа 20 день. Суть кости его и доселе лежаче тамо".[3]) Олег оторвался от предательских союзников и стал отступать на юг. Но когда он с остатками личной дружины пришел на Тамань, местные жители, которые в летописях названы Козарами и Торками, схватили его и насильно выдали Грекам в Царьград.[4]) Торматоркань осталась без правителя. Это использовал Всеволод и отправил туда своего посадника Ратибора. Но он там был нужен местным людям не больше, чем всякий другой представитель киевских князей. Когда через год туда же прибыли изгойные княжичи Давид Игоревич и Володарь Ростиславич, защищать Ратибора было некому, Славяно-Казары и Касаки предпочитали в эти дела не вмешиваться. Киевский ставленник попал под замок.

Интересна вероятная судьба могилы князя Романа: "В 1894 г. один крестьянин из окрестностей деревни Таганча у города Канева в Киевской уберни решил срыть курган, мешавший ему пахать поле. В кургане крестьянин неожиданно наткнулся на истлевший дубовый ящик, сколоченный большими железными костылями. Рядом лежал скелет коня и черепки разбитой посуды. Естественно, крестьянин решил, что нашел клад. Но в ящике оказалось не золото, а нечто другое, что заставило крестьянина несколько раз перекреститься: так лежал костяк воина в шлеме, украшенном серебром, и в кольчуге. Поверх доспехов была надета пурпурная мантия. На руке воина когда то лежал лук, но он истлел, осталось только углубление на рукаве кальчуги, облегавшей тело и сохранившей его формы. Тут же был сафьяновый колчан и серебряные бляхи. На груди богатыря лежал золотой шейный обруч, в руках — скипетр с серебряным набалдашником на палке из грушевого дерева. Рядом сабля в ножнах, украшенных серебром, серебряные пуговицы, разломанная серебряная застежка, позолоченный византийский медальон с изображением Христа, большая серебряная чаша византийской работы, серебряные бляхи от щита, золотые бляхи от налучья, медный кистень и масса простых железных ве-

---

[3]) ПСРЛ т. столб. 204.

[4]) Тамже; История Российская т. II, стр. 249; т. IV, стр. 426

щей, стремена, удила и даже серп". (Г. А. Федоров-Давыдов, Курганы, идолы, монеты. М. 1968, стр. 43-44).

С. А. Плетнева (МИА 62, стр. 186) предполагала, что здесь был похоронен в XI веке бродницкий кошевой, хотя и христианин, по торческо-казачьему обряду с конём. Очевидно она мало ошиблась; по всем признакам это мог быть действительно предводитель казачьих предков, но не кошевой атаман, а убитый Половцами Роман Святославич, один из князей томаторканских. Торки-Касаки из его дружины похоронили его по своему обряду.

Между тем, Олег Святославич, прибыв в Царьград, был принят там как гость. В каждом обиженном Рюриковиче Византийские правители надеялись приобрести полезное политическое орудие. Но возможно, что эта авантюра была проведена не без участия киевского князя Всеволода. По жене Гречанке он был тесно связан с византийским императорским двором, Олег же сулил ему много неприятностей. Не исключено, что мысль о выдаче побитого Олега принадлежала именно Всеволоду, а помощников он нашел среди многочисленных Греков, проживавших на Тамани и в Керчи. Местные дружинники тоже были недовольны своим незадачливым командиром и родственником Половцев, но поступили с ним по христиански, без кровопролития.

Глава тридцать седьмая

ОЛЕГ И ОЛЬГОВИЧИ

В изгнании Олега не ожидало ничего грозного. Он прожил в Византии три года, из которых два лета и две зимы провёл на острове Родосе. В русской исторической литературе выражается предположение будто бы он там женился второй раз на Гречанке Феофании Музалон. В летописях об этом не упоминается.

В 1083 г. его отпустили обратно на Тамань и снабдили конвоем, достаточным для того, чтобы там снова овладеть властью и расправиться с врагами. **В Повести Временных лет** под этим годов говорится: "Приде Олег из Грек Тмутороканю; и я Давыда и Володаря Ростиславича, и седе Тмуторокани. И исече козары, иже беша светници на убъенье брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти". Татищев описывает это событие несколько подробнее: "Сии Козары видимо, что подданные их были. Изменою Ольга поймав, в Греки отдали, а после в 1083 году Олег возвратился в Тмуторокань, оных, имянуя Торками, казнил". [1]).

В дальнейшем действия Олега показали, что интересы населения той страны, которой он правил, занимали его мало. Им владела единственная страсть — властолюбие. И если он иногда стремился объединить вокруг Томаторкани все обширные владения двоюродного деда, то лишь с целью личного возвышения и обогащения за счёт населения ему совсем чужого, а иногда враждебного. У него не назрело духовной близости ни с Кавказом, ни с Касаками, ни со Степными Славянами. Как и все Рюриковичи, он и здесь пытался установить власть над чужими ему народами, но это ему удавалось не так легко. На севере Рюриковичи без труда овладели Лесными Славянами и передали им название своего клана **Русь.** В Томаторкани это стало возможным только на землях северных, куда и были направлены стремления Олега. Для жителей южных областей он был и оставался чужим и держался там только поддержкой родственников своей жены Половчанки.

После возвращения из византийского пленения, он всё же больше десяти лет сидел спокойно в Томаторкани. Как он, при своем пристрастии к политическим авантюрам, выдержал эти годы, понять трудно. Очевидно,

---

[1]) История Российская т. IV, стр. 426

при освобождении из Византии с него взяли зарок не выступать против киевского князя Всеволода.

Пребывая в своей столице между годами 1083 и 1094, Олег чеканил там медные и серебряные монеты. В летописях он называется не иначе, как Олег. Но в его время это имя еще считалось языческим и не попадало в христианские святцы. В русской историографии принято думать, что Олегом его называли по скандинавской традиции, а при крещении он получил имя Михаила. Эта мысль подтверждается надписью на его монетах: "Господи помози Михаилу". Их выбивали по византийским образцам, снабдив этой надписью и оставив изображения прежних орнаментов, крестов и бюстов. Буквы потерявших смысл старых византийских надписей не спиливались, а покрывались выпуклыми квадратиками или кружками. Такие монты служили основным средством внутреннего денежного обращения. Их находят повсюду на землях Томаторкани, а в том числе и в Азове.[2])

Сразу после смерти Всеволода, Олег почувствовал себя свободным от всяких обязательств по отношению к Киеву и сразу начал борьбу со Всеволодовичами за области, принадлежавшие раньше Томаторкани. Летом 1094 г. он с Половцами подошёл к Чернигову. Княживший там Владимир Мономах через несколько дней уступил город двоюродному брату и переселился в Переяслав. Олег занял Чернигов и ушел целиком в водоворот русских междуусобий: дружил с Половцами, наводил их на русские волости, интриговал бился с князьями-родственниками, претендовал на Киевское великое княжение, заслужил на Руси прозвище **Горислáвича,** стал в полном смысле русским князем и на юг в Томаторкань не возвратился.

Однако северные области еще долгие годы сохраняли память о принадлежности к Томаторкани. Об этом В. Н. Татищев вспоминает несколько раз:

> В 1113 г., когда Олег порешил занять великое княжение и Киев, он шёл к нему не с юга, а через Колокшу в земле Суздальской. Тут старший сын Владимира Мономаха и его невгородцы "принудили Ольга в Муром уйти и остаться на княжении в Тмуторокани".[3])

---

[2]) К. В. Голенко, Новые материалы к изучению таманских подражаний византийским монетам. ВВ т. XVIII, 1961 г. Я их находил в песчанной подпочве своего азовского двора.

[3]) История Российская, т. II стр. 130

В 1127 году "Всеволод Ольгович тмутороканский, пришел к Чернигову с войском и выгнал стрыя своего Ярослава Святославича, и многих от войск его побил, все имение его пограбил. И Ярослав, не видя способа к супротивлению, пошел во Тмуторокань, где оставя в Рязанаи сына своего Святослава, пошел в Муром".[4])

О том же у Татищева в другом месте:

"В се же лето выгна Ольгович Всеволод стрыя своего Ярослава ис Чернигова и дружину его исече и разграби, а Ярослав иде в Тмуторокань, а оттоле в Муром".[5])

Татищев делает заключение, "что Тмуторокань была близ Суздаля и нигде инде быть, кроме Рязани"[6]) Такое решение можно считать близким к истине, особенно если припомнить, что Рязань, Муром и Курск до прихсда Половцев состяли в северной части Томаторканской державы, а после оставались в крае, сохранявшем для себя ее название, с главным городом Рязанью. Татищев так и считал, что "страна оная Тмуторокань, а главный город Рязань имянована".[7]) Надо бы только добавить, что хотя теперь между этой страной и ее южным центром легла половецкая степь, она всё ещё сохраняла старое название. Под 1194 годом в летописном своде Татищева читаем:

"Святослав, великий князь, имея вражду с резанскими князи о некоторых волостях тмутороканских, посылал к ним неоднократно, требуя, чтоб отдали, но те уступить не хотели"[8])

Неизвестно из каких древних летописных списков взяты все эти подробности. Обычно в летописях Томаторкань нигде не обозначена такой обширной страной, какой она была в действительности. Летописцы применяют её имя исключительно к городу, о точном местоположении которого на Руси скоро позабыли.

Князья и княжичи, больше века боровшиеся за наследство Мстислава Храброго, не старались соблюдать интересы жителей страны. К тому же среди них после Мстислава выделяется лишь один единственный силуэт истинного государственного мужа и честного правите-

---

4) История Российская т. II, стр. 138-139
5) Тоже т. IV, стр. 186
6) Там же, стр. 431
7) Там же, стр. 434
8) История Российская т. V, стр. 155

ля, погибшего от яда, Ростислава. Для остальных — процветание и целость державы, созданной гением казачьего князя, были менее важны, чем личные обиды, амбиции и благосостояние.

Ни один из временных правителей не сумел связать власть и население более устойчивыми узами. С другой стороны и народ стал относиться безучастно к политическим переменам наступившим в центре, жил по улусам со своими князьями — старейшинами, руководствуясь указаниями прежних общественных традиций. Истории известен только один случай, когда Казаровцы-Торки проявили свою волю, передав Грекам неугодного им Олега.

Ни один из черниговских Рюриковичей не сумел объединить вокруг себя силы сопротивления Кыпчакам-Половцам, хотя Томаторкань имела достаточно сил для того, чтобы задержать нашествие азиатских кочевников и сохранить государство в прежних границах. Пока Мстислав был жив, те же Половцы пребывали за Волгой и Яиком. Тогда они не рисковали померяться силами с племенами Подонья и Земли Касак. Из этих племен одни Торки выглядели внушительно-грозно для тех самых Печенегов, которые вызывали постоянную тревогу Руси и Византии. Но в 1060 г. одни Торки-Узы не смогли удержать Половецкие орды, навалившиеся на них из-за Волги. Им пришлось покинуть степи, ставшие уже для них родными, и идти на запад. Часть Торков и их Печенеги задержались на Дону. Они долго терпели обиды от завоевателей, в 1117 г. восстали против них, три дня бились с Половцами у Дона и наконец с боем отошли к Днепру. Победить в одиночестве своих многочисленных угнетателей им не удалось. Ольговичи не спешили придти к ним на помощь да, как видно, и не собирались. Помощи от Северян и Вятичей ожидать тоже не приходилось. Поэтому уходя на запад все жители Дона избирали прямой путь к Днепру, с боем продвигались между кочевьями врагов и задерживались на степных окраинах при границах Руси, менее враждебной, чем Половцы.

Тогда же Торки-Касаки и Казаровцы отодвинулись на юг, прикрываясь со стороны Азовским морем и опираясь тылами на горы. Брадасы-Бродники задержались за Доном в лесостепи у рек Хопёр и Медведица. Нижний Дон и Донец остались почти на два века во владении завоевателей — Кыпчаков.

Олег Святославич умер в 1115 году. После его смер-

ги владельцами областей, принадлежавших раньше Томаторкани, стали считать себя его сыновья **Ольговичи.** Половцы — по матери, они не были чистыми Славяно-Русами и по отцу: их дед Святослав — полунорманн, получех; его жена, а их бабка Ода — сестра германского католического прелата. Благодаря родству с Половпами, Ольговичи оказались для южного населения Томаторканского княжества еще более чужими, чем их отец. Они и не заботились о титуле князей томаторканских, все время проводили в Чернигове и забыли о солнечном юге. Половецкие степи, Курск, Рязань и Муром были им знакомы ближе, чем далёкая Земля Касак. Такие же хищные, как их кочевые родичи, они совершали набеги на русские города и сёла, жгли их и уводили полон. Захватили Киевское великое княжение, одно время им владели, но и в Киеве своим правлением вызвали общую ненависть. На Тамани они не появлялись. Все их действия связаны с Русью и никакого отношения к Томаторкани, к казачьей истории, не имели. И для них и для новых русских поколений Нижний Дон и Приазовье обратились в **земли незнаеми.** Попытка Олегова внука Игоря Святославича "поискать града Тьмутороканя" окончилась для него и для его войска катастрофой. История этого похода описана в красочной поэме **Слово о полку Игореве.** Там рассказывается, как Игорь выбрался в поход к Дону Великому, надеясь дойти до Томаторкани, как Половцы разгромили его между Доном и Осколом-рекою, которая тогда называлась **Аскоал** или в просторечьи **Каял,** и как он сам с сыном попал в плен.

Вообще же, во время Ольговичей северная часть мощного когда-то государства окончательно отпала от своего южного центра на Тамани и перешла во владение Руси.

Глава тридцать восьмая

НАРОД

Источники по истории Томаторкани весьма скудны, но их ограниченность не лишает возможности сделать кое-какие заключения о жизни наших предков в ее эпоху. Широкое распространение христианства должно было несколько повлиять на обычаи, традиции и обряды, но, как мы видели в случае погребения, убитого Половцами, князя Романа, кочевой обряд прививался и в обиходе христиан. Романа похоронили под курганом в пурпурной княжеской мантии с его оружием, кольчугой и боевым конём, но не забыли добавить ко всему и священный образок. Получилось христианское погребение по древнему **торческому** обряду.

От времени салтовцев мало изменилась и практическая деятельность, добывание средств к существованию. Продолжались набеги на соседей-врагов, велась охота на съедобных и пушных зверей, рыболовство, скотоводство, коневодство, земледелие и подсобные ремёсла. Возделывали пшеницу, рожь, просо, лён, коноплю и другие масличные растения. Появились новые зерновые культуры, как например, шестирядный ячмень. Пахота по прежнему производилась тяжелым деревянным плугом с железным наральником. В него впрягалось две-три пары волов.

Хлеба на корню сжинали серпами или срезали косами-горбушами. Зерно обращалось в муку и крупу при помощи ручных жерновов. Лён обрабатывался тем же способом, как и в наше время. В стадах стал преобладать крупный рогатый скот, исчезли совершенно верблюды, редкие и раньше. Появилась домашняя птица и кошки. Рыболовы пользовались крючками, сетями и снастью плетёной из лозы. Охотились на сайгу, оленя, дикого кабана, бобра, выдру, диких птиц.

Ремесленники производили всё необходимое для хозяйских нужд. В X веке степные Славяне, по примеру Салтовцев, стали изготовлять глиняную посуду на гончарном круге. На Тамани это практиковалось и раньше. Кузнецы ковали оружие и принадлежности хозяйственного инвентаря, вплоть до рыболовных крючков. Другие мастера выполняли различные украшения из кости, янтаря, цветных металлов и стекла. Шорники делали сёдла, упряжь и другую сбрую. Ремесла процветали в

крупных оседлых центрах, какими на юге были города Томаторкань, Темрюк, Корчев (Керчь), Тана (Азов) и Саркел (Белая Вежа). Там же шла оживленная торговля. При церквах и монастырях развивалась грамотность.

В киевских летописях для томаторканцев употреблялось только два названия: **Козары** (Казары) и Касоги (Касаги и пр.). Первое более или менее точное представление о них в Киеве получили от великого Никона, в глазах которого всё население державы слилось в двух сродных по звучанию именах **Казар — Касаг.** И очевидно не без основания, т. к. при встрече с ними киевлянин не мог различать их по племенам. Для него они все были Казары, Славяне, христиане-дружинники, иногда приходившие на службу к киевским князьям. По старой традиции о них и в Великих Четьи Минеях сказано, что это был скифо-славянский народ с берегов Азовского моря. Познания летописцев дальше этого не шли. Они знали о Томаторкани меньше, чем о Прибалтике и Литве.

Русские и советские археологи тоже не проявляют большого интереса к этнологии Дона и Приазовья, но иногда с торжеством сообщают, что "славяно-русские" поселения удалось обнаружить даже на Кубани. Для древних эпох они базируют свои решения на остатках культуры, известной под названием Боршево-Роменской и не принимают в расчёт, что Славяно-Казары много веков проживали в условиях общих с Салтовцами. Основные следы Боршевской культуры для VIII-XI вв. найдены на Верхнем Дону у селений Костенки, Сторожевое и Боршево. Это как раз западная окраина земли Бродников и весьма сомнительно, чтобы остатки Боршевской культуры принадлежали не им, а кому-либо иному. Южнее по Дону ее следы обнаружены в городищах: поселения у хутора Ближняя Мельница на р. Чир, в Саркеле, у хутора Попова, в Потайновском, в Кобяковом (Аксайском), так же как в некоторых селищах у Мёртвого Донца. В 1930 г. В. А. Городцов и М. В. Покровский сообщили, что ими открыты остатки поселений той же культуры у берегов Кубани, но датировки и точного местоположения своих открытий они не указали.

Во всех известных случаях боршевские остатки насыщены предметами салтовскими. Много их и в остатках Роменской культуры, которая не встречается на Донце ниже Салтова. Она очевидно принадлежит местным Северянам. Боршевская же, вне всякого сомнения, возникла не у Вятичей, как это принято думать, а у

Бродников занимавших донские берега много выше Воронежа.

Проф. М. А. Миллер писал:

"Если мы говорили о том, что специальных разведок на славянские памятники в бассейнае Дона не было и, открытые по большей части случайно, остатки городищ и поселений, кроме Белой Вежи, недостаточно или совсем не исследованы, то это положение еще в большей степени относится к бассейну реки Кубани. Самым крупным и основным славянским памятником, аналогичным по своему значению Белой Веже на Дону, здесь является Тмутаракань. И так же, как Белая Вежа на Дону, Тмутаракань не была одинокой, остатки славянских поселений открыты и на Кубани".[1])

Опубликованные советскими археологами указания не всегда отличаются определённостью. Например, Подонских Славян они всегда называют Славяно-Русами, а с другой стороны утверждается (у М. И. Артамонова и С. А. Плетневой),[2]) что приток русского населения в Белую Вежу и Томаторкань, даже после завоевания их Русами, оставался весьма незначительным. Советский археолог Ю. В. Готье говорит об этом еще категоричнее:

"Нет никаких исторических известий, которые доказывали бы существование вокруг Тмутаркани русского.... населения. Никакие археологические памятники не позволяют пока допустить такого предположения".[3])

Действительно, ни история, ни археология не смогут указать следов какой либо славяно-русской массовой миграции, происшедшей из леса в степи раньше XVIII века. Кочевая степь всегда выталкивала появившихся там Славяно-Русов. Во время Половцев она оказалась такой же немилосердной по отношению к коренным степнякам Славяно-Казарам. Но Кыпчаки-Половцы, желавшие иметь степные воды и пастбища в своем исключительном пользовании, не всегда объединяли силы для борьбы с соседями. Их разрозненные нападения на се-

---

[1]) М. А. Миллер, Дон и Приазовье в древности ч. III, стр. 135

[2]) МИА т. 109, стр. 6-7; МИА т. 75, стр. 272

[3]) Ю. В. Готье, Железный век в Восточной Европе, М. 1930, стр. 89, цит. по М. А. Миллер, Дон и Приазовье в древности ч. III, страница 136

веро-кавказском юге встречали у Касаков и у Бродников упорное сопротивление. Они прекратили попытки изгнать их оттуда.

Таким образом, в начале XII века славяно-туранское население павшей Томатаркани всё ещё не покидало своей страны и размещалось по ее лесо-степным, приморским и подгорным окраинам. При новых границах Днепровской Руси стеснились **Торки** (Узы и Касаки с Печенегами), которых там знали, как Черных Клобуков или Черкасов, за Средним Доном сохранялись поселения оседлых **Бродников,** по южному берегу Азовского моря кое где ещё стояли нетронутые городки местных мореходов, а на юге у Кубани прижались к горам **Пятигоры.** Поморские предки Азовских Казаков, как и Пятигоры, оставались в Земле Касак, а Бродники не покидали берегов Дона.

> Советский археолог Л. Н. Гумилев говорит убеждённо, что "в лесах долины Дона уцелело и сохранилось местное население, получившее в XII веке прозвище — "бродники". Бродники говорили на русском языке, исповедывали православную веру, но современные летописцы никогда не смешивали Бродников и Русских. Они считали, что это два разных народа".[4])

Не смешивали их с Русскими и на Западе. В 1227 году папа Григорий IX послал миссионеров проповедывать католичество в Куманию и соседнюю с ними землю Бродников (in Cumanis et Brodnic terra vicina). В письме венгерского короля Белы (1254 г.) перечисляются враги Венгрии: Rutheni, Comani, Brodnici или Russia, Comani, Brodnici, Bulgaria [5])

В словах советского ученого имеется маленькая неувязка: если-бы Бродники говорили по русски, то летописпы считали бы их Русами. Но их язык очевидно не был чисто русским, а во многом от него отличался. В тех случаях, когда речь идет о Славяно-Казарах и их языке, термин "славяно русский" звучит фальшиво. Пришлые Славяно-Русы, при их незначительном количестве и кратковременности пребывания на Дону, не могли ассимилировать в своей среде Славяно-Казар или существенно повлиять на их язык. Это соображение следует отнести и к дальнейшим словам Л. Н. Гумилева:

---

[4]) Л. Н. Гумилев, Открытие Хазарии, М. 1966, стр. 176

[5]) Там же, прим.

"А теперь имеем ли мы право не делать вывода, который напрашивается сам? Бродники — народ русско-хазарского происхождения (читай: славяно-казарского Г. Г.), наследники древних Хазар. Пока киевские князья воевали с Половцами, Бродники были их союзниками, когда же киевляне столковались с половецкими ханами, Бродники нашли союзников в лице Монголов и помогли Субутай-багадуру выиграть битву при Калке в 1223 году. Золотоордынские ханы умели ценить оказанную им помощь и оставили Бродников спокойно жить в долинах Дона и Терека. С XVI века потомки Бродников называются тюркским словом — Казаки".[6])

Вывод правильный, но требует небольших поправок: если уж искать начала казачьего имени, то следует обратиться не к Тюркам, а к Скифо-Туранцам. У Персов оно попало в географию X века. Знали его и Половцы. Его можно найти в их словаре, составленном в конце XIII столетия.

Бродники давно признаны казачьими предками даже у Русских. Первой их вспоминает Ипатьевская летопись под годом 1142. Они в то время находились в войске Святослава Ольговича. Тогда же пришли к нему и Половцы, которых привели к этому князю братья его матери Половчанки: "В то же время придоша к нему Бродничи и Половци придоша к нему мнози оуеве его".[7])

Средний Дон и его левые притоки, область, где постоянно проживали Бродники, археологически не изучена, а если советские археологи делают какие либо открытия в Казачьей земле, то не спешат с их опубликованием. К тому же они по мере возможности избегают даже приблизительного определения этнической принадлежности культур, изучаемых на Дону и в Приазовье. М. А. Миллер писал:

Из большого количества остатков древних поселений на Нижнем Дону, открытых еще экспедициями А. А. Миллера, лишь в отношении очень немногих была установлена национальность, представленная местной культурой, большинство же осталось неопределенными. М. И. Артамонов, описывавший эти поселения, называет их средневековыми, избегая определений местной культуры".[8])

---

[6]) Л. Н. Гумилев, Открытие Хазарии, стр. 177

[7]) ПСРЛ т. II, столб. 342

[8]) М. А. Миллер, Дон и Приазовье в древности ч. III, стр. 132

Упомянутый здесь крупный учёный А. А. Миллер, серьёзный исследователь славянских древностей на Дону и на Тамани, связанный двухсотлетним кровным родством с Казаками, во время соввласти и сам не решался давать национальное определение изученных местных культур. Решение такой темы могло обернуться роковым образом лично для исследователя в том случае, если бы он обнаружил и опубликовал что либо не отвечающее официальным установкам.

Но не спасла его и такая осторожная сдержанность. Черезчур внимательное отношение к казачьим землям решило судьбу и этого выдающегося учёного: он был по ложному обвинению сослан в Сибирь и там замучен энкаведистами.

Глава тридцать девятая

ГОРОДА И ПОСЕЛКИ

Азовское море всегда служило важной водной магистралью для движения товаров из стран Чёрного моря на восток в прикаспийские страны и обратно. Бассейн Балтийского моря имел особые пути на юг. Русы шли к Каспию по Волге без всяких переволок и перегрузок, а к Чёрному морю они двигались по прямому пути с течением Днепра. Этот **Путь из Варяг в Греки** Русы избрали с древних пор, несмотря на пересекавшие его пороги. Все другие реки не представляли больших удобств и движение по ним было связаано с лишней потерей времени. Дон и Донец оставались в стороне и потому, что протекали по степям, всегда опасным для путников и караванов. Поэтому на Востоке и на Западе о нём знали мало, его нижнее течение повсюду считали рукавом Волги. Узнали Дон лучше только во время Казарии, приобщившей его к своим торговым путям. На его берегах стали возникать укреплённые поселении, города и замки. Служа интересам торговли, они в то же время стояли стражами на рубежах владений хакана. Каждый город, возникший на берегах Дона или в Приазовье, состоял из цитадели и открытого поселения, где проживали с семьями люди различной деятельности: воины, купцы, ремесленники, рыболовы, земледельцы.

На южных землях Томаторкани первые города были основаны Греками задолго до Р. Хр. Из них крымские порты у Керченского пролива и Азовского моря, Пантикапей, Илурат, Тиритака и Мирмекий, Фанагория, Германасса и Цепи на Тамани, Каменный Танаис в дельте Дона так же, как многие другие поселения, разрушены при нашествии Гунов (375 г.).

Во время Мстислава торговля со степью велась через города Томаторкань (быв. Таматарха), Корчев и Тану. После присоединения к Томаторканскому княжеству Керченского полуострова, Корчев (араб. Карх, нынешняя Керчь) оставался крупным торговым центром с греческим и готским населением. Приходили и отходили суда с товарами, действовали прежние таможни, обогащая казну молодого князя, трудовой люд занимался своими делами: рыбалил, вялил и солил рыбу на экспорт, давил виноград и наполнял погреба пифосами с душистыми винами. Городом правили наместники растущей державы и нет данных предполагать, чтобы мир-

ные куппы, виноградари, виноделы, рыбаки и ремесленники были склонны к восстаниям.

Русская археология уделяла городским древностям много внимания, но в последние пол века, по обычаям принятым в сов. науке, учёные интересовались преимущественно античной древностью, тем временем, когда город еще назывался Пантикапеей[1]). Столица княжества Томаторкань тоже интересовала русских учёных, но почему-то материалов о ней опубликовано мало. В 1961 г. проф. М. А. Миллер удивлялся молчанию Б. А. Рыбакова, производившего там в г.г. 1952-1955 значительные раскопки и рассказавшего о них очень мало.[2]) Не ссылается на отчёты Рыбакова и С. А. Плетнева в работе опубликованной в 1967 г., хотя говорит о "большом размахе" раскопок, покрывших 2.000 кв. м. площади городища[3]).

Из краткого доклада проф. Рыбакова в заседании Археолого-этнографической секции **Института истории материальной культуры** стало известно, что во время раскопок обнаружена кладка X века из кирпича-сырца, служившая до XIII века основанием для крепостной стены и что из такого же кирпича в X-XIII в.в. в Томаторкани строили жилые дома.

> "В остатках фундамента каменной церкви X века и в строительном мусоре церкви XI в. обнаружены расчётные квадраты древних зодчих, сделанные на черепице и каменных плитах. При этом квадрат из первой церкви расчитан в византийских мерах, а квадрат из второй церкви расчитан в русских, тмутараканских, мерах.[4])

Эти церковные фундаменты подтвердили свидетельства русской летописи и Киево-Печерского Патерика о том, что церкви во имя Пресвятой Богородицы построили и Мстислав, по обету данному во врему борьбы с Редедей, и Великий Никон для монастыря. При датировке первого фундамента могла произойти ошибка на 2-3 десятка лет. Его строил местный зодчий, знавший только греческие статические расчёты, а более позд-

---

[1]) Пантикапея, МИА 56, М. 1957; Боспорские города, МИА 85, 1958 г.

[2]) Проф. М. А. Миллер, Дон и Приазовье в древности ч. III, стр. 138

[3]) С. А. Плетнева, От кочевий к городам, стр. 48

[4]) Проф. М. А. Миллер, Дон и Приазовье в древности ч. III, стр. 137

ний фундамент, несомненно, принадлежал монастырской церкви, которую мог расчитать и построить зодчий-монах Иоаникий, уже познавший и славянский язык и местные томаторканские меры.

Но в древней Таматархе (та же Томаторкань) не позднее шестого века начали пребывать епископы Томи и Таны и, следовательно, там полагалось епископское подворье с кафедральным собором, более ранней постройки, чем X в. Повидимому, остатки этого третьего храма уже находятся на дне Таманского залива. Ко времени раскопок 1952 г. волны Керченского пролива смыли и поглотили третью часть городища.

Огромный холм культурных напластований, собравшихся за время существования города из обломков глиняной посуды, костей животных, золы и разнообразных хозяйственных отбросов, поднялся до высоты в 10-15 метров, указывая тем, что до своей гибели Томаторкань и ее поселения — предшественники много веков были густо населены. Судя по тем участкам городища, где сохранились остатки прежних построек, жители следовали основной прямоугольной планировке, время от времени мостили улицы битой керамикой, а стены старых домов чинили и достраивали. Когда же Томаторкань обратилась в столицу княжества и разрослась вширь, ее новые жители внесли в стиль города некоторый кочевой беспорядок, стали ставить дома, где кто хотел, не считаясь с расположением кварталов. Местные гончары славились производством ценных керамических изделий, а особенно глиняной посуды, выполненной на гончарном круге.

Область Приазовья в Земле Касак археологически в наше время освещена слабо, ясно только, что жизнь там редко когда замирала или прерывалась, а при Казарах и при отдельной державе Томаторканской она била ключём даже тогда, когда наши степи были заняты Половцами. Это явствует и из итальянских описаний берегов Азовского моря и из составленных по ним генуэзских карт. Получив по договору с византийским императором в 1169 г. право торговли во всех крымских портах, генуэзцы тотчас же приступили к описанию морских берегов и навигационных путей. В XIV столетии они уже обладали подробной картой Tavrica Chersones nostra aetate Przecopsca et Gazaria dicitur. Из нее следует, что в районе нашей станицы Новониколаевской у Миуса стояло поселение Кабарди, где то ниже Азова — Каза дель Троси, дальше по берегу в сторону Тамани — Тармагно и Тарпарво, Котала, Пезо, Атара, Санкорси,

Тирамбе Синкопа Цизы, Мапопа, Копа, Темрох, Таман, Матрига. Эти названия придумывали сами Итальянцы. Редко в котором из них заметно подобие с известными раньше или позднее географическими названиям" (Атара — Ахтары, Копа — Кубань, Темрох — Темрюк). Они же отобрали от Таматархи первый слог **та**, очевидно приняв его за греческий артикль и стали называть город — **Матарха Матрига.** Они и Азовское море называли по своему Mare delle Zabache (Забаше). Важны однако не названия, а сам факт существования в XIII-XIV вв. многочисленных поселений на берегу моря в земле Касак.

В договоре с Византией очень знаменателен пункт, исключающий право генуэзцев на торговлю в области города Таматарха. Это значит, во первых, что во время его заключения (1169 г.) город и порт находились снова во власти Византии, а во-вторых, что империя стремилась избавить Керчь от возможного конкурента на азиатском берегу и облегчить таможенный контроль товарного движения между Чёрным и Азовским морями, предупредив возможность тайного прохода судов по **Укругу.**[5])

На генуэзских картах некоторые прибрежные городки указаны в виде больших укрепленных замков, какими они вероятно, и были в действительности. Остальные — только небольшие рыбацкие посёлки. Там жители ловили и приготовляли на экспорт рыбу, а в зимние дни, после трудового дня собирались на отдых у примитивных очагов своих турлучных хижин.

Предполагается, что зимою в таких жилищах постоянно стояло облако дыма, но это, по всей вероятности, ложный взгляд на хозяйственную мудрость и изобретательность людей, стоящих уже не на первой ступени культурного развития. Практика Западной Украины с плетенными из лозы печными трубами ведёт свое начало от древних способов. В жерло такого плетеного, обмазанного глиной и подвешенного над очагом конусовидного сооружения и устремлял весь дым. Кроме того на ночь такую трубу можно было закрыть любым способом и тем сохранить тепло от нагретых стенок печи и

---

[5]) Акгл. кн. А. А. Васильев, Готы в Крыму, стр. 114. В договоре идёт речь не о городах, а об областях. От имени императора Мануила там сказано: «Генуэзские корабли могут передвигаться во всех областях моей империи за исключением Росии и Матархи, кроме того случая, когда они имеют специальные разрешения на этот счёт, пожалованные нашим величеством».

от раскалённых безвредных углей. Остатки таких труб, в виде обмазанных глиной и задымленных частей плетня, встречаются иногда при раскопках поселений.

На левом возвышенном берегу Дона, в семи километрах от моря, там где теперь живописно расположен Азов, стоял торговый город Тана. Азов это та же Тана, но точно установить время его переименования еще не представилось возможности. В старину существовало мнение, что его стали так называть по имени осевшего в нём половецкого хана Азупа. Один из ранних русских академиков И. К. Тауберт допускает такую возможность, но обращает внимание, что в летописях хан с подобным именем не вспоминается. Он думает, что название города скорее связано с каким-либо значением подобного по звучанию половецкого слова. "Сие название, говорит он, употребляют Россияне и поныне, а Турки называют оной Адзак, которое слово от многих еще больше испорчено, так что часто Озов, часто Казак, а иногда и Казава писали"[6]). Турки, как он говорит, употребляли начертание **Адзак** "на письменных, так и на печатанной в Константинополе ландкарте, а также и на азовских монетах".[7])

Корен Аз, Ас, Яс в этномике и топонимике Дона встречается нередко. Город от древних пор считался пограничным с Азией. В скандинавских Сагах **Азград** и **Азгейм** на реке Танаисе вспоминаются не однажды; на Донце проживали **Ясы** и Оскол назывался **Аскоал;** в донецком устье еще в половецкое время стоял город **Ак-ас** (Белый Ас?); Казаков, возвратившихся на Дон около 1549 года. Татары именовали племенным именем Сары-Азман. Возможно, что у местных людей этот город, в отличие от каменного Танаиса на Мертвом Донце, уже в глубокой древности, именовался **Городом Азов,** а не так как река Тана, на которой он стоял.

Дальше Тауберт писал, расширив название Тана в Танаис:

> "В расстоянии ста стадий от города Танаиса находился остров Алопекия или так называемый Лисей остров, на котором всякие народы, которым в греческом городе жить не позволено было, для купечества поселялись".[8])

---

[6]) И. К. Тауберт, Краткое описание всех случаев касающихся до Азова, стр. 72

[7]) Там же, прим.

[8]) Там же, стр. 9-10

Судя по указанному расстоянию в 5-6 километров, Лисий остров был там, где теперь располагается станица Елизаветовская.

Профессор М. А. Миллер рассказывал:

"В 1939 году ростовский археолог С. А. Вязигин, по поручению Бюро Краеведения, произвёл незначительные разведочные раскопки у города Азова. Здесь на большой площади между городом и вокзалом он неожиданно обнаружил остатки большого поселения городского типа. В раскопе им были найдены хорошей сохранности византийская керамика и железный нож с костяной ручкой, вырезанной в виде средневекового пажа. К сожалению, разведка была очень поверхностной и можно было лишь установить, что обнаруженные остатки принадлежат большому поселению или городу византийского времени IX-XII веков". [9])

На этом месте всегда стояла Тана, вначале рыночное поселение, а после торговый город. При Половцах он имел то же значение. На ранних итальянских картах обозначен как **Азов** или **Танаис.** Приписывать ему имя Русии, как это делают иные, а в том числе и профессор Миллер, нет никаких оснований.

Городом на Дону стала также крепость Саркел или Белая Вежа. Во время Мстислава ее стены были на половину разрушены, но жизнь в них продолжалась и после того, как в 1117 году часть беловежцев ушла под Русь. [10]) Большинство вещественных данных, обнаруженных в Саркеле, принадлежит эпохе Салтово-Маяцкой культуры, но по каким то причинам О. А. Артамонова, исследовавшая погребения на местных кладбищах, относит их "подавляющее большинство" ко времени от 965 по 1117 годы. "Основное кладбище салтовской группы населения Саркела хазарского времени находилось где то за пределами городища и осталось не обнаруженным". [11]) Так думает советский археолог. Но Саркел существовал от 836 года и надо полагать, что прежние его жители подчинялись общим законам природы: прожив положенное время уходили туда, откуда нет возврата и никому не было нужды отвозить покойников в неведомые дали.

Всего в раскопанных могилах открыто 867 скелетов.

---

[9]) М. А. Миллер, Дон и Приазовье в древности ч. III, стр. 134

[10]) Повесть Временных лет, стр. 202

[11]) О. А. Артамонова, Могильник Саркела — Белой Вежи, МИА 109, стр. 103

Многие христианские погребения были лишены всякого "инвентаря" и следовательно не могли быть точно датированы. В тех случаях, когда вместе с покойником находили христианские символы, образки крестики и т. п., погребения могли принадлежать не Славяно-Русам, а Славяно-Казарам или другим местным христианам. Сама О. А. Артамонова признала, что русское население в крепости было "сравнительно немногочисленным".[12]) Христианство на Дону было многим старше, чем на Днепре. М. А. Миллер уверен, что в 836 году при постройке Саркела греческий строитель Петронас Коматерос поставил там и церковку — базилику. Это свершилось на полтора столетия раньше, чем Днепровская Русь приняла Христианство и следовательно в крепости проживали христиане задолго до ее разгрома Святославом. "Из ряда источников, пишет профессор Миллер, мы имеем сведения, что еще во время существования Хазарского царства во многих городах Хазарии, в том числе и в Итиле, были христианские церкви и священники".[13])

У слияния Северского Донца с Доном на генуэзских картах указан еще город Акас. Пока, кроме имени, о нём ничего не известно.

Завсеванные Мстиславом, города Северян и Вятичей оказались в его державе случайной частью. Они скоро отошли от Томаторкани, а Ольговичи остались с ними. Половцы хозяйничали на Дону почти два века и уничтожили там много поселений. Приазовье к ним под власть не попало. От средины XII века на берегах Азовского моря господствовала Византия, передавшая в 1169 году некоторые права генуэзцам.

---

12) МИА 109, стр. 106

13) М. А. Миллер, Дон и Приазовье в древности ч. III, стр.130

Глава сороковая

ЗОЛОТОЕ ЗВЕНО

При Мстиславе Храбром границы его державы упирались в Днепр. Открытие степи и водная связь по рекам способствовали беспрепятственным перемещениям племён. Судя по торческим погребениям часть Торков уже в его время располагалась на восточном берегу Днепра. А. И. Ригельман, вероятно, именно, их имел ввиду, когда писал, что после смерти Мстислава киевский князь Ярослав, "овладев многими землями вдоль реки Днепра простирающимися покорил под свою власть Косаков, которых прежде более всего опасался".[1]) В летописях они названы **Торками Переяславскими.**

Около 1070 года к этим Касакам вернулись их соплеменники Торки-Узы. Несколько лет они бродили у Дуная пробивая себе дорогу оружием. Но пришли суровые зимы от боскормицы гибли стада, начался голод и моровые болезни. Выступившие против них болгаро-византийские войска нанесли им ряд поражений и причинили новые потери в людях. Остатки Узов потянули назад на северо-восток, к своим прежним степям, но их Поле уже крепко занимали Половцы и им пришлось разместиться между болотами Тясмина и Днепром.

На страницах киевской летописи они появляются несколько неожиданно в 1080 году. Под 1093 год указывается их город Торческ за рекою Росью. Там они стали возносить и другие поселения. Поэтому в Киеве их называли Поршанами и Пороситами. Чаще же — Чёрными Клобуками и это прозвище потом применялось ко всем переселенцам из Томаторкани так как они носили одинаковый головной убор, чёрную войлочную **скифскую шапку.** Позднее В. Рубрукис встречал ее и у жителей Дона. По его словам она была "сходна с головою сахара".

Запорожцы носили такие шапки еще и в восемнадцатом веке, а у православного духовенства они держатся до сих пор и называются **скуфьями, скуфейками.**

На Руси Черных Клобуков называли и иначе. В своих летописных сводах и в пояснениях к ним В. Н. Татищев неоднократно их перечисляет, указывая прозвища, которые он встречал в летописях. А он пользовался

---

[1]) А. И. Ригельман, Летописное повествование о Малой России.

Войсковой судья Антон Андреевич Головатый
Черный Клобук XVIII века

более богатыми источниками, чем те, которые дошли до наших дней:

"Берендеи, Берендичи, Торки и Черные Клобуки по Роси жили и свои грады имели. Сии населенные из Козаров, Печенегов и Торков".[2])

"Торки и Торпеи, Поросяне, Поршане, Берендеи. Иногда Казарами их имяновали; жили по разным городам, поселены по реке Роси, град их знатен был Торческ, ныне Карсунь, другой Белая Церковь".[3])

"Сии Торки частию сами поддався, частью пленением по руским разным градом поселены, яко в Переяславли, Тмуторокани и прочих упоминаются, но более по реке Роси свои собственные грады и князей имели под властью рускою. Главный град их Торческ, ныне Карсунь. Их историки разно имянуют, яко Торки, Печенеги, Козари, Чернии Клобуки и Берендеи, мню, что разные смешаны были".[4])

"Берендичи, Берендеи и Черные Клобуки имянованные состояли из трех народов, яко Торки или Турки, Печенеги, которые были Сарматы и Славяне, происшедшие от Казар, для того они разные звания имели, а как жили по реке Рось, то они обсче Поросяне, Поршане и Пороситы названы".[5])

В одном случае Казары названы Торками:

"Сии Козары, видимо, что подданые их были. Изменою Ольга поимав, в Греки отдали, а после в 1083-м году Олег возвратился в Тмуторокань, оных, имянуя Торками, казнил. Из чего явно, что они их разно имяновали. Видно ж, что в одном месте у одного Торки или Козары, у другого Берендеи, у третьего Черные Клобуки".[6])

Судя по этим названием, летописцы видели в них бывших жителей Казарии, но предпочитали для них общее прозвище — Черные Клобуки. Позднее однако и это прозвище, по мнению летописцев, нуждалось в пояснении. В **Московском летописном своде конца XV века,** где были использованы самые древние летописные списки под годом 1152-м помещены слова: "Все Чер-

---

2) В. Н. Татищев, История Российская т. I, стр. 248
3) Там же, стр. 249
4) Там же, стр.274
5) Там же, стр. 364
6) Там же, т. IV, стр. 426; т. II, стр. 249
7) ПСРЛ т. XXV, стр. 54

ные Клобуки, еже зовутся Черкасы".[7]) Здесь они называются другим общим произвищем **Черкасы** в первый, но не в последний раз. Через пол века то же пояснение приводится в летописях Воскресенской и в Никоновской.[8])

На Руси знали, что Чёрные Клобуки, Торки, Торпеты, Берендеи и другие в основе были выходцами из северо-кавказских областей и Казарии, но географическое понятие **Черкасы** появилось в Киеве, как и на Западе, не раньше XIV века. Поэтому пояснения Московского Свода, Воскресенской и Никоновской летописей несколько запоздали. Они появились тогда, когда прозвище **Черкасы** закрепилось и за Днепровскими Казаками, подтверждая их преемственную связь с предыдущими поколениями Черных Клобуков.

Тот же народ знали и в соседней Польше. Там называли его не Черкасами, а племенным именем — Казаками. Из ранних польских хроник явствует, что у Поляков и у Русских речь идёт об одном и том же народе Казаках-Черкасах.

Черкасами Черных Клобуков считали не по их национальной принадлежности, а по их предыдущему географическому размещению и по некоторому внешнему сходству с народами Кавказа. А. И. Ригельман подмечал такое подобие ещё и в XVIII столетии: "сходство лица, одежды и несколько жительства, обычаи и во многом обряды, равные с Черкесами имеют". Так писал он о близко знакомых ему Запорожцах.

Прозвище Черкасы дает полное основание для твердой уверенности, что Чёрными Клобуками на Руси называли никого иного, как выходцев из кавказской Земли Касак, а их история — только один из этапов пройденных нашими предками в Средние века.

Первые русские историки В. Н. Татищев (1686-1750) и И. Н. Болтин (1735-1790) также ведут начало Днепровских Казаков с Кавказа, хотя и не связывают их с Чёрными Клобуками. Оба они по служебному положению были, хоть и не равными, царскими сановниками. Оба связаны с эпохой казачьих брожений и выступлений против России гетмана Мазепы и атамана Булавина, а потому их заметки о Казаках отличаются явной недоброжелательностью. Но и это не лишает их большой ценности, т. к. делались они на основании листков, пропавших после из летописей.

У Татищева читаем:

---

[8]) ПСРЛ т. VII, стр. 56; т. IX, стр. 191 (Лаптевский список)

"Первые Казаки, зброд из Черкес горских, в княжении Курском в 14 сте явились; где они слободу Черкасы построили и под защитою татарских губернаторов воровством и разбоями промышляли; потом перешли на Днепр и город Черкасы на Днепре построили".[9])

В тех же тонах освещает это событие и генерал И. Н. Болтин, давший более точную дату:

"В 1282 году Баскак Татарский Курского княжения, призвав Черкас из Бештау или Пятигорья, населил ими слободы под именем Казаков. Разбои и грабежи причиняемые ими произвели многие жалобы на них, для коих наконец Олег князь Курский, по дозволению ханскому, разорил их жилища, многих из них побил, а прочие разбежались. Сии, совокупяся с Рускими беглецами, долгое время чинили всюду по дорогам разбои, укрываяся от поисков над ними по лесам и оврагам. Много труда стоило их оттуда выгнать и искоренить. Многолюдная их шайка, не обретая себе безопасности там, ушла в Канев к Баскаку, который и назначил им место к пребыванию ниже по Днепру. Тут они построили себе городок или приличнее острожок и назвали Черкасы, по причине, что большая часть их была породою Черкасы".[10])

Здесь мнение о Казаках такое же нелестное, как у Татищева. Но дело не в любезностях и даже не в тех фантастических прикрасках, которыми И. Н. Болтин снабдил свое сочинение, важен факт появления имени Казаков в русских памятниках. Эти краткие заметки восстанавливают, вероятно, рассказ помещенный в Лаврентьевской (основной) летописи на пропавших листках за годы 1263 и 1287 по 1294.[11]) Татищев и Болтин сохранили для истории их содержание. Летописные пояснения о том, что Чёрные Клобуки назывались Черкасами они оба в своих книгах не поместили.

Что же касается "воровства и разбоев", то о них рассказывают сохранившиеся листки летописи. По мнению Татар разбойниками были князья Олег рыльский и Святослав Липецкий.[12]) И Олег упрекал Святослава, когда возвратился из Орды: "чему еси затерял правду,

---

[9]) В. Н. Татищев, История Российская т. II, стр. 240 и 311

[10]) И. Болтин, Примечания на Историю древния и нынешния России Г. Леклерка, стр. 344

[11]) ПСРЛ т. I, столб. 481 прим. и столб. 483 прим.

[12]) Татищев, История Российская т. V, стр. 59

возложил еси имя разбойниче на мене и на себе. Зимусь еси ночи на свободу разбоем ударил, а ноне на пути еси розбил, а веси норов Татарский да в нас и в Руси лихо разбой учинити".[13]) После этого Олег с Татарами убил Святослава, а брат Святослава Александр убил Олега и его двух малых сыновей.

Можно судить, кто именно совершал разбои.

Следующий по времени русский историк Н. М. Карамзин пропавших листков в своем распоряжении уже не имел, но зато не преминул упомянуть о связи между понятиями Черный Клубок, Черкас и Казак:

> "Заметим, что летописи времен Василия Темного в 1444 году упоминают о **Козаках** Рязанских, особенном легком войске, славном в новейшие времена. И так Козаки были не в одной Украйне, где имя их сделалось известным по истории около 1517 года; но вероятно, что оно в России древнее Батыева нашествия и принадлежало Торкам и Берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Там находим и первое жилище Малороссийских Козаков. Торки и Берендеи назывались **Черкасами:** Козаки также. Вспомним Касогов, обитавших по нашим летописям, между Каспийским морем; и страну **Казахию,** полагаемую Императором Константином Багрянородным в сих же местах; прибавим, что Осетинцы и ныне именуют Черкесов **Касахами:** столько обстоятельств вместе заставляют думать, что Торки и Берендеи, называясь **Черкасами,** назывались и **Козаками".**[14])

Следует заметить, что Осетины называют словом **Казах** не Черкесов, а тот край, куда Кабардинцы пришли в XIV или XV веке. У Осетинов-Дигорцев это **Кэсег, Кэсэги быдыр — равнина Казаха.** Но это между прочим.

Блестящий по своей логике вывод Карамзина не вызвал всё же особого энтузиазма в широких кругах русских и польских историков. Среди современников он нашел последователя, кажется, только в Д. Н. Бантыш Каменском, который в **Истории Малой России** тоже говорит о Казаках, как о выходцах с Кавказа. У Русских такая мысль не стала популярной. Она нарушала идею единства Русского народа. Кроме того, назревала теория о происхождении Казаков от беглых крестьян, а заключение Карамзина и Бантыш Каменского не только

---

[13]) ПСРЛ т. I, стр. 482

[14]) Н. М. Карамзин, История Государства Российского т. V, стр. 393-394

спровергало ее в основах, но могло послужить к усилению, бродивших среди Казаков, "мечтательных мыслей насчет самостоятельности их отчизны".

Отрицательное отношение научных и политических кругов не перечеркнуло всё же глубокой мысли Карамзина. К нашему времени она нашла полное подтверждение в указаниях персидской географии 982-го года и в открытиях археологии. При Карамзине курганы с торческими погребениями еще не были раскопаны, извилистые пути, по которым двигались Торки не могли быть ему знакомы. Не знал он и приазовской **Земли Касак,** но его мысль привела прямым полетом к тому исходному пункту, откуда началось продвижение наших предков на Волгу, Дон и дальше к западу. Его выводы создали, незамеченные в русской истории, координаты той страны, где произошло перерождение казачьей народности в ее теперешний вид. Научные достижения наших дней доказали, что вывод Карамзина точен почти математически и неопровержим.

Термин **Черкасы** по отношению к Казакам Днепровским, а иногда и к Донским, вошел на несколько веков и в русский правовой обиход. Им пользовались, почти как национальным именем Казаков, в дипломатической переписке и в законодательных актах. Днепровские Казаки — **Черкасы, Черкаские города** неоднократно встречаются в царских наказах времени Богдана Хмельницкого. Москва вела переговоры именно с Черкасами и их гетманом. Примерами могут служить все акты из трёхлетней переписки Москвы с гетманом[15]). В Полном Собрании Законов Российской Империи можно встретить термин Черкасы и через сто лет после Хмельницкого: Если кто из помещиков, захватив в свое владение порожние государевы земли, "поселил на тех землях разных наций людей, яко то Малороссиян и Черкас и другого звания, которых в вечность за собой укреплять запрещено, а они за ними остаться и ныне пожелают, то на оных Малороссиян и Черкас отмерять же земли на число душ".[16])

Для казачьей истории летописное пояснение "Черные Клобуки, еже зовутся черкасы" оказались з о л о т ы м з в е н о м , разорванной туманами древности, цепи событий и явлений. Это д р а г о ц е н н ы й

---

[15]) Сборник документов «Воссоединение Украины с Россией», М. 1954 г.

[16]) ПСЗ т. XVII, № 12733, 17665, Казачий Исторический Сборник № 10

м о с т о к , перекинутый от дотоматорканского времени, к векам отчётливого появления Казаков в различных источниках. **Вместе со свидетельством летописей, актов и археологических данных, эта запись даёт право считать колыбелью казачьего рода Северный Кавказ и Дон, где от начала новой эры собирались племена, создавшие нашу народность.**

Славяно-Казары, Торки, Печенеги, Берендеи и Ясы вели свой род от разных племенных корней, но уже в Томаторкани, а особенно при киевских границах, они выглядели настолько однообразно, что Русы включали их всех в одинаковые прозвища Черные Клобуки — Черкасы. Прежнее политическое единство в державе Томаторканской, общие беды переселений, сродный для всех быт и общественные навыки, одинаковые отношения с Киевом, наконец, кровное родство, явившееся в результате близкого сожительства на протяжении веков, всё это укрепляло в среде самих Чёрных Клобуков — Черкасов сознание национального единства. Этому способствовало утверждение между ними христианства и общий переход к местным диалектам славянского языка. Постепенно племенные названия отмирали и их место занимало всё шире имя **Касак,** которое вместе с Карамзиным имеем основание считать гораздо древнее нашествия Татар Золотой Орды. Не забывалось и политическое понятие **Казар**. Со временем оба эти имени слились в звонкой и удобной для произношения форме **Казак.**

Глава сорок первая

ФЕДЕРАТЫ

Первые десятилетия пребывания на лесо-степных рубежах при границах Днепровской Руси сложились для торков весьма тревожно. Русские князья встречали их по прежнему недружелюбно, враждебной оставалась и половецкая степь. Неустойчивость положения требовала дружбы и оборонительного союза с одной из сторон и Чёрные Клобуки избрали Киев, хотя окончательно сговорились с князем Владимиром Мономахом только в 1095 году. Они начали ходить с ним на Половцев, участвовали в его Крымском походе на Корсунь[1]). Они сотрудничали с киевским великим князем на тех же началах, какие лежали в основе отношений Византии с **федератами.** Вспомогательные войска **федератов** приходили от соседних **варварских** племен Гетов, Гепидов, Вандалов, Готов, Герулов, Гуннов и др. Их вожди заключали с византийскими императорами договоры (foedus), по которым обязывались защищать границы от нападений всяких пришельцев. Иногда они участвовали и в других военных предприятиях империи и за всё это получали соответствующее вознаграждение деньгами или натурой. По словам Прокопия Кесарийского, федератами считались только те варвары, которые не были покорены. Во время договорных сроков они приравнивались по правам к воинам Византии т. к. foedera означало союз, хотя и с бывшими врагами[2]).

Конечно при киевских князьях это велось в меньших масштабах, чем при императорах, но в своей основе охрана границ с помощью Чёрных Клобуков мало отличалась от службы Византии ее **федератов.**

Как и подунайские **варвары,** Чёрные Клобуки оставались жить в приграничных зонах, не проникая своими поселениями в глубину государства. Вне договорных сроков и те и другие оставались свободными, а в военных предприятиях участвовали по доброй воле. За помощь Чёрные Клобуки, так же как и **федераты,** получали специальное вознаграждение, по большей части города в кормление, где обращали в свою пользу подати и налоги взимаемые с населения. Независимо от этого

---

[1]) ПСРЛ т. II, стр. 218; т. IX, стр. 124

[2]) Прокопий Кесарийский, История войны с Вандалами I. 11, 3-4; Е. Ч. Скржинская, комментарии в кн. Иордан, Гетика, М. 1960, стр. 249-251

они воздвигали и свои городки, где жители постепенно обращались к оседлому земледелию[3]).

При Владимире Мономахе собрались все недавние жители томаторканских степей: и те что раньше находились при Днепре, и те, что возвратились с Дуная, и те, что до этого скрывались по речным займищам между Половцами, и те Торки с их Печенегами, которые пришли с Дона позднее. Все, кто не мог наладить добрых отношений с новыми владельцами степи, стекались теперь к своим единоплеменникам — Черкасам, бывшим согражданам по державе Мстислава Храброго.

Однако не все из них стали желанными соседями для Руси. В 1121 году "прогна Володимир Берендичи из Руси, а Торци и Печенези сами бежаша"[4]).

В летописи не указано, куда они ушли, но у них было только два пути: один в пустынное междуречье Днепра и Ю. Буга, а другой вдоль лесов к Верхнему Дони, где по прежнему проживали Бродники и где когда-то осела часть Торков. Оттуда-то жители северного, второго, Торческа выступали в 1184 г. против Руси, вместе с Камскими болгарами[5]). Следы их остались и в Руси Суздальской, где появились географические названия от имени Берендеев и где до сих пор хранятся легенды о их сверхестественных силах. Своеволие наших предков, вероятно, доставляло неприятности русским князьям и в другое время.

Судя по летописям сожительство с Русами приносило мало радости и Чёрным Клобукам. Им пришлось много терпеть от вероломства князей, от их родственных связей и сделок с Половцами, от постоянных насильственных смен на великом княжении, от княжеских междуусобий. Отсюда следовали их протесты и ссоры с русскими князьями. Но они оставались на местах, а князья не только терпели их у своих границ, но временами готовы были дорого оплатить их боевую помощь, конечно, за счёт русского населения страны.

Изгнанные с родной земли, потерпевшие от стихийных бедствий и вражеских нападений, Чёрные Клобуки все же были в состоянии выставить в поле крупные отряды своих воинов. В 1138 г. одни Берендеи послали на помощь Ярополку против Всеволода Ольговича 40 ты-

---

[3]) МИА 62, стр. 226

[4]) ПСРЛ т. II, столб. 286; в томе IX под годом 1119

[5]) ПСРЛ т. X, стр. 10

сяч всадников [6]). С Половцами они вели почти непрерывную войну, а в борьбе русских князей держались преимущественно на стороне Мономаховичей, всегда против Ольговичей.

Киевляне тоже не любили Ольговичей. В 1146 году, тайком от княжившего у них Игоря Ольговича, они послали в Переяслав просить к себе на княжение Изяслава Мстиславича, внука Владимира Мономаха. Когда же, в ответ на их приглашение, Изяслав двинулся к Киеву, "и ту прислашася к нему Чернии Клобуци и все Поросье и рекоша ему, ты наш князь, а Ольгович не хочем". Вскоре после этого Берендеи первыми ворвались в Киев, напали на дружину Игоря "с саблями и почаша я сечи, и ту побеже Игорь и Святослав".

Однако для окрестного русско-украинского населения такие княжеские союзники не всегда были милы: они часто собирали с них, переданные им князьями, подати, а иногда помимо своей воли причиняли жителям большие убытки. Когда стоянки или лагери Чёрных Клобуков располагались недалеко от русских поселений, стада и табуны уничтожали посевы местных жителей.

В 1152 г. во время борьбы Юрия Долгорукого с племянником Изяславом, последнему пришлось покинуть Киев. Но у Чёрных Клобуков он пользовался большими симпатиями, чем другой Мономахович, его дядька Юрий, и потому он отступил прямо в Поросье. "И ту приехаша к нему вси Чернии Клобуци с радостию великою всеми своими полки"[7]). После князь говорил: Как соединюсь с Черными Клобуками, то не побоюсь ни Юрия ни Владимира, "въеду же в Черныя Клобуки, а скупяся паки с Черными Клобуками поеду же на Гюргя Киеву".[8])

Как раз под тем же годом **Московский летописный свод конца XV века,** тоже как **Воскресенская** и **Никоновская** летописи, дает свои пояснения, что Чёрные Клобуки это те же Черкасы. При помощи этих Черкасов Изяслав Мстиславич вышел победителем в борьбе с Юрием, но через два года после этого в 1154 умер. "И плакася по нем вся Руская земля и вси Чернии Клобуки и яко по цари и господине своем, наипаче яко по цари и господне своем наипаче яко по отци".[9])

---

[6]) ПСРЛ т. X, стр. 162

[7]) ПСРЛ т. II, столб. 396

[8]) Там же, столб. 414

[9]) ПСРЛ т. II, столб. 469

Юрий Долгорукий занял Киев. Чёрные Клобуки-Черкасы возобновили добрые отношения и с ним, сохраняя за собой право распоряжаться добычей. Когда он предложил вернуть Половцам их пленников, Берендеи ответили отказом: "Мы умираем за Рускую землю с твоим сыном и головы свои съкладываем за твою честь. Гюрги же не сотвори им насилия"[10]).

15 мая 1158 г. умер и Долгорукий. Вокруг киевского княжения снова началась сумятица. В день его смерти киевляне разграбили княжеские дворы и перебили без милосердия всех суздальцев, прибывших с Юрием в Киев.

Новый князь Изяслав Давидович не пришелся по душе Чёрным Клобукам, не нравились им его связи с Половцами. Но они временно оставались при нём, хотя готовы были перейти на сторону его соперника Мстислава. "Их "лепшие мужи" Тудор Сатмазович, Каракоз Мнюзович и Карас Кокей послали сказать Мстиславу, что его удача зависит только от них. Они предложили ему: "аже ны хощеши любити, яко же ны есть любил отец твои и по городу ны даси по лепшему, то мы на том отступим от Изяслава". Мстислав с радостью согласился на такие условия и с их помощью занял Киев. Он его тотчас же передал старшему в роде, своему дядьке Ростиславу.

Ростислав не оценил помощи того народа, благодаря которому он получил великое княжение. Он не проявил должного внимания к их нуждам, посылал в трудные предприятия не обеспечив снабжением. В походах они терпели голод, теряли конский состав и возвращались без успехов. Усвоенные ими земли киевский князь начал почитать своей вотчиной, присылал к ним в Торческ своих князей-наместников. А Черкасы к этому времени основали уже много своих городков. В 1177 году летописец упоминает шесть городов только у Берендеев и летописцы по прежнему выделяли земли Черных Клобуков в отдельную категорию: "Русская земля вся и Черныи Клобуци".

Среди Черкасов появились открытые сторонники смены киевского князя, в лице "лучших мужей" Чагровичей, Чекъмана, его брата Тошмана и Моначука. Когда киевляне начали бунт против своих князей и изгоняли их из Киева, Чёрные Клобуки, стоя у города, оставались безучастными зрителями.

---

[10]) Там же, столб. 480

Взаимная поддержка и боевое сотрудничество с Мономаховичами продолжались и дальше, особенно тогда, когда дело касалось войны с Половцами. Походы князей сообща с прирожденными степняками почти всегда кончались удачей. Так и в 1183 году они, вместе с черкаскими князьями Кулдъяром и Кунотувдеем, основательно погромили Половцев в их же степях. Через два года по их примеру такое же предприятие затеяли из Чернигова Ольговичи во главе с князем Игорем Святославичем, уже без Чёрных Клобуков. Половцы уничтожили всё их войско, а предводителя с сыном захватили в плен.

Напряженность в отношениях между Черкасами и Киевом проявилась в 1190 году, когда киевский князь Святослав Всеволодович по доносу посадил под замок князя Кондувдыя. Он его вскоре отпустил, но гордый черкаский князь, "не стерпе сорома своего, идоша в Половце и приде к Тоглыеве половецкому князю. Половцы же обрадовася ему и почаша с ним думати, куда бы им выехати в Рускую землю. Он же поча их водити, подотыча на воевание, како бы ему мьститеся сорома своего Святославу".

В 1192 году в роли примирителя выступил, старый доброжелатель Кондувдыя и свояк Святослава, Рюрик. Он пригласил к себе обиженного князя вместе с его союзниками князьями половецкими, богато их одарил, а на мировую выговорил у Святослава город Дверень, Кондувдыю в кормление.

В последний раз летописи упоминают Черных Клобуков под годом 1201. Тогда они снова приняли участие в княжеских междуусобиях, с Романом Мстиславичем галицким заняли Киев, низложили Рюрика Ростиславича и на великое княжение посадили Мономаховича Инъгваря[11]). Под годом 1231 в Ипатьевской летописи еще упоминается Торцький город, а в следующем году у Ю. Буга рядом с Поросьем указываются "князи Болоховьсци", не Мономаховичи, не Ольговичи и вообще не Рюриковичи, а "инии князи". Имя Черных Клобуков исчезает в летописях совершенно, в памяти остаются их потомки **Черкасы** и тождественные им **Казаки**.

Известно несколько имён черноклобуцких князей и "лепших мужей". Это — Тудор, Сатмаз, Каракозь, Мнюз, Карас, Кокей, Чекоман, Тошман, Моначук, Кулдъяр, Кондувдый, Конотувдей, Кунтувдей, Ольбыр и Шерош.

---

11) ПСРЛ т. X, стр. 34; Татищев, История Российская т. III, страница 167

Определить национальную принадлежность всех этих имён можно только предположительно, так как нет уверенности, что они переданы летописцами в точной транскрипции. Некоторые из них, как Караюз, Сатмаз, Моначук встречаются на кавказе и теперь. Тудор, Тошман, Чекоман, Ольбыр (Альберт?), а также все имена с концовкой **дей** и дьяр имеют оттенок скандинавский или гото-аланский: **дей** (по-славянски **див**) — **божество,** а **дьяр** — **князь** или **судья.** Последнее слово употребляется в этом значении и в скандинавских Сагах. Такое же пояснение приводится и у Татищева: Когда **Один** пребывал еще в Асгарде на Танаисе у него "в обычай вошло, дабы двенадцать правителей, от прочих знатнейших диар и дроттуар, то есть господа называемые, старались о священнослужении и народу бы суд и расправу чинили". [12]).

Все указанные выше имена, можно также считать старинными казачьими. В более поздних актовых записях таких вышедших из употребления имен найдётся не мало. Теперь эти личные имена употребляются, как основа фамилий: Карасев, Чекоманов, Моначуков, Долматов, Сусарев, Мелехов, Доронин, Нагибин, Мигулин и т. п.

---

[12]) В. Н. Татищев, История Российская т. I, стр. 297

Глава сорок вторая

КУРГАНЫ — СВИДЕТЕЛИ ВЕКОВЕЧНЫЕ

В русских летописях оказалось совсем мало сведений о бытовых особенностях характерных для Чёрных Клобуков и это вполне понятно: летописцы вели нить истории своей страны, а казачьи предки интересовали их только от случая к случаю.

Из летописных записей всё же известно, что в чёрноклобуцких социальных отношениях происходили постепенные перемены: вместо князей появляются **лепшие мужи,** очевидно ставшие **лепшими** по народной воле и выбору. Может быть, они и тогда уже назывались **атаманами.**

Кое какие дополнительные сведения дала археология. По материалам обнаруженным при раскопках курганов и поселений можно судить, что кочевники из года в год всё больше переходили к оседлости, что в связи с этим ширилось пашенное земледелие и укреплялась христианская вера.

По самому характеру отношений с Русью, а также в интересах степного коневодства и скотоводства, поселения Чёрных Клобуков тянулись узкой линией на сотни километров в длину у лесо-степных рубежей. Сотрудничество с соседней Русью создавало глубокую полосу обороны, но каждый черноклобуцкий городок мог стать целью нападения Половцев. Поэтому они все снабжались защитными сооружениями, рвами и валами, а их население находилось в постоянной боевой готовности.

Наибольшее скопление городов, а в связи с тем и самое большое количество курганов с торческими погребаниями, находилось в районах днепровско-бугского междуречья. Вокруг одного Чигирина находится свыше 70 городищ и 965 курганов, из которых многие принадлежат Чёрным Клобукам, не исключая и их христиан. Пример погребения под Таганчей даёт основание предполагать, что и христиане, попав в среду Торков, легко воспринимали их обычаи и поддавались кочевой романтике их погребального обряда, хоронили своего покойника вместе с его боевым конём. Вероятно, не избежали этого и Славяно-Казары с Берендеями (Берендженами), народы издавна христианские.

Но с другой стороны, кроме торческих курганных погребений, там же оказались и могилы XII века совсем

без вещей и без лошадиных останков. Эти погребения несомненно принадлежали христианам С. А. Плетнева тоже предполагает такую возможность:

> "Вполне возможно, что изменения погребального обряда произошли в связи с принятием этой группой населения христианства. Бескурганные могилы, западная ориентация и находки крестиков в некоторых из погребений говорят в защиту этого предположения"[1]).

Но в иных случаях она склонна определять их, как могилы бедняков.

Она вспоминает такие походы русских князей на донецкие города Сугров, Шарукань и Балин, когда они приводили пленных Ясов, а Ярополк Владимирович однажды "приведе собе жену, красну вельми, ясьского князя дщерь полонив".

> "Вероятно в результате этих походов, говорит С. А. Плетнева, небольшая часть ясского населения перешла на службу к киевским князьям и влилась в черноклобуцкий союз, о чем свидетельствуют погребения (.....) обнаруженные в Поросье. Одно из них, наиболее богатое, принадлежит безусловно князю или предводителю отряда. Другая часть Яссов продвинулась под давлением занявших их земли кочевников с Донца в Приднепровские земли".[2])

Княжеская могила, о которой здесь говорится, раскопана у села Березняги недалеко от города Черкасы. В ней оказалось много предметов необычных для простого воина Касака: кольчуга, шлем-шишак с забралом в виде железной маски с бронзовым левым ухом и золотой серьгой в нём, кривая шашка сарматского типа, наконечники для стрел и части конской сбруи. К сожалению, в описании не указано, был ли с воином положен его боевой конь. Без коня могила не могла считаться торческой, а зато все погребения с конем, в этой части лесо-степи, датированные веками XI-XIII, не могут принадлежать никому, кроме Чёрных Клобуков. Там повсюду раскопано уже сотни курганов и из них больше половины сохраняет неизменный тип торческого погребения с конём. В других попадаются некоторые от не-

---

[1]) С. А. Плетнева, Печенеги, Торки и Половцы. МИА 62, стр. 185

[2]) Там же

го отклонения, но они легко объясняются изменением материальных возможностей, прогрессирующей религиозной мыслью искажениями у новых племен, принявших торческий обряд. Во всяком случае, ориентация покойника и положенного с ним коня всегда остается западной, конь или его чучело всгда лежат слева от хозяина, "инвентарь" почти всегда состоит из предметов конского снаряжения, принадлежностей одежды, а в редких случаях оружия: шашки и луки со стрелами. Богатея, Чёрные Клобуки снова начали класть в могилу не конское чучело, а целую тушу коня.

При последних раскопках принадлежавшего им города Торческа обнаружены следы сгоревшего храма. Один из сов. археологов говорит: "Возможно, что по близости была деревянная церковь, так как найдены майоликовые плитки и часть бронзового хорса"[3]). Это еще больше убеждает в том, что могилы в которых нет ничего, ктоме останков покойника, его одежды и личных украшений, все могут считаться христианскими.

Некоторые перемены С. А. Плетнева замечает и в общем обряде кочевников:

> "Кочевники заселившие Поросье в XII веке объединились в новый племенной союз — черноклобуцкий. Племенное многообразие торческого и позднее черноклобуцкого союзов привело к тому, что в результате тесного общения племен между собой у всех их выработался новый погребальный обряд"[4]).

Она считает его печенежским, но описывает его, как классический тип **торческого погребения с конём,** обряда, который Торки практиковали уже больше тысячи лет. Случилось и нечто иное, то, что обыкновенно бывает "в результате тесного общения племен между собой": Чёрные Клобуки окончательно слились воедино.

Весьма показательно отсутствие в археологии каких либо данных о погребениях Чёрных, Срединных Болгар. между тем, они не меньше двухсот лет кочевали и селились в низовьях Северного Донца. За это время должно было бы там скопиться не мало их погребений. Но С. А. Плетнева, так же как киевские летописцы, ни разу не вспоминает их имени и из общего числа черноклобуцких погребений их погребения не выделяет.

---

[3]) Б. А. Рыбаков, Торческ город Черных Клобуков. Археологические открытия 1966 г., М. 1967, стр. 244

[4]) С. А. Плетнева, Печенеги, Торки и Половцы. МИА 62, стр. 165

У Истахри Срединные Болгары указаны, как христиане. По Ибн Хаукалу среди них были и христиане и мусульмане, причём он знал, что после нападения Русов (965 г.) от этих Болгар не осталось и следа[5]). Масуди в средине X века считал Болгар Славянами[6]).

Срединные Болгары пришли на Донец в 764 г. вместе с "выходцами из склавинского племени", как их неделимая кочевая часть. С коренными Дунайскими Болгарами они были связаны не по крови, а только по имени, так как до этого пребывали в их политическом обществе. Если бы было иначе, они бы не покинули на Дунае, господствовавших там соплеменников, для того чтобы уйти с чужими племенами в неведомую Артану. Если ко дню своего разгрома они оставались христианами и хоронили покойников на особых кладбищах, то холмики их могил до нашего времени давно распаханы и сравнялись с окружающими их полями. Курганы о них молчат, но кое где в "безинвентарных" погребениях можно угадывать и их кости.

Труды С. А. Плетневой — наиболее полная сводка сведений по археологии Северо-Черноморской кочевой степи[7]). По изобилию вещевого материала они представляют огромный интерес. Эпоха существования Томаторканской державы, эпоха пребывания Чёрных Клобуков у границ Руси освещены ею широко и обстоятельно. Это большой и ценный вклад, заполнивший многие прорывы и в нашей казачьей истории.

Но знакомясь с ее материалами нельзя забывать, что человек иногда ошибается и что в советской науке укрепились некоторые предвзятости, из за которых выводы учёных часто расходятся с истиной.

Прежде всего, по доступным источникам, Торки и Удзы от глубокой древности известны на Кавказе. Ни история, ни материальная культура не роднит их с Азиатскими Огузами. Поэтому считать их "северной ветвью гузского союза", как это делает С. А. Плетнева, нельзя. И ее теория о том, будто бы в XI веке Торки-Узы "двинулись через южно-русские степи на соединение с южной ветвью, прошедшей к Дарданелам через

---

[5]) Гудуд ал-Алэм, стр. 438-439

[6]) Там же

[7]) С. А. Плетнева, Печенеги, Торки и Половцы в Южно-русских степях. МИА 62; ее же, Керамика Саркела-Белой Вежи. МИА 75; ее же, Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи. МИА 109; ее же, От кочевий к городам. М. 1967

Переднюю Азию"[8]), лишена всякого основания. В 1060 году Торки-Узы ушли на Дунай помимо своего желания под давлением Половцев и Русов, а не для соединения с фантастическими родичами Огузами. Летописи об этом говорят совершенно ясно.

И вот, в результате первоначальных ложных установок, С. А. Плетневой пришлось наделить Торков свойствами Огузов, а это привело ее к абсурдным заключениям: большую часть изученных ею могил она отнесла к Печенегам, а Торкам оставила только три.[9]) На местах многовекового пребывания Торков — только три! Притом таких три, которые должна была бы определить, как половецко-огузские. Во всех трёх — рядом со всадником не лежал его верный боевой товарищ — конь, а вместо этого на колодах перекрытия могильной ямы в изобилии были набросаны остатки овец, коров и лошадей, съеденных во время тризны.

Погребения с конём, по классификации С. А. Плетневой, принадлежали Печенегам. А вместе с тем по арабскому географу Идриси она знала, что Печенеги сжигали своих покойников на кострах[10]). Знала также, что в конце IX века некоторые из Печенегов "по собственному желанию и решению остались там, поселились вместе с так называемыми Узами и доселе остаются среди них". [11]) Очевидно знала и следующие за этим слова Багрянородного о том, что Печенеги, оставшись с Торками-Узами, переняли их обычаи, а значит, отказались от кремации трупов и перешли к торческим погребениям с конём. Так как речь идёт именно о Печенегах, оказавшихся в торческом союзе племен, их "печенежский обряд" — ничто иное, как воспроизведение того самого ритуала, который Торки практиковали уже от конца старой эры. Неизвестно также, почему С. А. Плетнева думает, что Печенеги были "наиболее многочисленным племенем в союзе Торков". По всем данным, это только незначительная часть крупного торческого союза племен, изгнавшего Печенегов с Волги и потеснившего их же, во время трагического пребывания на Дунае.

---

[8]) С. А. Плетнева, Печенеги, Торки и Половцы. МИА 62, стр.225

[9]) Там же, стр. 161-165

[10]) Её же, Кочевнический могильник близ Саркела. МИА 109, страница 239-240

[11]) С. А. Плетнева, Печенеги, Торки и Половцы. МИА 62, страница 154

Глава сорок третья

КАЗАЧЬИ ПРЕДАНИЯ

Окончив обзор материалов за 1200 лет и определив по редким, но устойчивым вехам пути формирования казачьей народности, будет не лишним ознакомиться и с тем, что сохранили в народной памяти сами о себе Казаки.

Наши предки, их быт, способы войны, вся их жизнь, издавна служили для иностранцев предметом большого заинтересования. Встретившись с Казаками они описывали всё, что им удавалось узнать, не заглядывая глубоко в источники. Писали больше **по наслышке,** не жалея при этом ни фантазии ни красок.

Первенство в этом принадлежало польским летописцам: сначала канонику Матвею Меховскому (1452-1523), а затем автору **Хроники Польской** Мартину Бельскому (1494-1575). При этом для первого остатки Чёрных Клобуков, Днепровские Черкасы, как он думает, Рутены по языку и по происхождению, дикий и воинственный народ, а Казаки — только бродяги и добытчики, никому не подчинённая чернь. Бельский же написал о Казаках только краткий очерк зарождения Низового Сичевого Товарищества, нечто вроде этнографического этюда, причём выражал сожаление, что польское правительство не старается привлечь Казаков к охране пограничья.

Сами Казаки заговорили языком истории только через двести лет после этих польских авторов. В первой половине XVIII ст. была написана **Летопись Григория Грабянки,** а по его материалам к 1765 году бунчуковый товарищ П. И. Симановский закончил свое сочинение **Краткое описание о Казацком малороссийском народе и о военных его делах.** Часть материалов оба очевидно почерпнули из польской, русской и другой иностранной литературы, так же как из устных преданий, живших ещё в народной памяти Днепровских Казаков. В чистом виде эти предания попали на страницы русской печати благодаря трудам инженер-генерала А. И. Ригельмана, современника двух первых казачьих авторов.

Вообще же, кажется, до Ригельмана никто ещё не имел возможности и не пытался изучить подробно казачью историю звено по звену, широко пользуясь древними записями, летописями, хрониками и другими пись-

менными источниками. Он стал первым казачьим историком, хотя сам Казаком не был.

Но при изучении нашего прошлого, русский генерал поставил себе главной задачей изучить и описать, "какие их службы для России были и какую полезность они приносили и ныне от них происходит". Подчинив этой цели свою исследовательскую мысль, автор не смог быть полностью объективным и потому не избежал некоторых предвзятостей.

Это заметил и его издатель О. М. Бодянский, который указал в предисловии, что Ригельман "позволил себе в Летописном повествовании многие против них выпады, но выходки эти условлены были тогдашними обстоятельствами и отношением нашим к запорожцам и наоборот". Иначе говоря отдавалась дань духу времена.

Наш автор писал в тревожную эпоху казачьих волнений. Не исчезла еще память о восстаниях Булавина и Мазепы, не забыли Казаки о первой расправе с Сичью (1709 г.). Назревали осложнения в отношениях с Казаками Яицкими, а над Запорожской Низовой Республикой висела угроза окончательной ее ликвидации. Поэтому у него, человека служилого, иногда между строк сквозит некоторая неприязнь к Казакам. И все же, несмотря на эти "выходки", А. И. Ригельман может быть признан исследователем тщательным и, более других русских авторов, объективным[1]).

В 1738-1740 гг. будучи в походах на Хотин и Ясы, он много общался с Запорожцами, а потом после Белградского мира (в 1741 г.) был назначен на работу по установлению граничных знаков на новых русско-турецких рубежах (от Ю. Буга по рекам Синюхе и Тясмину, затем через Днепр до города Изюма на Донце и дальше к Кальмиусу) и снова имел возможность на каждом шагу встречаться с Казаками. Тут не теряя времени Ригельман постарался узнать побольше о боевом центре Низовцев, еще благополучно здравствующем за русскими рубежами.

После этого он провёл несколько лет на Дону и на Тереке.

---

[1]) В моем распоряжении находятся микрофильмы его «Летописного повествования о Малой России» и «Истории или повествования о Донских Казаках». Есть также «История о Казаках Запорожских, как оные из древних лет зачалися и откуда свое происхождение имеют и в каком состоянии ныне находятся», Москва 1847. Но это анонимное сочинение приписывают не только ему, а и другому автору П. И. Рычкову.

Личный контакт с Казаками придал его работам особую полноту и ценность. С некоторыми оговорками их можно расценивать наравне с оригинальными источниками. Тексты книг дополняет множество зарисовок казачьих национальных костюмов. Их исполнил с натуры Г. Шелковников, а описал сам автор. Нигде в другом издании такого изобилия найти невозможно.

В то время, когда Ригельман писал свои **Повествования,** российские академики, особенно в лице З. Г. Бера и И. К. Тауберта, весь XVIII век придерживались мнения, что **Касоги** русских летописей — никто иной как **Казаки.** Такой взгляд не противоречил и Синопсису Российскому, который, говоря о **Казаках,**

> "описует их всех из народа Роксолянского и по имени первого того народа Татар победителя Косака, Касаками или Козаками проименовавшимися".
>
> "От сих же точно времян, как то от 948 году, должно верить по выше объявленным обстоятельствам, началу Казачества быть и от оных лет, когда историки уведомляют, что Косаки Татар победили, дошли до здешних мест, следовательно и оставались тут жительством своим".

Такие взгляды, исходившие от русских академиков и из русского исторического справочника, представили Ригельманау некоторую свободу в выражении своих мыслей и позволили ему углубить казачью историю до 948 года.

Для нашего времени, с русской точки зрения, это была бы чистая крамола, усугублённая еще и тем, что генерал считал Казаков не беглыми крестьянами, а **Славянами Алянского роду**[2]).

В годы пребывания между Казаками, Ригельман записал много преданий, из которых, как он говорит "должен был принять несколько за справедливые потому более, что они между собою весьма сходно о себе рассказывают".

В первую очередь его интересовало, что это за народ Казаки, "отколе и из какого народа оные происхождение свое имеют и по каким случаям они ныне при своих местах обитают".

На эти вопросы он искал ответов и у самих Каза-

---

[2]) А. И. Ригельман, Летописное повествование о Малой России, стр. 8

ков. И вот, Запорожцы говорили ему, что по их преданиям, они "происходят от народа Козарского и поселились при Днепре реке и оттоль распространились по всем тем местам, где ныне обитают"[3]). Поэтому он и считал от самого заглавия книги Днепровских Казаков началом всех казачьих начал: "от них уже Донские, а от сих Яицкие, что ныне Уральские, Гребенские, Сибирские, Волгские, Терские, Некрасовские и пр. Казаки".

В связи с сознанием об особом казарском происхождении появилось убеждение о праве оставаться независимыми:

> "От сего же носящегося молвою в народе имени Казаки Запорожские, живущие в Сече, особливо о себе произносить стали, якобы они заподлинно от Козар происшествие свое имеют и тем представляли себя быть народу вольному"[4]).

Очевидно среди Казаков было достаточно людей, знавших о Казарах-Чёрных Клобуках, память о которых по Татищеву сохраняли и некоторые летописи. Как бы в пояснение, кого следует понимать под такими Казарами, Ригельман и приводит выдержку из Великих Четьи Миней:

> "объявляет нам ясно, взятое из граческих летописцев, Российская Четь Минея повествованием своим в месяце мае в 11 день, что Козары, коих Греки Козарами, Римляне же Газарами, называли, был народ скифский языка славянского, страна же их была близ Меотического озера, что и Мертвым морем называлось (ныне же Азовским имянуется)".[5])

Припомним, что персидская география Гудуд ал-Алэм там же у Азовского моря указывает **Землю Касак.** Недалеко оттуда лежала и Касахия Константина Багрянородного. Слова Запорожцев перекликаются и с преданиями Казаков-Гребенцов:

> "В Черкасах были, по объявлению тамошних, и жительство имели двумя деревнями, а именно, одна в Большой Кабарде, при устье реки Газы, впадающей в реку Урюф, а оная

---

3) А. И. Ригельман, Летописное повествование о Малой России, стр. 3

4) Там же, стр. 7

5) Его же, Повествование о Донских Казаках, стр. 139

втекает в Терек с левой его стороны и назывались Кажаровцы, другая в Малой Кабарде ж, в самом ущелье Татар Туповом, которое ущелье состоит близ реки Терека и ниже впадающей в оной речки Акс с левой же его стороны"[6]).

Совершенно ясно, что Кажаровцы этого предания никто иной, как Казаровцы в произношении беззубых гребенских старожилов-информаторов. У Днепровских Казаков были Козары, а у Гребенцов — Казаровцы, т. е. жители Казарии.

До переселения на Нижний Терек Гребенцы, по их рассказам, жили и в других горных ущельях:

> "За Тереком в самой нынешней Кабарде и в части Кумыцкого владения в Гребнях, в урочище Голого Гребня, в ущелье Павловом и в ущелье Кошлаковскем и при Пименовом Дубе"[7]).

Обращает на себя внимание выражение "в самой нынешней Кабарде", т. е. там, где **теперь** живут Кабардинцы, а раньше временно пребывали сами Гребенцы.

Об этих горских и приморских Казарах славянской речи давно слышали в Киеве и в Москве. В Киеве их узнали в X веке, когда они служили в дружинах местных князей, и по Чёрным Клобукам — Казарам, и по истории возникновения города Черкас на Днепре, и по Ермолинской летописи, сообщившей под годом 1445 о Казаках из земли Черкасской, и из других источников: "слухом земля полнится". В начале XVI века посол из Вены С. Герберштейн узнал в Москве о тех же Черкасах, христианах славянской речи, проживавших и тогда в Пятигорье. Таковы связи между устными преданиями и записанными свидетельствами.

Некоторые Запорожцы говорили также Ригельману, что их предки пришли с реки Снови, иначе говоря, вели свой род от Казаков Путивльских.

Подобно Запорожцам и Донцы считали своими предками тех же жителей Кавказской Черкасии. Ригельман слышал от них,

> "будто бы они от некоих вольных людей, а более от Черкес и горских народов взялися и

---

[6]) Его же, Летописи. Повесть о Малой России стр. 5

[7]) А. И. Ригельман, там же

для того считают себя природою не от Московских людей и думают заподлинно только обрусевши, живучи при России, а не Русскими людьми быть"[8]).

В другом месте Повествования читаем:

"Иные же мнят о себе из народов Роксолянских, Донцы же от Черкес. Прочие же от некоих вольных людей, кои якобы не принадлежали ни к какому владению и потому мнят о себе все, будто б они навсегда право имеют в вольности и не под чьим точным владением, как только под защитою тех областей, к которым они прикосновенны состоят. И для того не почитают себя, чтобы они подлинно были из Русских людей или чьи бывшие подданные"[9]).

А. С. Пушкин тоже записал одно из казачьих преданий. В **Истории Пугачёвского бунта** он рассказывает, что Казаки появились на Яике во время Тамерлана (XIV век), что придя туда они побили живших там Татар, а их атаман Гугна взял себе в жены вдову их убитого князя, что от этого времени и повелись Яицкие Казаки.

О "бабке Гугнихе", о древнем казачьем **Синь-городе в Луке Замора,** об участии в походе на Русь вместе с Бродниками и Монголами, Уральцы вспоминали в своих преданиях до наших дней.

Такие предания хранили Казаки в XVIII веке. Во всех случаях они не противоречили летописным данным, свидетельству других древних историков или археологическим открытиям последнего времени и отражали ход казачьей национальной и политической идеологий того времени.

---

[8]) Его же, История или повествование о Донских Казаках, страница 5

[9]) А. И. Ригельман, Летописное повествование о Малой России, страница 3

РАЗДЕЛ V

В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Глава сорок четвертая

НА ДОНУ

Многочисленные поселения Бродников неизменно сохранялись на Среднем Дону и после того, как Торки с их Печенегами, Береңджеры и Чёрные Болгары отошли к Днепру. Бродники же крепко сидели на старых местах, упираясь на севере в земли Мордвы и Вятичей и не собираясь уступать Половцам свое **Заполье.** Не даром Никита Акоминат в 1190 г. назвал их **презирающими смерть,** народом воинственным и упорным в бою. Да их владения, пересеченные песками и лесами, не особенно и привлекали кочевников и без того хорошо обеспеченных обильными пастбищами Северного Черноморья.

В своей основе Бродники были Славянами. Не может быть сомнения, что по материальной культуре они имели нечто общее с соседними Вятичами, с которыми, может быть, их связывало и некоторое кровное родство. Но в истории они Вятичами не значатся. Рядом с ними, изгнав Печенегов, долго кочевали Торки-Узы, а на западе через Дон их ближайшими соседями одно время были Береңджеры. Так что в их крови не исключены и восточные примеси. Персидская география 982 года обозначает Бродников, как Брадасов или Барадасов и указывает их между Верхним Доном и Волгой.[1]) К десятому веку они еще не приняли Христаинства и по общеславянскому обряду сжигали своих покойников. В истории они — общепризнанные казачьи предки и **Бродник** их первоначальное племенное имя. Персидская география, как и западно-европейские акты, всегда отличают их от Руси, а сов. археолог Гумилев даже подчёркивает, что "современные летописцы никогда не смешивали Бродников и Русских. Они считали, что это два разных народа"[2]).

---

[1]) Гудуд аэ-Алэм, стр. 162

[2]) Л. Н. Гумилев. Открытие Хазарии. М. 1966, страница 176

После того как северные области Томаторканской державы окончательно отпали от своей южной метрополии, Бродники некоторое время продолжали связи с претендентами на Томаторканское княжение, Ольговичами. В 1147 г. они пришли на помощь к Святославу Олеговичу, вместе с половецкими князьями, братьями его матери, Половчанки[3]). Затем летопись вспоминает Бродников под годом 1216. Тут они, как союзники Мономаховичей, бьются против северских князей за Муром и Суздаль[4]). Но вскоре между ними и Русью прекратились и такие слабые связи. Они оказались в рядах ее врагов.

В 1223 или в 1225 г. на Сев. Кавказе появилось монгольское войско полководцев Джебе и Субедея. Двигаясь из Закавказья вдоль Каспия и выйдя к Тереку, Монголы встретили на своем пути упорное сопротивление Аланов, объединившихся с Кыпчаками-Половцами. Однако Половцы вскоре изменили Аланам и начали отходить к Дону. Побив Аланов, оставшихся в одиночестве, и основательно разгромив их поселения, Джебе и Субедей направились через степи вслед за Половцами. Береговые поселения Земли Касак каким-то образом уцелели и сохранялись еще много веков.

На Нижнем Дону Монголов встретили Бродники. Они не пробовали сопротивляться их нашествию или же скрыться на севере. Наоборот, рады были вместе с пришельцами ударить на своих старинных врагов — Половцев. Очевидно Приазовские Славяне-Казары тоже оказались с ними. Тогда и было заложено начало казачье-монгольского сотрудничества. Позднее, при совместной жизни с Азиатами-завоевателями, оно полтора века сохраняло Казаков от многих бед.

Но двинувшись в рядах Монголов на Половцев, Бродникам пришлось сражаться и с половецкими союзниками-Русами. Они участвовали в битве на Калке и осаждали князей Мстислава киевского с его зятем Андреем и Александра дубровицкого, скрывшихся в наскоро возведенном городке. Летописец описал с горечью:

> "И бысть победа на вси князи Русские, такова же не бывала от начала Русскои земли никогда же". "Ту же и Бродници были старые и воевода их Плоскыня, и той окаянный целова крест к князю Мстиславу и обема князьма,

---

[3]) ПСРЛ т. II, столб. 342; т. XXV, стр. 40

[4]) ПСРЛ т. XXV, стр. 112-113

яко не избити их, но пустити их на искуп, и солгав окаянный, предаст их связав Татаром, а город взяша, людей же изсекоша, а князеи поклодоша под дьски, и седоша верьху их обедати, и тако ту, скончаша князи живот свои"[5].

Если бы о предыдущих отношениях между Донцами и Киевской Русью можно было судить по письменным источникам, поступок Плоскыни, пожалуй, нашел бы свое оправдание. По данным археологии, Русы в 965 г. поступили с жителями Донца и Дона не милостивее, чем Плоскыня и его Бродники в 1223 году. Как видно, подробности нашествия войск Святослава еще не забылись в казачьей народной памяти. Под Лиственом и на Калке они только нашли свое отражение. К тому же Русы шли вместе с Половцами. Могли ли Казаки и их вождь отнестись иначе к союзникам своих заклятых врагов?

Летописец назвал Бродников **старыми**, как бы подчёркивая, что в данном случае говорится не о каких-то бродячих людях, а о народе с давних пор жившем на Дону отдельным организованным обществом. В Киеве к ним, вероятно, относили всех Славяно-Казаров, включая и жителей Земли Касак.

От 1223 (1225?) года Бродники или, иначе говоря, Казаки добровольно и надолго связали свою судьбу с Монголо-Татарами. Когда позднее, в 1237 году, на Восточную Европу двинулись бесчисленные орды Батухана, Казаки всей массой от Хопра и Медведицы до Кубани подчинились ему без сопротивления. Хан милостиво принял их покорность, сохранил от разрушения казачьи городки и в своем кочевом царстве определил для них общественное и политическое место. По словам А. И. Ригельмана, то же произошло и с Днепровскими Казаками:

"Когда Татары под предводительством хана своего Батыя в 1240 году взяли Киев, оной до основания разрушили и был город оной со всеми облежащими его местами пуст, тогда и Казаки отторгнулись от державства Российского и оставались под властию Татар".[6]

---

[5]) ПСРЛ т. XXV, стр. 120; тоже т. X, стр. 91-92

[6]) А. И. Ригельман. Летописное повествование о Малой России, страница 10

Речь в данном случае идет о тех Казаках-Черкасах, которые в большей или меньшей мере были связаны с Киевом. По Ипатьевской летописи известно, что Татары оставили нетронутыми и подольские городки Болоховцев.

Но кроме подчинившихся ханам Азовских, Донских и Днепровско-Бугских Казаков, кавказские казачьи общины ушли с Кубани и укрылись глубже в горах. Там в ущельях Пятигорья и Верхнего Терека они основали несколько городков, ставших скрытными горскими убежищами для всех жителей Приазовья, пожелавших уйти из под власти татарских баскаков. В то время эти окраины древней Касахии населяли только смешанные с Западными Асаланами Гребенские Казаки, а Кабардинцы пришли из степей Сев. Кавказа и стали там повсюду распространяться лишь в XV века. Край стал именоваться Большой Кабардой, Осетины же продолжали называть его прежним именем **Казах.**

Наравне с остальными жителями Черкасии, Горские Казаки неизменно избегали подчинения золотоордынским ханам. В дальнейшей истории они появляются, как прежние Казаровцы и Славяно-Казары: Казаки Пятигорские, Гребенцы и Горыничи.

По каким-то причинам, до нашего времени Средний Дон мало интересовал русских археологов. А там повсюду вдоль Иловли, Медведицы и Хопра высится много древних курганов и весь этот край представляет научно-исторический интерес не для одних Казаков. Кроме скифских курганных погребений, там может оказаться много средневековых городищ и могильников. По ним можно было бы судить и о материальной культуре населения. Когда эта область станет доступной для изучения, легче будет определить и место основного расположения Брадаса — Бродника.

При этом может оказаться, что поселения Боршевской археологической культуры на Верхнем Дону принадлежали не Вятичам, как думают русские археологи, а Бродникам. По летописи, Вятичи пришли на Оку не с юга, а с запада "от Ляхов". В их остатках на Оке Боршевская культура выражена слабо. В жизни Вятичей она не доминирует, а выглядит, как налёт влияний соседних южан, Бродников. В пластах подонских поселений Боршевская культура отражена много отчётливей, несмотря на то, что ее остатки перемешаны с остатками Салтово-Маяцкой культуры.

Глава сорок пятая

С МОНГОЛАМИ

Во время первого нашествия Монголов в 1223 году порядок жизни Приазовья и Подонья был нарушен мало[1]). Поселения не были разрушены, из жителей пострадали только те, что были убиты или ранены в боях с Половцами и союзными с ними Русами. Воины из Земли Касак, вероятно, также находились в рядах атамана Пласкыни. По томаторканской традиции они всё еще оставались врагами Половцев и недоброжелателями Киева. Примкнув к Монголам, они избежали рабства покорённых, сохранили свои жилища и положили основы добрых отношений с будущими завоевателями.

Батухан с ордами Монголов окончательно занял наши степи в 1240 году. Русь к этому времени была уже обращена в положение данников Золотой Орды, причём ее общественный уклад оставался прежним, а князья Рюриковичи, сумевшие вовремя прекратить сопротивление, остались у власти.

Степные же племена вошли в состав улусов, выделенных для царевичей Чингисидов, между которыми были распределены и земли Чёрных Клобуков. Болоховцы, Бродники и все Торки вошли в состав населения новой империи. В некоторых случаях остались на местах и их князья. В ордах они именовались нойонами и бегами. В Золотой Орде, занявшей степи от Средней Азии до Ю. Буга, таких князей-старейшин оказалось много. Оставшиеся не у дел зачислялись в гвардейскую тысячу и находились при ханской ставке, откуда назначались командирами тысяч, а иногда и темниками — эмирами над армиями, созданными из жителей покорённых народов. Служебное положение эмиров связывалось с правом кормления. Они получали в пользование пастбища и поселения, примыкавшие к их войскам, на ос-

---

[1]) История Золотой Орды основательно разработана на многих языках. Главные её тезисы сокращённо изложены в моей «Книге о Казаках» (главы 27-37). Здесь же приходится задержаться на тех подробностях общественной жизни этого кочевого государства, которые наложили свой отпечаток на последующие судьбы наших предков.

новах своеобразного **ленного** владения. Доходы с них шли на выплату денежных повинностей хану, на личное содержание эмира и на жалованье для рядовых бойцов **тьмы** (десяти тысяч). Часть своих прав темники передавали за вознаграждение тысяцким.

Казаки начали устраивать новую жизнь. Ко времени образования золотоордынской империи Дешт-и-Кыпчак они в значительной своей части вели еще полукочевой образ жизни. Двухвековое сожительство с Русью не создало у них крепких уз со Славяно-Русами, хотя язык последних распространился и между туранской частью Чёрных Клобуков. Монголы, вероятно, узнали о их взаимной отчуждённости, а потому поручили Казакам охрану степных границ, за которыми простирался обширный лесной край русских княжеств.

Таким образом, и при Золотой Орде Казаки оставались на прежнем положении хранителей чужих границ. О такой их неизменной роли знали все соседи, а потому имя наших предков попало в половецкий словарь именно в таком значении. Этот словарь или **Алфавит,** составленный германскими миссионерами сообща с генуэзскими книжниками в конце XIII столетия, приложен к рукописи Codex Cumanicus. Её единственный экземпляр хранится в венецианской библиотеке св. Марка. В словаре собраны половецкие слова с переводом на персидский и поздне-латинский языки. В отделе понятий, имеющих отношение к войне, помещено половецкое выражение ghasal cosac с указанием его персидского значения naobat cosac и соответствующего ему латинского guayta cosac. Персидское naobat и латинское guayta обычно переводятся, как **охрана** или **стража**[1]).

В ордах **Казаки охраны** составляли особый служилый пласт. Иногда, как это было, например, в Крыму при темнике Нагае, их отряды пополнялись Готами и Кавказцами. В них же зачислялись подросшие дети татарской знати от пленниц — христианок и благодаря им в типе некоторых Казаков появились монгольские черты. Татары называли таких метисов словом **бслдыр.** Но главными казачьими кадрами оставались бывшие Чёрные Клобуки или Черкасы, смешавшиеся с Асами или Ясами. Пахимер (1242-1310) указывал среди них и Русов[2]).

Не опровергая такой возможности, всё же следует

---

[2]) Günter Stockl, Die Entstehung des Kosakentums, s. 39 - 40.

[3]) Г. В. Губарёв, Книга о Казаках, стр. 222

помнить, что тогда когда Пахимер писал свою Историю, скандинавское имя Русь в Европе и на Востоке распространяли на всех Восточных Славян, не исключая и Славяно-Казаров. Этнические названия путали повсюду. В. В. Бартольд говорит, что Арабы причисляли к Туркам и Русов[4]). По словам арабиста А. Н. Поляка, в Египте Русы или Урусы так же как и Асы, все одинаково считались татарскими племенами[5]). Но в то же время ал-Калкашанди, составитель арабского энциклопедического словаря, законченного около 1412 г., описывает Австрию, как страну общую для Русов и Франков, то есть — для Славян Западных и Германцев. Египтяне, Персы, Татары и сами Русы в то время ещё не различали народов Европы и часто всех подряд именовали Фрягами или Фанками "Татары называют все европейские нации Франками", говорит Иосафат Барбаро.

Племенные названия наших предков при Монголо-Татарах все вышли из употребления. Летописцы забыли о Чёрных Клобуках и Торках с Берендеями. Как сказал В. Н. Татищев: "По нашествии Татар все сии имена угасли". Не угасло только одно племенное старо-скифское имя **Касак.** В форме Казак оно теперь распространилось на все племена вошедшие в состав нашей народности. И только в русских актах его часто заменяли географическим прозвищем **Черкас.** Произошло же это потому, что все эти чёрноклобуцкие народы оказались к началу XIII века полностью **оказаченными.** Теперь из их общего массива уже было бы невозможно выделить Торковузов, Печенегов, Берендеев или Асов. Вероятно, все они знали славянский язык, а большинство было несомненно христианами. Из них оседлые строили в религиозном рвении церкви и монастыри.

Возможно, что часть наших кочевников ещё не ук-

---

[4]) В. В. Бартольд, Сочинения т. II, ч. 1, стр. 689

[5]) А. Н. Поляк, Новые арабские материалы в книге Восточные источники по истории Юго-Восточной и Центральной Европы. М. 1969, стр. 58 и 36. У того же автора на стр. 45 находим, что осведомлённый арабский географ ал-Идриси в своем труде, законченном к 1154 году, подчёркивает, что Казарские Русы — не выходцы из Киевской Руси или севера, а другие Русы, и что они пришли в Казарию из мест соседних с Венгрией, с Карпатами, близких к Германии и к бассейну Чёрного моря. Иначе говоря, указывается та область между Австрией и Чёрным морем, откуда в 764 году на Донец явились Салтовцы. Ал-Идриси, повидимому знал «Краткую Историю» патриарха Никифора, но по обыкновению своих современников смешал «выходцев из склавинского племени» с Русими.

репилась в правилах Новой Веры, но и без них в степях было много истинных христиан. Никто им не мешал исповедывать свою веру и выполнять положенные обряды. Наоборот, духовенство у Монголов пользовалось особыми привилегиями, а в 1261 году, по приказу хана Берке для христиан, проживавши в границах его царства, была учреждена особая Сарайская епархия. Формально она считалась в подчинении у митрополитов киевских (в дальнейшем — у митрополитов московских), но обладала некоторыми автономными правами и ее духовенство не всегда выполняло требования русских духовных властей. А по этому поводу почти сто лет велись пререкания, "были многажды речи и мятеж был промеж двема владыками рязанским и сарайским", по поводу границ их епархий. За этим следовали увещевания московских митрополитов, направленные к подонским христианам, и строгие требования считать приходы области Червленого Яра между Хопром и Доном в Рязанской епархии. Этот приказ остался без выполнения, так как Казаки не пожелали покинуть свою епархию Сарайскую и Подонскую[6]).

При Татарах не всем Казакам удалось остаться на прежних местах. По выводам археологии часть Чёрных Клобуков, в связи с новым служебным ,положением должна была перекочевать за Волгу, где они находились при главной ханской ставке. За Волгой среди памятников монгольской эпохи снова появляются погребения с конём. Перед этим их там не было свыше двух столетий. Один из археологов пишет, что на карте,

> "Поволжье, почти пустынное в предшествующую эпоху, заполняется точками обозначающими погребения и среди этих погребений значительный процент составляют могилы с конём или костями коня, разложенными именно так и с такой же ориентировкой, как это было принято у Печенегов, Торков и племени черноклобуцкого союза. Судьба "черных клобуков" после татарского завоевания стала проясняться. Часть их переселилась в степи Поволжья, а часть осталась на прежних кочевьях в южной Киевщине"[7]).

---

[6]) Г. В. Губарёв, Книга о Казаках, стр. 214-219 и 316-318

[7]) Г. А. Фёдоров-Давыдов, Курганы, идолы, монеты, М. 1968, стр. 66 69. Здесь говорится о тех Печенегах, которые слились с Торками.

За Волгой теперь раскопано много подкураганных погребений, выполненных по торческому обряду[8]). Они во всём схожи со своим кавказским прототипом и по праву должны были бы называться казачьими погребениями, так как принадлежали Ордынским Казакам. И для монгольского времени это не обязательно языческий обряд. По могиле в Таганче известно, что Казаки могли похоронить своего покойника-христианина тоже вместе с его боевым товарищем — конём.

Золотоордынская империя Дешт и Кыпчак, не в пример феодально раздробленной Руси, отличалась вначале централизованностью и связанным с этим могуществом. Соответственно должно было измениться и отношение Казаков к новой центральной власти: прежние **федераты,** какими они были при киевских князьях, теперь стали подданными хана. Они подчинялись ему через своих атаманов-баскаков и ханских наместников, улусных царевичей.

Оседлые Казаки, как подданные, тоже имели свои задачи военного или хозяйственного характера. Они должны были охранять участки границы, прилегавшие к их юртам, участвовать в походах своих царевичей, водить конвои торговых караванов, обслуживать переправы через реки или производить продукты сельского хозяйства. Род жизни в пограничье мало отличался от того, какой не так давно вели Линейцы в своих подгорных станицах, при постоянной сторожевой службе и боевой готовности. Можно было ожидать нападения и со стороны Руси и от бродивших повсюду татарских своевольных шаек. Поэтому среди Казаков сохранялся давно создавшийся тип воина-профессионала, для которого конь, кинжал, острая шашка и лук со стрелами стали своего рода **орудиями производства.** С оружием приходилось служить ханам, оно кормило семью, охраняло домашний очаг от посягательств со стороны. Казаки преобретали его в боях или от лучших мастеров, дорожили им и содержали в полной исправности. В степных табунах они растили коней наиболее выносливых и быстрых.

Ханы видели в Казаках воинов, честно выполняю-

---

[8]) К. Ф. Смирнов, Курганы у сёл Иловатка и Политотдельское, МИА 60, стр. 64, 103, 105, 126, 160, 233; В. П. Шилов, Калиновский курганный могильник, МИА 60, стр. 510; И. В. Синицын, Древние памятники в низовьях Ерусалима, МИА 78, стр. 41, 42, 76, 120, 122, 132, 133, 166, 208

щих порученные им обязанности. В своих грамотах они приказывали писать их в ряду с ордынской знатью: "Уланы, князья, мырзы и Казаки".[9]) Но для рядовых монголо-татарских масс они не стали своими людьми, оставались чужими и по происхождению, и по вере, и по оседлому быту. Несколько десятилетий готовые проявиться антагонизмы сдерживал общий порядок в ордах, расположение к ним ханов и своя шашка. Распространившееся по стране магометанство усилило розчь, а полный разгул злой воли начался после того, как в Золотой Орде стали бушевать междоусобные столкновения.

Казаки всё же долго ещё оставались на родной земле.

[9]) Уланы или Огланы — царевичи.

Глава сорок шестая

БОЛОХОВЦЫ И ИХ ПОТОМКИ

Прозвище **Болоховцы** появляется в Ипатьевской летописи под годом 1232-м совершенно неожиданно, в самый разгар междоусобий на Волыни и в Галичине. Там безнадежно продолжались "бещисленныя рати, и великыя труды, частыя войны, и многия крамолы, и частая востания, и многия мятежи, из млада бо не бы има покоя".[1])

На Южном Буге Болоховцы или Бологовцы оказались в водовороте постоянной борьбы между Русами, Венграми, Литвой и Польшей. Они заняли поселениями берега реки, не спрашивая на то разрешения у владимирского князя Даниила, претендовавшего на эту область. Поэтому они оказались для него нежелательными пришельцами тем более, что и позднее они не легко подчинялись его власти и действовали в союзе с его противниками. С самого начала Глеб Зеремеевич и иные болоховские князья упоминаются в летописи, как союзники венгерского королевича Андрея. До этого времени Глеб Зеремеевич был несколько лет доверенным лицом князя Даниила.[2]) Но теперь по какой то неизвестной причине он сказался в стане врагов своего прежнего друга. Через два года он снова примирился с Даниилом и возвратился в его ряды. Другие болоховские князья за ним не последовали. В 1235 г., вместе с галичанами, сторонниками королевича Андрея, они погромили весь край до Гуры Хуморы и осадили Каменец. Сидевший в Торческе князь Владимир прислал на помощь городу свое войско и каменецким боярам сообща с ним удалось разбить Болоховцев. Их князей, попавших к ним в плен, они привели к Даниилу.

Вскоре однако Киев пал под ударами Татар и Батухан повел свои орды дальше на запад. Русские князья получили возможность возобновить распри, а пленные болоховские князья оказались на свободе. Они вместе с остатками галичан и князем Ростиславом снова двинулись на запад к Карпатам. Их отсутствие использовал Даниил. Он напал на Болоховские города, пожег их, раскопал их оборонные валы и возвратился в свой Владимир с многочисленными пленными и богатой добычей. Затем он пошел на остальные болоховские го-

---

1) ПСРЛ т. II, столб. 750

2) Там же, столб. 752

рода: Деревич, Губин, Кобудь, Кудин Городец и Божьский Дядьков. Даниил был очень зол на Болоховцев и за то, что Татары отнеслись к ним дружески и оставили их "да им орють пшеницю и проса".[3])

В распри между Даниилом и болоховскими князьями вмешался мазовецкий князь. Он "держал руку" Болоховцев, но Даниил "князе их изъя от руку Болеслава, князя Мазовьского, рекшу Болеславу, почто суть вошли во землю мою, яко не вдах им реки и не суть вои твои, но суть особни князи".[4]) После того, как города были разрушены, он хотел разграбить и их личное имущество, но те откупились богатыми дарами и обещали ему покориться. Всё же в результате нападения волынян на Болохов, "не оста ничто же во граде их еже быть не пленено". Судя по летописной записи 1258 года, уже после того, как Даниил стал править краем от имени ханов Золотой Орды, Болховцы восстановили часть своих городков с центром в прежнем городе Болохове. Даниил удерживал их в подчинении силою.[5])

От 1258 года летописец списал Болоховцев с исторического счёта, так и не осветив вопроса, что это за народ и откуда они явились в Подолье. Записи Ипатьевской летописи не отличаются особенной ясностью, но по ним всё же можно судить, что Болоховские князья не были Рюриковичами, что сами Болоховцы были оседлыми земледельцами, хотя не оставляли и своих прежних боевых навыков. Татары не причинили им никакого вреда, а зато русский князь опустошил их край до основания.

По указаниям более поздних источников, река, которую Даниил не хотел им уступить, была Южным Бугом. На его берегах и на всём Подолии от древности "водилось большое количество разнородного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы".[6]) В волынских песках таких богатств никогда не было.

Много вероятия в том, что Болоховцами или Бологовцами на Руси, по какой то причине стали называть тех Торков и Берендеев, которые постепенно продвинулись дальше на запад. В пользу этого говорит и топонимика Побужья. Там существовал город Торчев, ука-

---

[3]) ПСРЛ т II, столб 792
[4]) Там же
[5]) Там же, столб. 838
[6]) МИА 108, стр. 349

занный в летописи отдельно от Торческа, есть и теперь речка Торчанка, село Торчин, село Торчицы на реке Торчица, село Торчевский Степак в Таращанском уезде, река Торча, местечко Торчин Подольской губерни, Торчецкое взгорье, местечко Торков Брацлавского уезда. Это достаточно богатый показатель размещения Чёрных Клобуков и у реки Ю. Буг. Но новыми жителями Подолья могли быть и Чёрные Болгары, перемешанные с Бродниками. На Западе их знали под последним именем. Венгерский король Бела IV в 1254 году видел их недалеко от границы своего королевства. Он писал папе Инокентию:

> "Когда государство Венгрии от вторжения Татар, как от чумы, большею частью было обращено в пустыню и, как овчарня изгородью, было окружено разными племенами неверных, а именно: Русами, Бродниками с востока, Булгарами и Босняками еретиками с юга ..... Татары заставили платить дань особенно страны, которые с востока граничат с нашим царством: Русь, Куманию, Бродников, Булгарию"[7]).

Славяне же в равной степени могли их считать Болгарами, причём полногласная форма этого имени Болгорцы могла обратиться в Бологорцы и в Бологовцы с придыхательным Г.

Неопределенность этих предположений несколько разъясняется указаниями более поздних источников. Они подсказывают решение, что Болоховцы, каким из степных племен их не считать, в конечном результате были ни кем иным, как казачьими предками.

Рассмотрим вкратце все последующие и доступные в наших условиях данные.

Литовская хроника Быховца, законченная в первые годы XVI ст. имеет такую запись под годом 1351:

> "Князь великий Ольгерд, собрав силы свои литовские, пошел и побил Татар на Синих Водах, трех братьев, Хачибея, Кутлубугу и Димитрия, а те три брата в орде правили и были отчимами и дедичами Подольской земли, и от них на Подолии были назначены атаманы, которые ведали всеми доходами, и к ним приезжали татарские баскаки и забирая у тех атаманов дань отвозили в орду"[8]).

---

[7]) И. П. Буданов, Дон и Москва книга IV, 2, стр. 6

[8]) Бронника Быховца, М. 1966, стр. 56

По этой записи **местными потомственными владельцами** (отчимами и дедичами) были братья Хачибей, Кутлубуга и Димитрий. В польских разночтениях: Кочубей, Катлубек и Димитрий; у А. А. Васильева: Качибей, Кутлубек и Димитрий"[9]). По хронике они происходили из рода князей, которые здесь правили до прихода Батыя, а после, живя в тесном общении с Крымскими Татарами, первые два приняли вместе с ними магометанство, переняли их имена и титулы. Это там стало общим явлением. О нём упоминал греческий историк Георгий Пахимер за пол века до битвы на Синих Водах. Все народы, попавшие под власть темника Нагая, приняли вскоре татарские обычаи, фасон одежды и язык[10]). Речка же Синюха, где произошла встреча Литвинов с "Татарами", как раз та местность где, судя по летописи, начинались земли Болоховцев. В дальнейшем этим краем завладела Литва. По словам той же хроники, племянники Ольгерда, три брата Кориатовичи заменили там прежних отчичей и дедичей:

> Они "с разрешения великого князя Ольгерда, своего дяди, и с литовской помощью пошли в Подольскую землю, а в то вревя в Подольской земле не было ни одного города ни из дерева рубленного, ни из камня построенного. Тогда те князья, придя в Подольскую землю, вошли в дружественные отношения с атаманами и начали защищать Подольскую землю от Татар, а баскакам выхода не стали давать. Прежде всего они нашли себе крепкое место на реке Смотричи и здесь заложили себе город Смотрич. В другом месте в горе жили монахи и в том месте князья создали Бокоту. И охотясь, приходилось им загонять много оленей на том острове, где сейчас находится Каменец и, срубив лес, построили каменный город Каменец, а затем все города подольские и завладели всей землей Подольской[11]).

Отсюда следует, что атаманы и их люди легко отказались от своих отатаренных князей и подчинились чужим князьям литовским. Но из других сообщений видно, что это свершилось не без болей. Например, другой

---

[9]) Английская книга А. А. Васильев, Готы в Крыму, стр. 184

[10]) Г. В. Губарёв, Книга о Казаках, стр. 222

[11]) Хроника Быховца, стр. 56

автор XVI ст. Матвей Стрыйковский рассказывает в своей **Хронике,** что проезжая с посольством из Польши в Турцию он встретил в Добрудже у Облутицы и Силистрии особых Татар: "Большая часть из них, пишет он, говорит на славянском языке и занимается хозяйством и, когда я их распрашивал, сами рассказали, что их предки изгнаны Литвой из Подолии"[12]). Значит до переселения в Добруджу они проживали там же, где и Белоховцы.

В третьей польской хронике того же времени, составленной Мартином Бельским, говорится, что сын польского короля Ян Альбрехт успешно прошел в 1481 году через Подольские степи только благодаря помощи местных Казаков, хорошо знавших край[13]).

Эти данные, связанные между собою по месту и по времени находят еще одно подтверждение в более позднем сообщении Эвлия Челеби, Турка проезжавшего Подунавье в 1665 г. С его слов турецкая география XVIII века указывала, что в устьях Дуная проживал небольшой народ Казаки-путкалы: "Они происходят из владений крымских ханов; позже в Очакове, Аккермане, Бендерах и Килии они стали поденными рабочими. По этой причине их называют топ-оглу". "Эти Казаки невероятно воинственны и доблестны, число их, примерно, 12.000 человек; они носят ружья". Во время императрицы Анны Иоанновны они ушли в Россию: "Прельщенные неверными 12.000 воинственных людей были отделены и отданы России"[14]).

Таким образом, несколько ранних источников указывает: 1) что в XIV веке летописную землю Болоховцев, Подолию, занимал народ, подчинявшийся крымскому хану через местных беев и беков; 2) что этот народ пользовался славянским языком и непосредственными начальниками имел **атаманов**; 3) что часть этого народа, изгнанная Литвой в Добруджу, продолжала и там пользоваться славянским языком; 4) что остальные проживали и дальше на старых местах и назывались **Казаками.**

Указанные источники дают только отрывочные сведения о Подолье и Побужье, но и тонкая путевая нить, оставленная ими, идет прямо от Болховцев к Казакам.

---

12) А. И. Рогов, Русско-польские культурные связи в эпоху возрождения. М. 1966, стр. 169

13) В. А. Голобуцкий, Запорожское Казачество, Киев 1957, стр. 45: "mając wodzę Kozaki tych tam miejsc świadome".

14) Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М. 1964, стр. 147

Глава сорок седьмая

ОРГУЗИИ — АТАМАНЫ

Сохранились письменные свидетельства, из которых видно, что и в Крыму, сразу после его завоевания Монголами, ханы не препятствовали существованию казачьих общин. Иногда совместно с Татарами Казаки нападали на богатые крымские города. В греческом тексте церковной книги города Сугдея, **Синоксария,** составленного в XII веке и позднее дополненного сообщениями о местных крупных происшествиях, между прочим записано, что 17 мая 1308 г. раб Божий Альмальтку, сын Симака, погиб от шашки Казака. Более подробных объяснений не дается и из этого будто бы следует, что "ни для составителя добавлений к Синоксарию, ни для того времени в подобных происшествиях не было ничего необычайного"[1]).

Во время темника Нагая, т. е. до 1300 года, его люди не могли нападать на крымские города. Нагай был сильным владетельным князем в Крыму, дружил с Византийцами, поощрял торговлю с генуэзцами и не препятствовал наличию в Кафе их консула. Он, несомненно, сдерживал и своих Казаков. Такие нападения стали возможными только после его смерти. Но генуэзцы старались урегулировать отношения с Татарами и обеспечить своим купцам возможность беспрепятственной торговли со степью. 28 ноября 1380 года им удалось заключить гарантийный договор, по которому хан Тохтамыш признал их право на независимую область в южном Крыму, вдоль берега от Цембало (Балаклавы) до Сольдаи (Судака)[2]). Главным городом генуэзцы избрали Кафу (Феодосию). Эту обширную колонию они по старой памяти называли Газарией. Жизнь населения в ней регулировалась из Италии. Там же в Генуе находился Officium Gazariae, издававший правила управления колонией. Колониальная администрация должна была в точности выполнять все указания итальянского центра и не чеканить собственных монет.

---

1) Günter Stockl, Die Entstehung des Kosakentums, s. 43.

2) Английская книга А. А. Васильев, ГГоты в Крыму, стр. 170

От 1318 г. Кафа стала местом пребывания католического архиепископа, хотя мусульманае тоже имели там свою мечеть.

В 1449 г. на основе всех писанных правил и указаний по управлению колонией был составлен **Устав** генуэзских владений Черноморья. Из этого свода законодательных постановлений следует, что Казаки беспрепятственно проживали в городах Крыма, принадлежащих Генуе, также как и в Тане (Азове). Они выполняли там некоторые обязанности и обладали известными правами. По договору с Тахтамышем, татарам не разрешались жить внутри крепостных стен Кафы, Казакам же это очевидно не запрещалось. Во всяком случае **Устав** 1449 года вспоминает Казаков-Оргузиев, как людей из Кафы, много раз и как нечто совершенно обычное. Они жили в Крыму и вне владений генуэзцев. На карте Жирарда Меркатора (XVI в.) речка, на которой стоит Севастополь и которую теперь называют Чёрной, обозначена, как **Казачья речка**. Сколько нужно было времени для того, чтобы утвердилось такое географическое название!? Чтобы речка стала называться по казачьему племенному имени, в том районе должно было проживать много Казаков и немало лет.

В то время, когда Устав был принят к руководству в Золотой Орде уже горели междуусобия, назревал развал империи Дешт и Кыпчак, в степях не осталось и следа единой власти. **Казаки охраны** служили в отрядах местных генуэзских администраторов и по их разрешению совершали выпады в дальние степи, откуда возвращались с богатой добычей, преимущественно со стадами отбитых у Татар скота и лошадей. В Уставе Casachos и вспоминаются несколько раз в связи с вопросом о распределении добычи.[3]) Их имя дважды сочитается с другим трмином **оргузии,** Casachos orgusios.

Ввиду того, что этот трмин много раз употребляется в **Уставе** и отдельно от Казаков в формах Horgussii,

---

[3]) Günter Stockl, Die Entstehung des Kosakentums, s. 46.

[4]) Английская книга А. А. Васильев. Готы в Крыму, примечание на стр. 204 в переводе с английского: Оргуксиус или аргузиус — судьи, судебные чиновники. **Смотри В. Смирнов, Крымский ханат под властью Отоманской Порты до начала XVIII столетия.** В древности слово «судья» имело не только первое значение, но по библейски обозначало начальника, старейшину. В Москве еще и в XVI веке начальники Приказов: Посольского Разрядного, Поместного и другие также назывались судьями. См. О. В. Ключевский, Сочинения т. II, М. 1957, стр. 339

Arguxii, Orguxii, он научно определяется, как слово обозначающее начальника, чиновника или судью[4]). В тех случаях, когда термин **оргузии** сочетался с казачьим именем, его без ошибки можно понимать в значении казачьего начальника, атамана. Из слов **Устава** ясно, что этот термин определяет исключительно служебное или почетное положение в обществе.

Немецкий автор Гюнтер Штоекль отвергает возможность видеть в **оргузах** испорченное название Азиатских Огузов. н пишет:

> "Имена оргузиев, которые в небольшом количестве сохранились ст XV века, не подтверждают предположения о таком их происхождении, а внесят ещё большую путаницу. Между ними рядом с Эминус Куманикус и Аранус Католикус встречаются Симон Арменикус и Тенгliберди — определённый Татарин"[5]).

В данном случае этот исследователь частично прав: считать термин **оргузии** этническим наименованием **Огузы,** при таких условиях, совершенно невозможно, но путаницы эти ценные подробности никакой не вносят, они только подтверждают, что **оргузии** — не народ Огузы, а **служебное положение,** которое могли занимать представители различных народностей, не имеющих ничего общего с Огузами. **Казаки оргузии** генуэзского Устава выглядят так, будто это Атаманы-Казаки обращение, употреблявшееся позднее в московских грамотах. Конечно, в смешанном обществе генуэзских колоний Атаманы-Казаки могли быть и охранниками, и дипломатическими курьерами, и добытчиками, обязанными отдавать управлению своего города четвёртую часть добычи. Такая разносторонняя деятельность обеспечивала жизнь безбедную, хотя и связаанную с риском.

В Уставе оргузиями названы также двадцать человек конной стражи при кафинском консуле и солдаты охраны въездных ворот в кафинскую цитадель. Восемь оргузиев всегда находилось в распоряжении консула Сугдеи; упоминаются они и в других городах колонии, Сольдае и Цимбало. Все они считались служащими городских общин по вольному найму и получали жалованье. Консулу Кафы запрещалось расходовать для какой либо иной цели деньги, предназначенные на жалованье служащим и оргузиям. Чиновники контроля по-

---

[5]) Günter Stoekl, Die Entstehung des Kosakentums, s. 49-50.

учались, как вести наблюдение за действиями городских служащих, а в том числе и оргузиев. Оргузии были обязаны уплачивать писарю финансового управления установленный для них налог и делиться добычею с жителями своего города[6]), а городскому правлению по Уставу разрешалось в некоторые праздничные дни выплачивать оргузиям и другим служащим наградные деньги[7]).

Кроме охранной службы, оргузии выполняли поручения, указывающие на то, что они хорошо знали окружающие степи и прилегающие по ним пути. В конце XV века их команды неоднократно сопровождали кафинских послов, а иногда они со своими людьми посылались, как самостоятельные дипломатические курьеры, особенно к ханам отдельных орд[8]). Некий Симон Армянин, оргуксиус Кафы, был послан к Алексею Готскому для переговоров"[9]).

---

[6]) Günter Stockl, Die Entstehung des Kosakentums, s. 46-47 Anmerkung

"Si contiget fieri aliquam predam terrestrem per casachos orgusios seu homines Caphe tam de rebus bestiaminibus et bovis Tartarorum quan aliorum quorumcumque statuimus et ordinamus quod Consul Caphe porterii seu aliqui officiales Caphe vel aliqua persona cuiuscumque condictionis exista nullam possint audeant vel presumant accipere portionem de tali preda seu bestiaminibus ymmo talis preda sit et esse intelligetur libera et pleno iure eorum qui ipsam fecissent et intercepissent. Et teneatur d-nus Consul Caphe tales casachos orgusios et interceptores substinere et eis dare omne auxilium et favorem. Si quis autem Consul officiales vel aliqua alia persona quicuam ab interceptoribus predictis auferret et interciperet incident in penam dupli eius quod cepisset vel habuisset ab antedictis." Jurgevič, Ustav, S. 757 f.

Soldaia: "Et quia forsam in posterum contiget fieri in dicto loco aliquam predam seu interceptionem, statuimus et ordinamus quod de quorumcumque preda fienda de quibuscumque rebus inimicorum seu aliorum qui quovismodo contradecissent decretis Caphe perveniat in Consulem dicti loci quarta pars et relique tres quarte partes dividentur inter commune et cazachos et eorum quemlibet pro dimidia." Jurgevič, Ustav, S. 783.

Cembalo: "Et quia forsam contiget in posterum fieri predam seu interceptionem per homines loci illius, statuimus et ordinamus quod de quacumque preda fienda de quibuscumque rebus inimicorum seu aliorum qui quovismodo contrafecissent decretis Caphe perveniat in Consulem dicti quarta pars relique tres quarte partes dividentur inter commune et dictos cozachos seu alios interceptores videlibet quemlibet eorum pro dimidia." Ebenda S. 789.

Neben "Orgusii" finden sich die Schreibungen "Horgusii", "Arguxii", "Orguxii".

[7]) Там же, стр. 47

[8]) Там же стр. 47-48

[9]) Английская книга А. А. Васильев, Готы в Крыму, стр. 204

Через сто лет, в роли дипломатического курьера из Крыма, акты указывают Атамана Дувана, прибывшего в Астрахань уговаривать тамошнего хана Дербышы возвратиться под покровительство крымского хана и турецкого султана. Это лишнее свидетельство о тождественности понятий **орʻузии** и **атаманы**, хотя между Генуэзским Уставом и миссией Дувана легло целое столетие.

Казаки генуэзских колоний добывали скот далеко в степях у племен враждебных Крыму. Их нападения на стада не мешали другим Ордынским Казакам оставаться по месту прежней службы при ханах Астраханских и Казанских. По русским и польским актам конца XV века, связанные с Крымом Казаки известны в качестве Перекопских и Белгородских.

---

10) Дела Донские под годом 1557. В Никоновской летописи он указан, как Атман-Думан.

Глава сорок восьмая

ОРДЫНСКАЯ ЗАМЯТНЯ

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

Державин

Генуэзский Устав 1449 г. совпал по времени с полным развалом империи Дешт-и-Кыпчак. "Замятня" (т. е. постоянные междуусобия) начались уже в конце XIII века, когда мангытский князь и темник Нагай фактически отделился от сарайских ханов и создал в Крыму особое княжество. Через несколько лет после его гибели в бою с войском хана (1300 г.), сильный и мудрый правитель, хан Узбек (1312-1342) на время восстановил единство владений Золотой Орды. Он сурово пресекал попытки царевичей и князей начать новые мятежи, но когда он умер, зерно распрей посеянное Нагаем дало обильные ростки и междуусобица в Орде разрослась с удвоенной силой. С распространением магометанства окончилась эпоха веротерпимости, шла непреывная резня, каждый из Чингисидов считал себя полноправным наследником ханского престола, а национальная пестрота населения оказалась роковой для некогда могучей империи, она стала распадаться на части. При этом развитию центробежных сил способствовали сами царевичи: потерпев неудачу при попытке овладеть центральной властью, некоторые из них удовлетворялись положением неограниченных владык в меньших улусах. Так в 1362 году царевич Булак Темир обосновался в краю Волжских Болгар и с местным населением, Черемисами и Башкирами, заложил начало Казанскому царству. Тогда же мордовский князь Тогай самоопределился в независимое княжество со столицей в Наручади. Затем от Сарая оторвалась Ак-Орда с областями Средней Азии. Она состояла преимущественно из Тюрок: Огузов Туркменов и Кайсаков с небольшой примесью Киргизов и Узбеков.

Днепровские Казаки от времен Нагая тянули к царевичам владевшим Крымом. С ними и с частью Половцев царевич Девлет Берди, выйдя из подчинения Сараю, возродил Крымское ханство, присоединив к нему и Таврию. Сарай остался в одиночестве с наиболее монгольскими подданными Нагайцами и Мангытами.

Ослабление Золотой Орды использовал литовский великий князь Ольгерд. В 1365 году он занял Подолье, Поросье и Киев вместе с их населением, оседлыми Казаками и остатками Украинцев-Русов.

Не оставался в бездействии и московский в. князь. При Иване Калите (1328-1341), возвеличенная и обогатившаяся откупами от ханов русской дани, Москва выросла в правящий центр всей Северо-Восточной Руси. Ее князья бессменно получали от ханов ярлыки на великое княжение. Внук Калиты Дмитрий Иванович, видя упадок ханской мощи, стал лелеять мечту об освобождении от татарско-монгольской власти. Он непрерывно наращивал военные силы сам и поощрял вооружение подчиненных ему меньших князей. В 1378 году Дмитрий рискнул выступить открыто. Боевая встреча с войсками темника Мамая в Рязанской земле на реке Воже завершилась победой московского князя.

После этого вел. князь воспрянул духом и когда через год узнал, что темник Мамай, правивший ордой от имени слабого хана, двинул на него свои рати, он не откладывая призвал к себе на помощь подвластных князей и с таким сборным большим войском выступил врагам навстречу.

Решающая битва произошла на Куликовом Поле у излучины Дона, где проходила граница между Русью и кочевым царством Дешт-и-Кыпчак. Войска Мамая были разбиты и стали отступать, разрушая по пути северные городки Донских Казаков.

В ордах уже десятилетия шла династическая сумятица. Раз начавшись, она росла и ширилась, обращаясь в войну всех против всех. Населению окраин она причиняла неисчислимые беды. Вдали от каких либо правящих центров, своевольные татарские стряды немилосердно насиловали и грабили местное оседлое население даже в границах своего прежнего царства. Не миновала такая судьба и Казаков с Верхнего Дона. Но там, где переставала действовать и видимость строгого чингизханова права, в помощь оставалась ещé своя вооруженная рука. Казаки умели и обороняться от своих прежних сограждан и нападать на них сами. По словам А. И. Ригельмана, в Родословной Татарской истории говорилось: "Когда татарская сила начала упадать, то Казаки, видя, что Россияне начали явно противиться Татарам, также нападали на них всеми своими силами"[1]).

Ригельман писал об участии Казаков в битве на Ку-

---

[1]) А. И. Ригельман, Повествование о Донских Казаках, стр. 7

ликовом Поле: "Краткая Московская летопись напоминает нам, что перед сражением Московского великого князя Димитрия с Мамаем поднесена ему Донскими Казаками икона Донская, которая была в Москве в Донском монастыре"[2]). Где теперь летопись хранится, неизвестно, но ее слова об этом событии точно воспроизводятся в двух сборниках московских церковных актов, Вкладных книгах Донского монастыря и часовни на Лубянке. В первой говорится:

> "Того ради последи прославися образ Пресвятыя Богородицы Донския, зане к великому князю Дмитрию Ивановичу Донские Казаки, уведав о пришествии благовернаго великого князя Димитрия Иоанновича в междуречьи Дону и Непрядвы, вскоре в помощь православному воинству пришли бяше и сей Пречистыя Богоматери образ в дар благоверному и вел. князю Димитрию Иоанновичу и всему православному воинству в сохранение, а на побеждение нечистивых агарян вручили".[3]) ли"[3]).

Вторая же запись из лубянской Вкладной книги гласит:

> "Там в верховьях Дона народ христианский воинского чину живущий, зовомии Козаци, с радостию стретающа его со святыми иконами и со кресты, поздравляюще ему о избавлении своем от супостатов и приносяща ему дары от своих сокровищ, иже имяху у себя чудотворные иконы в церквах своих"[4]).

Неизвестно, сохранились ли оригиналы этих записей после революционных разгромов, но дословные выдержки из них остались в исторической литературе и они для нас имеют такое же крупное значение, как послания митрополитов Феогноста и Алексия,, как заметка сугдейского Синоксария и Генуэзский Устав.

Приведенные выше однородные, а потому достоверные, свидетельства указывают, что Казаки и в четырнадцатом веке пребывали там же, на тех же самых ме-

---

[2]) Там же стр. 6

[3]) И. Г. Забелин, Историческое описание Донского монастыря, цит. по И. П. Буданов, Дон и Москва IV, 1, стр. 56

[4]) Х. И. Попов, Краткий очерк Донского Казачества, стр. 15, цит. по И. П. Буданов, Дон и Москва IV, 1, стр. 56-57

стах, где их предков Брадасов-Бродников помещает персидская география **Гудуд ал-Алэм.**

Вопрос о том, принимали ли Казаки 8 сентября 1380 года участие в Куликовской битве, трактуется в истории по разному. Краткая Московская летопись и вкладные записи говорят, что участвовали. О том же говорит и дальнейшая судьба Донских Казаков. Не без причины татарские армии Мамая, во время отступления произвели на Дону разгром и уничтожение цветущей жизни. Его можно понимать только как следствие перехода Казаков на сторону московского князя. Через два года путём Мамая прошел на Москву хан Тохтамыш. Как выглядел Дон после двух таких нашествий подробно рассказывает образованный монах Игнатий, описавший "Хождение Пименово во Царьград".[5]) Участник этого "путного шествия" пишет обо всём, как очевидец.

Караван митрополита Пимена пустился в путь из Москвы 13 апреля 1389 года. Из Переяславля Рязанского путешественники направились к Дону, куда их провожала дружина Олега Ивановича Рязанского "разбоя деля", а другие люди рязанского князя волокли за ним посуху "три струга да насад на колесах". Выйдя из Переяславля, на пятый день они подошли к Дону, спустили суда, а сами продолжали путь по берегу до Чур Михайловых, где оказались только развалины стоявшего раньше там города. Здесь они распрощались с провожающим их духовенством и конвоем, погрузились в суда и поплыли вниз по реке. Игнатий рассказывает, что там раньше повсюду стояли "грады красны и нарочиты зело видением места", а теперь не видно было ни одного человеческого жилья, во множестве бродили только звери: козы, лоси, волки, лисы, выдры, медведи, бобры, а из птиц были орлы, гуси, лебеди, журавли и т. п. "бяше все пустыни великая".

К девятому мая они минули устье реки Воронежа, а проплывая мимо Тихой Сосны видели "столпы каменны белы, дивно же и красно стят рядом, яко стози мали, белы же и светли зело над рекою над Соснею". Затем они минули реки Черленый Яр, Бетюк, Похорь (Хопёр ?), прошли мимо устья Медведицы, и Горы Высокие — реку, и Белый Яр — реку, и Красные Горы, и развалины города Терклия. От Перевоза, что был ниже Переволоки, в степях появились Татары со своими стадами. Здесь начинался "царев Сарыкозин улус", который они проплыли за сутки, затем шел улус Бек Булата, а через два дня — улус Ак Буги. По дороге никто из Та-

---

[5]) ПСРЛ т. XI, стр. 55 сл.

тар их не обижал, а еще снабжали молоком. Через месяц после выхода из Переяславля Рязанского они приплыли к Азову.

Так выглядел Дон за шесть лет до нашествия Тамерлана, закончившего опустошение казачьего Верхнего Дона и области Черленого Яра, из за которой целое столетие шел спор между епископами Сарайским и Рязанским.

Гонимые Казаки покинули разрушенные города и семья за семьей двинулись на север. Их прапрадеды были свидетелями гибели донецкого и подонского населения Салтово-Маяцкой культуры, а теперь они сами должны были покинуть степи и по лесам-буеракам пробираться к границам русских княжеств.

Среди материалов собранных И. П. Будановым приводятся выдержки из двух договоров, касающиеся "людей с Дона". Первый из них от 25 ноября 1402 г. заключен между сыном Дмитрия Донского Василием и рязанским князем Фёдором Олеговичем. В нём Василий требует от Фёдора : "а тебе также наш полон отпустити весь, и тот полон, что у Татарские рати ушел; а будет в твоей отчине тех людей, с Дону которые пришли, и тех ти всех отпустити". Во втором договоре от 29 июня 1447 года о том же договариваются их сыновья. Московский князь Василий Тёмный требует от рязанского: "а тебе также, великому князю Ивану, наш полон весь отпустити и тот полон, который будет у Татарской рати убегл, или ныне из татар кто побежит, которая рать будет ни полонила; или тех людей, которые будут с Дону шли, а будут в вашей отчине и тех вам всех отпустити без хитрости"[6]).

Тут люди с Дону указаны отдельно от всяких татарских пленников, как беглецы уходящие на север. Поток людей с Дона продолжался уже пол века и из этих актов можно понять, откуда взялись Рязанские Казаки. Их хотели иметь и князья московские, но сами Донские Казаки повидимому не спешили расставаться с верховьями Дона.

Осенью 1444 года царевич Мустафа напал на рязанские сёла, пограбил их и взял много пленников. Рязанцам пришлось их откупать. Но пришла суровая зима. Оставшиеся зимовать на рязанской земле, Мустафа и его Татары мерзли, кони гибли от безкормицы, а рязанцы, помня недавние обиды, никого в стены своих городов и в села не пускали, не позволяли Татарам укрыться в тепле жилых домов.

---

[6]) И. П. Буданов, Дон и Москва, IV, 1, стр. 49

Пришла к ним на помощь и московская рать. Татар зажали с трёх сторон: "И придоша на них Мордва на ртах с сулицами и с рогатинами и с саблями; а Казаки Рязанские також на ртах с сулицами и с рогатинами и с саблями с другой стороны; а воеводы великого князя Василия Васильевича с своею силой". Москвичи наступали с севера, Мордвины с востока, а Казаки "с другия стороны", т. е. с запада от Верхнего Дона. Татары сильно сопротивлялись, "никому же давахася в руки, но резашася крепко" и всё же били побиты[7]). Описание этого события сохранилось в Никоновской летописи, а в Москвском летописном своде конца XV века листок с записями за год 1444 и часть 1445-го куда-то исчез. Когда речь шла о первом появлении Казаков среди Русских такие пропажи листков случались и в других летописных списках. Вообще же это первый случай, когда летописы заметили Казаков на окраинах Северо-Восточной Руси. От этого времени они начинают появляться в летописях и актах всё чаще, а зато, как говорит Ригельман, "казачьи земли были опустошены и обезлюдели окончательно"[8]).

---

[7]) ПСРЛ т. XII, стр. 61-62

[8]) А. И. Ригельман, Повествование о Донских Казаках.

Глава сорок девятая

КАЗАКИ ИЗ ЗЕМЛИ ЧЕРКАССКОЙ

Под 1445 годом в Ермолинской летописи сохранилась такая запись:

> "Тое же весны царь Махмет и сын его Мамутяк послали в Черкасы по люди и прииде к ним две тысячи Казаков и шедше взяша Лух без слова царева, и приведоша полону много и богатства. Видев же царь множество корысти и посла детей своих, Мамутяка да Ягупа, в отчины князя великого воевати"[1]).

В этих нападениях на московские вотчины участвовали и Казаки, прибывшие из Черкасской земли. В те времена Казаки принимали еще участие во многих Татарских походах в качестве постоянных Ордынских Казаков, а иногда, как в данном случае, по временному договору с ханом. Гюнтер Штоекль, из немецкой книги которого взяты, цитированные выше, слова Ермолинской летописи, считает, что здесь речь идет о городе Черкасы на Днепре. Но если бы это было так, то по древнему летописному слогу в тексте бы значилось: "послали в город в Черкасы", как это делалось всегда в тех случаях, если название обозначало одинаково и край, и город, и народ живущий в них. Город Черкасы основан в конце XIII или в начале XIV столетия. В ранних летописях он вспоминается один единственный раз (не считая потерянных листков), почему-то среди городов волосских и болгарских, в списке конца XIV века[2]). А в это время (1445 г.) он принадлежал уже Литве, как небольшое пограничное поселение, где происходила смена литовского конвоя на татарский.

Заметка о Казаках призванных из Черкасской земли сохранилась только в Ермолинской летописи. Она находит свое подобие и в сообщении ген. Болтина о Казаках, вызванных баскаком Ахматом из Пятигорья. Возможно, что о том же было записано и в **Московском летописном своде конца XV века,** но лист этого свода для 1444 и начала 1445 гг. из первоначального списка куда то исчез, а на следующих листах описывается, как московский князь Василий Васильевич встретился под Суз-

---

[1]) ПСРЛ т. XXIII, стр. 151, цит. по Гюнтер Штоекль, Die Entstehung des Kosakentums

[2]) Новгородская первая летопись, М. — Л. 1950, стр. 475

далем с "окаянными Агаряны", сыновьями царя Махмета, Мамутяком и Ягупом, проиграл сражение и попал к ним в плен[3]).

В следующем 1446 году хан Магомет и его сын Мамутяк освободили своего пленника, после того как он присягнул, что уплатит им "откупа двесте тысяц рублев"[4]). А для обеспечения выплаты, в Москву с князем вместе пришло много Татар и Казаков-Черкасов и там им было предоставлено обильное "кормление", возмущавшее москвичей. Однако, уберечь своего должника Татарам не удалось. На этот раз Василия захватил в плен и ослепил его двоюродный брат Дмитрий Шемяка, другой претендент на великое княжение.

Татары знали, что в случае победы Шемяки им не удастся получить условленный выкуп, а потому стали на стороне Василия, теперь уже слепого или Тёмного. В 1447 г. Шемяка смилостивился и отпустил брата к семье.

От этого времени сторонники Василия возобновили борьбу за его права. И вот, продвигаясь на север, один из отрядов встретился с Татарами.

> Они начали "меж себе стрелятися. По сем же Татарове начаша Руси кликати: вы кто есте? Они же отвещаша: Москвичи, а идем с князем Васильем Ярославичем искати своего государя, великого князя Василиа Васильевича,, сказывают его уже выпущена, а вы кто есте? Татарове же рекоша: а мы пришли с Черкас с двема царевичи Махматевыми детми, с Касымом да с Ягубом, слышали бо про великого князя, что братия над ним израду учинили и они пошли искать великого князя за прежнее его добро и за его хлеб, много бо добра его до нас было. И тако сшедшеся и укрепившеся меж себя поидоша вкупе, ищущи великого князя, како бы помощи ему".[5])

Не может быть сомненья, что в данном случае говорится о Казаках, призванных ханом Магометом из страны Черкасской. Последние же слова — указание на то, что этих Казаков в Москве тоже принимали с почётом и хорошо угощали. После победы Василия Тёмного над соперником Шемякой, царевичи Касим и Ягуп остались при Василии Тёмном. В награду за помощь они получи-

---

[3]) ПСРЛ т. XXV, стр. 262-263

[4]) Новгородская первая летопись, стр. 426

[5]) ПСРЛ т. XXV, стр. 268; т. XII, стр. 72; т. XXVIII, стр. 108, 276

ли в свое распоряжение область на реке Оке в земле Муромской, где основали город Касимов. Казаки же остались в Мскве и заложили первые кадры служилых отрядов. Летописи начинают сообщать о них от 1468 г.

Ермолинская летопись говорит о Казаках, выходцах из земли Черкасской на 24 года раньше. Именно тогда москвичи узнали их ближе. Через пол века они рассказывали посланнику Сигизмунду Герберштейну, что там у гор Кавказа живут христиане, что церковные службы идут у них на славянском языке, которым они пользуются и в жизни. В те же годы знал Пятигорских Черкасов и польский каноник Матвей Меховский. Он считал их диким и воинственным народом, Рутенами по языку и по происхождению. Как и во многих других случаях, тут Славяно-Казары тоже смешиваются со Славяно-Русами, но не в этом дело. Важно то, что на Северном Кавказе и во время указанных авторов ещё проживали Черкасы славянской речи. Память о них сохранилась и много позднее: в XVIII веке о них же писал Зигфрид Беер, один из первых русских академиков: "Оттуду Кимбры вышли, где ныне Черкесы и Пятигоры обитают, и храбрые суть люди. Язык с нами имеют един".[6])

В связи со всеми этими данными отчётливей выглядят указания Болтина и Татищева о Казаках-Черкасах, выведенных в 1282 г. баскаком Ахматом из Пятигорья, а исчезновение листков за этот год из основной Лаврентьевской летописи становится не такой большой утратой. Остаётся только недоуменье: почему в этой летописи пропали только те листки, в которых говорится о Казаках?[7]).

Как известно, на Руси Черкасами называли Чёрных Клобуков. Об этом сказано под годом 1152 в Москов-

---

[6]) В. Н. Татищев, История Российская т. I, стр. 320

[7]) В Лаврентьевской лотописи пропали листки лишь того времени, когда по Болтину и Татищеву баскак Ахмат призвал Казаков из Пятигорья и когда на Днепре был основан город Черкасы. Умы русских политиков от XVIII столетия начал смущать вопрос казачьего родословия. Надо было укрепить общее мнение о том, что, на, отобранные от Казаков, степи Россия имеет исторические права и что сами Казаки только беглые выходцы из Великой и Малой России. Этому противоречили летописные записи о приходе их из Черкасии. Ревнители национальных интересов разрешили вопрос просто и радикально: убрали из летописей неприятные листки. История была призвана на службу интересам империи. Вероятно, так и разрешается загадка потерянных листов.

ском летописном своде, в Воскресенской и Никоновской летописях. На Руси это прозвище закрепили за племенами, пришедшими из земли Черкасской, за тем народом, который Поляки, узнав ближе, от XV века стали называть его истинным племенным именем — **Казаки.** В русских же актах те самые Днепровские Казаки именуются **Черкасами** почти до XIX века. Особенно часто это прозвище встречается в делах Посольского Приказа. Например в записи от 26 февраля 1620 года говорится: "Были в Посольской Палате у дьяков, у думного у Ивана Грамотина да у Савы Раманчюкова Запорожские Черкасы Петр Одинец с товарищи"; "А Черкасы шли в город пеши"; "И как Черкасы пошли в Посольскую Палату, и посольский думный дьяк Иван Грамотин спрашивал Черкас: "Здорово ли дорогою ехали и нет ли какие нужи в кормах?"[8]).

Во всех других актах то же самое: "Говорено на соборех о литовском и о черкаском делах"[9]); "И они Черкасы, не хотя благочестивые христианские веры отбыти"...[10]). А вот выпись из дел Разрядного Приказа от 17 августа 1653 г. о выходцах с Днепра к г. Острогожску: "По государеву указу устроены в Новом в Черкаском городе нововыезжих Черкас: полковник — один человек, обозничей — один человек, попов — 3 человека, писарь рядовой — один человек, войсковой рядовой судья — один человек, сотников — 8 человек, ясаулов — 11 человек, знаменщиков — 10 человек, рядовых Черкас — 967 человек. Всего Черкас 1003 человека"[11]). В дальнейшем они называются Слободскими Казаками.

Интересно и показательно, что в тех случаях, когда Запорожцы в переписке с Москвой говорили о себе сами, они неизменно называли себя Казаками. В сентябре 1651 г. Войсковой писарь И. Выговский сообщал воеводе Прозоровскому в письме, написанном по-белорусски: "Добродею, брате, ныне Казаки погромили 6 стругов на Днепре и отняли образы, и колокола, и иной церковный наряд, что в Киеве поимала Литва"[12]). 5 декабря 1653 года в письме чигиринского полковника В. Томиленко, тоже по-белорусски, сообщается русским послам: "Ноября 12-го дня к пану гетману писал рано лист

---

[8]) Сборник Воссоединение Украины с Россией т. I, М. 1954, страница 3.

[9]) Там же т. III, стр. 406

[10]) Там же, стр. 410

[11]) Там же, стр. 368

[12]) Там же, стр. 140

и послал дву человек Казаков наспех, да и иных Казаков послал опосле того"[13]). И тем же послам через четыре дня: "В каков день из Путивля похотите ехать в казачьи городы"[14]).

Да и сами Русские знали, что Черкасы — те же Казаки, а потому часто одним именем заменяли другое. Так воеводы Туренин и Собакин в отписке от 30 июня 1621 года сообщают: "А Черкасы, государь, и кияне в одном совете и говорят де, государь, в Киеве многие люди, только де у Казаков с Поляки учинитца бой и Поляк не осилеют, и из Киева, де, государь, и из них, Козаков, хотят многие люди быть в Путивль з животы и статки". "И будет, государь, от Казаков посланцы в Путивль приедут или которые Черкасы учнут переезжать, и их, государь, в Путивле приимать ли"[15]). То же и в отписке севского воеводы С. Стрешнева от 4-го июня 1631 г.: "А Козаки де, государь, розошлися было по дамом. И послышали, что Ляхи пришли опять на них, на Козаков, и Козаки де, государь, запороские и Черкасы сошлися опять в сход"[16]).

Крымские ханы в переписке с Москвою называли всех Днепровских Казаков их настоящим именем, а зато в Москве прозвище Черкасы укоренилось надолго, вошло в официальный обиход и употреблялось даже в законодательных постановлениях позднего времени. Там называли Черкасами всех Казаков, проживавших на Днепре.

---

[13]) Сборник документов Воссоединение Украины с Россией т. III, стр. 499

[14]) Там же, стр. 501. Письма в сборнике переведены с белорусского на русский язык того времени.

[15]) Там же т. I, стр. 17

[16]) Там же, стр. 109. В этом акте Черкасами названы Казаки, жившие в прежних границах Литвы. Так их отличали от поселившихся за порогами.

Глава пятидесятая

СЛУЖБА

Всемирная история знает подвижные отряды Норманнов-викингов. Их боевые суда смело резали волны Атлантического океана от Гренландии до Африки, в поисках новых земель, добычи и славы. Жители европейского побережья часто страдали от грабительских налётов и недобрая память об этих грозных воителях хранится в анналах Западной Европы до наших дней. На Востоке их знали, как Варангов или Варягов. В Новгороде и в Киеве их клан **Русь** надолго установил власть династии Рюриковичей и тем заложил основы русской государственности. Другие Русы прибыли в Константинополь и там предложили боевые услуги византийским императорам. В Царьграде появились служилые отряды Норманов — Русов.

В свою очередь, Рюриковичи, обосновавшись в Киеве, от X века стали привлекать в ряды дружин воинов-степняков из племен различных Торков. В XI века у границ Руси появились Чёрные Клобуки в качестве княжеских **федератов.**

Практика службы чужим монархам продолжалась не только в Средние века. Отряды наёмных Швейцарцев, Французов и Германцев известны и в Новое время. Были они и при московских царях, где все подряд назывались "немцами". Необходимость в наемниках диктовалась с одной стороны неуверенностью правителей в лояльности и верности своих разноплеменных подданных, а с другой стороны — слабостью и отсталостью собственных войск. В Москве от XV века службу великим князьям стали нести выходцы с Кавказа и Дона. Причины принудившие их к ней были иными, чем у Норманнов, Швейцарцев, Французов или Германцев. Тех на рискованные заработки гнала суровость природы их национальных гнёзд, теснота и скудность их краёв, а Казаки, так же как и их предки Чёрные Клобуки, должны были покидать свои степи именно из за их широких просторов, привлекавших к себе азиатские орды тучными пастбищами и другими природными богатствами. Перманентная война создала из Казаков воинов-профессионалов, но и им не удавалось сдерживать крупные передвижения народов, стремящихся из Азии в Европу. Поневоле приходилось искать более спокойного

пристанища для семей, более устойчивых тылов для самообороны. При относительной малочисленности и раздробленности племён, при отсутствии единой объединяющей воли, а больше всего из за нашествия азиатских кочевников, Казакам, после гибели Томаторкани, создать новое государство не удавалось, их племена пребывали в небольших, территориально неустойчивых, политических обществах под управлением своих князей. В XIII веке для Казаков сложилась совсем катастрофическая обстановка: Татары разрушили родовой строй казачьих племён, уничтожили или взяли от них прежних старейшин — князей. На смену им ханы назначили улусных царевичей Чингисидов, около которых долгое время и держались отдельные казачьи группы.

Из всей племенной знати наиболее исторически долговечными у Казаков оказались князья Болоховские. Уходя от Данила Галицкого, они в 1241 году на время задержались у Болеслава Мазовецкого, а после через Литву попали в Московию. При Иване Грозном они состояли еще в списках титулованного провинциального дворянства, как **Литва дворовая** — выходцы из Литвы[1]). Оказавшись там, их род потерял всякую связь с Казаками, а потом и сам прервался, ушел в небытие.

Целям духовного объединения могла послужить Церьковь, в лице епархии Сарайской и Подонской. В оседлых центрах религиозное сознание, действительно, укоренилось крепко. Но в условиях общего разброда и ширящегося в ордах магометанства, фаворизованного властями, церковная деятельность христиан должна была ограничиваться местными масштабами. Связи между широко разбросанными по стране приходами должны были особенно ослабеть, когда в ордах началась "замятня". К тому же в половине XV века епископы Сарайские и Подонские покинули свою резиденцию и искали убежища в Москве, поблизости от которой в Крутицах с этого времени поместилась их кафедра. В 1493 году 4 мая "поставлен Силуан, бывший игумен Угрешский, на епископство Сарайское и Подонское на Крутицу преосвященным митрополитом Зосимою"[2]).

Ордынские земли фактически оставались без христианского религиозного окормления. В последующие

---

1) Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века. М. — Л. 1950. стр. 263-264

2) ПСРЛ т. XII, стр. 235-236. В дальнейшем Крутицкие владыки, соответственно с их прежним автономным положением в Орде, возведены в сан архиепископов.

годы, вероятно, среди Ордынских Казаков появилось особенно много магометан. Эту религию они принимали, как и татарский язык, из чисто практических соображений, чтобы ничем не выделяться от окружающих Татар. Сами старались слиться с ними, стать "классом".

В ордах появилось много Казаков с монголо-татарскими именами, не ставших Татарами, так же как не стали Турками Славяне-Босанцы, принявшие мусульманство немного позднее. В Сербии всё же их называют Турками, только по их вере.

Разобщенность по отдаленным улусам Золотой Орды, растерянность после погромов Мамая, Тохтамыша, и Тамерлана, вечная тревога за дом, за безопасность семьи, при сознании своего бессилия, заставили Казаков покинуть прежние оседлые юрты и укрыться под сенью соседних христианских государств. Они стали жаться к окраинам Московии и Литвы.

Казаки, оказавшиеся в начале XIV века в верховьях своего Дона, сразу же были привлечены на службу рязанскими князьями, которые использовали их безвыходное положение и поставили в условия полной подчинённости или подданства. Появились Рязанские городовые Казаки. Как в первое время оплачивалась их служба, неизвестно. Сохранилась поговорка о службе московским князьям "с воды да с травы". Но другого выхода не было. Дон кормил рыбой, леса и перелески — дичью, на пастбищах можно было содержать остатки скота и лошадей. Как говорилось раньше, при Василии Тёмном появились Казаки и в Москве. Богатый князь мог лучше обеспечить свой служилый люд, чем разорённые окраинные владельцы, а потому **люди с Дона** потянули в Москву иногда добровольно, иногда по принуждению. Сколько их там собралось в летописях не указано, но во второй половине XV столетия их отряды составляли там заметную воинскую силу.

Казаки, нёсшие постоянную службу при ханах и царевичах, были крепче связаны с Монголо-Татарами. Они оставались среди них много дольше, еще и тогда когда выходцы из земли Черкасской и с оседлого Дона находились уже в Москве. И в это время и поздние ханы в своих грамотах постоянно упоминали их наравне с ордынской аристократией. Например, в грамоте 1474-го года крымский хан обещает московскому великому князю: "Мне, Менгли Гирею, царю, твоей земли и тех князей, которые на тебя смотрят, не воевать ни моим уланам, ни князьям, ни Казакам"[3]).

---

[3]) По С. Соловьеву, История России, М. 1858

Из этого можно заключить, что в ордах с Казаками считались и предоставляли им некоторые преимущества. Может быть, благодаря такому привилегированному положению, слово **казак** стали понимать в значении социальном, как наименование некоего класса, довольно влиятельного в Золотой Орде. Но история говорит, что понятие **класс** подходило к общинам Ордынских Казаков не больше, чем к общинам их предков Чёрных Клобуков, живших среди Русов. Находясь между Татарами около двухсот лет, Казаки во многих случаях оказались сильно отатарены, но в большинстве оставались чужими для Татар двуязычными христианами. Их связи с основным населением орд шли только через ханов и царевичей, а когда началась **замятня,** представители этого **сомнительного класса** при каждом удобном случае спешили уйти подальше от Татар, ближе к родственным по крови Славянам или обособиться и от тех и от других, чтобы остаться вольными. По мнению ордынцев, слугами московского вел. князя становились и Вольные Казаки. В этом были убеждены и крымские генуэзцы. Если в степях приходилось пострадать купцам из Кафы, жалобы с требованием о возмещении потерь направлялись в Москву, задерживались, пришедшие в крымскую колонию, товары московитов. Но репрессии оказались сомнительным средством. В 1474 г. посол Беклемишев отверг все претензии, заявив, что вел. князь не может отвечать за действия Казаков, оставшихся в степях, и даже не может установить, какие это Казаки, так как на степных путях встречаются и "царевичевы Казаки", а царевич этот "из рода Тохтамыша: уланов, князей и Казаков имеет многих. Многие люди приходят к нему на службу, а многие от него уходят"[4]). И действительно, внуки Тохтамыша в то время спирались на Литву и кочевали при ее северских границах. Дело тут, вероятно, не обходилось и без Казаков, но кроме них в степях находилось еще немало Татар.

Послы указывали также на случаи ограбления жителями Кафы купцов московских, а генуэзцы всемерно поощряли своих добытчиков. Их Устав предусматривал наказание тем чиновникам, которые посмеют препятствовать подобной деятельности, т. к. добыча нераз служила предметом торговли с метрополией и города на этом зарабатывали.

---

[4]) Günter Stockl, Die Entstehung ... s. 50-51.

РАЗДЕЛ VI

НОВОЕ ВРЕМЯ

Глава пятьдесят первая

ТУРКИ

В ходе исторических дел есть своя логика, известная закономерность.

В. О. Ключевский

К началу XVI века почти всё побережье Чёрного и Азовского морей перешло во владение победоносных Турок. Земли Крымского ханства и большая часть Северного Кавказа с Азовом и Нагайскими степями стали исходными позициями Оттоманской империи для дальнейшего продвижения на север.

Нашествие Турок — такое значительное явление в истории нашей степи, что на некоторых его подробностях не помешает задержаться со вниманием. События, сопровождавшие его, создали в казачьих землях особый **духовный климат,** оказали большое влияние на отношения между Казаками и всеми их непосредственными соседями на весь ход нашей последующей трехвековой истории. В связи с этим, надеюсь, страничка из моей **Книги о Казаках** не будет принята, как скучное повторение.

"Одной из движущих сил при победном шествии Турок служило религиозное воодушевление солдат. Турецкий султан в глазах мусульманских подданных представлялся не только светским государем. Его считали сыном Пророка и главой правоверных. Завоевания велись под знаменем распространения правой веры и магометане не щадили усилий и жизни для того, чтобы как можно большее число народов стало провозглашать священный лозунг: Нет Бога, кроме Бога и Магомет его Пророк!.

Как следствие такого религиозного рвения

войск, за регулярными армиями двигались толпы фанатиков, готовых "во имя Бога" предать разграблению и смерти всех инаковерующих. На Кавказе особенно свирепствовал владелец города Ардебиль, Секайдар со своими приверженцами. Он состоял главой мусульманской секты с о ф и т о в в Персидском Азербайджане и пользовался там крупными влияниями. Горя ненавистью ко всем иноверцам толпы Секайдара нападали на безоружных христиан Закавказья, опустошали страну, избивали население и возвращались отягощённые добычею. Равнинная часть Черкасии и ее окраины тоже попали в сферу нападений софитов. Иосафат Барбаро подробно описывает одно из таких нашествий. Он передавал о нём, как современник события, со слов кафинского (феодосийского) монаха Викентия.. Это случилось в 1486 году.

"Страна Салтания", — пишет Барбаро, — неистовствала, возбуждённая горячими проповедями некоторых магометанских сект. Пылая религиозной ненавистью, с криками: Смерть христианам! проповедники подняли толпы жителей в поход на завоеванный Турками Кавказ. И чем дальше к северу они продвигались тем больше росло их число, тем сильнее они бесновались в своем фанатизме. Вдоль моря Баку они пришли к местности Семмачи, к Дербенту и в область Тумена. Здесь они собрались в неимоверно большом количестве, хотя и не все вооруженные.

Придя к реке Терк, которая протекает через облаость Тезех, около гор Каспия, они перебили всех христиан-католиков, живших там во множестве, мужчин, женщин и детей. Отсюда они бросились в землю Гога и Магога христианскую по греческому обряду, и обошлись там подобным образом. Та же судьба постигла, встреченные ими по пути поселения Черкасии, куда они ворвались, двигаясь через Чеппичи и Чербетри по направлению к Чёрному морю. И они действовали там до тех пор, пока против них не выступили племена Татаркасии и Гремуча. Эти учинили им такую резню, что не больше двух десятков из сотни успело скрыться назад в свою страну. Так мы могли понять, что там при-

шлось пережить бедным христианам", кончает с сочувствием Барбаро"[1]).

Барбаро рассказал о действиях фанатических толп, следовавших за Турецкой армией но большой гуманности не проявляли и солдаты правителя правоверных. Жители встреченные ими по пути тоже перенесли не мало бед.

Известно, что на Сев. Кавказе проживало много Казаков, особенно в Пятигорье, у Верхнего Терека и в Приазовской Земле Касак. Может быть, некоторым из них удалось уклониться с пути турецких армий, но их поселения процветавшие ещё во время Золотой Орды теперь оказались снесены без остатка. На берегу Азовского моря осталось три-четыре укрепления, занятые Турками.

Казачьи семьи пострадали не меньше других жителей Сев. Кавказа. Совершенно естественно, что первое знакомство с завоевателями приязни к ним не вызвало. Зверства фанатических толп и солдат армии султана не забывались, по преданиям их помнили из поколения в поколения. Они и создали традицию ненависти ко всему турецкому, а попутно и ко всему магометанскому.

Крым Турки заняли несколько позднее. Крымский хан признал власть султана только после семнадцати лет упорной борьбы. Казаки же подчиниться ему не захотели и после этого. Они ушли на север.

История турецкого похода на северные берега Чёрного моря, во всех ее подробностях говорит, что Турки сами создали ненависть покорённых народов. Кто смог уйти от них в степи или горы, тот поспешил использовать эту возможность. Кавказские Казаки нашли себе пристанище в верховьях Терека, а Крымские поднялись по Днепру ближе к Литве. Азовским пришлось на время примириться со своей участью, несколько лет они оставались среди Турок.

Следствием зверского поведения толп Секайдара и войск султана явилась вековая рознь и постоянные нападения Казаков на турецкие владения. Они вызывались не фантастическим пристрастием наших предков к боевым авантюрам и добычничеству, не удальством и молодечеством как думают некоторые русские историки, и даже не религиозным рвением, а реальной жаждой отомщения за ту кровь и насилия, которые пришлось перенести от мусульман коренному населению черно-

---

[1]) Josafat Barbaro, The Travels to Tana and Persia, London 1873.
Г. В. Губарёв, Книга о Казаках, стр. 273-274

морских берегов в конце XV века. Не явились они также в результате желания Казаков послужить для Литвы, Польши или Московии заслоном от нападений Турок и Татар. Как раз наоборот, благодаря их нападениям на турецкие владения, отношения этих государств с Турцией часто осложнялись. Литовские, польские и русские акты свидетельствуют что координировать действия Казаков с их интересами удавалось только путем постоянных увещеваний, угроз и крупных подношений в виде известных преимуществ и "жалованья". Богатой Московии это удавалось лучше, чем бедной Польше. Там также не раз поступали предложения договориться с Казаками и добиться их помощи при обороне страны с юга, но препятствовали этому хронический недостаток средств и противодействие правящего в стране класса, шляхты. Выходило так, что Казаки в XVI веке, по словам Хроники Бельского, не помогали, а больше вредили Польше [2]).

Овладев Черноморьем, султан не пошел дальше в наши степи, и только объявил себя покровителем поволжских магометан. Дон, Донец и значительная часть южноволжских берегов оставались пустынными, с редкими остатками казачьих поселений и полукочевых татарских стойбищ. Московия лежавшая за ними была далеко, Турки не двигались на север, а старались установить с нею дипломатические и торговые связи. Промежуточным пунктом стал древний торговый город Азов. Караваны на север, на восток в Астрахань и на Кавказ по преимуществу шли через него.

> "Вопросы торговли послужили поводом к русско-турецким дипломатическим переговорам в конце XV века (посольство в Турцию в 1492 г. Михаила Плещеева и в 1499 г. Алексея Голохвастова). В 1499 г. вместе с посольством Голохвастова в Турцию отправились и русские купцы со своими товарами, среди которых мы видим конскую упряжь, седла, меха, холсты. В Азове и турецкой столице русские купцы приобрели различные ткани, ковры, парчу, драгоценные камни и другое. [3])

От этого времени Москва стала дорожить добрыми отношениями с турецким султаном и постоянно боялась их нарушить.

---

[2]) Мартин Бельский, Хроника Польска, глава «О Козаках».

[3]) Н. А. Смирнов, Россия и Турция в XVI-XVII в. в., М. 1946, страница 7.

Глава пятьдесят вторая

СТАРОЕ ПОЛЕ

О, Поле, Поле! Кто тебя
Усеял мёртвыми костями?
Чей борзый конь тебя топтал
В последний час кровавой битвы?
Кто на тебе со славой пал?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачем же, Поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?...

А. С. Пушкин, Руслан и Людмила.

Заняв Очаков, Крым и Азов, Турки не пошли дальше на завоевание степей и оставили Старое Поле в распоряжении его прежних хозяев.

Термин **Поле** в русских летописях и актах обозначал степные земли, вне лесной Руси прилегавшие к владениям Киева и Московии. Места же, где после Татар не осталось ни городов ни сёл, Русские, как и Поляки, называли Диким Полем. Француз Боплан, прослуживший семнадцать лет польской короне в качестве инженера, около средины XVII века составил карту "Пустыни Наднепровской", где степи по обе стороны Днепровского Низа обозначил, как Дикое Поле: Campi Deserti citra et ultra Boristhenem abo Dzike Pole.

Но для степного народа, каким были Казаки, это Дикое Поле всегда оставалось своим вековечным **Старым Полем.** Кондратий Булавин, став во главе восстания против насилий императора Петра Первого, в 1708 году взывал к Казакам: "Ведаете сами, молодцы, как деды ваши и отцы полежили и в чём вы породились; прежде сего Старое Поле крепко было и держалось, а ныне те злые люди Старое Поле перевели, ни во что почли и чтоб вам Старое Поле не истерять".

Старое Поле —понятие географическое, не просто — степь. Казаки так его и понимали, говорили: "А ехали они через Поле степью коньми".[1])

По мнению покойного И. П. Буданова, восточная граница Поля проходила вдоль правого берега Дона.[2]) Он обосновал свои соображения выдержками из актового материала и формально безусловно прав, так как

---

[1]) Дела Донские I, стр. 935

[2]) Казачий Исторический Сборник I, стр. 7-8

левая сторона Дона в актах называется **Запольем,** а казачьи городки — запольными.

Остальные границы Поля располагались так: На севере и на северо-западе от него лежали лесо-степные "украины" Московии и Литвы; на западе оно упиралось в Подолию и в Татарский Буджак, а на юге переходило в Нагайские степи Таврии. У Днепровских Казаков западная часть Поля считалась их **старожитным местом:** 13 марта 1649 года московский посол к Хмельницкому доносил царю, что если в войне с Поляками Казаки не смогут удержаться в Гетманщине, они собираются уйти на Низ: "а не всех же нас победят, — говорили ему полковники, — мы, прося у Бога милости, учнем промышляти своею христианскою верою, уступим до времени в старожитное свое место, в Запороги".[3])

К Казачьему Заполью, кроме рек Хопра, Медведицы и Иловли с большим основанием следует отнести Землю Касак с правым берегом Кубани, Пятигорье и весь левый берег Терека, т. е. степные пространства, которые от глубокой древности до наших дней служили местом казачьего расселения.

В основе, Старое Поле и Заполье — степной край прорезанный Донецким Кряжем и отрогами Средне-Русской и Ставропольской возвышенностей. Их орошают: Терек, Кума, Кубань, степные речки Приазовья, бассейн Среднего и Нижнего Дона, часть бассейна Ю. Буга и Нижний Днепр с его притоками Ингульцом, Тысменицею, Томаковкой, Тясмином, Росью, Конской, Самарой и Ворсклой. Все водные пути Старого Поля вели на юг в Чёрное или Азовское моря.

За небольшим исключением, волнистые степи Поля были покрыты прекрасными пастбищами, а по климату и черноземной почве многие районы всегда были годны для любого рода сельского хозяйства. Острова на реках и их берега были покрыты лесами. Мириады пчёл роились в них и несли взятки со всех сторон. Без всякого ухода за пасеками, жители могли собирать мёд и воск, не только на свои нужды, но и на продажу. В лесах, перелесках и болотистых плавнях, густо поросших камышем, водились в большом числе непуганные пушные и дикие звери: бобры, выдры, куницы, вепри огромных размеров, лисы и волки. От весны до зимы на водах плескались утки, гуси, лебеди и даже пеликаны. В реках и озёрах полно было рыбы всякого рода. Иногда

---

[3]) Сборник документов Воссоединение Украины с Россией т. II, стр. 159

в стоячих водах ее собиралось такое множество, что она гибла от тесноты.

Ни Половцы, ни Монголо-Татары за четыре века господства в Старом Поле не смогли уничтожить его степных и водных богатств. В XVI веке, как и раньше, на целинах разгуливали стаи дроф, целые стада оленей, диких коз и сайгаков. Не знавшие узды кони ходили табунами в 40-50 голов. Но порода, водившаяся в поднепровье, по своей слабости не могла выдержать тяжести всадника, имела изуродованные копыта, а к тому же не поддавалась выездке. Поэтому на лошадей охотились, как на мясную дичь тем более, что мясо молодого коня не уступало по нежности и вкусовым качествам лучшим сортам мяса других съедобных животных.[4]) Может быть, поэтому Запорожские Казаки не обладали искусством боя в конном строю и никогда не славились, как лихие наездники. Знаменитой была запорожская пехота.

Такими же природными богатствами отличались и степи Подонья, а кони водившиеся здесь были сильными, выносливыми и быстрыми.

> "Около Танаиса, — говорит Матвей из Мехова, — есть уже деревья, есть яблоки и другие плоды, есть кое-где пчелиные ульи на дубах, а также, но реже, на соснах. Оттого Татары и называют Дон святым,, что близ него они находят готовую пищу: плоды, мёд, рыбу"[5]).

Через десять лет после Меховиты, как его иногда называют Поляки, богатства Дона описывал Сигизмунд фон Герберштейн. Он вспоминает Азов и в 12 милях выше его другой город Акас. Говорит также о редких поселениях Татар по соседству с Малым Доном (Донцом). Они обрабатывали землю и вели оседлую жизнь. Название города **Акас** в переводе с татарского означает **Белые Асы,** указывая тем, что он основан Асами или Ясами. О его окрестностях Герберштейн пишет с восторгом:

> "Место замечательное по изобилию рыбы и по красоте. Оба берега распланированы и обработаны очень старательно, на манер садов с различными растениями с массой плодовых деревьев и большим числом восхитительных источников. Не хватает слов для опи-

---

[4]) Боплан, Описание Украины, стр. 92-93

[5]) Матвей Меховский, Трактат о двух Сарматиях кн. I, глава седьмая.

сания красоты этой местности. Тут такое изобилие дичи, что жители убивают ее стрелами без всяких хлопот. Путешественник по этому краю не нуждается ни в чём, кроме огня и соли". Какого рода оседлые жители вели там хозяйство автор не поясняет[6]).

Тот благословенный край, Старое Поле, был одарён несметными природными богатствами, которые предоставляли жителям все блага, но очень часто служили для местного населения причиною больших судьбоносных несчастий: налётов хищных соседей, нашествий азиатских орд, гибели создавшихся там полукочевых государств, разрушения многовековых культур, почти полного уничтожения некоторых народностей. В варварских нашествиях не уступали иногда Азиатам и соседи западные.

Для того чтобы сохраниться в этих условиях, надо было обладать особой силой сопротивления, неуязвимости, приспособляемости, политической мудрости. Не удивительно, что Бродники-Казаки, степной народ, воинственный, но немногочисленный, надеясь найти спокойствие и благополучие в границах мощного государства, в 1223 г. с готовностью приняли Монголо-Татар и добровольно подчинились власти ханов. Таким образом они приобрели на полтора столетия возможность относительно мирного жития и безопасного существования.

Но в конце XIV века такое положение изменилось в корне. Верховная власть Золотой Орды ослабела, начались междоусобия, на смену всяких правовых устоев пришло право сильного. Дон стал почти недоступным даже для коренного населения его берегов.

Затем появились Турки. На Старом Поле наступила новая ломка всего жизненного уклада. Азовские Казаки, смирившись с властью завоевателей, жались к берегам своего моря и к низовьям Дона; Пятигорские Гребенцы перенесли свои поселения глубже в горные ущелья Сев. Кавказа, подальше от Турок; Запорожским Казакам пришлось на несколько десятилетий покинуть свои юрты в днепровско-бугском междуречьи: они переселились к рубежам В. княжества Литовского. Там от чёрноклубацких времен сохранялись еще под защитой литовских крепостей города: Винница, Хмельник, Белая Церковь, Черкасы, несколько поселений на Ворскле. На Дону Монголо-Татары разрушили все казачьи городки, оставив Туркам в целости один Азов.

---

[6]) Sigizmund von Herberstein, Rerum Moskowiticarum Commentarii, London 1851.

О жителях Старого Поля в переходную эпоху между XV и XVI веками для истории сохранились только отрывочные сведения: некоторые замечания русских летописей и очень краткие указания иностранных хроник. У самих Казаков хранились одни устные предания, о которых говорилось раньше (см. главу 43).

Больше всего о Казаках того времени писали Поляки, но их интересовали лишь ближайшие соседи Запорожцы. Широкие горизонты Старого Поля пытался охватить своими описаниями каноник, доктор искусств и медицины Матвей из Мехова (1453-1523), но и в его латинском **Трактате о двух Сарматиях**[7]) Казаки заняли не много места. При этом искать там больших подробностей и точности также не приходится:

> "В давние времена у реки Танаиса жили Аланы, а за ними к югу Роксоланы. Эти народы были совершенно уничтожены и погибли, а теперь там видно лишь широко раскинувшиеся степи, где изредка встречаются звери да Казаки или бродяги"[8]). "Поля Алании лежат широким простором. Это пустыня, в которой нет владельцев ни Аланов ни пришлых. Иногда только проходят там Казаки, по их обычаю, кого пожрать. Казак название татарское, а Козак — русское, означает холопа, подданного, бродягу пешего или конного"[9]).

Этот ранний автор уже и тогда пытался определить "этимологию" казачьего имени, а при этом "по их обычаю" не пожалел для наших предков латинских ругательных эпитетов в трудно переводимых оборотах: servilem, stipendiarium grassatorum seu reytteronem. Матвей Меховский был Поляком. В его сознании они должны были обозначать: рабы, мужики, шайки волочившихся в степях грабителей — захватчиков. [10]).

---

[7]) Матвей Мехонский, Трактат о двух Сарматиях. Латинский текст с переводом на русский язык С. А. Акинского, М. — Л. 1936

[8]) Predonibus pervii — бродячие добытники

[9]) Там же, стр. 152

[10]) По польски grasować значит блуждать с места на место в поисках боевых авантюр или добычи; reytteronem в данном случае имеет значение польского слова najeźdcy — захватчики. По Литовскому Статуту «наезд» — нападение с целью грабежа, захвата земли и крестьян. Во время Меховиты «грасовали» в степях и польско-литовские рыцари, искатели приключений, а «наезды» на владения соседей-недругов делали помещики-магнаты со своими надворными гайдуками.

"Дальше к югу, — пишет Меховита, — есть еще кое-какие остатки Черкасов. Это весьма дикий и воинственный народ, по происхождению и языку — русские"[11]).

Не удивительно, что польский каноник повёл род Черкасов от Рутенов; живя на Днепре в окружении Русов, они действительно сильно обрусели. Вспомним слова Карамзина: "они стали совершенно Русскими, тем легче, что предки их, с десятого века обитав в области Киевской, уже сами были почти Русскими". Матвей Меховский мог также считать их родственниками Рутенов по славянскому языку и православной вере. Тогда это практиковалось довольно часто. Например, в **Хронике Быховца**, составленной в то же время, что и **Трактат о двух Сарматиях,** в некоторых случаях национальность определяется по религии: "У Кейстута, который был в Троках и земле Жемойтской, сыновей было шесть. Первый Витовт, а когда он стал Русским, то ему дали имя Юрий, а когда окрестился в польскую веру, тогда назвали его Александром"[12]). Витовт однако никогда Русским не был, а всегда оставался Литвином.

Не могут вызывать удивления и злые эпитеты, которыми Меховита наделил Казаков. У него было достаточно причин не питать к Казакам нежных чувств. Ордынские Казаки и в его время не раз опустошали окраины Польши. Напряженность в отношениях между Поляками и Казаками создалась почти от первой близкой встречи. Поэтому польские авторы, говоря о Казаках, не всегда достаточно объективны. Но это не лишает интереса сообщений их хроник и исторической литературы. Тоже и с Меховским: как бы он не относился к Казакам, из его слов всё же видно, что Старое Поле дышало казачьей жизнью и в то время, когда Дон, в результате татарских преследований, на целое столетие лишился оседлого казачьего населения. Теперь Старое Поле звало своих сынов обратно к себе на вольную и безбедную жизнь. Их отдельные отряды изгоняли из степей последние остатки Татар, держали в трепете всех случайных путников, сохраняли Поле в свою исключительную собственность, но зато приобрели название разбойников, хотя такая же деятельность коронованных

---

[11]) Матвей Меховский, Трактат о двух Сарматиях кн. 2, глава первая.

[12]) Хроника Быховца, стр. 60. Белорусы и теперь часто спрашивают: Вы русский чи польский? подразумевая принадлежность к православию или католичеству.

владык прославляла их доблесть и расширяла их владения, приобретённые тем же мечём, а иногда и казачьей шашкой. Владетельные пираты покоряли, грабили, уничтожали целые народы, прикрывая насилия высокими лозунгами: "интересы нации", "борьба с неверными", "распространение до естественных границ", "возвращение отторгнутого" того, что никогда завоевателю не принадлежало и т. п.

Наши предки были не хуже и не лучше других вольнолюбивых и предприимчивых людей того времени. Потеряв свое Старое Поле, в результате постоянных насилий со стороны Татар, они теперь вели непрерывную войну за его возвращение. Но во главе Казаков не стоял коронованный предводитель и потому Меховскому их действия представлялись простым разбоем. Да и не одному Меховскому.

Непосредственно после прихода Турок, Ордынские Казаки оказались поделены на пять основных групп: одни распылились по Московии и ее окраинам, другие, уйдя из владений крымского хана поднялись по Днепру к рубежам Литвы и со своими выборными атаманами обосновались на ее пограничных землях; третьи оставались в ордах при своих царевичах; четвёртые всё еще проживали на Земле Касак или в Кавказских горах и, наконец, пятая группа ютилась в остатках некогда разрушенных городков и замков на Донце. По своему положению на высоких мысах они могли служить надёжным убежищем. Три асаланских замка к этому времени разрослись в донецкие города Шарукань, Сугров и Балин с тем же ясским христианским населением. Стены этих городов и замков окончательно разобраны только в XVII-XVIII вв., а камни полученные при этом во многих случаях использованы Казаками для новых построек.

Три первые казачьи группы обрекали себя на дальнейший отрыв от соплеменников. В. Княжество Московское, Литва и ордынские ханства жили противоположными интересами, они не могли способствовать воссоединению Казаков, а зато две независимые степные группы объединялись легче. Именно среди них и появилось первоначальное ядро казачьего воссоединения.

По некоторым признакам роль объединителей приняли на себя правящие кадры Донецких Ясов (готоаланские Асы, Аасы, Азы, Азманы), народа более чем тысячелетней политической культуры и такого же долгого общественного опыта. По малочисленности и привязанности к земле предков, они должны были поко-

риться Половцам, но даже и при этом сохранили своих князей. Известно, что после нападения на их города в 1116 году княжич Ярополк возвратился со своей будущей женой "яського князя дщерь полонив". Из них многие находились в Крыму на службе у Греков. Живя там в совершенно примитивных условиях Асы-Аланы обслуживали город Херсонес, "как некая стена или укреплённое ограждение". В Византии их знали под именем Аланов, но сами себя, по словам Плано Карпини и Рубрукиса, они считали **Асами и Аасами**. Западных Аланов Прокопий Кесарийский называл христинами уже в VI веке. Они получали епископов от Никейского патриарха. Сохранилось **Послание Теодора епископа Алании в Константинополь и епископам живущим там**[13]). Его относят к 1240 г. Монголы Золотой Орды, повидимому, оставили Асаланов на местах, как Бродников и Болоховцев. Пахимер указывает их в числе дружинников темника Нагая. Они уже тогда были смешаны с Ордынскими Казаками и значительно отатарены. Вообще же, для Казаков они стали своими людьми много раньше, уже тогда, когда Торки-Касаки повстречались с Салтовцами, и от десятого века мирно сожительствовали с ними на Донце, в границах державы Томаторканской. Теперь они жили вместе и в империи Дешт-и-Кыпчак. В 1380 году какие-то Ясы находились в рядах армии князя Мамая[14]).

Во время ордынских междуусобий Казаки стали собираться на Донце. Тогда полуразрушенные замки Салтовских Асов стали служить для них зимними жилищами и исходными пунктами для выездов на добычу в Старое Поле. За столетия совместной жизни с Асами, ко времени прихода Турок они оказались наполовину с ними смешанными. Те и другие были христианами, и те и другие хранили в душе государственный идеал, над теми и другими висела угроза уничтожения. Чтобы пережить в Старом Поле и остаться его хозяевами, они объединили свои силы и сообща стали со всех сторон продвигаться к берегам Дона.

---

[13]) Англ. кн. А. Васильев, Готы в Крыму, стр. 167

[14]) ПСРЛ т. XI, стр. 46-47

Глава пятьдесят третья

АЗОВСКИЕ КАЗАКИ

Георгий Интериано, генуэзец, побывавший на Кавказе у Адыгейцев в средине XV века, написал сочинение **Жизнь и поселения Циков, именуемых Черкасами**[1]), где сообщает, что вдоль морского берега повыше Таманского полуострова на возвышенных местах и на островках между болот, поросших душистым аиром, проживали какие-то люди. Этим приморским людям приходилось постоянно опасаться нападений, если не со стороны Татар, то от Закубанских Циков. Добраться до их стойбищ между речных проток и болот было трудно, но на тропах, ведущих к материку между камышами, они часто становились жертвой засад и попадали на рынки невольников. Это происходило тогда, когда, в результате ордынских междуусобий, большая часть поселений вдоль берега Азовского моря была уже уничтожена, Турок же там еще не было.

Другой итальянец Иосафат Барбаро в записках **Путешествие в Тану и в Персию**[2]) вспоминает каких-то Черкасов, скрывавшихся в зарослях у Нижнего Дона, и говорит о кафтане особого кроя, который Татары называли **казачьим** и подарили ему в Азове. О самих Казаках Барбаро ничего не сказал. Значит Азовские Казаки тогда, в середине XV-го ст., еще скрывались в плавнях. Когда московиты в начале XVI века рассказывали Герберштейну о Черкасах славянской речи, живших на Северном Кавказе, они, очевидно, имели в виду и Азовских Казаков. В это время о них в Москве уже знали довольно хорошо. Называли их Азовскими потому, что они издавна проживали вдоль берегов моря того же имени.

Когда Тамань заняли Турки, Азовские Казаки как то договорились с завоевателями, рискнули выйти из плавней и возвратились в Приазовские степи Земли Касак. Турки видели в них полезных сотрудников, хорошо знавших Поле. В азовском гарнизоне появились их воины. До поры до времени им разрешался, привычный для степных жителей военный промысел. Добычу от них скупали местные турецко-татарские "большие люди".

---

[1]) Georgius Interianus, La vita: e sito de Zichi: chiamati Circassi.

[2]) Josafat Barbaro, The Travels to Jana and Persia London 1873.

Ордынские Казаки, попав под турецкий протекторат, начали нападать на московское пограничье от 1492-го года[3]). В 1500 году к ним присоединились Казаки Азовские[4]). Создавшиеся вначале, напряженно-выжидательные отношения между Москвою и Турцией не помешали русским торговым людям снаряжать караваны в Азов и Крым, причем московские товары часто попадали в руки Азовских Казаков. Их нападения так же как притеснения русских купцов в Кафе послужили одним из первых поводов для возникновения дипломатических сношений в. князя московского с турецким султаном.

Степной промысел Казаков принято считать грабительскими налётами, не принимая в расчёт, что в этих делах им способствовали азовские должностные лица, очевидно, считая их авангардом Турецкой армии. С другой стороны необходимо учесть, что у степняков в сознании давно укоренилось убеждение о Старом Поле, как о собственных казачьих землях, куда пути чужинцам были заказаны. Литва и Московия тоже не допускали в свои владения никого чужого, а появившихся там без опасных грамот, хватали, грабили и даже убивали. Время было суровое и кровавые нападения совершались не только в нашем Старом Поле. Достаточно вспомнить, что происходило среди самих Русских, когда соседние князья нападали один на другого. В 1375 году московский князь Дмитрий четыре недели громил город Тверь: "посад весь пожгоша и имение их все взяша, а самих иных убиша, а иных в полон поведоша многое множество"[5]). Резали своих русских людей и новгородские ушкуйники. В том же 1375 г., напав на Кострому, занаяли город, взяли сколько могли поднять добычи, а остальное пожгли или побросали в Волгу и "многих христиан поведоша с женами и детьми".[6]) Не особенно милосердными оказались московские воеводы и под Русою в 1456 г., где множество новгородцев "убиено бысть, а инии поимани". С новгородцами московиты мало церемонились и в дальнейшем.

Это только отдельные примеры. Из русской истории их можно привести десятки. В истории они оправдываются тем, что тогда на Руси шли междуусобные войны и происходили тяжкие процессы объединения Русских земель, но ведь и на Поле шла непрерывная

---

[3]) ПСРЛ т. XII, стр. 233, 236
[4]) Там же, стр. 250, 251, 253; СРИО т. 41, стр. 321, 322, 340
[5]) ПСРЛ т. XI, стр. 23
[6]) Там же, стр. 24

война и совершался тяжкий процесс воссоединения Казаков на своем Старом Поле.

Московские князья-бояре и литовские магнаты тоже часто решали оружием соседские споры: взаимными нападениями — "наездами", грабежами, убийствами. В действиях Азовских Казаков ничего необычайного для того времени не было и обвинение их в грабительстве звучит в высшей степени фальшиво. Им самим приходилось постоянно оборонять свое кочевое имущество, семью и личную жизнь от злой воли враждебных соседей. Вот, что, например, случилось под Азовом в январе 1502 года. Из Крыма в Москву доносили:

> "А к Азову, государь, сказывают, приходили Черкасы с четыреста человек; а Оузь Черкас и Карабай в ту пору с Поля пришли и Черкасы, пришед к городу за пять вёрст, да стали в тай, а тридцать человек к городу послали. И те, ехав под Азов, да животину отогнали. И Азовские Казаки Аузь Черкас и Карабай, а всех их человек двесте, да за теми Черкасы в погоню пошли, которые от них животину отогнали, и те их примчали на своих товарищев, где они стояли и Черкасы Азовских Казаков побили, сказывают, человек с тридцать, а Азовские утекли в город; а Узь Черкаса и Карабая, сказывают, тут же убили".[7])

Черкасы этого донесения, очевидно, Кабардинцы, кочевавшие в то время в степях на юг от Азова. От их руки и погибло два казачьих атамана Узь Черкас и Карабай.

По мнению казачьего историка В. Д. Сухорукова, Казаки жили "своим казачьим обычаем (кочевым)", а их имя нельзя принимать однозначным с разбойничьим, "поносным и преступным", "ибо род жизни и поведения были в духе тогдашнего времени".[8])

Против распространённого среди соотечественников мнения, что слово **Казак** можно понимать равным **разбойнику**, запротестовал и Н. М. Карамзин:

> "В истории следующих времен, — говорит он, — увидим **Казаков Ордынских, Азовских, Ногайских** и других; сие имя означало тогда **вольницу, наездников, удальцов,** но не разбойников, как некоторые утверждают, ссылаясь на

---

[7]) СРИО т. 41, стр. 381

[8]) Историческое описание Земли Войска Донского, стр. 4-5

лексикон турецкий; оно без сомнения не бранное, когда витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и веру, добровольно так назывались"[9])

Но время шло, между Московией и Турцией установились мирные отношения, а Казаки, нападая на посольства, действовали в ущерб интересам обоих стран. Между крымским ханом и великим князем московским возникла оживлённая переписка со взаимными упрёками. Однако хан Менгли Гирей не проявлял особенного рвения в сдержании и наказании казачьего своеволия. Крым с Казаками связывала двухвековая дружба и Казаки, как бы то ни было, помогали хану в его длительном сопротивлении Туркам. Поэтому упрёки Москвы оставались без последствий до тех пор пока за дело не взялся сам султан Баязет. И вот, в 1503 году Менгли Гирей сообщил в Москву Ивану III о приказе своего государя:

"Салтановы к нам речи таковы: Ныне гораздо отведали есьмы — великого князя Ивановых послов и гостей и водою и Полем дорогою стерегли и грабили наши азовские люди с Казаки одиначившись свели их. И ныне ты одного своего сына пошли с тысячею человек, а Шах-Зада пашу своего да кадыя своего отпустил бы. А мой тоже холоп Магмет, ехав, в Азове колько людей есть, всех переимав, ко мне бы привел, а твои слуги там бы остались в Азове, пять сот или шесть сот оставите".[10])

Русский посол тоже доносил из Крыма, что султан велел:

"Царю Менгли Гирею и сыну своему салтану в Азове паш и Турков и Казаков всех лихих переимати, да иных, государь, лихих велел казнити, а иных, государь, велел в тюрьму пометати. И царь, государь, отпускает в Азов сына своего Бурнаша, а людей с ним отпускает тысячу человек, а тех Казаков Азовских имати и иных Казаков, которые Казаки в Азове ни будут. А султан, государь, кафинский отпускает с царевичем с Бурнашем своих людей Турчан; а Баазит-салтанов человек, который с грамотами приехал и он с ними едет в Азов,

---

[9]) Н. М. Карамзин, История государства Российского т. V, стр. 395-396

[10]) СРИО т. 41, стр. 468

тех паш азовских и Турчан и Казаков имати. А в Азове, государь, были царевым Менли Гиреевым людям, а на шубашестве, государь, быти в Азове Алакозю".[11])

В результате нашествия карательной экспедиции "лихие" Азовские Казаки принуждены были оставить свои кочевья в Земле Касак и тремя дорогами двинулись в Север-Сульский. Во главе отрядов стояли царевич Чувак и Меретек-мырза.[12])

Придя к реке Десне, один из отрядов пробовал перенять проходивший мимо караван московского посольства и "Русь воевав лежали. Тут их настигла зазачьечеркесская дружина крымского хана. При встрече с нею головная колона переселенцев понесла потери в людях, а некоторые семьи лишились имущества разграбленного нападавшими. Посол Алексеев сообщил в Москву великому князю:

"Да царь, государь, кажет, посылал Казаков своих на Поле Азовских Казаков имати; и наехали, государь, кажет, Азовских Казаков у Тесны, да их, государь, кажет, перебили и переграбили, а царевич, государь, Чювак, салтанов сын, утек у них на лес, а иные, государь, кажет, Казаки остались еще на Поле, а дожидаются, государь, кажет, еще достальных Казаков Азовских".[13])

Судя по эому донесению, царевич Чувак был сыном кафинского Шах-Заде и, значит, внуком турецкого султана. Как видно, и он оказался в числе "больших людей", подлежавших наказанию за сотрудничество с Азовскими Казаками, которые и здесь по старой традиции выбирали себе предводителей из влиятельной знати.

Менгли Гирей выполнил приказ своего повелителя из Стамбула, но, как в точности обстояло дело с наказанием "лихих" Казаков, неизвестно. Так или иначе Азовские Казаки продолжали кочевать в Севере Сульском и в верховьях Донца рядом с землями князей Глинских, славянизированных Татар из рода Тохтамыша. Казаки дружинники, так же как не замешанные ни в каком "воровстве", "добрые" Азавские Казаки, оставались на ста-

---

11) Там же, стр. 471

12) СРИО т. 41, стр. 473

13) Там же

рых местах при Менгли Гирее или в своих приморских стойбищах, хан же заверял Москву:

> "Больших людей, которые наших послов и гостей грабили, тех поймав и в тюрьму их посадили, а которых Казаков понашли и тех с ними вместе привели. А сего лета сын мой Бурнаш в Азове стоит, лихих Казаков ищет, а как поидет и двести человек в Азове оставит, а после того послы ли будут, гости ли будут и приведут и провожают добрых здоровых, хотя Полем, хотя Доном в судех"[14])

Несколько лет Азовские Казаки кочевали вдоль верховий Северского Донца и Сулы, на подступах к московским и литовским окраинам. Подходили и к Верхнему Дону. Именно о них и завёл речь турецкий посол в Москве Камал, беседуя с боярами в начале 1515 г.: "Да от Азовских Казаков великого князя украинам много лиха чинится, и государь о том к султану мне ли велит от себя говорить или прикажет со своим послом?"[15]) Камал и сам пострадал от их нападения:

> "Посольство Алексеева, с которым шел первый турецкий посол князь Мангуйский Федорит Камал, вернулось в Москву в мае 1514 года с большими приключениями На пути под Воронежом на послов было совершено нападение, они потеряли свой обоз и лошадей и прибыли в Усмань пешком и долго дожидались там присылки из Москвы распоряжения о снабжении их лошадьми, продовольствием и охраной"[16]).

В 1515 г. к Азовским Казакам подошли с юга остатки Казаков Белгородских, окончаательно покинувших Крымскую орду. После этого под властью крымского хана и турецкого султана осталось очень мало Казаков. Их дальнейшая история показала, что все они были Славянами или окончательно славянизированными Туранцами.

---

14) Там же

15) Н. А. Смирнов, Россия и Турция в XVI-XVII в.в. т. I, стр. 74

16) Там же, стр. 73

Глава пятьдесят четвертая

СТЕПНЯКИ В ЛЕСО-СТЕПИ

От пловецких времён Казаки часто находили довольно надёжное убежище в лесосепи, мало-привлекательной для азиатских кочевников. Во время ордынской "замятни" Вольные Казаки, ушедшие из под власти царевичей, стали собираться в лесостепном Севере-Сульском, то есть между Сулой и Верхним Донцом. От 1504 года та же область, расширенная до Десны, стала временным пристанищем для Казаков Азовских, покинувших Землю Касак. Причинив хану Менгли Гирею много хлопот, они ушли от него в лесостепь. Однако, Казаки Крымской орды причинили ему много неприятностей и в следующие годы. Против его примирения с султаном выступили Казаки Перекопские. Они перестали признавать его своим царём и двинулись по Днепру на север.

В истории единственной видимой причиной их неприязни к Туркам, а попутно и к хану, остаются зверства скопищ Секайдара. До прихода Турок религиозные вопросы мало беспокоили суровых степных воинов. По традиции они считали себя христианами "веры греческой", принимали и содержали духовенство, совершали полагаемые обряды, строили церкви и монастыри. Никто им в этом не препятствовал. О веротерпимости Монголо-Татар долго помнили и в России. Еще и в XVII веке опальный и удалённый из Москвы патриарх Никон, в послании к царю Алексею Михайловичу, упрекал его:

> "Ордынские цари всстанут против тебя в День Судный с их ярлыками; и они, неверные, не судили сами церковных судов, не вступались ни во что церковное, не оскорбляли архиереев, не отнимали Божия возложения, а сами давали грамоты, которые всюду по митрополиям, монастырям и соборным церквам соблюдались до твоего царствования"[1]).

Правда, с распространением магометанства, и с началом междуусобий, веротерпимость стала забываться и это, вероятно, стало не последней причиной появления Казаков-магометан. Но разорения, насилия и убийства, организованные персидско-азербайджанскими толпами Секайдара, превзошли все религиозные гонения

---

[1]) Н. Костомаров, Русская история в жизнеописаниях т. II, страница 148

в ордах. Больше двух веков они служили преградой к установлению с Турками добрососедских отношений. И хотя Секайдар и его люди только следовали за турецкой армией, не будучи сами Турками, в основу отношений Казаков с султаном все же легла память о "турецкой резне", так поразившей население наших степей. Благодаря ей родилась ненависть ко всему, что носило печать иноверия, а привязанность к своей вере одновременно укреплялась. С этого времени **греческая вера,** как и общее для всех казачье имя, стала наиболее значительным фактором духовной связи между разрозненными, бредущими в разброд, племенами наших предков. Защитниками христианства почувствовали себя даже недавние Казаки — магометане, поспешившие возвратиться к вере предков. Борьба с завоевателями приняла религиозно-национальный характер, сохранявшийся на протяжении двух следующих столетий. Казаки рады были причинить султану любой ущерб и с готовностью отдавали вооруженные услуги его потенциальным врагам. Продолжали войну и самостоятельно. О том, что Кубанские Черкасы — мореходы нападали в море на турецкие корабли, сообщает Герберштейн, но не сидели без дела и те Казаки, которые раньше жили в сфере Крымского ханства. Самостоятельно продолжая войну крымцев с Турками, они в 1492 г. потопили их корабль, напав на него недалеко от устья днепревско-бугского лимана. В следующем же году, избрав себе начальником славянизированного Татарина, князя Богдана Глинского, погромили турок под г. Очаковом. Соседние христианские государи постарались использовать их ненависть к Туркам и преуспевали в этом. Казачьи общества постепенно стали надёжным заслоном Литвы и Московии от неожиданных нападений с юга.

К 1493 году Турки окончательно овладели Крымом. После семнадцати лет упорного сопротивления крымский хан Менгли Гирей должен был смириться и признать власть **Наместника Пророка,** который в воздаяние его доблести, из уважения к древнему ханскому роду и магометанской его вере, оставил ему права своего вассала. Династия Гиреев осталась властителями Крыма, хотя в Керчи, Азове и Очакове султан поставил турецкие гарнизоны, а в Кафу прислал для надзора за ханом своего сына Шах-Заде. Этот город получил новое название **Крым Стамбул** и, оставаясь главным рынком, стал турецким военно-административным центром. Генуэзцам пришлось возвратиться на родину. Всё это не отвечало желаниям, оставшихся еще при Менгли Гирее, Казаков

Перекопских и Белгородских. Первые пользовались землями по Нижнему Днепру, а вторые пребывали за Южным Бугом. Около них собрались и те царевичи, которые разделяли с ним ненависть к покорителям, Туркам.

Во время Золотой Орды, у Казаков, иногда поневоле, иногда по собственному расчёту, выработалась традиция подчинения значительным и влиятельным лицам из окружения ханов, почти всегда — царевичам Чингисидам. Таким образом приобретались свои ходатаи перед центральной властью, в некоторых случаях весьма необходимые. Подобное положение было удобно и в другом смысле: царевичи обладали отдельными юртами и выделяли участки для своих людей. Те из них, которые стояли во главе казачьих общин, сами назывались Казаками: "Я и прежде твоего добра смотрел, когда еще ты был Казаком", отвечал Иван Грозный хану Занебеку, просившему, в случае изгнания, дать ему у себя убежище.

При Белгородских Казаках тоже были царевичи, а некоторые лица ханского рода, под угрозой турецкого нашествия, стали заблаговременно покидать Крым. В 1480 году оттуда вышли в Москву сыновья прежнего хана Ачи Гирея, Мердоулат и Айдар со своими семьями.[2]) Перекопские Казаки тоже начали двигаться к тем граням, куда не простиралась власть султана. Вольнее было дышать вне гнетущей близости завоевателей, а надёжнее всего выглядели Литовская Украина на Днепре и Северский Донец. День за днем эти области лесостепи и стали всё больше наполняться Казаками.

Семейным казалось не достаточно безопасным оставаться на старом юрте между Днепром и Бугом. Они двинулись дальше на север туда, где еще сохранилось некоторое количество их соплеменников Черкасов из бывших Чёрных Клобуков. Разногласия, возникшие между Казаками и крымским ханом, польско-литовский король Сигизмунд I встретил с большим удовлетворением. Он без возражений разрешил казачьим семьям селиться на своих землях, предоставив в их распоряжение южные малонаселённые области Великого княжества Литовского. Началось постепенное переселение семейных Казаков из за порогов на угодья, раньше принадлежавшие их предкам Чёрным Клобукам. В 1506 году король не скупясь наделил их землями, подтвердил их права особым декретом (привилеем), по которому также "одарил их вольностями и разными преимуществами, каковыми жалованы были от времен Казимира IV,

---

2) ПСРЛ т. XXV, стр. 326

короля польского, то есть от 1471 года, живущие в русских княжествах народы".[3])

На пустынных окраинах Литвы зароилось новое население, стали возникать укреплённые городки и хутора. Когда в 1512 году Татары вздумали напасть на Польшу, князь Константин Острожский встретил их с войском усиленным Казаками и принудил хана повернуть назад. Тогда в поражении Татар под Вишневцем участвовал и знатный польский рыцарь Предслав Ланцкоронский. На протяжении следующих десяти лет его имя постоянно упоминается в источниках рядом с казачьим.

Казаки Белгородские задержались на старых местах немного дольше. Они размещались на запад от Ю. Буга и кочуя там привыкли смотреть на Литву и Польшу, как на поле своей добычнеческой деятельности, а кроме того, как потомки Болоховцев, не признавали за Литвой права заселять их Подольские земли. Они постоянно участвовали в татарских набегах, громили города и сёла Западной Украины, уводили в плен их жителей и с добычей возвращались в свои кочевья. А Татары делали набеги почти каждый год. Между 1498 и 1503 годами ими, сообща с Казаками, были опустошены окрестности Люблина, Бэлза, Луцка, Бреславля, Вишневца, Львова и Туркова, т. е. города Галичины и Волыни.[4]) Литва и Польша имели много оснований представить Белгородским Казакам к оплате крупный счёт. Присоединиться к Запорожцам и искать убежища в Литве Белгородцы не могли. А в 1515 году их отношения с Крымом испортились совершенно. Менгли Гирей умер, а нового хана Магомет Гирея Белгородские Казаки признать своим государем не захотели. Они напали в последний раз на окраины Польши, пополнили добычей свои запасы, а затем, переправившись через Ю. Буг и Днепр, двинулись к верховьям Северного Донца. Вели их царевич **Алп** и тот самый **Алик,** за действия которого Магомет Гирей не хотел брать на себя ответственности перед Польшей и писал королю, что на его земли нападали одни Белгородские Казаки, не признающие ни его самого ни его приказов и избравшие себе вождем его врага царевича **Алика**[5]**).**

---

[3]) А. И. Ригельман, Летописное повествование о Малой России, страница 15.

[4]) СРИО т. 41, стр. 469.

[5]) Karol Szeinocha, Dwa lata dziejów naszych:

Польские летописцы об этом нападении сообщают, что оно было совершено одной белгородской молодежью, «самыми отчаянными молодцами, которые отличались особенным и им одним свой-

В том же году Михаил Тучков доносил из Крыма в Москву:

> "Ты, государь, одноконечно вели ся беречи от Рязанские стороны и везде. Алп-царевич пошел, государь, под Киев, а с ним Алик-царевич; а царь посылал по него трижды добрых людей, и он к нему не поехал; а людей с ним тысячи с две. А. ялся его провести на твою Украину Дашкович, а того не ведаем, куда его поведет, будто он мимо Кричев хочет его вести"[6]).

Тучков, как видно, предполагал в этом движении Белгородских Казаков замысел против Москвы, но в этом ошибался. Казаки просто уходили из враждебного окружения в лесостепь. Тут же появляется имя Дашковича, такого же военного предпринимателя, как и Предслав Ланцкоронский. В последующие годы он организовал с Казаками несколько походов против Турок и Москвы.

Таким образом, уходя от Турок и крымского хана Ордынские Казаки поделились надвое: Перекопские оказались в сфере влияния Вел. Княжества Литовского, а Белгородские собрались вместе с Азовскими и Вольными на Северном Донце. Первая их волна пришла в Северщину на год или два раньше, т. е. ок. 1514 г.

ственным стрижением головы», «оставляя наверху чуб, закручивают его за ухо». По Интериано тоже самое делали и Кавказские Цики. Татары же свои головы брили сплошь. У Матвея Меховского о них сказанно: «Только юноши не выбривают головы до конца, оставляя две пряди волос, которые спускаются от правого и левого уха к плечам и служат признаком неженатого или девственника».

[6]) Дела Крымские, СРИО т. 95, стр. 140

Глава пятьдесят пятая

ЗАПОРОЖСКИЕ КАЗАКИ

Устройство казачьих общин и военных формаций во время пребывания в Золотой Орде, очевидно, было основано на родо-племенных связях, так же как это было во времена Меото-Казаров, Торков-Касаков, Брадасов-Бродников и Асов-Аланов. Разница заключалась лишь в том, что теперь они потеряли племенные наименования и все назывались Казаками. Степи от Нижнего Днепра до Волги и от Чёрного моря до лесных рубежей Северо-Восточной Руси долго находились под чужой ордынской властью, но для Казаков они были родным Старым Полем с могилами предков, где даже оседлые земледельческие казачьи общины по прежнему оставались частью вооруженного народа, готового в любой момент встать на защиту своих родовых объединений, составлявших их главную привязанность.

Основной ячейкой пополнения оставался род с многочисленными семейными разветвлениями, где нарождались и вырастали новые воины. Без семьи Казаки давно бы прекратили свое существование, потому что именно им, военному народу, больше чем кому либо другому надо было заботиться о нарождении новых поколений. Их боевой промысел требовал постоянного возмещения потерь.

Черты родо-племенного строя особенно отчётливо выражены в куренной организации их военного устройства. Понятие **курень** Казаки принесли с собою из орд. Они применяли его к особым формациям воинов, связанных кровным родством или только принадлежностью к одному поселению. Историки Золотой Орды Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский видят в термине **курень** определение одной из структурных форм кочевой общины[1]). Иначе говоря, **курень** это большая или меньшая часть жителей улуса, связанных кровным родством. В словаре Л. З. Будагова приводится пример из **Зафирнаме;** "Разделив народы Монголии на племена", где племя в татарском оригинале обозначено словом **курень**[2]).

---

[1]) Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, Золотая Орда и ее падение, стр. 37

[2]) Л. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий т. II, стр. 124

Не иначе складывалась общественная жизнь Казаков, подданных крымского хана. При самостоятельности Крыма многие казачьи семьи находились на полуострове за Перекопом там, где и теперь еще хранятся редкие памятники их пребывания в названиях сёл Карт-Казак, Бай-Казак. Жили они также в поселениях и на хуторах в Днепровско-бугском клину, ниже порогов. Рассорившись с ханом, Перекопские Казаки ушли под покровительство Литвы и там их прозвали **Запорожскими Казаками.**

Польско-литовские короли имели дело с Казаками и раньше. Потомки Чёрных Клобуков или Черкасов относительно благополучно пережили нашествие Монголов, в части пополняли дружины Ордынских Казаков своего улуса, стояли на страже у западных границ империи Дешт и Кыпчак, в то время как остальные обрабатывали землю и поставляли ордынцам продукты сельского хозяйства. Около 1300 года к ним на Днепр пришли Казаки Пятигорские, построившие город Черкасы.

В самый разгар **замятни,** около середины XIV века, их юрты вместе с Киевом и Подольем попали в границы В. Княжества Литовского, где оказались в стороне от ордынских междуусобий. Казаки проживали на прежних черноклобуцких землях вдоль рек Днепра, Роси, Сулы и Псёла в городках, уцелевших от ордынских погромов и наново укреплённых Литвою. Под властью князей литовских они не чувствовали гнёта со стороны какого либо правящего центра и жили по своим прежним обычаям. Воеводы Брацлава, Киева и Чернигова, как и местны старосты, умели с ними ладить, пользовались их услугами при охране границ, новых порядков у них не заводили и мало вмешивались в их дела. Летопись сохранила названия уцелевших казачье-русских поселений: Хмельник и Винница на Южном Буге; Белая Церковь, Дверень и Корсунь на Роси; Черкасы на Днепре; Снепородь, Скнятин, Грошин, Чемесов, Утешков, Синеч, Кляпеч, Ромен, Ковыла, Ворона, Сал, Песьи Кости и Хотень по обе стороны Днепра[3]). Их редкое население, кроме Русов-ремесленников, специально оберегаемых в ордах, состояло из Казаков-воинов, земледельцев, зверогонов и рыболовов. Это те самые "Татары", которые по **Хронике Быховца** проживали под властью атаманов на Подолье во главе с **отчичами и дедичами Подольской земли,** тремья братьями-князьями Хачибеем, Кутлубугой и Димитрием; это те самые "Татары" из Добруджи, которые по Стрыйскому **говорили на славян-**

---

[3]) Новгородская первая летопись, М.-Л. 1950, стр. 475-476

ском языке, занимались земледелием и ему "сами рассказывали, что их предки изгнаны Литвой из Подолии", и это те самые Казаки, которые по словам Мартина Бельского хорошо знали свой край и в 1481 году служили проводниками для войск Королевича Яна Альбрехта, при его походе на Татар[4]); это те люди, о которых говорит в 1499 году грамота в. князя литовского Александра: "Которые Казаки з верху Днепра и с наших сторон ходят водою на низ до Черкас и далей и што там здобудут с того со всего воеводе киевскому десятое мают давати!; наконец, это те Казаки, по имени которых шляхта Литвы и Польши уже в XV веке, как говорит Шейноха и Стрыйковский, стала называть степной боевой промысел словом "козаковать", "идти в казачество"[5]).

В Литве переселенцы с Перекопа и Запорожья встретили этих старожитных Казаков. Те и другие, несомненно, несколько отличались по языку, а также по некоторым внешним и бытовым чертам.

Влияния окружающей среды не миновали ни Верховых Днепровцев ни Перекопских Запорожцев. Чёрные Клобуки пришли на Днепр с туранским и славяно-казарским языками. Оставаясь здесь больше четырех столетий, они постепенно усвоили язык местных Славяно-Русов. Ставши потом на сто лет жителями Золотоордынской империи, в своем большинстве земледельцы, Чёрные Клобуки — Черкасы с Татарами общались мало, их подрастающие поколения слышали татаро-монгольскую речь не часто. Поэтому они сохранили диалекты местных Белоруссов и Украинцев.

Иначе обстояло дело с Ордынскими Казаками. Эти жили в густом окружении кочевого и перешедшего к оседлости татарского населения. Церковь и семья способствовали сохранению в их памяти славянской речи, но она насытилась татарскими словами и оборотами. Два столетия наложили на нее свой отпечаток. И всё же, придя в Литву, Перекопские Казаки скоро слились с прежним казачьим населением края. Объединению способствовали: одинаковый общественный строй, память о христианстве, насущные требования жизни и неизменное скифо-казачье имя.

Со временем Перекопские Казаки позаимствовали от местных характерные черты их языка, а им передали

---

[4]) Пьер Шевалье, Історія війни Козаків проти Польщі, Киев 1960, стр. 163

[5]) А. И. Рогов, Русско-польские культурные связи, М. 1966, страница 236.

некоторые свойства своей речи. Их перестали различать и всех вместе называли Запорожцами, Запорожскими Казаками, хотя Крымские Татары в своих грамотах иногда выделяют **русских Казаков** из городов Черкас и Канева, очевидно, имея в виду тех, которые попали в границы Литвы раньше.

Уходя на север, Перекопские Казаки оставили на Низу за порогами, недалеко от летней ханской резиденции Ислам Керменя, боевой заслон. Главное ядро там составилось из неженатой молодежи, посвятившей себя военному ремеслу и отказавшейся идти в подчинение Литве. Они остались охранять свой прежний юрт, от посягательств на него с чьей бы то ни было стороны. По польским данным их первая Сич на Хортице выглядела как крепость уже в XV веке[6]). Воины оставшиеся в ней не порывали еще окончательно с ханом и с соседними ордынцами. Благодаря этому, при наличии непрерывных нападений на Польшу и Московию, казачьи поселения Татары обходили стороной. Московские окраины разорялись ими до самой "береговой черты" у реки Оки, пылали города и сёла Польши, а близкие к Таврии Черкасы, Корсунь, Канев, Трахтемиров, так же как основанные переселенцами новые городки и сёла, первые десятилетия оставались нетронутыми. Присутствие казачьих поселений стало служить известной гарантией безопасности и для самой Литвы. Нападения крымцев на Польшу теперь велись через Западную Подолию, минуя литовские и казачьи земли, каким то чудесным образом еще долго остававшиеся неприкосновенными. И это тем более удивительно, что жители казачьих городов иногда сами рисковали нападать и на Турок и на Татар. Так было и в 1503 году, когда крымцы провожали московский посольский караван из Молдавии. Хан жаловался в Москву:

> "И яз Албата-улана со князьями и мирзами с ратью ж послал. И как, их взяв, сюда поехали, и на Непре в судех Киевские и Черкаские Казаки, приехав ночью, их топтапи, а мои которые ратные люди, те стерегли и бились с ними и русских Казаков побили, а моих семь паробков добрых убили, а семь человек ранены пришли да тридцать коней у них убили".

Отношений между Запорожцами и Крымом не обо-

---

[6]) Alexander Polujanski, O Kozakach Ksiega Swiata, Warszawa 1855.

стрили и такие выпады. Похоже, что хан не желал окончательного разрыва со своими недавними подданными и продолжал считать Запорожье своим улусным юртом, каким оно формально и оставалось[7]).

Правда, население этого юрта взбунтовалось против нового порядка вещей, не примирилось с властью султана, но это не было редкостью и в самом Крыму. Там тоже неустанно шла скрытая и открытая борьба между сторонниками Турции и ее противниками. Позднее в ней принимали участие и бывшие Перекопские Казаки, конечно, по стороне противников султана. А кроме того не следует забывать, что при хане все же осталась часть дружинников, "добрых" Казаков и, следовательно, между крымцами и Запорожцами сохранились кое какие родственные связи.

Отношения между Днепровскими Казаками и Крымом начали портиться после смерти Менгли Гирея, в 1515 г. павшего жертвой дворцового заговора. Его наследник Магомет Гирей и раньше не пользовался симпатиями Казаков. Белгородские Казаки оставили свои крымские кочевья и ушли на Донец, именно после того, как ханом стал Магомет Гирей. Он не смог распорядиться войсками своего отца, не подтвердив договорных условий, на которых основывалась служба Казаков и Черкесов. 19 июня 1515 года Василий Коробов доносил в Москву из Азова:

> "В Керчь пришла весть в понедельник на Святой неделе, что Менгли Гирея царя в животе не стало, а тут в Керчь прибыли многие Черкасцы из Крыма, ино деи к ним прислал во вторник на Святой неделе большой сын Менгли Гиреев, Магмуд Гирей, с грамотою, чтобы они жили по своим местам по тому же, как жили при отце его"[8]).

Этой грамотой и был возобновлен договор о службе.

Когда Перекопские Казаки пришли в Литву, они встретили там не одно рядовое казачье население, но и сложившиеся за последние десятилетия слои казачьей шляхты. Начиная от 1471 г., при в. князе Казимире IV (1440-1492) жители Литовской Украины были уравнены

---

[7]) Эти земли принадлежали Золотой Орде и в XVI в. все соседи признавали их ордынскими. На них не претендовала ни Литва ни Польша. Турция, как преемница владений Крыма, отказалась от них в 1739 году по Белградскому миру в пользу Запорожцев.

[8]) СРИО т. 95, акт от 19. 6. 1515 год.

в правах с коренным населением Великого Княжества Литовского. Казаков тоже за особые заслуги принимали в ряды литовского боярства. При этом они получали земельные поместья и для их обработки привлекали на них разными льготами украинских и белорусских крестьян-поселенцев. Появились Казаки дворяне и помещики. Но и такое социальное деление не перечеркнуло в сознании каждого Казака и старожила и новоприходца прочной традиционной увереаности в обособленности казачьего рода, в превосходстве его над всяким другим, в неотъемлемом праве Казаков добровольно, без всякого принуждения, избирать себе начальников-атаманов, в праве носить от юности оружие и пользоваться им в случае нужды для обороны семьи, чести и укоренившегося обычного права. На Литве они "станом" (сословием) не считались. Среди местных сословий они не значатся ни в Статутах Вел. Княжества Литовского, ни в актах. Земли, полученные ими от Сигизмунда I, составили в Литве автономные области, при чём их население само делилось на сословия соответственно с общим социальным строем государства. В истории появляются Запорожские Казаки разных сословий: гербовая шляхта, бояре-шляхта, мещане и селяне, все в одинаковой мере воины. По традиции, укрепившейся с ордынских времен. Казаки и на новых местах стали подыскивать покровителя из лиц близких к верховной власти. Наиболее достойными они признали знатных рыцарей Предслава Ланцкоронского и Евстафия Дашковича, которые в свою очередь постарались привлечь их к полезным для Литвы и Польши набегам на Турок и на Московскую Русь.

Глава пятьдесят шестая

ОРДЫНСКИЕ КАЗАКИ В МОСКВЕ

После, ставшего обычным в ордах, преследования христиан, после зверств магометанских скопищ на Кавказе, после установления власти султана на всём северо-ом побережье Чёрного моря, степные казачьи общины потянулись на север ближе к христианским странам. Число Казаков среди Татар распавшейся Золотой Орды, становилось всё меньше, а в зарождающемся на Донце казачьем политическом центре, так же как в Литве и Московии, возростало с каждым годом.

Москва к XVI веку окрепла, освободилась от обязанности платить ханам дань, выросла в обширное по территории и сильное государство, с несколько неопределенным названием **Вся Русь**. Ханы бывшей Золотой Орды должны были признать великого князя московского равным себе по политическому значению. Никто из них не мог уже препятствовать его вмешательству в их династические распри и Москва стала главным убежищем для всех обиженных родственниками Чингисидов. Политический строй Московии основывался на господстве военно-служилого класса и государи московские усиливали этот влиятельный класс, принимая к себе разноплеменных воинов. Вначале появились "люди с Дона", затем от Татар перешло 2 000 Пятигорских Казаков, а за ними к прежнему своему даннику стали подходить царевичи, не нашедшие себе места в ордах, вместе со штатами своих сторонников. Из всех этих пришлых людей формировались пограничные городовые полки и полевые отряды, а каждый из царевичей получал в личное пользование близкий к границе русский город, район которого должен был охранять со своими людьми от неожиданных нападений "немирных" соплеменников. Так в их распоряжение были переданы на некоторое время: Касимов, Коломна, Кашира, Серпухов, Городец, Темников, Свияжск, Юрьев, Романов. При этом городецкие, свияжские и темниковские татарские отряды прикрывали Москву со стороны Казани, а серпуховские, касимовские и коломенские принимали на себя первые удары крымцев и азовцев. Кроме этого они должны были выставлять боевые отряды, участвовавшие вместе с русскими в походах, преимущественно на запад.

Позднее татарская знать стала получать поместья с деревнями, делалась русскими помещиками, крестилась, обращалась в русскую титулованную и нетитулованную служилую аристократию.

У В. О. Ключевского читаем:

> "В провинциальных списках начала XVII века встречаем в уездах Московском, Боровском, Калужском и смежных сотни новокрещен из Татар — Ивана Салтанова сына Турчанинова или Федора Девлеткозина сына Резанова и т. п., отчества которых показывают, что отцы их, став помещиками и вотчинниками, еще в XVI веке оставались магометанами".[1])

В Никоновской летописи за период от 1554-1567 г.г. эти Татары-помещики вспоминаются 25 раз. Среди них находится и Девлетхозя Резанов. При этом весьма показательно, что, например, в 1556 году отдельно обозначены "Татары. и новокрещены, и Казаки, и стрельцы".[2]) Из этого следует, что новокрещены уже к Татарам не причислялись. Это также лишний пример тому, что на Руси национальность определялась по религиозной принадлежности. Все исповедывавшие Православие, **веру русскую,** считались русскими людьми, а магометане, независимо от их национального происхождения, оставались для московитов басурманами, Турками или Татарами. К ним же причислялись Казаки, пришедшие на Русь магометанами. Из цитированной выше выдержки видим, что Салтан, Казак-магометанин, враг Турок, на Москве получил прозвище Турчанина и его дети стали Турчаниновы. Когда такие Казаки отходили от своих царевичей и возвращались к вере отцов, Христианству, в глазах местного населения они становились **Русаками.**

В московской полковой службе летописцы различают два рода посторонних степных людей: **Служилых Татар** и **Служилых Казаков.** Новопришедшие Ордынские Казаки тоже иногда причислялись к Татарам. Да это и понятно. Раньше, во время нападений на русское пограничье, они обращались с его населением довольно безцеремонно, по наружному виду, по принятому в ордах татарскому языку, по образу жизни они мало отличались от Татар, даже если еще могли объясняться с Русскими на славянском языке. И без ордынских влияний, степные люди во многом отличались от лесных Ру-

---

[1]) В. О. Ключевский, Сочинения т. II, Москва 1957, стр. 205

[2]) ПСРЛ т. XIII, стр. 270

сов, а теперь почти трёхвековое пребывание среди ордынцев в рядах ханских отрядов наложило на них новый чуждый отпечаток.

Кроме этого, они приходили в Москву с Татарами, часто с татарскими именами, а главное, без отчётливой принадлежности к Христианству. Среди казачьих имен, известных по источникам, обнаруживается полное смешение древне-славянских и христианских с татаро-монгольскими; татарское имя сочетается со славянским прозвищем или наоборот — за славянским именем следует отчётливо татарская, хотя и славянизированная, фамилия.

В летописях среди Служилых Казаков встречаются: Сава Балыкчей Черников, Сенка Тутаев, Ромашко Ворыпаев, Темешь Кадышев, Янгондырь Кожухов, Карач Мошин и т. п. Попадаются и неопределённые имена, может быть, принятие у Славяно-Казаров: Северга, Елка, Лопырь, Урачко, Таиш, Арак, Рыхлик, Лось, Ростълой, Кушник, Капуста, Ляпун.[3])

Подонские Бродники, как видно, приобрели меньше татарских черт, чем другие Ордынские Казаки. Они жили у себя на Среднем Дону, сочетая мирный труд земледельцев с военными обязанностями. Как оседлые жители, они пострадали в **замятне** больше других единоплеменников и должны были оставить свои земли, но зато среди них наиболее сохранились: славяно-казарский степной тип, чистый славянский язык и очевидная принадлежность к Христианству. На Москве, вероятно, их первыми признали за **русских Казаков.** Другие Ордынские Казаки приобрели тот же норманнский эпитет **русский** лишь от того времени, как стали посещать местные церкви, но из за этого ни те ни другие не перестали быть Казаками.

Движение беженцев с Дона и приход Ордынских Казаков на службу к Великому князю московскому произошли в иной обстановке, чем уход от крымского хана Перекопских и Белгородских Казаков. Москва встретила наших предков совсем не так, как Литва, где Запорожцам была предоставлена возможность оставаться

---

[3]) ПСРЛ т. XIII. Такие же смешаные казачьи имена встречаются в рязанских Писцовых книгах XVI века: Томило Карамеснов, Нечай Смагин, Долмат Болдырь, Севрюк Гардзин, Фатька Абизов, Мурашко Собырев, Гарх Уразов, Дороня Кумшак, Нагиба Карабай, Мигула Караман, Мелех Сотаров, Курбат Личуга, Ратька Сусар. Многие из Казаков, наших современников, найдут в них основы своих фамилий.

всем вместе. Литовский великий князь передал в их распоряжение целые области при лесостепных рубежах своего государства, за ними сохранялось право местного самоуправления с выборными атаманами во главе, не препятствовалось обращаться по местным делам прямо к верховной власти. Их жизнь потекла и здесь по старому руслу, их история представляется только параллельной с литовской и в значительной степени казачьей.

Ничего этого на Москве Казаки не получили. О таких вольностях там не приходилось и мечтать. Поневоле распылившись в поисках пропитания, Казаки здесь полностью включались в ход общественной и политической жизни чужого края. В лучшем случае они становились военными слугами, холопами великого князя. В беженских условиях никакое другое занятие на землях Московии не давало лучшей возможности обеспечить себя и семью безбедным существованием. Служба с оружием оплачивалась из казны и признавалась почётной. "В России каждый солдат считается благородным", писал Джильс Флетчер, посетивший Москву в 1588 году. Для военно-служилых людей был также открыт путь к сословному возвышению, к званиям **детей боярских, дворян, помещиков**, с чем было связано и полное благосостояние. Однако, и без того тяжелая сторожевая служба в пограничных городах часто осложнялась несправедливостями московских воевод. Появилась поговорка: "Корми меня служба царская да не бей плеть боярская". В Литве Запорожцы сразу же нашли достойного покровителя, близкого к трону рыцаря Предслава Ланцкоронского, а здесь, после первых встреч с князьями-боярами, Казаки в дальнейшем старались держаться от них подальше и имели с ними дело только в силу необходимости. Рюриковичи и их бояре понимали власть и способы управления иначе, чем Гедиминовичи в Литве. Может быть, поэтому Ордынские Казаки, придя в пределы Московии, не спешили переходить в казачьи городовые полки, подчинённые местным воеводам, а предпочитали оставаться среди Татар по городам, полученным их царевичами в кормление. Таких то летописцы и московская приказная братия продолжали считать татарскими Казаками, хотя они мало отличались от Казаков уже прижившихся в Московии.

В границах двух соседних государств Литвы и Московии казачьи семьи могли почувствовать себя спокойнее, чем в тревожных ордынских степях, но и здесь для Казаков-воинов назревало не одно печальное осложнение. Гедимовичи и Рюриковичи неустанно соперничали

в стремлении расширить свою власть на всех Восточных Славян. От XVI века в их постоянную борьбу пришлось включиться и Казакам, со стороны Москвы-Донским и Ордынским, а со стороны Литвы Днепровским Запорожцам. Результаты оказались трагическими: при боевых встречах проливалась братская кровь, нарождалось взаимное отчуждение, ослаблялись и без того некрепкие национальные связи степняков, в быт и в духовный строй внедрялись посторонние свойства. Одновременно с этим те и другие начали забывать о своих родовых связях со Славяно-Казарами. За истину принимались, укоренившееся среди лесных славянских племен, убеждение о том, что все Восточные Славяне должны называться Русами.[4])

От средины XV столетия в исторической жизни наших предков начинается новый цикл, связанный с первым появлением на Москве Донцов и Пятигорских Казаков. В русской истории летописная запись об этом событии считается указанием на первоначальное "зарождение Казачества". Но основывать все построения казачьей историографии на такой указке значит "начинать с конца". В русских летописях и в литовских хрониках наше имя появилось только тогда, когда о нём уже давно было известно Персам и Грекам, так же как известны и некоторые штрихи из древней истории Казаков. В персидских и греческих архивах и следует искать откровений по нашей древней истории.

Связи с глубокой древностью были потеряны в эпоху Золотой Орды. Они теперь несколько восстановлены археологией и отрывочными свидетельствами греческих и персидских источников. После двухвекового прорыва,

---

[4]) Смешение понятий «русский» и «славянский» началось давно, продолжается и теперь. Норманнское племя Русов оказалось по своей политической культуре настолько мощным, что все народы, попавшие под его власть, потеряли собственные племенные наименования и признавали себя «принадлежащими Русам», «Русскими». До наших дней сборное имя «Русский» этимологически остается прилагательным и отвечает на вопрос: чей? какой? Как имя собственное, отвечающее на вопрос «кто», оно может пониматься только условно, благодаря привычке. За последние века оно приобрело значение какого то малого интернационала и не только славянского. Появились русские Казаки, русские Татары, русские Евреи, русские Немцы и т. д. При наличии перемен, наступивших в России, новая власть настойчиво старается заменить прежние понятия более широкими интернациональными определениями: вместо «Русский» вводится «советский», вместо «русский человек» — «советский человек».

в начале XVI века нашу историю призвали к жизни общины не подчинявшиеся чужой власти и не покинувшие Старого Поля. Столетия службы Москве и Литве также вычеркнуты из общего хода исторической жизни нашей степи. Все сведения о служилых Казаках относятся больше к народоведению, чем к истории, но историк все же не может оставить их без внимания. Они объясняют, как вековые блуждания по чужим углам и под чужой властью отразились в духовном складе Казака, в его быту, верованиях и языке. Каким образом вольный степной человек обратился в покорного слугу, преданного чужим интересам и какие в связи с этим потери понёс наш народ в людях, приросших душою к общественным порядкам Литвы и Московии.

Глава пятьдесят седьмая

КАЗАКИ СЕВРЮКИ

Земли вдоль рек Сулы и Псёла еще при киевских князьях заняли Чёрные Клобуки, переходившие к оседлости. При Монголо-Татарах их поселения сохраняли прежний ремесленно-земледельческий характер. В начале XV века великий князь литовский Витовт получил от хана Тохтамыша "ярлык" на всю эту область, но передал ее в пользование ханским детям. Потомки Тохтамыша приняли Христианство, в значительной степени славянизировались, проживали на Суле в городе Глинске и считались вассалами польско-литовского короля, князьями Глинскими. Король Сигизмунд I, придя к власти, пытался ограничить их права и в результате возникших разногласий князь Михаил Львович Глинский поднял мятеж. В 1508 году он перешел на сторону Москвы, присоединился к ее войскам и вместе с ними опустошал восточные области Литвы.

Однако восстание потерпело неудачу, московиты отступили и мятежному князю пришлось уйти с ними. От великого князя московского он получил новую вотчину, город Ярославец, а "Боровеск в кормление". Княжество Глинское перешло под управление литовских воевод из рода князей Корибутов, но долго сохраняло память о прежних владельцах и повсюду слыло под именем Север-Глинщины.

Азовские Казаки появились у Глинщины в 1503 году. Придя к Десне, они распространились вдоль рубежей лесостепи до верховьев Дона, по прежнему делали набеги на русское пограничье и продолжали перенимать в степях посольские и купеческие караваны. В это время у соседней Литвы в войсках было уже много Казаков. Под Оршей в 1514 году в поражении московских войск участвовал Юрий Радзивил "со своим козацким войском".[1])

От 1514 года в Север-Глинский стали прибывать и Казаки Белгородские. Эти расположились несколько южнее. Белгородские степи между Донцом и Доном,

---

[1]) М. Стрыйковский, Хроника т. II, стр. 383, по кн. А. И. Рогов, Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М. 1966, стр. 234.

очевидно, получили свое название именно в это время, по прежнему прозвищу Белгородских Казаков, занявших берега Верхнего Донца.

Скопление казачьих общин в углу, образованном границами Северо-Восточной Руси и Литвы, вызвало в Москве опасение, что они будут использованы в интересах ее западных соседей. Вопрос о нападениях Азовских Казаков, затронутый турецким послом Камалом, стал особенно актуальным. Поэтому, снарядив в марте 1515 г. Василия Короба послом в Турцию, Василий III послал ему в догонку на Рязань дополнительный наказ: "И ты донеси речь до салтана, чтоб салтан Козаком своим Озовским и Белгородским, ко государя нашего недругу, к Жигмонту королю, на пособь, на наем ходить не велел".[2])

По существу эта просьба не могла иметь реального значения: Азовские и Белгородские Казаки власти турецкого султана над собой не признавали, а потому он и не волен был им приказывать. "Добрых" Азовских Казаков, которые еще кочевали в Земле Касак, вопрос без сомнения не касался. Им султан мог что либо приказывать через крымского хана, но Менгли Гирей в последний год жизни (1515) сам рассорился с Москвой и мало считался с желаниями султана. Продолжал гневаться на Василия III и его сын Магомет Гирей, будто бы за то, что он отобрал от Литвы некоторые города, уступленные ей ханами и тем показал пренебрежение к их праву распоряжаться своими землями. Поэтому Магомет Гирей не препятствовал нападать на московские земли ни Татарам ни своим Казакам. В 1516 году мордовский князь Темир доносил в Москву: "Которые мырзы были по мордовских украинах, Айдышка с товарищи, и к тем прибывают люди многие из Крыму, а хотят итти на великого князя украины". Тогда же Заня Зудов сообщил из Азова: "Пошли, государь, отселя из Азова Казаки Озовские под твою оттчину на украину под Мордву на те же места, которые места имали сего лета".

Иначе обстояли дела в Северщине. Через четыре года, после прибытия на Донец всех Белгородских Казаков, они вместе с Азовскими сами обратились в Москву с предложением своих боевых услуг. Ходатаем перед великим князем московским они избрали верного хану крымского князя Аппака. В 1519 году этот князь докладывал от их имени Василию III:

---

[2]) СРИО т. 95, стр. 128.

"Да еще есть мое тебе челобитье про твое дело. Белгородские Казаки да Азовские Казаки, всякое же год нечто слово было, да и ныне ко мне нароком человека прислали, чтоб яз, Аппак князь, тебе о них печаловался, чтоб деи нам князь великий лиха никоторого не учинил, чтоб нам со своими жёнами прикочевав, жити у Путивля и слугами быти, а твоего бы недруга короля воевати".[3])

В это время Москва воевала с Литвой и Польшей. Вероятно, великий князь не отказался от их помощи.

Посредничество крымского князя между Казаками и Москвой, ради установления более тесной связи между ними, даже во вред интересам Крыма, говорит, что отношения между Казаками и Татарами еще не были полностью враждебными. Азовские Казаки даже оставили у себя атаманом татарского мырзу Меретека.[4]) И хан очевидно не посчитал большим проступком их уход на север, легко с ним примирился, а своему человеку не запретил принимать поручения этих **изменников.** Может быть, считал, что их переселение вызвало желанием находиться подальше от Турок. В противном случае князь Аппак не решился бы действовать на пользу сближения Казаков с Москвой. Он ведь должен был одновременно выполнять дипломатическую мисию у великого князя московского и от имени хана.

В летописях и актах точно не указано, чем закончились переговоры. Вероятнее всего — только временным сотрудничеством. В дальнейшем Казаки, находились в земле Северской, не препятствовали Татарам в их походах на Москву или в Казань по старым сакмам. В 1521 году тот же хан Магомет Гирей, "советом посла своего беззаконного Апака мурзы, собра многое свое безбожное воинство, с ним же и литовская сила и Черкасы, и Нагайских Татар, их же тогда одоле", пошел на Казань, а возвращаясь оттуда напал на русские земли, пограбил окресности Москвы и пришел в Крым с богатой добычей.[5]) По словам Герберштейна, великий князь бежал из Москвы, предоставив ее оборону своему родственнику Петру, потомку татарских царей. Москвичи послали Магомет Гирею богатые подарки, но он требовал возобновления постоянной дани, как это было при его предках. Получив требуемое обязательство, Татары двину-

---

3) СРИО т. 95, стр. 613.

4) Там же, стр. 618.

5) ПСРЛ т. XIII, стр. 37-39.

лись к Рязани, а затем возвратились в Крым. С ними был и Евстафий Дашкович, усиливший Магомет Гирея своим отрядом. В то время с ним обычно совершали походы Казаки из окрестностей Черкас и Канева.[6])

Казаков, обосновавшихся в Северской земле, часто называли Севрюками или Северюками. Матвей Меховский указывал восточные границы Великого княжества Литовского по рекам Угре и Осколу.[7]) Может быть, по ярлыку Тохтамыша литовские владения и простирались так далеко на восток, но едвали берега Северского Донца принадлежали Литве фактически и едвали поселившиеся там Казаки чувствовали какую либо принудительную зависимость от великого князя литовского.

Край обладал значительными природными богатствами, хотя был довольно тревожным. Здесь сомкнулась сфера постоянного столкновения интересов, Литвы, Московии и Крыма, государств, считавших себя наследниками павшей империи Дешт-и-Кыпчак. Но это не помешало Казакам избрать именно Донец местом своего скопления для дальнейшего продвижения на Старое Поле, в старожитные казачьи места по Дону. Геополитическое положение Северщины предоставляло возможность избрать одну из враждующих сторон за союзника и покровителя. А кроме того, там повсюду еще сохранялись остатки замков и поселений. Это тоже предоставляло некоторые удобства. Накопившиеся на Донце Казаки располагались свободно. Они стали фактическими хозяевами Северщины. Образовавши здесь нечто вроде племенного союза, Азовцы и Белгородцы сложились в политическое общество полукочевого типа. А когда они связывались с тем или другим из соседних монархов и несли для него боевую службу, их положение вполне отвечало понятию **федераты.**

Не приходится удивляться, что здесь с каждым годом собиралось всё больше Казаков, а для посторонних край стал совершенно недоступным. Был "страх в Поле", "на Поле людей много и проехать нельзя".[8]) Для сношений с югом московиты начали пользоваться донским речным путём. Они плыли в своих насадах под конвоем "Казаков добрых наших", государевых служилых. Степные пути стали непроходимыми.

---

[6]) S. von Herberstein, Notes upon Russia, N. Y. 1903.

[7]) Матвей Меховский, Трактат о двух Сарматиях, стр. 109

[8]) Дела Крымские кн. VI, листы 198-199.

Глава пятьдесят восьмая

СБОР В СЕВЕРЩИНЕ

К началу XVI века разрозненные, но этнически довольно однообразные, общины Славяно-Казаков зароились в лесостепной полосе от подольских берегов Южного Буга, рек Роси и Тясмина к Черкасам и Каневу, а оттуда по Суле, Псёлу и Ворскле к земле Северской. От Путивля сплошная линия их кочений и поселений пересекала Верхний Дон, уходила в Мещеру и наконец распылялась по Московии. На Севверном Кавказе оставались только послушные Туркам, "добрые" Азовские Казаки и непокорные Пятигорцы укрывшиеся глубоко в горных ущельях.

Первое время вся эта живая полоса находилась в непрерывном движении. На Днепре и его притоках оказались выходцы с Дона, а среди служилых в Московии появились Казаки с Днепра. В XVI веке московские летописцы указывали Черкасов, которые "служат царю и великому князю польскую службу, а живут на Москве".[1]) Знали о них и иностранцы. Например, Джильс Флетчер вспоминает четыре тысячи Черкасов, служивших в Москве. По определению москвичей, он причислял их к особому роду Татар, указывая, что эти красивые по внешности и полные спокойного достоинства люди проживают при юго-западных границах Литвы и частично состоят в подданстве у польского короля. Флетчер считал их более цивилизованными, чем иные Татары.[2])

Коренные казачьи земли были опустошены и покинуты населением, но каждый Казак знал, что корни его народа идут с Дона и Северного Кавказа. В душе каждый из них лелеял надежду возвратиться на Старое Поле, с которым было связано всё историческое прошлое его отцов. Земля предков, степные берега родных рек манили к себе известным всем изобилием, манили к себе и романтикой былого, хранившейся в преданиях о временах вольной жизни на просторах широкой степи. Каждый Казак видел в своем Доне благостное божество, ожидающее своих сынов и воодушевленное одной идеей, осыпать их изобилием земных плодов.

По существу, поколения жителей донских берегов

---

[1]) ПСРЛ т. XIII, стр. 343

[2]) Dr. Giles Fletcher, Of the Russe Commonwealth, London 1856. Здесь снова Казаки обозначены, как Татары. В ту эпоху ни Литва ни Русь не признавала их за своих людей.

не расставались со своей рекой даже в страшные годы татарской **замятни,** не покинули ее верхнего бассейна и в XV веке. Фактический автор **Исторического описания Земли Войска Донского,** В. Д. Сухоруков указывает, что по архивным данным "к числу украинских городов, в коих поселенные Казаки именовались в то время Городецкими и Донскими следует причислить: Пронск, Ряжск, Козлов, Лебедянь, Епифань, Сапожков, Михайлов, Воронеж, Елец, Ливны, Чернявск, Донков, Чернь, Новосиль", т. е. города близкие к берегам Верхнего Дона. Понятие **украинский** в этом случае имеет свое первоначальное летописное значение — **окраинный,** а **городецкий** — то же самое, что и **городовой.**

В первой половине XVI столетия Казаки отовсюду потянулись к сильному племенному ядру, создавшемуся из Казаков Азовских и Белгородских. Север-Сульский и Север-Глинщина, где они теперь пребывали, находились в средней части лесо-степной полосы. От них было близко и до Дона, и до Днепра с его левыми притоками, и до Путивля, где Северские Казаки проживали чуть ли не от времен Мстислава Храброго. Нагайские Татары и московские приказные включили в понятие **Северюки** также и прибывших в Северщину Азовцев и Белгородцев. И хотя они в роли **федератов** часто состояли на услугах московского великого князя, на Москве, в отличие от постоянный служилых, их называли Вольными Казаками.

Для Московии пребывание Вольных Казаков между Донцом и Доном представляло известные выгоды, ради которых не жаль было дать им право свободного посещения рынков в пограничных городах. Крымцы не могли теперь пользоваться степными дорогами на север, Казаки закрыли им два пути: **Муравский** — между Донцом и Ворсклой и Изюмский — по левому берегу Донца. Третий путь **Кальмиусский** также находился под их наблюдением и ударами. Так что у Татар для нападений на Московию оставалось одна дорога через Азов по левому берегу Дона, **Нагайская сакма.**

Посещая рынки пограничных городов, Северюки встречались там с Казаками городовых полков, виделись и с казачьей молодежью. Воспитания среди воинов, она возрастала такой же воинственной, как поколения уходящие из жизни. Сознание превосходства и обособленности сохраняло от смешивания с инакородными. Среди русских служилых людей, присланных сюда из Центральной Московии, они оставались иноземцами, несмотря на то, что по языку их уже нельзя было отличить от окружающих Русов. Такими же чужаками

для Русских они представлены в летописях и актах. На это обратил внимание и русский историк Н. М. Карамзин: "Мы говорим о происхождении добрей и худой славы, верности и неверности Донских Казаков, то честных воинов России, то мятежниках, ею не признаваемых за Россиян"[3]). Эти слова еще с большим основанием можно отнести и к другим Казакам. В них заключается основная историческая правда о слабых связях существовавших всегда между Казаками и остальным населением России. В XVI-XVII столетиях летописцы постоянно путали их с Татарами, хотя воображение московитов и поражала их славянская речь. Непонятна для них была и принадлежность этих "Татар" к **вере греческой.** Сами Казаки в старое время тоже не считали себя по происхождению связанными со Славяно-Русами. "Не почитают себя, чтобы они подлинно были из Русских людей", писал о них А. И. Ригельман. "Считают себя природою не от московских людей и думают заподлинно только обрусевши, живучи при России, а не Русскими людьми быть".

Зато Севрюки для служилых Казаков были и неизменно оставались **своими,** а по казачьей поговорке **свой своему поневоле брат.** Вышедшие из городовых полков, казачьи подвижные станицы, наблюдая за степью, постоянно встречались с Севрюками. В Казаках-Севрюках начали видеть выразителей общей воли и центр сбора для возвращения на Старое Поле. Область занятая ими обратилась в безопасное пристанище и на Донце стали собираться Казаки самовольно покинувшие государеву службу. Из Московии, где жизнь складывалась не по душе народу вольному и бесклассовому, пошли толпы к Севрюкам. Они оставляли страну, где в то время, по словам В. О. Ключевского, "законодательство, вообще, было направлено прямо или косвенно к определению и распределению государственных обязанностей, но не формулировало и не обеспечивало ничьих прав, ни личных, ни сословных, государственное положение лица определялось лишь его обязанностями.[4]). По обязанностям же всё население делилось на две группы, служилую — **государевых холопей** и тягловую — **государевых сирот**[5]).

---

[3]) Н. М. Карамзин, История Государства Российского т. XI, страница 379.

[4]) В. О. Ключевский, Сочинения т. III, стр. 55.

[5]) Н. И. Костомаров, Русская история в жизнеописаниях т. II/III, стр. 43.

Правда, положение государевых холопов имело свои преимущества. Оно предоставляло возможность известного благосостояния, а в некоторых случаях, благодаря **царским милостям**, и полного материального благополучия. Заслуженные выделялись в сословие **детей боярских,** возвышались в звание **дворян** и **помещиков,** с почётным положением и имущественными выгодами.

Из года в год привилегированных появлялось всё больше, может быть, тысячи, но десятки тысяч служилых и неслужилых Казаков оставались в положении людей постоянно чем то обязанных и воеводам и своему новому дворянству, а к тому же неуверенных в том, что по непререкаемой воле державного хозяина их вдруг не сделают равными по положению всему тяглому населению государства. Ведь на их глазах для землепашцев-смердов придумали почётное название **христиан или крестьян** и этих христиан обратили в самое тягостное и унизительное рабство. Рабства же Казаки боялись больше всего. Самым верным способом избежать такой возможности было: забрав семью, уйти к Вольным Казакам. Раньше уход в Поле был связан с большим риском. Выйдя в степь, можно было сразу попасть под аркан ордынца и очутиться на одном из невольничьих рынков. Покидать границы государства тоже не разрешалось. Московские князья строго следили за тем, чтобы их вотчины не лишались людей необходимых в большом хозяйстве. В 1502 году в. князь Иван Третий указывал рязанской княгине Аграфене: "Твоим служилым людям и городовым Казакам быть всем на моей службе, а кто ослушается и пойдёт самодурью на Дон в молодечество, их бы ты, Агрипина, велела казнити"[6]). При этом он устанавливал для ослушников и семейную круговую порукуь "А уехал будет который человек на Дон без твоего ведома после заповеди и которого у того человека осталась на подворье жена и дети и ты бы их велела казнити, а не учнешь ты тех людей казнити, то их мне велеть казнити и продавати"[7]). Ясно, что выходя на Дон у Казаков не могла явиться охота оставить на расправу жену и детей. Теперь же, при наличии на Донце Севрюков, можно было идти к ним смело со всей семьей. Они так и делали во множестве.

---

[6]) Справочная книга Императорской Главной Квартиры, изд. 1910 год.

[7]) СРИО т. 41, стр. 413.

Вольные Казаки росли в числе, сеяли в Поле страх и ожидали того времени, когда представится возможность померяться силами с южным врагом и снова занять для себя Старое Поле. Такой момент стал намечаться, когда Турки задержали свое победное шествие, а Золотая Орда окончательно распалась на отдельные слабые улусы.

Состав коренных кадров Севрюков и пополнений, подошедших к ним позднее, точно освещены царской отпиской нагайскому мырзе Кельмагмеду в 1538 году: "На Поле ходят Казаки многие, Казанцы, Азовцы, Крымцы и другие баловни Казаки, а и наших украин Казаки с ними смешавшись ходят"[8]). В 1546 г. эти сведения дополняет донесение путивльского воеводы князя Михайлы Трсекурова: "Ныне, государь, Казаков на Поле много и Черкасцев и Киян и твоих государевых, вышли, государь, на Поле изо всех украин"[9]).

В этих актах, как видим, упоминаются Казаки, собравшиеся со всех сторон: бывшие Ордынские (Казанцы), Перекопские и Белгородские (Крымцы), Азовские с Донца, Днепровские Запорожцы (Черкасцы и Кияне), служилые с московских окраин (твои государевы). Все они **ходили смешавшись,** что было невозможным в том случае, если бы они были разными по роду-племени. Исторические и духовные связи на Поле претворились в связи фактические.

Акты указывают, что в Донецких степях накоплялись одни Казаки. Никто другой в них не вспоминается. Готовя плацдарм для предстоящей суровой борьбы, они при помощи устрашения принялись очищать степи от Татар и других инакородных пришельцев. Поле они знали хорошо. Несмотря на запрещения князей и опасности, их молодежь из поколения в поколение ходила на Дон "в молодечество", посещала пепелища разрушенных городков, а возвратившись к семьям, рассказывала о медовых струях родной реки, о природных богатствах ее берегов. И всех манила туда возможность возродить свой казачий лад по древним обыкновениям, без ханов, без князей и царей с их воеводами.

Сбор в Северщине происходил организованно и планомерно. Не может быть и речи о каких то случайных встречах бродячих шаек "пёстрого социального и этнического состава", как это представляется многим наивным историкам. Дело постепенного усвоения Ста-

---

Историческое описание Земли Войска Донского, стр. 3.

9) Там же, стр. 4

рого Поля проводилась однородными казачьими когортами под руководством опытного **ведущего слоя,** выборных атаманов, выразителей **общей воли,** при поддержке той же **общей воли.**

Появилось новое, но полностью зрелое, политическое общество, не знавшее над собою никакого другого вышестоящего общества, а потому — независимое. В условиях непрерывной борьбы, руководить движением могла только существовавшая раньше племенная организация, опытная в делах правления и войны, способная выполнить стремления казачьих масс, доверивших ей руководство. Двигала ими общая любовь к Земле Предков, в их представлении — Земному Раю, Земле Обетованной, так же как пристрастие к созданному в старые времена общественному строю, самому лучшему из всех проверенных ими на практике, наряду с отвращением ко всему чужому и враждебному.

Можно ли предполагать, что сложное дело овладения большим краем создавалось "самотёком", без организованных сил, без предыдущих общественных навыков, без централизованного управления сильной группы, привыкшей управлять массами. И действительно, возрождаясь к жизни из тумана веков, в источниках снова показалось старое асаланское племенное имя **Сары-Азман.**

Глава пятьдесят девятая

САРЫ - АЗМАН

После соединения Белгородских Казаков с Азовскими, боевые кадры Казаков-Севрюков разрослись на Северском Донце до значительных размеров. Проба сил показала, что они могут держать в страхе, если не Турок, то ближайших Крымцев и Нагайцев. Убедившись в этом, Вольные Казаки начали продвижение к Нижнему Дону и, вот, в июне месяце 1549 года прибыл в Москву гонец от нагайского князя Юсуфа с жалобой на Казаков, занявших берег Дона, называя их Севрюками:

"Осей же год, жаловался Юсуф вееликому князю, наши люди ходили к Москве с торгом, да осенье, как шли назад, те ваши Казаки Севрюки, которые на Дону стоят, пришли на тех наших людей да иных побили и куны их взяли, а иных де и к тебе повели"[1]).

На это Иван IV отвечал: "Те разбойники живут на Дону без нашеаго ведома, а от нас бегают"[2]).

В октябре того же года Юсуф снова писал в. князю:

"Холопи твои, нехто Сары-Азман словет, на Дону в трех и четырех местах городы поделали да наших послов и людей наших, которые к тебе ходят и назад коли они идут к нам и тех людей стерегут да разбивают, а иных и до смерти убивают"[3]).

Из Моосквы ему ответили:

"А что еси писал к нам, что наши холопи Сари-Азман ваших гостей побили и те наши хлопи в нашей земле многое лихо учинили, и мы их прото веле ..... убежали в Поле да ..... на Поле. А ваших людей и..вали никого, и мы ныне посылаем ..... добывати, а выб от себя велелиб их добывати и нечто которых тех холопей добудете и выб их к нам прислали, и мы их про те дела велим казнити. А мы нечто их добудем и мы их велим казнитиж"[4]).

---

1) Историческое описание Земли Войска Донского, стр. 10-11; Дела Нагайские кн. № 3, лист 113.

2) Дела Нагайские кн. № 3, листы 118-119.

3) Там же, лист 135 и на об.

4) Так в Историческом описании Земли Войска Донского,стр.12

Н. М. Карамзин и авторы[5]) **Исторического описания Земли Войска Донского** хотят видеть в Сары-Азмане одно лицо, первого известного истории вождя Донцов. В **Историческом описании** приведены выдержки лишь из двух актов, но утверждается, что в этом году все грамоты нагайского князя наполнены подобными жалобами на Сары-Азмана. Текст этих грамот не приводится, а из тех, которые там помещены, следует, что это имя относить к одному лицу нельзя. Когда говорится об одном человеке, все относящиеся к нему определения и глаголы не употребляются во множественном числе, а тут имеем: "наши холопи Сары-Азман", "городы поделали", "людей стерегут да разбивают", "лихо учинили", "убежали в Поле". Все эти действия совершает не один человек, а какая то группа людей, к которой и относится имя **Сары-Азман.** Нужно принять в расчёт, что жалобы Юсуфа писались в XVI веке и приводятся в переводе с татарского языка, сделанном в Москве. Из ответа Ивана Грозного явствует, что перевод сделан не особенно удачно, переводчик не учёл особенностей татарской грамматики: у Татар имена собственные, так же как и названия стран и народов в именительном падеже множественного числа ничем не отличаются от именительного падежа единственного числа.[6]) Переводчик оставил название и относящиеся к нему глаголы в тех же формах, какими они были в татарском оригинале: первое — в форме общей для единственного и множественного чисел, а второе — в формах множественного числа. При таком соотношении главное подлежащее **Сары-Азман** приобретает несомненный смысл множественности не только в татарском, но и в русском языке.

Для московского приказного переводчика в этом не оказалось ничего странного и необычайного. Русь, Литва, Меря, Чудь, Мордва и некоторые иные этнические названия также не изменялись во множественном числе, но в тех случаях когда они обозначали народ, все относившиеся к ним части предложения употреблялись во множественном числе. Этому можно найти много примеров в летописях и в актах:

"Се пришли Русь сами в руки наши"[7]).
"Али с Москвы к Азову торгом пойдут

---

[5]) Я пишу «авторы», так как этот монументальный труд В. Д. Сухорукова, по распоряжению властей, был проконтролирован и переделан другими лицами.

[6]) А. Н. Кононов, Родословная Туркмен, М. — Л. 1958, стр. 127

[7]) ПСРЛ т. XXV, стр. 91.

Русь, ино бы их на дорозе не топтали"[8]).

Судя по содержанию грамот Юсуфа и Ивана Грозного (особенно последней), сочетание "нехто Сары-Азман словет" должно всё целиком обладать смыслом множественности. В древне-славянском языке такие периоды встречаются довольно часто. Несмотря на единственное число подлежащего, они указывают на множество лиц:

"Како же аз хочу ин закон прияти един? а дружина моа смеятися начнуть". [9])

Бывают также случаи, когда собирательные наименования сочетаются с единственным числом сказуемого, несмотря на то, что речь идёт о множестве лиц. Так как в данном случае — "нехто Сары-Азман словет":

"А некрещенная Русь полагает щиты своя и мечи свои нагы"[10]).

"А Черный Клобук нам лестить" (нас обманывает)[11]).

Эти древние особенности славянской речи встречаются у Казаков и теперь: "Имена существительные собирательные сохраняют у Некрасовцев свое древнее значение множественности и потому часто согласуются с глаголом-сказуемым во множественном числе: "бригада поехали", "турецкий ташамент (отряд войск) рассыпались кто куда"[12]).

Еще несколько слов о **нехто** или **некто.** Это неоп-

---

8) СРИО т. 95, стр. 232. Больше примеров: «Яко идуть Русь из Царьград людей десять тысечь». (ПСРРЛ т. XXV, стр. 347); «Русь же видевше пламень вметахуся в воду морскую, хотяще убрести, и мнози погибоша». (Там же, стр. 348).

9) Повесть Временных лет, стр. 46. Больше примеров: «Княже, се дружина его не едуть с ним» (ПСРЛ т. II, столб. 547); А некрещеннии Русь да полагают щиты своя и мечи свои нагы» (Там же столб. 41); Черный же Клобук весь совокупившеся ехаша по них» (Там же, столб. 521); «Воеваша Литва на Шолони, Новгородци ж ходиша за ними в погоню и не постигоша их» (ПСРЛ т. X, стр. 79); «Литва воеваша Черниговские власти, князь же Мстислав Мстиславич угони их и изби их». (Там же, стр. 84).

10) Повесть Временных лет, стр. 38.

11) ПСРЛ т. II, столб. 549.

12) A Pedogogical Journal in Russian 32, 1959, стр. 10.

Некрасовцы — Донские Казаки проживавшие от 1708 г. под властью Турции.

ределенное местоимение составилось из двух частей **некий** и **кто**; оно имеет много общего с вопросительным местоимением **кто-то** и в разговорной речи может при склонении заменяться формами последнего (именит. — некто, родит. — кого-то, дат. — кому-то и т. д.)[13]). Следовательно, древнее слово **нехто** можно перевести на современный язык, как **кто-то** со всеми его свойствами. А местоимение **кто** "согласуется как с единственным, так и со множественным; напр., **"кто был? кто были?"** (некто был, некто были). В древнем языке местоимение **кто** (а значит и **некто**) "могло согласоваться со множественным во всяком случае, когда разумеется множество лиц"[14]).

Приняв в расчёт слова из грамоты Ивана Грозного, "мои холопи Сары-Азман" и все приведенные выше соображения, можно не сомневаться, что **Сары-Азман не одно лицо, а "множество лиц", по крайней мере клан; может быть даже племя.**

Общины Азовских и Белгородских Казаков также были построены на родо-племенных началах. Принудительное воздействие отсутствовало, что же еще, кроме родства, могло удержать их от распадения. Еще недавно в станицах, хуторах и в куренном устройстве Сичи хранились отчётливые следы прежних родо-племенных отношений.

Сары-Азманы сумели создать союз племен, объединили около себя крупные силы, организовали переселение, построили три или четыре городка. Под их руководством Казаки рискнули возвратиться на берега родной реки, оборонялись от окружающих Татар и сами на них нападали.

Н. М. Карамзин предполагал, что при возвращении на Дон главная роль принадлежала Азовским Казакам:

> "Говорим о славных Донских Казаках, выступивших тогда на театр Истории, писал он. — Нет сомнения, что они назывались прежде **Азовскими,** которые в течение XV века ужасали всех путешественников в пустынях Харьковских, Воронежских и окрестностях Дона"[15]).

---

[13]) Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика, М. 1959, стр. 404. В примечании на той же странице сказано, что в Супральской рукописи (XI век) **кто** неоднократно употребляется вместо **некто** и **кый** вместо **некый.**

[14]) Там же, стр. 524.

[15]) Н. М. Карамзин, История Государства Российского т. VIII. страница 138.

Территориальное прозвище Азовских Казаков, действительно, начинается слогом **Аз,** но не следует забывать, что они начали обратный поход на Дон не одни, а совместно с Белгородцами и с теми Казаками, которые пришли к ним на Донец, где еще хранились остатки народа тысячелетней политической культуры, Ясов, Асов или Азманов, всегда господствовавших среди Аланов и проживавших в Артане между Доном и Донцом от 764 г. Им одним и могло принадлежать имя Сары-Азман, а загадка исчезновения с исторических перспектив всякого рода Ясов, Азов и Аланов разрешалась бы тем, что и они оказались поглощены казачьим сплавом.

Традиция сожительства с Асаланами имела глубокие исторические корни. До XII века их династия господствовала в западной части Сев. Кавказа. Земля Касак, древняя колыбель нашего рода в Приазовье также принадлежала им[16]). Там проживали казачьи племена, после получившие название **Азовских Казаков.** В середине XVI столетия и Азовские Казаки и Асаланы, в лице Сары-Азманов, оказались на Дону. Можно ли считать неожиданным появление в актах имени **Азман?** На Донце старая традиция сожительства с Азманми воплотилась в союз племен, куда кроме них вошли Азовцы, Белгородцы и много других Казаков, пришлых со всех сторон. Племенной и социальный отбор поставил во главе этого союза Азманов. Тюркский эпитет **Сары** (может быть — желтоволосые?) имеет второстепенное значение.

Общая воля потребовала от Азманов: возродить статус власти по древним обыкновениям; восстановить нормы старого обычного права, ненарушаемого и обязательного не только для поколения живущего, но и для будущих; установить, отвечающие требованиям момента, отношения с окружающими странами, с врагами и друзьями; возобновить и укрепить сознание племенного единства, религиозной идеологии; предоставить спокойствие течению особенностей быта, занятий, склонностей, всего того, что в народе не совершается без участия общей и единой воли. Борьба плечем к плечу за Присуд Божий, за Старое Поле, при неизбежности кровавых потерь, требовала единения, братских отношений, отчётливой и твёрдой власти.

В жизни этих племён постоянно чередовались периоды перехода от **кочевий к городам** и обратно от городов к кочевьям. В этом случае Азманы со всеми союз-

---

[16]) Procopius of Caesaria, History of Wars II. 29. 15; Hudud al-Alam, § 48.

ными племенами возвращались на Землю Отцов для того, чтобы снова перейти из кочевого состояния к оседлым очагам. На Дон двинулось крупное казачье общество, союз племен полного состава, с семьями и кочевым имуществом.

До сего времени среди русских, польских и украинских историков, по вопросу о зарождении на Дону и на Днепровском Низу казачьих республик, господствуют необоснованные и полностью фантастические теории. Уже полтора века они препятствуют глубокому анализу социальных и политических процессов, послуживших основой при возникновении этих небольших, но мощных, государственных образований. Тема полная новизны и большого научного интереса всё еще остается в тени. Но надо надеятся, что придёт время, когда казачьи государствоведы и социологи получат возможность заняться ею самостоятельно, без чужих подсказок. В эмиграции же, при ограниченности архивных данных, возможен только краткий обзор тех племенных и политических сдвигов, в результате которых появилась Донская и Сичевая республики.

Глава шестидесятая

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ДОН

За курганом пики блещут,
Пыль несется, кони ржут
И повсюду слышно было,
Что Донцы домой идут.
Подходили к Дону близко,
Всколыхнулся ратный строй,
Поклонились Дону низко:
Здравствуй Дон, отец родной!

Когда в 1504 году Азовские Казаки перекочевали на Северский Донец, их значительная часть осталась на прежних местах в Приазовье. Эти смирились с турецкой властью и, как видно, в большинстве приняли магометанство. Не даром султан говорил о них "наши добрые Казаки". На Москве же в то время "нашими добрыми" признавали Казаков-христиан.

Подвижные жители Земли Касак по прежнему проживали на берегах Азовского моря, около донской дельты или кочевали у степных речек между Доном и Кубанью. Они ловили рыбу, разводили скот, лошадей и по народным традициям не представляли себе жизни без войны, без добычи, столь необходимой в полукочевом хозяйстве. В этом смысле ничего нового не произошло. Казаки были местными людьми, их не привели сюда ни Монголо-Татары ни Турки и они продолжали заниматься промыслами своих предков.

После расправы Менгли Гирея (см. славу 53), оставшиеся на месте Азовские Казаки несколько лет не нарушали приказов турецких управителей, не выходили в Поле для набегов. В 1515 г. кафинский санджак приказывал азовскому аминю Махмуду Челибею и тамошнему дезидерю Бургану специально следить за их поведением, отбирать добычу, а в некоторых случаях наказывать смертью: "Да еще Азовским Казакам крепко бы вы заповедали, чтоб тем боярам, также и их людем, также и оприч их, которые к Москве пойдут люди, али с Москвы к Азову торгом пойдут Русь, ино бы их на дорозе не топтали, ни нудили, которые от нас к ним пойдут и из тое стороны к ним приход и отход бы был".[1])

Если же и после этого Казаки "московских Русаков или медянников или от иных кого изоимав к Азову при-

[1]) СРИО т. 95, стр. 232.

ведши учнут продавати и тех людей, из рук их емлючи, назад отдавати. А которым тем продажным людям мука будет и тех Казаков самих вешати".[2]) Вслед за этим указывалось, что несмотря на запреты Азовские Казаки всё же захватили трёх сынов бояpских, вышедших на Дон из Рязани, Васка, Игната и Небольсенка Жадного. Их должны были немедленно освободить, а казачьего голову Тимишлыка (Тимоша Лыко?) тотчас же прислать в Кафу.[3])

Вскоре однако такие запреты перестали действовать и на "добрых" Казаков. В 1523 году великий князь Василий Иванович жаловался султану: "Твои Казаки Азовские наших людей имают на Поле, да водят в Азов, да их продают, а емлют с них окупы великие и лиха нашим людям от твоих Казаков Азовских много чинится". [4])

Из сношений подобного рода следует, что и в самое критическое время Казаки Дона не покидали. В низовьях кочевали Азовские, а в верховьях по новым русским городам обосновались Служилые-Верховые. Первым доверялись конвои посольских и купеческих судов, плывущих вверх по течению Дона, а вторые охраняли русские границы и провожали вниз по реке московские караваны. Под их охраной речные суда шли "поздорову и безстрашно", без них же пускаться в путь было рискованно. Так в мае 1515 года бояре Михайлов и Васильев, не получив от Турок конвоя, не могли выехать в Москву и надолго задержались в Азове. После Коробову ответили: "Которые наши Казаки Азовские были у нас и те ныне Казаки пошли добыватися, а в Азове ныне нет никакого человека и проводить их ныне некому".[5]) "И ныне, государь, и Азовских Казаков страх", жаловался посол в своем донесении. Особенно боялись тех, которые собрались на Донце. Вольные и независимые, они не признавали за Москвой и Турцией права пользоваться дорогами Старого Поля, громили посольства, не допускали к себе и **хватали в плен рязанских и мордовских "рыболовей и бортников".** Только после 1519 года, когда князь Аппак несколько уладил отношения между Севрюками и великим князем, Казаки стали легче переносить присутствие в своих степях московских подорожных.

---

2) СРИО т. 95, стр. 232.

3) Там же, стр. 233; Дела Турецкие кн. I, листы 73 сл.

4) Историческое описание, стр. 3; Дела Турецкие кн. I, лист 233

5) СРИО т. 95, стр. 142.

Недавно приводилась выдержка из обращения Аппака к великому князю от имени Азовских и Белгородских Казаков (см. главу 57). В ней особенно интересны и показательны слова: "Чтобы нам с нашими женами прикочевав, жити у Путивеля" ..... Из них узнаём, что считать Севрюков только военной организацией не приходится. Как всякий нормальный общественный организм их общины слагались из мужчин и женщин, из семей полного состава трёх-четырёх поколений.

Именно поэтому, придя на Дон, они не смогли довольствоваться одними кочевыми стойбищами. Расчитывая поселиться здесь надолго, Казаки в течение одного года основали "три и четыре" укрепленных городка с названиями, в которых часто выступают туранские корни: Каракор, Бабей, Каганлык, Курман-Яр и т. п. В названиях многих рек и урочищ также отразилось влияние недавних связей с Татарами и восприятия непосредственно от них местной топонимики (географических названий).

Можно вполне согласиться с робким замечанием, случайно сохранившимися в **Историческом списании:** "Сары-Азман ..... был вероятно не Россиянин".[6]) Совершенно ясно: весь союз племен во главе с Азманами состоял не из Россиян. Русскими людьми их ни в Москве ни в Литве и не считали. Их там даже не всегда признавали Славянами, хотя между ними преобладал славянский язык, за века насытившийся тюркскими словами и оборотами речи.

В переписке с Юсуфом Иван Грозный называл Сары-Азманов своими холопами, имея на то весьма шаткие основания. Бывшими слугами он мог считать только тех из них, которые раньше состояли у него на хлебах в городовых полках. Все другие под определение **слуг — холопов** не подходили. Договорные отношения с Москвой больше всего отвечают древнему термину **федераты.** Оказавшись по соседству с рубежами ее владений, они по договору перешли из положения племён враждебных в союзники и приняли на себя обязанности помогать Московии в ее борьбе с Татарами и Литвой. Такие взаимоотношения, ни в чём не схожие с холопством, не помешали однако царю называть их своими людьми и тем создать видимость державного права Руси на земли занятые Казаками. И царь и его бояре афишировались этим нереальным правом при всякой возможности. Их это ни к чему не обязывало и ничто им не

---

[6]) Историческое описание Земли В. Д., стр. 13

мешало в случае нужды ослабить свои претензии на Старое Поле и отрекаться от воображаемых холопов.

Исторических прав на берега Дона никакая Русь не имела. Киевский князь Святослав, разгромив в 965 году местное население, не постарался закрепиться в его бассейне и переселить туда часть Славян Днепровских. Тамань его, действительно, интересовала, но и там оказался лишь временный киевский гарнизон, который через пятьдесят лет сменила дружина Мстислава Храброго из местных Казаров и Касагов. До XVI века Русы знали о Поле меньше, чем о Нижней Волге. Торговые пути с Востоком шли по этой реке, а пустынный Дон, до возвышения и расширения Литвы, лежал вне политических и торговых интересов Москвы. Привычный **Путь из Варяг в Греки** был вполне достаточным для связей Руси с бассейном Черного моря. Во время Золотой Орды движение по этим путям не прекращалось. Дон же привлек внимание только после того, как Литва заняла большую часть Днепра, т. е. в конце XIV века. От этого времени нашу реку в Москве вспоминают всё чаще; по ней началось сообщение с Чёрным морем, Крымом и Турцией. Но и теперь Русы не чувствовали себя на Дону, как на дому. Еще и в 1521 году Москва была готова поделиться там сферами влияния с Турцией. Наказ Третьяку Губину, ехавшему в Стамбул, гласил:

> "Коли меж государей учнут послы ходити и Государь наш устроит своих людей в судех, а велит им на Дону быти, а султан бы также устроил людей в судех кольких пригоже на Дону ж; да учинят место на Дону, где тем людям сходиться". "А здесь Казаки великого князя сказывали, что Доном, половина от Азова до украины великого князя, Переволока, ино на Переволоке прибой людям Астороханским, и тут сходитися людем нельзе, ино бы быти съезду на Медвекице ближе к велику князю украйне, а крепко место добре Хопер, а ближе Медведицы к великому князю украине".[7])

Тогда Москва еще не хотела расширять свои влияния на Дону дальше Хопра. Губину указывается:

> "Да говорити, чтобы съезду быти на Хопре и нечто отговорят Хопер, что он от Азова далече, ино бы съезду быти на Медведице ...

[7]) Историческое описание, стр. 8-9; Дела Турецкие кн. I, стр. 159 - 161.

Да как мочно, так приговаривати, чтобы съезду быти на Хопре или на Медведице, а больше приговаривати — чтоб на Хопре съезду быти".[8])

Остальную часть Дона Москва без сожаления уступала Туркам.

Однако Казаки в корне разрушили московские планы о совместном с Турцией владении Доном: Дон заняли казачьи племена во главе с Азманами. То обстоятельство, что царь пытался представить их своими слугами дела не меняло. Назвать Казаков своими холопами оказалось легче, чем ожидать от них выполнения государевой воли. Даже бывшие царские холопы, Служилые Казаки, придя на Дон, становились людьми вольными, полностью независимыми. Казаки — Севрюки подготовили здесь надёжную сферу, куда могли стекаться все Казаки, пожелавшие расстаться с вотчиной царя Ивана. Старое Поле готово было принять в свое лоно неограниченное число новоприходцев вместе с их семьями, а боевые отряды Севрюков стояли на страже безопасности нового донского населения. Казаки начали массовый отход из Московии, число их на Дону стало расти изо дня в день.

Благонамеренные авторы **Исторического описания,** не задумываясь долго, объясняют это общественно-политическое движение пристрастием Казаков к грабежам, "алчностью к добыче". Будто бы влекомые только ими, они

стремились в обширные степи к независимым соплеменникам своим, в обществе которых надеялись отдохнуть от прежних бедствий или, не опасаясь наказаний, насыщать необузданные желания свои"[9]).

Читаем дальше:

"Таким образом, в течение времени, это воинственное общество значительно умножилось и до того стало сильным, что в одно почти время производило набеги на Крымцев, Азовцев, Татар Ногайских, не щадя даже Россиян, ездивших иногда к народам тем по политическим и торговым сношениям"[10]).

В русской истории передвижение Казаков на Дон считается колонизационным устремлением русского народа", но как мы видели и видим снова, от этих "ко-

---

[8]) Историческое описание, стр. 9.

[9]) Там же, стр. 13.

[10]) Там же.

лонизаторов" нераз доставалось и самим Русским: нападения Азовских Казаков на московское пограничье было обычным явлением.

"Многие удальцы алкавшие войны и корысти искали убежища и братства среди общества Донцов; сюда приходили не только из украинных, но и из внутренних российских городов, из Запорогов, Польши, из Крымских и Ногайских улусов. Такими случаями число Донских Казаков в продолжении немногих лет быстро умножилось, из четырех городков, построенных Сары-Азманом, они уже распространили жилища свои далее по Дону и по Волге"[11]).

После полуторавекового перерыва, на Старом Поле вновь стала бурно возрождаться казачья жизнь. Ни о ком ином, кроме как о Казаках, в актах не говорится. Лесным людям, мирным поселянам, русским крестьянам, здесь в открытой степи, за тридевять земель от их сёл, искать было нечего. **На Дон шли исключительно Казаки:** Вольные, служилые, Ордынские и Запорожские. Лишенные родины, странствующие, бездомные и кочевые они теперь обретали снова Землю Отцов.

Проследить рост казачьего населения на Дону, узнать, как размещались вновь на его берегах семьи людей боготворивших его, считавших его своим отцом и кормильцем, можно было бы по станичным архивам, но они, кажется, полностью уничтожены во время революции и в первые годы соввласти.

Первые городки, окруженные валами и стенами из подручного материала, с жилищами полуземлянками, были основаны Казаками при впадении Донца в Дон. Затем они стали возникать один за другим в глубокой донской излучине выше по течению.

Можно поражаться, почему Казаки начали занимать Дон не с его верховьев, где они опирались бы тылами на Русь, а в месте наиболее от нее отдалённом, близком к Татарам и в прямом соприкосновении с Турками у Азова. Но это объясняется не одним желанием причинять своим врагам постоянный ущерб. Главную роль в выборе места играли его оборонные преимущества. Первый Раздорский городок Азманы поставили у Дельты Малого Дона — Донца и заняли ту часть Старого Поля, которая с востока и севера прикрывалась водами Дона, с юга — Северским Донцом, а с запада тол-

---

11) Историческое описание, стр. 17.

пами вооруженных новоприходцев, непрерывно двигавшихся на пополнение.

Земли, где они теперь собирались, когда-то принадлежали их степным предкам, их государству — Томаторкани. По праву последнего владения на них могли бы претендовать Монголо-Татары, окончательно ослабевшие. Это давало возможность восстановить право давней собственности Казакам, народу некогда вышедшему из недров Старого Поля и в какой-то своей части никогда его не покидавшему.

Начали движение к югу и Донские Казаки, проживавшие в самых верховьях своей реки за московской границей. Всеводы их ценили, как рядовых воинов и командиров городовых полков. В их руках оказалась вся охрана южных границ государства и эти пограничники не препятствовали **своим людям**, забравши семьи, уходить в Поле. Нераз и сами шли с ними вместе, пробираясь по Дону, Хопру и Медведице к Переволоке и дальше на юг, а задержавшись по пути, крупные родовые общины ставили на Среднем Дону новые городки. Следы родственных связей среди их жителей сохранились в названиях городков: Ярыженский, Акишев, Аржановский, Зотовский, Ивановский, Карповский, Михайловский, Павловский и др.

Между Раздорами и Азовом берега Дона еще долго оставались пустынными, а выше по течению реки, до Переволоки и дальше, городки возникали с стихийной быстротой. Жизнь кипела, восстанавливалось оседлое хозяйство, не прекращались нападения на Турок и Татар. Роли Москвы и Турции сменились, теперь жалобы на Казаков шли от султана в Москву, а не наоборот, как было раньше.

Петр Тургенев, бывший у Ногайцев в 1551 г., радостно сообщал в Москву своему государю, что мурза Измаил получил от султана тревожное послание. Наместник Пророка предвидел для степных магометан мрачное будущее:

> "В наших де бусурманских книгах пишетца, будто бы говорилось в грамоте султана, что те лета пришли, что Русского царя Ивана лета пришли, рука его над бусурманом высока, уж де и мне от него обида великая: Поле де все, да и реки у меня поотымал, да и Дон от меня отнял, да и Азов город упуст меня доспел, поотымал всю воду в Азове, Казаки его с Азова оброк емлют и воды из Дона пить не дадут. А Крымскому де царю потому же обиды чинят великия: какую де соромоту Ка-

заки его Крымскому царю учинили, пришед Перекоп воевали; да ево же Казаки Астрахань взяли, и какую грубость учинили; да царя ж Ивана Казаки у вас Волге оби берега отняли и волю у вас отняли и ваши улусы поюют". "Да ты же бы Смаил мирза пособил моему городу Азову от царя Ивана Казаков, и станешь пособлять и яз де тебя на Азове царем учиню; а мне своему городу Азову пособить немочно — стоит от меня далече"[12]).

В холопском восторге Тургенев изобразил казачьи подвиги, как действия войск подчиненных царю Ивану, но это приходится понимать лишь как примитивную лесть. Не подлежит сомнению, что Донские Казаки в то время меньше всего думали об интересах Москвы. Они были народом независимым, "у Москвы как жить не спрашивали", нападали на Азов, Крым и Нагайцев без указаний царя, Астрахань занимали тоже по своему почину.

Донесение Тургенева для нас важно только сведениями о деятельности Донцов в первые два года, после возвращения на Дон. Оказывается, что они сразу нарушили полувековые турецкие порядки, лишив возможности завоевателей и их вассалов спокойно пользоваться берегами и водами рек, протекавших по Старому Полю и даже берегами Волги.

Они не примирились и с тем, что Азовом завладели турки. Когда удавалось, брали с него дань, а "утратив власть над этим городом, никогда не оставляли Азовцев в покое, беспрестанно их теснили или давали перемирие только из снисхождения, если видели в этом свою пользу, словом, содержали Азов во всегдашнем страхе и старались привести его в такое состояние, чтобы в случае нужды без затруднения он мог быть покорен и открыл бы им путь в Тавриду"[13]).

Царь Иван тут тоже был не при чём. Когда Казаки в дальнейшее время надолго занимали Азов, Москва никогда не помогла им задержать город в своих руках и оставалась безучастною зрительницей.

Казаки-Севрюки первыми возвратились на берега Дона, а потому их последующие поколения стали известны, как **Казаки Старые** и **Низовые.** Закрепившись на Нижнем Дону, они оставались там и дальше. Оказав-

---

[12]) Историческое описание. стр. 14-15 прим.; Дела Нагайские кн. IV, стр. 39-41.

[13]) ТМ же, стр. 21.

шись пионерами возвращения, Низовые Донцы долгое время пытались сохранить положение **ведущего слоя.** Главные военные кадры всегда находились в городке Раздорском. Они постоянно стояли на страже безопасности Казачьего Поля. Там же было сосредоточено управление краем, собирались Войсковые и Валовые Круги, распоряжавшиеся землями и распределением юртов для новых городков. По сравнению с **новоприходцами** Старые Казаки считали себя казачьей элитой и без большой охоты признавали **Верховых** равными себе в правах.

Им, действительно, было чем гордиться. Они наладили организованное возвращение на берега Дона, непрерывно несли охрану переселенцев, вели разведку враждебных соседей, угадывали их намерения и своевременно противодействовали их нападениям. Преодолев все затруднения, они первыми стали твёрдой ногой в Старом Поле и вначале оставались **Большим Хозяином** края, первыми среди равных. На Кругах им принадлежало решающее слово, вождей-атаманов избирали из их же среды, но несмотря на всё это, особые формы казачьего демократического строя воспрепятствовали образованию из них постоянной аристократии.

При таких условиях неизменного социального равенства и постоянного притока многочисленных пополнений с Донца, Верхнего Дона и Днепра, племенное имя **Азман** потеряло свое значение и ушло из жизни. Одновременно забылось и прежнее территориальное прозвище **Севрюки,** а сохранилось единственное и незабываемое имя — **Донские Казаки.** Эпитет **Донские** стал необходимостью, так как им они отличались от **государевых служилых,** от Мещерских, Днепровских и появившихся вскоре Волжских, Терских, Яицких.

С половины XVI столетия по всему Дону бурно возродилась казачья оседлая жизнь, а в то же время не опустел и Донец. Он еще долго оставался первым этапом на пути Казаков к донским берегам из Московии и Литвы.

Глава шестьдесят первая

ГРЕБЕНЦЫ

Раньше уже говорилось, что летописное имя **Касаги** со всеми его вариантами (Касоги, Косаги и т. п.) не могло принадлежать никому другому, кроме жителей Земли Касак, указанной в персидской географии **Гудуд ал-Алэм** рядом с Азовским морем и что ни одно из племён Адыгейской этнической группы никогда Касагами не называлось (см. главу 31). Упоминались также Казаки-Черкасы, выведенные из Пятигорья татарским баскаком Ахматом в 1282 г. и ханом Махметом в 1445 году (см. главы 40 и 49). В последнем случае речь шла о людях живших до этого в верховьях Кубани, т. е. там, где Багрянородный помещал Касахию, а Матвей Меховский и Сигизмунд фон Герберштейн указывали Черкасов славянской речи, иначе говоря вспоминается тот народ, который сам себя всегда называл Казаками.

Турецкое нашествие, как и прежние степные катастрофы, во многом изменило карту расположения черкасско-казачьих племён. Большая часть Азовских Казаков ушла с Кавказа в Северщину, а жители Касахии, которые в момент турецкого нашествия находились поблизости от гор, поспешили укрыться от Турок и следовавших за ними фанатических толп в глубине горных ущелий.

За века кочевых передвижений нашим предкам уже не раз приходилось пребывать в близком сожительстве с горцами. Не без причины на Руси многих Казаков привыкли считать Черкасами, а в Старом Поле появились многие кавказские названия. Кто-то принёс туда наименование реки **Псёл,** коренное адыгейское **псио — вода, река;** соседняя с Псёлом река Сула находит свое соответствие в дагестанском Сулаке; реки Запорожского Низа, Ингул и Ингулец находят свое отражение в реке Ингур, протекающей у границ Абхазии; Урюпеск, Урюпин — не больше, чем славянизированное название закубанского Урупа; Ахтырка попала на Донец с побережья Азовского моря, где и сейчас еще имеются Ахтыры и, наконец адыгейское **чуле — поселение** чудесным образом сохранилось в названии казачьего хутора Морской Чулек на берегу Азовского моря, при устье Мёртвого Донца.

Пребывание в горах наложило свой отпечаток и на старинных казачьих костюмах. С гор пошло употребление широких шаровар. Массой своего суконного материала они предохраняли ноги от ядовицых укусов змей и скорпионов, а в то же время, при движении по крутизнам, оставляли свободным колено. Остроконечный колпак, **скуфью,** в горах стали обшивать овечьим мехом и получилась **папаха.** Скорпионы уходят от запаха овечьей шерсти и это объясняет, почему под жарким южным солнцем Осетины всегда носят мягкие войлочные шляпы, а остальные горцы, как и Казаки — мохнатые шапки: они должны обеспечить голову лежащего человека. Ту же роль на юге выполняют молитвенные коврики мусульман, охраняя ноги.

По словам Ригельмана, Казаки в его время одевались в "кафтан и полукафтанье или бешмет и штаны широкие, сапоги и шапки черкесские". Тоже и Казачки "с черкесского обычая" носили собольи шапки. Фасон казачьего кафтана создался глубоко в веках и тоже на юге. В Азове один из татарских князей в 1435 году подарил Иосафату Барбаро парадный кафтан, называвшийся **казачьим.** Позднее в Персии Барбаро видел среди одежд шаха целую коллекцию таких **казачьих** кафтанов.

Ригельман же приводит названия женских нарядов и украшений: кубелек, саян, коврак, чепрак, борок, чикилики, бизилики, челауч, таркич. Без сомнения, все они возникли на Кавказе или переняты от Татар. Казачки, по кавказскому обычаю, "все без изъятия ходили в портках, а по ихнему в штанах".

Принятый у Запорожских Казаков обычай носить чуб - оселедец тоже придуман на Кавказе. Первое сообщение о нём идет в XV веке от Интериано, который писал, что Зихи, именуемые Черкасами, "бреют друг другу головы, оставляя на макушке длинный пучёк волос"[1]).

Перед приходом Турок, население Черкасии состояло из пёстрой смеси племен и народов. Тогда они все были известны под общим наименованием **Черкасов.** Каждое из племен занимало свой юрт, обороняя его от захватнических поползновений соседей. Археология, писанные источники и многие бытовые особенности, принятые у Казаков, отчетливо указывают, что среди жителей Черкасии долгое время находились и они. Потому за ними и сохранилось наименование **Черкасы.** На Кавказе появление магометан-завоевателей связалось с

[1]) G. Interiano, La vita e sito di Zichi. стр. 4.

кровавыми погромами, от которых Казаки ушли глубже в горы.

Судя по данным Герберштейна, приморские Казаки, хотя бы в некоторой части, тоже ушли в горы. Оттуда они в своих легких судах спускались по Кубани в Чёрное море, где нападали на турецкие корабли. Из всех северо-кавказских народов, они одни со времен древней Меотиды оставались опытными мореходами. Герберштейн говорит о Черкасах или Циках, живших там, где горы подходят к рукаву Кубани, впадавшему тогда в Чёрное море (он называет его Мерула):

> "Надеясь на защиту своих гор, они не оказывают послушания ни Туркам ни Татарам. Русские утверждают, что они христиане, живут независимо по собственным законам, исповедуют веру греческую, а церковную службу выполняют на славянском языке, которым, собственно и пользуются в жизни главным образом.
>
> Они по большей части смелые корсары. Спускаясь в море по рекам текущим с их гор, они грабят кого удастся, в особенности те купеческие корабли, которые плывут из Кафы в Константинопсль"[2]).

Под этими Черкасами славянской речи можно понимать одних Казаков из Пятигорья. Русские их хорошо узнали в 1446 году, когда они появились в Москве, вместе с Татарами царевича Касима. Адыгейцы никогда не пользовались славянским языком, хотя тоже были христианами. Георгий Интериано, живший среди них в XV веке, писал, что язык Зихов-Черкасов мало отличался от языка соседних горцев и звучал довольно гортанно, а Богослужения их священники совершали на греческом языке, непонятном для прихожан. Письменности у Зихов не было и когда кому нибудь из них приходилось послать письмо, то они делали это при помощи местных Евреев на их языке. Описывая Адыгейцев (Зихов-Черкасов), Интериано ни разу не вспоминает о их морских походах или хотя бы о выездах в море.[3]). Вся их боевая деятельность проходила на суше, верхом на коне. Следовательно слова Геберштейна о корсарах к ним не относились.

По ранним картам определить точно местоположение Циков-Пятигоров не представляется возможным.

---

[2]) S. von Herberstein, Notes upon Russia, p. 77.

[3]) Г. Интериано, указанное выше сочинение, стр. 1-2.

Герберштейн в своей топографической схеме (1549 г.) называет их Черкасами Пятигорскими и помещает их отдельно от закубанских народов Черкасских. Несколько позднее (в 1562 г.) Джиокомо Гастольдо указывает их на своей карте, как Perigori populi, уже на левом берегу Терека, а на карте Исаака Массы (нач XVII ст.) они же показаны в центре Сев. Кавказа отдельно от Кабарды, которая по его мнению находилась тогда еще в Низовьях Дона.

Из всего этого следует, что иностранцы-современники выделяли Пятигоров из общей массы Черкасов и что эти Горские Казаки с Кавказом не расставались. Позднее их узнали в качестве Гребенцов.

Турки вначале не проникали глубоко в горы, а для того, чтобы закрыть горным корсарам доступ в Чёрное море, они построили вдоль его берега ряд крепостей и редутов. В то время, когда Маховский писал о Черкасах-Славянах (ок. 1515 г.), русский посол доносил из Азова в Москву: "А санчак ныне в Кубе делает город от Черкас".

Построивши крепости Темир-Бугаз, Анапу, Темюрк и Ачуев. Турки повели наступление на некоторых степняков и горцев. Под их натиском Кабардинцам пришлось покинуть степи нын. Ставрополья и уйти в горы Касахии. Они были многочисленнее и сильнее Пятигорцев-Гребенцов. Те должны были уступить им свои места и отойти на Верхний Терек, где и задержались на время не так далеко от Пяти Гор (Бештау).

Один из первых русских академиков, Зигфрид Беер, писал: "Оттуду Кимбры вышли, где ныне Черкесы и Петигоры обитают и храбрые суть люди. Язык с нами имеют един".[4]) Однако на Руси в его время под Пятигорами уже понимали исключительно Кабардинцев, занявших страну Касахию вместе с Бештау. Историк Татищев тоже, кроме Кабардинцев, никого другого Пятигорами признать не хотел, а потому опротестовал мнение Беера, указав, что Черкесы никогда не пользовались славянским языком.[5]) Но Беер говорил о прежних жителях Пятигорья, Гребенских Казаках, которые всё еще находились в тех местах, "откуду Кимбры вышли", хотя к этому времени, теснимые Кабардинцами, покинули горные ущелья и переселились на равнинный берег Нижнего Терека. А. И. Ригельман встречался там с ними в их поселениях Кордюкове, Гладкове, Щадрине, Ново-

---

[4]) В. Н. Татищев, История Российская т. I, стр. 320.

[5]) Таж же, стр. 324.

гладкове и Чермном. Со слов местных старожилов он записал предания, как раз о том времени, когда они еще проживали в горах.

Борьба войск султана с горцами продолжалась около полувека. Кавказцам уже приходилось сопротивляться Монгсло-Татарам, но те не решались углубляться в горы, испытывая в лесах и горных трущобах полную растерянность. Теперь с Турками на Кавказе появились природные жители гор из Малой Азии и с Балкан. Борьба с ними приобрела опасный оборот. Поэтому, во второй половине XVI века, Горские Казаки начали оставлять Западный Кавказ и уходить в степи к своим единоплеменникам.

Часть их, окружив Крым, на своих легких судах пробилась к Днепру, где их приняли с большой охотой. В 1562 году они основали свой город Чигирин и послужили первыми кадрами литовского гвардейского Пятигорского полка. Другие прошли по Азовскому морю к Дону и влились в общество Донских Казаков.

Приход мореходов сзнаменовался у сухопутных Казаков началом далёких морских походов. До этого времени никто из них не рисковал пускаться далеко в море без опытных навигаторов. Теперь же Чёрное море широко открыло свои просторы для быстрокрылых казачьих **чаек.**

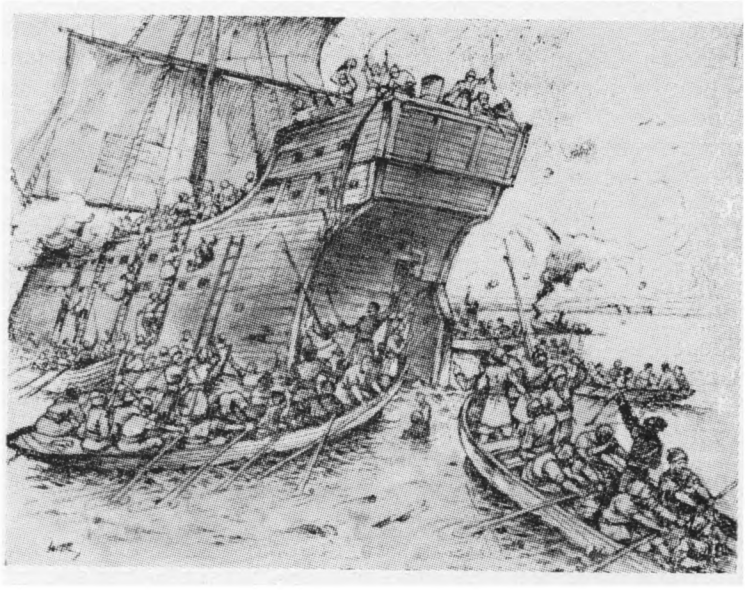
Стали опасными и воды Каспия. В 1571 г. агентам Английско-Русской торговой кампании, Банистеру и Дукету, пришлось пережить много горьких минут. На их судно, плывшее с товарами из Персии, напала флотилия Казаков. После кровопролитного боя они принудили Англичан сдаться, отняли у них корабль с его грузом, а агентов вместе с матросами пережившими битву, посадили на корабельный бот и отпустили в Астрахань.

Астраханский воевода, узнав о происшествии, объяснил Англичанам, что на них напали беззаконные изгнанники и тотчас же снарядил за ними погоню. Первые 500 человек стрельцов побродили по морю в сорока судах и вернулись ни с чем. Более успешной оказалась вторая экспедиция. Астраханским стрельцам удалось разыскать место, где Казаки спрятали часть добычи, стоимостью свыше тридцати тысяч дукатов. Всё остальное осталось у добытчиков, вместе с судном, ушедшим далеко в море. Погребая своих убитых, Казаки завернули их в дорогие ткани и персидские ковры. Это возмущало Англичан больше всего.[6])

---

[6]) Dr. Giles Fletcher, of the Russe Commonwealth. Introduction, p. VI-VII.

Гребенцы не сидели без дела и на суше. Предание говорит, что несколько сот из них, узнав о походе Ивана Грозного на Казань, в 1552 году явились к нему на помощь. После победы над Татарами, царь наградил Гребнских Казаков частью взятой добычи и оружия. Отдал также в их распоряжение по одной пленной семье на каждого. Гребенцы отобрали для себя Казаков-мусульман, еще задержавшихся среди ордынцев. Когда они возвратились на Терек, Войсковой Круг постановил разделить добычу между всем населением поровну, а пленникам предоставил свободу с тем, чтобы они оставались среди них в качестве полноправных граждан и не принуждая их менять веру.

РАЗДЕЛ VII

НА ЗАПАДЕ

Глава шестьдесят вторая

ПРЕДСЛАВ ЛАНЦКОРОНСКИЙ И ЕВСТАФИЙ ДАШКОВИЧ

В **Летописце Литовском** сказано, что от 1506 года "первый был гетман Войск Запорожских Прецлав Лянскоронский, фимилии сенаторской". "За сего гетмана от короля польского Жикгмунта Первого за службу их дано вольности и землю выше и ниже порогов по обоих сторон от Днепра во владение вечное и привилеем королевским утверждено".[1] А. И. Ригельман называет Ланскоронского князем и старостой каменецким.[2]

По данным польской герольдики род Ланскоронских печатался гербом **Задора**. В 1370 году предки Предслава, по завещанию короля Казимира III, получили во владение воеводство Ланскоронское в Малой Польше. После они переселись в воеводство Брацлавское, основали там на речке Жванчик местечко Ланскороньи при нём замок, где резиденция рода помещалась впоследствии.

Рыцарскую науку Предслав прошел за границей, во Франции. По традиции того времени он совершил паломничество в Святую Землю и возвратился на родину. Здесь он вступил в брак с дочерью князя Острожского, стал рыцарем его придворного штата и вскоре получил в управление староства Каменецкое и Хмельницкое. Там он ближе познакомился с местными Казаками. В 1512 году во главе их помог тестю разгромить под Вишневцем Крымских Татар и с этих пор Казаки признали в нём достойного предводителя. Под его командой они совершили много успешных набегов на Турок. В 1516 г., по поручению короля Сигизмунда I, Ланско-

---

[1]) Сборник летописей, относящихся к Истории Южной и Западной Руси. стр. 3.

[2]) А. И. Ригельман, Летописное повествование о М. России, страница 16.

ронский с Казаками ходил под турецкую крепость Аккерман и тем обеспечил тылы Литвы, воевавшей с Москвой.

По словам Ригельмана, возвратившись из похода,

> "он выпросил от короля за эту услугу казацскую, в прибавок им к прежним, по Днепру ж на обои стороны и ниже до порогов, земли, на которые те Казаки, кои там промышлять хотели, переходили и на то данным им от короля Универсалом подтверждено, и поименовались они обоих сторон реки Днепра все, вообще, Запорожскими Козаками". "Которые ж бы пожелали пребывать безвыходно ниже порогов и жить тамо, тем бы состоять платежными, когда без найму, волею, на войну ходить будут.[3])

Из приведенных выдержек следует, что Казаков, оставшихся за порогами, король не считал своими подданными и готов был им платить за каждый набег на Турок. Особенного внимания заслуживают слова: **поименованы они обоих сторон реки Днепра все, вообще, Запорожскими Казаками**. Это как раз один из больных вопросов нашей истории. Многие русские и украинские историки безаппеляционно утверждают, что Казаки пришли за пороги в качестве беглых украинских людей и там становились **Запорожцами,** а тут ряд достойных доверия записей с полной очевидностью свидетельствует: 1) что за Днепровскими Казаками утвердилось название Запорожских, так как они в своем большинстве явились на Литовскую Украину из за порогов; 2) что они добровольно подчинились порядкам, установленным для них в Литве; 3) что первым их вождём в Литве стал неподдельный польско-литовский магнат П. Ланскоронский; 4) что часть бывших Перекопских Казаков всегда оставалась ниже порогов.

Среди прочих преимуществ, в. князь Литовский предоставил Казакам права местного самоуправления. Они без вмешательства литовских властей свободно выбирали себе вождей-атаманов. В ранней исторической литературе запорожских предводителей часто и безосновательно называют **гетманами,** хотя этот титул у Казаков официально установлен много позднее. По отношению к Ланскоронскому его также можно понимать только условно, в смысле старшего начальника и ходатая у польско-литовского трона.

---

[3]) А. И. Ригельман, летописное повествоваание о Малой России, страница 17.

После того как ему удалось расширить казачьи юрты при Среднем Днепре на Литовской Украине, к новоосновавным поселениям потянулись и те Казаки, что остались на Низу. Они убедились, что на литовских рубежах тоже можно создать личное и семейное благосостояние. Ниже порогов задержались только безсемейные воины. Ригельман пишет:

"Сему приревновали отошедшие низовые Казаки, они стали приобщаться к Украинским и отдавались под гетманское правление, и по навычке от Татар делали, вообще, великие услуги Польше".[4])

С этим пополнением Ланскоронский продолжал вести набеги на Турок. Его боевые операции начинались обычно с рек Роси и Южного Буга, в то время как вдоль Днепра действовал не менее энергичный предводитель Евстафий Дашкович, около которого группировались Казаки из округов Черкасского и Каневского.

Евстафий или Остап, каким он остался в памяти Запорожцев, очевидно, был происхождения татарского. Он печатался литовским гербом **Лелива**, на геральдическом щите которого изображены звезда и полумесяц.

LELIWA

HERB.

В конце XV века польские источники вспоминают князя Ивана Дашковича, старосту черкасского, возможно, его отца или брата. Это позволяет предполагать, что основателем рода Дашковичей был татарский князь и мусульманин, ославянившийся в Литве, на подобие князей Глинских, потомков хана Тохтамыша.

В польской исторической литературе Евстафий счи-

---

4) А. И. Ригельман, Летописное Повествование о Малой России, стр. 16.

тается старостой Троцким, но не указывается каких Трок. С этим названием в центральной Литве было два замка, третий город Троки указан на карте Ортелиуса (1570 года) в районе нын Нежина.

В последние годы XV века Дашкович с успехом выступал против Турок и Татар по литовской стороне. Потом, чем то обиженный, покинул Литву и ушел в Москву. Известно, что великий князь литовский, основываясь на мирном договоре 1503 года, требовал его выдачи, но получил отказ. Через несколько лет он сам возвратился на Днепр, стал начальником казачьего отряда и вместе с Татарами, союзниками Литвы, напал на московские земли. Это произошло в 1512 году, как раз в то время, когда Ланскоронский со своими Казаками отбил набег Татар, а потом совершил поход под турецкий Аккерман.

Герберштейн уделил Евстафию и его Казакам особое внимание:

"В то время, когда я был в Москве, пишет он, этот народ управлялся Евстафием Дашковичем, который, как я рассказывал, ходил на Москву с Менгли Гиреем. Он был воином большого опыта и при этом обладал замечательной быстротой соображения. От частого общения с Татарами он научился их способам войны, а потому умел побеждать и их самих. Великого князя московского он нераз ставил в опасные положения, хотя сам однажды был его узником".[5])

В 1521 году он с Казаками сопровождал крымского хана Махмед Гирея в Казань, а после с ним вместе напал на окресности Москвы. Такие походы Запорожцев на Московию совместно с Татарами иногда совершались одновременно с нападениями Казаков Ланскоронского на турецкие крепости. Это противоречивое положение до некоторой степени объясняют события предыдущих десятилетий: не вынося Турок, Казаки врагами Крымских Татар еще не стали. Войны против Московии вело Польско-Литовское королевство, с которым Запорожские Казаки были связаны территориально и политически. Татары ходили на Москву, выполняя договоры с королём и не удивительно, что среди них находились, как бы сотрудниками хана, казачьи отряды Дашковича. Но одновременно с этим интересы польской короны требовали обеспечения южных границ и это выполняли Казаки Ланскоронского, нападая на Турок и не

---

[5]) S. von Herberstein, Notes upon Russia, p. 83.

смущаясь присутствием среди них тех же Крымских Татар. В этом и заключалась сущность татарско-казачьих отношений того времени. С ханами Казаки еще не ссорились, но если те выступали в роли турецких доброжелателей, они били и их.

Литовские власти поощряли казачьи нападения на Турок. Они могли вызвать окончательный разрыв между Запорожцами и Крымом, после которого Казаки стали бы надежным оплотом при южных границах государства. Время показало, что такие возможности появились не скоро. Крым многие десятилетия оставался открытым для казачьих групп, желающих принять участие в борьбе местных партий или попавших в немилость одного из сильных северных соседей. Еще в 1556 году Елизар Мальцев, московский посол к нагайскому князю Исмаилу, должен был объяснить: "А которые Казаки воровали, послов и гостей грабили и лошадей у вас крали и людей били и государь наш тех Казаков многих казнил, а иные от государя нашего опалы сбежали в Азов и Крым". В одном из наказов курьеры в Крым поучались: "А нельзя будет самому ехати в Крым и им добыти Казака в Кафе, Русина ж". Это значит, что уйдя из Руси Казаки находили в Крыму и Азове место для постоянного жительства.

В 1528 году Ланскоронский погромил Турок под Очаковым и вернулся с богатой добычей в 500 лошадей и 30 000 овец. Такие же потери, Казаки причиняли и крымцам. В конце двадцатых годов хан Саип Гирей жаловался королю Сигизмунду:

> "Приходят Казаки Черкасские и Каневские, становятся под улусами нашими на Днепре и вред наносят нашим людям. Я много раз посылал к Вашей милости, чтоб Вы их остановили, но Вы их остановить не хотели. Я шел на московского: тридцать человек за болезнью вернулись от моего войска, Казаки поранили их и коней побрали. Хорошо ли это? Я иду на твоего неприятеля, а твои Казаки из моего войска коней уводят! Я приязни братской и присяги сломать не хочу, но на те замки — Черкасы и Канев, хочу послать свою рать". "Черкасские и Каневские властели пускают Казаков, вместе с Казаками неприятеля твоего и моего, вместе с Казаками Путивльскими по Днепру под наши улусы и, что только в нашем панстве узнают, дают весть в Москву. В Черкасах старосты Ваши путивльских людей на вестях держат. Так: на Москву из

Черкас пришла весть за пятнадцать дней перед нашим приходом".[6])

В жалобе идёт речь только о черкасцах, каневцах и путивльцах, а низовцы не вспоминаются. Причина этому может быть в том, что Низ от Сигизмунда не зависел и с ханами окончательно не порвал. Ясно, однако, что под татарские улусы без ведома Низовцев Казаки из Литвы добраться не могли.

В то время когда Саип Гирей жаловался на Черкасских и Канвских Казаков, черкасским старостой был уже Евстафий Дашкович. Из знаменитого воина и казачьего вождя он теперь обратился в администратора и по способам управления ничем не отличался от других старост. Так же требовал себе почёта и беспрекословного послушания, так же старался использовать положение крупного управителя для личного обогощения. Романтика, которую вокруг его имени создала военная доблесть, уступила место прозаической действительности. Он перестал отличать прежних боевых сподвижников от новопоселенных тягловых крестьян, не считался с особыми правами Казаков, хотя они были утверждены королевскими универсалами, налагал на них различные повинности и тягла, от промышленников отбирал львиную долю добычи и требовал выплаты налогов. Но вместе с тем, вмешиваясь в крымские дела и поддерживая угодных ему претендентов на ханский трон, требовал от Казаков самоотверженной боевой службы. В 1532 году он взял под свое покровительство и укрыл в Черкасах, изгнанного хана Ислам Гирея. Турецкий ставленник Саадат Гирей, в погоне за соперником осадил Черкасы со своими ордынцами и турецкими янычарами. Казаки отстояли Черкасы, Саадат Гирей примирился с Дашковичем и увёл свои войска обратно в Крым.[7])

Казаки жаловались королю на самоуправства **пана Остафия,** но без всякого результата. Всё оставалось по прежнему.

Никто из Запорожцев не отказывался от старого юрта, "своих старожитных земель", как они называли днепровско-бугский клин. Казачье население находилось всё время в движении: одни приходили с Низа в Литву, другие спускались из Литвы на Низ, где лавили рыбу, охотились на всякого зверя и дичь, пасли табуны и ста-

---

[6]) С. Соловьев, История России с древнейших времен т. V, стр. 359.

[7]) Kronika Martina Bielskiego tom II, stro. 1055-1056.

По кн. В. А. Голобуцкий, Запорожское Казачество, стр. 61-62

да, присматривая удобное место для укрепленного поселения — Сичи. Пока она не была основана селиться там вместе с семьями на постоянное жительство было опасно. Большинство оставалось в границах Великого княжества Литовского, закладывая всё новые поселения или мещанами проживая в старых городах.

Советский автор В. А. Голобицкий обращает внимание на грамоту Сигизмунда I-го от 1537 года, где Казаки, жители города Черкас, называются мещанами. Он удивлён и добавляет, **без всякого на то основания,** будто бы они "не признавали ни своего нового положения, ни названия и продолжали именоваться Казаками".[8])

Конечно, это не согласуется с понятием о Казаках, как о **стане — сословии,** а Голобицкий все построения основывает на теории, будто бы Казаки выделились из украинских масс в качестве **казачьего сословия. Казаки-мещане** опрокидывают все его шаткие доводы и он поневоле ввёл в текст совершенно необоснованное замечание. Казаки, жители городов **(мест** по белорусски), **безусловно признавали свое "новое положени" мещан,** так как оно отвечало истине и не лишало их казачьего этнического имени. Мещанином-Казаком можно было стать также, как можно было стать Казаком-шляхтичем. Позднее по всей **Земле Запорожских Черкасов** (Гетманщины) было много Казаков-мещан. Они имели свою городскую администрацию, и в то время, как украинские и белорусские мещане находились под властью поставленных над ними **войтов,** Казаки-мещане управлялись своими выборными атаманами. В наше время русский сословный строй выделял Казаков-дворян, Казаков духовного сословия и Казаков-торговых, принадлежавших к купеческому сословию. Никого это не удивляло.[9]) Да Казаки-купцы, обязанные уплачивать специальные поборы наравне с другими торговыми людьми, упоминаются в киевских источниках уже в начале XVI века.

---

[8]) В. А. Голобуцкий, Запорожское Казачество, стр. 51, 52.

[9]) В главе о социальном устройстве Гетманщины эта тема будет рассмотрена более подробно.

Глава шестьдесят третья

ВИШНЕВЕЦКИЙ — БАЙДА

Ой, крыкнув царь на свои гайдуки,
Возьмить Байду добре в рукы,
Возьмить Байду тай звяжите,
На гак ребром зачепите.

После Предслава Ланскоронского и Евстафия Дашковича с Запорожцами ходил на Турок князь Евстафий Ружинский, а затем долгое время с ними сотрудничали князья Вишневецкие, потомки Гедимина из рода Корибута Ольгердовича.

Первым из них был князь Михаил Александрович. Король назначил его старостой черкасско-каневским взамен Василия Тышкевича, который своими мероприятиями и податями вызвал в 1536 году бунт Казаков-мещан и Казаков-селян, жителей этого староства. М. А. Вишневецкий прибыл сюда в роли миротворца. Без насилий и жестокостей он не только успокоил бушующие страсти, но и заслужил расположение местных Казаков.

В 1541 году он умер и его пост занял сын Иван, а через девять лет огромное наследство, целую область в Верхней Подолии и обширные земли Черкасско-Каневского староства, получил после смерти отца молодой князь Дмитрий Иванович. Это было как раз в то время, когда Сары-Азманы обосновались на Нижнем Дону.

Пребывая с отцом и дедом в Черкасах, князь Дмитрий близко познакомился с местными Казаками и со многими подружился. С ними в набегах на Турок прошёл рыцарскую науку, а после всю жизнь делил с Запорожцами радости побед и невзгоды поражений. В памяти казачьих поколений он остался, как Байда, т. е. под прозвищем каким своего вождя наделили Казаки.

Спокойная жизнь администратора и владельца большой отчины его, потомка Ольгерда-Завоевателя, не удовлетворяла. Он считал себя по рождению равным королю, последнему Ягеллону Сигизмунду Августу, и хотел большей независимости. Среди Казаков он чувствовал себя удельным князем, не нарушал их жизненного порядка, а в их мнении представлялся достойным доверия вождём и представителем казачьих интересов перед да-

лёким королём. Сам он признавал себя его вассалом с широкими правами владельца почти самостоятельной страны. Он ходил в походы, заключал договоры, мало считаясь с интересами Литвы и Польши, хотя со своим казачьим войском оставался надёжным заслоном и той и другой от нападений со стороны Крыма. Он, как видно, и считал, что этим ограничиваются его обязанности по отношению к короне и что король, в свою очередь, обязан поддерживать его в трудные минуты.

Во всей своей деятельности Байда-Вишневецкий опирался на казачьи боевые кадры. Отношения подобного рода между Казаками и близкими к трону знатными людьми вошли в народную традицию с давних пор. В Древней Руси ответственность за действия Чёрных Клобуков принимали на себя те князья, поручения которых они выполняли, в ордах место этих князей заняли царевичи-Чингисиды, а в Литве им на смену пришли отпрыски польско-литовской знати: Ланскоронский, Дашкович, Ружинские и Вишневецкие. Дмитрий Иванович был одним из них. Но появление таких рыцарей, предпринимателей и покровителей, никогда не устраняло одновременного существования чёрноклобуцких князей во времена Руси, выборных атаманов — в Золотой Орде. Теперь же в Литве власть на местах оставалась в руках полномочных представителей местных общин, атаманов сельских, городских и областных. Областным атаманом источники указывают Венжика Хмельницкого. Он стоял во главе Запорожцев, живших в границах Литвы, долгие годы, от 1534 по 1564, а известным стал после того, как под Заславом Волынским разгромил с Казаками нашествие Крымской орды.[1]) Автор **Хроники Польской и Литовской** Матвей Стрыйковский подчёркивает, что это был **Казак Хмельницкий**.[2]) Такие областные атаманы, не препятствовали своим людям уходить в отряды литовских магнатов, пожелавших отправиться в Поле на рыцарские подвиги. Во времена Вишневецкого-Байды атаманы полностью сочетали свои действия с его намерениями, а около него Казаки собирались особенно охотно.

Но король и польско-литовская шляхта не всегда оставались довольны широким размахом политической и боевой деятельности князя. Сигизмунд II нераз за-

---

[1]) Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, стр. 18.

[2]) А. И. Рогов, Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения, страница 237.

прещал ему беспокоить Крымцев и вмешиваться в дела Молдавии. Никакого действия королевские запрещения не производили, Вишневецкий продолжал бесконтрольно делать то, что сам считал нужным.

В 1553 году он, вдруг, посетил Стамбул и был там принят султаном Сулейманом. Разрешения на эту поездку у короля он не спрашивал, поехал туда по каким то своим делам, но король примирился с независимым поведением князя. Когда тот через пол года возвратился, самовольное сношение с иностранным государем прошло без упрёка, хотя было известно, что султан принял его очень благосклонно. Зачем Вишневецкий ездил в Стамбул, осталось невыясненным. В течение двух лет после его возвращения на Днепр, Казаки не нападали на Крым. Хан использовал такое необычайное перемирие и в 1555 году сам пограбил московские земли.

Скоро однако Казакам наскучило мирное бездействие. Узнав, что дьяк Ржевский идёт с московскими Служилыми Казаками Полем к Перекопу, 300 запорожских Казаков с атаманами Млынским и Еськовичем присоединнились к нему и все вместе совершили глубокий набег под турецкий Очаков.[3]) Вишневецкий не удерживал этих Казаков. Их набег соответствовал и его намерениям. Задумав расширить свои владения за счёт Крыма, он тогда же в 1556 году пошел с остальными Казаками за пороги и там на острове Хортица построил передовое укрепление с замком.

Хортица или Великий Луг — первый крупный остров (около сорока квадратных километров) ниже днепровских порогов. Поросший дубовым лесом, он возвышался над водами Днепра скалистыми берегами. Построив на нём замок, князь обратился к королю с просьбой прислать пушки для его вооружения, но тот оставил его без внимания.

Вишневецкий стал снова действовать самостоятельно. В сентябре 1557 года он обратился в Москву, просил царя, "чтоб его государь пожаловал, а велел себе служити".
Сообщил, что "от короля из Литвы отъехал и на Днепре на Кортицков острову город поставил против Конских вод у Крымских кочевищ[4]). В результате обмена грамотами, уже в следующем месяце (16 октября) сообщил "князь Дмитрий, что он холоп царя и великого князя и правду на том дал" (присягнул). [5]).

---

[3]) ПСРЛ т. XIII, стр. 271-272.

[4]) Там же, стр. 275.

[5]) Там же, стр. 276.

Вслед за этим Вишневецкий с Казаками напал на Ислам Кермень, основанный Татарами на Днепре, ближе к его устьям, взял и сжег город, а пушки добытые там расставил на стенах своего хортицкого замка[6]).

Хан Давлет Гирей не примирился с такой дерзостью. Весной следующего года Татары окружили Вишневецкого на его острове. Двадцать четыре дня Казаки отбивали их приступы, причинили ордынцам и бывшим с ними Туркам крупные потери в людях и заставили отступить "с великим соромом"[7]). Но Хортицу все же удержать не удалось. В октябре того же 1558 года князь сообщил Ивану Грозному, что ему пришлось оставить свой замок и уйти обратно в Черкасы и Канев, потому что "корму не стало у него и Казаки от него разошлися, а царь Крымский пошел на его город да Турского люди многие в судех да Волохи, и он за кормом не сел в городе"[8]). Царь распорядился, чтобы Вишневецкий оставил Черкасы и Канев Литве, а сам ехал служить к нему. Когда тот появился в Москве, он получил новую вотчину, город Белев со всеми окружающими его волостями и сёла некоторых соседних районов [9]).

Грозный поспешил использовать рыцарский опыт нового **холопа** и боевые качества его казачьих кадров. Уже в начале следующего года он послал их по реке Псёлу "стояти на Днепре и беречи своего дела над Крымским царем". Кроме своих Казаков Запорожцев, он вел отряды московских "жильцов", "да Ширяя Кобякова з детьми боярскими, да и Данила Чюлкова да Юрия Булгакова и иных атаманов с Казакы, да сотцких со стрельцы". К нему же по царскому повелению должны были придти через Азов Кабардинцы во главе с мирзой Кануковым.[10])

Вишневецкий повел свое войско правым берегом Днепра, миновал пороги, снова занял Хортицу, а затем переправился на левый берег реки. Тут он встретил дьяка Ржевского с его отрядом. Они объединились, оставили на монастырском острове кош с запасами, после чего направились к Ислам Керменю и Перекопу. Здесь князь получил приказ возвращаться в Москву и явился к царю за новым поручением.

---

6) ПСРЛ т. XXIX, стр. 252.
7) ПСРЛ т. XIII, стр. 281
8) Там же, стр. 286.
9) Там же
10) Там же, стр. 288.

Зиму он провёл в Туле, откуда ранней весной 1559 года снова вышел в Поле со своими Казаками. У Айдарской переправы через Донец они встретили и уничтожили, пробиравшийся к Казани, татарский отряд в 250 всадников. Там же, погромив Крымцев на Верхнем Донце, к ним примкнул запорожский атаман Михаил Черкашенин[11]).

В сентябре Вишневецкий доставил в Москву кабардинского посланника Чурук-мирзу, который привез от имени своих князей просьбу, "чтоб их государь пожаловал, дал бы им воеводу своего в Черкасы и велел бы их всех крестити". [12])

Вишневецкому нашлась новая работа:

> "Месяца февраля отпустил царь и великий князь в Черкасы по их челобитью воеводу своего князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, а с ним отпустил вместе князей Черкаских, князя Ивана Омашука, да князя Василия Сибока с братьею и попов с ними крестьянских отпустил, а велел их крестити по их обещанию и по челобитью и промышляти над крымским царем"[13]).

Летописец представил своего царя в виде просветителя Кабардинских Черкасов, но такое трактование вопроса было бы совсем ошибочным. Мирват-Кабарда появились в 764 году на Дону старыми христианами вместе с Салтовцами. Резкие перемены, наступившие в Черноморье с приходом Турок, заставили их уйти в горы и лишили возможности без помех исповедывать свою прежнюю веру. Связи с патриархом прервались, приток духовенства с юга прекратился, появились магометанские веяния. Кабардинские князья надеялись при помощи московского христианского царя восстановить Христианство и привычный уклад жизни. Ожидали от него также помощи в борьбе с крымским ханом, пытавшимся подчинить их себе. Этим и объясняется посольство Чурук-мырзы, ходатайство которого царь поспешил исполнить.

В чём выражалась полуторогодовая деятельность Вишневецкого в Кавказской Черкасии, источники не сообщают. В Москву он возвратился глубокой осенью 1561 года со стороны Днепра.

14 апреля следующего года Иван Грозный послал

---

11) ПСРЛ т. XXIX, стр. 279.

12) Там же, стр. 281.

13) Там же, стр. 284.

его к границам Литвы, "а с ним Каневские Черкасы, а велел ему недружбу делати царю Крымскому и королю Литовскому". Но за неполные пять лет царской службы, попавший в холопство князь стал сомневаться в том, что поступил правильно, променявши короля Гедиминовича на царя Рюриковича. Его положение в Московии оказалось менее почётным и независимым, чем это было в Литве. Там он чувствовал себя почти самостоятельным правителем большой пограничной области с казачьим населением, а здесь попал в рядовые царские воеводы, без права поступать по своей воле и с обязанностью выполнять чужие приказы. К тому же московская действительность, с юродствующим государем, с начавшимся преследованием князей и бояр, с бесправным и полуголодным тягловым населением, выглядела весьма неприглядно. Вишневецкий задумал возвратиться в свою литовскую отчину.

А за эти годы в Польско-Литовском королевстве отношения правящего слоя к Казакам несколько изменились. Казаки, как и их Байда, всегда вели себя довольно независимо, не оказывали особого почтения шляхте, не гнули перед нею шеи, а такая "самоволя" возмущала провинциальных правителей и их польско-литовское окружение, служила причиной частых недоразумений и столкновений. К тому же и Турки ставили в счёт Литве и Польше все казачьи набеги на их владения, не принимая во внимание, что они совершались наперекор запрещениям властей.

"Хорошо, чтобы они там были, — писал о Казаках польский хронист М. Бельский. — но нужно, чтобы они подчинялись правительству". Автор считал, что Татар несомненно надо сдерживать у границ государства, но этого легче было бы добиться, если бы удалось привлечь к делу Казаков, отдавши им те "упоминки", которые уплачиваются Татарам[14]).

Король и правительство всегда стремились к такому решению вопроса о обороне южных границ, но не могли убедить в этом Сеймы. В 1562 году это им наконец удалось: Сейм постановил "упоминки" отдавать Казакам,

> "дабы они могли содержать нарочитое число своего войска и готовы были к защищению Польши; да и отдали им все пространство земель, которое лежало между реками Днепром и Днестром к татарским границам, которые

[14]) Kronika M. Bielskiego, O Kozakach, str. 659-660.

без них были оупстошены татарскими нападениями, дабы они там поселились"[15]).

Неожиданная щедрость была, очевидно, вызвана надеждой, что Казаки обживут и усвоят для королевства земли **Пустыни Наддне́прянской**, оставшиеся **Диким Полем,** хотя почти двести лет Литва воздвигала там свои замки и старалась заселить их окрестности своими крестьянами.

Но и такое новшество привлекло сердца Казаков, поверивших в искреннее желание короля и Сейма удовлетворить их насущные нужды и улучшить их быт. К этому времени население края умножилось: на Днепре, как и на Дону, появились Казаки-мореходы, уходившие с Кавказа от турецких репрессий. Ригельман писал:

> "В сие то время Казаки всемерно по вышеписанному дозволению, во-первых город себе Чигирин поставили, как то при самой южной границе от Татар и тем утверждали и защищали всю Украину свою, а потом уже в оной близ границ же и прочие города построили"[16]).

Здесь идет речь о литовских окраинных землях (Украине) и о формальной границе между Литвой и Крымом. Она к тому времени проходила от г. Черкас на запад по Тясминским болотам к речке Синюхе, от устья которой пересекала степи к Днепру, а на востоке шла по речке Ворскле и от нее к Конотопу и Путивлю.

Королевско-шляхетские милости простирались и дальше: из Казаков был сформирован Пятигорский гвардейский полк со стоянкой в Центральной Литве.

Вместе с Казаками был рад переменам и сжившийся с ними Вишневецкий — Байда. Москва не оправдала его надежд. Единоверный царь со стороны выглядел справедливым носителем христианских идеалов, а вблизи оказался сумасбродным деспотом. Не добился гордый князь Гедиминович и исключительно высокого положения. К Грозному Вишневецкий больше не возвратился. 31 июня 1562 года к царю в Можайск приехали

> "с Поля с Днепра Черкаские Казаки Михалко Кирилов да Ромашко Ворыпаев и сказали, что князь Дмитрий Вишневецкий государю царю и великому князю изменил, отъехал с Поля с Днепра в Литву к Польскому королю

---

[15]) А. И. Ригельман, Летописное повествование о Малой России, страница 21.

[16]) Там же,

со всеми своими людьми, которые с ним были на Поле, а людей его было триста человек. А приезжал по него на Днепр из Киева брат его князь Михайло Вишневецкий да князь Дмитрий же Вишневецкий, а с собою взяли в Литву казацкого московского атамана Водопьяна с его прибором, с польскими Казаки, а Казаков с ним было с полтораста человек. А которые Черкасы Каневские атаманы служат царю и великому князю польскую службу, а живут на Москве, а были на Поле со князем Дмитрием Вишневецким, Сава Балыкчей Черников, Михайло Алексеев, Федка Ялец, Ивашка Пирог Подолянский, Ивашко Бравко, Федяйко Яковлев, а с ними Черкасских Казаков четыреста человек, и князь Дмитрий имал их в Литву к королю Польскому с собою сильно, и они с князем Дмитрием в Литву не поехали и королю служити не похотели и приехали ко царю и великому князю со своими приборы со всеми Черкасскими Казаки на Москву служити государю царю и великому князю всеа Русии".[17])

Так закончилась **московская авантюра** беспокойного Байды-Вишневецкого. Судя по летописным данным, с ним в ней участвовало не меньше тысячи Запорожцев. В ее результате русские воеводы хорошо ознакомились с низовьями Днепра.

В 1563 году Вишневецкий находился в польской столице Кракове, где придворный лекарь обнаружил у него недуг, вызванный отравлением. Он чуть не умер, но как то вылечился и снова отправился в свое староство. Иван же Грозный, в гневе на изменьщика, предписал своему гонцу в Литву Клобукову отвечать кратко на вопросы о причине отъезда Вишневецкого: "Пришел он к государю нашему, как собака и пошел от государя нашего, как собака"[18]).

Между тем Байда задумал новое политическое предприяние. Молдавские бояре, недовольные своими господарями, давно приглашали его выступить претендентом на трон их княжества. В 1563 году Вишневецкий порешил, что для этого пришло подходящее время. Он появился во главе десяти тысяч Казаков в соседней

---

17) ПСРЛ т. XIII, стр. 343; т. XXIX, стр. 300.

18) По Карамзину — Дела Польские № 7, стр. 174.

Молдавии, вассальной по отношению к Турции. Но для такого большого дела войска оказалось недостаточно. Молдаване его не поддержали, Турки окружили, разбили его отряд и захватили в плен многих Казаков, вместе с их предводителем.

В Стамбуле их предали мучительной казни, Казаков посадили на кол, а Байду, по крымским сведениям, подвесили за ноги на аркане при замковой стене и через три дня полуживого расстреляли из луков. По Бельскому же и по казачьим преданиям, его живого сбросили сверху на железные крючья, вделанные в крепостную стену.

Князь Дмитрий Иванович Вишневецкий лишь один из литовских вельмож, заслуживших уважение и доверие Казаков. В рядах его войска погибло много Запорожцев, но он всё же стал казачьим народным героем и память о нём хранится до наших дней в народном эпосе, как о славном предводителе Байде.

Для сторонников теории о "Казачестве", как о сброде беглых крестьян, спасавшихся в ордынских степях от притеснения помещиков, князья — казачьи предводители — тяжкий камень предкновенья. Предположение, что беглые крестьяне, оказавшись на воле в свободном обществе, захотят снова подчиниться представителям класса своих недавних угнетателей, совершенно абсурдно. Препятствием к этому встали бы непреодолимые социальные антагонизмы, а у Запорожцев в их общении с Литвой подобных антагонизмов не обнаруживается, вожди из литовской знати бывали у них и до Вишневецкого и после него.

Такое соответствие с версией о беглых крестьянах, кажется, заметил сов. автор В. А. Голубуцкий. Для него Казаки — украинские беглецы от панского гнёта и он не без причины старается опротестовать укоренившееся мнение о тождественности Байды с князем Дмитрием Вишневецким[19]). Не может быть одного сомнения, что прозвищем **Байда** Казаки наградили именно Д. И. **Вишневецкого,** князя и своего вождя. Это подтверждается источниками, преданиями и народным эпосом. Протесты В. А. Голобуцкого сводятся к нулю, как и вся "беглохолопская" теория, которой он следует в своих сочинениях.

---

[19]) В. А. Голобуцкий, Запорожское Казачество, стр. 71-72, 84 - 87.

Глава шестьдесят четвертая

ДНЕПРОВСИЙ НИЗ

Запорожский Низ, после исхода Перекопских Казаков, некоторое время оставался покинутым и почти безлюдным. Только кое где на глухих островах собралась бессемейная молодежь, не пожелавшая покинуть свой старый юрт, да иногда вдоль Ю. Буга проходили крупные отряды Крымских Татар по пути к Чёрному лесу и дальше к окраинам Литвы и Польши.

Польские историки высказывают предположение, что начало организованной казачьей жизни за порогами положил князь Дмитрий Вишневецкий, основав на Великом Лугу свой замок. Но замок был им вскоре покинут, а Казаки на островах оставались и множились по прежнему. К ним каждое лето на промысловые угодья сходились их единоплеменники с Поросья, от Черкас и Канева. Подходили и Севрюки с Десны, с Севера Сульского.

Польский автор Мартин Бельский, современник Байды-Вишневецкого рассказывает о Казаках-промышленниках:

> "Эти люди обычно занимаются на Низу ловлей рыбы, там же ее без соли на солнце сушат, летом ею питаются, а на зиму расходятся по ближайшим городам, как Киев, Черкасы и иные, попрятавши свои лодки на одном из днепровских островов в безопасном месте и оставивши там на куреню (na korzeniu), как они говорят, несколько сот человек при орудиях, так как они имеют свои пушки, добытые ими в турецких замках или отнятые у Татар".[1])

То же самое и в тех же словах повторяет продолжатель Мартина Бельского, Бельский Иоахим и по этому сообщению видим, что собираясь на Низу Казаки занимались не только ловлей рыбы. От них было не мало хлопот и Туркам в их замках.

Слово **курень** Бельские могли слышать от самих Казаконов и понимали его, как **корень** (korzeń). Но в данном случае оно имело значение **ставки, кэша.** Его освовной смысл Перекопские Казаки принесли с собой из Крымской орды. В дальнейшем Запорожцы пользовались словом **курень** для обозначения боевой формации

---

[1]) Kronika M. Bielskiego, wgd. w z 1957, rozd. O Kozakach.

составленной из односельчан, связанных не только землячеством, а и кровным родством. Таким образом в семантике этого слова сочеталось два элемента: военный и социальный.

Летописец Чингисхана, персидский автор начала XIV века Рашид ад Дин поясняет:

> "В старинные времена, когда какое нибудь племя останавливалось на каком нибудь месте наподобие кольца, а старейший из них был подобен точке в середине круга, это называли **курень.** В нынешнее время, когда приблизится неприятельское войско, располагаются по той фигуре, дабы не вошел в середину чужой и неприятель"[2]).

Так его понимал Перс. Но по тюркски слово **курень** понималось иногда, как племя. Л. З. Будагов в своем словаре даёт такой перевод:

> "толпа, племя, отряд, корпус, полк. Рашид ад Дин и Мирхонд говорят, что курень состоял из тысячи кибиток собранных в поле... Слово это перешло к Казакам и **курень** у них обозначает собранаие станиц, станицу, а иногда и казацкую избу или избу вообще"[3]).

Такая важная для нашей истории социальная подробность не представляла интереса для чужих историков и всегда оставлялась без внимания. Например, профессор Любавский высказывал мнение, что зародышем Запорожской Сечи была крупная казачья артель, промышлявшая вблизи татарских кочевий и следы ее он находит уже в конце XV века.[4]) Другой русский профессор В. О. Ключевский тоже говорит об **артелях,** промышлявших за порогами рыбой, зверем, мёдом диких пчёл, а иногда и Татарином. Весну и лето они, будто бы, проводили на Нижнем Днепре, а на зиму собирались обратно в Черкасы и Канев, где проживали постоянно.[5]) Определение Любавского и Ключевского через чур поверхностно и уступает в подробностях описанию современников Сичи, Бельских. Русские историки не доискивались значения слова **курень** и не обратили внимания на свидетельство Бельских о том, что **на куреню** всегда

---

[2]) Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, Золотая Орда и ее падение, стр. 37.

Л. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий т. II, стр. 124.

[4]) В. О. Ключевский, Сочинения, т. III, стр. 134.

[5]) Там же, стр. 130.

оставалось несколько сот человек. Появление в начале XVI века оттуда же из за порогов Перекопских Казаков оба ученых не заметили, а социальная структура запорожских общин их интересовала мало. Курень, конечно, нельзя понимать, как сборную артель из случайных участников.

Золотоордынская разруха оставила вдоль берегов нижнего Днепра свой печальный след — развалины десятков поселений. Также как в области Червленого Яра на Дону, они лежали и здесь воспоминанием о былой жизни. Одинаковая участь постигла и христианские по правой **казачьей** стороне реки и мусульманские на ее левом берегу. Среди последних погиб и один из ордынских провинциальных центров город Замык, на речке Конка у самого Днепра, напротив Чертомлыка.[6])

Многие городища, урочища и реки, получив славянские название в половецкое и золотоордынское время, сохраняли их и позднее: речка Подпольная, урочище Микитино, Городище Меловое, Пропасное, Тягинка, речки Терновка, Грушевка, Дремайловка и т. п. Очевидно, славянизированные Чёрные Клобуки распространяли свои кочевья далеко на юг от рек Роси и Тясмина и там переходили в оседлый быт. Именно отсюда, уходя от Турок к границам Литвы, в первые годы XVI столетия хлынули толпы переселенцев, которых и там научились называть их старинным именем, Казаками.

Они в большинстве ушли на север и пополнили днепровское казачье-черкасское население Среднего Днепра, а славянские названия оставались на местах. Прежние жители хранили их и в целости передали их следующим поколениям. Памятником древнего Христианства среди них возвышался остров Монастырский.

Поселения были разрушены при Нагае и два века Казакам Крымской орды пришлось вести полукочевой образ жизни. Может быть, поэтому они так легко снялись с запорожских кочевий и перешли в окраинные области Великого княжества Литовского. Но уже в первые десятилетия шестнадцатого столетия началась обратная тяга на **старожитные** земли. Первыми стали возвращаться те, кому не по душе оказалось подчинение представителям польско-литовской власти. Из года в год население Низа стало расти и множиться. Сначала сюда возвращались люди без семей. Для того чтобы попасть в Запорожье с лодками, оружием, сетями и домашней утварью надо было преодолеть тринадцать по-

---

6) Г. В. Губарёв, Книга о Казаках, страница 211.

рогов. Запорожцы называли их по своему: Кайдак, Звонец, Сурской, Лоханной, Стрельчий, Княгинин, Неясытец, Воронова Забора, Вольнег, Будило, Лычка, Таволжаной и Вольной. Имена некоторых, как Неясытец, Вольнег и Будило (Не спи), сохранялись от времен Константина Багрянородного, т. е. больше пяти веков.

Мартин Бельский писал:

> "Из за порогов, которые там воздвиг сам Господь Бог, никакие галеры или баты не могут поднятся вверх по Днепру. И если бы не они, то Турки уже давно заняли бы тот край. А зато Казаки настолько привыкли к ним, что эти самые пороги минуют в своих кожаных лодках, по ихнему — **чайках.** Они спускают их на бичеве и на бичеве же подтягивают их вверх против течения".[7])

Река бурлила и рвалась через скалистые теснины, но Казаки всё же умудрялись проплывать среди них в лодках. В то время, когда Севрюки — Сары Азманы начали движение к Дону, плаванье через пороги уже вошло на Днепре в обычай, а Запорожье, как и Дон, заро илось от казачьих куреней, начавших возвращаться на Низ, в край знакомый им издавна.

Почти одновременно возникло два опорных казачьих центра: западный на Днепре, а восточный на Дону. И там и тут появились первые укреплённые поселения сичи и городки, где начали селиться на постоянное жительство и воины и их семьи. (Sites) Sitls.

Имеется большой соблазн вывести слово **Сич** из англо-готского Sitls — сидение, жилище, гнездо.[8]) Ему соответствует также германское Sitz того же значения. У Русов **Сечью** или **Сичью** города, посёлки, крепости никогда и нигде не назывались. По древне-славянски **сеча** означало битву, в центре России **сечь — вырубленный лес,** военный термин **засеки** — специальные сооружения-деревянные рогатки перед линией укрепления. Всё это не отвечает понятию **главное жилище,** как Сич определяет Ригельман.[9]) Поэтому вполне возможно, что это слово Казаки позаимствовали от Готов или Асов-Аланов слившихся с ними в Крыму. У Донцов оно не привилось.

---

[7]) Хроника М. Бельского, глава О Казаках.

[8]) М. М. Гухман, Готский Язык, стр. 272.

[9]) Летописное пов. о М. Р., стр. 204: «О прежнем житье Запорожских Казаков, где оные свои главные жилища, а по их званию, Сечи имели».

Участок Поднепровья от нынешнего Верхне-Днепровска до устья Бузулука выглядит как бы полуостров, окруженный с трёх сторон водами реки. От ордынской степи часть Днепра здесь прикрыта скалистой грядой порогов, а там где их нет, вдоль его берегов раскинулись непреодолимые плавни и сеть ериков, составлявших естественную преграду от крымской стороны.

В 1516 году король признал за Казаками право на Предпорожье [10]) и тогда они основали Сич Переволоченскую и "старинной город казацкий Койдак". От Переволочной на юг шла сухопутная граница, замыкающая полуостров, с природным рубежом по речке Базавлук. Недалеко от дельты этой речки, на острове Томаковка Запорожцы возвели вторую Сич, южный опорный пункт. Временно он стал крайним в их владениях, а потому назывался Крайчиней или Кравчиней.

Естественно, что в таком укромном углу, за водами Днепра и двумя фланговыми крепостями, любая военная община могла почувствовать себя в относительной безопасности. Сюда и возвращались многие Казаки вместе с семьями.

Обычно принято думать, что на Низу у Запорожцев одновременно существовала лишь одна Сич, перемещавшаяся, в зависимости от обстоятельств, с места на место. Такое мнение представляется логически несостоятельным. Ригильман насчитывает десять мест, где находились казачьи поселения-Сичи. В его время, после измены гетмана Мазепы, они почти все были разрушены войсками императора Петра. Археология могла бы определить приблизительные даты их основания, но предполагать, чтобы к этому вопросу когда либо существовал особый интерес, данных нет. Теперь, когда все пороги и часть Запорожья затоплены Днепровским водохранилищем, можно думать по разному, но переходы с места на место не оправдываются здравым смыслом. К чему, например, было покидать, удобный во всех отношениях, остров Томаковку в устье Чертомлыка и переходить к речке Каменке, текущей от Ингульца к тому же Белозерскому Затону. Новые крепости и поселения сооружались и основывались тогда, когда происходило более глубокое продвижение во владения Крыма. Возникала круговая система укреплений, следы которых сохранялись еще недавно по всей линии казачьих границ от Днепра к Южному Бугу, от городища к

---

[10]) А. И. Ригельман, Летописное повествование о Малой России, страница 17.

городищу, от развалин к развалинам. Раньше здесь стояли форты и редуты. После их сооружения, основанные перед тем замки и поселения оставались в тылу, жителям покидать их не было никакой нужды.

Население росло, из года в год продолжалось усвоение широких пространств степи, явилась возможность переселяться на хутора и посёлки, продвигаться на запад, где у Ю. Буга вырос казачий город Гард,[11]) а еще дальше за рекой — пограничная крепость Бершады. В Днепровск-бугском клину возродилась и била ключём деятельная жизнь во всех ее проявлениях. В крепостях и замках размещались гарнизоны, а около них в посадах жили с семьями отпускные воины, зверепромышленники, рыболвы, ремесленники, оружейники, седельники, кузнецы, плотники, столяры, виноделы, горшечники, торговцы и другой предприимчивый люд из Казаков и пришельцев. Казачьи семьи выходили на хутора, создав класс земледельцев **сидней, гнездюков.** Они пахали землю, разводили стада рогатого скота из прирученных туров и новую породу сильных лошадей, строили мельницы, снабжая насущным хлебом остальное население Низа.

Томаковка, где Казаки возвели свое первое укрепление за порогами, по Боплану, небольшой остров "почти круглый и возвышенный ввиде полушария, весь покрытый лесом". Со всех сторон его окружали воды Днепра и почти непрохдимые плавни, заросшие камышем и кустарником. Ниже острова в Днепр впадала многими рукавами рекча Базавлук, а за нею Днепр разливался в ширину на 3-4 километра и был покрыт десятками скалистых, заросших лесами, островов. Турки не решались заходить в протоки между ними. Боплан рассказывал, что рискнувши однажды, они заблудились в их безчисленных дебрях и Казаки уничтожили несколько тяжелых галер, безнаказанно расстреляв их со своих лодок из камышей. После этого турецкие суда не решались заходить в Днепр дальше, чем на 4-5 миль от его устья. Для того же, чтобы закрыть Казакам доступ в днепровский лиман Турки поставили несколько выше Ислам Керменя укрепление Кизикермен и на острове против него — форт Тавань. Этим они также обеспечили для себя и для Татар Таванскую переправу через Днепр.

Татарам доступ на казачьи земли был закрыт. Теперь они переправлялись только в низовьях Днепра и Южного Буга и нападали на Польшу через Подолье.

---

11) В названии города также чувствуется готское или асаланское влияние: по готскому словарю «гард» — дом, семья, двор.

Интересно заметить, что ханы спокойно наблюдали появление в Запорожье новых укрепленных поселений, которые строили на своем прежнем юрте Казаки, их недавние и безнадёжно потерянные подданные. Они отошли от свои ханов из за их покорности султану, но это не могло послужить причиной враждебности ко всем Крымцам. Первое время, уже живя врозь, низовцы с Татарами не ссорились. Не так давно они были соратниками, близкими соседями в границах одного царства и если теперь иногда дрались, то в тех случаях, когда встречали их в рядах турецкого войска или по местным недоразумениям: из за пастбищ, воровского угона скота и лошадей, прохода добычных шаек через чужие владения и т. п.

Земли Запорожья, где задержалась часть Перекопских Казаков, формально еще долгое время входили в границы Крымского ханства. По праву завоевания на них могли претендовать Турки. Но войска султана не решались углубляться далеко в степи. Они ограничивались постройкой крепостей на казачьем пути к морю. Крым же, очевидно, не считал разрыв служебных отношений с Казаками достаточным поводом для того, чтобы выжить их с их прежнего юрта. В ордах бунтовали не одни Казаки и мятежные улусы часто оставались на прежних местах.

При желании, крымский хан с помощью Турок вначале мог легко разгромить 3-4 тысячи низовых воинов. Свидетельством этому служит неудачная попытка Байды обосноваться на Хортице. Изгнав его с острова, Татары и Турки могли справиться и с Казаками, разрушить их цитадели и занять на Днепре господствующие позиции, но почему то оставили их в покое. Немилосердно опустошая окраины Литвы и Польши, ордынцы терпели на своем пути непрерывно возникающие поселения низовцев и это давало возможность Казакам настолько усилиться, что после, когда пришел окончательный разрыв со всем мусульманским миром, Крым уже не мог бороться с окрепшей Низовой республикой.

Нужно признать, что образ отношений низовцев с Крымом остается еще в значительной степени туманным. Во всяком случае до средины XVI века между ними не заметно постоянной враждебности. Были даже случаи, когда Казаки принимали участие в борьбе крымских придворных партий, поддерживая врагов Турции. Но ханы всё больше туречились, забывая прежнюю близость к Казакам, забывали привычную для Крыма веротерпимость, приобретали взгляды и обычаи своих

могущественных завоевателей Турок. Ладить с ними Казакам стало труднее.

В отношениях крымских ханов с Турцией также чувствуется двойственность. Власть султана в Крыму держалась только на военной мощи Турок.

Между тем население Низа непрерывно увеличивалось за счёт запорожских семей, возвращающихся из Литвы. Особенно этому способствовали осложнения, возникшие в связи с попытками принудить Казаков к большему подчинению польско-литовским властям. В тех областях, которые по королевским привилеям должны были перейти в исключительное пользование Запорожцев, стали усиливаться магнатские влияния. Попав в край богатый изобилием земных плодов, старосты не могли отказаться от соблазнов быстрого обогащения и пытались использовать для этого казачий труд. Чрезмерным требованием староста В. Тышкевич вызвал в 1536 году бунт Черкасских Казаков. Ян Немирович жестоко расправился с бунтовщиками при помощи солдат, чем поспособствовал притоку населения на Низ. Король Сигизмунд Август, вскоре после вступления на польский трон (1548 год), приказал провести учёт Казакам и удерживать их от самовольных нападений на Турок. Это тоже послужило причиной ухода многих семей на Низ. Шли туда и потому просто, что тянула к себе возможность возвратиться к вольной жизни в своей казачьей племенной среде.

Глава шестьдесят пятая

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

Проживая на окраинах Литвы, Запорожские Казаки в первой половине XVI века сохраняли организацию вольного общества, непосредственно подчиненного великому князю литовскому, который одновременно правил и Польшей. Объединение двух государств под властью одного короля произошло в 1385 году по постановлению Кревского Сейма. Акт Сейма Городельского в 1413 году подтвердил эту персональную унию, установил порядок избрания королей и предоставил многие преимущества гражданам католической веры.[1]) По установившейся традиции, почти двести лет королями польскими избирались литовские князья Ягеллоны из рода Гедимина.

К XVI веку почти все Гедиминовичи ассимилировались в окружающей их белорусской среде и по языку и по греческой вере. Славянизация шла по такому же руслу, как это произошло с Варяго-Русами, Рюриковичами: от народных масс к центральной власти. Ко времени турецких завоеваний Гедимовичи частично породнились с Рюриковичами, делили с ними власть над славянскими племенами, за которыми укрепилось общее наименование — **Русь** и уже мало отличались от окружающих их Белорусов. В Великом княжестве Литовском Гедиминовичи пользовались исключительной полнотой политических прав и делили их только с сотней семей старой местной аристократии — **панов.** Паны главенствовали в администрации страны, держали в своих руках суд, распоряжались государственной казной, стояли во главе войск и вместе с монархом участвовали в законодательстве, посылая своих представителей в парламентарное учреждение — **Собрание Панов Рады,** Высший Государственный Совет.

Ниже их на общественной лестнице находилось родовитое и зажиточное белорусское боярство, а дальше шли сотни тысяч меньших бояр, выставлявших двухсоттысячное ополчение и деливших время между деревенскими заботами и войной. Эти три класса были единственными владельцами удобной для обработки земли и вершителями судеб всего тяглого населения. "Посполитые кмети и люди" считались подданными княжат,

---

[1]) Белорусия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов, т. I, Минск 1959, стр. 115-118.

панов хоругвных, шляхты, бояр, а иногда и мещан. Они выполняли все налоговые и натуральные повинности и были ограничены в гражданских правах. Преобладающая часть боярского военного ополчения, как и главная масса населения, состояла из Белорусов. Их оружием границы Литвы раздвинулись широко на север, восток и юг, а в помощь мечу, особенно на славянских землях, приходили мудрая политика и мероприятия литовских правителей. Историк Литвы пишет:

> "Лишь часть этих земель была приобретена силою оружия. Да и при таком способе присоединения Литва не встретила особенно сильного отпора со стороны присоединяемой ею Руси. Другая часть русских земель вошла в состав Великого княжества Литовского мирным путём через брачные союзы литовских князей с наследницами русских княжеств или по договору великого князя литовского с русским князем, сидевшим на столе земли. Сущность такого договора может быть восстановлена по данным последующего времени: великий князь литовский обязывался давать оборону князю, признавшей его суверенитет, земли, а тот в свою очередь обещал ему "покору", то есть признавал его своим союзником".[2])

Польский учёный автор нашего времени также считает, что росту Литовского государства способствовала не только доблесть его воинов, но и умение завоевать доверие народов, привлекая их к себе гуманными мероприятиями и сочувствием к их насущным потребностям.[3])

Запорожские Казаки пришли в Литву тогда, когда там господствовали те же традиции внимательного отношения власти к нуждам населения, старинные обычаи не нарушались и "новины не вводились". Их, выходцев из орды, приняли там ласково, хотя для польской колонизации границы княжества еще долго оставались закрытыми. Король по уговору не мог присылать сюда на посты и должности польских администраторов, не мог наделять Поляков земельными угодьями. Подобные возможности предупреждались специальными статьями Литовских Статутов, где король прирекал давать "листы" на владение и привилеи "только прирожденым а

---

[2]) И. И. Лаппо, Западная Россия и ее соседние с Польшей, Прага 1924, стр. 97.

[3]) Prof. Dr. Wladyslaw Wielhorski, Dziejc Ziem Wielkiego Ksiestwa Litewskiego, London 1953, str. 224.

тубыльцом тых земель Великого Князьства". Право владения землей могли принадлежать только рожденным там и "оселым" в той местности "не ново". До 1588 года Статуты ревниво оберегают права "родичев" от посягательств "чужоземцев, заграничников и суседов того панства" (государства). Должности и земли государь мог раздавать только "Литве, Руси, Жомойти, родичом старожитным и уроженцом Великого Князьства Литовского и иных земель тому Великому Князьству належачих". Теми же правилами должны были руководствоваться воеводы при назначении старост, гражданских судей и писарей из "людей добрых", "добродетельных", "годных", "в праве и письма руского умеетных, шляхтичев в том повете оселых" и обязательно коренных жителей Литвы.[4])

Привилей Сигизмунда I-го о наделении землями Запорожских Казаков явился исключением из общего правила. Бояре и шляхта приняли его без протеста, так как в нем шла речь о пустнных землях неопределённой принадлежности. Эти земли никого другого не привлекали, а в интересах обороны объединенного Польско-Литовского королевства их надо было обязательно заселить.

Сейм утвердил королевский Указ только через 56 лет в 1562 году, когда за Казаками признали право на всю пограничную зону от Днепра до Днестра, Ригельман говорит, что после этого "Казаки приложили старание привести в состояние доброты своея земли, так что в короткое время на всей оной земле построились многие и немалые города, так же сёл и деревень премножество, а старые и вновь возобновили".

Как бы в благодарность за такой щедрый подарок Запорожцы честно выполняли обязанности по охране границ, а кроме того охотно участвовали крупными соединениями в походах Литвы на ее врагов.

> Они включились в ее непрерывную войну с Московией. В июне 1563 года "приходили на цареву и великого князя Украину, на Северские места из Канева князь Михайло Вишневецкий с Черкасы Каневские и с Белгороцкими Татары изгоном войною, многие волости Черниговские и Стародубские и Почапские повоевали и до Радогощи посад пожгли"[5]).

---

[4]) Статут Великого княжества Литовского 1529 года, Минск 1960, Раздел I. 25, Разд. III. 3.

[5]) ПСРЛ т. XIII, стр. 367.

В 1565 году те же Каневские Черкасы разгромили на Овечьих Водах московское посольство в Крым[6]), а в 1568 году, после королевского приглашения всем переселиться с крымского Низа на литовские земли, Казаки снова напали на Московитов. Об этом вспоминает Ригельман: "Из числа сих людей был некто наездник и сильный воин Бируля Мадский, который первый сделал в 1568 году, генваря 18 числа с Казаками сильное нападение на войско Московское".

Заняв земли своих предков Чёрных Клобуков или Черкасов, Казаки-Черкасы попали в самый водоворот столкновения интересов Турции, Крыма, Литвы, Польши и Московии. Им пришлось выступать и против последней, но главным направлением их ударов оставался юг, где укрепились Турки, их непримиримый враг. Среди Запорожцев господствовал нерушимо христианский дух и греческий обряд. Та же вера была распространена в Литве, хотя среди аристократии уже ширился протестантизм. Постановление Городельского Сейма о преимуществах для католиков оставалось без выполнения.

Жизнь Литовских Запорожцев протекала в окрестностях укрепленных городов, построенных ими самими. Со временем среди них стало возникать своего рода сословное деление. Значительная часть оставалась воинами-профессионалами, другие становились купцами, третьи — земледельцами, четвёртые, живя в своем городе **месте** — мещанами, принимались за ремёсла. Попавшие от Татар в границы Литвы на столетие раньше, Каневцы и Черкасцы в некоторых случаях за особые заслуги уже получили шляхетские клейноды. Из Казаков создавался сложный общественный организм, вначале чисто номинальный. Фактическое образование классов произошло позднее, а пока каждый Казак, наравне со всеми другими Казаками, сознавал свою полноправность перед законом и обществом.

Литовская колонизация пограничья протекала медленно. Людских рессурсов для более широкого заселения этого края Великое княжество не имело, а недостатка в землях не чувствовало и без Украины. В замках местных старост помещались небольшие гарнизоны из литовских бояр. Они жили там рядом с Казаками очередной службы. Из коренной Литвы приходили на заработки ремесленники Белорусы. В этом и заключался весь приток из Литвы новых жителей. Основным населением пограничья оставались Казаки, а вокруг них на Поле

---

[6]) ПСРЛ т. XIII, стр. 386.

еще лежало много безлюдных или малонаселенных степей.

Мало обжитых мест сохранилось после Татар и на Левобережье в Севере-Сульском, вдоль реки Сулы, Псёла и Ворсклы. Казаки там жили от старых времен, а Литва своих людей туда не переселяла, так как этих людей у нее в запасе не было.

Казаки-Севрюки издавна посещали Запорожье в промысловых целях, в средине же XVI столетия они начали массовое переселение на Дон и за пороги. Такой исход принял тревожные размеры, он грозил создать еще большее безлюдье в лесостепной полосе литовского пограничья. Пытаясь предупредить эту возможность, король в 1568 году обратился ко всем Казакам, убеждая их оставить крымский юрт и поселиться на землях Украины, уступленных им в 1562 году. Принудить их к этому король не мог, так как его власть на Низ не распространялась, а одни убеждения не действовали.

Казаки продолжали переселяться и увеличили число жителей за порогами, особенно в следующие годы после Люблинской Унии, когда Литва окончательно соединилась с Польшей в двуединое государство **Речь Посполитую.**

Глава шестьдесят шестая

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ

Польские влиятельные круги считали Персональную Унию 1385-го года лишь вступительным актом к Унии Реальной, к полному слиянию двух государств. В Великом княжестве Литовском эта мысль сочувствия не находила, так как не сулила для Литвы никаких положительных перспектив.

Но над ее восточными границами постоянной угрозой висела растущая Московия, успевшая справиться с Казанским и Астраханским царствами. В 1562 г. литовские бояре, не надеясь на свои силы в борьбе с Иваном Грозным, послали из под Витебска делегацию к королю с проектом общего польско-литовского Сейма и с просьбой содействовать объединению польских и литвских вооруженных сил. В ответ король выслал им на помощь польские войска, после чего Русские отступили, погромив окрестности Витебска. Но в феврале следующего года Литве всё же пришлось отдать Грозному Полоцк.

Между царём и королём всё время велись переговоры о мире, а одновременно продолжались пограничные столкновения с явным перевесом на сторону Москвы. Военные неудачи сделали более податливыми и литовских противников Реальной Унии, **Панов Раду**. В первую очередь магнаты пошли на уступки своему дворянству, усталому от непрерывных воен. 8 июня 1563 г. на Виленском Сейме они отказались от своих преимуществ и тем привлекли симпатии низшего боярства. Король Сигизмунд II Август объявил привилей, по которому вся шляхта и бояре, независимо от их родовитости, были уравнены в гражданских правах. Тогда стал самый захудалый "шляхич на загроде равен воеводе". Требовалось только, чтобы он исповедовал христианскую веру. Кроме того была проведена реформа судов, а право землепользования точно регламентировано "Уставом на волоки" и распределение земель изъято из ведения местных воевод. Такие нововведения повысили доверие литовской шляхты и к самому королю и к провозглашенной им идее полного объединения В. княжества Литовского с Польшей. В 1569 году на Польско-Литовском Сейме в Люблине литовской шляхте пришлось долго

уговаривать своих магнатов, пока они наконец согласились подписать акт Унии. Во время горячих дискусий киевски воевода Константин Острожский, Рюрикович, и волынский воевода Александр Чарторыйский, Гедиминович, вместе со своей украинско-русской шляхтой и отдельно от остального боярства, выразили желание перейти в границы Польши и **в безусловное подчинение** ее королю[1]). Взамен этого Польша приняла на себя охрану южных границ. Остальные воеводства В. княжества, приняв Унию, не отказались от своих автономных прав, предусмотренных прежним законодательством. Разноплеменный характер населения нового государства заставил избрать для него нейтральное, ни для кого не обидное наименование **Речь Посполитая,** точный польский перевод латинского понятия **республика.**

Источники не говорят, запрашивалось ли по поводу Унии мнение самих Казаков. Очевидно, решение было принято без их участия и только в польской исторической литературе иногда проскальзывает мысль, что люблинским постановлением надо было создать не двуединую польско-литовскую, а триединую, польско-литовско-казачью, Речь Посполитую, что дальнейшие осложнения в польско-казачьих отношениях вызваны именно этой ошибкой.

В жизни Запорожских Казаков выступление Острожского и Чарторийского внесло коренные перемены: они перестали быть гражданами автономной Литвы и вошли интегральной частью в границы Польского королевства. В Переяславе, Каневе, Черкасах, Брацлаве появились новые хозяева — польские старосты. Обширные, немерянные пространства включены по частям в воеводства крупных польских вельмож, Конецпольского Замойского, Потоцкого, князей Острожского, Чарторыйского и Заславского. Одновременно сделана попытка возвратить на новые польские земли всех Казаков, ушедших на Низ. 23 декабря 1569 г. король подтвердил особым Универсалом все права Запорожцев, предусмотренные привилеем Сигизмунда I. Как бы возмещая мрачные перспективы будущего, он приказал сформировать при особе в. Князя литовского казачий дивизион или хорогев в 300 человек, под командой начальника, назначенного им самим[2]).

---

1) ПСРЛ т. XXXI, стр. 137: «Году от Рождества Христова 1569-го воеводство Киевское совершенно от Литовского княжества прилучено быть до коруны польския».

2) The Cambridge History of Poland, Cambridge 1950, u. 506.

В польской истории этот привилегированный дивизион принимают за первоначальную формацию, так называемого, **Реестра**, умножившегося до двух десятков территориальных полков. Но это очевидная ошибка. Время его формирования совпадает с появлением в границах Литвы новой волны Казаков, переселенцев с Кавказа из Бештау-Пятигорья. Именно тогда из этих Казаков сложились первоначальные кадры литовской гвардии Пятигорского полка.

Тогда же проживавшим в Литве Запорожцам была предоставлена особая милость: они были избавлены от подчинения местным старостам и через своих атаманов и воевод могли обращаться непосредственно к королю. Иначе говоря, вызвано к жизни забытое право, данное Казакам привилеем Сигизмунда Первого. Оно их выделяло из народных масс польского населения и в известной степени уравнивало с мелкой шляхтой. Но польские короли и особенно их администрация не обладали теми свойствами, которыми отличались прежние в. князья литовские: национальной и религиозной терпимостью. Поэтому королевские декреты себя не оправдали. Несмотря на привилеи, между Казаками и верховной властью возникла плотная и труднопроницаемая завеса польскй шляхты и магнатов, мало считавшихся с королевской волей. Основы польской государственной жизни того времени метко определил один из вельмож: "Польша сохраняется распущенностью" (Polska nierządem stoi). Действительно, в хаосе самоволи и произвола **можновладцев, собепанов** и **круликов** трудно доискаться стройности и порядка отличавших В. княжество Литовское, централизованное государство с мудрой авторитарной властью.

Безлюдных пространств в литовской Украине оставалось еще не мало. Казаки всех мест не заняли. Когда литовские пограничные рогатки были сняты, за дело колонизации **пустынь лежащих при Днепре** немедля и горячо принялись Поляки. "Шляхетская предприимчивость приобрела свободу движения на восток". В пограничных городах и замках появились новые люди. В первую очередь были организованы административные центры — староства, вскоре обросшие толпами польского служилого дворянства. Затем стали прибывать контингенты ремесленников и новых земледельцев.

Сейм уполномочил короля награждать по должности своих сановников, отдавая им в пользование свободные земли. Польская чиновная знать, воеводы, гетманы,

старосты вскоре стали тут всесильными владетелями крупных поместий, хотя и малонаселенных, но по размерам часто равных удельным княжествам. Они, в свою очередь, отдавали земли по частям, с пользой для себя, в аренду блее мелкой шляхте. Арендаторы являлись сюда со своей невольной челядью, строили дворы и фольварки и начинали пахать нетронутую целинную степь. Одновременно с этим их эмиссары появлялись на ярмарках в Польше, Галичине, Холмщине, Полесье, повсюду там, где уже начинала чувствоваться некоторая теснота или особенно притесняли местные паны. Они призывали жителей переселяться в новый край, оплывающий богатствами, с молочными реками и медовыми берегами. Обещалась помочь при переселении, безопасность, изобилие черноземных полей и освобождение от податей на срок 20-30 лет.

На тучные земли Украины начали стекаться толпы мелкой шляхты и разноплеменных крестьян, охотно уходивших с родины особенно потому, что к этому времени их из свободных пахарей при каждом удбном случае обращали в положение "невольной челяди".

Между редкими казачьими поселениями выростали десятки слобод, при казачьих городах возносились оборонные замки, причём новые хозяева совсем не считались с прежними размежеваниями. Шляхта, прибывшая сюда в разных ролях, распространялась всё шире, захватывая с разрешения своих патронов **круликов** поля и леса, давно утвержденные королевскими привилеями за Казаками. Нарушались главные пункты литовского имущественного права, по которму первоначальный привилей никогда не терял своей силы. Он должен был нерушимо соблюдаться, " а тот последний лист або привилей ни во што мает обернен"[3]).

Казаки лишались возможности пользоваться пастбищами, охотами, лесами, озерами, хмельниками, бортными деревьями, бобровыми гонами, соколиными гнёздами. Нарушались все права, полученные ими от королей по ранним **листам** и **привилеям.** Недавние хозяева края чувствовали себя обиженными и лишними, а ко всему должны были терпеть гордое отношение шляхты, полной призрения ко всем **схизматикам,** не признающим главенство римского архиепископа. Дома, в Польше, эти люди в своей значительной части ничем не отличались от крестьян, копались в земле, собственными рука-

---

[3]) Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Разд. I. 24 и VIII. 9.

ми корчевали пни под поля и луга, пахали, сеяли, косили и жали. Здесь же, получив из вторых рук кусок земли, они чувствовали себя настоящими рыцарями, презирали Казаков и жаждали скорого обогащения, хотя бы за их счет.

Скромнее вели себя польские и русинские крестьяне, поселившиеся в новых слободах. Они назывались **слободами** потому, что их жители были временно свободными от всяких повинностей своему новому пану. Когда слобода закладывалась и заселялась на ее улице у въезда ставился столб с перекладиной, куда вставлялось столько колков, сколько было условлено лет свободных от податей. Каждый год один колок выбивался и когда на перекладине оставались одни дыры, жители слободы обязывались приступить к выполнению работ для своего пана.

На казачьи земли во множестве явилась вооруженная шляхта. Она формировалась в поветовые (уездные) хоронгви под командой ротмистров. Каждый из пришельцев готов был самоотверженно охранять новые польские земли от татарских нападений, а одновременно сокращать чрезмерные, по мнению многих, права местных Казаков. Общее дело охраны пограничья требовало и казачьего участия, но Казаки должны были отказаться от всяких независимых действий и подчиниться общим порядкам, установленным местными властями. Часто от них требовали выполнения повинностей, не обязательных и для свободных крестьян. А единственная повинность, которую они давно и добровольно приняли на себя — охрана границ, перешла к вооруженным польским отрядам и к наемникам. Казаков тоже принимали в наемники, но служба не ограждала их семьи от хозяйских требований "державцев" (арендаторов). Всё это не способствовало установлению добрососедских отношений. К тому же каждый поляк и каждый Русин-Украинец помнили то время, когда Казаки, при налётах на польские окраины, вместе с Татарами громили их поселения. Обстановка переменилась, бывшие ордынцы оказались в прямой зависимости от польских старост и можно было, не считаясь с последствиями, припомнить им прежние обиды. До короля, взявшего на себя защиту казачьих интересов, было далеко. Законы и Указы Великого княжества Литовского потеряли силу. Поляки вели себя, как завоеватели, их появление легло на старожилов тяжелым гнётом. Уже века, даже в ордах, Казаки привыкли пользоваться выделенными для них юртами, их воины занимали там почётное

положение, теперь же к ним относились с пренебрежением, а между их городами и посёлками выростали, как грибы, слободы переселенцев. Проживая в "крулевщизнах", на землях оставленных в распоряжении короля такого гёта Казаки не испытывали, но и здесь постоянно чувствовали тяжелую руку чужих управителей.

Между ними и новыми поселенцами сразу же стали возникать недоразумения: по поводу владения земельными угодьями, по поводу стремления соседних управителей уравнять их по обязанностям с пришлыми крестьянами, по поводу многочисленных обид словом и делом, а больше всего на почве оскорблённой национальной гордости вольных людей. И если раньше литовская Украина привлекала к себе возможностью оторваться от Турок, то теперь родилось желание отгородиться от Поляков широкими пространствами и непреодолимыми порогами. Благо, было куда уйти. Население Низа росло не по дням, а по часам.

С Левобережья также не прекращалось движение за пороги. Там главными правителями оставались знакомые Казакам князья Корибут Вишневецкие. Их владения начинались на реке Супой у города Чигрин Дуброва, откуда тянулись широкой полосой вдоль рек Сулы, Псёла и Ворсклы к Чернигову и Конотопу. В XVI столетии большинство населения в этой области состояло из Запорожцев. Они занимали там 53 городских и сельских пункта. Однако семья Вишневецких не отставала в рвении от польских магнатов и усердно везла сюда **подданных** из своих подольских и волынских владений. Около старых казачьих городов Лубен, Ромен, Пирятина, Золотоноши, Прилук, Полтавы, Хороля, Вишневские строили замки и вблизи них размещали новых земледельцев.

Переяславская область оказалась во владении князей Заславских, а у Конецпольских в Брацлавском воеводстве началась такая переселенческая горячка, что в течение неполных ста лет там было заложено до 700 городов и сёл.

Население Литовской Украины росло за счёт переселенцев с запада, в то время как Казаки во множестве ее покидали и уходили с семьями на Днепровский Низ. Из них то в третьей четверти XVI века и сложилось самостоятельное политическое общество **Низовая Казачья республика.**

РАЗДЕЛ VIII

СТРАНИЧКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Глава шестьдесят седьмая

СЛУЖИЛЫЕ КАЗАКИ

Судя по договорам московских князей с князьями Рязанскими (смотрите главу 48), от конца XIV века с Дона в Рязанское княжество шел непрерывный поток беженцев. Этих **людей с Дона** великие князья хотели иметь на своей службе, как кадры необходимые для охраны степного пограничья.

Сами Казаки-беженцы, лишенные жилищ на Среднем Дону, тоже не могли подыскать в чужой земле ничего для себя лучшего. Служба в пограничных городовых полках создавала относительное благополучие семей, берега родной реки в ее верховьях и знакомое Старое Поле оставалось поблизости, а кроме того можно было при всяком удобном случае **шарпать** опостылевших Татар, причиняя им постоянные потери. До ордынской **замятни** Казаки-Бродники выполняли ту же службу для Золотой Орды, охраняя ее границы, а теперь, волею судьбы, они обернулись фронтом к ее бывшим владениям. В верховьях Дона оставалось еще много свободных земель. Оберегаясь от татарских набегов, можно было с малым риском вести там полукочевое хозяйство, выпасая скот и табуны лошадей.

Северо-Восточная Русь шаг за шагом продвигалась вниз по Дону. Строились города, обновлялись городища поселений, разрушенных Татарами. Для обороны пограничной линии и устройства укрепленных пунктов требовались огромные массы рабочих и военных людей. Значительный процент среди последних составили Донские Казаки Верховые. У русского историка В. О. Ключевского читаем:

> "По южным городам, смежным со степью, особенно по реке Дону, жили Казаки, которых правительство также приурочивало к ратной службе. Все эти разряды людей представляли обильный резерв боевых сил, из которых правительство по мере надобности **прибирало** ратных людей, пополняя эти-

ми людьми **по прибору** ряды постоянных служащих людей **по отечеству.** Так в 1585 году в Епифанском уезде 289 Казаков за раз были поверстаны в звание **детей боярских,** составлявших нижний чин провинциального дворянства и получили там поместные наделы".[1])

В 1446 году к служилым Донским Казакам подошло пополнение: 2000 Казаков Горских, уже организованных в отряды. Вначале они находились в рядах Татар казанского хана Магомета, призвавшего их наемниками из Земли Черкасской. Вместе с его войском они совершили поход на Московию, откуда ордынцы привели захваченного в плен великого князя Василия Васильевича. В следующем году хан за крупный выкуп отпустил своего пленника и послал с ним в Москву конвой из тех же Казаков во главе с царевичами Касимом и Ягупом. Великий князь принял их в столице с честью и за это "преднее добро и хлеб" Казаки стали его доброжелателями. От этого времени они соблюдали его интересы и оказали ему существенную помощь в борьбе с жестоким и несправедливым князем Дмитрием Шемякой, претендентом на московский **стол.** В Москве они умножили число казачьих полков, а московиты узнали от них о Пятигорских Славянах христианской веры. Местные летописи и акты начинают вспоминать Казаков всё чаще, нераз смешивая их с Татарами. Из этого следует, что среди Русских они оставались какой то посторонней племенной группой.

Не будет ошибкой считать, что значительное большинство Казаков, оказавшихся в Северо-Восточной Руси, избрало для себя военную доятельность. Для всех казачьих мужчин, способных владеть оружием, война и тут оказалась **работой по специальности.**

Тех Казаков, что имели склонность к сельскому хозяйству, размещали у западных границ государства. Мужчины, оставаясь земледельцами, в случае нужды выставляли вооруженные ополчения. Таких поселян освобождали от налогов, **обеляли,** считали **беломестными,** в отличие от русских крестьян, **чернопашенных** тягловых. Некоторые Казаки поступали в надворную стражу младших князей или больших бояр. Многие шли в монастырские служки или садились на хозяйства в принадлежащих монастырям вотчинах. Но и здесь, отражая нападения туземцев, они несли **службу ратчину,** за что получали освобождение от некоторых налогов.

---

[1]) В. О. Ключевский, Сочинения т. II, М. 1957 стр. 203 204.

Еще иные, проникнув на север в богатые зверем леса, избирали постоянным занятием пушной промысел, добывали и продавали дорогие шкурки.

Среди Казаков, поселившихся на севере, особое место занимали мореходы, как видно, выходцы с берегов южных морей, не убоявшихся и просторов моря **Студенного**. О них упоминает **Платежница** из Пустоозерских дозорных книг 1574 года:

> "А которые люди прихожие Казаки, а ходят на морской промысел и в Югру с гостьми, и пустозерский даньщик емлет с них на государя явки по две денги с человека".[2]) Они "являлись наймитами, несущими, вероятно, обязанности лоцманов, проводников и охранителей торговых людей, отправляющихся с товарами "за Камень", т. е. за Уральский хребет, для торга в "Югре" (бассейне реки Оби) с жившими там племенами".[3])

В суровом климате далёкого Севера росли и закалялись будущие открыватели новых северных земель. Через сто лет Казаки Дежнев и его сподвижники Попов, Анкудинов, Булдаков, Горелов и другие увековечели свои имена плаванием мимо **необходного носа,** получившего название **мыса Дежнева.** Обойдя его между полярными льдами, они открыли для науки и мореплавателей Берингов пролив. Пока же их деды и отцы, достойные всякого доверия, водили по северным морям и лесам "за Камень" купцов и промышленников.

Встречались и такие Казаки-одиночки, которых не привлекало ни одно из перечисленных занятий. Этот сорт, независимых по духу людей, перебивался случайными заработками при лесных разработках и сплавах, при постройке городов, работниками у богатых крестьян и т. п. Таких Казаков считали **гулящими людьми,** а так как в обширном хозяйстве великого князя каждый житель был привязан к месту и к обязанностям, поведение **гулящих** считалось чем то необычайным и почти преступным. Для их **прибора** на государеву службу, власти иногда применяли насилие.

Само собой разумеется, что вдали от Старого Поля все эти люди должны были найти свое место в социальном строе Московии, даже не выходя из казачьих общин и продолжая называться Казаками. Они включались в жизнь Северо-Восточной Руси, в бег ее истории.

---

[2]) П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины. М. — Л. 1950, стр. 468.

[3]) Там же, стр. 211.

Кому это не удавалось или в ком не угасала тяга к Родному Краю, те преодолевали все препятствия и возвращались на Дон к своему племенному ядру, к казачьей истории.

В полках служилые Казаки размещались родовыми общинами к которым пристраивались, лишенные родственников, одиночки. Нерушимо сохранялся старый обычай избирать командиров по своей воле, а не по назначению свыше. Такими были полковые головы, сотники, десятники и атаманы для связи с гражданскими властями. В крупных войсковых соединениях их полки подчинялись русским воеводам. Первым из них летопись называет Ивана Дмитриевича Руно.

Руно принадлежал к слою служилого дворянства со званием **сына боярского.** В 1468 году при походе на Казань великий князь поставил его командиром большого казачьего войска.[4])

В московской служебной иерархии тогда еще был принят обычай **местничества.** Он заключался в том, что родовитый боярин не мог подчиняться менее родовитому по предкам (по отчеству). Поэтому во главе войск ставился не наиболее опытный и заслуженный начальник, князь или боярин, а наиболее родовитый. Но в 1469, во время нового похода на Казань, войска нарушили местничество по собственному почину. Совершилась вещь почти невероятная: на собрании начальников "совокупишася вси за одно" и главным воеводой "избраша себе по своей воле Ивана Руна".[5]) Князья и бояре сказавшиеся в войске должны были подчиниться низшему **по отечеству** сыну боярскому, хотя в иных условиях подобное положение было бы сочтено за безчестие.

Руно был казачьим начальником. Трудно допустить, чтобы нарушение многовековой традиции обошлось без принуждения или хотя бы твердо выраженного пожелания его многочисленных Казаков, привыкших к выбору командиров.

Таким образом, кроме охраны границ, Казаки уже тогда участвовали в далеких походах на врагов Москвы. Когда же были уставлены дипломатические связи с турецким султаном, им пришлось выполнять новый род службы: они постоянно назначались в вооруженную охрану посольских караванов, а временами выполняли и обязанности дипломатических курьеров. В 1517 году,

---

4) ПСРЛ т. XII, стр. 119; т. XXV, стр. 280.

5) ПСРЛ т. XII, стр. 121; т. XXV, стр. 282.

после нападения Крымских Татар на Тулу и Путивль, великий князь созвал Думу, братьев и бояр и спросил их, нужно ли после этого продолжать сношения с Крымом, "посылать Казаков к ханам с грамотами". Казаки часто служили проводниками по степным дорогам и нераз осведомляли московское правительство об ордынских внутренних делах.

Казачьи курьеры пробегали через Поле и до появления на Дону Сары-Азманов. Приходится удивляться, как несколько человек умудрялись пройти сотни километров, не став жертвой татарских добытчиков и не попав на рынок невольников.

Вот, намример, состав партии с тайным поручением: "Послали есьмя в Азов своих Казаков Ивашку Лазарева, да Мишу Иванова сына Шибанова, да Матвейку да Сеньку Куровых, да Куземку Налетова, да Федьку Косматого, да Васюка Кочетова, да Гридьку Харламова, да Татарина своего Четея". Всего девять человек! Здесь, как и во многих других случаях, Татарин выделен из казачьей группы, но нёс службу вместе с Казаками.

Царская служба более или менее обеспечивала казачью семью средствами необходимыми для жизни, но главу семьи ставила в зависимое положение и требовала, чтобы он посвящал государю не только свое время и труд, но в случае нужды и жизнь. В XVI веке такой род отношения считался **холопством** особого рода. По понятиям того времени **холопы** — не рабы и не крепостные крестьяне. Большинство исследователей древнерусского права приходят к выводу, что и в Древней Руси холопы не равнялись с бесправными рабами, считались гражданами с ограниченными несколько правами, а не вещью предоставленной в распоряжение юридического лица. По точному определению Н. И. Костомарова, "холопами в обширном смысле назывались все те, которые были обязаны какой нибудь службой другому лицу. В этом отношении и бояре и князья писались царскими холопами".[6])

Таким образом, понятие **холоп** на протяжении Средних веков определяло и в Киеве и в Москве служебные отношения между двумя лицами, а не принадлежность одного из них к бесправному общественному классу. Обидного, уничижительного значения этот термин в XVI столетии не имел и в таком смысле не употреблялся. Если одному из социальных терминов в гневе придавали бранное значение, как в наше время слову **мужик,**

---

[6]) Н. И. Костомаров, Бунт Стеньки Разина.

то это было слово **смерд,** означавшее тогда то же самое, что и **мужик.** Иван Третий, рассердившись на боярина Берсень Беклемишева крикнул: "Пойди прочь, смерд, не надобен мне еси!"

Если бы слово **холоп** имело обидный смысл, то владельцы независимых княжеств не позволяли бы писать себя в грамотах холопами, видели бы в этом ущерб своей чести. Но кабардинские князья в обращениях к московскому царю себя так называли постоянно, а грузинский царь Александр, посылая в 1492 году грамоту великому князю Ивану III-му, именовал себя в ней **младшим холопом.**

Встречая в источниках термин **холоп, беглый холоп,** употребленный по отношению к нашим предкам, следует его трактовать в его действительном значении, как точное определение отношений между московским государем и его служилыми Казаками. Они в действительности были его слугами, царскими холопами.

Глава шестьдесят восьмая

СЛУЖКИ МОНАСТЫРСКИЕ

Монастырские земли составляли в государстве привилегированную собственность. Овеянные мистическим духом, монастыри находились под специальным покровительством царей и местных князей. Гражданские власти в их управление не вмешивались и даже монастырский суд обладал известной автономностью: от имени игумена его правили **приказчики — тиуны,** за точным исполнением уставов следили **доводчики,** а приговоры судов приводили в исполнение **праветчики.**

Положение монастырского слуги или служки приобреталось вкладом в казну монастыря, каким либо пожертвованием.[1]) Принятые в штат служки, выполняли только монастырские повинности, общего **тягла не тянули,** а государственные налоги платили лишь в особых случаях по царским грамотам.

По словам Б. Д. Грекова:

> "Монастырские слуги выполняли самые разнообразные обязанности: тут были слуги конные и пешие, стрельцы, пушкари, бронники, седельники, подьячие, иконники, книгописцы, серебренники, кузнецы, детеныши и пр. и пр". "Военные слуги в мирное время назначались на разные административные посты по монастырским вотчинам, в военное время "садились на конь" и выходили в поход. По грамоте великого князя Василия Дмитриевича 1389-1404 годы слуги митрополита должны были итти в поход под знаменами великого князя, но под непосредственным начальством митрополичьего воеводы".[2])

К военным обязанностям относились также служба охраны и конвои.

Рабочий люд из числа казачьих беженцев стремился обосноваться именно при монастырях. Уйдя подальше от Татар, многие Казаки находили более удобным для себя и менее обидным подчиняться духовным отцам, избегая подчинения боярам и мелким приказным сошкам.

---

[1]) Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси т. I, стр. 477.

[2]) Там же.

В монастырские акты первым попал "слуг монастырский Казак" из грамоты 1395 года по делу о границах Кирилловского монастыря.[3]) К XVI веку на землях некоторых монастырей собралось много казачьих семейств. Они обзавелись там дворами, в некоторых случаях взялись за обработку земли, иногда промышляли в лесах или получали какую нибудь работу в монастырских вотчинах. Там таких работ было много: на мельницах и речных перевозах, в солеварнях, рыболовстве, звероловстве, при лесных разработках, постройках и т. п. В уставных грамотах Соловецкого монастыря Казаки упоминаются неоднократно. Например в 1548 году игумен Филипп Колычев распорядился:

> "А келарю имати по полудензе с Виремских Казаков со всех, то ему на год поминка и с Великим днем. Також благословил и пожаловали есьмя приказщика и доводчика: имати им с Казаков с Сумских, и с Виремских, и с Шиженских, и с Сухановолочен, и в Слободке, приказчику по две денги по московскую, а доводчику по дензе по московской, то им поминка на год и с Великим днем".[4]) И приидет каков Казак незнаемой, или и преж сего живал, а похочет в Вирме и в иных наших волостях и в Слободке жити и промышляти: и у коего человека станет жити и тому человеку с ним идти к приказщику и к доводчику да его явити, а явки приказщику дати две московки, а доводчику ковка".[5]) "А каков человек в кою нашу волостку или в слободку придет в гости, или Казак починути неделю или боле, да пойдет прочь, а тут жити и промышляти не станет: а приказщику и доводчику на том явки не взяти ничего".[6])

Казаки предусматривались, как жители всех волостей и как случайные посетители. Их там было повсюду не мало. Все они должны были подчиниться уставным порядкам, общим для жителей монастырских владений. Азартные игры, продажа и покупка вина запрещались. Казаки вздумавшие "играть зернью" изгонялись вон, а купившие вино должны были платить больше пени:

---

[3]) Измаил Иванович Срезневский, Материалы для словаря древне-русского языка т. I, С.-Пб. 1893, столб. 1173-1174.

[4]) Материалы по истории крестьян в России XI - XVII в.в., стр. 59; Акты Исторические изданные Археографической Комиссией т. I, 8221.

[5]) Там же, стр. 60.

[6]) Там же.

"Которой крестьянин или Казак купит вина, и приказчику его в том доведши да на нем велети доправити рубль на монастырь, а на себя двадцать алтын, а доводчику четыре гривны московская".[7]) "А учнет каков Казак играти зернью, и приказщику того обыскав да того Казака из волости выбити вон".[8])

Если же приказчик или доводчик обидят "христьянина или Казака, взяв что либо лишнее, игумен указывает вознаградить обиженного вдвойне, "доправити вдвое".

В 1564 году тот же игумен Филипп приказал в Сумскую волость:

"И вы б выбрали в Суме из больших из лутших людей два человека, а из средних людей два человека, а из менших людей два человека, а из Казаков два человека, да те б восьм человек сидели у вас в окладе и окладывали земских людей и Казаков в Божью правду, кого чем пригоже, кто чего достоин".[9])

Когда же по царским грамотам взимались обежные деньги, с Казаков их взимать не приказывалось: "Казаки бы того не платили".[10])

"А которого году лучится служба ратчина, и те б все розные денги платили земские люди по обжам и по животом и промыслом и по головам, а Казаки б того году всех тех розных денег не платили". "А у которых Казаков дворы свои, и лошади и коровы держат, и на тех бы есте клали выть не целую, по разсуждению, которой чего достоин". "А у которых земских людей дети или племянники, а будут поспели промышляти зверь, и птицу и рыбу ловити, и ягоды и губы брати, и вы бы на тех клали против Казаков, по разсуждению, кто чего достоин".[11])

Из этих Уставных грамот следует, что Казаки, жившие оседло во владениях Соловецкого монастыря, были выделены в особую категорию, что на них была возложена **служба ратчина,** оборона от нападений со стороны туземных племен и что их мирным занятием со-

---

[7]) Материалы по истории крестьян в России XI - XVII в. в., стр. 60.

[8]) Там же, стр. 61.

[9]) Там же стр. 73.

[10]) Там же. Обжа — единица податного обложения.

[11] Там же, стр. 74.

стоял пушной промысел. Поэтому русская молодёж, выходившая на ловы в леса, облагалась такой же податью, как и Казаки. В некоторых случаях монастырских Казаков освобождали от налогов, обязательных для всего населения Соловецких волостей.

Много Казаков, очевидно, проживало и в других монастырских вотчинах. В марте 1575 года возникла переписка между Опричной и Земской Избами по поводу казачьих дворов в деревне Холуй, принадлежавшей Троицко-Сергиевской лавре. Монастырь жаловался царю, что бояре и дьяки "козачьи дворы отъимают норовя царевичу Михаилу Канболовичу". Жалоба возымела действие и казачьи дворы остались при монастыре.[12]) Казаки-детеныши, малолетние рабочие, встречаются в документах Волоколамского монастыря,[13]) а где были детеныши, там следует предполагать и их родителей. В первой половине XVI века при дворе новгородского митрополита тоже находились Казаки.[14]) В актах иногда говорится о "наемных Казаках",[15] а наряду с этим в кабальных книгах упоминаются русские люди, которые "ходили по наймам в Козаках".[16]) Об одном из них сказано, что до поступления в кабальную зависимость он "ходил по Козаком, коровы пас".[17])

Подобные замечания иногда служат поводом для утверждения, что любой парень, попав к Казакам, сам делался Казаком. Вот случай, когда русский автор считает возможным перерождение своих молодых единоплеменников в Донских Казаков. Подтверждение этому он хочет видеть в некоторых записях новгородских кабальных книг:

> 1) О Кирилле Назарьине: "Наперед сего не служивал ни у кого, а родом лучанин, был в полону в Литве, и с полону вышотчи, был на Дону". Вернувшись в Лугу дал на себя кабальную запись.
>
> 2) О Сергее Дмитриеве: "Родом деи крестьянский сын, а отца и матери не помнит, остался мал. Наперед сего не служивал ни у кого, а побыл на Поле в Казаках у отомана у Ворона у Носа лет с восьм, а с Поля пришел в Новгород проведыват родимцев и родимцев никого не сыскал". Теперь принял на себя служилую кабалу.

---

12) П. А. Садиков, Очерки по истории опричины, стр. 80-81

13) Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси т. II, стр. 150.

14) Там же, стр. 37.

15) Там же, стр. 156.

16) Там же, стр. 124.

17) Там же, стр. 174.

3) Об Андрее Васильеве: "Отец его жил на пашне в крестьянех за Тихвинским монастырем и отца и матери в животе не стало, а он после отцовы смерти сшол тому девятый год и погулял на Волге в Козаках, а с Волги пришед пожил на Ивангородской дороге в Спаском монастыре на Чаще". Теперь принял на себя служилую кабалу.

По мнению советского историка эти записи указывают пути, "приводившие русских людей в Поле, на Дон и Волгу и превращавшие их из лучан и новгородцев, посадских людей и монастырских крестьян, в Казаков[18])

Однако, совершенно ясно, что ни один из указанных русских людей Казаком не стал и даже не пропитался вольным казачьим духом, а придя домой пошел в кабалу.

В Судебнике Федора Ивановича, сына Грозного, говорится: "А кто Казаку даст деньги взаймы в рост да того человека станет держать у себя сильно, а будет до него недобр и Казак тот, не мога перенести, от него покрадчи збежит — и что у него снесёт, то пропало, а по кабале денег лишен".[19]) Кто бы после этого захотел принимать Казака в кабалу?

Советский автор хочет придать понятию "был в Казаках" значение "стал Казаком", а не то, каким оно было в действительности: "был на Поле у Казаков", "побывал на Поле среди Казаков", "погулял на Волге с Казаками". Людей пришедших к ним Казаки не изгоняли, а брали на работу или принимали гребцами на боевые суда. Насильно у себя никого не удерживали, а в свою тесную общину зачисляли только тех пришельцев неказачьего рода, которые сумели заслужить полное доверие.

И. И. Смирнов не отыскал более убедительных доказательств своей мысли, а приведенным выше актам придал ложное толкование. На Дону и у Линейцев и теперь говорят: "Вот как в нас, в Казаках!". По древне-русски "быть в Болгарех" или "быть в Черкесах" не означало "стать Болгарином" или "стать Черкесом".

---

[18]) И. И. Смирнов, Восстание Болотникова, Л. 1951, стр. 125

[19]) Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси т. II, стр. 121.

Глава шестьдесят девятая

ВЗЯТИЕ КАЗАНИ И ПЛЕН АСТРАХАНИ

Несмотря на большие потери от ноен и ордынских насилий, Казаки во второй половине XVI века всё еще были довольно многочисленным народом. Они только разбрелись по огромным пространствам от Белого моря до Кавказских гор и от Урала до Днепра и Ю. Буга. Сколько их было в общем счёте неизвестно. Даже при самом осторожном использовании указаний, сохранившихся в источниках, возможны крупные ошибки. Ясно только, что к этому времени в ордах их уже оставалось немного, главным образом те из них, которые, приняв магометанство, совершенно сроднились с Татарами. Во всяком случае, в границах Московии собралось много и таких Ордынских Казаков. Среди них Азовских, Перекопских и Белгородских не было.

Точное количество московских служилых Казаков определить тоже не удастся тем более, что неизвестен и сам численный состав войска московского в XVI веке. Указанные русскими исследователями цифр много расходятся с цифрами иностранцев и очевидно сильно приуменьшены. Иностранцы насчитывают около 350 тысяч, в то время как А. В. Чернов по русским данным выводит лишь 200 тысяч.[1]) Конечно, постоянного кадрового войсак из детей боярских, стрельцев, "немцев", Казаков и Татар, московский царь имел не больше этого. Но если к ним добавить **служилых по отечеству,** дворян, городовых детей боярских, однодворцев, беломестных, монастырских и боярских ратных слуг, то сумма готовых к действию вооруженных сил на много перерастёт количество указанное Черновым. Когда же в ряды призывалось и пополнение из **посошных** крестьян, армия московского царя увеличивалась до цифры указанной иностранцами.

Это и не удивительно. Дмитрий Донской имел на Куликовом Поле против Мамая свыше 200 тыс.[2]) Когда же Ольгердовичи привели полочан, псковичей и брянских, их оказалось еще больше, может быть и все 250 тысяч. При этом среди них не было ни новгородцев, ни рязанцев. Кроме того следует принять в расчёт, что Ку-

---

[1]) А. В. Чернов, Вооруженные силы Русского государства в XV - XVII веках, стр. 33

[2]) ПСРЛ т. XI, стр. 54-55: «И повеле счести силу свою, коликo их есть, и беша их вящше в двоюсет тысящь».

ликовская битва произошла за 150 лет до царствования Ивана IV. От того времени увеличилось народонаселение страны, увеличилось и войско.

В вооруженных силах этого царя Казаки могли составлять 10-12 процентов, т. е. 20-25 тысяч пластунов и всадников, включая в это число городовые полки со станичной службой и полки размещенные в центральных областях Руси. По мобилизации они пополнялись Казаками беломестными, служилыми боярскими и служилыми монастырскими. "В 1590 году с деревень одного (Спасо-Прилуцкого монастыря было взято в "ратные" Казаки 400 человек"[3].)

По количеству служилых можно приблизительно вычислить и общее число Казаков, попавших в состав населения Северо-Восточной Руси. Конечно, полученная цифра не может претендовать на полную точность. Приняв предположительно число служилых во время полного мобилизационного напряжения в 25-30 тысяч и считая, что это 10% от казачьего населения Московии, получим 250 или 300 тысяч мужчин, женщин и детей казачьего рода, проживавших тогда в границах Московии. По тому же расчёту всё ее население во второй половине XVI столетия не превышало 3 миллионов душ обоего пола.

В Русской армии Казаки сами по себе количественно не представляли внушительных сил. Среди ее полков тоже встречались русские устойчивые и боевые войсковые соединения со смелыми и толковыми начальниками. Но Казаки между ними были прирожденными воинами, никогда не расставававшимися со своей профессией. Их небольшое количество окупалось особыми качествами: личной храбростью каждого Казака, родственными отношениями полковых служивых, многовековыми боевыми традициями и опытом, основательным знакомством со степями Поля и с берегами Дона. Всё это было ценно для русских князей, хотя по летописям не видно, чтобы они проявляли к ним особые симпатии. Не особенно баловал их и Грозный. От служилых он требовал беспрекословного повиновения, тяжелой и опасной станичной службы, провинившихся драл немилосердно, не жалея вешал, а во время войны посылал Казаков в передовые линии и в самые ответственные места. Казаки хорошо ему послужили и под Казанью.

**
*

---

[3]) А. В. Чернов, Вооруженные силы Русского государства в XV - XVII в.в., стр. 89

В 1552 году после длительного похода, когда Казаки неизменно посылались в авангардные части (ертаул), полки подошли к Казани. Тут Казаков выслали под самые городские стены: "И баня каменная, Даинова зовома, под городскою стеною, и в бане стали Казаки воеводцкою посылкою"[4]).

Затем Казаков со стрельцами послали вперед. Они "закопались во рвы" на полёт стрелы от города. "Из города же стреляюще из пушек, и из пищалей, и из луков, а стрельцы на них стреляше из пищалей, и Казаки из луков".[5])

30 сентября Казаки ворвались в город, "войско же по иным полкам не уготовано к тому дни, и повеле государь воеводам, также ясоулов посылает многих, а велит из города и из стен людей высылати"[6]),

Приказ начать приступ царь отдал в день Покрова (1-го октября). "И наперед велел приступати со всех сторон и атаманом с Козаки и головам з боярскими людьми, да головам стрелецким. Как, даст Бог, люди у города будут и на стенах, и государь велел помогати другим воеводам изо всех полков с детьми боярскими"[7]).

Когда же Казаки и боярские люди, среди которых тоже было много Казаков, подошли к городу вместе со стрельцами и, преодолевая сопротивление его защитников, взошли на стены, тогда и все остальные русские полки двинулись за ними занимать Казань и брать пленников. По приказанию царя, все казанские воины были вырезаны, хотя среди них, по словам Курбского, уже ни один не мог из за ран продолжать сопротивление. Женшин и детей забрали в неволю и царь раздал их в награду наиболее отличившимся бойцам. Получили такую награду и Вольные Казаки, помогавшие овладеть Казанью. Они указаны в Отписке Донских Казаков, высланной в Москву 26. 5. 1632 г.: "В которое время царь Иван стоял под Казанью и по его государеву указу атаманы и Казаки выходили с Дону, и с Яика, и с Терека"[8]).

По преданиям записанным Ригельманом, Грозный и их наделил частью добычи. Гребенцы оставили своих пленников жить в станицах и предоставили им свободу,

---

4) ПСРЛ т. XXIX, стр. 97

5) ПСРЛ т. XIII, стр. 208; т. XXIX, стр.99

6) ПСРЛ т. XXIX, стр. 104

7) Там же

8) И. П. Буданов, Дон и Москва кн. I, стр. 24

Донские же Казаки подарков не приняли, а только просили, чтобы царь признал их право на реку Дон "до тех мест, как им надобно". В грамоте, которая последовала в ответ на их просьбу, будто бы было сказано: "Кто буде дерзнет сих Донских Казаков с мест их сбивать, тот да будет проклят на веки веков".

В. Д. Сухоруков тоже слышал об этой грамоте. В 1695 году Казаки в Черкаске показывали ее Петру I-му и с того времени она "где то позатерялась"[9]).

Дарственной записью такую грамоту считать не приходится. Царь не мог дарить того, что ему не принадлежало. Это был акт признания молодой Казачьей республики, давшей в результате многолетнюю дружбу Донцов с московскими государями. Иван IV считался с фактическим положением вещей и тем приобрёл друзей именно там, где больше всего в них нуждался. У Казаков же имелись весьма важные причины, принуждавшие их искать дружбы с царём: враждебное окружение Дона ордынцами-магометанами и ненавистными Туркáми, необходимость опереться тылами на надёжного союзника, Москву, и получить право пользоваться ее рынками, наконец перспективы обещанного жалования, которое выглядело совсем так, как **поминки**, периодические подарки крымскому хану. Донские Казаки давали надёжное прикрытие московским владениям с юга и за это царь **жаловал** Казаков, обещал присылать ежегодные транспорты пороха, свинца, хлеба, сукон, вина и известной суммы деньгами. Молодое хозяйство требовало постоянного притока предметов первой необходимости, от боевого снаряжения до ложки, ножа и иглы. В полукочевом состоянии сразу наладить собственное ремесленное производство и полевое хозяйство не представлялось возможным.

С другой стороны такая грамота ни в чём не ограничивала прав свободного народа. В XVI веке не появлялось и следа принудительной зависимости, определяющих положение подданных. Соблюдая свои интересы, а одновременно "промышляя государевым делом", Донские Казаки оставались независимым народом, а отношения их с Москвей строились по образцу классических **федератов**.

Так Казаки понимали свое отношение к Руси и много позднее. Уже находясь под властью русского императора, они заявляли генералу Ригельману, что они никогда "не принадлежали ни к какому владению, а пото-

---

[9]) Историческое описание Земли Войска Донского, стр. 148

му мнят о себе все, будто б они навсегда право имеют к вольности и ни под чьим точным владением, как только под защитою тех областей, к которым прикосновенны состоят. И для того не почитают себя, чтоб они подлинно были из Русских людей или чьи бывшие подданные". [10])

Совсем малых усилий стоило Москве присоединение царства Астраханского. Пользуясь постоянными распрями между астраханским и нагайским ханами, Иван Грозный овладел всем водным путём по реке Волге. Раньше этому препятствовало Казанское царство. Взятием Казани это препятствие было устранено. В 1554 году Нагайцы стали просить московского царя, чтобы он помог им избавиться от насилий астраханского хана Ямгурчея с тем, чтобы на его место мог водвориться, живший с ними в мире хан Дербыш. В ответ на это 29 июня на Переволоке между Волгой и Доном появилось русское войско. Высланные в разведку служилые Казаки и дети боярские донесли, что Ямгурчей уже оставил Астрахань, "они пришли в город, а город пуст". За эти дни воеводы с отрядами спустились по Волге, 2-го июля заняли Астрахань и сразу "царя Дербыш-Алея на Азторохани посадили". 29 июля воеводы повели войско назад, оставив для охраны нового хана "Петра Тургенева, а с ним Казаков со атаманы". [11])

Через два года в Москву пришла весть, что Дербыш Москве изменил, иначе говоря, поддался уговорам присланного из Крыма атамана Дувана [12]) и перестал слушаться царских воевод.

Московские войска снова двинулись к Астрахани. В сентябре 1557 года воеводы донесли, что заняли город без боя. "А преже их приходил на царя Ляпун отоман с товарищи и поимали многие улусы, княгини и девки, жонки и робята, а людей побили многих: потому Астороханцы выбежали из города". [13])

От этого времени Астрахань осталась во владении Москвы, а по всей Волге установлены казачьи и стрелецкие заставы.

---

10) А. И. Ригельман, Летописное повествование о Малой России, стр. 3. Автор написал: «под защитою тех областей», когда речь должна идти о государствах.

11) ПСРЛ т. XIII, стр. 241-244

12) В Делах Нагайских: «А отводит его от государя атаман Дуван, крымский воевода, который к нему с весны приехал и с пушками». В ПСРЛ т. XIII, стр. 273 он же назван — Атман-Думан.

13) ПСРЛ т. XIII, стр. 274

Карамзин считает этого Ляпуна донским атаманом. Следовательно, он не состоял в служилых Казаках, но своим налётом на Астрахань Вольные Казаки и тут помогли царским войскам занять этот крупный центр, не пролив ни капли крови.

Благосклонного отношения московского царя искали не одни Донские Казаки. После того, как в Астрахани появились русские воеводы, слава о нём пошла и по Кавказу. Местные христиане хотели видеть в нём сильного единоверного государя, своего покровителя, а малые горские народы, не желавшие подчиняться султану и крымским ханам, искали его поддержки и защиты. Взамен за это те и другие предлагали службу русским интересам. Итак, от ноября 1553 года в Москву стали прибывать посланники кавказских князей:

"Приехали к государю Черкасские государи князи Маашук-князь да князь Иван Езболзуков да Татарук-князь бити челом, чтоб их государь пожаловал, вступился в них, а их с землями взял к себе в холопы, а от крымского царя оборонил".[14])

Тоже и в августе 1555 года:

"Били челом князи Черказские, чтобы государь пожаловал, дал им помочь на Турьского городы и на Азов и на иные городы и на Крымского царя, а они холопи царя и великого князя".[15])

В июле месяце 1557 года прибыл в Москву кабардинский мурза Ковъклыч Кануков, "а пришел от братии от Кабарътынских князей Черкаскых от Темърюка да от Тазрюта-князя бити челом, чтоб их государь пожаловал, велел им собе служити и в хлопстве их учинил, а на Шевкал бы им государь пожаловал, Астороханьским воеводам велел помощь учинити".[16])

С такою же просьбой мурза Кануков обращался и от всей земли Иверской, а князья Жаженские (чеченские?) приходили с тем же в Москву раньше.

Приведенные выше выдержки из летописи указывают один из многих случаев применения и к Кабардинцам наименования **Черкасы.** Для них оно было новым. Их так стали называть только после того, как они покину-

---

14) ПСРЛ т. XIII, стр. 228

15) Там же, стр. 259

16) Там же, стр. 284. В наше время потомок Кавклыча Канукова, полковник Георгий Александрович Кануков служил в Донской армии.

ли Нижний Дон и переселились в горы Черкасии. Христианство они исповедовали от древности. Теперь оно пришло в упадок и князья выражали желание возродить в памяти своего народа полузабытое Учение и обряды при помощи русского духовенства.

По ходу дальнейших отношений Москвы с Кавказом видно, что русский летописец определяет смысл обращений кавказских князей далеко не точно. Вопрос шел не о холопстве и не о покорном пдданстве Москве, а о союзе слабого с сильным и о покровительстве сильного над слабым. Князья не собирались отдавать свои земли во владение Руси, а только предлагали свои военные услуги, за которые хотели получить помощь против общего врага.

Глава семидесятая

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Династия Рюриковичей, к которой принадлежал царь и великий князь Иван Васильевич, прозванный Грозным, при нем подходила к концу седьмого века власти над Восточными Славянами. Освободившись от татарского ига и построив управление государством на началах единодержавия, ее представители ревниво оберегали права державных хозяев обширной вотчины. Великие князья искренне считали себя помазанниками Божьими, то есть властью поставленной над Славянами самим Богом. Перед ее величием должны были склонять головы и подданные и "все языцы", попавшие в орбиту влияний Московии. Жизнь же самого населения Московского царства вливалась в русло принудительной зависимости, которая и понималась, как подданство. Каждый подданный, начиная от младших князей-родственников и кончая последним смердом — крестьянином, должен был служить интересам великого государя и его обширного хозяйства, "не покладая рук и не щадя живота своего", ожидая за это только одной помощи: руководства обороной от нашествия иноплеменников, угрожавших со всех сторон.

Такое положение вещей делало власть великого князя в границах его государства непререкаемой и всемогущей. Он один распоряжался неисчерпаемыми запасами живой силы и материальных богатств страны, при помощи довольно хорошо организованного аппарата управления, надзора и принуждения. Подданные работали, терпели невзгоды и выполняли приказы; владения великих князей московских безмерно ширилось, а с этим по всему свету рос их автритет. На каких насилиях, лихоимстве, несправедливостях и беспросветной нужде, основывалось их могущество, знали только те, кто это могущество создавал своей безответной покорностью. Хорошо об этом знали и жившие в Московии Казаки, старавшиеся всеми мерами избежать судеб остального населения Северо-Восточной Руси.

Великий князь Иван Васильевич понимал свое положение державного хозяина и помазанника Божия так же, как его предшественники, а будучи деспотом по натуре, не мог перенести традиционного вмешательства в дела правления младших князей и бояр. В них он всегда видел возможных заговорщиков. В юности верил только Избранной Раде, которую сам создал, поручив ей дела управления.

Недоверие ко всем возросло еще больше, когда во время его болезни и предполагаемой кончины даже Избранная Рада открыто выражала пожелание передать власть побочной Старицкой линии Рюриковичей, минуя его детей, прямых наследников. Выздоровев он этого простить не мог и непрерывно был уверен в боярских кознях.

В 1560 году умерла его любимая жена и царь подозревал, что она стала жертвой отравителя. Он еще больше возненавидел дворцовое окружение и всё боярство. Попытки бояр вмешаться в государственные дела приводили его в ярость. Он почувствовал себя иностранцем, Божественною волею поставленным управлять крупным чужим народом, без необходимых для того надёжных кадров. Славяно-Русом по крови он себя не считал и подданные для него оставались чем то вроде низшей расы.

> "Иоанн утверждал, что род его происходит от Баварских владетелей, — пишет Карамзин, — и что имя наших бояр означает Баварцев". Об этом будто бы свидетельствовал и разговор Грозного с ювелиром, записанный Джильсом Флечером. Одному английскому мастеру царь заказал золотое блюдо, а полученный для работы слиток дорогого металла посоветовал хорошо взвесить. При этом он сказал: "Не верь моим Русским, они все воры". Услышав это Англичанин улыбнулся и на вопрос о причине улыбки ответил: "Если так угодно Вашему Величеству, то не скрою от вас своего удивления: называя всех Русских ворами, забываете, что и сами принадлежите к их числу". "Нет, — возразил Грозный, — я не Русский, мои предки были Немцами".

При таких убеждениях Иван IV постановил провести коренные перемены в управлении государством и в корне истребить "боярскую крамолу".

Для начала он приказал выделить в распоряжение русской знати особые области, где бояре могли хозяйничать и сохранять патриархальное устройство с Боярской Думой, под верховной властью назначенного им татарского князя Симеона Бекбулатовича, фиктивного "великого князя всея Руси Симеона". Выделенные области получили название **Земщины.** Себе же в **Опришнину** царь оставил бо́льшую и самую богатую часть московских владений, где организовал особое управление и царил там безраздельно, окружив себя людьми специального подбора, преданными **опричниками.**

На этом его радикальные реформы не закончились.

Он стал переселять всех опальных бояр в Земщину на новые вотчины победнее, поощрял своих людей в насилиях и убийствах. В результате кровавого разгула прекратили существование многие княжеские и боярские роды. Чёрный люд в счёт не идёт. Опричники выискивали изменников, в число которых попасть было нетрудно. Никто в стране не мог чувствовать себя в безопасности, никто не был гарантирован от судьбы опальных бояр. Головы рубили сотнями, убивали и открыто и в тюремных застенках. Уничтожая ненавистных ему бояр, Грозный афишировал зверства и сам доходил до неистовства: "Кровавые казни сменялись у него пирами, на которых также лилась кровь; пиры сменялись богомольем, в котором бывали и кощунства" (Платонов).

Такое положение продолжалось семь лет, от 1565 по 1572 гг., после чего опричнина была отменена и самое ее названаие запрещено. Кто вспоминал его в разговоре, тот рисковал быть наказанным поркой.

Суровыми мерами царь уничтожал даже память о прежнем строе, об участии князей и бояр в управлении государством. Он стал полным самодержавцем, фактически правил всем государством и распоряжался всеми войсками, хотя приказал сформировать особые опричные полки.

Еще в 1550 г. Иван IV отобрал для собственной охраны тысячу **лучших слуг,** а после введения опричнины снова их перебрал и пополнил мелкпоместными служилыми людьми. Эта **Избранная или Дворцовая тысяча,** первое опричное войско и личная гвардия царя, подобно ордынскому **Кешеку,** выделяла из своих рядов проверенных начальников в полевые войска. Вообще же, состав опричных полков пополнялся по особому отбору из мелкопоместных служилых людей. "Перед записью в опричнину, особая комиссия выясняла родственные связи кандидатов. С лиц, внесенных в опричный список, бралась клятва не иметь никаких сношений ни с кем из земских, даже со своими родственниками"[1]).

Служилые Казаки попали и в Опришнину и в Земщину, но царь распоряжался их службой и тут и там. Из них заслуженные тоже иногда переводились в **Избранную тысячу,** возвышались в звание детей боярских, награждались поместьями, переходили на положение **служилых по отечеству.** Дети боярские различались по достоинству на три разряда (степени): князей, дворян-

---

[1]) А. В. Чернов, Вооруженные силы Русского государства в XV - XVII в. в., стр. 61

помещиков и мелкопоместных. Казаки обычно верстались в мелкопоместные, но среди тех, что попали в **Избранную тысячу** появились и крупные помещики. Сделав из них **благородий,** царь требовал от них службы с оружием из поколения в поколение. К XVII веку Казаков-помещиков насчитывалось 12-15 процентов всех служилых Казаков[2]).

Цари и бояре всегда следили за тем, чтобы в ряды служилых **по отечеству** не попадали разночинцы. "При верстании новиков в службу указывалось, чтобы не было "поповых и мужичьих детей, и холопей боярских, и слуг монастырских"[3]). Но Казаков, как видно, такими не считали. Они в своей массе и без того были потомственными воинами, а все воины на Москве признавались за благородных. Поверстанные в дети боярские или помещики, они только приобретали некоторые дополнительные права и более устойчивое материальное благополучие.

В пограничной системе правительство учредило еще одно воинское звание **однодворцев.** Однодворцы несли непрерывную пограничную службу, за что пользовались небольшим участком земли и получили один двор (семью) крепостных крестьян для ее обработки.

Некоторые льготы предоставлялись и рядовому казачьему люду, проживавшему на степных рубежах от Верхнего Дона до Курска и от Курска до Путивля и Севска. Грозный поощрял переселение в эти области всех свободных, неполковых, Казаков. Им предоставлялось право селиться там на хозяйствах с тем, чтобы они считали себя на постоянной царской службе, а за это получали полное освобождение от податей, **обелялись.** Одной из наиболее населенных ими областей оказались Комарицкие волости между рекой Десной и Верхней Окой. "Украинные города, особливо Комарицкие волости, государь, для великой государству пользы Казаками тогда населил"[4]). Там и селились во множестве семьи Путивльских Казаков.

В. О. Ключевский рассказывает:

> "В 1589 г. нововыезжий Татарин, новокрещен Кирейка, бил челом государю, что выехал он из Крыма на Дон к Казакам и служил там государю с

---

[2]) А. В. Чернов, Вооруженные силы Русского государства в XV - XVII в.в. стр. 129

[3]) Там же, стр. 76

[4]) В. Н. Татищев, История Российская т. VII, стр. 364

Казаками 15 лет крымских людей грамливал и на крымских людей воевать с Казаками хаживал, а с Дону пришел в Путивль и здесь женился тому пять лет, так государь смилостивился бы, велел его двор в Путивле "обелить", освободить от податей, и ему служить царскую службу вместе с путивльскими белодворцами"[5]).

Ясно, что громить Татар с Казаками по своей воле мог только Казак-магометанин, вернувшийся к вере предков и к своим людям. Но Русские предпочитают считать его Татарином. А ведь он, уйдя с Дона, снова пристал к Казакам Путивльским.

Беломестная казачья среда, очевидно, по мнению Ивана Грозного, могла благотворно повлиять и на русских лжесвидетелей, перевоспитать их в порядочных людей. Поэтому, устанавливая наказания для ябедников, он распорядился 12 марта 1582 года: "А которой в жалобнице или суде лжет и составит ябеду, ино того казнити торговой казнью, да написати в Козаки в украинные города Севск и Курск"[6]).

Незадолго перед формальным упразднением Опричнины была приведена в порядок пограничная сторожевая служба. В эти годы Москве всё еще угрожали набеги Крымцев. Никакие договоры с ханом не обеспечивали безопасности московских южных границ. На состояние их охраны было обращено особое внимание.

В январе 1571 года воевода Воротынский собрал по царскому приказу в Москве детей бярских, полковых и станичных голов из всех южных городов. На основании их опыта в средине февраля того же года были выработаны особые правила и составлен приговор "О станичной сторожевой службе".

Казачьи полки оставались на прежних местах и назывались по имени своего города. Строевые Казаки проживали с семьями в пригородах и посадах вместе с семьями, получали жалованье деньгами и натурой и составляли местные гарнизоны. Далеко в степи полки выдвигали полосу сторожевого охранения. На возвышенных местах, холмах и курганах, располагались конные станицы. Они назывались по имени своих голов-атаманов и очевидно состояли из его родственников и свойственников.

"Для выполнения дозорной службы каждый голо-

---

[5]) В. О. Ключевский, Курс русской истории изд. 1923 г., стр. 250

[6]) В. Н. Татищев, История Российская т. VII, стр. 363. Торговая казнь — наказание кнутом на людной площади. Часто оканчивалась смертью истязаемого.

ва имел свой отряд. Пограничная служба в отрядах возлагалась главным образом на Казаков"[7]).

Подвижные станицы выходили в Поде поочередно, начиная с 1-го апреля и оставались там до зимы и снега. Они высылали от себя конные разъезды, непрерывно следившие за степью. Ни те ни другие не могли покинуть свои посты до прибытия смены. Нарушение этого правила каралось смертью. Если же очередная смена запаздывала, то виновные в том наказывались штрафом.

За порядком следили **дозорные головы.** Находясь в указанном им районе, они высылали для проверки станиц и разъездов свои контрольные разъезды. Если устанавливалось, что служба станичников велась **небрежно и неусторожливо,** то виновных наказывали плетьми.

Заметив на горизонте подозрительное облако пыли или узнав от Вольных Казаков, что в Поле заметно движение крупных татарских сил, станицы тотчас же доносили об этом по летучей почте от поста к посту в ближайший укрепленный город, а оттуда в Москву с тем, чтобы у **береговой черты** на Оке русские войска приготовились к обороне, а на тылах собирались запасные рати. Одновременно все сведения сообщались соседям по охране.

Когда войско противника подходило ближе, соседние станицы объединялись для совместных действий против врага, по возможности, в его тылу, чтобы точнее выяснить численность наступающих войск.

Казачьи семьи на время тревоги покидали пригороды и скрывались за стенами городов.

Все мероприятия служилого порядка привязывали к месту и однодворца, и сына боярского, и помещика. В безсословное казачье общество вбивался классовый клин, стоивший Казакам крупных потерь в людях. Попав на особое положение, отдельные Казаки врастали в местные интересы, теряли сознание казачьего единства, сохранявшее от распадения общины Казаков и в ордах и на Старом Поле. На смену приходило сознание единства классового.

Роковым образом отразились на казачьих судьбах и монаршие милости. Ставши **благородиями,** Казаки женились на русских дворянках; их дети выростали с привычками и привязанностями матерей. Русская среда становились для них более близкой и родной, чем казачья. Бывало и так, что в следующих поколениях, при

---

[7]) А. В. Чернов, Вооруженные силы Русского государства в XV - XVII в.в., стр. 72

общественных осложнениях или личных неудачах, некоторые из них вдруг вспоминали туманные дедовские предания, срывались с мест и шли туда, где на древних пепелищах уже отстроились городки и посёлки Донских Казаков Верховых.

Но таких была только часть. Большинство не хотело расстаться с остатками жизненных благ, сохранившихся от времен Грозного и не двигались с места. Еще и в наше время, где либо под Тамбовом, Орлом, Курском, Путивлем, Ново-Зыбковым и в других районах исторического расселения служилых Казаков можно было встретить семьи дворян, мещан и свободных землепашцев (государственных крестьян), знавших о своем казачьем происхождении.

Глава семьдесят первая

ЦАРЬ И КАЗАКИ

Растревоженные грозными событиями, падением Золотой Орды и приходом Турок, степные народы с трудом и муками искали своего нового места в жизни. Остатки населения бывшей империи Дешт-и-Кыпчак пытались сохранить за собой хотя бы часть ее прежних владений, Казаки же стремились возвратить свои права на Старое Поле.

В летописях и хрониках то и дело появляются имена и прозвища мятущихся Татар и бродячих Казаков, наполнивших степи тревогой и страхом, но одновременно те и другие стали своими людьми в границах Московии. Иван Грозный подчинил их новоустановленному порядку, а скоплению Севрюков на Донце и на Дону не препятствовал, так как видел пользу от их отрядов, оказавших ему существенную помощь под Казанью и Астраханью. Он не старался покорить Вольных Казаков. Будучи деспотом и извергом у себя дома, царь обладал действительной политической мудростью и понимал, что сохранять с ними покровительственные и дружелюбные отношения гораздо выгоднее, чем завевывать Поле и усваивать его своими силами. Он видел, что сбор Казаков на Дону ему ничем не угрожает, а зато наполняет степи христианским содержанием и дает ему дешевый заслон от хищных ордынцев и от Турок. Казаки загоняли магометанские улусы в дальние углы или принуждали идти на поклон к нему же, московскому государю. Всё это шло на пользу Московии без больших расходов,, при чём нераз казачьей кровью приобретались и новые земли.

Благодаря такому терпимому отношению царя, Вольные Казаки чувствовали себя на Дону увереннее. Иногда они посылали свои отряды на помощь московским ратям, особенно в тех случаях, когда война имела оттенок оснований религиозных, защиту христианской веры. Они также знали, что после похода никакой царский воевода не осмелится их задерживать, они отойдут на родные реки с приобретенной добычей, а царь не забудет наградить их за помощь своим "великим жалованием".

В свою очередь и воеводы беспрепятственно проводили полки через **ничьи земли** по "украйнам" и по Донцу, без опасения встретить там враждебные дейст-

вия Вольных Казаков, а наоборот, ожидая от них вестей и помощи в трудные минуты.

Вот пример такого сотрудничества:

В 1559 г. московская рать во главе с князем И. Воротынским преследовала до Донца и Оскола отступающих Крымцев царевича Магомета Гирея. Путивльский атаман Капуста вместе с Донецкими Казаками шарпал его с фланга, а черкасские атаманы тоже не оставляли Татар в покое и присылали воеводе "языков". "Привели языки из под Крыма Черкасские атаманы Васька Рожен да Рыхлык, а взяли их на Ирчыке за два дни до Перекопи; а приходить Васька и Рыхлек на улусы Нагайские и Крымския в то время, как царевич к Руси ходил, и взяли лошадей с тысяч пятнадцать, и с иными атаманы, и людей улусных побили многих"[1]).

Царь ценил такую помощь и посылал за нее не только ласковые слова, а и дорогие для Казаков подарки. Входили в обычай сношения грамотами и казачьими **списками.** Когда надо было обеспечить посольские караваны от нападения Вольных Казаков или получить от них боевую помощь, к ним направлялись особые царские грамоты. Монарх должен был дать письменное подтверждение своих обещаний о награде ожидавшей **федератов** за содействие. Такая, например, **Верющая грамота государя царя Ивана Васильевича** была получена на Дону в 1571 году:

> "От царя и великого князя всея Руссии на Дон к Донским атаманам и Казакам. Послали есма для своего дела под Азов казачьего атамана Микиту Мамина да Молчана Яковлева с товарищи и как они на Дон приедут и о которых наших делах Микита Мамин вам учнет говорити, и выб с ним о наших делах промышляли за один, а как нам послужите и с Микитою нашими делами учнете промышляти и мы вас пожалуем своим жалованье. Писана в Москве 7079 г. в августе в 17 день"[2]).

Донские и запорожские Казаки иногда приводили в Москву на царскую службу присоединившиеся к ним ордыские улусы. Так в декабре 1559 г. к черкасскому атаману Гавриилу Слепецкому пришел, обиженный Крымцами, мирза кыпчацкого улуса Тягрибердей вместе со своими людьми. Он ходил с Казаками, "которые служат царю и великому князю на Крымские Улусы и повоевал многи улусы". "И пришли ко государю. И царь

---

1) ПСРЛ т. XIII, стр. 315

2) Историческое описание Земли Войска Донского, стр. 23-24 примечание.

и государь мырзу Тягрибердея с братом и атаманов пожаловал"[3]).

В сношениях с Вольными Казаками бывали случаи, когда к ласковым уговорам добавлялись и поклоны от великого государя. Петр Зиновьев, отправляясь к крымскому хану в 1589 г. получил такой наказ:

"И как Петр поедет с Ливен, а весть будет Петру учинится, что пришли на Донец с Днепра Черкасы, Матвей Федоров с товарищи, которые из Запорожья пришли, а стоять будет и государевым людем станичникам и Севрюкам от них зацепки нет никоторыя и Петру послати пред собою станицу к Запорожским Черкасам и с провожатым к отоману к Матвею Федорову с товарищи, а велеть про себя сказати, что есть с ним от государя к ним ко всем грамота и речь, и Матвей бы Федоров с товарищи с ним бы виделся... Да как с ним атаманы и молодцы запорожские сойдутца, и Петру от государя и царя и великого князя поклон им исправити и грамоту от государя подати; и говорити им от государя, чтоб они его, Петра, и Крымских гонцов ... пропустили и ни в чем их не задирали и провожатых Матвей с товарищи по тому же ничем не крянули, а государево с ним жалованье будет нечто того с государским сыном боярским, которого государь за ним пришлет тотчас, а потому сыну боярскому и стояти на Донце тут с ними с Черкаскими атаманы и с молодцы на Донце, и стояти и промышляти с ними государевым делом за один, и видеть их прямая служба пред государем; а государь и великий князь Федор Иванович всея Руссии, увидя их пред собою службу, пришлет к ним на Донец великое свое жалованье"[4]).

Московские власти приобрели к этому времени проверенные навыки. Из них самым действительным даже для Татар оказались **царские пожалования.** Теперь ту же систему предполагалось перенести на Вольных Казаков и на Татар, еще оставшихся в Старом Поле. Своих служилых Казаков Грозный иногда сам посылал на Средний Дон, не считаясь с тем, что многие из них, попав к своим свободным братьям, захотят с ними остаться. Царь, повидимому, перестал этого опасаться: хочешь, служи в границах царства, не хочешь — иди в

---

[3]) ПСРЛ т. XIII, стр. 323

[4]) Историческое описание Земли Войска Донского, стр. 15-16 примечание.

Поле, где всё равно будешь служить интересам державы.

В апреле 1560 г. нагайский мирза Тохтар Уразлыев просил царя не препятствовать его улусу занять кочевья на свободных землях при московской границе между Верхним Доном и Волгой. Перед этим, стараясь заслужить особые милости государя в. князя, он ходил вместе со служилыми Казаками, жителями Верхнего Дона, войною мимо Перекопа за Днепр и все встреченные по пути нагайские улусы пристали к ним.[5])

В ответ на свою просьбу Тохтар получил жалованную грамоту, по которой царь "им велел кочевати меж Дону и Волги, а от государевых им людей лиха никоторого не будет, и ослободил им во все городы ездити торговати"[6]). Одновременно с этим царь отпустил на Дон Тягрибердея мырзу, "что прежде сего с Днепра привели его Казаки Черкасские, а с ним послал Данииля Чюлкова, а с ними Казаков многих, а велел им быти с мырзами заодин и от Смаила вести ждати, а заодин промышляти над Крымскими улусы"[7]).

Это один из случаев, когда остатки Кыпчаков сами пришли к Казакам и расположились рядом с Донцами на восток от них и от Дона.[8]).

---

[5]) ПСРЛ т. XIII, стр. 326

[6]) Там же

[3]) Там же

[8]) Возможно, что среди новопоселившихся на Дону Ордынских Казаков оказалось и некоторое количество Кыпчаков-Половцев. Но Татары, вообще, проживая среди Казаков, этнически не изменялись. Здесь никто не принуждал их переходить в Христианство, никто не старался их убедить, что они не Татары, а Казаки. К этому времени процессы слияния у Донцов уже закончились и завершились. Очень существенные указания на этот счёт находятся в истории Базовых (оседлых) Татар, поселившихся около Старого Черкасска. Когда его окрестности заселялись новыми станицами, Донское правительство разрешило поселиться рядом со своим городом за Протокой одному татарскому хотону. На протяжении следующих веков эти Татары не смешивались с Казаками, хотя жили общей с ними жизнью и участвовали во всех казачьих военных предприятиях. В 1806 году, рядом с новой донской столицей Новочеркасском, для них был основан пригород Хотонок (Хотунок), куда атаман Платов переселил всех Татар из под Черкасска Старого. На новом месте они получили небольшой участок земли, но в большинстве занимались ремеслами и до конца оставались магометанами. За три века жизни между Казаками они Казаками не стали. На Москве Татары обращались в Русских гораздо легче, чем на Дону — в Казаков.

Князь Измаил (Смаил летописи), друг Москвы и ее ставленник, тогда тоже кочевал со своим улусом в Задонских степях ниже Переволоки. Основателями Нагавской (Нагайской) станицы, вероятно, и были Ордынские Казаки, ушедшие от этого хана и занявшие под новый городок часть его юрта. Правильность такого предположения подтверждают, как название самой станицы, так и название одного из ее хуторов — **Дарханов,** т. е. **полученный в дар от хана.** То же, повидимому, произошло со станицами Нижне-Курмоярской и Верхне-Курмоярской: на Курман Ярах вначале поселились Ордынские Казаки, а после к ним во множестве подошли их одноплеменники с Верхнего Дона, от Орла и Курска. Поэтому в станицах стала доминировать славянская речь орловско-курского диалекта.

В те годы Казаки шли на Дон из орд и из Московии непрерывным потоком, особенно с Верхнего Дона. Эти переселенцы второй очереди строили новые городки вдоль берегов Среднего Дона, но несмтря на это они до наших дней в казачьем мнении оставались **Верховыми.**

Орды и Русь еще долго служили обильным источником казачьих выходцев, возвращавшихся на Старое Поле. Но в ордах многие Казаки по прежнему сохраняли верность ханам и принятому раньше Магометанству, а в границах Московии — оставались привязанными к месту многочисленными семействами, полюбив далекий лесной север или привыкнув тянуть лямку царской службы. Так Ордынских Казаков вспоминает воевода князь М. Глинский, сообщая из Казани в 1555 году, что его стрельцы и новокрещенные,

> "Божьим милосердием, а царя и государя повелением, побили изменников на голову и живых поимали, привели к воеводам живых Кебенека-князя, Курманлия-князя, Кулая-мырзу Данина, Чебакамырзу Базтарьгаева и иных многих князей, мурз и Казаков и сотных князей; и воеводы их велели всех побить". [9])

Так же неистово действовали и Арские люди, замиренные жители Поволжья. Взятых в плен противников Москвы, "иных сами побивали, а иных к воеводам приводили да сами резали их и побивали перед воеводами; и побили их тою осению тысящу пятьсот шестьдесят именных людей, князя да мырзу, да сотенного князя да лутчего Казака". [10])

---

[9]) ПСРЛ т. XIII, стр. 247

[10]) Там же

По источникам известно также о Донских Казаках оставшихся и дальше на службе у московского царя и выполнявших разнообразные его поручения. Например:

> В 1567 году "по указу государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии посланы отаманы и Козаки Иван Петров да Бурнаш Ялычев за Сибирь проведывати земель, и вывезли росписи Китайскому государьству и Мугальской земли".[11])

На южной границе государства их насчитывалось не мало еще и через сто лет. Григорий Карпович Котошихин, написавший сочинение **Россия в царствование Алексея Михайловича** во второй половине XVII столетия, говорил о них:

> "А будет их, Казаков, на Дону с 20 000 человек учинены для оберегания Понизовых городов от приходу турских, и татарских, и нагайских людей, и Калмыков".

По его мнению среди них тогда встречались новокрещенные Татары и Поляки, а вообще они были собраны из разных городов:

> "А люди они породою Москвичи и иных городов и новокрещенные Татаровя и Запорожские Казаки и Поляки".

Для этого случая русский автор придумал новую породу **Москвичей и других городов.** Очевидно, в этом случае слово **порода** должно пониматься, как прежнее местожительство. Здесь подьячий Посольского Приказа Котошихин несколько напутал: все это относится к казачьим остаткам, еще сохранявшимся в его время на землях Великороссии. Остальные Донские Казаки не могли быть **учинены,** так как по его же словам не зависели от русских властей:

> "И дана им на Дону жить воля своя, и начальных людей меж себя атаманов и иных избирают, и судятся во всех делах по своей воле, а не по царскому указу". "А как они к Москве приезжают, и им честь бывает такова, как чужеземным нарочитым людям".

Иначе говоря, в Посольском Приказе Донских Казаков принимали, как иностранцев.

---

[11]) ПСРЛ т. XXXI, стр. 138

Глава семьдесят вторая

ТУРКИ ПОД АСТРАХАНЬЮ

Вести о постоянных степных распрях доходили через Крым до Стамбула, где не расставались с мыслью, изгнать Мсковитов с нижней Волги и овладеть всем наследием Золотой Орды вплоть до Казани. К 1569 году султан Селим II порешил, что пришла пора привести мечты в исполнение. Весною этого года к берегам Крыма прибыл турецкий флот из галер и каторг с войсками и осадной артиллерией. Султан прислал их для наступления на поволжские владения Москвы, командование ими он поручил не турецкому паше, а кафинскому правителю Касым бею, которому в большой мере и принадлежала идея похода на Волгу.

Предложили принять в нем участие и польско-литовскому королю, но тот как раз был занят вопросом о Реальной Унии Польши с Литвой и от далёкого похода отказался.

В Крыму долго собирались и наконец выслали к Дону суда с тяжелой артиллерией. На ста кораблях помещалось 5 тысяч янычар и 3 тысячи гребцов, а одновременно с ними на восток двинулась конница.

С крымским ханом степями между морем и Донцом шло к Азову 50 тысяч Татар. При встрече с ними пострадал небольшой казачий отряд атамана Ивана Мотякина, всего в 40 человек. Турецкая конница шла вдоль морского берега и встретила свой флот в устьях Дона.

После этого хан с конницей пошел через степи к Астрахани, а суда двинулись вверх по Дону к Переволоке. С ними вдоль берега шла часть конных Турок и ставка Касым бея. Они все должны были подняться до Переволоки, перетянуть посуху каторги к Волге и на них спуститься под стены Астрахани.

Около семидесяти тысяч всадников, Татар и Турок прибыли к цели своего похода через Азов и Северный Кавказ 5 августа. Позднее на несколько дней, после пяти недель плавания добрались до Переволоки и каторги с тяжелыми пушками. И в то время как Татары окружили Астрахань, турецкая судовая рать Касыма-паши приступила к своей безнадежной работе, пробуя переволочить суда к водам Волги.

Один участник плавания, гребец из русских пленников Семен Мальцев, после рассказывал в Кафе царскому посланцу Афанасию Нагому, как они две недели пытались волочить суда, подкладывая под них оси с колесами, но сил не хватало, а колеса ломались. К тому же Турки узнали, что по Волге подходит московская рать с воеводой князем Петром Семеновичем Серебряным. Касим паша решил, что прекратить безрезультатные попытки будет благоразумнее. Он отправил флотилию обратно к Азову, оставив при ней конвой в 5 тысяч янычар, а сам с остатками войска двинулся к Астрахани.

Галеры поплыли вниз по Дону и всё время находились под короткими ударами Казаков, нападавших на караван в небольших лодках. За десять километров перед Азовом Донцы решительно атаковали Турок и причинили им большие потери, но флотилия все же ушла от них и благополучно доставила порох и большие пушки в азовский порт. А между тем князь Серебряный подошел к Астрахани, пробился через татарское окружение и своим войском усилил гарнизон города.

Время шло, турецко-татарская армия бездействовала, подкопы под крепостные стены не удавались из-за близости грунтовых вод. Бездорожье, нападения Казаков, Черкесов и Нагайцев препятствовали регулярному снабжению, а местные ресурсы пустынной кочевой степи покрыть недостатков не могли. Лагеря мало укрывали от непогоды, ранняя зима, холод, скудость питания, болезни наносили армии урон больший, чем от сражений. 26 сентября Турки сняли осаду и стали отступать обратно в Крым. Пехотные полки двигались за конницей Девлет Гирея по кратчайшей степной дороге. Соленая вода в реках не годилась для питья, люди страдали от жажды и болезней, отставших Турок грабили и убивали местные кочевники.

Через месяц к Азову возвратились сильно поредевшие ряды турецких полков, а здесь они нашли пожарища и разрушения, так как "загорелось в Азове неизвестным случаем несколько сотен тысяч фунтов пороху и подорвало таким образом весь город и замок" (Таубert).

"Русские войска нигде не преследовали Турок. Это сильно удивляло самих Турок. Они были несказанно обрадованы и заявляли, что если бы к ним навстречу выш-

---

[1]) Н. А. Смирнов, Россия и Турция в XVI-XVII в.в., т. I, стр. 111

[2]) Там же, стр. 113

ли московские войска, то всех их обязательно перебили бы".[3])

Поход на Астрахань окончился полной неудачей. Расчёт на помощь местных магометан обманул:

> "Прибывшие 25 ноября в Крым Нагайцы рассказывали, что под Астраханью Крымские Татары сражались больше с Нагайцами, чем с Русскими. "И многие нагайские мурзы побиты от крымских царей, а крымские цари и царевичи от Нагайцев".[4])

Турецко-татарская конница не задерживаясь долго в Азове пошла обратно в Крым. Пехота же начала спешно отстраивать городские укрепления, но вскоре была отведена в Крым и оттуда отослана в Турцию.

По каким то причинам, известие об этой короткой осаде Астраханаи не нашло в русских летописях никакого отражения. Событие произошло в годы опричины, когда летописцы будто бы совсем онемели. Поэтому и русская история не уделила ему должного внимания. Его понимают только как одно из осложнений в сношениях России с Турцией, а если изучают то по делам Посольского Приказа и по источникам иностранным. Данные о походе и составе турецко-татарских войск весьма разноречивы даже в показаниях участников неудачного похода. Например, Семен Мальцев говорит, что при движении турецкого флота к Переволоке для его охраны было послано только 500 янычар, а на обратном пути, по его же словам, той же охраны оказалось 5.000 человек.

Донским Казакам нашествие Турок принесло много тревог, но не причинило больших потерь. Они своевременно покинули свои примитивные и еще немногочисленные городки, отослали семьи с берегов Дона за Донец глубже в степи, а сами начали непрерывно тревожить тылы и фланги противника. Так что авторы Исторического Описания Земли Войска Донского не правы, упрекнув Казаков в трусости, из за которй они будто бы искали "мнимого спасения в бегстве от своих жилищ".[5]) Что могли сделать несколько тысяч отважных воинов против лавины наступающих на Дон Турок и Татар? А к тому же они не отошли без боя: крымский хан

---

[3]) Н. А. Смирнов, Россия и Турция в XVI-XVII в.в., т. I. страница 115-116

[4]) Там же

[5]) Историческое Описание Земли Войска Донского, стр. 21

доносил султану, что ему удалось разрушить по пути казачий городок и истребить в нем пять тысяч Казаков. Реакция московского правительства на астраханский поход турок нашла свое отражение в наказе послу Ивану Новосильцеву, отправленному к султану в начале января 1570 г. В Москве нападение на Астрахань, повидимому, большого возмущения не вызвало. Царь, занятый делами Опричнины и Ливонской вйной, не желал нарушать мир с южными соседями. В то время, когда турецкие войска уже стояли под Астраханью, дьяки составляли грамоту султану, с изъявлениями дружбы, братства и любви, с вежливыми упреками в том, что он за два года не собрался сообщить о своем вступлении на трон.

Эту грамоту повез в Стамбул Новосильцев, которому также было поручено оправдаться в завоевании мусульманских Казани и Астрахани. Новосильцев должен был передать особую грамоту Донецким Казакам:

> "От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси на Донец Северский атаманом казацким и Козаком всем без омеры. Послали есмя для своего дела в Азов Ивана Петровича Новосильцева. И где учнет вас для нашего дела посылати или по вестем для бережения на кои места велит вам с собою идти, и вы бы Ивана во всех наших делах слушали безо всякого ослушания. Тем бы есте нам послужили. А мы вас за вашу службу жаловати хотим"[6]).

Грамота адресована на Донец. Как видно, в Москве предполагали, что Казаки еще не возвратились на Дон и ошибались, так как Донцы уже возобновили свои жилища на его берегах и окрепли настолько, что были в состоянии причинить большие хлпоты не только степным нагайским улусам. Они нападали на Крым, а в 1576 году побывали в Азове, заняв его с боя.

Пожалования за службу и помощь получали не одни Казаки. Награждались ими и другие чужеземцы. Тогда же Новосильцев привез в Азов особое царское послание местному правителю (санчаку) с просьбой не задерживать посла в Азове и беспрепятственно отпустить Казаков, провожавших его до турецкой границы. За выполнение этой просьбы санчаку была вручена особая награда и обещалось: "А мы, аже даст Бог, и тебе вперед жалованье свое хотим держати"[7]).

---

[6]) Н. А. Смирнов, Россия и Турция в XVI-XVII в.в., т. I, страница 118

[7]) Там же

Глава семьдесят третья

У ПОДНОЖИЙ ЮГОРСКОГГО КАМНЯ

Никакое крупное событие, ссвершившееся в веках, не может быть освещено и изучено в отрыве от общего хода дел своей эпохи. В 1582 г. начато завоевание Сибири. Рассматривать его историю исключительно с позиций казачьего героизма и служилого рвения, как это делали цензоры **Исторического Описания Земли Войска Донского**, как это делают и теперь некторые наши авторы, значит, свести вопрос к примитиву, лишить его исторической перспективы. Поэтому и здесь следует хотя бы вкратце рассмотреть обстановку той исторической эпохи, когда горсточка Казаков совершила поход за **Югорский Камень** (нын. Уральские горы) и овладела Сибирским царством.

Волею судеб, Казаки к началу XVI века оказались в полном распылении по южным и северным рубежам Восточно-славянского мира. После ряда ордынских разгромов им пришлось покинуть Средний Дон и переселиться к его верховьям, ближе к Оке и миролюбивым Мещерякам. С Крымом они порвали связи после того, как хан Менгли Гирей склонил покорную голову перед турецким султанаом. Но поселившись там, где ордынские степи всё еще таили угрозу вражеских нападений, казачьи станы оставались готовыми к обороне военными обществами.

Попали казачьи беженцы и на далекий север. Здесь, вдали от боевых тревог, многие из них взялись за мирный труд мореходов и звероловов. Северные племена не проявляли особой враждебности, сбиваться в оборонные артели не представлялось нужды. На охоте и в море каждая отдельная семья становилась полноценной промысловой единицей.

Узнав и полюбив изобильный, хотя и суровый, полночный край, внуки и правнуки участников Куликовской битвы перестали помышлять о возвращении на юг. Закаленные в морозных стужах, они чувствовали себя дома, и в густых дебрях тайги, и в Уральских горах, и на свинцово-тяжких валах **Студеного моря.** Повсюду на севере они стали известны, как Казаки-промышленники, сельские хозяева и лоцманы-кораблеводцы.

На северных окраинах Московии, под холодным солнцем короткого лета рождались и выростали поколения выносливых и твёрдых людей. Чисто человеческие и понятные привязанности удерживали этих Казаков

вдали от родного Поля. Север тоже стал знакомым и близким, а его богатства при редком населении несли им неограниченные возможности безбедного существования. В Соловецком монастыре их деятельность была предусмотрена правовыми нормами уже в середине XVI века.

Но был еще один род Казаков прижившихся на севере — Казаки служилые. Их размещали станицами и у северо-восточных границ Московского государства, ближе к **Югорскому Камню** или Каменному Поясу, теперешним Уральским горам. В 1551 г., еще до взятия Казани, "Волгою государь прислал многих Казаков, а велел стояти по всем перевозам по Каме и по Волге и по Вятке-реке".[1])

Имея такое свидетельство, можно не сомневаться, что в средине XVI века Казаки были обычными жителями берегов Камы. Но они, очевидно, находились там и раньше, как люди необходимые для богачей Строгановых, владельцев пограничной области, требовавшей постоянного охранного войска. Они вспоминаются в жалованной грамоте 1574 года, как постоянные кадры готовых к бою пограничных отрядов, а также и в писанных **деловых** (дележных) условиях семьи Строгановых.

Средина XVI века обратилась для Москвы в эпоху непрерывных триумфов. Царь Иван Васильевич торжествовал повсюду на севере и на востоке. Казань и Астрахань вошли в границы царской вотчины; недавний владыка европейского севера Великий Новгород, потеряв тысячи лучших людей, вырезанных и повешенных Московитами, окончательно смирился со своей судьбой и покорился царю московскому. Малые народы на востоке и на севере ставились в очередь для поглощения их нарождающимся интернационалом, получившим название России. Северо-восточные рубежи раздвигались предприимчивым духом купцов Строгановых. Не то выходцы из Великого Новгорода, не то потомки какого то крещенного Татарина, эти крупные деловые люди готовили своих служилых Казаков к прыжку через Югорский Камень на азиатские земли. В 1517 г. один из их предков получил от в. князя Василия Ивановича жалованную грамоту на соляные варницы в области Великого Устюга и жил в Сольвычегодске. Следующий за ним Аника Строганов начал торговать украшениями-безделушками с Остяками и Самоедами на Нижней Оби, а добычу соли поставил на широко-промышленные начала.

---

[1]) ПСРЛ т. XIII, стр. 164

Нажитое им богатство унаследовали его сыновья Григорий и Яков. Они продолжали дело, но теперь это были не только соль и безделушки: братья занялись выплавкой чугуна из уральских руд и переработкой его в стальные изделия.

Особая предприимчивость Строгановых обратила на себя внимание Грозного. Создавая опричнину, он приписал к ней и область занятую их предприятиями. Им поручили также оборону Перми, за что они получали особые преимущества: четыре жалованные грамоты сбратили их во владетелей, равных по положению мелким удельным князьям.

Первая грамота закрепила в 1558 г. за Григорием часть земель вдоль Верхней Камы, с правом строить там города и крепости, вооружать их и содержать в них необходимое для обороны число военных людей. Вторая грамота, полученная тем же Григорием в 1564 г. расширила его владения к востоку и уполномачивала его новые владения колонизовать и оборонять. По третьей грамоте другой брат Яков получил в 1568 г. земли в районе реки Чусовой с такими же полномочиями, какими уже обладал Григорий.[2]). На реке Чусовой, на Сылве и Яйве размножились поселения с гражданскими жителями и выросло несколько укрепленных городков.

В 1573 г. на окраинные земли напал сибирский царевич Маметкул. Он разорил несколько остяцких сел и убил царского посланника в Кайсацкую орду Третьяка Чубанова. Строгановы донесли об этом царю. Одновременно они просили разрешения строить укрепления в горных проходах, с тем чтобы обеспечить Перми более спокойную жизнь. Братья и раньше вели **проведывание путей** на восток, а идея продвижения при помощи постройки крепостей на горных реках появилась у них давно. Об этом они и просили, указывая, что воздвигнутые за горами крепости будут служить не только для **бережения** от туземцев, но и для **опочива охочим людям,** промышленникам.

30 мая 1574 г. царская грамота разрешила им продвинуть постройку укреплений и за Югорский Камень, на земли сибирского царя при реках Туре и Тоболе. Земли за горами предстояло еще завоевать и царь поручил это сделать самим Строгановым:

"Аз царь и великий князь Якова и Григория пожаловал, на Тахчеях и на Тоболе реке крепости им

---

[2]) Н. М. Карамзин, История Государства Российского т. IX, страница 242

поделати, а людей называти неписьменных и нетяглых, а воров им и боярских людей беглых и татей и разбойников не называти... А медяну руду или оловянную, свинчатую, и серы горючие где найдет, и те руды на испыт делати... А на сибирского сбирая охочих людей и Остяков, и Вогулов, и Югричь, и Самоедь с своими Казаки посылати воевати"[3]).

Последними словами царская грамота подтверждает присутствие на Каме Казаков в качестве постоянного войска. Они должны были водить за **Камень** отряды добровольцев из местных туземцев и занимать там новые земли. Для семей поселившихся после этого за Уралом устанавливались двадцатилетние податные льготы, а суд над ними предоставлялся Якову и Григорию Строгановым[4]).

Когда Казань и Астрахань стали принадлежать Москве, сибирски хан Едигер увидел необходимость более близких связей с ее государем. В январе 1555 г. от него к царю Ивану Васильевичу прибыли послы с поздравлениями по поводу его водворения на царствах Казанском и Астраханском.

"Да били челом государю ото князя Едигера и от всей земли, чтобы государь их, князя и всю землю Сибирскую взял во свое имя и от сторон ото всех заступил и дань свою на них положил"[5]).

Летописец, конечно, несколько приукрасил просьбу послов. Дело шло только о покровительстве сильного царя малому ханству, а не о подданстве последнего, но сибирская дань поступала от этого времени в московскую казну девять лет. Все эти годы поборы на выплату дани вызывали недовольство татарского населения Сибири тем более, что оно ничего не получало взамен

---

3) Н. М. Карамзин, История государства Российского т. IX, стр. 245-246, примечание 661. Неписменные люди — люди не давшие на себя кабальные записи.

4) Там же: «А льготы на Тагчеи и на Тобол реку с реками и с озеры и до вершин на пашни дали есми от Троицына дни лета 7082 до Троицына дни лета 7102 на 20 лет... И кто в те крепости жити придут и деревни и починки учнут ставити... и в те льготныя лета с тех мест не надобе им ни дань, ни ямские, ни плужные деньги и посошкая служба, ни городовое дело, ни оброк с их промыслов и угодий»... «А ведают и судят Яков и Гргорией своих слобожан сами. Коли их люди или их слободы крестьяне поедут от Вычегодские Соли мимо Пермь на Тахчеи и наши Пермские наместники их на поруки не дают и не судят».

5) ПСРЛ т. XIII, стр. 248

и должно было само обороняться от южных соседей. В 1564 г. в Сибири начались возмущения, окончившиеся низложением Едигера и воцарением нового хана Кучума, прекратившего выплату дани и поощрявшего нападения на московские владения.

Кучум происходил из рода Чингисидов, а его царство сложилось из остатков среднеазиатской Кок-Орды. При малочисленности коренного населения, всего в 30 тысяч душ, обязавшихся платить русскую дань, царство Сибирское занимало обширный степной и лесной край по рекам Тоболу, Иртышу и Оби, причём угро-тюркское население севера находилось от него в зависимости и выплачивало Кучуму дань.

Для Москвы воцарение Кучума связалось с потерей части доходов. В целях возобновления покорности Грозный и наметил план постепенного продвижения за Урал, вероятно, без особой надежды на его быстрое выполнение, но на всякий случай предусмотрел двадцатилетние льготы, которые получили бы новые поселенцы в завоеванном крае.

Можно себе представить, какое множество пушкарей, затинщиков, пищальников, воротников, лучников и другого военно-служилого люда требовалось Строгановым для прежних и новопостроенных крепостей, сколько надо было еще привлечь для похода за **Югорский Камень.** И без сомнения, самым желательным пополнением считались Казаки, создавшие уже себе славу людей решительных (буйственных) и опытных в военном деле. Они проживали и во владениях Строгановых с давних пор, а в дальнейшее время тоже там не переводились. В 1583 г. Семен Строганов и его племянник Максим поделили между собой всё имущество, которым до этого владели сообща. При разделе в расчет принимались и жители Казаки. Дядя и племянник поделились правом верстания тех из них, что взяли от них деньги в долг, а за проценты обязались служить на их хлебах до того времени, пока не возвратят долг заимодавцам. Из письменного условия (деловой) следует, что такие Казаки встречались в разных местах их владений: "А кои Казаки должные на Чусовой и на Сыльве и на Яйве и тех нам Казаков разделити надвое, верстати Казак против Казака".

Такая добровольная служилая **кабала** Казаков связывала мало. Каждый из них обладал правом уйти от

---

7) Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси т. II, стр. 129

заимодавца в том случае, если бы он оказался для него "недобр". В Судебнике царя Федора Ивановича, изданном в 1589 г., такое право тоже подтверждается:

"А кто Казаку даст деньги взаимы в рост, да того человека станет держати у себя сильно, а будет до него недобр, и Казак тот не мога терпети от него покрадчи сбежит, и что у него снесет, то пропало, а по кабале денег лишен"[8]).

Такими неполноценными кабальными обязательствами связали себя во владениях Строгановых и некоторые Казаки, проживавшие по разным местам в казачьих поселениях. Нужно думать, что в те годы, когда организовался поход за Уральские горы, кроме **должных** там же находились много и **недолжных** Казаков. Но для большого предприятия их нехватало. Надо было искать крупного пополнения. А потому, узнав о большом казачьем отряде, провинившемся на Волге и попавшем в царскую немилость, Строгановы постановили привлечь его к себе на службу.

На их землях появился казачий отряд атамана Ермака Тимофеевича.

---

[8]) Материалы по истории крестьян в России XI-XVII в.в. Сборник документов. Л. 1958, стр. 81

Глава семьдесят четвертая

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ

В Новом Летописце, начатом с 1584 г., кратко рассказывается и о "взятии царства Сибирского".[1]). Вся история завоевания Сибири помещается на одной странице и не отличается точностью. Там вспоминается и атаман Ермак, вероятно, первый раз в русских источниках. Несколько раньше его имя встречается в источнике польском: в конце семидесятых годов шестнадцатого века оно упоминается в **Дневнике** короля Речи Посполитой Стефана Батория (1576-1586). Там говорится, что во время нападения Русских на литовское пограничье, "начальствовали над этими людьми воеводы Котырев, Хворостинин, Бутурлин, Василий Янов — воевода Донских Казаков, Ермак Тимофеевич отоман Козацкий"[2]). Через два-три года он оказался уже на Волге.

Когда власть Золотой Орды безнадёжно пала, по берегам этой реки бродили разрозненные, обессиленные междуусобиями и голодовками татарские улусы. Из них ни один не мог подтвердить силою свое право владеть Полем и поэтому хозяевами Среднего Дона и Нижней Волги стали Казаки. Когда то давно на их берегах воздвигали свои курганы казачьи предки Торки и Бродники, во время власти татарских ханов там же селились Ордынские Казаки, и их потомки по многовековым традициям чувствовали свое право пользоваться берегами и водами этих рек. Они и пытались не допустить на них никого другого, громили степные улусы Нагайцев, также как проходящие мимо посольские и купеческие караваны.

После того как Грозный овладел Астраханью, вся Нижняя Волга, по праву завоевания стала принадлежать Москве и волжский путь оказался под наблюдением царских отрядов. Вольные Казаки, однако, отступили не сразу. Их нападения входили в общую программу устрашения и по характеру были разбойными не больше, чем нападения русских войск на литовское пограничье или на владения Ливонского Ордена, но в Москве они считались злым непокорством, **воровством**, преступлением, хотя в то время грабежи и убийства были обыч-

---

1) Новый Летописец, ПСРЛ т. XIV, стр. 33

2) Н. М. Мельников, Ермак Тимофеевич, стр. 60

ным явлением в самом русском государстве и часто находились под опекой власти. Об этом времени у русского историка Платонова читаем:

> "По всему государству много лет сряду, вторгаясь в частные дома, опричники проливали кровь, насильничали, грабили и оставались без всякого наказания, так как считалось, что они "выводят измену".

А на Волге такая конкурирующая практика преследовалась русскими войсками и наказывалась, несмотря на то, что царь и сам иногда был участником **казачьего воровства.** Например, Астрахань он получил из рук тех же **воровских Казаков.**

В некоторых случаях для охраны Волги присылались специальные отряды. Так в мае 1588 г. туда были присланы служилые Казаки с атаманом Ляпуном Филимоновым. "И те Казаки воры собрався да Ляпуна перезвали в свои станы, а сказывали, что служат государю ж, Ляпуна убили и товарищев его побили"[3]). В этом случае Вольные Казаки не пожалели и своих соплеменников, так как считали их изменниками общему казачьему делу.

В 1577 г. казачий отряд, по величине равный строевому полку того времени, во главе с атаманом Иваном Кольцом, Богданом Барабашой и Никитой Паном, разгромил у Соснового острова караван русского посольства к Нагайцам, облаяв и обесчестив самого посла Василия Пелепелицына. Среди нападавших источники не упоминают Ермака. Его, очевидно, еще на Волге не было. Он в то время сам находился в числе служилых и участвовал в русских походах на Литву и Ливонию. Среди Волжских Казаков он оказался через два года.

Мало считаясь с указаниями источников и обстановкой того времени, в рассказах о Ермаке Тимофеевиче слагали разные фантастические предположения. Иногда вели совершенно беспредметный спор и о его имени. **Ермака** в христианских святцах нет, но это не значит, что этимологию такого имени следует искать в волжской народной речи, где ермаком когда то называли артельный котел или ручной жернов. В то время у Казаков и у самих Русских можно было встретить десятки нехристианских имен. Этимология тут не причём и искать в имени скрытого смысла — напрасный труд. Каково бы в своей основе оно не было, имя Ермака со-

---

[3]) ПСРЛ т. XIII, стр. 283

хранилось для истории и никакими другими заменить его невозможно[4]).

По казачьим преданиям отцом Ермака был сын Тихого Дона Тимофей Чигин, а мать, по словам английского автора Гольдера, какая то датская пленница, встреченная Чигиным на Каме во владениях солеваров и богачей Строгановых. Предполагается также, что Ермак родился в Качалинской станице, а вероятной датой его рождения считается 1540-й год. Находилась ли Качалинская станица на том же месте, где она расположена теперь, неизвестно. Тогда служилые станицы не были привязаны к одному месту, а назывались они по имени своего головы или атамана. В данном случае его фамилия была **Качалин,** а его станица до ухода на Дон к Переволоке, могла нести службу на Каме. Там предположительно и родился Ермак от отца, числившегося в Качалинской станице.

Возмужав, он тоже начал служить царю. В этом сомнения нет, как нет сомнения и в том, что он занимал пост атамана служилой станицы или служилого отряда. В царском Указе, посланном сибирскому воеводе, о награждении Казака Гавриила Иванова, указывалось, что до 1623 г. Иванов пребывал в Сибири 42 года, "а прежде того он служил на Поле двадцать лет у Ермака в станице и с иными атаманы"[5]). Ермак назван атаманом и в дневнике короля Стефана Батория, о котором говорилось выше.

Взаимные пограничные стычки и набеги у Литвы с Московией происходили постоянно и без специального объявления войны. В 1578 г., отправляясь в поход на Ливонию, Грозный очевидно приказал левому крылу своих армий совершить диверсию в литовском пограничьи. В ответ на это польский король, тоже без объявления войны, осадил Полоцк и через три недели овладел им. Царь занятый войной с Ливонским орденом, послал на выручку Полоцку боярина Шеина с большим войском и князя Юрия Булгакова с Донскими Казаками. Но Шеин, подойдя к осажденному Полоцку, "занял крепость Соколы и не оказал пособия". "Когда же Шеин стоял в **Соколах** не подавая помощи погибающему Полоцку, в то время Донские Казаки или наскучив бездей-

---

[4]) В Разрядных книгах встречаются многие непривычные имена: Неклюд, Далмат, Третьяк, Верига, Угрим, Совлук, Вешняк, Лобан и т. п. Имя Ермако я встретил в сборнике «Белорусия в эпоху феодализма» т. I, стр. 280, акт от 27 января 1583 года.

[5]) Русская Историческая Библиотека II, 401, цит. по И. П. Буданов, Дон и Мсква кн. V, стр. 17

ствием, или оставшись недовольны воеводами, забыли честь и отечество, бросили стан и по словам летописца **пошли на Дон без отпуска"[6]).**

Казачий автор Х. И. Попов говорил, что во время войны с Ливонией в составе Русской армии Ивана Грозного "было два Донских казачьих отряда — один под водительством Василия Янова, а другой — атамана казацкого Ермака Тимофеевича"[7]). Всё говорит за то, что под Полоцк с князем Юрием Булгаковым пришел отряд атамана Ермака.

В летописях существует несогласованность в дате падения Полоцка, когда многочисленная русская рать не отличилась особой доблестью. Полоцк за своими стенами защищался только три недели, а пришедшая помощь ничего не сделала, чтобы не допустить его падения. Появление Ермака на Волге легко связать с указанным выше **уходом без отпуска**. Такой поступок, какой бы причиной он не был вызван, закрывал дорогу к возвращению в ряды московской армии. Оставалась прямая дорога на Вольный Дон в Качалинскую станицу, уже там обосновавшуюся, и дальше на Волгу. От этих пор Ермак Тимофеевич распрощался с царской службой и стал Вольным Казаком, гражданином Старого Поля. Справочная книга Императорской Главной Квартиры, изд. в 1912 г., сообщает, что он состоял атаманом Качалинской станицы, но предполагать, будто бы он с качалинцами отправился охранять на Волге царские интересы не приходится. Он пошел на эту реку с тем, чтобы не допускать на ее берега Нагайцев, друзей Москвы, и разделить судьбу бывших там Казаков.

Природа наделила Ермака железной натурой, закалённой в суровом климате Прикамья и во многих боях. Деятельный характер, тяготение к подвигу, неспокойный дух воина, привели его на Волгу к соплеменникам. Узнав его ближе, увидев в нем львиное сердце и непреклонную волю прирожденного вождя, Казаки и здесь избрали его своим атаманом. В старинной казачьей песне поётся:

"Как было то, братцы, на речке на Камышенке,
Чуть пониже города Саратова,

---

[6]) Н. М. Карамзин, История Государства Российского т. IX, стр. 184, прим. 523; Историческое описание Земли Войска Донского, страница 27.

[7]) Н. М. Мельников, Ермак Тимофеевич, стр. 60. Василий Янов упоминается и в **Разрядной Книге 1475-1598 г.г.** Москва 1966, на стр. 445, где он указан под годом 1591 в составе русских войск: «Да с Донскими Казаками голову Василия Янова».

Собирались они, братцы, люди вольные
Всё Донские Казаки, Гребенские да Яицкие.
Собирались они, братцы, во единый Круг,
Во Кругу то стоят они думу думают:
Ну кому то из нас, братцы, атаманом быть?
Ермаку, братцы, Тимофеевичу,
Ему, други, атаманом быть!"

К 1579 г. Якова и Григория Строгановых уже не было в живых. Богатства наследовали их сыновья Максим Яковлевич, слабый Никита Григорьевич и брат умерших Семен. 5-го апреля этого года Максим выслал к Казакам на Волгу посланцев с призывной грамотой. Строгановы сильно нуждались в военных людях, а Казакам, как раз, надо было уходить от преследований со стороны Русских и освободить для них волжский торговый путь в Персию (Кызылбаши).

Собрав семьи, Волгские Казаки двинулись вверх по течению своей реки, затем вошли в Каму и 29-го июня явились во владения Строгановых на речку Сыльву. Всех их пришло около 5.000 душ обоего пола. Из них зрелых воинов насчитывалось 11-12 процентов, т. е. 550-600 человек, при совершенно точном отношении между общим количеством переселенцев и способными владеть оружием мужчинами, как это бывает повсюду при усиленной мобилизации.

Казаки договорились со Строгановыми и во главе с Ермаком начали нести охранную службу. Их приход пришелся ко времени, так как Каме стало снова угрожать нашествие сибирских орд. Хан Кучум уже подступал к Перми и побуждал местные угорские племена к бунту против владетелей края и Москвы.

Оружием и уговорами Ермаку удалось замирить ближайших соседей, а во время кратких экспедиций за Уральские горы Казаки разведали пути в Сибирь. Один из английских авторов рассказывает, будто встреченный в горах шаман предсказал Ермаку, что его погубит двуголовая птица.

Казаки не сочетали своих действий с планами царского воеводы и потому из Перми в Москву пошли жалобы на казачье самоуправство. Воевода винил их в том, что потревожив Вогулов, они тем самым вызвали их ответные нападения.

Как бы в подтверждение этому, 22 июля 1580 г. Вогулы со своим князем Бегбелием напали на новые чусовские поселения. Некоторые городки сильно постра-

дали, но Казаки уничтожили толпы нападавших, а самого князя взяли в плен. После этого Ермак и Строгановы нашли момент подходящим для похода за горы и Казаки не откладывая начали собираться в путь. Хозяева согласились снабдить их всем необходимым, но рассматривали далекий поход, как обычное промышленное предприятие. Будучи деловыми людьми, они требовали от Казаков "кабалы", письменного обязательства после благополучного возвращения из Сибири возместить им все расходы по снабжению. По этому поводу возникали недоразумения и ссоры. Снабжение крупного отряда всем необходимым, действительно, требовало больших затрат, но Казаки, рискуя жизнью, не признавали никаких обязательств, а только на словах обещали возвратить богачам их потери в том случае, если дело удастся и они придут целыми назад.

К основному казачьему отряду захотели присоединиться 300 человек прежней охраны, бывшие литовские и немецкие пленники, а частично и служилые Татары. С Казаками собрались также проводники, переводчики, три священника и расстриженный монах, на ролях дьячка и каптенармуса. Ермак Тимофеевич и тут по общему желанию оставался атаманом отряда. Вопрос о его численности большая часть источников решает просто прибавив к пришедшим с Волги (540) 300 новых добровольцев. 840 человек, конечно, цифра неточная. Забывается, что в казачьих семьях, пришедших с Волги, за два года подросли новые воины, а часть выбыла из строя за ранами и болезнями. В действительности их могло насчитываться больше на 200-300 человек и таким образом численный состав отряда равнялся двум пятисотенным полкам.

Строгановы снабдили в изобилии Казаков огнестрельным оружием своего производства, пушками, пищалями, ружьями и даже митральезами[8]).

Помощниками атамана избрали Ивана Кольцо и Ивана Грозу, его телохранителем — Григория Певного, командиром казачьего полка Богдана Брязгу, команди-

---

[8]) В. Н. Татищев, История Российская т. VII, стр. 439: «Здесь вспомним хитрое оружие Ермаково. Он имел небольшие доски, на каждой было по 10 или 12 стволов фузейных длиною вершков пять или шесть, ко всем один замок колесной и можно было из всех вдруг выстрелить. Таких несколько у Строгановых в Чусовом городке было, и я один его величеству в 1723 году привез за диковинку. А также видел и в Тюмени оставшие».

ром сводного полка Матвея Мещеряка, а начальником мусульман — какого то Махмета. Кроме них были избраны командиры сотен, по одному хорунжему для каждой сотни (помощники командиров при сотенных знаменах), начальники полусотен и десятники. Следить за порядком и дисциплиной поручено двум есаулам: Никите Пану и Якову Михайлову.

1-го сентября 1580 г., отслужив молебень, отряд Ермака поплыл в легких челнах вверх по Чусовой. Но едва они отдалились, как пелымский князь, заранее подошедший из-за Урала, напал на Пермию во главе Вогулов, Остяков, Вотяков и Башкиров. Он пожег многие селения вдоль Камы, опустошил деревни и посады у крепостей Чардыни, Конкора и Кергеденя, потом повернул на реку Чусовую, но узнав, что Ермак пошел за Камень, спешно ретировался в свою землю.

Чардынский воевода Василий Пелепелицын, тот самый сын боярский из Костромы, которому два года назад Казаки причинили на Волге крупные неприятности, возложил всю вину за опустошения пограничья на Строгановых. Он жаловался царю, что те по своему почину услали Казаков в Сибирь, остались без войска и не содействовали ему в отражении пелымцев.

Ответ на донесение пришел нескоро. Он был писан в Москве 16 ноября 1581 г., а получен в Чардыни и Строгановыми много позднее; уже тогда, когда Казаки стали господами Царства Сибирского. Грозный укорял Строгановых в том, что Пермия опустошена из-за их измены: они призвали к себе на службу воровских Казаков, которые и на новом месте занялись тем же что "на Волге чинили и воровали", ссоря Москву с туземным населением, а после пошли на Сибирь в тот самый день, когда на Пермь и Чардынь "приходили Вогуличи". "И то все сталося вашим воровством и изменою", упрекал царь Строгановых, требуя, чтобы они немедленно отозвали Ермака и отдали его людей в распоряжение воеводы. Иначе угрожал **положить на них великий гнев и опалу,** а непослушных атаманов и Казаков грозил перевешать[9]).

Но все царские угрозы пошли в пустой след. Когда Строгановы получили грамоту, Казаки и без угроз готовы были склонить перед царем покорные головы и собирались поднести ему богатый подарок — Царство Сибирское.

Пока же, ничего не зная о нападении пелымцев,

---

9) Историческое Описание Земли Войска Донского, стр. 40

полки Ермака скрылись в Уральских горах и продвигались в лодках против течения по реке Чусовой. Через четыре дня они достигли устья горной речки Серебрянки, вошли в нее и 6 сентября пришли к **Сибирскому пути.** Здесь Казаки построили городок со странным названием **Кокуй.** Имя ему, как видно, придумали бывшие

Ермак Тимофеевич
Самый древний портрет атамана

с Ермаком Татары (по татарски "коккуй" — широкая синяя улица, может быть — синий горный проход). Здесь они остановились на зимовку, вероятно, с тем расчётом, чтобы перед весной перетянуть по снегу челны и таким образом легко преодолеть по суше 25 километров переволоки к речке Тагили. В горных лесах оказалось много съедобной дичи, соболей и бобров. Ермаковцы пополняли охотой запасы продовольствия, не брезгуя и пушниной. К весне их лодки стояли у берегов Тагили и когда сошел лёд, они по полой воде (водополию) поплыли к реке Туре. Здесь уже были пределы Сибирского царства. Их путь часто преграждали местные Угро-тюрки, но задержать никто не смог. Все, кто пытался это сделать, приходили в ужас и бежали от неизвестных здесь **огненных луков,** невидимые стрелы которых пробивали кольчуги и панцыри.

8 июня 1581 г. Ермак подошел к слиянию Туры с

Тоболом. При урочище Басан от его полков потерпел поражение и племянник сибирского хана Кучума, Магометкул, с десятью тысячами конницы. Казаки поплыли по Тоболу, отражая нападения местных племен. Благодаря непрерывным боям отряд продвигался очень медленно и только осенью появился в центре царства.

22 октября 1581 года Ермаковцам пришлось снова встретить царемича Магометкула со многими тысячами воинов. Они вышли на берег и атаковали Татар, укрывшихся в засеках. Противник оборонялся ожесточенно. Его войско отступило и открыло дорогу к столице Искеру только после ранения самого Магометкула. 26 октября Ермак вступил в оставленный жителями город, где хан оставил победителям несметные сокровища. Захваченную добычу разделили поровну. Дорога к Искеру стоила Ермаку ста семи человек, погибших в боях.

Глава семьдесят пятая

СИБИРЬ

Казаки закрепились в Искере и, стараясь наладить в городе нормальную жизнь, приветствовали возвращение прежних жителей. Первыми из данников Кучума явились с дарами Остяки. Ермак принял их с честью и обласканные им они спокойно возвратились в свой юрт. Это послужило примером для горожан, еще укрывавшихся в окрестных лесах. Оказалось, что под властью казачьего атамана тоже можно проживать мирно и спокойно. Татарские семьи стали толпами стекаться в покинутые ими жилища. Возродились ремесла и торговля.

Жители нашли в Ермаке правителя мудрого, спокойного и справедливого, а сам атаман и его боевые товарищи, забыв осторожность, перестали опасаться бывших хозяев края и стали спокойно посещать окрестности. Благодаря такой беспечности погибло двадцать человек, занявшихся рыбной ловлей.

Уже в то время Ермак нашел удобным выступать и править краем от имени русского царя, а не в качестве вождя небольшого отряда. Он понимал, что от этого зависит умиротворение края, так как местные племена не посчитают унизительным для себя поменять Чингисида Кучума на Рюриковича Ивана, могущественного государя, уже известного в Азии. Ермак облагал их всех легкой данью и особенное доверие жителей заслужил теми строгостями, которыми пресекал всякое своеволие пришедших с ним воинов. Но его самого тревожила мысль, что ханский род может собраться с силами, а он в окружении ненадежных аборигенов окажется не в состоянии противостоять новому натиску. В апреле 1582 года ему удалось лишить противника лучшего полководца. Царевич Магометкул неосторожно задержался в ста километрах от Искера с небольшой дружиной. Там он стал добычей, специально посланного против него, отряда молодых воинов. 60 человек напали ночью на татарский стан и в сумятице боя царевич попал к ним в плен.

Атаман оказал ему прием, подобающий его ханскому происхождению, но задержал у себя пленником. Теперь он обратился к северу и занял несколько поселений местных Угро-финнов, а в том числе и город Нарым.

Все народы, жившие между рекой Турой и пустынной тундрой, стали его данниками, но это стоило ему новых потерь, из которых наиболее чувствительной была гибель верного боевого товарища Никиты Пана. Силой оружия и мудрой распорядительностью Ермак и его сподвижники достигли крупных успехов, но понимали, что в огне постоянной войны с Кучумом и при возможных восстаниях соседних племен, им будет трудно удержать в своей власти этот чужой и враждебный край. Скишком уж мало осталось у них людей способных к бою. Знали они также, что Строгановы не смогут прислать существенной помощи, а потерять все достижения и возвращаться за Урал после таких трудов было бы бессмысленно. Между тем люди гибли от ран и от болезней, требовались пополнения.

На Круге порешили отправить посольство с подарками прямо к царю московскому, своему прежнему гонителю. Иван Кольцо в сопровождении 50-ти человек повез Грозному сотни мешков золота, серебра и драгоценных камней: алмазов, рубинов и смарагдов, а кроме того — около 1600 шкурок соболя, почти 6.200 шкурок горностая, 190 — белой лисицы и 610 — медвежьих. Но самым дорогим подарком был завоеванный Сибирский край.

До прибытия посланцев, Строгановы ничего не знали о судьбе отряда, вышедшего с их концессий. Теперь весть о его успехах несказанно обрадовала попавших в опалу богачей. Радостную новость о казачьих завоеваниях они поспешили сообщить царю с курьером. В Москве же еще больше обрадовались, когда туда прибыл Кольцо с товарищами. Царский гнев на Ермака и его товарищей к этому времени уже готов был смениться на милость, а теперь, когда от них пришла радостная новость и транспорт с подарками, царь, а с ним и его подданные возликовали: "Новое царство послал нам Бог!.." Карамзин говорит: "Казалось, что Сибирь упала тогда с неба для России; забыли ее давнишнюю известность и самое подданство, чтобы тем больше славить Ермака".

Посольство было принято с почетом. Иван Кольцо произнёс краткое приветствие: "Наш атаман, сын Тихого Дона Ермак Тимофеевич, дарит тебе, государь, Сибирь со всеми богатствами, а просит только пороха для пушек и ружей". Поистине царский подарок поднес московскому владыке казачий атаман, боевой титан и бессеребренник!

Старые недоразумения были забыты, послы пожалованы деньгами, одеждой, дорогими материями и от-

пущены назад с милостивыми словами, обещаниями и небольшим жалованием для Ермаковцев. Самому Ермаку, в воздаяние за его заслуги царь послал панцыр с изображением двуглавого орла, серебряный кубок и шубу с царского плеча. Пленного царевича Магометкула приказано отправить в Москву.

Зато Строгановы, "за их службу и радение", получили новые концессии: Семен в двух городах на Волге, Большой и Малой Соли, а Максим и Никита — право беспошлинной торговли во всех городах своей области.[1])

Возвращаясь в Сибирь, Кольцо повёз бодрящее известие: скоро придёт поддержка. Воевода Семен Болховский и дьяк Иван Глухов уже собирался в поход с полком стрельцов и транспортом снабжения.

Между тем Ермак благополучно перезимовал в Искере и получил дань с замиренных племен. Когда, наконец, возвратился Кольцо и сообщил о движении Болховского, атаман оставил его с Михайловым править в городе, а сам с небольшим отрядом пошел встречать царского воеводу. Но князь и его стрельцы не умели преодолевать пространства по казачьи. Ермак прождал их у гор всё лето и всю осень. Когда он решил идти назад к Искеру, приблизилась зима. В пути их захватили морозы и снег, пришлось оставить челны и пробираться пешком, скрываясь от ордынцев в лесной гуще.

Добравшись до Искера, Ермак начал третью зимовку и тут около Рождества появились стрельцы с проводниками из жителей пограничья. Они пришли в жалком состоянии. Среди них свирепствовали разные болезни, а хуже всего было то, что по дороге они с лодками оставили и все запасы вывезенные из Москвы. Вместо продовольствия и пороха москвичи принесли новые заботы: надо было думать о их пропитании и об уходе за больными.

Князь Болховской передал Ермаку грамоту, адресованную на имя **князя сибирского,** так как "к Ермаку повелел государь послати грамоту не отоману, но князю сибирскому.[2])

Царский воевода, измученный далекой дорогой, вскоре умер.

Пришел 1584 год. Ермак отправил в Москву Магомет-

---

[1]) Историческое описание Земли Войска Донского, стр. 47

[2]) ПСРЛ т. XXXI, стр. 143; Там же том XIV, стр. 33; Карамзин в **Истории Государства Российского** т. X, прим. 709 ссылается также на Ростовскую летопись.

кула и других пленников. Азиаты же, потеряв надежду победить противника оружием, стали прибегать к хитростям. Другой царевич, Карача, притворясь ложным другом, устроил засаду, в которой погиб Иван Кольцо и сорок человек Казаков, бывших с ним. Принятые царевичем, как друзья, они ночью во сне были все перебиты Татарами. Погиб и Яков Михайлов со своими людьми, отправившись узнать, что сталось с Кольцо.

Окрыленный успехом своей хитрости, царевич Карача подговорил окружающие улусы к восстанию и собрал под свои знамена многочисленные полчища. В марте они осадилиИскер, решив взять его измором. Карача расположил войска вне достижения огнестрельного оружия, не допускал в город подвоза продуктов, а во время вылазок один Ермаковец имел против себя сто врагов. Люди гарнизона ослабели от недоедания, усилились болезни, положение создалось тяжелое, но город продолжал обороняться. Освобождение пришло после трех месяцев осады. 12 июня Матвей Мещеряк ночной вылазкой навел на врага ужас и гибель. Все туземцы обратились в бегство и разошлись по своим юртам. Соседи повезли в освобожденный Искер съестные припасы, стало возможным рыболовство, начали прибывать азиатские купцы с товарами. За два года Ермаку удалось возродить обширную торговлю. Он ее поощрял и деятельно поддерживал. В связи с этим и пришла гибель Великого Казака-атамана.

5-го августа в городе появились ложные вестники от вымышленных бухарских купцов с жалобой, будтобы толпы Кучума не пропускают их в Искер. Услышав такую новость, Ермак сам отправился на выручку воображаемого каравана, взяв с собою только 50 человек. Целый день они ходили по берегу Иртыша до реки Вагая и дальше, но нигде не встретили ни бухарских купцов, ни толп Кучума.

Ночевать Казаки остались в урочище Перекоп при впадении Вагая в Иртыш. Тут застала их ночь темная, бурная, с проливным дождём. Утомленные походами и поисками, не обнаружив ничего подозрительного, бойцы забыли всякую осторожность и заснули без бдительной охраны. А между тем хитрые азиаты ходили по их следам целый день. Пользуясь темнотой ночи, Алей сын Кучума послал в стан Ермака своих лазутчиков. Те с удивлением прислушивались к безмолвию царившему в шатрах и сообщили, что Казаки спят крепким сном. Татары налетели на лагерь и началась резня. Ермак проснулся от криков и стонов. Пробивая шашкой дорогу,

он дошел до берега, а прыгнув с кручи не попал в чёлн. На нём был царский подарок, стальной панцырь с двуглавым орлом. Исполнилось предсказание шамана: птица с двумя головами потянула Казака на дно. Ермак утонул в Иртыше, но не исчез из казачьей памяти.

Со слов ранней сибирской летописи, Карамзин приводит внешний облик нашего великого человека:

> "Он был видом благороден, сановит, росту среднего, крепок мышцами, широк плечами; имел лицо плоское, но приятное, бороду чёрную, волосы тёмные, кудрявые, глаза светлые, быстрые — зерцало души пылкой, сильной, ума проницательного".

Ермак Тимофеевич — натура волевая и деятельная. По обычаям своего народа, он воин и не больше авантюрист, чем каждый завоеватель его времени.

После его гибели в Сибири из казачьих вождей остался один Матвей Мещеряк. Сборный гарнизон порешил на Круге не удерживать Искер и уйти обратно за Уральские горы. Однако на походе они встретили русского воеводу Ивана Мансурова с большим войском, присоединились к нему и возвратились "в те места, где они оставили кости своих сподвижников". От этого времени Москва закрепила за собой Сибирское царство, хотя Кучум еще долго не хотел примириться с его потерей. В 1598 году его убили Нагайцы.

Завоевание Сибирского царства по многим чертам схоже с походами древних викингов-скандинавов. Плывя морями и реками, те тоже собирали дань с прибрежных жителей, тут и там устанавливали власть своих князей-конунгов. Иногда им удавалось надолго закрепиться в чужой стране. Например, династия Рюрика, представителем которой был и великий князь Иван Васильевич Грозный, продержалась на Руси свыше 700 лет. Но Норманны, движимые пристрастием к боевым авантюрам, несли с собой насилия, жестокости и стремление к наживе. Судя по источникам, в действиях Ермака и его сподвижников совершенно отсутствовала идея личного благосостояния. Об этом свидетельствует огромная и богатейшая область, подаренная русскому царю, сотни казачьих жизней, жизнь самого Ермака Тимофеевича, положенные при добывании столь драгоценного подарка.

Царство Сибирское покорил небольшой отряд, в котором русские люди источниками не указаны. Он состоял из Казаков, с некоторым количеством Немцев, Ли-

тьы и Татар. Но, конечно, главная движущая сила исходила в этом предприятии от Ермака Тимофеевича. Поэтому он и считается завоевателем Сибири, поэтому лишь ему посвящены летописные записи, предания произведения народного эпоса и литературы. В гибели же его заключается отчётливая символика: он погиб делая русское дело, а косвенной причиной его смерти послужил дар царя. Смерть Ермака — крупная казачья жертва на алтарь русских интересов. И хотя инициатива похода за **Югорский Камень** принадлежала Строгановым и царю, выполнение этого намерения без Ермака откладывалось на неопределенные сроки.

Это не единственный случай, когда Казаки отдавали кровь своих лучших людей, отдавали запасы народной статической энергии на служение чужим интересам, несли прямые потери в людях, в имуществе, в землях, принадлежащих им, а взамен приобретали весьма проблематические выгоды. И деятельность такого рода почти всегда проходила вне связи с жизнью нашего народа, без связи с его судьбами, а часто и во вред ему. Таким, например, было участие Казаков в завоевательных войнах Московии на западе. Ничего осязательного не принесло нашим предкам и деятельное участие в покорении Казанского царства. Акт признания за ними прав на Донские берега и на Старое Поле оказался лишь клочком бумаги. Пришло время, когда усилившийся сосед отбирал от них и царскую грамоту и все земли. Помощь при овладении Астраханью оказалась для Казаков просто катастрофической: сильный сосед окопался на их флангах и тылах.

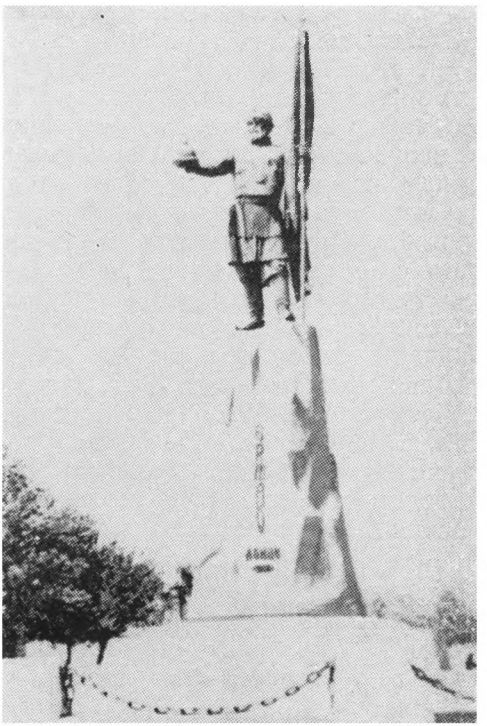
Тиким же безплодным стало для Казаков завоевание Сибири. Ермак Тимофеевич мог несколько недель гордиться титулом **сибирского князя**, его погибших соратников записали в синодики сибирских церквей. В этом заключалась их награда, а народ, из недров которого они вышли, в глазах царя и московитов остался тем же **воровским** и ненадежным. От него требовалась покорность, а на его земли смотрели, как на будущую жертву московского Молоха, **движущегося к естественным границам.**

Ермак открыл для России политические ворота в Азию. Дорога на восток помогла, замкнутому в европейских границах, Московскому государству двинуться на широкие просторы Сибири, а собирателям Земли Руской — обратиться также и в "собирателей земель монголо-татарских и угро-финских. Московия выросла во многонациональную Российскую империю, сильную не-

прерывностью владений, а что дало завоевание Сибири самим Казакам?

Ермак Тимофеевич был великим человеком, но Казаком его величие на пользу не пошло. По его примеру, плеяда казачьих **землепроходцев,** служа "покровителю православных" **с воды да с травы,** двинулась на **приискание новых землиц.** Россия покорила Вольных Казаков. Из них в Сибири создавались всё новые казачьи **Войска.** Основное казачье ядро дробилось, теряло волю, слабело. Могучие силы уходили на сторону, а родной край оставался в запустении, народ почти не имел натурального прироста, мало увеличивался в числе, беднел.

Так для Казаков сложились результаты расширения, обогощения и усиления Московии. Некоторая роль в этих результатах принадлежала и походу Ермака за **Югорский Камень.**

Памятник Ермаку Тимофеевичу в Новочеркасске

РАЗДЕЛ IX

ЗЕМЛЯ ЗАПОРОЖСКИХ КАЗАКОВ

Глава семьдесят шестая

ГЕТМАНЩИНА

"В 1507 году Менгли Гирей выдал Сигизмунду I-му ярлык на пограничные земли под условием уплаты "спелна дани и выхода",[1]) но от этого южная граница Великого княжества Литовского определенных очертаний не приобрела. Рубежи, так называемого, "Дикого Поля" по прежнему оставались совершенно неясными. До конца XVI столетия не соблюдали ее и Перекопские Казаки, поселившиеся на север от реки Роси и признавшие власть литовского великого князя. Граница для них все еще оставалась открытой и, создав здесь оплот от татарских нападений на Литву, они сами продолжали беспрепятственно переходить от Черкас за пороги и с Низа к Черкасам. Новые казачьи городки и поселения управлялись выборными атаманами и сохраняли строй вольных общин с прежним обычным правом. Для непрерывных связей с польско-литовским королем, которого Татары даже считали черкасским царем,[2]) Казаки прибегали к покровительству литовских же магнатов: Ланскоронского, Дашковича, Вишневецких, Ружинских и др. Но в то же время они не изменяли древним казачьим обыкновениям, собирались в Кола и из года в год избирали атаманов. От 1512 по 1534 годы их военным вождем и представителем перед местными властями оставался Венжик Хмельницкий.

В источниках не осталось известий о том, объединились ли Перекопские Казаки, придя на Рось и в Посулье, с Казаками-аборигенами, то есть с теми, что оставались там со времен их предков Черных Клобуков или с теми, что за два века перед тем основали город Черкасы. В дальнейшее время они нигде не выделяются в

---

[1]) В. И. Пичета, Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-Русском государстве. М. 1958, стр. 20

[2]) ИСТОПЗВД, стр. 7: «Еще в XVI веке Нагаи называли короля Польского — царем Черкасским».

особую казачью группу и всегда понимаются, как Запорожцы или Запорожские Черкасы. Поэтому приходится думать, что они включились в общий строй казачьей жизни, несмотря на то, что ко времени прихода Перекопцев у них существовало классовое расслоение, появились первая казачья шляхта, размножившаяся при Сигизмунде I. Великие князья желали как то наградить усердную службу отдельных лиц. Так же как и другим подданным, они выдавали заслуженным Казакам **привилей** на шляхетское звание. Затем какой нибудь старый боярский или шляхетский род **адоптировал** нового шляхтича, допускал его к своему фамильному прозвищу и к своему гербу. Тут же Казаки получали и преимущества материальные в виде земельных угодий, с правом строить на них хутора. У этих новых хозяев появлялась нужда в рабочих руках, а так как в степях, кроме Казаков, других жителей не было, рабочих добывали во время набегов на Московию, Крым и Турок, когда приводилась пленная молодежь. Свой брат-Казак идти в работники — аргаты не желал. Пастухами, табунщиками, овчарами делали пленников.

Можно ли сомневаться, что такое сословное деление — точный указатель: Казаки в своей массе классом (сословием, станом) не были. В Литовских Статутах, где указаны **станы,** на которые делилось население государства, Казаков нет. Они вошли в состав населения Литвы, как народность. Области, полученные ими от королей, составили в Великом княжестве часть с местным самоуправлением, где проживали Казаки — селяне, Казаки — мещане и Казаки — дворяне.

После того как Поляки и Литовцы подписали акт Люблинской Унии, отношения между Казаками и государством в корне изменилось. В Польше от короля и магната до босоногого хлопа все ликовали по поводу расширения границ, не предполагая, как им дорого обойдутся земли Киевщины, заселенные Казаками. В королевстве оказалась Земля Запорожских Черкасов, по духу казачьего населения не отвечавшая существовавшим в Польше социальным отношениям, а за рубежами королевства на юге возникло очень неудобное соседство — Запорожский Низ. Все это причинило Речи Посполитой много кровавых хлопот.

В резонной оценке профессора И. И. Лаппо, общественно-политический строй Польши отличался особыми свойствами: ни городской класс (мещане), ни крестьянство не считались там полноценным народом. "Народом ее была только шляхта. Король соединенной Ре-

чи Посполитой был королем только этого народа". "При таком положении, конечно, не могло быть и речи о том, чтобы народные массы дорожили государством, в котором они жили". "Для них государственной власти в сущности в Речи Посполитой и не было, а была лишь власть "панов шляхты".[3])

Шляхта же понимала остальных жителей страны, как тягловую силу существовавшую для того, чтобы создавать благополучие шляхетно-рожденных панов. Получив во владение Литовскую Украину, влиятельный класс Польши не заметил отчетливого различия между покорившимися украинским кметем и вольным сыном степей. Магнаты и шляхта попытались и Казаков сделать своими **аратами.** Создался ряд кровавых осложнений, чуть не погубивших и саму Речь Посполитую.

Короли Ягелоны из рода Гедимина знали Казаков со времен Великого княжества Литовского. Сигизмунд I создал традицию взаимного с ними благорасположения. Следуя этой традиции и желая убедить широкие круги польской шляхты в ее целесообразности, короли пытались сгладить нарождающиеся антагонизмы, уразняв с нею хотя бы часть Казаков. При ограниченности королевской власти, они обладали правом выдавать **привилей** и широко им пользовались. Казачья шляхта множилась, появились **адоптированные** с польскими фамилиями, а в некоторых случаях — с казачье-польскими (как Мазепа Колядинский).

Сразу после Люблинской Унии были заложены кадры казачьего гвардейского дивизиона, вскоре развернувшегося в литовской гвардии Пятигорский полк, очевидно, по имени пришедших с Кавказа в границы Польши Пятигорских Казаков. В 1578 году создан **реестр,** выдвинувший из казачьего рядового **товарищества** особое сословие с правами, равнявшими реестровцев с низшим слоем шляхты, **шляхты загродовой.** Наступило отчётливое классовое деление, так как остальные Казаки оставались в посполитой серости. Произошло оно не в порядке естественных социальных процессов, а по посторонней воле. За этим последовала и перемена в казачьих взаимоотношениях. Новая шляхта стала подражать в быту чужим дворянам.

А подражать было кому! По крайней мере — во внешних формах жизни. Неизвестно, много ли нового и ценного могла дать Казаку, недавнему кочевнику, духовная культура Средневекового Запада. Веяния строгого

---

[3]) И. И. Лаппо, Западная Россия и ее соединение с Польшей, Прага 1924, стр. 180

Востока и античной Эллады в его внутреннем складе уживались с заветами Христианства и он не испытывал нужды изменять свое миропонимание, свои взгляды и традиции. Но во внешнем блеске независимого и обеспеченного рыцарства нашлось много привлекательных, заманчивых свойств и для нового шляхтича Казака.

На землях Гетманщины еще при литовских князьях появились свои рыцари, задавшие тон при дворах местных князей-воевод. Еще больше их прибыло после Люблинской Унии и польской колонизации **Пустыни Надпрянскей.** Образцы **благородного быта** гордых, а подчас и богатых, польских дворян стали встречаться на каждом шагу, распространяя свое завидное и романтическое обаяние на новую казачью аристократию. Тот же Боплан писал:

> "Русское дворянство, впрочем на Украйне немногочисленное, походит на польское и стыдится повидимому исповедывать иную веру, кроме католической, которая ежедневно обретет в нем новых приверженцев, несмотря на то, что все вельможи ведут род свой от Русских".

Не удивительно, что шляхтетские бытовые влияния проникали и в слои новой казачьей шляхты. Эти Запорожцы особенно "тянулись", изменяли свой скромный образ жизни, подражали во всём чужим рыцарям, включая одежду и обычаи. Им следовали и рядовые реестровцы, а там и все **Запорожские товарищи,** почитавшие себя вольными людьми, не хуже всякого польско-литовского шляхтича, хотя бы по праву носить оружие и владеть недвижимым имуществом. Такие стремления автоматически повышали уровень их жизненной культуры, но они же стали причиной зарождения свойства, раньше им незнакомого: пренебрежения к людям, стоявшим на низшей общественной ступени. Национальная гордость начала подкрашиваться гордостью классовой. Это и приметил Англичанин Джильс Флетчер, подчеркнув:

> "Черкасы, живущие при юго-западных границах Литвы, гораздо цивилизованнее остальных Татар. Это красивые люди с манерами полными спокойного достоинства. Во многом они берут пример с Поляков. Часть из них подданные польского короля и христиане[4]).

Ко всему, казачья шляхта, живя в Речи Посполитой, заговорила на польском языке, а иные начали пользоваться в разговоре и латинскими вкраплениями. Бога-

---

4) Giles Fletcher,, Of the Russe Commonwealth.

тые Казаки отдавали в науку сыновей не только в близкий Киев, но даже в отдаленный Острог и Львов. Оттуда из польских школ они и приносили знание латинского языка, весьма распространенного среди Поляков.

Интересна история образования реестровых полков. В Польше реестровцы оказались тем же, чем были служилые Казаки в Москве.

Формальная граница между новыми владениями Турции и новыми владениями Польши между Бугом и Днепром прошла по речкам Синюхе и Тясмину, но это не мешало Казакам занимать турецко-татарские земли, образовать на безлюдном **Диком Поле** Низовую республику и организовать там вооруженную базу постоянных нападений на владения султана.[5] Попытки Татар уничтожить Сичевой Низ не удавались, да они и не брались за это особенно энергично, может быть потому, что эта область в Крымской орде считалась юртом Перекопских Казаков, которые размешались там снова под новым именем Запорожцев.

Турки, терпевшие многие беды от их нападений, хорошо знали, что среди Низовцев находилась много Казаков подданных короля с Роси и от Черкас, а потому ответственность за набеги Запорожцев полностью возлагали на Польшу, хотя движение на Низ и обратно в королевство польскими властями строго запрещалось. Запрещения ничего не помогали, границ никто не охранял постоянными заставами, Запорожцы с польских "волостей" продолжали посещать Низ и участвовали во всех его военных предприятиях.

Для Польши, как и для Турции, казачье независимое общество за порогами казалось совсем нежелательным. Кроме осложнений в отношениях с султаном, Низ создавал различные соблазны для ее казачьего населения. Благодаря ему у Казаков укреплялась уверенность в особенных правах. Проживая в королевстве, они не признавали подчинения польским старостам, если жили мещанами в городах, знали только своих громадских атаманов, а новых арендаторов и панов встречали, как врагов. Каждый из них знал, что перешагнувши рубеж широкого Поля можно освободиться от гнетущей близости и чужих властей и переселенцев.

Король Стефан Баторий **1576 - 1586** сделал попытку прекратить "самоволю казацкую", уже в первые го-

---

5) Турки отказались от границы по Синюхе и Тясмину в пользу Сичевой республики только по Белградскому миру с Россией в 1739 году.

ды своего правления. Он начал переговоры с крымским ханом о совместном наступлении на казачий Низ, а киевским воеводам и всем старостам отдал приказ уничтожать каждого низовца, пытавшегося пройти в Польшу. Кроме этого введены различные ограничения и для Казаков, проживавших в Польше.

Однако, такие мероприятия не удались. Хан не выразил желания совместных действий, а усиленный гнет заострил казачье-польские антагонизмы и вызвал массовый уход Запорожцев на Дон и в Московию. Король приказал прекратить строгости и перешел к той системе, которая давно практиковалась на Москве, к системе служилых Казаков. Был создан **реестр.**

По Бантыш Каменскому в 1578 году для реестра отобрали 20 000 местных Казаков, но первоначально в пятисотенные полки и в артиллерию взяли только 6 000, зачислив остальных в резерв. Каждый полк назывался по своему уезду: Черкасский, Чигиринский, Корсунский, Уманский, Лодыженский, Богуславский, Киевский, Переяславский, Полтавский и Миргородский.[6]) Назначенные командиры полков становились старшими военно-административными начальниками всех Казаков, проживавших в уезде (повете). Здесь, как в ордах или в Московии, служилой считалась вся община, из которой пополнялся полк.

Одновременно был создан и пост казачьего гетмана. Его идея появилась в результате постоянного сотрудничества Запорожцев с польско-литовскими вельможами. Казакам из Черкас и с берегов Роси часто приходилось ходить в походы, договорившись с магнатами Острожскими, Сангушко, Язловецкими, Заславскими и другими. Иногда на их средства и под их командой снаряжались походы и к берегам Чёрного моря. Это, вероятно, и подсказало решение вопроса о полном подчинении Казаков государству при помощи лица верного королю и угодного Казакам, без нарушения традиции выборности начальников. Вообще, пост гетмана здесь не был новым. В Польше и Литве так назывались главнокомандующие и их помощники, гетманы коронные и гетманы польные, а теперь учреждался пятый с титулом **Гетмана Войска Запорожского и обеих сторон Днепра.**

Подыскивался вельможа, заслуживший симпатии Казаков и угодный верховной власти. Казачье Коло соглашалось с его назначением. Новый гетман, будучи исполнителем королевской воли, становился команди-

---

[6]) Д. Н. Бантыш Каменский, История Малой России, часть I.

ром реестра, гражданским начальником всех местных Казаков, а одновременно и их ходатаем перед королем.

В отличие от Сичевого Низа, Литовскую Украину привыкли называть **Гетманщиной,** а в Москве ее считали Землей Запорожских Черкасов.

При гетмане состояла Рада Казачьих Старшин. Из ее среды гетман назначал: своего заместителя — генерального судью, начальника артиллерии — обозного, генерального писаря, генерального есаула и генерального хорунжего. Он же назначал полковых командиров, при которых состояли выборные судьи, обозные, хорунжие, сотники, писари и есаулы, но уже без эпитета **генеральный.**

За преступления, совершенные во время службы, реестовцы судились в полковых судах, с правом жаловаться гетману на несправедливые приговоры. Казаки проживавшие на волостях, вне военного строя, подлегали судам поветовым (уездным). К ним применялся Литовский Статут 1529 году с его дополнениями 1566 и 1588 годов. Казачье обычное право нерушимо действовало только на Низу.

Особое место среди казачьих полков занимал в Литве полк Пятигорцев. Явившись с Кавказа в границах Речи Посполитой около 1575 года, Пятигорцы, как люди в стране новые, проявляли наибольшую покорность и заслужили там почетное положение. Из них сформировали литовской гвардии **Пятигорский полк,** а кроме этого в боевой готовности состояло еще несколько тысяч Пятигорцев. В 1605 году с разрешения властей они присоединились к войску мнимого царя Дмитрия. С ним на Русь пошло завоевывать московский трон около восьми тысяч Пятигорцев. [7])

В реестр и в казачью гвардию назначались самые надежные, заслуженные и преданные короне люди, в том числе и Казаки из родов, получивших от королей боярское или шляхетское достоинство. Но кроме них оставались десятки тысяч казачьего **поспольства,** живой источник пополнения и для реестра и для Низа.

Создавая реестр, Баторий надеялся взять Казаков в

---

[7]) Русская Историческая Библиотека т. I, стр. 198. Дневник событий относящихся к Смутному времени: «Того же года 10 июля царь от Угры двинулся с войском к Москве в таком порядке: 1) полк Хрослинского — 200 Казаков, 600 Пятигорцев, 100 гусар; 2) полк Тышкевича 100 Казаков, 600 Пятигорцев, 200 гусар; 3) полк гетмана — 300 Казаков, 5 600 Пятигорцев, 100 гусар; 4) полк Будилы — 400 Казаков, 600 Пятигорцев, 200 гусар».

Гетман и реестровый полковник. Рис. Г. Шелковникова (по Ригельману)

рамки общегосударственного правопорядка и прекратить их выход за границы Польши. Низовцев он своими людьми не признавал. На жалобы султана и крымского хана отвечал так же, как московский царь, что виноваты не его Казаки, а вольные люди и что он за их действия не отвечает. Но и у его Запорожцев появились причины для недовольства.

После окончания войны с Москвой (1578 - 1582), когда в ряды королевской армии добровольно поступило около тридцати тысяч Запорожцев с Гетманщины, участвовавшие в ней Казаки ожидали получить за поход, обещанную им, специальную награду. Но коронная касса была пуста, а король считал, что он и так достаточно их наградил, восстановив прежние казачьи права, дав им гетмана и реестр.

Между тем, домашнее хозяйство за время отсутствия кормильцев пришло в упадок, создались многие недостатки. Пополнить их можно было только наведавшись к своим добрым соседям, Туркам. Казаки двинулись на Низ и скоро их ружья снова загремели на берегах Чёрного моря. Кто возвращался из походов живым, тот обеспечил семью всем необходимым, предоставив королю и воеводам гневаться на "своеволю козацкую".

Далекие морские походы начались на 3-4 года раньше. В первом из них погиб атаман Скалозуб. На суше в сичевые традиции вошла борьба за Молдавию, ближайшую соседку Днепровского Низа. Казаки охотно принимали участие в походах претендентов на молдавский трон, надеясь с новым господарем избавить край и от Турок. В **Киевском Летописце** под годом 1574 сказано:

> "При короле Генрихе Французе гетман запорожский Сверчовский; сей с Ивонею, господарем волошским, по 14 щастливых ему и себе над Турками викториями, в Волохах от Турков убит со всем войском".

Люблинский шляхтич Дружко Сверговский или Сверчовский стал популярным среди Казаков, узнавших его ближе, когда он принимал деятельное участие в основании города Кременчуга. В поисках рыцарских подвигов, он пошел с ними помогать Волохам в их борьбе с Турецией и погиб вместе со всем отрядом.

Таким же популярным среди Запорожцев стал князь Богдан Ружинский. Он вырос между Казаками, которые прозвали его **Богданко-Ружный.** В 1575 году Казаки из Черкас и Канева под его командой напали на Татар в

устьях Днепра и возвратились с богатой добычей. В ответ и Татары "вошли к ним подале, людей множество пленили, а города и села немало пожгли и разорили". В следующем году, по словам киевского **Летописца**, "сей повоевал Крым мало не ввесь", но погиб при осаде Ислам Керменя.

Начав борьбу за влияния в Молдавии и Валахии, Запорожцы продолжали ее и при Батории. В 1577 году среди них появился брат молдавского господаря Ивонии, Иван. Физически невероятно сильный (будто бы ломал в руках подкову), он получил у Казаков прозвище **Подковы.** Иван Подкова просил помочь ему водвориться на молдавском троне, который занял, скинув Ивонию, турецкий ставленник Петрила. Запорожцы охотно взялись и за это дело. С атаманом Шахом они изгнали Петрилу и посадили на молдавском господарстве Подкову. Петрила дважды возвращался с Турками и оба раза ушел побитым. Однако, новый господарь не заслужил популярности у местного населения и у молдавских бояр. К тому же победители знали, что сопротивлению Турок не будет конца. Они покинули Молдавию и отошли в казачьи поселения на Южный Буг.

Вся эта затея не отвечала желаниям короля Стефана Батория. Он происходил из Трансильвании и был противником рода Ивонии. По его поручению князь Збаржский заманил Подкову к себе в Брацлав и уговорил отправиться в польскую столицу. Ничего не подозревавший молдавский князь поехал в Краков, по пути был схвачен и казнен на львовском рынке в 1578 году. В киевском **Летописце** говориться: "Тело же его Казаки в Каневском монастыре погребли".

Кошевым атаманом в то время состоял Иона Петражцкий, казачий шляхтич, а после него выбрали Шаха и Запорожцы, "мстячися за Подкову, всякую Волохом беду чинили". Шах снова повел их на Молданию с братом Подковы Александром. Турки разбили его отряд, Александра взяли в плен и замучили, посадив на кол. Следующий поход с сыном Александра Петром тоже не удался. Петр погиб в плену. Шах же по настоянию старшины ушел в Канивский монастырь, в 1579 году постригся в монахи и там закончил жизнь.

Для истории сохранились имена следующих за Шахом кошевых: Позытыла, Павлюк и Нечай Сагайдачный.

Глава семьдесят седьмая

ЗАПОРОЖСКАЯ ЗЕМЛЯ

С тех пор, как Казаки поселились в границах Литры, Московские Русы стали называть Литовскую Украину **Запорожской Землею.** [1]) В актах также добавляли пояснение: "От Конотопа до Чигирина". [2]) Жителей Запорожской Земли в русских актах именовали Черкесами, Черкашенями или Казаками. Казаки там проживали на хуторах, в слободах и в городах. Соответственно с этим, они считались хуторянами, слободжанами или мещанами. [3]) От 1569 года Запорожская Земля находилась в границах Польши. От Сичевого Низа ее отделяла политическая граница, но это не мешало жителям Гетманщины по прежнему постоянно общаться с Низовцами. Те и другие Казаки жили общим бытом, питались общим духом независимости и когда начались первые восстания против иноземной, опостылевшей, власти, они всегда находили сочувствие и помощь у единоплеменников с Низа.

В восьмидесятых годах шестнадцатого столетия напряженность отношений между Казаками "польских волостей" и местными властями достигла высшей точки, юго-восточные окраины Речи Посполитой стали ареной непрерывных казачьих бунтов. Они часто разрастались в крупные восстания, поддержанные низовцами.

До Люблинской Унии Казаки, перешедшие на Литовскую Украину из за порогов, чувствовали себя здесь безраздельными хозяевами широких степей, лесов и вод, переданных им во владение великим князем и постановлением Сейма. Теперь же, после 1569 года их стали окружать десятки украинских слобод, а старосты и арендаторы требовали от них выполнения разнообразных повинностей. Незаконные принуждения выводили из терпения, то тут то там начинался бунт, в результате которого громились не только усадьбы польских переселенцев, а и новые их замки. Но число Украинцев на

---

[1]) ВУСР т. II, стр. 158: «Да Григорей же Унковский, будучи в Запорожской земле, проведал всяких вестей».

[2]) Там же, стр. 148: «А как ехали Запорожскою землею от порубежного города Конотопа до Чигирина».

[3]) Там же, стр. 332: «Города Гадича Черкашенин торговой человек Яцка Луценка сказал: нынешнего де 158-го году в генваре месяце в городе Гадиче был де он у Черкашенина у мещанина у Филипа на обеде».

Запорожской земле продолжало расти, переселение шло прежними темпами.

Численное отношение между старыми жителями **Пустыни Наднепрянской** и новопоселенцами, после полувека колонизации, хорошо показывает акт люстрации Киевского воеводства, составленный в 1622 году.[4]) Там указывается:

По Киевскому старосту: В городе Каневе у **послушных** мещан домов 140, у **непослушных** мещан-Казаков домов 150. Польские люстраторы жалуются, что Казаки никаких повинностей выполнять не хотят и никакого послушания не оказывают, хотя забирают в свое пользование почти все поля и реки.

В том же старостве при 19 украинских **послушных** деревнях, **непослушные** Казаки занимали 11 деревень: Пекарское за Днепром, Решеты, Биркозово, Выргапы, Крышин, Чабановку, Костенец, одни и другие Тростенцы, Райтков и Селище. Трехтемировскому монастырю принадлежали две деревни и одна новопоселенная слобода.

По Переяславскому старосту: Город Переяслав и местечко Яготин обязаны выставлять 260 всадников для пограничных патрулей и для охраны города. Местечко Елмазов было еще свободно от податей 12 лет. В двадцати пяти деревнях и хуторах проживало больше тысячи Казаков, от которых никакой пользы государству и послушания властям не было, хотя они свои поля и угодья никому не уступали. Между ними проживало **послушных** подданных с ограниченными податными обязанностями 280. Местечки Березань, Быков, Яблоново и Миргород не осмотрены из-за разлива Днепра и малых речек. Сообщали только, что там обнаружена соль и варили селитру.

По старосту Корсунскому: Города Корсунь, Стеблиев, Чигирин и новопоселенные местечки Крылов и Данилов. Деревень не было, а казачьи хутора располагались частично при Корсуни, а частично при Стеблиеве. Количество Казаков в акте не указано, но они, вероятно, составляли преобладающую часть населения. Чигирин основан Казаками, одно время играл значительную роль в их жизни, а потерял свое казачье содержание только после нескольких разгромов. Корсунский и Стеблиевский курени существовали в Сичи до последнего времени.

---

[4]) ВУСР т. I, стр. 29 след. К сожалению, более подробных данных в моем распоряжении не оказалось.

По старосту Черкасскому: В городе Черкасы **послушных** и военнообязанных мещан 120 человек, выставлявших столько же всадников; домов, принадлежавших **непослушным** мещанам-Казакам, находилось в городе и его хуторах свыше тысячи. В местечке Арклий — **послушных** украинских домов 50, а казачьих **непослушных** — 400. Подобное соотношение образовалось и в местечке Голтва: **послушных** 20 домов, а **непослушных** казачьих — свыше 200; в местечке Крапивное — **послушных** 60 домов, **непослушных** казачьих 200; в местечке Мандзела с городищем — **послушных** украинских 6 домов, **непослушных** казачьих 16; в слободе Богушково — домов **послушных** 5, **непослушных** казачьих 40. Там же 16 деревень и хуторов по обеим сторонам Днепра, очевидно тоже казачьих, так как с них не поступало никакого дохода. В год люстрации (1622) основано еще две украинских слабоды со льготою на 20 лет, свободных от податей, на речке Вицивица и на Сарском городище. Не поступало доходов и с поселений на реке Ворскле с ее притоками Полузорой и Кустовой.

По Богуславскому старосту: Город Богуслав на Роси — **послушных** мещан 100 и столько же Казаков, несших охранную службу при старосте. На хуторах и в деревнях послушных подданных не было, они все принадлежали Казакам: Биевцы, Олеховец, Бильмачи, Тептыевка, Охматов, Дембинцы, Мисайловка, Исайки, Щербановка, Туники, Лыки, Уле и Семерхов.

По старосту Белоцерковскому: Город Белая Церковь на Роси — 300 **послушных** мещан пользовались полученными вольностями, податей не платили, только несли охранную службу. Среди них могли быть и Казаки. Деревни и хутора сплошь казачьи: Мужинцы, Ломикозинцы, Дулицкие, Руда, Хвощевка, Устье у Ростявиц, Трущеково, Латки, Бутовичи, Городище, Цебулино, Козаники, Волоты Устье, Панский Млынок, Безугляки, Пишиково, Напрасники, Трухончицы, Дроздово, Сыдорчицы, Михайлово Городище, Паленичинцы, Бердники, Бихувка, Пиньчуки, Селивончицы, Дублянчицы, Глушки, Храпачи, Скробеши, Острицкий на Узеню, Томилово, Сухолисы, Сиротынино, Клоцки, Петухи, Пилипча. В городе Трилисы послушных мещан 60; они никаких податных повинностей не выполняли, обязаны были только нести охранную службу. Любомир и Пясечна слободы и местечко Таборувка, только недавно были заселены украинскими крестьянами. Кроме этого, там находилось несколько деревень боярских, из которых одна принадлежала Николаю Мазепе Колединскому, несомнен-

ному Казаку и предку будущего гетмана. Владельцем урочища Тарасцы указан боярин Николай Лесёвич, оказавшийся в числе **непослушных** Запорожцев.

Кроме этого в старостве числилось одинадцать или двенадцать новых слобод, отданных в аренду различным шляхтичам.

Все цифры в актах люстрации относятся ко взрослым мужчинам, ответственным за выполнение повинностей.

Староства Каневское, Переяславское, Корсунское, Черкасское, Богуславское и Белоцерковское составляли некоторую часть земель, прозванных в Польше "Пустынней Надднепрянской". Из данных люстрации следует, что там число Казаков всё еще превосходило в два раза число новопоселенных Поляков, Украинцев и Белорусов. На левом берегу Днепра Казаки сохранили еще большее численное превосходство, так как там, в Северщине, колонизация шла замедленными темпами. Но и здесь и на Правобережье число новоприходцев росло с каждым годом.

Приблизительную численность казачьего населения всей Гетманщины к середине XVII века можно извлечь из слов Боплана:

> "Здесь получили начало свое мужественные витязи. Казаки Запорожские, давно уже расселившиеся по Днепру и в окресностях оного; теперь насчитывают до 120 000 Казаков, закалённых в битвах и всегда готовых по первому приказанию через неделю выступать в поле, на службу королевскую". [5])

Если принять, что эти **мужественные витязи** составляли 12 % общего количества казачьего населения Гетманщины, то Казаков там вместе с семьями всех проживало около одного миллиона душ обоего пола.

---

[5]) Боплан. Описание Украины, стр. 4

Глава семьдесят восьмая

СИЧЕВОЙ НИЗ

С того времени, как на Литовской Украине появились польские магнаты и их наместники, Казаков перестало удовлетворять положение охранителей чужих государственных рубежей, они массово двинулись обратно за пороги. Уходили на время, уходили и навсегда с семьями. Во второй половине XVI века за порогами собрались множество казачьих семей. Они шли туда с Гетманщины, во первых, потому, что там находилось их **старожитное место,** их юрт с того времени, когда они еще состояли в Крымской орде и считались Перекопскими Казаками; во вторых, потому, что там уже от начала века сложились боевые кадры из бессемейных Казаков, обеспечившие для жителей относительную безопасность; в третьих, потому, что там они освобождались от гнетущей близости польских колонизаторов. Приходя на Низ, они там соединялись с Запорожцами, его никогда не покидавшими, умножили их число, усилились и стали владеть краем на основах насильственного отделения от Крыма. Появилось военно-политическое общество, не знавшее над собой иной власти, кроме свободной воли собственного народа. При значительном количестве жителей, образовался зародыш Казачьей речной республики, развившийся с годами в государственную формацию — **Сичевой Низ**.

Годы зарождения республики проходили при невероятно трудных условиях. Постоянно ожидая нашествия турецко-татарских войск, молодое государство должно было закрепить за собой во владении Днепровско-бугское междуречье; с севера надо было предупредить попытки Литвы и Польши шествовать за своими бывшими подданными на земли Запорожья; приходилось сохранять лояльные, а иногда и служилые, отношения с растущей Московией и в этой сложной обстановке организовать аппарат управления, создать сильное войско, обзавестись всем необходимым в военном и домашнем хозяйствах.

Жизнь в полукочевом быту, трудности организации и первоначальное неустройство придавали казачьему обществу несколько стихийный образ, но постепенно оно обратилось в республику классического типа. В Москве, Польше и Литве ее терпели, как бесплатный

христианский заслон со стороны магометанского юга, но ее строй считали "неистовым". Турецко-татарские попытки уничтожить ее не удались.

В истории Сичевой Низ часть приравнивают к рыцарскому ордену; но можно ли ставить знак равенства между двумя совершенно различными общественно-политическими явлениями?

В самом деле: С одной стороны имеем этнически однообразное общество, собравшееся по своей воле и на своей земле, на Старом Поле, а с другой стороны — искуственно созданную аристократическую корпорацию, орден; с одной стороны — вооруженный народ, явление обычное для Средних веков и в Европе и в Азии, а с другой стороны — привилегированный класс в многосословном государстве; с одной стороны — бессословная республика спартанского типа, а с другой стороны олигархическая власть небольшой рыцарской группы над иноплеменным народом, покоренным с помощью оружия. И если сами Запорожские Казаки иногда называли себя рыцарями, то только потому, что для лиц, посвятившихся военному делу и служению интересам Христианства, в то время наЗападе другого почетного определения не сложилось.

Три главных элемента принятые в правоведении, как составные части определяющие государственность: территория, народонаселение и власть, дают довольно точное понятие о каждом государстве. Возникшая на Днепровском Низу, Казачья республика имела все свойства для того, чтобы считаться государством, речным государством, с основной казачьей народностью, на определенной территории, с твердоустановленной властью и, что неотделимо от понятия **государство,** со своим особенным общественным строем. Сичевой Низ — казачья республика, государство с крепкой социальной, хозяйственной, военной и даже культурной организацией.

Неустойчивые вначале границы Сичевого Низа, к концу XVI столетия оформились довольно отчётливо. На севере они упирались в речки Тясмин и Синюха, то есть в линию установленную по договорам между Литвою и Крымом; на западе граница шла по реке Южный Буг, на востоке распространялась за Днепр к речке Самаре, а на юге непрерывно перемещалась по направлению к Днепровскому лиману. Вначале сухопутная граница на юге начиналась от излучены Днепра у Бузулуцких плавней и шла на запад к Бугу. Вообще, жизнь Казачьего Низа не замыкалась в круге боевых форпостов, какими стали Томаковская, Чертомлыцкая и Бузулуцкая Сичи.

Его жители непрестанно распространялись всё дальше, занимая свободные степи и берега речек, под охраной выросших повсюду укреплений или **окопов.**

На севере Казаки использовали и остатки Хортицкого замка, построенного князем Дмитрием Вишневецким. Из первоначального треугольника они придали ему форму, больше отвечающую правилам фортификации. Теперь замок принял очертания восьмиконечной звезды со многими привходящими углами. Его окружили рвом, валом, двойным частоколом, рогатками и "волчьими ямами". По днепровскому берегу и особенно по сухопутным границам возносились сигнальные курганы и укрепленные пункты. Переправы через Днепр и меньшие реки охранялись с особенным вниманием. Здесь стояли форты окруженные рвами и валами. Их занимали постоянные гарнизоны. Вооруженное население было всегда готово к обороне края и своих жилищ. Оно всё сплошь состояло из Казаков Днепровских, к которым переселялись и Донцы. Значительная часть их посвящала боевой деятельности всю свою жизнь. Это, так называемые, **товарищи.**

Товарищество — специальный термин, обозначавший корпорацию воинов заслуженных и состоящих в рядах до пожилых лет. Некоторые из них оставались безбрачными всю жизнь. За годы боевой жизни они прошли все пробы и искусы, а потому приобретали некоторые влияния в общественной жизни. Преимущества товарищей выражались только в особой авторитетности их слова и не влекли за собою никаких материальных выгод, но в их лице среди казаков намечался зародыш класса. Ко мнению товарищей прислушивались более внимательно, ценили их боевой и гражданский опыт, чаще выбирали на должности атаманов, полковников, сотенных командиров и других начальников. Как на Дону из Казаков **старых,** на Сичевом Низу ведущий слой складывался из **товарищей.**

Стать **товарищем** было заветной мечтой каждого молодого Казака. Выросши до юношеской зрелости, **молодик** всё равно приобретал полноту гражданских прав, но положение **товарища** считалось почетнее. Поэтому в корпорациию и стремились большинство молодежи.

Непременным условием приема в товарищество было казачье происхождение и принадлежность к Православной вере. В актах не сохранилось указаний, чтобы в корпорацию был принят кто либо иной. К тому же до 1569 г. в областях ближайших к Низу не было почти ни-

кого, кроме Запорожцев и Казаков-аборигенов из города Черкас и Канева, из Поросья и Посулья. Не было там и помещиков с угнетенными **подданными.** Литовские поместья, украинские и белорусские села появились голько за левым берегом реки Тетерева, по другой стороне Чёрного Шляха, опустошенного Татарами и всё еще не заселенного, широкого пути в Европу. Литве за всё время едва удалось восстановить часть Киева и построить два-три замка в Подолье. При Литве от Канева и Черкас до Белой Церкви и Брацлава пограничное население состояло из одних Казаков. На Низ являлась одна казачья молодежь, перед принятием в сичевую корпорацию, проходившая суровую выучку под руководством одного из старших **товарищей.** Если молодик или **джура,** как его называли по ордынской привычке, не закончил какой либо школы в Гетманщине, его три года[1]) обучали в школе сичевой грамоте, счёту, основам Православной веры, а вероятно, и модной в то время реторике, уменью выражать в речи свои мысли понятно и образно. Если за годы науки джура проявил духовную крепость, трудолюбие, неприхотливость, целомудрие и послушание, если сумел один в лодке миновать все пороги,[2]) а в очередном морском или сухопутном походе оказался смелым бойцом, то по возвращении в Кош Войсковая Рада выдвигала его достойным кандидатом на звание товарища и очередное Коло провозглашало его в этом почётном звании. Он приобретал полноту гражданских прав и мог оставить на макушке пук волос, чуприну или оселедец, признак своего высокого достоинства.

Здесь следует заметить, что распространенное мнение о том, будто бы в ряды сичевого войска был открыт свободный доступ для всех желающих — ни на чём не обоснованная выдумка людей, пытавшихся представить казачье общество, как интернациональный сброд авантюристов. Никого кроме Казаков Днепровских или Донских в сичевые круги не принимали, а своих людей, как говорилось выше, основательно муштровали.

Польский историк К. Шейноха говорит, что в источниках среди низовцев иногда вспоминаются и Татары. Вернее всего, это Казаки-мусульмане, возвратившиеся в Православие, то есть такие, каких русские источники называют **новокрещенными.** Среди прежних Ордынских Казаков их было не мало.

---

[1]) Историк Запорожья Д. И. Эварницкий считает, что наука длилась семь лет.

[2]) Боплан, История Украины, стр. 21

По всем видимостям, до начала XVII столетия украинские или белорусские крестьяне на землях Низа не появлялись. В войско их не принимали, а немногочисленные хуторяне пользовались услугами пленников.

Тот, кто не поспешил обосноваться на Низу, а являлся там лишь время от времени, тот, кто не пробыл школьного обучения и предписанного числа лет испытаний, кто нарушил казачье право и запятнал свое имя каким либо неблагородным поступком, кто не был намечен к званию товарища старшинской Радой за исключительные военные подвиги, тот не мог стать членом корпорации **товарищей** и оставался **посполитным**.

Посполитный — термин польский, он обозначал принадлежность к рядовым массам населения. Сами Казаки часто его заменяли словом **чернь**, очевидно по аналогии с чернью пчелиного роя.

Посполитые обладали полнотой гражданских прав наравне с **товарищами.** Никакого деления, основанного на родовых или материальных преимуществах у Казаков на Низу не существовало. Каждый молодик, вышедший из поспольства, мог добиваться собственными стараниями зачисления в корпорацию товарищей.

Всё население Низа делилось и по роду деятельности. Люди, избравшие войну своей профессией, по большей части оставались холостыми обитателями сичевых укреплений, а семейные товарищи и посполитые обзаводились хуторами и сельскими дворами, вели жизнь коневодов и скотоводов, готовых по первому зову явиться в свой курень. Из общего земельного фонда для каждого куреня, атаманов и духовенства выделялись отдельные юртовые участки.

Зимою население хуторов и сел на много увеличивалось. С наступлением морозов угасал боевой пыл не только у Казаков, Татары тоже избегали зимних налётов. Если же они нападали, то только до того времени пока не выпадали глубокие снега, так как конница шла на подножном корму. Когда устанавливалась зима, гарнизоны казачьих крепостей и на переправах уменьшались и большая часть воинов расходилась к семьям в посады, в села, на хутора или в пределы Речи Посполитой к родственникам.

Жизнь в казачьих поселениях весь год протекала в хлопотах по хозяйству. Не сидели без дела и в укрепленных Сичах. Надо было подновлять охранные сооружения, делать запасы продовольствия, ковать оружие, обучать джур, варить еду и т. п.

Глава семьдесят девятая

УПРАВЛЕНИЕ СИЧЕВЫМ НИЗОМ

До конца XVI века большая часть Запорожцев всё еще проживала в границах Речи Посполитой. В Низовое войско поселения Гетманщины не посылали своих людей регулярно для очередной службы, по раз установленному порядку и соответствено количеству жителей. Казаки приходили за пороги только временами, отзываясь на призыв или по собственному желанию. Поэтому в Запорожье не удавалось создать такую стройную систему управления краем, какая существовала на Вольном Дону. Там Главное Войско, собравшись на Круг, одновременно служило и пропорциональным представительством всех городков, обращалось во Всенародное Собрание. Здесь же Общее Коло в начале составлялось из участников случайных, из Казаков Низа и Гетманщины, оказавшихся к моменту его созыва поблизости от главной Сичи. Состав такого Народного представительства не мог считаться регулярным и, вероятно, в качестве поправки, часть полномочий постановлено вручить Раде старшин, доверенному совету избранных атаманов и командиров. Получалось нечто вроде двупалатной системы. Каждое дело разбиралось предварительно на Раде, а затем поступало на рассмотрение в Коло, обладавшее правом окончательного решения. Выборы военно-административного аппарата, вопросы войны и мира и другие важные дела не могли решаться без его участия.

Ввиду того, что оба представительные учреждения состояли исключительно из воинов их называли Войсковым Колом и Войсковой радой.

Выборы Кошевого атамана, Войскового судьи, Войскового писаря, Войсковых хорунжего и есаула проводились первого января каждого года. Все должностные лица выбирались сроком на один год.

Звенели войсковые литавры, стреляли пушки и по их призыву на широком майдане главной Сичи собирались в Круг все, съехавшиеся на этот день, Казаки. Есаул и хорунжий выносили из церкви и устанавливали клейноды, знамена и бунчуки, а под ними собирались прежние старшины: кошевой атаман с перначём, судья с печатью, писарь с серебряной чернильницой. Старшины кланялись на все четыре стороны и кошевой объявлял: "Ныне, молодцы, у нас Новый Год, надлежит нам, по древнему нашему обыкновению, раздел в Войске ре-

кам и урочищам учинить". Тогда бросают жребий и выясняют, кому что достанется.

Затем кошевой снова обращается к Собранию: "Ныне, молодцы, Новый Год настал; может быть, станете вы новую старшину выбирать, а старых кого низвергать, по вашим обычаям?"

Если народ остался доволен правлением старшины, то выходили делегаты и говорили: "Вы нашли паны добрые; треба вам над нами панєвать и дальше", на чем и заканчивалась вся процедура. Если же Коло выражало желание выбрать новую старшину, то прежние правители укладывали свои знаки на шапки под знамёна, кланялись, благодарили за честь и удалялись. Тогда из толпы называли имена новых кандидатов и когда, после споров, приходили к общему решению, вызывали намеченного на должность человека и объявляли ему свое постановление.

Первым избирался атаман Коша, командующий войском с обязанностями правителя страны. Добрый тон требовал, чтобы избранник дважды отказался: "Я, братья, не чую себя в силах принять такой высокий пост", а Коло повторяло свое требование, отпуская по его адресу нелестные словечки. Несколько старших **товарищей** брали его под руки и тянули в круг, поощряя пиньками твердых кулаков и словами: "Иди, такой то сыну! Бо нам тебя треба, ты наш батька, будь нам атаманом!" Всё это делалось без злости и не унижало человеческого достоинства, но от этого бокам будущего атамана не было легче. Так его подводили под знамена, брали пернач, а он дважды отказывался взять его в руки и принимал его только после третьего принуждения. Теперь уже не мог отказаться, так как из разгоряченной толпы могли последовать серьёзные обвинения в нежелании послужить своему народу, а это равнялось по значению обвинению в измене. Новоизбранный больше не противился и окружавшие его продолжали этикет: один из них наклонялся, брал из-под ног горсть земли или грязи и мазал ею бритый лоб и грудь нового кошевого. Это значило: не забывай, что ты только слуга своего народа и не возносись в мечтах, вообразив себя, чем то высшим.

После окончания всей церемонии, обстановка в Высоком Собрании мгновенно изменялась. Народный избранник брал в руки пернач, кланялся и благодарил за честь избрания на такой высокий и ответственный пост. Гул толпы стихал. Теперь перед нею стоял **атаман,** отец мужей, и ему следовало повиноваться, как отцу в патриархальной казачьей семье, склонять голову перед его во-

лей и без замедления выполнять его распоряжения (конечно, до первого бунта, вызванного каким либо его неблаговидным поступком). За службу кошевые атаманы получали специальные участки земли, большую часть при дележе добычи и право отдавать в аренду лавки в пригородах.

Когда процедура выборов кошевого атамана бывала закончена, приступали к выборам остальных старших должностных лиц. Они происходили в том же порядке. Затем по куреням избирали куренных атаманов и других младших начальников, после чего устраивалось всеобщее пиршество с морем хмельного.

В военной обстановке кошевой атаман обладал неограниченной властью, а в остальное время должен был считаться со мнением и желаниями Войсковой Рады. Она состояла из тех же выборных должностных лиц и куренных атаманов. В первое время их было двенадцать, а после, когда население Низа разрослось, появилось больше куреней, усложнилось управление краем, тогда и состав Рады увеличился до нескольких десятков человек. Она состояла при кошевом атамане постоянным совещательным органом, принимала участие в его решениях по вопросам управления хозяйством страны и в очередных делах по сношениям внешним.

Судью выбирали не только в качестве блюстителя правосудия и высшей судебной инстанции. По библейской традиции он ведал также делами правления, считался помощником атамана в делах гражданских и военных. Во время походов кошевого мог заменять и хорунжий, в обычное время хранитель войсковой святыни — знамени.

На должность хранителя государственной печати, лица выполнявшего процедуру внешних сношений, избирался Войсковой писарь. Войсковой есаул выполнял обязанности старшего атъютанта при кошевом атамане и вместе с подъесаулами заведывал делами внутреннего порядка.

Войсковая Рада назначала: атаманов школьных — заведывающих образованием молодежи, атаманов крамных — заведывавших торговлей, атаманов лисицких — войсковых ловчих. Управляющих делами местными, — атаманов громадских, избирали сами громады, городские и сельские общества.

Таким образом, в каждый текущий момент на землях Низа существовала стройная организация управления, а всё население делилось на три **переменных** социальных слоя: старшину, товарищество и поспольство. Такое расслоение явилось следствием нормальнсго общественного развития и подсказывалось организационной целе-

сообразностью. Отбор кадров народ производил сам. Должностное положение наделяло отдельных лиц лишь временными полномочиями. Доступ в корпорацию старшин или товарищей не был закрыт и для людей из поспольства, но при общей оценке их достоинств. Старшина, товарищество и поспольство составляли крепкую общественную целость. Чужие государства, при сношениях с Низовой республикой, должны были это учитывать, величая в обращениях не только атаманов и товарищей, но и всё Войско Запорожское Низовое. С другой стороны, все важные акты исходящие от Запорожцев становились полномочными только при обобщенной подписи: **Атаманы, полковники, сотники и Всё Войско Запорожское Низовое.**

Зародилось и укрепилось убеждение, что войско, собранное в главной Сичи, олицетворяет всё население страны, что в нем собраны все слои жителей, собравшиеся из всех населенных пунктов в центре государства. Это убеждение народилось после того, как каждая казачья сельская или городская община, даже из пребывающих в границах Польши, начали выставлять на очередную службу в Сичи взрослых воинов, сообразно с численностью своих жителей — Казаков. Тогда курени-землячества обратились в точное пропорциональное представительство, а Коло, как на Дону Круг, стало законным **Народным Собранием.** Оно состояло из воинов, а потому его, как и Раду, называли Войсковым Колом. По аналогии с этим и всю страну стали понимать, как **Войско Запорожское Низовое,** в то время когда по всему его строю оно было настоящей **Днепровской Казачьей Республикой.**

В 1593 г. Кош и главная военная база помещались на острове с татарским названием **Базавлук** (по русски — **Телячий).** Он возвышался среди густой сети **ерчков** (речных проток), образовавшихся при впадении в Днепр его притоков Базавлука, Чертомлыка и Подпольной. Кроме естественных преград, созданных самой природой ввиде плавней и скал, окружавших остров, Казаки вознесли вокруг своей крепости Главной Сичи сильные укрепления, частокол, глубокие рвы и валы. Вдоль стен стояли тяжелые пушки. Внутри располагались огромные казармы, рубленные из толстого дерева и расчитанные на сто-двести человек. Казаки называли их татарским словом **коливы.** Каждый курень занимал одну или две коливы, в зависимости от его численности, которая одинаковой не

была. В центре крепости высилась большая церковь с колокольней из гранита, где постоянно находился страж, следивший за сигналами окрестных постов — пикетов. На этой же площади или **майдане** находились: дом атамана, помещение Войсковой Рады и канцелярии. Там же происходили собрания Общего Кола.

И в каждой другой Сичи сохранялся крепостной режим. Разрешалось там проживать только воинам. Женщинам категорически запрещался даже вход. Нормальная жизнь с семьями, с торговыми и ремесленными предприятиями, начиналась за ее стенами в пригородах и по степным селам и хуторам.

В стране существовало особое гражданское право и суровый уголовный кодекс, установленные по обычаю или постановлениям Войскового Кола. Собственности на земельные угодья не было, земли отдавались во временное пользование всем желающим заниматься сельским хозяйством. Переделами земли ведало Войсковое Коло. Неисправных должников приковывали к пушке и держали так, пока не заплатят долг или кто либо из друзей за него не поручится. По анонимному польскому автору, за воровство оставляли на площади прикованным цепью к позорному столбу и каждый проходящий мог по пути огреть его плетью. Если он или его друзья не возмещали потерь в трёхдневный срок, потерпевший от воровства имел право избить его до смерти. Воров-рецидивистов вешали. Тоже делали со скупщиками краденных вещей. Совершивших прелюбодеяние, виновных в развратной жизни или в половых извращениях, тоже приковывали к позорному столбу. Лавки спекулянтов разрешалось разбивать и их содержание делить в толпе. За убийство своего человека, убийцу привязывали к трупу убитого и живым погребали в одной с ним могиле.

Казаки, вероятно, не знали того, что сказал за двадцать веков до их времени один мудрый Грек (насколько помню, Эпикур): "Право существует не для того, чтобы ограничить волю мудрого человека, а для того, чтобы охранить мудрого от покушений злой воли". На Низу пресекали злую волю в корне и тем обеспечивали себе спокойствие и безопасность мирного пребывания в родной среде, где Казаки должны были друг к другу относиться всегда честно по братски.

Больше тысячи лет Казаки были и оставались во-

Сич

Рисунок из польской книги

енным народом, а потому их общественный строй, гражданское и уголовное право базировались на суровых военных началах. В некоторых случаях вопросы разрешались стихийно, особенно, если дело касалось провинностей выборных должностных лиц. К ним чаще всего применяли наказание, придуманное на казачьих реках: насыпав песку в штаны и за рубаху, сажали в воду.

Такие строгие наказания вошли в правовой кодекс Низа, а так как Низ служил идеологическим руководителем Казаков-Черкасов, проживавших в Гетманщине, его уголовное право иногда, не смотря на запреты, применялось и в поселениях Литовской Украины, в Земле Запорожских Черкасов.

Вообще же, Казаки, жившие на север от Тясмина, не отличались от своих единоплеменников, разместившихся южнее этой реки и за порогами. Разница заключалась лишь в том, что первые предпочли укрыться от Татар и Турок за готовые литовские границы, а вторые сами создавали новые границы на землях Крымской орды. По складу племен, вошедших в их национальные группы, по внешности, по быту и основным занятиям, по темпераменту, по взглядам на общественную жизнь, они не отличались друг от друга. У тех и у других в основу социального строя было положено выборное начало, которое литовские великие князья в первые десятилетия не находили нужным нарушать и на своей земле. Но в то время, как из мещан черкасцев и каневцев, так же как из новой казачьей шляхты, интересы долгой оседлой жизни сделали несколько тяжеловесных **сидней, гнездюков,** Казаки-ордынцы, едва вышедшие из кочевого состояния, всё еще сохраняли былую непоседливость, заражая ею и казачью молодежь Гетманщины.

С расширением границ Низового края и с увеличением населения появилась необходимость его административного деления на полковые округа. Считется, что их казачье название **паланки** взято из турецкого языка. Кроме сичевого центра, вначале образовалось, вероятно, не больше трех или четырех паланок: Ингульская, Бугогардова, Кодацкая и, может быть, Протовчанская, между Орелью и Днепром. Бугогардова и Кодацкая граничили на западе и на севере с польскими старостваами Брацлавским, Уманским, Белоцерковским и Черкасским, а Протовчанская — с Переяславским. Каждая паланка, будучи полковым округом, управлялась из своей Сичи или из своего города. Известны старые города Кодак на Днепре выше порогов и Гард на Южном Буге.

После ебразования паланок, безопасность пребыва-

ния на широком Поле за порогами стала надежнее, усилился выход на степные хутора, появилось и здесь много **сидней, гнездюков**. Земли и берега речек делились между ними по жребию. Всюду появились хутора и небольшие поселки. Выйдя в них, казачьи семьи понемногу пахали зелю, а больше пасли стада прирученных туров и овец, разводили табуны быстроногих и выносливых коней, занимались охотой и рыболовством. На участки выходили с семьями и **старцы,** товарищи, покинувшие боевую деятельность из за преклонного возраста, чтобы закончить дни в тихом спокойствии мирной степи, под опекой детей и внуков.

Жизнь **гнездюков** Запорожского Низа ничем не отличалась от быта хуторян Гетманщины. Но первые знали над собой одних атаманов и выполняли лишь обязанности граждан своей республики, а вторые оставались подданными польского короля.

БЫТ ЗАПОРОЖЦЕВ

В Сичах пребывали всины профессионалы, люди прибывшие выполнять очередную службу по охране страны или собравшиеся для подготовки нового похода на Турок. Как и в Гетманщине, охотники и рыболовы, сельские хозяева, коневоды и скотоводы, к концу XVI столетия разошлись по многочисленным хуторам и поселкам, возникшим в широкой степи и по берегам рек. Появились также свои купцы, ремесленники, винокуры, солевары, селитренники и другой промышленный люд. Все насущные потребности удовлетворялись своими казачьими силами. Пахались прилегавшие к Сичам поля, табуны быстроногих коней и скот, живой мясной запас, ходили по тучным степным пастбищам под охраною аргатов. Мясо диких животных и рыбу для куренных котлов доставляли отряды ловецкие и водные, разнообразные товары привозили свои торговцы, получившие купеческий опыт в приднепровских городах, где купцов-Казашов знали уже давно. Теперь их подвижные транспорты с товарами непрерывно ходили между Гетманщиной и Низом.

Казаки всё делали сами, сооружали укрепления, имели разнообразных рукодельников и ремесленников. Французский инженер Боплан, планировавший для Поляков новые поселения в Киевщине и в Подолье и наблюдавший там повсюду жизнь Казаков, сделал подробное описание их жизни:

"В стране Запорожской вы найдете людей искусных во всех ремеслах, необходимых для общежития: плотников для постройки домов и лодок, тележников, кузнецов, ружейников, кожевников, сапожников, бочаров, портных и т. п. Казаки весьма искусны в добывании селитры, которой изобилует Украина и в приготовлении пушечного пороха. Женщины прядут лён и овечью шерсть, ткут для своего употребления полотно и сукна. Все Казаки умеют пахать, сеять, жать, косить, печь хлебы, приготовлять яства, варить пиво, мёд и брагу, гнать водку и прочее; все также без различия пола, возраста и состояния, стараются превзойти друг друга в пьянстве и бражничестве и едвали найдутся во всей Христианской Европе такие беззаботные головы, как казацкие. Впрочем, справедливо и то, что

они вообще способны ко всем искусствам, хотя некоторые из них опытнее в одном, чем в другом. Встречаются также между ними люди с познаниями высшими, нежели каких можно было бы ожидать от простолюдинов. Одним словом, Казаки имеют довольно ума, но заботятся только о полезном и необходимом, особенно о таких вещах, которые нужны для сельского хозяйства.

Плодородная земля доставляет им хлеб в таком изобилии, что они часто не знают куда девать оный: ибо, кроме Днепра, ни одна из судоходных рек, протекающих по Украйне не впадает в море; самый Днепр на 50 миль от Киева загражден тринадцатью порогами, из которых нижний от верхнего отстоит на 7 добрых миль", "Веру Казаки исповедуют Греческую, называя ее Русскою. Быв уверены, что от соблюдения праздников и постов зависит блаженство будущей жизни, они строго наблюдают их, воздерживаясь во время поста, то есть около 8 или 9 месяцев в году, от употребления мяса". [1])

В девяносто дней свободных от поста Казаки возмещали постное воздержание обилием скоромной пищи и хмельных напитков, хотя обычай не запрещал последних и в посты. На хуторах и в Сичах не испытывалось недостатка ни в жирах, ни в мясе, ни в овощах, ни в молоке, ни в хлебе. Казачья еда не отличалась изысканностью, но была сытной. Во время службы в Сичи воины получали: **кулеш** — густой суп с просяной крупой, заправленный постным маслом или салом, **щербу** — клёцки сваренные с рыбой, **пастраму** — баранье мясо копченое или просто высушенное, пшеничные **коржи** и **паляницы.** В походах на суше и по морю пища еще более скромная: та же **пастрама** и холодный суп — **толокно** или **саломата** — пшеничная или житная мука распущенная в холодном квасе и заправленная растительным маслом. Конечно, на хуторах казачий стол отличался большим изобилием и разнообразием блюд, но и полевая пища удовлетворяла неприхотливый и неизбалованный вкус каждого Казака.

Благополучно возвратившись в семейный круг из далекого похода, по многу дней пировали. Современник отметил, что такие пиры нераз оканчивались хмельными столкновениями и кровью.

Более поздний казачий бытописатель, адмирал

---

[1]) Боплан, Описание Украины, стр. 4-6

Крёйс, говорит о казачьем пьянстве в более умеренных тонах, чем Боплан:

"Казаки, как и многие северные народы, охотники до крепких напитков, однако в походе, а особливо в морских поездках, редко встретится пьяного; ибо запрещается им, под опасением строгого наказания, брать с собой вино или водку; обыкновение достойное похвалы в таком народе, который многие почитают варварским; в сем отношении Казаки превосходят наших матросов". [2])

Тоже самое говорит о Казаках и Ригельман:

"Хотя к питию крепкого напитка и весьма склонны, но самих пьяниц между ими мало".

Упрекая Казаков в легкомыслии, Боплан всё же считает нужным заметить:

"Отправляясь в поход или задумывая о каком либо предприятии, они необыкновенно воздержаны, тогда, кроме одежды, нельзя заметить в Казаке ничего грубого. Соединяя с умом хитрым и острым, щедрость и бескорыстие, Казаки страсно любят свободу: смерть предпочитают рабству и для защиты независимости, часто восстают против притеснителей своих — Поляков: в Украйне не проходит семи или осьми лет без бунта. Впрочем коварны и вероломны, а потому осторожность с ними необходима; телосложения крепкого легко переносят холод и голод, зной и жажду; в войне неутомимы, отважны, храбры или лучше сказать дерзки и мало дорожат своею жизнью". [3])

Причину слабого распространения у Казаков в сельском хозяйстве злаковых растений Крёйс видит в том,

"что как Запорожцы, так и Донские Казаки мало употребляют в пищу хлеба или других каких растений, а более охотники до рыбы, разных мяс, яиц, молока и овощей; всего этого находится в излишестве". [4])

В этом, несомненно, проявились остатки кочевых навыков: хлеб и каша основная пища оседлого земледельца, в то время как кочевник питается преимущественно мясом и молоком.

---

[2]) Боплан, Описание Украины, в добавлениях

[3]) Там же, стр. 7

[4]) Там же, стр. 139-140, Прим. 14

Глава восемьдесят первая

ПОХОДЫ ЗАПОРОЖЦЕВ

От первого своего появления в истории у Страбона, Казаки стали известны, как народ воинов. Такими же они остались в ордах, а позднее и на Днепре за порогами. Сотни лет их поколения росли в духе военных преданий, дедовских рассказов о боевых подвигах. Поэтому вся без исключения казачья молодежь, подросши и возмужав, рвались в лучшую школу военного искусства, на Низ, с тем, чтобы пройдя испытания заслужить звание **товарища** и право носить наилучшее украшение — чуприну.

Соседство вольной, теперь уже государственной, общины за порогами бодрило дух и Казаков Гетманщины, ушедших под иноземную власть. Независимая Сичевая Низовая республика оставалась школой закалки военного духа и хранительницей традиции мщения Туркам за зверства учененные христианам во время завоевания Кавказа. Живя в стороне от Крымских Татар и порвав с ними дружбу, Казаки всё же общались с ними, а иногда даже вмешивались в династические споры Гиреев. Непримиримыми врагами оставались одни Турки — завоеватели. Но и с Крымом возникали постоянные недоразумения, больше всего из за деятельности добытчиков: отдельные отряды сичевиков не переставали совершать степные набеги и отгонять у ордынцев **баранту,** скот и лошадей. Польско-литовские правители тоже не упускали случая обострить отношения между степными соседями путем дипломатическим. Быстро шло отюречение ханов Гиреев, а в связи с этим в их глазах весь внешний немусульманский мир приобретал недостойный, презренный облик. Так стали трактоваться и Казаки, прежние друзья крымской династии. Казаки не оставались в долгу: стали ходить в степи большими отрядами, уже как организованная сила.

Военный строй сичевиков отличался особыми чертами. Основная формация, **курень** состоял из десятков, полусотен и сотен родственников и земляков, под общим командованием куренного атамана. Курени, хотя и не одинаковые по численному составу, могут быть по организации приравнены к современному полку. Каждый из них имел свое знамя и свою кассу, свой земельный юрт. Куренной капитал получался из отчислений с добычи и от хозяйственных доходов. После окончательного обра-

зования государственного строя, Низ мог выставить около 20 куреней переменного состава. В конце XVI века Кош мог собрать 20-25 тысяч бойцов, силу по тому времени внушительную.

Обычное вооружение воина: мушкет, 2-3 пистолета, шашка, кинжал, топорик, иногда пика. Никто из Казаков не одевал панцыря или шлема. Приобреталось оружие заботами самого воина.

Состав куреней пополнялся выходцами с Гетманщины. Даже и названия свои большинство куреней приобрело от ее казачьих городов и поселений: Каневский, Корсунский, Уманский, Переяславский, Полтавский, Кущевский, Крыловской, Ирклиевский, Стеблиевский и другие. Для участия в большом походе Казаки охотно приходили отовсюду и по первому зову. Для них было безразлично от кого исходил призыв: от великого князя литовского, от короля или из Коша, но наиболее желательным всегда был последний, так как в этом случае поход совершался под руководством наиболее опытных и наиболее мужественных вождей-атаманов. Противником чаще всего были Татары и Турки, а в некоторых случаях и Москва, хотя в другое время, когда войска московского царя шли на общего врага под Крым, Запорожцы готовы были выступить и с ними.

Каждое предприятие задуманное на Низу тотчас же находило отклик в Гетманщине. Узнав от своей низовой братии о задуманном походе, Казаки покидали города и села и спешили за пороги. С ними шли сотни казачьей молодежи, жаждущей попасть в знаменитую Сич и заслужить там почетное звание **товарища**.

Небольшие партии добытчиков бродили в ордынских степях почти постоянно, пешком в сопровождении нескольких подвод. При встрече с Крымцами или Нагайцами, вступали с ними в бой и старались отобрать от них стада. Если при этом удавалось захватить табун лошадей, то пеший отряд тут же садился на них и продолжал поход во образе конницы.

В том случае, когда поход предполагался далекий и длительный на одноконные возы грузилось всё, что было необходимо: провиант, легкие пушки-фальконеты, запасы пороха и ядер, много веревок, лопаты, топоры, пилы и т. п.

Выйдя в степи, подводы двигались в два ряда, пробивая дорогу в травяных зарослях, с дозорами на всех направлениях. Люди шли между возами, останавливались, когда дозоры замечали противника, а если ожидали от него нападения, то тотчас же строили **табор** или

вагенбург, своего рода татарский **курень** или карре — замкнутый круг повозок, из за которого отстреливались, не боясь конной атаки.

Если ожидалась длительная атака, запасы продовольствия и бочки с водой сносились внутрь табора, возы крепко связывались веревками, а все сооружение окружалось рвом и подсыпалось под колеса землей. Иногда наполнялись ею и ящики возов. С фальконетами и ружьями за таким надежным укреплением можно было отсидеться много времени. По словам польских авторов, Казаки с удивительным прилежанием занимались перекапыванием земли и наиболее уверенно чувствовали себя в завалах, фосах, насыпях и подкопах. Предпочитали также обороняться, применяясь к местности, из за рек, болот и яров. "Поэтому зима, когда уже нельзя вкопаться, их большой неприятель", говорит К. Шейноха.

Боплан, как современник, считал, что в конном строю Запорожцы не чувствовали себя уверенно:

> "Казаки наиболее показывают храбрость и проворство в **таборе,** огороженном телегами или при обороне крепостей". "Сотня их в таборе не побоится тысячи Ляхов, ни нескольких тысяч Татар. Если бы конные Казаки имели такое же мужество, как пешие, то были бы по моему мнению непобедимы". [1])

Но именно благодаря тому, что они с давних пор привыкли действовать в пешем строю, запорожские-пластуны стали знаменитыми по всему востоку Европы. Они не терялись перед высокими стенами крепостей и перед грозными цитаделями, поглядывали только, разыскивая места, где можно подкопаться, взорвать, сжечь, сделать пролом и атаковать с кинжалом и шашкой в руках. Стихией Запорожцев была пересеченная местность, скалы, пороги, реки, а не ровная степь, удобная для конницы.

Выходя в Чёрное море на сотнях чаек, они рисковали атаковать ближайшие турецкие крепости Очаков и Аккермень и нераз побывали в их стенах, но до известного времени не решались пускаться в далекие морские походы. Пришло однако время, когда среди них появились старые морские навигаторы и корсары, свои братья Казаки, те прежние жители Северного Кавказа, которых Герберштейн называл Циками.

С тех пор, как Турки начали строить свои крепости

---

[1]) Боплан, Описание Украины, стр. 8

на восточных берегах Чёрного моря, его воды стали недоступными для всех коренных кавказцев. В семидесятых годах XVI столетия Турция продолжала войну с Персией. В связи с этим султан распорядился открыть безопасные пути по всему Северному Кавказу, где его войска во время похода на Астрахань, по словам Исаака Массы, много потерпели от нападений местных Казаков.[2]) Турки усилили нажим на северокавказских христиан, а это вызвало многие их перемещения. Кабардинцы покинули равнины и забились глубоко в горы; Гребенцы ушли на Нижний Терек и дальше к берегам Каспия; Пятигорцы и знакомые с морем Казаки Прикубанья (Чиги) оказались на Дону и на Днепре, в качестве организаторов первых далеких морских походов. В Литве они основали город Чигирин и дали основные кадры Пятигорского гвардейского полка. При войнах Речи Посполитой они же выставляли несколько тысяч сполчения того же имени, Пятигорцев.

С Днепра и Дона начались морские походы к Босфору и берегам Малой Азии.

2) Н. А. Смирнов, Россия и Турция в XVI-XVII в.в. т. I, стр. 107

Глава восемьдесят вторая

В МОРЕ

А що найхвалебнейше и найславнейше, тыи же славно именитые вожди наши Козацкие и Скифославянские не токмо Царегдаду, но и всему царству Турецкому, первейшим от иных соседственных народов были страхом, где, кроме Константинополя, за тысячу миль и вящше Евксикопонт в лотках переплынув, славные грады Азиатские Синоп и Трапезонт выстинали и иные земли по берегу тамошнему сплондровали, не токмо моцному Белограду нераз крыла осмаливали, але Варну, Измайлов и иные фортецы подунайские повыдирали и в ничев обернули.

Из рукописной казачьей хроники.

В Киевском Летописце под годом 1576-м говрится, что при гетмане Богдане Ружном, "Казаки, напавши на Азии, на сто миль повоевали. Трапезонд взяли и высекли, Синоп до фундаменту разорили и под Цареградом користи побрали многие". Наиболее близкий к этому времени автор Боплан переносит дату первого набега на 1585 год:

"Казаки почти ежегодно на челнах своих разгуливают по Эвксинскому Понту для нанесения ударов Туркам; неоднократно они грабили владения крымского хана, опустошали Натолию, разорили Трапезонд, доплывали до Босфора и даже в трех милях от Константинополя предавали всё огню и мечу. Казаки возвращаются на Родину с богатою добычею и немногими пленниками, по большой части с детьми, которых употребляют в услужение или дарят польским Магнатам. Взрослых же Турков в плен не берут, разве надеются получить за них дорогой окуп. Число Казаков предпринимающих таковые набеги не превышает 6-ти или 10-ти тысяч; нельзя надивиться с какой смелостью они переплывают море на изготовленных ими же утлых челнах". [1])

Когда Войсковое Коло решало идти в морскую экспедицию, все принимались за судостроение и подготовку флота. Нужны были сотни больших и крепких гребных челнов, расчитанных на 50-60 человек с их несложным багажем и запасом провианта.

---

[1]) Боплан, Описание Украины, стр. 4-5

По описанию Боплана, в Войсковой Скарбнице, на днепровском острове ниже Хортицы,

"Казаки строют также челны свои, на которых разгуливают по Чёрному морю; каждый челн длиною в 60, шириною от 10 до 12, а глубиною в 8 футов, снабжен двумя рулями". "Челны сии без киля: дно их состоит из выдолбленного бревна ивового или липового, длиною около 45 футов; оно обшивается с боков на 12 футов в вышину досками, которые имеют в длину от 10 до 12, а в ширину 1 фут и прикалачиваются одна к другой так точно, как при постройке речных судов, до тех пор пока челн не будет иметь в вышину 12, а в длину 60 футов. Длина его постепенно увеличивается к верху". "Толстые канаты из камыша, которые обвиты лыками или боярышником и, как связанные бочёнки, обвивают челно от кормы до носа. Казаки отделывают все части своих лодок таким же образом, как и наши плотники. Потом осмаливают их и приделывают к каждому по два руля, чтобы не терять напрасно времени при повороте длинных судов, когда нужда заставит отступить. Челны казацкие, имея с каждой стороны по 10 и 15 весел, плывут на гребле скорее турецких галер. Ставится также и мачта, к которой привязывают довольно плохой парус, но при сильном ветре Казаки охотнее плывут на веслах. Челны не имеют палубы, если же их зальёт волнами, то камышевые канаты предохраняют от потопления". [2])

Одну лодку Казаки обычно строили около двух недель. Они называли их думбасами или стиорнами, а в просторечьи — чайками. И в самом деле, стремясь вдоль реки, при согласных взмахах 15-20 пар весел, лодка издали походила на чайку, летящую низко над водой.

В море шли только те, кто легко переносил качку. На боевом вооружении у них имелись крючья, багры, топоры, ружья, пистолеты, малые пушки, пики, шашки, кинжалы, кистени и дубины. Продовольствие складывалось в бочки длиною в 10 футов и в поперечные 4 фута. Провиант доставался оттуда через отверстие закрытое чопом. В бочках находилась вода, квас, готовая ячменная каша, сухари, копчёное мясо и мука для саломаты. Строго запрещалось брать с собою спиртные напитки. Каждый участник похода знал, что за пьянство его могли выбросить в волны.

---

[2]) Боплан, Описание Украйны.

Когда приготовления заканчивались, весь флот спускался по Днепру до его лимана и выходил в море пользуясь боковыми протоками, достаточно глубокими для их лодок, но недоступными для тяжелых турецких галер, закрывавших лиман.

Обманув таким образом бдительность Турок, Казаки пускались в путь к цели своего назначения. Часто они плыли вдоль придунайского берега и неожиданно нападали на города лежащие у моря. Иногда же пересекали водные просторы по прямой линии и через 40 или 50 часов появлялись у берегов Малой Азии. Трапезонд, Синоп, Самсун, города богатых турецких провинций, всегда находились под угрозой казачьих нападений с моря. Казаки врывались в поселения, освобождали христианских невольников, забирали всё наиболее ценное, сжигали крепости и уплывали. Их навигаторы точно определяли пути в открытом море и флот уверенно следовал в кильватерной колонне за атаманским значком флагманского думбаса. Встреченные по пути, турецкие фелюги и отдельные корабли делались их добычей. Разгруженные от ценностей и невольников, они шли на дно, вместе со своими турецкими экипажами. Со слов Запорожцев, Ригельман записал:

> "Они подъезжали к большим турецким судам в ночное время или днем при тумане, цеплялись к нему и стремительно входя на него, били людей, а оставшиеся внизу прорубали судно. Когда всех побивали, то забирали всё ценное, а корабль и людей, кроме христиан, всех топили".

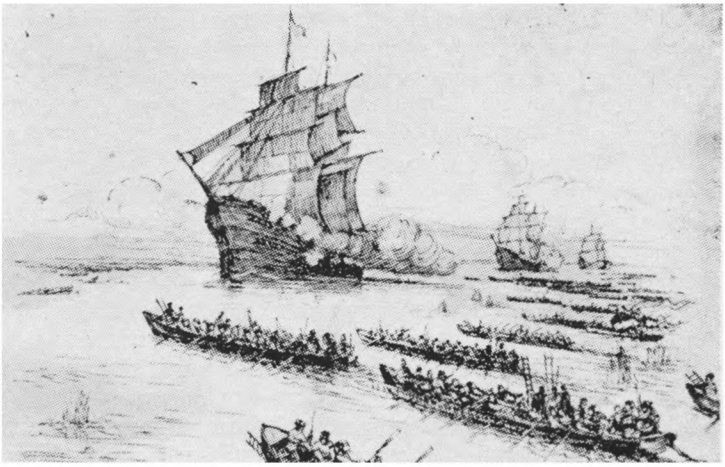
Из добычи ценились вещи дорогие и легкие, особенно оружие. В недалеких походах брали и мелкие корабельные пушки.

Ненависть к Туркам не имела предела, а Турки отвечали **неверным** теми же чувствами. Память о первых встречах на Кавказе провела между ними кровавую грань. Забыв о своих действиях, Турки считали Казаков разбойниками и начали употреблять наше имя в таком значении. [3]) А в глазах Казаков сами Турки считались не просто соседним враждебным народом, а неким олицетворением всего злого и кровавого. Жестокие и низменные способы под зеленым знаменем Пророка вызывали такую же бесчеловечную жестокость со стороны

---

[3]) Н. М. Карамзин, История Государства Российского т. V, стр. 173, примечание 416: «Сие слово в турецком языке есть новое и произошло от разбоев Козацких».

Казаков. Зверство освящалось возвышенным духом христианской идеи, понятой через чур примитивно. Казаки считали, что защищают христианские земли от захвата их мусульманами, спасают гибнувших в неволе христиан, мстят за братьев погибших и гибнущих от турецкого меча и ножа. Годы определяли такие цели всё отчётливей, враг становился непримиримее, а своя вера делалась для каждой стороны особенно ценной. Простые степные воины, неискушенные в тонкостях религиозных вероучений, приняли на себя роль карающей десницы, бича неверных. Греческая вера наполняла мирный и военный быт Казаков особой сущностью на войне требовалось причинить противнику как можно больше потерь, а дома надо было соблюдать церковные обряды, посты, праздники и социальную справедливость внутри своего общества. Вера укрепляла и сознание казачьего единства под сенью Христа и под покровом Пречистой Девы.

Атака

Конечно, не последнюю роль играла и добыча. Но едвали ради одной добычи стоило так трудиться и рисковать жизнью в безидейной борьбе за кусок парчевой материи, жемчужное ожерелье или золотую безделушку. Случалось, что казачья флотилия попадала днем в открытом море под артиллерийский огонь нескольких военных судов и тогда гибли очень многие, домой возвращалась только половина, а то и меньше, людей вышедших в поход.

Казачьи маршруты и способы ведения морского боя те же, какими пользовались некогда Меото-Казары, Остготы и Пятигорцы-Цики Герберштейна. На Днепре и на Дону походы по Чёрному морю начались почти одновременно и только после того, как там и тут появились выходцы с морского берега и горных рек Кавказа и, следовательно, благодаря их участию. Нельзя ведь серьёзно предполагать, что сухопутные и речные люди, ряд поколений оторванные от моря, обратились, вдруг, в **морских волков,** неожиданно получили вкус к походам по бесконечным просторам широкого моря и стали несравненными навигаторами. О Донцах историк В. Д. Сухоруков писал:

"В морских походах Казаки употребляли суда малые, помещавшие от 30 до 50 человек каждое; на них пускались они в моря Азовское, Чёрное и Каспийское, Разъезжали близь берегов, нападая на корабли и громили области приморские. Казаки так подробно знали упомянутые моря, что ночью без компаса, переплывали безошибочно те места, где было нужно и даже, нередко носимые бурей по открытому морю, не теряли своего пути".[4])

Адмирал Крёйс рассказывает:

"Турки не могут найти большой выгоды в завоевании казацких челнов, им нужны Казаки, которых они обращают в рабство. Сие иногда им удается, только в сражениях на море, но не около берегов, потому что Казаки мастера плавать; а когда выйдут на берег, то трудно их настигнуть. Они умеют очень искусно прятать свою добычу, топить суда и потом их снова добывать из воды. Обыкновенно они хорошо одеваются, но когда идут в море, то надевают на себя старые ветоши. Турки напротив того, готовясь к сражению, наряжаются в драгоценные платья и носят на себе золотыя и алмазныя вещи".[5])

Возвращаясь из похода, Казакам перед устьем Днепра приходилось обходить турецкие заставы. У Боплана читаем:

"Они причаливают в заливе в трех или четырех милях на восток от Очакова. От сего залива к Днепру идет низкая долина длиною около пяти

---

[4]) Ист. Описание Земли Войска Донского, стр. 104-105

[5]) Боплан, Описание Украйны. Дополнения на стр. 155.

миль, которую море иногда заливает на 1/4 мили, покрывая ее водою не более, как на пол фута. Через сию долину, постепенно возвышающуюся к Днепру, Казаки перетаскивают свои суда; над каждым челном трудится 200 или 300 человек и через два или три дня весь флот, обремененный добычею, является на Днепре. Таким образом Казаки избегают сражения с турецкими галерами, стоящими на устье Днепровском близ Очакова, возвращаются в Войсковую Скарбпицу и делят там добычу.

Есть еще другие дороги для возвращения в Запорожье — через пролив разделяющий Тамань от Керчи, по донскому лиману и по реке Миусу.[6]) Здесь они плывут вверх по Миусу покуда можно, а далее от сей реки до Тавчаводы около мили идут волоком. Тавчавода впадает в Самару, Самара же изливается в Днепр выше Кодака". [7])

Этим путём Запорожцы пользовались тогда, когда буря прибивала их к кавказскому берегу или когда небыло никакой возможности пройти через устье Днепра.

Морские походы они начали как раз в то время, когда Турки возобновили наступление на Европу. Тогда и слава об отчаянной храбрости Казаков разошлась по всему свету.

---

[6]) Очевидно по Кальмиусу, т. к. эта речка подходит к притокам Самары много ближе, чем Миус.

[7]) Боплан, Описание Украйны, стр. 62-63

Глава восемьдесят третья

САМУИЛ ЗБОРОВСКИЙ

В 1582 году на Низ явился польский шляхтич из Злочева Самуил Зборовский. Богатый и знатный, он совершил какой то проступок, противоречивший шляхетским традициям и законам государства. Ему угрожало постановление Сейма о признании его вне закона, на положении **банита** и чтобы избежать такого исхода, Зборовский покинул Польшу. К тому же хан Магомет Гирей тайно обещал ему выхлопатать для него у султана Волошское господарство, где правил турецкий ставленник князь Петрила. Его следовало изгнать, а так как Петрила считался казачьим врагом, Зборовский надеялся и на помощь Казаков. Для того, чтобы окончательно договориться с ханом и Сичевиками, он и направился за пороги.

Историю сношений Зборовского с Казаками записал Бартош Папроцкий, его домочадец и автор польской геральдической книги. Он осветил некоторые интересные моменты в казачье-польских отношениях, а его материалы использовал польский историк К. Шейноха в книге Dwa lata dziejów naszych.

Вначале Зборовский послал в Сич своих людей с приветами и богатыми подарками. Низовцы ответили приглашением и обещали считать его своим человеком, принять участие во всем предприятии и подчиняться ему во время его выполнения. Казаки и раньше принимали участие в борьбе за Молдавию, были готовы и теперь причинить Туркам хлопоты, посадить в Молдавии своего князя-правителя, приобрев в нем друга и союзника.

Когда о соглашениях Зборовского узнали другие рыцари, к нему в Злочев съехалось много храбрецов, пожелавших сопровождать его за пороги. У него в свите оказалось 70 шляхтичей, отряд гайдуков и многочисленная челядь. Они прошли к Каневу, погрузились там в лодки и поплыли вниз по Днепру. Перед порогами их встретили, так называемые, **водные Казаки**, доставлявшие в Запорожье рыбу и мясо убитой дичи. Они пропустили отряд дальше, но у Товолжанского острова на них чуть не бросилась с оружием передовая стража Низовцев. Зборовский едва успел объяснить, что он при-

был по их же приглашению и хочет делить с ними долю и недолю. Тогда Казаки дали ему своих людей, чтобы на линках переправить их лодки через пороги. Тут многие спутники покинули ряды и предпочли возвратиться назад в Галичину. Остальная дружина минула все препятствия и остановилась отдыхать на Хортице, где в то время проходили тучи саранчи и люди пухли от ее укусов.

На следующий день явилась почетная стража и с нею они приплыли к столице на остров Томаковку. Тут их приняли ружейными салютами и радостными кликами. С соответствующими речами вручили Зборовскому булаву и назвали его походным атаманом. "Нам известно твое рыцарское прошлое, — говорили Казаки, — и мы почитаем твой знатный род, хотя это у нас мало значит, а всё дело только в мужественном сердце". Самуил же повторял, что он готов переносить с ними и хорошую и горькую судьбу, обещая руководствоваться предупреждениями и советами мудрых людей.

На вопросы Казаков, куда он их поведет в первую очередь, он рассказал о своих надеждах получить при помощи хана Молдавию, а сичевики радовались походу против Петрилы и настаивали на спешности дела. Поэтому Зборовский сразу уведомил хана о казачьей готовности начать поход и просил выслать уполномоченных для заключительных переговоров. Встречу с ними назначил в степи, так как не хотел, чтобы Казакам стали известны все подробности соглашения.

Стоянку для гостей отвели в другой Сичи на Чертомлыцком полуострове.

Магомет Гирей не замедлил с дружескими и многообещающим ответом. На условленном месте произошла встреча с посольством хана. Послы привезли подарки: три парчевых наряда и двенадцать лошадей в богатой сбруе. Хан сообщал, что он ныне считает его своим сыном, а в этих словах выражался наибольший почет. На Зборовского надели один из ханских нарядов, и Татары, радуясь, что отныне Казаки будут вести себя мирно, обещали от имени хана всякую ему помощь. Сообщили, однако, что теперь у Магомета Гирея не будет времени заняться его делом, так как и Крым и Стамбул ведут войну с Персией и сам хан со своей конницей собирается на помощь падишаху. Со временем, убеждали послы, будет и Молдаво-Волошское господарство, а пока Самуилу придется несколько подождать на Низу, сдерживая Казаков от нападения на Крым.

В восторге от ожидавших его перспектив, Зборов-

ский на свой риск предложил повести на Персию и Запорожцев, в том случае, если хан пришлет поручительство с присягой, что его не будут стараться извести ни ядом, ни каким либо другим способом. Послы раскланялись и поспешили за Перекоп. Самуилу же предстояла трудная задача: уговорить Казаков на поход в Персию. Он возвратился на свою квартиру в Чертомлыцкой Сичи, где собралось и Войсковое Коло. В ответ на его предложение, все высказались против помощи султану. Раздались голоса: "Это неверные псы! И тебя предадут и нас погубят!" Когда же Зборовский повысил голос и стал требовать послушания, все бросились к нему и хотели его наказать по своему обычаю: насыпав песку в шаравары и за рубаху, бросить в реку. Ему пришлось сдаться, не настаивать на своем предложении.

В один из следующих дней на Чертомлык прибыл заложник Мусталык. Он торжественно вел с собою сотню мурз и дворян, в сопровождении обоза и слуг. Зборовский собирался выполнить свое сбещание хану и хотел отправиться в Крым без Запорожцев. Уговоры старшины на него не действовали и тогда Казаки насильно забрали его в лодку и отплыли в главную Сич на Томаковку. Мурзы отошли в степи, сопровождаемые стрельбой.

Запорожцы все же не отказались добывать для Зборовского Молдавию. Не ожидая возвращения Магомета Гирея, они погрузились на чайки и двинулись в поход. По пути им встретилось татарское кочевье и чтобы выполнить договор с ханом, удержать отряд от нападения, Самуилу пришлось отдать Казакам всё ценное что при нем оказалось. Тут от беглецов из Крыма они узнали, что там каждый день ожидают Запорожцев и сама ханша скрывается в лесу. Снова пришлось приложить много стараний, чтобы сдержать отряд от налёта на Крым. Он послал ханше уверения, что никому не позволит ее обидеть. Когда пришли под Аслан городок (Исламкермень) и тут пришлось сдержать воинственный пыл отряда.

В устьях Днепра несколько чаек вышли вперед в поисках провианта, неожиданно наткнулись на крупные силы Турок, потеряли много людей и большую часть лодок. Те, что спаслись, войдя в Южный Буг, раздобыли только немного конского мяса из встречного у берегов табуна. Выяснилось также, что Петрила не собирается уступить и начинать переговоры. О походе на него с полуголодным и потерявшим дух отрядом нечего

было и думать. Зборовский со своими людьми свернул в сторону Саврани и тайком ушел обратно в Польшу.

История этого предприятия вкратце отражает и другие случаи подобного сотрудничества польско-литовских магнатов с Низовыми Запорожцами. Походы с ними, организованные богатыми вельможами Острожским, Сангушко, Язловецким или Заславским, были направлены против Турок и Татар, а потому удавались лучше.

В 1589 году Сейм Речи Посполитой издал **Конституцию** под названием: "Порядок на Низу и Украйне". Коронному гетману предписывалось всемерно сдерживать своеволие Казаков, для чего его власти подчинялся и казачий гетман, раньше подчинявшийся непосредственно королю. Было также решено уменьшить численность реестра, не допускать нападений Запорожцев на Татар и заставить их всех служить интересам королевства.

Вторая **Конституция** 1590 года называлась: "Данина пустыни, лежащей у Белой Церкви". Она послужила основанием для новых хищений казачьих земель. Белоцерковное староство протянулось от пределов Волыни и Подолии почти до Днепра. Белую Церковь с окрестностями получил в аренду князь Януш Острожский, а урочища по реке Сквира достались князю Николаю Рожинскому, так же как реки Растовица, Унава, Ольшанка и Каменица до меж Паволочи. Тогда же Валентин Александр Калиновский получил **Пустырь Умань,** площадью около 1500 квадратных километров, а за Александром Вишневецким были закреплены **Пустыни на реке Суле,** огромные пространства земель, принадлежащие князьям Вишневецким Корибутам со времен В. княжества Литовского.

За исключением небольшого количества мещан Русов, потомков ремесленников, сохранявшихся здесь и при Татарах, всё основное население этих областей состояло из Казаков, пользовавшихся особыми автономными правами. Теперь всякие автономии потеряли силу. Благодаря особенностям польского общественного порядка жители этих **пустынь, пустырей** и **урочищ** стали считаться подданными новых владетелей — магнатов.

Началась усердная колонизация края пришлыми людьми.

Глава восемьдесят четвертая

ВОССТАНИЕ КОСИНСКОГО

Польша, своеобразная аристократическая республика, имела свой особый общественный строй. Всё ее население делилось на лиц полноправных, какими были шляхта и мещане, и слой почти бесправных хлопов (крестьян). Первых 30 %, а вторых — 70 %. Собранные из шляхты, Сеймы избирали пожизненного короля-президента. Крестьяне находились под властью шляхты-землевладельцев, в качестве их подданных. Подданных получал и король вместе с областями — **крулевщизнами,** отданными в его полное распоряжение.

Таким образом, общественно-политический строй Польши основывался на резком классовом раздвоении. Каждый шляхтич считал совершенно нормальным свое участие в управлении государством, свое благосостояние и благополучие, при бесправии и материальной скудости работавших на него **подданных.**

После 1569 года Казаки попали в границы Польши на неопределенное положение. В Литве они составляли особую национальную группу с правами широкой автономии, но такое положение не предусматривалось общественными традициями Польши и считалось совершенно немыслимым. Каждый Поляк знал только три рода гражданского состояния: пана, мещанина и подданного. Что либо изменять в социальных отношениях господствующий класс не находил нужным. Овладев казачьими землями Литовской Украины, польская шляхта почувствовала себя здесь колонизаторами и культуртрегерами. Местные Казаки трактовались ею, не как новые граждане Речи Посполитой, а как иноверные хлопы (мужики), с которыми от ордынских времен тянулись незавершенные еще расчеты за нападения на их край. И если сословные различия в коренной Польше несколько сглаживала принадлежность всего населения к одной Католической вере, то Казаки на своей земле расценивались, как схизматическая (отколовшаяся) чернь, не желавшая познать Истины и упрямо остающаяся при своих заблуждениях.

Однако, наши предки не отказывались от естественного права местных людей и возмущались попытками пришельцев уравнять их со своими подданными. Безцеремонный захват земель, закрепленных за ними королевскими декретами, приводил Казаков в ярость. Насилия,

нарушения королевских указов, самоуправство новых властей, гордое отношение шляхты, вызвали ряд казачих бунтов, переходивших в крупные вооруженные восстания.

Как говорилось раньше, общешляхетский взгляд на Казаков разделял и король Стефан Баторий. Он его изменил в 1578 году, когда начал войну с Москвою: создал служилый реестр, реестровцам и казачьей шляхте обещал, что власти будут считаться с ними, как с заслуженными людьми и тогда в рядах Польской армии оказалось много Казаков, помимо призванных в реестр. Была сделана безуспешная попытка привлечь и Низовцев, сократилось переселенческое движение с запада, несколько смягчились притеснения Казаков-селян. Но 15 января 1582 года наступил мир и всё пошло по старому: с запада двинулись толпы новых переселенцев и пошли слухи, что шляхта настаивает на постановлении об аннулировании королевских универсалов, наделивших Казаков землями, и об уничтожении реестра. Появилась угроза, что произвол будет узаконен. Начались местные казачьи бунты, вскоре разросшиеся в крупные восстания при участии Низовцев. Они стали возможны благодаря тому, что Запорожцы проживали в Гетманщине не распыленно по всей стране, как в Московии, а имели свою территорию рядом с землями Сичевого Низа, откуда шла постоянная поддержка.

Первым восстанием руководил низовый атаман Косинский. Крыштоф или Христофор Косинский, один из сичевых **товарищей,** и раньше водил отряды. Его знали все Запорожцы. Задумав мятеж, Казаки Гетманщины поставили его своим вождём. К нему присоединилась и часть реестровцев.

Восстание началось в конце 1591 года разгромом Поляков в Белой Церкви. Оно продолжалось до февраля 1593 года с переменными успехами и с перерывами для переговоров. После поражения повстанцев под Пяткой, недалеко от Житомира, Казаки пошли на соглашение с польским командованием. Ничего не выиграв, им пришлось примириться с потерей части земель, вывести много семейств с насиженных мест, передав их новым хозяевам, а всех крестьян, примкнувших к повстанию, из казачьих полков удалить.[1]) Последних, оче-

---

[1]) Архив Юго-Западной России ч. III, т. I, док. 19, стр. 53-57. Сов. автор В. А. Голобуцкий (Запорожское Казачество, стр. 104) упоминает также пункт, по которому Казаки «обязались содержать на Запорожье постоянную залогу (гарнизон)». Он что то напутал.

видно, среди повстанцев оказалось мало. Большинство переселенцев еще не закончило льготных лет и повинностей своим панам не выполняло. Повода начинать бунты у них еще не появилось, восставали преимущественно обиженные Казаки.

Через несколько месяцев после заключения соглашения восстание возобновилось. Атаман Косинский с двухтысячным отрядом Запорожцев двинулся вверх по Днепру. В Гетманщине к нему присоединилось много местных Казаков. Они осадили город Черкасы, а так как его казачье население тоже не было надежным, то польские защитники, во главе со старостой князем Александром Вишневецким, начали мирные переговоры. Косинский прибыл в город с делегацией и пал жертвой заговора. Его там убили слуги Вишневецкого. Но в этом случае Казакам все же удалось добиться обещания старосты не препятствовать общению **волостей** с Низом и ходатайствовать о возобновлении права обращаться к киевскому воеводе с жалобами на злоупотребления старост. Такой пункт был особенно важен, потому что от Казаков уже отобрали и это право. Тем более не могли они по старой традиции обращаться прямо к королю, как это было во времена Литвы. От того времени, как казачьи земли перешли во владение Польши, они попали в круг польского права, не допускавшего их непосредственного обращения к высшей власти. Король Речи Посполитой не в пример великому князю литовскому, стал для Казаков особой недосягаемой. Казачьи общины не могли добиваться справедливости даже у воевод, а потому и начали прибегать к помощи оружия.

Но киевский воевода не счёл для себя обязательным черкасский договор и никаких жалоб на действия старост не принимал. Умиротворения не наступило. Осенью того же года казачьи полки, во главе с Низовцами, появились под стенами Киева. Город находился некоторое время в осаде, но Казаки сняли ее, когда узнали, что во время их отсутствия Татары произвели на острове Томаковка большие опустошения. На некоторое время вооруженные протесты прекратились. Настроения Гетманщины еще не созрели для общего сопротивления. Тяжело было переносить шляхетский гнёт и нарушения

Косинский не был ни гетманом, ни атаманом Коша. Был только выходцем с Низа и его соглашение с Поляками, без решения Рады и Кола, республику ни к чему не обязывало. Эрих Лассота, посетивший Запорожье в следующем году, никого чужого там не видел.

старинных казачьих прав, но еще оставалась надежда на лучшее будущее. Казаки селяне и Казаки мещане считали, что защиту их прав лучше всего ожидать от короля, предоставив недовольным и горячим головам отправляться на Низ, где в первую очередь и рос накал вражды к Полякам, а население все больше увеличивалось. К концу XVI столетия юрты Запорожского Низа покрылись хуторами, зимовниками и многолюдными казачьими поселениями. Значительно выросли города Гард и Бершадь, служившие охраной сичевых владений со стороны турецкой Молдавии. Жизнь в безлюдной до того времени степи, в Диком Поле, как ее называли в Польше, стала кипеть ключём.

Реестровый сотник. Рис. Г. Шелковникова

(По Ригельманау)

Глава восемьдесят пятая

ПОСОЛЬСТВО ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРАТОРА

В эти годы неспокойно было и в Южной Европе. Султан Мурад 3 октября 1593 года повел новое наступление на Европу, а Венгрии стало угрожать нашествие Крымских Татар. Глава Священной Римской империи был озабочен созданием на пути между Крымом и Венгрией какой либо преграды и как раз в это время в Регенсбурге, где находилась ставка императора Рудольфа II, появился некий Станислав Хлопицкий. При Стефане Батории он провел много времени среди Казаков и за особые заслуги король наградил его придворным званием камергера, но при следующем короле Сигизмунде III его заподозрили в тайных сношениях с Москвой. Он был посажен в Кракове под арест, бежал и осенью 1593 г. добрался через Силезию до Регенсбурга.

Хороший знаток казачьей жизни и обычаев, он заявил себя представителем Казаков и предложил германскому командованию посредничеству в переговорах с Запорожцами. Императорская ставка, надеясь найти в Казаках надёжных союзников, охотно приняла предложение камергера. Его снарядили в дорогу и, выполняя казачьи традиции, по его же совету, послали с ним императорское знамя, серебряные трубы и некоторую сумму денег. Всё это он отвёз в Запорожье и там тоже имел успех: Казаки согласились на союзные действия против Турок и уже в декабре 1593 г. атаман Лобода повел 1300 бойцов на турецкий Белгород (Аккермень). Они разгромили город и совершили диверсию в Молдавии.

В феврале 1594 г. ставка выслала своего посла Эриха Лассоту в польскую столицу Краков. Ему поручалось уговорить королевское правительство к союзу против Турок. Но в Кракове Лассоту приняли не особенно любезно. Польша предпочитала сохранять с Турцией мир. У ней самой назрело много вопросов требовавших немедленного разрешения, а к тому же там были оскорблены тем, что к Казакам обратились непосредственно и раньше, чем к ним. В Речи Посполитой не допускали, чтобы Низ расценивали наравне с независимым государством и заключали с ним оборонительные и наступательные союзы. Канцлер Ян Замойский отказался от союза и Лассота поспешил возвратиться в ставку, где уже знали о нападении Казаков на Белгород.

В Регенсбурге понимали, что Казаки вели самостоятельную политику, у Польши советов и разрешений

не спрашивали, а увидев успешность своео первого соглашения, порешили закрепить связи переговорами при помощи формального посольства во главе с Эрихом Лассотой фон Стеблау. В мае месяце Лассота и Яков Генкель выехали на Днепр с посольскими штатами. Они везли императорское знамя с чёрным орлом и 8.000 дукатов деньгами. Во время этой миссии Эрих Лассота вел дневник, из которого можно узнать много интересного об организации власти в Казачьей республике Низовой и о процессах всенародного решения важных вопросов внешней политики.

На остров Базавлук, куда к тому времени перешел главный Кош, посольство прибыло 9-го июня того же 1594 года. Его встретили пушечным салютом, к берегу вышла делегация заслуженных товарищей. Кошевой атаман Богдан Микошинский находился в отлучке. Выполняя первоначальное соглашение, он 31 мая повел в морской поход 50 думбасов, с экипажем в 1300 человек. Поэтому Круг или **Коло**, как его в дневнике по славянски называет Лассота, не пожелал до возвращения атаманаа приступать к переговорам по существу императорского обращения.

Кошевой возвратился только 18 июня. На следующий день Коло принимало московского посла, прибывшего к тому времени, а 20 июня в Круг пригласили императорского посланника, предварительно извинившись, что по ходу дела пришлось выслушать московского посла раньше, чем его, так как без этого нельзя было бы вынести окончательное решение и по вопросу помощи империи.

> Лассота сообщил Собранию о цели своего приезда и просил обсудить вопрос. Тогда Общее Собрание разделилось на две части. В одной сошлись начальники, а в другой рядовые люди, "те что называются **чёрными**". Лассота рассказывает:[1]) "И когда переговорили снова и снова, Чёрные криками, как у них принято, выразили согласие послужить императору и при этом бросали

---

[1]) Tagebuch des Erich Lassota von Steblau. Halle 1866. Я получил возможность ознакомится с текстом Дневника Эриха Лассоты только благодаря любезной помощи нашего замечательного поэта П. С. Полякова. Он отыскал Дневник в Мюнхенской Государственной библиотеке и с большим старанием переписал для меня трудный старогерманский текст всех тех страниц, где рассказывалось о посещении Запорожья.

шапки вверх, а это означало, что предложение принято. Они обратились к Раде начальников и потребовали поспешить с выходом в море, а потому поводу, что вопрос уже решен, заявили желание выпить. Но начальники их тотчас же успокоили. Тогда чёрные потребовали, установить с посланником точные условия договора (грубые и сильные, они не терпят противоречий, когда приходят в возбужденное состояние)".

Для переговоров они избрали от себя 20 депутатов, после чего внутри большого Собрания на широком лугу составился Малый Круг, куда немного погодя пригласили и посланников. Их посадили тут же на траве между собою и в речах убеждали, что охотно готовы передать себя в распоряжение императора, но не смогут выполнить предложенный им план, по которому они должны были направиться в Валахию, переправиться через Дунай и напасть на турецкие земли. Этого они не могли сделать из за недостатка в лошадях, так как прошлой зимой, когда Татары разрушили Томаковскую Сич, они угнали и 2.000 скакунов. В распоряжении Казаков осталось не больше 400 голов, а для трехтысячного отряда, каким предполагалось произвести диверсию, такого количества мало, особенно в стране с ненадёжным господарем и изменническим населением. Люди просили предложить им способ, как добыть лошадей. Они нужны и под пушки и хотя бы по одной на каждых четырех воинов.

Лассота убеждал их, попытаться приобрести нужных лошадей через дружественного им брацлавского воеводу или на Литовской Украине, где многие из них родились и выросли.

Затем Коло обратило внимание, что договор, заключенный без подтверждения его императорским двором, может оказаться недействительным. Собрание предложило выслать в Регенсбург своих уполномоченных. Они должны будут договориться окончательно, а за время их отсутствия решится вопрос о приобретении лошадей. Тогда сичевики попробуют разгромить крымскую столицу Перекоп, а одновременно помогут императорской армии набегом на Килию и Бубу, две турецкие крепости в устьях Дуная.

Со своей стороны Лассота хотел обязательно сухопутного похода, с задачею разделить действующие турецкие силы.

После долгих переговоров, совершенно корректных

по форме, но дипломатически настойчивых, Рада избранных выразила готовность принять предложенные условия и делегаты **чёрных** возвратились на Большой Круг.

Однако, в тот же вечер противники принятого решения стали убеждать товарищество и поспольство в исключительной опасности подобного предприятия и в недостаточности денег, присланных для подготовки похода. К тому же они указывали, что император не прислал личного подтверждения на письме и за печатями.

Народ встревожился и когда на следующий день Коло собралось вновь, начались совсем другие разговоры. Запорожцы заявили, что они не могут пускаться в такие неопределенности, ибо неизвестно, на какие именно нужды присланы деньги, а от самого императора не получено никакого послания. Начались новые переговоры, сомнения и уговоры.

Тут выступил кошевой атаман в окружении знатных войсковых товарищей. Он просил, чтобы Коло приняло предложение посланника, как большое счастье и его не отвергало, ибо такой поступок может Казаков опозорить Ведь они в этом случае не воспользуются возможностью участвовать в деле направленном против вечного врага Христова имени и не отзовутся на призыв столь высокого государя. Когда его убеждения не оказали действия, атаман разгневался и сложил перед Кругом свои полномочия, заявив, что они не берегут своей чести, славы и доброго имени, а потому он не хочет и не может оставаться их атаманом.

Коло и Рада разошлись на обеденный перерыв, а собравшись снова просили Микошинского не оставлять атамаанства и принять этот пост снова. Он это и сделал. Тогда поднялись разговоры о роли Хлопицкого. Говорили, что он ввел в заблуждение и императора, и посланника, и самих Казаков. Раздались даже голоса, что его следовало бы наказать, **посадить в воду.** Но такое предложение прошло без внимания.

Хлопицкий, действительно, согрешил во многом: Запорожцы его в императорскую ставку не посылали; там он называл себя казачьим атаманом, хотя таковым не был; казачью службу предложил по личной инициативе; число готовых к строю воинов преувеличил, назвав цифру 8-10 тысяч, хотя в Сичи тогда находилось не больше четырех тысяч. "Правда, — говорит Лассота, — они могли бы усилиться на тысячи, если бы в Кош вызвали Казаков, живущих в городах и в деревнях". Хлопицкий также убеждал императорскую квартиру,

что Запорожцы удовольствуются небольшими подарками и это также оказалось неправдой.

И все же сичевики стали считать его своим **товарищем** с чином полковника.

23 июня Коло собралось опять и к Лассоте явились депутаты, просившие его не принимать споры, возникшие на Собраниях, за признак, будто бы Казаки отказываются участвовать в войне. Всё сводилось только к недостатку в лошадях.

Тут же постановили обменяться письменными условиями и Запорожцы первыми передали послу свою ноту:

"Условия, которые Коло Запорожского Военного Народа поставило передать послу Римского Императорского Величества.

Первое: Как только мы, Запорожцы, прошлой весной около Пасхи получили через нашего товарища Хлопицкого послание всемилостивейшего государя, мы узнали от пленника, что воинские люди турецкого царя собираются по коням в Белгороде и хотят двинуться на Венгрию. И мы тогда же, призвав на помощь Всемогущего, попробовали счастья от имени его императорского величества, направились туда же, напали на город и предали всё огню и мечу. Так что около 2.500 военных людей и не меньше 8.000 рядовых жителей осталось на месте.

Второе: Упомянутый наш товарищ Хлопицкий привез знамя и трубы и мы эти почетные клейноты приняли с благодарностью, а когда получили известие, что крымский царь со своим войском думает переправиться через Днепр, мы отправились туда и пробовали отнять им переправу, но встретили большие турецкие силы и на море и на суше. Сделали, что могли против таких больших сил, дважды с ними бились и, Бог нам помог, привели оттуда многих пленников.

Третье: Мы готовы с присланным знаменем и трубами постоянно вооружаться против врага, нападать на его страну и предавать ее огню и мечу.

Четвертое: По обычаю нашему и наших предков, всегда были готовы посвятить жизнь для Христовой веры, не отказываемся делать тоже самое и в дальнейшее время. Но, так как мы хорошо знаем неверных язычников и Волохов, мы не можем ре-

шиться на поход в те места с таким драгоценным клейнотом, как знамя его императорского величества и с вашими высокими персонами, так как знаем случаи, когда некоторые достойные люди и благочестивые христиане, доверившись валашскому господарю, были им переданы в руки неверных. К тому же мы и не можем этого сделать, из за недостатка в лошадях для нас самих и для пушек, а денег на приобретение не имеем. Потому и не в состоянии пускаться в такую дальнюю дорогу.

Пятое: Желали бы мы послать к его императорскому величеству господина Хлопицкого с двумя другими людьми из нашего товарищества с тем, чтобы они доставили к нему одного белгородского пленного и двух янычар, а после изложения всех обстоятельств основательно договорились по нашему делу.

Шестое: Ожидая, пока наши посланцы вернутся назад, мы хотели бы в присутствии вашей милости сделать, с Божьей помощью, налет на страну неверных, на Перекоп или в другое место, куда нас направит Всемогущий и погода. Предать там всё огню и мечу во имя его императорского величества.

Седьмое: Также обязательно необходимо, чтобы его императорское величество написал его королевскому величеству и Сенату, дабы нам разрешили беспрепятственный проход через польские земли. Мы надеемся, что его императорское величество возражать на это не будет.

Восьмое: Будет также полезно написать великому князю московскому, чтобы он прислал к нам своих людей и тогда мы могли бы объединенными силами наступать, как это нужно, до самого Дуная".

24 июня Лассота передал в Коло ответ на условия полученные от Казаков.

Из переданных нам условий мы поняли, что ваши чести согласны и готовы послужить его императорскому величеству, но существуют три причины, этому препятствующие: первая — недостаток лошадей: вторая — малое число вашего войска, с которым вы не решаетесь выступать в Валахию, где живёт народ обычно изменнический и ненадежный; третья причина — что ваши чести, ожидая малой славы, при недостаточно неопределенной обстановке не может пускаться в такую дальнюю дорогу.

То, что вы насчёт всего этого хотите послать к его императорскому величеству господина Хлопицкого с двумя другими лицами из вашего уважаемого товарищества, давши им доверенность договориться окончательно, мы вашим честям этого запретить не можем. Если ничего другого сделать нельзя, мы этим удовлетворимся, но хотели бы послать вместе с доверенными ваших милостей к его императорскому величеству и одного из наших людей. Однако, желательно, чтобы их отъезд наступил только после того, как нам Бог поможет возвратиться из похода на Перекоп. Тогда они могли бы явиться к его величеству с приятными новостями. Относительно письма его королевскому величеству в Польшу и великому князю московскому можно внести в инструкции посланникам и на это его императорское величество может всемилостивейше согласиться. Пока же мы считаем нужным воздержаться от посольства к великому князю в Москву и не просить его помощи против Турок до того времени, пока возвратятся послы к его императорскому величеству".

Дальше Лассота рассказывает:
"Причины, по которым я не хотел оставить Казаков и считал необходимым удержать их в службе его императорского величества, были таковы:

Первое: Я считал, что война с Турками затянется не на один или два года и я не находил целесообразным отстранить от дела таких храбрых и энергичных воинов, которые с юности упражняются в военном искусстве и хорошо знали врагов, Турок и Татар, именно с которыми и предстояла встреча.

Второе: Этот военный народ было бы содержать гораздо легче, чем всякую другую нацию, потому что здесь не пришлось бы выделять особые деньги для их начальников, а это составило бы немалую сумму. Они также имели собственные пушки и амуницию и потому не нуждались ни в какой дополнительной помощи, освобождали от каких либо расходов, связанных с содержанием специальных мастеров, так как справляться со всем этим многие из них умели сами.

Третье: То, что великий князь московский уже принял участие в деле и через посла сообщил Казакам (услугами которых он также пользуется), что они должны помочь его императорскому вели-

честву. Меня беспокоила мысль, что если бы мне пришлось уйти, то он великий князь, мог бы обидеться и задержать помощь, обещанную мне его послом.

Четвертое: Надо было отыскать место, куда удобнее всего могла быть направлена обещанная помощь великого князя.

Пятое: Мне не без опасности пришлось убедиться, что польскому канцлеру совсем не нравятся наши переговоры с Казаками, что он охотнее удержал бы их от помощи его императорскому величеству и привлек к себе. Поэтому я считал больше чем необходимым, задержаться при них и не допустить его вредного влияния.

Шестое: Если бы я от них тронулся, то должен был бы отдать им все деньги, так как они считали их уже заработанными при разрушении Белгорода и при попытке воспрепятствовать переправе Татар около Очакова, хотя там и не достигли успехов, из за крупных турецких сил.

Седьмое: Я предполагал возможность крупных перемен в Польше, а потому находил необходимым сохранить дружбу людей, с которыми считалась не одна Украина (то есть Волынь и Подолия, где у них большие связи), а и вся Польша.

24 июня в открытом Круге, где развевалось знамя его императорского величества, я передал им восемь тысяч дукатов. Они расстелили татарский капаникх, своего рода плащ, который они носят, высыпали на него деньги и приказали начальникам их пересчитать".

В конце концов, Коло постановило послать Хлопицкого в Москву, а с Лассотой в Регенсбург отправить двух казачьих депутатов, Самко Федоровича и Ничипора. При императорском дворе они должны были договориться об окончательных условиях. Член германского посольства Яков Генкель оставался среди Казаков для того, чтобы после доложить о деятельности Низовцев, обещанной ими по предварительному договору. Лассота получил от атамана послание императору с пометкой:

"Базавлук при Чертомлыцком рукаве Днепра, июля 1594 года".

Представители Сичевого Товарищества, Казачьей республики Низовой, прибыли вместе с Лассотой в им-

ператорскую главную квартиру и вели там переговоры с главнокомандующим Тейфельбахом, а Хлопицкий в августе того же года привез в Москву царю Фёдору Ивановичу латинское письмо с императорской печатью следующего содержания:

"Предявитель сего Станислав Хлопицкий, главнокомандующий Запорожским войском, выразил добровольное желание послужить империи против султана неверных с 8-ю или 10-ю тысячами Казаков. Мы его предложение охотно приняли и вручили ему наш штандарт с чёрным орлом, при условии, что он закроет Крымцам все пути. Просим Литовскую и другие христианские страны способствовать нашим верным слугам".

В Москве Хлопицкий дипломатично добавил, что Казаки видят в московском государе могущественного покровителя и хотели бы сочетать свои действия с его волей, а что он прислан просить царя и великого князя Фёдора Ивановича о помощи в несколько отрядов, с приказом идти им на Турок под русским знаменем.

К царю Хлопицкий допущен не был. Ему объявили, что привезенное им письмо считается неприличным, так как оно адресовано, кроме великого князя, и другим лицам. Но к этому всё же добавили: "Из уважения к императору, отпускает тебя государь без гнева и напишет Богдану Микошинскому, гетману Запорожцев, что они могут послужить Рудольфу".

Однако Низовцы действовали, не ожидая согласия и разрешения московского царя, уже давно. Они нуждались не в разрешении, а в военной помощи.

Глава восемьдесят шестая

КАЗАКИ, УКРАИНЦЫ, БЕЛОРУСЫ

После того, как переговоры между посланником германского императора и Казачьей Низовой республикой закончились, Лассоте подарили кунью шубу, шапку из меха чернобурой лисицы и с почётом выправили в обратный путь. Результаты переговоров оказались весьма незначительными. Правда, походный атаман Лобода начал движение на Молдавию. Он вел крупный отряд в три тысячи человек сичевиков. Узнав, что туда же из Гетманщины направился другой атаман, Наливайко, он пригласил его действовать совместно.

Северин Наливайко, пушкарь и сотник из милиции князей Острожских, будучи казачьего рода, числился жителем местечка Сатанова под Гусятином. Вначале он верно служил своему князю и дослужился у него до положения командира сотни. Он участвовал в разгроме повстанцев Косинского под Пяткой, после чего, с разрешения Острожского, начал набирать отряд для похода на Татар. Однако случаю было угодно, чтобы его отец, меховщик из Гусятина, не поладил со шляхтичем Каминским, был избит его слугами и от побоев умер. От этого времени Наливайко изменил свои намерения, начал принимать в отряд бунтующих крестьян, отошел с ними к южным подольским границам и там закончил формирования, набрав 2 500 человек казачье-украинского смешанного состава. В это время и позвал его Лобода. Наливайко пошел вперед через Молдавию в Венгрию на помощь эрцгерцогу Максимилиану, но оказался нежелательным союзником, так как его люди хозяйничали по пути, как во вражеской стране. Их постарались выправить обратно и они задержались на татарских путях в Европу.

Наводить порядки в турецкой колонии принялись польский канцлер Ян Замойский и коронный гетман Жолкевский. Они явились в Молдавию с большим войском, вытеснили оттуда отряды Лободы и Наливайки и вместо бывшего господаря Аарона посадили Еремия Могилу.

Уйдя из Молдавии, Лобода разошелся со своими временными союзниками и возвратился зимовать на Низ. Наливайко же прошел с боем через Подолию, Волынь и Полесье, громя повсюду польские имения и города.

Расправившись со шляхтой в Белорусии, Наливайко к весне выбрался обратно на Волынь. За это время

многие Казаки его отряда разошлись по домам и у него в большинстве остались повстанцы-Украинцы. В начале 1596 года Наливайко в Подолии снова соединился с Запорожцами Лободы. Оба отряда рознились и по составу, и по целям, и по поведению. Люди Наливайки поставили своей задачей "вырезати Ляхив" и бродили от имения к имению, от замка к замку по Волыни. Лобода же, так же как и его Казаки, Сичевики, духовно связанные с Запорожцами Гетманщины, взялись за выполнение другой задачи. Они при помощи оружия пытались добиться регламентации прежних казачьих прав в границах Польши, действовали не в качестве класса, а как национальное меньшинство. Поляков не любили, но ненависти к королю и государству не испытывали. Лобода мыслил по привычке, как человек государственный, он и его сичевики шли выручать соплеменников, в границах Польши попавших под гнёт пришельцев. Зверствам они противодействовали. Поэтому между двумя отрядами постоянно возникали ссоры, доходившие до драк и вооруженных столкновений. Больше всего несогласий вызывал выбор направлений: Наливайко всегда уходил далеко от Сичи, а Лобода тянул ближе к Полю, к казачьим "старожитным землям".

Весною 1596 года, под давлением коронных войск, повстанцы ушли за Днепр, с явным намерением оказаться ближе к Донцу.

Почему не пошли на Низ, который мог им дать более надёжное убежище в своей же казачьей среде? На этот вопрос можно найти лишь один ответ: потому, что сичевое товарищество неохотно видело у себя украинских крестьян, а само в социальном развитии еще не дошло до той стадии, когда понадобилось свои **подданные.** В то время там находились только **равные равным,** а признать равными себе чужих по крови Украинцев и Белорусов Казаки, очевидно, не хотели.

Может быть, на почве разницы во мнениях на выбор направления, по пути возникали новые ссоры и во время одной из них Лобода был предательски убит. Попытку объединить силы поручили сичевику Шауле, которого выбрали сообща, но он вскоре выбыл из строя раненный, без руки. На место Лободы поставили полковника Кремпского. Наливайке казачий отряд не подчинился.

Двигаясь на восток, повстанцы поспешили уйти за реку Сулу и на речке Солунице окопались в укреплен-

ном лагере. Здесь настиг их гетман Жолкевский. Не выдержав жестокой канонады, повстанцы Наливайки сдались и выдали своих начальников вместе с атаманом. 1500 человек Кремпского успешно прорвались через польское окружение и благополучно отошли на Низ.

Захваченных Казаков Поляки перебили, крестьян же не убивали, а выдрав отослали к их помещикам [1])

История восстания показывает, что две национальные группы, Казаки-Черкасы и переселенцы Украинцы-Русь даже по крайней необходимости не могли мирно согласовать усилия и что Полякам было еще далеко до фактической власти над Днепровскими Казаками.

Казаки Гетманщины сторонились от переселенных к ним Поляков, Украинцев и Белорусов, прежних жителей Галичины, Холмщины, Волыни и Полесья, хотя мало отличались от них по речи, а в официальном обиходе пользовались белорусским языком, наследием Великого княжества Литовского. Новые люди занимали земли, переданные Запорожцам королевскими универсалами. Уже по одному этому добрых чувств к пришельцам появиться не могло.[2]))К тому же Казаки, как народ вольный и военный, признавали равными себе лишь людей вольных, привыкших пользоваться оружием. Мирные поселяне занимали поля с помощью старост и арендаторов, становились участниками нарушения узаконенных ка-

---

[1]) Пьер Шевалье, История війни Козаків проти Польщі, страница 135 - 136.

[2]) Также складывались отношения между Казаками и иногородними во всех казачьих областях России. Люди **иного рода** появились на земле Казаков против желания и согласия казачьих обществ, по посторонней воле. Запорожцы не общались на Литовской Украине с Украинцами-Русью больше чем 300 лет, так как из жителей городов и деревень Татары оставляли только ремесленников, а остальное население лесо-степной полосы заставили уйти глубже в леса. Когда Поляки снова стали сводить сюда Украинцев и Белорусов, хозяева края приняли их, как чужих пришельцев и не желали делить с ними прав на землю. В свою очередь, преимущества Казаков и их особые праза находили у крестьян зависть и скрытую злобу. При этом и украинно-русское дворянство, ополяченные бояре и новая шляхта, питало к Казакам приблизительно такие же чувства, как каждый иногородний в казачьих областях нашего времени. Воспитанные в разных национально-бытовых условиях, они так и не смогли сжиться друг с другом.

зачьих прав, а потому оставались для Казаков чужими и по крови и по духу.

К концу XVI столетия часть новых слобод закончила льготные годы. Колки, означавшие их сроки, были выбиты из перекладин, остались одни зловещие дырки. По договорам заключенным отцами, молодежи приходилось начать выполнение тягловых и податных повинностей для своих панов и арендаторов. Но дело в том, что за эти годы подросло новое поколение, не привыкшее работать даром, а к тому же пропитавшееся вольным духом казачьих степных просторов. При каждом бунте Казаки находили у них сочувствие и деловую поддержку. В стороне держались лишь новые переселенцы, еще ничем никому не обязанные, да наиболее терпеливые, смирившиеся с подневольной судьбой.

Боплан говорит, что в его время, время непрерывных мятежей, некоторые решительные крестьяне уходили на Низ:

> "Многие от рабства спасаются бегством; смелейшие уходят в Запорожье, главный приток Казаков на Днепре. Пробыв там несколько времени и совершив один морской поход, беглые крестьяне принимаются в казацкие круги и таким образом увеличивают легионы их до бесконечности. Это подтверждается последним восстанием: Около 200 000 Казаков, после разбития Ляхов, стали под знамя бунта и в один поход завладели областью на 120 миль в длину и на 60 миль в ширину". [3])

Боплан писал около средины XVII века, когда Низ сделался очагом формирования повстанческих отрядов. Тогда казачьи атаманы, действительно, выводили на **волости** и крестьянские полки. Но Полякам всегда удавалось подавить восстания и пленных крестьян после этого они отсылали по домам, как рабочую силу. Конечно, возможно и то, что в некоторых случаях Казаки принимали в свои курени бежавших к ним **смелейших** Украинцев и Белорусов. Тогда в армии Низовцев появлялись **приписные Казаки,** как это бывало и в наше время. Но едвали такой способ пополнения получил широкое распространение. Крестьяне действовали и отдельно от Казаков. По словам польского историка К. Шейнохи, они однажды скопились в Брацлавском старостве при реке Ю. Буг и пытались там основать особую от Казаков Сич. На речке Тышлык одно время и существовала та-

---

[3]) Боплан, Описание Украины, стр. 10

Реестровец танцует под музыку сичевика.
Рис. Г. Шелковникова (по Ригельману)

ковая с вождем, принявшим вымышленное имя **Адам Тышлык**. Казаки называли их **каратайцами** (как видно, **черногорцами,** от татарского **кара-тай** — чёрная гора).

Вообще же, крестьяне приставали к Казакам преимущественно при их успехах. Польский историк К. Шейноха образ этих отношений определяет так:

> "Между народом и Казаками не возникало связи, какого либо душевного братства. Казаки, люди **шляхетно-рыцарского права** (как писал Острянин об отце), по своему осуществляли древние понятия о предназначении **рыцарской нации**. Народ же, в происходящей перед ним борьбе казачье-панской, жадно искал стороны более сильной и обычно ее придерживался. Только казачьи души, считанные тысячами, избирали для себя жизнь Низа. Селяне же, вообще, в каждом из казачьих восстаний становились с войском коронным против Казаков". "Павлюка под Мациевичами, вместе с польскими солдатами, громили волынские крестьяне. Остранина на реке Суле задержали заднепровские волости. Народ всегда склонялся к более сильному, а за деньги крестьяне помогали даже Туркам. Когда под Хотином Турки никак не могли обороняться от Запорожцев, банда подольских крестьян взялась помочь султану и сжечь казачий лагерь. Да только ее вовремя обнаружили Казаки и вырезали в пень". (K. Szejnocha, Dwa lata dziejów naszych).

События, указанные польским автором, произошли в XVII столетии, но их прообраз отчетливо обрисовался уже в постоянных ссорах между отрядами Лободы и Наливайки.

Случаи приема неказаков в боевые кадры Сичи могли найти место в жизни Низа, как отдельные эпизоды, но нигде в актах подтверждения таким фактам нет. В обычай вошло другое явление: Украинские и белорусские крестьяне, уходя от гнёта помещиков и арендаторов, а больше — от постоянной опасности быть втянутыми в кровавую борьбу, приходили за пороги в поисках вольного труда. Одни из них оставались в пригородках в качестве рабочих и ремесленников, а большинство, особенно те, которым удалось увести семьи, селились по хуторам и посёлкам на участках, выделенных для этой цели постановлениями Общего Кола. По польскому примеру все эти люди назывались **подданными** Запорожского Войска Низового.

Тогда в Польше, Литве и в Запорожье слово **под-**

данный употреблялось в ином смысле, чем в наше время. Теперь считается, что подданых может иметь только государство, а в то время иной захудалый литовский боярин или польский шляхич тоже иногда хвалился, что имеет двух-трех подданных. Именно в таком значении понятие **подданный** введено в литовские юридические нормы: "хочем абы вси посполитные люди, подданные княжат и панов хоругвных, шляхты, бояр и мещан тых земель Великого Князьства Литовского"...[4]) Так же его трактовали акты Гетманщины.[5])

Такого рода **подданными** к началу XVII столетия стала владеть и Казачья республика Низовая. В их числе не значились ни **товарищи,** ни казачье поспольство. Так назывались только крестьяне, обязанные государству некоторыми повинностями. Войсковая корпорация республики понималась в этом случае, как юридическое лицо, коллективный пан. В то время такими же коллективными хозяевами считались городские магистраты и монастыри. Они также имели подданных.

---

[4]) Литовский Статут 1529 год. Раздел I, пункт 20.

[5]) В. А. Дядиченко, Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII — початку XVIII столетия, стр. 151: «В 1723 р. генеральна військова канцелярия у відповідь на скаргу знатного військового товариша С. Забіли про непокірність його підданих, які вписалися до козацтва, відправила наказ борзненьскому сотнику, щоб він «в козацтво якоби вписавшихся, а з подданства вибиваючихся, привернул в тяглость мужицкую, хлопецкую, ему по прежнему». В разі дальшої відмови від виконання повинностей було наказано «оных под час торгу, и киями протрепать».

Обращает на себя внимание язык, которым пользовались Генеральная Войсковая Кацелярия. В 1723 году он всё еще белорусский, принятый когда то в официальном употреблении Великого Княжества Литовского.

Глава восемьдесят седьмая

БРЕСТСКАЯ УНИЯ

В результате восстаний Варшавский Сейм объявил Казаков изменниками, достойными уничтожения. Изданная Сеймом **Конституция** (осенью 1596 г.) приказывала гетманам, воеводам, старостам и другим государственным чиновникам истреблять без милосердия всех низовых бунтарей. Подобные обвинения и угрозы Казакам приходилось слышать нераз и впоследствии, но осуждавшим не пришла мысль, что Речь Посполитая для вольных жителей степи не сумела стать родиной, а из за своеволия шляхты сделалась и оставалась до конца стихией чужой и враждебной.

Северина Наливайко казнили в Варшаве 11 апреля 1597 года четвертованием (по казачьим преданиям, сожгли в медном быке). В реестре оставлено лишь одна тысяча человек с сильно ограниченными правами и без города Трахтемирова, отобранного в коронные владения. Реестровские хоронгви (дивизионы) переведены на положение пограничной стражи, Казаки, жители Гетманщины, лишились самоуправления, наместникам и арендаторам разрешено требовать от них выполнения обязанностей тех же, что и от **подданных.**

С этих пор Запорожцы, жившие в границах Польши, пользовались всякой возможностью переселиться на Низ. Они уходили туда толпами, а их место занимали новые люди. За пять лет в одном Белоцерковском старостве появилось 35 новых крестьянских слобод. Разрослись волости Романовская, Фастовская, Гайсинская, Уманская, Гостомля, Сквирская, Таборовки и Васильковщина.

Влиятельные круги Польши не хотели или не могли вглядеться глубже в причины казачьих восстаний. Истреблялись встреченные Низовцы, но угрозы и преследования направлялись и на бывших реестровцев, тех самых которых король Стефан Баторий именовал в универсалах шляхетским званием **панов:** "Панове молодцы Войска его корслевского величества Запорожского". Недавно в Польско-московской войне Казаки Гетманшины выставили до 30 тысяч бойцов с атаманом Олевченко. Там прославились их многие старшины, а между иными Николай Черкас и, "павший после под Бычиной, Голубок, оплаканный песнями во всём народе". Казаки

ходили по морю, нападали на далекие провинции Турции, не страшились встреч с турецким флотом. Росла народная гордость, росла и ненависть к народу унижавшему их человеческое достоинство, к шляхте, пробовавшей уравнять их с подневольными крестьянами, а одновременно и ко всем Полякам. К тому же в 1596 году появился новый фактор, еще больше усложнивший отношения между Запорожцами и новыми хозяевами Литовской Украины: во всю высоту встали вопросы веры. В кругах высшего православного духовенства было принято решение о воссоединении с Католической Церковью на основах выработанных Восьмым Вселенским Собором во Флоренции (1438-1439 г.г.).

Разделение Вселенской Христианской Церкви на Восточную Греческую и Западную Римскую явилось в результате разногласий, возникших по поводу некоторых догматов и канонических правил, установленных на семи Вселенских Соборах. Римское духовенство во главе со своим архиепископом **папой** находило некоторые догматические постановления неотвечающими духу Священного Писания, Евангелия и Деяний Апостольских. Западно-европейские рационалисты захотели внести в них свои поправки, но встретили протест ортодоксально-консервативных кругов восточного духовенства, считавших совершенно недопустимой какую либо критику решений принятых сонмом высших иерархов. Ко всему, Римский клир видел в своем архипастыре наместника св. апостола Петра и не желал подчиняться Константинопольскому патриарху. Отсюда и возникли постоянные разногласия, когда Рим выступал в качестве нападающего, а Византийский патриарший престол — в роли хранителя священных постановлений.

Рим настаивал на введении в Символ Веры догмата трактующего о том, что Святой Дух исходит и от Бога-Отца и от Бога-Сына; Рим оставлял грешникам надежду на посмертное очищение от грехов, во время пребывания души в райском предверии Чистилище; Рим требовал признания безгрешного зачатия Святой Девы и утверждал, что она не умерла на земле, а взята на небо; Рим разрешал вести Богослужения только на тех языках, на которых были сделаны надписи на кресте умученного Христа, то есть, на еврейском, греческом или латинском. Для себя Западная Церковь избрала латинский язык. Восточная Церковь не приняла нововведений. Возникли крупные разногласия, дискуссии, споры, ссоры, крупные столкновения, давшие в результате окончательный разрыв.

16 июня 1054 года папские легаты, прибыв в Царьград, объявили в соборе св. Софии акт отлучения от Церкви Константинопольского патриарха и поддерживавших его иерархов, а церковный Собор, созванный патриархом Михаилом Керулларием, предал легатов анафеме и запретил верующим всякое сношение с западными латынянами. С годами вся Восточная Европа стала сторонниками Византии, а весь ее Запад поддерживал новые идеи и признал главенство Римского папы.

Вместе с тем обе стороны понимали всю губительность для Христианства в таком разделении и старались его ликвидировать путем взаимных уступок. Но всегда препятствием к соглашению вставал вопрос о главенстве над Вселенской Церковью.

Когда Византии стало угрожать нашествие Турок, император и верховные иерархи готовы были пойти на любое соглашение, кишь бы только восстановить целость Христовой Церкви и добиться помощи в борьбе с султаном.

8 январе 1438 года, после трехлетних переговоров между патриархом Иосифом и папой Евгением IV, собрался Восьмой Вселенский Собор. Он начинался в городе Феррара, но в скором времени перенёс заседания во Флоренцию. Шли горячие дебаты, протесты, настояния. Не обошлось и без насилий: в загадочной обстановке умерли шесть митрополитов и сам патриарх Иосиф. Споры продолжались полтора года и наконец 6-го июля 1439 года в кафедральном соборе Флоренции был торжественно оглашен акт "Воссоединения Церквей" под главенством Римского папы, но с сохранением для православных веры греческой прежнего обряда. Акт подписали многочисленные иерархи Восточной Церкви и император Иоанн VIII, сторонник Унии, присутствовавший на Соборе. Со стороны Рима подписали: папа, кардиналы, архиепископы и другое западное духовенство. От этого времени Церковная Уния стала реальным фактом и ее поборники принялись усердно распространять ее на ближайшие православные страны.

Появились сторонники Унии и в Киеве, а в том числе митрополит всея Руси Исидор (1440-1441), киевские митрополиты Григорий (1459-1473), Иосиф Болгаринович (1498-1501) и наконец Михаил Рогоза (1588-1599). В управлении Православной Церковью сторонники Унии сменялись с ее противниками, но всё это происходило среди высших духовных властей и мало отражалось на жизни верующих. Мало чувствовали церковные перемены и Запорожцы, хотя они попали в западный

сектор Православия, где духовенство склонялось к идеям Флорентинской Унии, но всё еще не могло придти к окончательному решению, в поисках истинных догматов, канонической точности, а вероятно, и личного благополучия.

В Литве Днепровские Казаки, до первых встреч с польскими старостами, окруженными гордой шляхтой и католическим духовенством, не придавали большого веса борьбе страстей растущей в церковных кругах. Трудно предполагать у выходцев из орды наличие крепких религиозных устоев. Но теперь всё, что оказалось прикосновенным к Польше, стало для них нежелательным, а во многих случаях и ненавистным. Не нашлось исключения и для **ляцкой веры.**

А между тем шляхта усердно поддерживала попытки своего духовенства обратить всех схизматиков (откоповшихся) на лоно "единой истинной веры". Помогали этому и власти. Православные священники всё больше ограничивались в правах и могли только наблюдать со стороны хорошо налаженный порядок жизни и благополучие католических князей церкви. В свою очередь, реформы, намеченные Флоринтийскими постановлениями, не требовали коренных ломок в течение жизни православных приходов. Надо было только согласиться с верховной властью римского первосвященника и принять некоторые догматические новшества, оставаясь при старом обряде и при прежних традициях Православной веры. Допускались браки белого духовенства.

Такая постановка вопроса привлекала симпатии пастырей веры Греческой и на Львовском Синоде 1595 года, где признавшие Унию встретились с колеблющимися, ее сторонниками оказалось большинство присутствующих епископов. С постановлением Синода в Рим отправились послы: Игнатий Пацей, епископ брестский, и Кирилл Терлецкий, епископ острогско-луцкий. Там 2 Здекабря 1595 года папа утвердил их епископами Католической Церкви.

Поздней осенью 1596 года митрополит Михаил Рогоза созвал в Бресте Поместный Собор православного духовенства, с целью окончательного решения вопроса об Унии. В нем приняли участие экзархи патриархов константинопольского и александрийского, много епископов, младшего духовенства и мирян, согласных с Унией и несогласных с нею. Они вскоре разделились и вели отдельные заседания. Митрополит остался сторонником Рима и скрепил постановление о **Брестской Унии** своей подписью. Согласились с нею также: архиепископ

оцполкий Гермоген, епископы — пинский Гоголь, холмский Збируйский, брестский Игнатий Пацей, луцкий Кирилл Терлецкий, львовский Гедеон Балабан и перемышльский Михаил Капыстенский. Два последних встретили сопротивление своих паств и вскоре от брестского постановления отказались.

Был ли кто из Днепровских Казаков на Брестском Соборе, указаний не осталось. Для Запорожцев Униатство выглядело такой же **ляцкой верой,** как и Католичество. Брестская Уния в их борьбе выдвинула вопросы веры на первое место. К национальным обидам пришла и обида религиозных уступок тем же угнетателям и если от некоторого времени часть казачьего населения Гетманщины была готова идти на мирное сожительство с пришельцами, то теперь на фронт борьбы выходили все Запорожцы. Раньше создавалось две психологических зоны, вольная и близкая к покорности. Граница между ними шла по новому польскому рубежу, а Брест дал решительный толчок к возрождению единомыслия. Повсюду начали пробуждаться уснувшие было страсти. Теперь их всех связывала сугубая ненависть к виновникам социальных, экономических и религиозных насилий. По всей земле Запорожских Черкасов, по всему Низу, назревала гроза. На время ее отвели в сторону события совершившиеся у севернего соседа. В Московии начались годы междуцарствия, получившего названия **Смуты.** Казакам и Полякам принадлежала в ней тоже существенная роль.[1])

---

[1]) Вопрос о Брестской Унии и ее последствиях выходит далеко за рамки настоящего исследования и я ограничиваюсь лишь кратким обзором этого, важного для казачье-польских отношений, события.

Глава восемьдесят восьмая

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Степи! Казачье Старое Поле! В этих словах кроется затаённый смысл безграничных просторов, широких свобод, отсутствие всяких преград для стихий природных, для стихийных действий людских масс. Казачьи племена веками жили на широком Старом Поле, им пришлось расходовать много сил на сопротивление урагана азиатских нашествий. Потому они и остались военным народом, Войсками, разбросанными по рекам-кормилицам.

Казачья народность сложилась в борьбе и в движении. Ее основой послужили Северо-кавказские степные Славяне, поглотившие остатки всех встреченных по пути народов и пренявшие от них многие их особенности и свойства. Какие из этих свойств следует считать положительными, а какие — отрицательными, вопрос сложный. Никакая оценка в этом случае не может считаться ясной и точной. Боюсь быть пристрастным, но по моему мнению, в нашем народе, вообще, нет отрицательных свойств, не оправданных условиями их жизни на Старом Поле. Не оправдал ли их воинственности греческий географ Страбон, говоря две тысячи лет тому назад о казачьих предках Коссахах:

> "Так как они сами владеют страной малой и неурожайной, они всё время проводят в набегах на соседей и вынуждены питаться добычею взятой у других племен".

Разве что-либо изменилось для наших предков в открытом для всех Старом Поле, при их полукочевом быте!?

Казаки — народ воинов! Хорошо это или плохо? Пусть каждый решает этот вопрос сам, соответственно своим взглядам, но принимая в расчёт особенности жизни в открытой степи.

Казаки — народ гордый, желавший, как и все другие народы, мирного культурного процветания, но всегда этого счастья лишенный.

Казаки — народ, никогда в своей среде не знавший рабства и не выносивший его в среде чужой.

Казаки — народ, никогда не боявшийся крови и всегда оплачивавший ею свои прегрешения.

Казаки — народ, горячо желавший следовать основам Христианства и если проявлял жестокость, то платил этим дань жестокому времени и не менее жестокой логике событий.

Живя рядом с Боспорскими Греками, Приазовские и Подонские Славяне узнали от них о политическом строе эллинских республик, ничем не похожем на устройство княжеств и царств, окружавших их самих. В них Казаки нашли свой общественный идеал и при первой возможности основали на нем свою государственность.

От тех же Греков учение Христа распространилось по местам их расселения в Томи и Таке. Здесь в четвертом столетии и были заложены первые основы Христианства, у кочевников еще не достаточно устойчивые. Идеи Новой Веры расцвели и окрепли только после окончательного перехода Казаков к оседлости на Днепре и на Дону.

Приазовские Славяне позднее познакомили остальных Казаков с Чёрным морем и с искусством навигации. Оно пригодилось им при далеких морских походах на турецкие владения.

Торки — скифо-туранские народы слились с Приазовскими и Подонскими Славянами. В этом сплаве Туранцы оказались значительной частью. Они переняли славянский язык и передали в общее пользование свое имя **Касак — Казак,** вместе с особым психическим складом, о котором в этнографии существует довольно уверенное мнение:

> "Типичный представитель туранской психики характеризуется духовной ясностью и спокойствием... Не только его мышление, но и всё восприятие действительности укладывается само собою в простые и симметрические схемы его, так сказать, "подсознательной философии". В схеме той же подсознательной системы укладываются его поступки, поведение и быт... Политически туранская психология особо способствует построению крепкого бытового, государственного уклада, основанного на проникновении всей жизни единым миросозерцанием, "на бытовом исповедничестве"... Туранский гений любит "крепкую власть" и его государственные образования создавались благодаря его способности к дисциплинированным, согласованным действиям".[1])

---

[1]) Н. Н. Алексеев, Теория государства, стр. 61

При славянском широком полете мысли, Казаки приобрели от Туранцев-Касаков, вместе с их именем, **восприятие действительности в простых симметрических схемах, в которые укладывались их поступки, поведение и быт.**

Третья гото аланская составная часть казачьего сплава оказалась в значительном меньшинстве, но всё же оставила свой след в некоторых подробностях материальной культуры: в образцах конского снаряжения (даже в двулучном казачьем седле), в оружии, в некоторых физических чертах, оказавшихся у Казаков, как бы случайно, после долгого совместного пребывания с Готами и Аланами в Крымской орде. Гражданскую и военную дисциплинированность можно было бы также отнести за счет их влияний, но она могла создаться и самой жизнью в вечных боевых трудах и тревогах.

Законченная казачья народность появляется на арене истории Восточной Европы в таком виде, и с указанными выше характерными чертами.

Очень интересный и важный источник оставил Эрих Лассота в записях своего **Дневника.** Из его содержания следует:

1) Казачья Низовая республика крепко располагалась на собственной земле.

2) Она занимала на Днепре небольшую территорию и вначале была немногочисленной по населению. Но по выводам Жана Жака Руссо, в малых государствах граждане сохраняют гораздо больше личной свободы, чем в больших королевствах, империях и даже в республиках: "Чем больше государство растет, тем больше уменьшается свобода граждан". Очевидно, и жители казачьих республик, именно благодаря своим малым размерам, оставались полностью свободными, без рабов и без господ.

3) Проявления народной воли в республике иногда принимали грубый, стихийный вид, уже тем самым ограничивая злую волю и всякие поползновения отдельных групп овладеть какими либо социальными преимуществами или бесконтрольной властью. Ее верховным носителем власти неизменно оставался сам народ. Благодаря малочисленности он весь целиком мог принимать участие в решении важных вопросов, и несмотря на эту малочисленность всё же оставался значительным военным фактором.

4) Запорожский Низ не стал польской провинцией

или колонией. Кроме живущего там народа, над ним не возникло никакой чужой власти. Как ее высший носитель, народ оставался полным **Сувереном Низа.** И если украинские земли Литвы вошли в состав Польши вместе с частью казачьего населения, то низовцев в этой части не было.

5) Описанные Лассотой переговоры подтверждают полную самостоятельность Казачьей Низовой республики, так же как отчетливо демократическое ее устройство. Постановления Общего Народного Собрания, Кола, решенные большинством, поступали в жизнь, как фокус излучения общенародной воли. В Колах, как и в Донских Кругах, принимали участие представители всего казачьего населения, прибывшего в курени на очередную службу, может быть, даже в точной пропорции к числу жителей отдельных казачьих поселений. До возвращения из морского похода кошевого атамана Микошинского и его отряда, гарнизон Сичи не приступал к решению вопросов, так как не было полного состава людей обладавших правом решать и постановлять.

6) Полного подчинения Польше не признали и те Запорожцы, которые попали в ее границы. Воля Низа стала для них более обязательной, а распоряжения польских властей понимались, как нечто второстепенное. Физически Казаки оставались привязанными к старым землям, перешедшим от Литвы к Польше, а духовно жили интересами Низа. В свою очередь, их беды и радости не перестали быть близкими сердцу Низовцев. Получилось нечто вроде двойного подданства и главным стало подданство Казачьей республике Низовой.

7) Все Казаки действовали не согласуясь с волею польского правительства. Не согласовали они свои действия и с Москвою, а если иногда обращались к ней с видимой покорностью то только для того, чтобы в трудные минуты избежать ее противодействия или заручиться помощью дополнительными вооруженными силами. А трудных минут во враждебном окружении случилось не мало. Сношения с Москвой не ущемляли самостоятельности, не нарушали права независимого управления краем, не препятствовали непосредственным переговорам с иностранными государствами. Эти права признавали за Низом даже такие отдаленные страны, как **Священная Римская империя.**

8) Казаки оборонялись, нападая. Совместные походы с Московитами они совершали уже со времен Димитрия Вишневецкого и столько же времени из Москвы к

Запорожцам шли уговоры служить государю за его **великое жалование.** Когда этого требовали общие интересы, Казаки не отказывались действовать сообща с войсками единоверного государя и внешне показывали верность такому **союзу.** В XVI столетии Москва была далеко и никакой угрозы для самостоятельности Низа от нее не ожидалось.

9) В общественном строе республики к концу XVI века наметилось классовое расслоение, выделение **знатных товарищей,** самых предприимчивых организаторов и наиболее отважных воинов. Произошло это вследствие военного характера страны. Воинская доблесть ценилась выше материальных благ, а еще выше стоял пафос особого мессианизма: борьба с врагами Христовой веры.

10) Знатные товарищи в то время еще никакими наследственными преимуществами не обладали, но состояли главными кандидатами на ответственные выборные должности. Из их же среды Коло выделяло мужей совета, Войсковую Раду, но при решении важных вопросов **черные** все же высылали к ним несколько контрольных доверенных лиц. Так или иначе, право окончательного решения Коло оставляло за собой.

11) Следует подчеркнуть всестороний и тщательный подход к разрешению особо важных вопросов. Предварительное решение иногда пересматривалось наново в следующем собрании, которое не откладывалось надолго. Указания и пожелания Рады и знатных товарищей принимались к сведению, но не к обязательному выполнению.

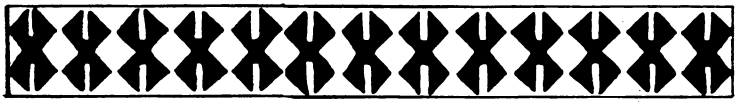
12) Прием послов и переговоры с ними происходили всенародно по особому протоколу и с дипломатическим тактом. В своих **соображениях** Лассота подчеркивает неподкупность начальников. Для них не требовалось отдельных наград и дотаций, все договорные деньги шли в общую сичевую кассу. Знает он и основные качества Казаков: "храбрые и энергичные воины, которые от юности упражняются в военном деле". Такими Казаки уже были известны во всей Европе.

Казачья Низовая республика, как политический организм, оказалась нежелательным образованием для всех соседей. Ее уничтожение приветствовала бы Турция, ее покорения и включения в границы Речи Поспо-

литой хотели бы Поляки и Литва, наложить свою державную руку на ее земли не отказалась бы и Москва. Ее целость и самостоятельность сохранялись до времени только противоположным интересам этих трёх соседей.

Для Польши самое большое неудобство состояло в том, что Запорожскими Казаками считались все Днепровские Казаки и что их **старожитные земли** лежали именно там, где создалась независимая Низовая республика. Позабыть об этом Речь Посполитая принудить своих подданных не могла. Взять на учет и контролировать редкое, но сплошь казачье население **Пустыни Наднепрянской,** не представлялось возможным. Движение со среднего течения реки на Низ и обратно шло беспрерывно и почти беспрепятственно. Получилось так, что к концу XVI века среди действовавших боевых соединений Запорожья оказались курени Полтавский, Каневский, Корсунский, Уманский, Переяславский и др., пополнявшиеся из Казаков жителей городов и поселков, вошедших в границы Польши. Эти подданные короля пополняли армию Низовой республики и, даже находясь в ней временно, обладали правом участвовать в собраниях Кола и в старшинской Раде. Такое право основывалось на их казачьем происхождении, а территориальная принадлежность к Речи Посполитой во внимание не принималась. Отбыв очередную службу или возвратившись из похода, многие из них уходили назад к семье в Польшу.

Все соседи желали бы ликвидации этого неприятного для них государственного образования, но Турция лежала, как пресытившийся зверь, до Москвы было далеко, а Польша едва справилась с усвоением земель, приобретенных по Люблинской Унии. Для завоевательных предприятий достаточных сил не было.

РАЗДЕЛ X

МЕЖДУ ТУРКАМИ И РУСЬЮ

Глава восемьдесят девятая

ВОИНСТВЕННАЯ РЕСПУБЛИКА

Здравствуй царь, в Кременной Москве,
а мы, Казаки, — на Тихом Дону!

Казачье величание

В половине шестнадцатого столетия на Дону, как и на Днепре, образовалось ядро независимого казачьего государства. Его владения постепенно распространились на всю восточную часть Старого Поля, а на западе примкнули к землям Запорожского Низа. Возрождалась часть былой Томаторкани!

Первый русский историограф Н. М. Карамзин описал это значительное событие коротко, не вглядываясь глубоко в происхождение и древние пути народа, основавшего Донскую Казачью республику:

"Важнейшим страшилищем для варваров и защитой для России между Азовским и Каспийским морем, сделалась новая воинственная республика, составленная из людей, говорящих нашим языком, исповедующих нашу Веру, а в лице своем представляющих смесь Европейских с Азиатскими чертами; людей неутомимых в ратном деле, природных конников и наездников, иногда упрямых, своевольных, хищных, но подвигами усердия и доблести изгладивших вины свои — говорим о славных Донских Казаках, выступивших тогда на театр Истории. Нет сомнения, что они же назывались прежде **Азовскими**, которые в течение XV века ужасали всех путешественников в пустынях Харьковских, Воронежских, в окрестностях Дона; грабили московских купцов на дороге в Азов, в Кафу; хватали людей, посылаемых нашими воеводами в степи для разведывания о Нагаях или Крымцах и беспокоили набега-

ми Украину. Происхождение их не весьма благородно: они считались Российскими беглецами; искали дикой вольности и добычи в опустевших улусах Орды Батыевой, в местах ненаселенных, но плодоносных, где Волга сближается с Доном и где издавна был торговый путь из Азии в Северную Европу; утвердились в нынешней своей области; взяли город Акас, назвали его, думаю, Черкасским или Козачьим (ибо то и другое имя знаменовало одно); доставали себе жен, как, вероятно, из земли Черкасской и могли сими браками сообщить детям нечто Азиатское в наружности".[1])

В другом месте тот же историк об имени Казаков говорил: "Оно в России древнее Батыева нашествия и принадлежало Торкам и Берендеям".[2])

По данным, приведенным в предыдущих главах настоящей книги, уже совершенно ясно, что основатели этой **воинственной республики** — древний народ, славяно-туранского происхождения, знакомый истории от первых веков новой эры; известно также, что Азовские Казаки возвращались с Донца на Дон не одни, а объединившись с Казаками Белгородскими и, вероятно, под общим руководством Азманов или Ясов русских летописей; известно и то, что до этого они кочевали в Северщине вместе с женами (см. главу 57). Следовательно, они явились на Дон с развитой семейной жизнью и, **умыкая** себе невест от соседних Адыгейцев или Кабардинцев, они только пополняли в своих улусах число женщин. Во время Золотой Орды это случалось нераз и между Ордынскими Казаками. Красивая девушка считалась ценной добычей по всему Ближнему Востоку. И если Казаки вели свое имя и род от Торков и Берендеев, на что указывает и замечание самого Карамзина, то удивляться казачьей азиатской внешности не приходится.

Донская Казачья республика, при ее буферном положении между владениями Турок и Московии, находилась в состоянии постоянной напряженной борьбы. В южных соседях, Турках и Татарах, Казаки имели непримиримых врагов. Естественными союзниками могли стать только родственные Запорожцы на западе или христианская Русь на севере. Основная цель, сохраниться при жизни в сложной обстановке постоянной войны, требовала сотрудничества с теми и другими.

---

1) Н. М. Карамзин, История Государства Российского т. VIII, страница 37 - 39

2) Там же т. V, стр. 393

Москва признала Донскую республику, соглашаясь снабжать ее частью необходимых продуктов, под тем условием, что Казаки будут считаться с русскими интересами, а в случае нужды послужат царю и великому князю своей помощью. На политической сцене снова появляются **федераты,** ибо отношения между могущественным государем и независимым казачьим обществом строились по образцам именно этого классического примера. По добровольному соглашению Москва получала заслон с юга, а Казаки — безопасный тыл на севере и свободные рынки в южных городах Московии. Кроме того, общество, как целость, получало периодические **поминки** в порохе, продуктах и деньгах, жалованные им московским царем за помощь. И помощь эта оказалась довольно существенной, особенно в победном марше Руси на восток, при ее походах на Каму и Нижнюю Волгу. Так ее и оценил московский дьяк Котошихин в своем сочинении: "Если бы не Донские Казаки, — говорит он, — то не укрепились бы в подданстве давно за московским царем Казанское и Астроханское царства с городами и землями во владение". Как мы знаем, немаловажная роль принадлежала Казакам и при завоевании Сибири.

В глазах Татар и Турок такая помощь и близкие связи с христианским государством выглядили, как зависимость, но они помогали росту Донской Казачьей республики. Население ее увеличивалось за счёт Казаков новоприходцев из Руси, с Кавказа, из Запорожья, а в связи с этим росла и военная мощь. Через 20 лет после возвращения на Дон, они стали серьёзным для Крыма противником:

> "Не ограничивались уже одними разъездами между Крымом и Россией, но беспрестанно вторгались во внутренности самой Тавриды, опустошали улусы ее, брали пленных, появлялись снова в других местах и тем содержали хана во всегдашнем беспокойстве и тревоге".[3])

В 1574 году в Москву доносили, что султан упрекал хана, зачем тот казнил пленника, сына Донского атамана Михаила Черкашенина, Даниила, "что за это Донские Казаки Азов взяли, захватили в нем 20 человек лучших, кроме черных, и султанского шурина Сейна".

> "Ныне де, — писал султан хану, — ты меж Казаков и Азовом великую кровь учинил, впредь нель-

[3]) Историческое описание Земли Войска Донского, стр. 24

зя устоять моему Азову; а ведь Азов Казаками и жил, а Казаки Азовом жили, отчего и было между ними мирно". [4])

Султан предполагал, что торговые интересы укрепят связи между Казаками и его городом и надеялся, что таким путём удастся несколько успокоить воинственный пыл Донцов. По этому же поводу из Стамбула шли упреки и в Москву, но царь Иван IV оправдывался:

"Наших Казаков на Дону нет и не посылаем никого, а живут на Дону всяких земель беглые люди, нашего государства и литовские земли; а на наших украйнах, воеводам именной наш приказ, что не велено никого на Дон пропущать и с Дону Казака никакова пущать не велено на украйны. А кого изымут на украйне и тех казнят смертию". [5])

Уверяли из Москвы и хана:

"Казаки Донские потому же не по нашему велению живут, бегая из нашего государства, а не по нашему наказу. И много лет живут под Азовом, и много на Дону живет того, иногды в миру, а иногды не в миру, да только всякие такие дела у них делаются без нашего ведома; а Донские Казаки на Дону и на Волге и наши казны грабливали и мы сыскав за то их казнивали. А про то нам слышать случалось, сталось людям с Донскими Казаками между их рознь и война, и Казаки Донские собрався приходили к Азову, да только всякие дела межа Азовских людей и Донских Казаков делаются и мирные и бранные без нашего ведома". [6])

"Царь Магомет Гирей и Турция требовали от царя свести Казаков с Дона, но Москва в 1578 году отвечала, что ни Днепровские, ни Донские Казаки не зависят от великого князя: первые состоят от Батория, а последние суть беглецы из Литвы и России и что государь Российский не признает их за своих подданых, но велит казнить если они явятся в его пределы". [7])

Это была истинная правда. Ее в посланиях из Москвы повторяли много раз, но ни хан ни султан этой правде не верили. Для них государство без ханов, без князей, было явлением совершенно немыслимым. Во

---

[4]) Историческое описание Земли Войска Донского, стр. 58

[5]) Там же, стр. 60

[6]) Там же, стр. 59

[7]) Там же, стр. 26-27

мнении Турок и Татар Донские Казаки, по их принадлежности к Христианству и по прежним связям с Московией признавались царскими слугами. Но эти "царя Ивана Казаки" очень часто не считались с царской волей и не пропускали купеческие или царские посольские караваны, рискнувшие пуститься в путь через земли Донской республики без предварительного согласия. Здесь каждая новая встреча требовала особой договоренности. И если в сношениях с царем Казаки нераз называли себя его холопами, покорными слугами, то это была форма обращения, принятая на всём Востоке. Некоторые азовские сановники, будучи подданными султана, в сношениях с московскими царями, тоже называли себя **холопами великого государя;** Запорожцы в послании к германскому императору Рудольфу называют его своим **всемилостивейшим государем,** а себя — его **наинизшими слугами,** хотя подданными его не были и не могли быть; "царь Грузии Александр в 1586 году прислал в Москву посла своего, просил покровительства России и называл себя **холопом царя московского".**[8]) Похожие отношения существовали между царем московским и нагайским князем Измаилом, между султаном и Казыевым улусом. Все они жили в вольных степях, действовали согласно своим интересам, а в трудные минуты искали помощи и покровительства у сильных государей: Измаил — в Москве, а другие — у Турок.

Казаки уходили с прежних мест и собирались на Старом Поле со стихийностью весеннего потока. Весь актовый материал говорит о том, что в XVI веке на Дон шли исключительно Казаки или Черкасы. Нигде в источниках нет указаний, что на нашей реке обосновались какие либо люди неказачьего рода. Кавказ Казаки тогда покидали так же, как покидали Московию. Но оказавшись на Дону, все же были поставлены в необходимость считаться с интересами царя московского и не прерывать сношений с его страной. Причины были те же, что потянули к Москве Кабардинцев с их князем Темрюком: угроза висевшая над Доном со стороны Турок. Все они отклоняли фактическую зависимость, но надеялись на помощь и покровительство в трудные минуты. Государь оставался настоящим хозяином только на землях Московии, а Казаки восстанавливали свое разрушенное хозяйство на Тихом Дону. Между ними существовала очень неустойчивая договоренность. В Москве понимали, что принудить Казаков к послушанию и

---

[8]) Историческое описание Земли Войска Донского, стр. 55

занять их страну, преодолев казачье сопротивление силою, было бы делом трудным и невыгодным, так как усложнило бы отношения с Турцией. Царь Иван Грозный, выдающийся политик, вооруженный опытом и широкой государственной мыслью старого княжеского рода, приобрел многие земли, лежавшие ближе к Москве. Завоеванные края скупировал и обращал в подданство, а далёкие — лишь привлекал в орбиту своих политических интересов. Казакам также посылались подарки и ласковые слова, за что Москва имела непрерывный надзор за степью. Но Казаки продолжали оставаться **независимыми федератами** и подданными своего небольшого государства, созданного большими трудами и немалой кровью. Выполняя царские поручения, они никогда не действовали против своих собственных интересов.

Большое значение в дружбе между царем и Казаками принадлежало стимулу религиозному. Традиция помощи христианским государям зародилась во время исламизации и развала Золотой Орды. Донские Казаки продолжали следовать ей, не предполагая, что высокие идеалы веры могут быть использованы при достижении низменных целей.

Охраной южных московских рубежей Казаки были озабочены и по той причине, что за ними оставалось еще много казачьих родственников. Сами они, расставались с Московией без особой печали. Для них этот край не стал землей обетованной, они его покидали потому, что не нашли там места вполне отвечающего их миропониманию и возвращались на свое Старое и еще не забытое Поле, как возвращается на родину всякая эмиграция хотя бы в некоторой своей части.

Беспристрастный анализ стихийного движения казачьих масс к двум центрам, донскому и запорожскому, показывает, что оно началось не по социальным причинам. Острых общественных антагонизмов в нем не проявилось, но совершенно очевидны устремления национальные, желание обособиться от всего чужого и сообща построить свое, казачье политическое общество. Было бы также абсурдом утверждать, что исход Казаков на Дон и за днепровские пороги подсказывался насущными требованиями Руси, Литвы и Польши, которые всеми силами старались задержать их в своих границах. В связи с этим отпадает и взгляд на массовое движение Казаков, как на "колонизационные устремления русского народа". Русский народ в нём участия не принимал, шли одни Казаки. На Днепре уход Запорожцев на Низ тоже не имел никакого отношения к "колонизационным устремлениям

Литвы". Литовские власти беспокоило непрерывное накопление Казаков за порогами. Чтобы удержать их в границах государства, им предоставлялись различные льготы. Искали способов удержать казачье население в Гетманщине и Поляки. Эти, действительно проводили молниеносную колонизацию **Пустыни Наднепрянской,** но она не коснулась земель Низа.

И Сары-Азманы и Запорожцы пришли на свои старые земли, с которыми никогда не теряли связи. Скрытая и открытая борьба за них велась от начала XVI века и первоначальным исходным пунктом стал Северный Донец, где казачьи переселенцы решали, куда направить стопы, на Дон или за днепровские пороги. Например, и в 1589 году там временно задержался по пути на Дон атаман Матвей Федоров с Запорожскими Черкасами. Предполагается, что именно они, соединившись с Донцами, снова напали на Азов, разгромили посад этого города и взяли в плен 300 человек.

Глава девяностая

НИЖНИЙ ДОН

В 1568 году крымские люди напали на Кабардинцев, захватили и разорили их степные земли. При походе на Астрахань, Турки могли использовать северо-кавказские пути, не опасаясь местных племен. Но не было мира и среди самих Кабардинцев. Они переселились из степей в горы, тесня Горских Казаков и Адыгейцев, а их князья постоянно боролись за старшинство и за лучшие земельные юрты.

Турки хотели иметь в своем распоряжении всё северо-кавказское предгорье и прилегающие к нему степи. Эти области понадобились им особенно после того, как они начали войну с Персией. В 1576 году войска султана заняли всё Закавказье и Грузию. Надо было "открыть пути" из Крыма к Дагестану и дальше на юг.

В 1582 году по северному Кавказу прошел на Дербент шеститысячный турецкий корпус Османа паши. Его сопровождали полки крымского хана, а в следующем году, побив Персов, Осман паша возвратился тем же путем в Крым. И хотя советский историк Н. А. Смирнов считает, что его **отборные войска** лишь с большим трудом пробились через заграждения Кабардинцев и Казаков, можно себе представить, что стоил Кавказцам такой повторный проход турецких и татарских войск через их край.

В эти самые годы на казачьих реках стали появляться опытные морские навигаторы, никто иной, как Цикимореходы Сигизмунда Герберштейна, выходцы с Кавказа, христиане славянской речи, о которых со времен Василия Темного в Москве знали, как о Казаках. Донцы и Запорожцы получили возможность при их помощи пускаться в далекие морские походы. Тогда же Горские Казаки, Гребенцы, вышли из своих ущелий на Нижний Терек и на Каспийские берега.

В 1584 году царский посланник Борис Благой возвращался из Константинополя и вот что произошло с ним в Крыму:

"В Кафе июня в 22 день на заре собрались к посланнику на двор с великим шумом черкасские кня-

---

[1]) Н. А. Смирнов, Политика России на Кавказе т. I, стр. 128

зья и Черкасы[2]) и упрекали его, что Донские Казаки в турецких владениях между Керчи и Бахчисарая на море переловили множество Черкас-рыболовов и несколько человек умертвили. Благой едва убедил их отвести его к паше, но и тут слышал те же упреки: "Прежде никогда не бывало, — говорил паша, — чтобы Донские Казаки приходили для грабежей в столь отдаленные от Дона места, а нынче из турецких городов людей в плен берут и убивают". [3])

В дальнейшее время их увидели и берега Малой Азии. Они появились на своих небольших судах повсюду там, где задолго до них часто бывали Меоты, Бораны и Пятигорские Цики. Только руководству последних и можно приписать начало казачьих морских нападений.

И еще очень показательный факт: в те же годы акты начинают различать Казаков **старых** и **новых:** В 1584 году Донцы получили из Москвы грамоту, адресованную "К Донским атаманам и Казакам старым и новым, которые ныне на Дону и которые зимуют близко Азова". [4]) Тогда же Благой доносил из Стамбула о требовании султана: "Да тебе же бы, государю, велети с Терка и с Дону от Азова Казаков всех свести", [5]) а в грамоте султана говорится: "Да Казаки ваши, Кишкин с товарищи, живут под нашим городом Азовом и по азовским урочищам людей наших теснят, и многие убытки чинят, и их грабят и побивают, — и то делается **не по прежним обычаям".** [6]) Царская грамота от 1594 года тоже адресована "всем атаманом и Казаком, которые **ныне** на низу близко Азова". [7])

Раньше этого никогда не было и значит на Нижнем Дону, действительно, появилась значительная группа новых людей, занявших берега реки и там. Турецкий пристав при русском посланнике в Стамбуле, Нащекине, передавал ему, что по сведениям, поступившим от крым-

---

[2]) Речь идет о крымских местных жителях.

[3]) Историческое Описание Земли Войска Донского, стр. 64-65

[4]) И. П. Буданов, Дон и Москва кн. I, стр. 56 со ссылкой на Соб. Госуд. грамот и договоров II, 86; о том же в Историческом Описании Земли Войска Донского, стр. 61 - 62: «В начале грамоты написано: К Донским атаманам и Казакам старым и новым».

[5]) Историческое Описание Земли Войска Донского, стр. 63

[6]) Там же. Курсив мой. Г. Г.

[7]) И. В. Буданов, Дон и Москва кн. I, стр. 56

ского хана, на Нижнем Дону появились четыре новых городка: "близко Азова, на Манычи, да в Черкаской и в Раздорах, а из тех городков Казаки приходя Азову тесноту чинят".[9]) Очевидно к этому времени **новые** Казаки основали городок на месте нынешнего Ростова, затем — Старый город Черкасский, а также Раздорскую и Манычскую станицы. Только к этим Казакам и могло относиться наименование **новые.** Селились ниже по Дону и выходцы с донских верховьев, но для Москвы они **новыми** быть не могли, так как там назывались Донскими Казаками с древних пор. Приходя на среднее течение реки, эти переселенцы устраивались выше устьев Донца свернее первых городков, заложенных Сары-Азманами. Они до нашего времени так и считались **Верховными,** хотя жили на Среднем, а частично и на Нижнем Дону. Низовые же Казаки, по настоящему **новые, пришли** с юга, расположились ниже Донца и стали первыми организаторами морских походов.

Как уже говорилось, Н. М. Карамзин предполагал, что явившись на Дон Казаки поселились и на городище древнего города Акаса, переименовав его в Черкаск. Но он в этом не может быть прав, так как первые тридцать лет, по водворении Сары — Азманов, между Азовом и первоначальными Раздорами, их главным городом при устьях Донца, берега нашей реки оставались пустынными еще до 1592 г., за проводы послов именно на этом участке, московский царь сулил Донцам особые награды:

> "А как Григорий придет назад в Азов и выб его от Азова проводили до Рязского города, меж себя город от города. А которые останутся низовые атаманы от Азова до Раздоров, и выб их имена, кто именем атамана, и сколько с которым атаманом Казаков останетца тобы естя именно переписав, дали письмо посланнику нашему Григорию Нащокину, а мы велим тех имена прислати к нам к Москве, и мы к ним вперед свое жалованье пришлем, которые атаманы и Казаки почнут дожидаться нашего посланника на Дону, одноличноб естя Григорья дожидались и того проведывали, как Григорей в Азов придет, а как придет и выб его проводили, чтоб ему от Казыева улуса и от крымских людей пройти здорово и безстрашно".[10])

---

[9]) Историческое Описание Земли Войска Донского, стр. 86 примечание.

[10]) Там же, стр. 71; Дела Турецкие кн. 3, стр. 79-81

На десять лет раньше такие же обещания направлялись для провожатых Благова: "А какие именно атаманы останутся от Азова до Раздор дожидать нашего посланника, о тех пришлите нам список, и мы наградим их нашим жалованьем".[11])

Как после всех этих указаний выглядит, вошедшее в обиход, мнение ген. И. Болтина, будто бы старый город Черкасский основали Запорожцы:

> "Когда турецкие войска в 1569 году приходили под Астрахань, тогда призван был с Днепра из Черкас князь Михайло Вишневецкий с 5 000 Запорожских Казаков, которые, совокупясь с Донскими, великую победу на сухом пути и на море в лодках над Турками одержали. Из сих Черкасских Казаков большая часть осталась на Дону и построили себе особливый городок, назвав его Черкасским, по имени городка своего на Днепре построенного".[12])

Генерал Болтин не обосновал своего мнения никаким источником, а высказал его без учета общей обстановки того времени. В самом деле, кто мог призвать литовского князя на помощь московским войскам в те годы, когда между Литвой и Москвой шла непрерывная война, а на границе случались постоянные столкновения, даже в годы утвержденного мира. Принимал в них участие и князь Михаил Вишневецкий во главе своих Казаков. По Ригельману в 1568 г. на московские земли совершил налёт Бируля Мадский с Запорожцами, а в январе 1569 г. между литовскими и русскими войсками шла борьба за город Изборск.[13]) В этом же году, как раз во время подготовки Турок и Татаар к осаде Астрахани, между Литвой и Польшей велись переговоры о соединении в одно государство. 1-го июля Люблинский Сейм закончился актом Реальной Унии, народилась Речь Посполитая. Ясно, что в те дни князю М. Вишневецкому было не до помощи Московскому государству, а сразу после Сейма ему пришлось заняться делами своего Черкасского староства, в связи с присоединением его к Польше. И значит, Днепровские Черкасы вместе с

---

11) Историческое Описание Земли Войска Донского, стр. 61; в примечании на той же странице: «Обстоятельство сие подает повод думать, что в сие время ниже Раздоров на Дону до самого Азова не было еще казачьих городков».

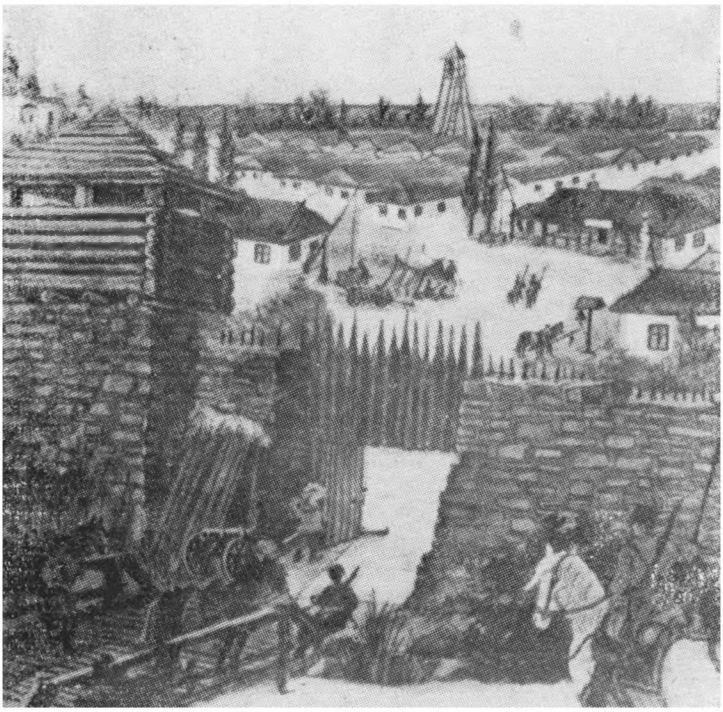
12) И. Болтин, Примечания на Историю древния и нынешния России Г. Леклерка т. I

13) Псковские летописи выпуск второй, Москва 1955, стр. 261

князем Михаилом Вишневецким в 1569 году в помощь врагам-Московитам против Турок ни на суше ни на море не выступали, а сидели по домам и Черкасского городка на Дону не ссновали.

Конечно, Запорожские Черкасы постоянно приходили на Дон небольшими группами. Донцы принимали их, как братьев по крови, во все городки. Но были и другие Черкасы, искавшие убежища на Дону — Черкасы Пятигорские, перемещавшиеся в то время на Кавказе или уходившие оттуда от турецких и татарских насилий. Кроме Гербepштейна, о них же вспоминает ранний русский академик Зигфрид Беер: "Оттуду кимбри вышли, где ныне Черкасы и Петигорцы обитают, и храбрые суть люди. Язык с нами имеют един"[14]) Основание Старого города следует приписать только им.

В 1593 году турецкий визир Синан паша прислал

Донской городок в XVI веке

[14]) В. Н. Татищев, История Российская т. I, стр. 320

царю Фёдору Ивановичу гневное посланиe. Вот из него выдержки:

"А которые Казаки живут на Дону и они Азову и иным местам только начнут тесноту чинити, и на них пришлют рать и их велят побить, крымскому царю и азовским и белгородским князьям (султан) велит на них идти, что от них украинным людям теснота чинится и они приходя извещают, и о том грамота государя нашего счастливого и высочайшего... послана". "Да в прежние лета, как Асман паша шел с Дербени, а в то время на бою взяли в полон от дворянского причету Асаном зовут и ныне он в Астрахани в крепости, да ехали в дороге два копычея добрых, одного зовут Мустафою и их взяли ж Казаки, и от вашие страны оприч полонения нет добра. Да Казаки ж Ваши, пришед под Азов, воевали и взяли, больше 130 человек побили, а иных в полон поимали и оную многую тесноту починили; а под счастливым государством под Азовом и на устье Дону под посадом, се где словет, да в ведомом месте на речке Черкаской князь живет,[15]) да на Маночи, да под посадом под Бузуком, да на Тереке, да на Суньше реке остроги поделали, да близко Дербени на Кунзумском море городы поделали, да на усть реки Сунши, где впала Сунша в Терку, тут остроги поделали, и под счастливым государством под Дербенью несколько времени Казаки ваши стоят и на Дербень и в иные места тое страны, которые ходят туды и сюды и тем людям шкоту чинят и побивают, то подлинно ведомо; и ино государя нашего величества гумаюнове грамоте тех дворян и капычеев и которые мусульмане у Казаков в руках, сыскали, а насилующих Казаков извели, и со всех сведомых мест остроги и городы посняли и были в дружбе; а от здешней страны оприч добра никакого лиха не будет, и государство ваше и земля от мусульманской рати в покое здравы учнут пребывати". "И только тех пойманных в дружелюбное время не пришлете, и дороге и тех городов и острогов дороги не отворите нашим людям, и от нас дружбы не будет"[16]).

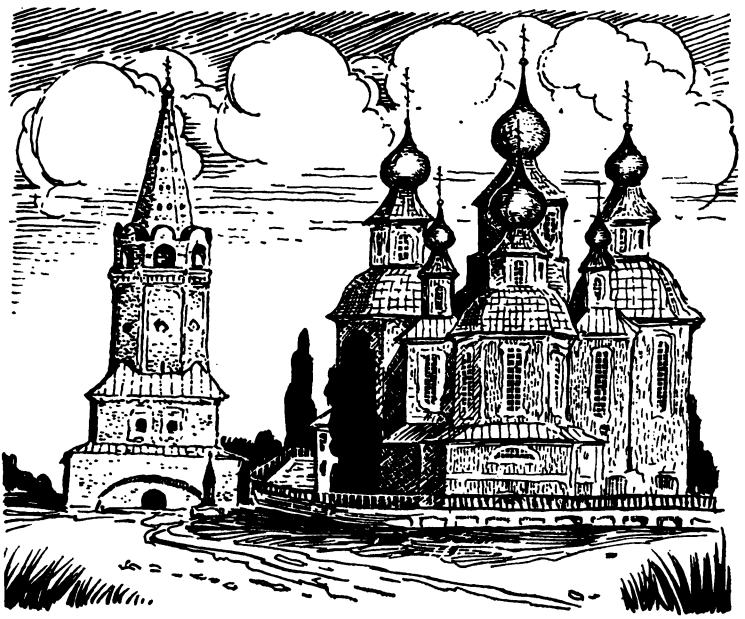
---

[15]) Надо понимать «черкасский князь». Если бы «Черкаской» тоносилось к речке, то было бы: «на речке на Черкаской».

[16]) Н. А. Смирнов, Россия и Турция в XVI - XVII в.в. т. I, стр. 150; Историческое Описание Земли Войска Донского, стр. 73-75, Дела Турецкие кн. 3, л. 277-279

Послание Синан паши по своему характеру почти не отличалось от царских грамот, неоднократно полученных Донцами. Тот же требовательный тон подкрашенный иногда просьбами и обещаниями: у султана обещанием прекратить набеги Крымцев, а у царя посулами присылки "великого жалования". Равны они и по угрозам. И если Москва внимательно прислушивалась к требованиям Турции, часто их выполняла и старалась сдержать воинственный пыл Казаков, то сами Казаки выполняли требования и просьбы царя только в том случае, если они отвечали их собственным интересам.

Служилые и неслужилые Казаки толпами покидали Московию и покрывали берега Среднего Дона новыми поселениями. Низовые Казаки продолжали, начатые Пятигорцами еще с Кавказа, нападения на турецкие купеческие и военные суда, а вскоре соединившись с Запорожцами, стали навещать егнем и мечем берега приморских владений Турции.

Старочеркасский собор

Рис. Н. Ф. Мишаткина

Глава девяносто первая

ДОН И МОСКВА

В 1576 году, захватив с налета Азов, Казаки в нем долго не задерживались и вскоре город оставили. Успешно противостоять смелым казачьим нападениям, без постоянного сильного и дорого стоющего гарнизона, город не мог, а потому хан Магомет Гирей и султан настаивали, чтобы царь своими силами заставил Казаков уйти с Дона. Это не отвечало интересам Москвы. И хотя за десять лет перед этим Иван Грозный сам отпускал на реку **Казаков многих** с Даниилом Чулковым и кыпчацким мырзой Тягрибердеем, султану снова ответили, что там проживают беглецы из Литвы и Руси и что государь не признает их за своих подданных.

Еще раньше с подобным требованием в Москву обращался нагайский князь Урмамет, сын доброго царского приятеля и союзника, князя Измаила:

"И только меня себе братом назовешь, а тыб с Волги велел свести Казаков всех, то братству и знамя, и только Казаков с Волги не велишь свесть и то братства и дружбы не будет"[1]).

Из Москвы ответили:

"Государь, сыскав виновных, с Волги Казаков сбить велит и жить им впредь не велит на Волге, а которые не виноватые и тех с Волги за што сводить"[2]).

В 1578 г. того же требовал крымский хан:

"Да только ж ты, брат наш, с нами, с другом своим, похочешь в любви и в мире быти и между дву юртов добра хотети, и которые Казаки у тебя на Дону, и ты бы тех Казаков велел свести, чтобы брата нашего Хандыкреева величества городу Азову от них докуки не было"[3]).

Москва оправдывалась по старому, утверждая: "Наших Казаков на Дону нет и не посылаем никого".

Завоевать Старое Поле, занять его своими войсками, уничтожить Казачью республику, Москва с некоторым напряжением сил могла бы. Но Донские Казаки,

---

1) Историческое Описание Земли Войска Донского, стр. 30

2) Там же

Там же, стр. 26 прим.

при сложившейся обстановке всегда действовали, как надёжные союзники-федераты. Изгнать их с Поля и не занять его, означало — отдать его в распоряжение татарских улусов, по большей части враждебных, отдать его под власть Крыма и Турции и без того считавших Дон своей рекой. Поэтому сильной Москве приходилось терпеть под боком небольшое государство, с неистовым, по мнению Московитов, строем, а Казачья республика между тем росла и процветала, не признавая иной власти, кроме суверена — Войскового Круга.

В 1584 году границы Дона решился переступить, без предварительного соглашения, царский посол в Стамбул Борис Благой. Когда его караван пришел на казачью землю. Донцы с атаманом Юшком Несветаевым напали на него, "Бориса бесчестили и суды у Бориса отымали, и запас поимали многой сильно". Царь гневался, отправил на Дон послом Василия Биркина и требовал наказания тех Казаков, "которые воровали и Бориса безчестили", но добавил, что если "Юшко Несветаев с товарищи ныне на Дону и перед государем исправятся и учнут служити и прямити во всем", тогда их не наказывать. Заключительные слова послания, грозного на вид, показывают, что в Москве не очень надеялись на точное исполнение царской воли. Если бы провинившиеся оказались в границах достижения карающей десницы, то финал происшествия с царским посланником выглядел бы иначе. Миссия Биркина прошла без видимых результатов.

На Москве в это время уже царствовал Федор Иванович, болезненный и неспособный к делам государственного управления. Фактическим правителем при нем состоял его шурин Борис Годунов, Татарин из рода мурзы Четы. Потомок золотоордынских ханов не признавал никаких особенных прав Казаков, проживавших на Дону в своей республике, но изменить фактического положения не мог.

Осенью 1585 г. ожидали возвращения Благова из Турции. На встречу ему к донским границам из Москвы выслали воеводу Юрия Булгакова с войском, а Казакам направили царскую грамоту от 30 сентября с обещанием новых наград. Причиной таких предосторожностей послужили дошедшие до Москвы слухи о том, что атаманы Гаврило Глумов и Лука Царев собираются снова погромить Благова, следовавшего вместе с турецким посланником. Азовский князь тоже старался умиротворить Донцов и отпустил попавшего в плен атамана Ми-

хаила Елкина. В результате длительных переговоров послы прибыли в Москву без особых приключений. Казаки провожали их до Верхних Раздоров, где их встретили два русских отряда: один — воеводы Бутурлина и другой — служилые Казаки Василия Биркина. Третий отряд в 300 человек во главе с Гуром Верверевским остался зимовать на Верхнем Дону.

Как раз в это время сын свергнутого и задушенного Турками хана Магомет Гирея, Саадат, поднял восстание Нагайцев а от Донцов получил в помощь отряд в 230 человек. Они напали на Крым, заняли Бахчисарай и прогнали нового хана Ислам Гирея к Туркам в Кафу, но должны были отступить перед большим турецким войском. Гуру Верверевскому поручалось отговорить Казаков от помощи Саадат Гирею, а в новом послании из Москвы им обещалась особая награда за мирные отношения с русскими ратными людьми, зимовавшими на Верхнем Дону. Царь обещал прислать сукон, селитры и свинца в том случае, если Казаки предоставят Саадата его судьбе и не будут вмешиваться в крымские династические распри. Верверевский должен был также сообщать в Москву о ходе борьбы за ханский престол.[4])

Выглядит так, что три русских отряда, высланные к границам Дона должны были послужить своего рода демонстрацией для устрашения Казаков. Но она подействовала мало: турецкому послу Ибрагиму Чаушу Донцы не разрешили возвращаться по Дону и ему пришлось отправиться в Турцию через Литву.

Грамоты, увещевания, просьбы, пожалования, угрозы... Всё это производило минимальный эффект. Казаки по прежнему нападали на Турок, воевали с Крымом и Нагайцами, не спрашивая разрешения или согласия на то у московского царя. Не опасались они гнева и другого грозного соседа, турецкого султана: "нападали на окрестности Азова и содержали этот город во всегдашнем страхе".

Московский царь резонно отрицал свою власть над Казаками, а ханы и султан ему не верили, так как знали, что в прошлом многие Донцы проживали в Московии и царю служили.

Между тем население Дона непрерывно множилось. По прежнему приходили Донские Казаки Верховые, служилые Казаки при каждой возможности покидали городовые полки, чтоб вместе с семьями устремиться к

---

4) Н. А. Смирнов, Россия и Турция в XVI - XVII в.в. т. I, страница 135

единоплеменникам или родственникам, уже обосновавшимся на Дону. После Люблинской Унии усилился приток Запорожцев. Они подходили разными по величине партиями и часто оставались жить между Донцами.

Из Москвы в 1592 году султану писалось:

"А по Дону были Литовские Черкасы многие и сложася с нашими изменниками с Донскими Казаками, которые от нас бегают, жили на Дону, а потому нашему посланнику и Доном проехать было нельзе". [5])

Послание в Стамбул вёз Григорий Афанасьевич Нащокин. Для умиротворения Донцов, чтобы они, хотя на время его пребывания в гостях у султана, не нападали на турецкие и крымские области, не нарушали мира с Азовом, с ним были посланы подарки Казакам: несколько штук сукна, 200 четвертей[6]) сухарей, 30 четвертей круп, 30 четвертей толокна, 25 пудев селитры, серы и свинца, а также и грамота, адресованная "На Дон атаманам и Казаком, которые ныне на Дону вверху и которые на Низу близко Азова".

После многочисленных приключений и схватки с Днепровскими Казаками у берегов Дона, царский посланник в Турцию 30 мая прибыл к Гостинному острову, на 3 километра выше Раздор Донецких. Его сопровождал отряд служилых Казаков с атаманом Вишатой Васильевым, Онохой Долгой Полой и Федором Хорошеем.

На Дону в это время, как и всегда, было неспокойно. Незадолго перед этим, в конце зимы 1592 г., азовцы вместе с Кабардинцами неожиданно пришли на казачьи городки, произвели там опустошения и взяли в плен более ста человек. В ответ на это Казаки бросились под Азов, там 130 человек убили и в свою очередь захватили некоторое число пленников. После этого значительная их партия под командой атамана Василия Жигулина пустилась на своих лодках в Азовское море, поражая береговые поселения Крымцев. Другие же устроили укрепленный редут на одном из донских устьев, совсем недалеко от Азова.

Как доносил в Москву Нащокин, на следующий день по прибытии на Гостианый остров.

"Посылали есмя в войско к атаманам и Казакам, чтоб к ним приехали для твоего государева де-

---

[5]) Историческое описание Земли Войска Донского, стр. 70; Д. Турецкие кн. 3, л. 5

[6]) Четверть — 10 пудов или около 160 килограммов

ла, и из войска, государь атаманы и Казаки не ехали к нам три дни, и от нас к себе детем боярским и атаманам и Казакам ездить не велели, а своим Казаком в наши станы ездить заказывали. А которые, государь, атаманы посланы с нами три человека Вишата Васильев, Оноха Долгая Пола, Федор Хорошей, и Федор, государь, Хорошей с последнего стану поехал от нас тайно к ним в войско и почал стояти с ними вместе; а Вишата, государь, Васильев ездил в войско для твоего государева дела, и в войску атаманы и Казаки хотели его в воду посадить, и он у них ушел, а говорили де, государь, ему, что он тебе, государю, служит, а им недоброхотает и будто он извязался у них полоняников взяв нам отдать, а полоняников де, государь, у них турского Чеуш да черкаских князей Кабан с товарищи 6 человек"[7]).

4-го июня прибыл наконец в московский стан Донской атаман Семен Воейков и с ним человек 300. Посол передал ему грамоту и объявил им царский наказ, чтобы они жили с азовцами мирно и отдали пленников, а государь их за то пожалует своим великим жалованием и тот окуп, который они за них требовали, велит заплатить.

Об этом писалось и в грамоте. А дальше говорилось:

"А как Григорий Нащокин пойдет в Азов и выб его провожали; а после Григория, как Азов пройдет Григорий и выб были с нашим сыном боярским с Петром Хрущовым на Дону в Раздорех, в которых местех пригоже и нашим делом промышляли с Петром Хрущовым; а того бы есте берегли накрепко, будет воинские люди крымские и Казыева улуса Ногаи пойдут войною на наши украйны и выб в те поры с Петром Хрущовым на тех людей на перевозех по Дону приходили и над ними промышляли, чтоб над ними поиск учинить и нам бы свою службу показали, а мы вас за вашу службу жаловать хотим, и ныне есмя к вам свое жалование послали с Григорием Нащокиным, селитру и свинец, а вперед своим жалованием великим хотим жаловати"[8]).

---

[7]) Историческое Описание Земли Войска Донского, стр. 78-79; Дела Турецкие кн. 3, листы 89 98

[8]) Историческое Описание Земли Войска Донского, стр. 71; Дела Турецкие кн. 3, листы 79-81, Грамота на Дон от 21 марта 1592 г.

Служить с Петром Хрущовым в Раздорах Казаки категорически отказались, говоря: "Прежде всего мы служили государю, а голов у нас не бывало, служили своими головами, и ныне де ради государю служить своими же головами, а не с Петром"[9]). Попытка Годунова подчинить казачье войско московскому командиру не удалась.

Долгие споры шли по поводу выкупа пленников. Нащокин писал царю:

"И атаманы, государь, и Казаки говорили, что полоняянников у них турского Чеуш да черкаских 6 князей Кабан с товарищи оценились сами дати им за себя Чеушу 6 тысяч золотых, а Кабану 3 т. золотых, а достальные 5 князей ценились по 4 т. золотых, да на них же поручных окупов, которых без денег отпускали, а в окупу они ручались, 3 т. золотых, и всего на них окупу 32 т. золотых; и будет де государь с вами тот окуп прислал и мы их отдадим. а без окупу отдавати нам их немочно, что де нам за тех полоняянников взяти окупу и те паи у нас давно в расходе, надеясь на те окупы займали и стали в великих долгех; а только де нам ныне отдать их без окупу, и нам тех окупов не видать и в 10 лет, а к Москве нам по те окупы не езживати". [10]) "И грамоты твои взяв говорили, что меня холопа твоего провожать и тебе, государю, служить готовы, а полоняянников деи нам отдать немочно, взяли де их своею кровью, а ходили те Черкасы за нами сами и наших голов искали, а не мы на них ходили, а которых де и нашу братью атаманов и Казаков емлют азовские люди и тех мечут на уды и на каторги сажают, а нетокмо отдать даром и на окуп не дают, а засадили де в миру Казаков 24 человека и на каторги посажали, а сее зимы больше ста человек по городкам азовские люди с Черкасы поимали и на каторги распродавали, и то де к нам государево нежалованье, что которых мы полоняянников взяли своею кровью, а государь тех хочет у нас взяти". [11]) "А вычетчи грамоты, все атаманы и Казаки говорили меж себя шумно, что им полоняянников не отдавать". [12])

---

[9]) Под «головой» в этом случае следует понимать крупного начальника.

[10]) Историческое Описание Земли Войска Донского, стр. 80

[11]) Там же, стр. 79

[12]) Там же.

Никакие уговоры не помогли. Московский царь у Донцов большим доверием не пользовался. После нареканий, что царь за их счёт хочет услужить султану, Казаки ушли с Гостинного острова "к себе в войско все, а которые было остались, и тех ясаулы выбили и из войска и от нас к себе никому ездить не велели, и не были, государь, у нас три дни".

Так же безрезультатно окончились, переданные через посла, настояния о мире с Азовом. Нам, говорили Казаки, не приходится просить мира у азовцев, по прежним обычаям, о мире просили они сами.

Не понравилось Казакам и то, что в грамоте изменили принятое раньше обращение. Послу говорили:

> "Прежде сего государь нас жаловал и посылывал к нам грамоты низовым атаманам лучшим имяны и всем атаманам и Козаком Низовым и Верховым, а ныне писано на перед атаманом и Казаком де Верховым да опосле нам Низовым, а Верховые ж Казаки государевы службы и не знают".[13])

Наконец, Донцы потребовали царского наказа, где было бы означено, сколько и чего именно им прислано. Получив в ответ, что наказ им дать нельзя, так как в нем говорится и о поручениях ко двору султана и что посол сам распределит присланные подарки между Верховыми и Низовыми, Казаки возразили и на это. По их мнению селитра Верховым не полагалась, ее всегда присылали только для городков по Верхние Раздоры.

> "А сукны, государь, хотели есмя раздать по твоему, государеву, наказу, разверстав, лучшим добрые, а рядовым середние, а иным рославские, и они, государь, говорили, что у них бо́льших нет никого, все равны и разделят сами на все войско! почему достанетца".[14])

11 июня пришли с моря атаманы Василий Жигулин, Иван Нос, Иван Фёдоров-Трубецких, Василий Кабан и Прокофий Трубчанинов. В тот же день они привели на посольский стан человек 600, без долгих разговоров отобрали всё, что посол привёз, атамана Вишату, избив, "посадили в воду, а говорят, что он всему войску изменник".

На следующий день Казаки проводили посла в Азов и согласились на мирные переговоры с городскими правителями. Атаман Семен Воейков и Смирной Фёдоров договорились о мире и присягнули от имени всех

---

[13]) Историческое Описание Земли Войска Донского, стр. 79

[14]) Там же, стр. 81

Донцов. Но в это время в Раздорах произошло новое осложнение: не дождавшись ответа на свои требования, Казаки отрубили руку одному из пленных князей и отослали его в Азов, угрожая, что перебьют их всех. Тогда врагов не жалели, такие способы убеждения употребляла и противная сторона. Но Турки в ответ прислали только три тысячи золотых за Чауша. Торги продолжались и Казаки спустили общую сумму выкупа до 17 тысяч.

Между тем конвой Нащокина оказался в опасности. Посольству разрешили выехать в Кафу лишь 5-го июля, а сопровождавших его Казаков азовцы задержали в городе, одного переводчика зарезали, несколько казнили, а остальных посадили в каторги на вёсла. Донцы немедленно стомстили за такое вероломство. Нарушили мир, напали на Азов, взяли и разгромили город, а 130 Турок привели в Раздоры пленниками.

В связи со всем этим, в Стамбуле Нащекина ожидали большие неприятности. Там упрекали Москву в поддержке Казаков, а он оправдывался обычными в таких случаях словами: "На Дону живут воры беглые люди, без государя нашего ведома". И Туркам пришлось поверить уверениям посла, да они и сами были хорошо из Азова осведомлены о политической независимости Казаков. Знали, что Донцы считались с царской волей не больше, чем независимые нагайские ханы считались с распоряжениями, исходившими от султана.

Когда подходило время возвращения Нащокина из Стамбула, на Дон пришла царская грамота от 20 апреля 1593 года с требованием, чтобы Казаки не нападали на Азов, хотя бы до прибытия его и, следовавшего с ним, посольства турецкого в Раздоры. А за проводы по Дону, как и всегда, обещалась особенная награда.

В этой грамоте особенно чувствуется тяжелая рука царского наместника Бориса Годунова:

> "А не помиритесь вы ныне с азовским князем до турского посланника и со всеми азовскими людьми не почнете миру держати по сему нашему указу, и нас не послушаете и взочнете какой задор, а меж нас ныне с турским учините тем недружбу, а ссору, и нашему доброму делу с турским поруху учините, и вам от нас быти в опале и в казни и впред вам к Москве к нам никому не бывати, и пошлем на вас Доном большую свою рать и поставить велим город на Раздорех, и выб однолично с азовскими людьми помирились и перед нами служ-

бу свою совершенную показали и от нас опалы на себя не наводили".[15]

Однако, такого рода угрозы со стороны северного соседа производили на Донцов малое впечатление. Борьба с Азовом была их частным делом. Как на эту грамоту реагировали Казаки, сообщил в своей отписке князь Волконский, высланный на Дон для встречи послов:

"А донские, государь, атаманы и Казаки о проважанье нам отказали, что им в неволе послать провожать никак немочно, а которые охотники похотят ехать и они тем запрещают. А охотников, государь, с нами идет Донских атаманов и Казаков только человек с 30; а хотели, государь, с нами идти в провожатые атаманы и Казаки многие, да как приехал с украйны назад в войско Казак Нехорошко Картавой, который сбежал с твоей государевой службы из Серпухова и сказывал де атаманам и Козаком, что в Москве их товарищем нужа великая: твоего государева жалованья им не дают, а иных в холопы отдают и атаманы и Казаки, слыша то, многие ехать размышляли; а которые, государь, охотники с нами едут и мы тем не верим".[16])

Посольский караван не спеша двигался по Дону. Отчалив от Гостинного острова 25 июля, прибыли на устье Воронежа только 7 сентября. Здесь покинули Дон и на ожидавших подводах отправились на Ряжск. С Нащокиным шли Турецкий посол Разван и его свита.

Россия дорожила мирными отношениями с Турцией и Нащокин обещал в Стамбуле многое, а между иным: свести Казаков с Дона, дать Туркам свободу на Тереке, не мешаться в дела горские и грузинские. Но на Дону пока всё шло по прежнему: нападали на Крымцев и Казыев улус, весной 1594 года не помешали азовцам пограбить московские украйны, а когда те шли обратно, встретили их, побили и отобрали добычу, в том числе и больше 600 русских пленников. Хан настаивал на выполнении данного обещания, свести Казаков с Дона, а

---

15) Историческое Описание Земли Войска Донского, стр. 72; Дела Турецкие кн. 3, л. 134-136. Н. А. Смирнов, Россия и Турция в XVI - XVII в.в. т. I, стр. 143

16) Ист. Описание Земли Войска Донского, стр. 88. Нехорошка жаловался также: «а служат на своих конях и корму им не дают».

из Москвы, как и раньше, отвечали, что на Дону живут люди вольные, на коих лежат государева опала, царский гнев.

Донской атаман

Рис. Шелковникова из книги Ригельмана

Глава девяносто вторая

ЦАРЬ БОРИС ГОДУНОВ

Ой, перешагнём мы все указы
Твёрдою ногой!

Из казачьей песни.

Великие князья литовские сумели создать традицию дружбы с Ордынскими Казаками, отошедшими от ханов. Они приняли их на свои земли, предоставили им автономные права и некоторые преимущества. Несколько следовал их примеру и московский царь Иван Васильевич Грозный. Служба выходцев из орды охотно принималась в Москве и до него, но отношение властей и народа к Казакам оставалось сдержанно-холодным. А Грозный начал жаловать даже Казаков Вольных, щедро награждал за всякую помощь, хотя жестоко наказывал своих служилых людей, оказавших небрежность или неповиновение.

Той же политики доброжелательства вначале придерживался его сын и наследник, царь и великий князь Федор. Но дела правления, при болезненном и безвольном царе, вскоре перешли к его шурину, татарскому князю из крещенного рода мурзы Чета, Борису Федоровичу Годунову и от этого времени отношения Москвы к Казакам переменилось в корне. Начав править **рукою великого государя** Годунов пробовал применить к ним систему строгостей.

К этому времени Москве уже удалось наладить мирные отношения с Турцией; угроза крымских нападений на ее южные границы значительно уменьшилась; в московской армии окрепла оргнизация регулярных частей, конных и пеших стрельцов с полками наемных иностранцев; границы государства поползли глубже в Поле, вниз по Дону всё дальше строились оборонные остроги; падало значение казачьей станичной службы, изменялось отношение властей к служилым Казакам. Их перемещали в гарнизоны новых пограничных крепостей, не спрашивая согласия, а в самой Московии перевели на полуголодный паёк или насильно обращали в боярских холопов.

Царь Федор Иванович умер бездетным в начале 1598 года. Династическая линия Рюриковича Ивана Калиты

прервалась. В феврале того же года Земский Собор постановил передать вдовствующий московский трон Борису Годунову, уже хорошо посвященному в дела управления государством.

После его воцарения угнетения Казаков продолжались во всей Московии с новой силой. Царь Борис распространял свою немилость и на Казаков Вольных. С

Вольный Казак

Рис. Шелковникова из книги Ригельмана

явной целью ограничить независимость Донской Казачьей республики и поставить барьер между нею и Запорожьем, он поспешил основать на Донце крепость Царев-Борисов, недалеко от нынешнего Изюма. Крымский хан запротестовал против такого внедрения Московитов в ордынские степи, но получил в ответ, что город постро-

ен с исключительной целью обуздать Казаков и что владения хана от этого только выигрывают.

Понимали это и Казаки. Они знали, что во время предшествовавшего царствования все грозные указы шли именно от Годунова. Не любили его и раньше, а теперь возненавидели еще больше, но должны были считаться с ним, как с царем соседнего большого государства. А Борис не церемонился и начал колонизовать земли своих ордынских предков. Воеводы получили наказ строить по Донцу и Осколу новые укрепления. За несколько лет появились города Оскол, Валуйки, Белгород, разросся Воронеж на Дону.

Раньше на всех этих землях безраздельно распоряжались Вольные Казаки. Учитывая это, царь и теперь не решился сразу заявить себя полным хозяином. Как только начинали строить новый город, воевода по указу должен был:

> "тотчас послати на Донец и на Оскол и по иным речкам и велети со всех тех рек атаманом и Казаком лутчим быти к себе в город... и сказати им государево жалованье: что царь Борис пожаловал теми речками Донцом и Осколом и со всеми речками, которые впали в Донец и Оскол, велел отдать им, донецким и оскольским атаманом и Казаком безданно и безоброшно и атаманы б и Козаки по Донцу и по Осколу по своим юртом жить и угодьи всякими владеть безданно и безоброшно, а государю б те донецкие и оскольские атаманы и Козаки служили и вестей проведывали".

"Таким образом, по отношению к "атаманам и козакам лутчим" правительство на первых порах ограничивалось лишь санкцией их прав на владение землями и угодьями. Но жалуя атаманам и Казакам право жить по своим юртам, ...правительство одновременно обусловливало сохранение этих прав для атаманов и Казаков службой их государю. Это новое положение Казаков и атаманов оформлялось составлением росписи, "в которых местах на Донце и на Осколе юрты, и кто в котором юрту атаман, и сколько в которых атаманов, и которыми месты и которого юрту атаманы и Козаки какими угодьи владеют"[1]).

Всё это означало, что, признав права Казаков на земли Поля, там же начинали, не совсем уверенно, рас-

[1]) И. И. Смирнов, Восстание Болотникова, стр. 130

поряжаться царские воеводы. Угодья осторожно изучали и присбщали к земельным фондам государевой вотчины, а Вольных Казаков зачисляли в государевых служилых людей. Сразу после постройки города из их же юрта выделяли пашни для наделения ими русских стрельцов и детей боярских. Там, где царское пограничное войско начинало чувствовать себя достаточно прочно, воеводы стали требовать от местных Казаков того же, что и от своих служилых людей, обрабатывать государеву пашню. На прежних рубежах это выполнялось уже давно: Казаки вместе с жилецкими стрельцами сеяли хлеб и убирали его для царских запасов. "А зимою тот хлеб весь молотили жилецкие ж стрельцы и Козаки".[2])

Донецкие Вольные Казаки почувствовали, что и они вовлекаются в известную форму зависимости, в своеобразную барщину, положение для них совершенно неприемлемое. Ко всему тому, Борис не был представителем привычной династии, прямым наследником Грозного, которого в борьбе с Турками признавали своим покровителем и Донцы, и Запорожцы, и Кабардинцы, и Грузины. Годунова же посадили на трон бояре и духовенство, не спрашивая мнения служилых Казаков. Последние втайне и не признавали его своим государем, готовы были поддержать любое против него выступление. Те же настроения передавались на Дон и в Запорожье. Официальные сношения этих Казачьих республик с Москвою, на время царствования Бориса Годунова, прервались совершенно. О том, какая Казакам "неволя была при прежних государях царех московских, а последнее при царе Борисе", описывается в грамоте, высланной на Дон 22 октября 1625 года уже от нового царя Михаила Федоровича Романова:

> "Невсльно было вам не токмо к Москве проехать, и в украинные городы к родимцам своим придти, и купити, и продать везде заказано. А сверх того, во всех городах вас имали и в тюрьмы сажали, а иных многих казнили, вешали и в воду сажали".[3])

Это касалось Казаков, живших вне московских границ. Но еще хуже создалось положение для тех, что остались в Московии. В способах притеснения там особая роль принадлежала Писцовым Книгам. Борис завел всеобщую перепись для того, чтобы несколько сократить текучесть населения, вредного для хозяйства огром-

---

[2]) И. И. Смирнов, Восстание Болотникова, стр. 133

[3]) Там же, стр. 126-127; Дела Донские кн. 1, стлб. 248-249

ной царской вотчины; для Казаков же она стала новым несчастьем, так как ограничивала свободу передвижения и несла угрозу полного закабаления.

Новые толпы бывших служилых Казаков снимались с насижинных мест и тайно двигались на Вольный Дон, захватив с собой жен и детей. По царскому указу граница считалась закрытой, но Казаки знали ее лучше всякого царского надсмотрщика, находили места свободные для прохода и знали, что "С Дону выдачи нет!"

Независимая Донская Казачья республика оставалась прибежищем для каждой казачьей семьи, решившей растаться с Русью. Её население непрерывно множилось за счёт "новоприходцев".

Вольные сыны степей жадно ожидали подходящего места для вооруженного протеста. Московские события вскоре предоставили им такую возможность. Когда на Дону и на Донце узнали о появлении нового претендента на московский трон, в лице мнимого царевича Димитрия, все Казаки оказались по его стороне. Они приняли деятельное участие в его борьбе с соперником, князем Василием Шуйским, а после оказали немалое влияние на исход выборов нового царя. Михаил Федорович Романов, получил московский престол, благодаря значительной поддержке Казаков. [4])

---

[4]) См. Казачий Словарь-справочник, очерк **Межаков,** т. II, страница 163-164

Глава девяносто третья

НА ТИХОМ ДОНУ

Живя в Донской республике, Казаки пользовались полной свободой, ограниченной постановлениями Кругов, обычным правом и в известной степени традициями Христианства. Казачьи понятия о морали, нравственности и справедливости нельзя считать низшими, чем у многих Европейцев того времени. Как и повсюду, кодекс их права относился только к своим людям и действовал лишь внутри их общин. В отношениях друг с другом они руководствовались началами братства и взаимной выручки, особенно во время войны. Но понятие о справедливости не распространялось на мир враждебный, а в свою очередь наростание враждебности часто имело своим источником основы религиозные. Особенно при встречах с Турками: мусульмане презирали, случалось, и резали неверных-христиан, а Казаки платили им тем же, мстили безжалостно, пользовались каждым случаем для того, чтобы, не считаясь с личным риском, причинить врагам побольше потерь.

Обвинять Казаков за род их деятельности не приходится, такова была суровая эпоха. А кроме того, проживая в открытой степи, надо было обеспечить семьям безопасность и чем то пополнить средства к существованию. Заниматься земледелием не представлялось возможным, соседние ордынцы потоптали бы все посевы, сожгли бы на пню весь урожай. Резонно говорит один из недавних русских авторов:

> "Рыбная ловля, охота, скотоводство не могли прокормить казаков, да они вряд ли могли в то время спокойно заниматься этими промыслами и, тем более, земледелием, если бы даже и хотели, так как расселились они на большой площади и очень бесспокойной проходной дороге, связывающей Европу с Азией. Им приходилось с оружием в руках отстаивать свое право на жизнь, свое право на ловлю рыбы, на охоту, на пользование донскими пастбищами.
>
> Для Турок владевших Азовом и смотревших на Дон, как на свою собственность, для крымского хана, жившего за счет грабежа черкесских, кабардинских, нагайских и московских земель, Донские Казаки были нежеланными соседями, которых они всячески старались выжить или уничтожить. Естественно, в такой обстановке Донские Казаки долж-

ны были с оружием в руках отстаивать свое право на существование. В обширных владениях Турции и крымского хана, в городах и деревнях, расположенных на побережье Азовского и Черного морей, Казаки могли не только разгромить живую силу своих врагов, но и найти всё, что было необходимо для жизни, для пропитания, для обогощения". [1])

Таким образом, Казакам и здесь пришлось зани-

Почетный старик
Рисунок из книги Ригельмана

маться, ставшим за полтора десятка веков привычным, ремеслом воинов профессионалов. Соответственно этому была построена вся частная и общественная жизнь Донских Казаков.

---

[1]) Н. А. Смирнов, Россия и Турция в XVI - XVII в.в., стр. 141

Казачий военно-административный строй на Дону мало отличался от сложившегося на Запорожском Низу. Роль главной Сичи здесь вначале принадлежала городку Раздорскому в устьях Донца. Там находилось управление краем, была стоянка основных вооруженных сил (по местному — Главной Войски), организовались очередные военные предприятия, хранилась флотилия, собирались Войсковые и Валовые Круги. По своему названию, по составу и по полномочиям Круги соответствовали Запорожским Колам. Так же как и на Днепре, на Дону существовал институт выборных атаманов. Кроме них никакой высшей исполнительной власти ни там ни тут не было. Казаки в своих республиках оставались безраздельными хозяевами, волю свою изъявляли в Народных Собраниях, старшина не держалась у власти подолгу, между нею и народными массами не стояло никаких классовых прослоек, общество оставалось бесклассовым и бессословным, хотя, конечно, в его среде появлялись люди более авторитетные, заслужившие особое уважение.

На Дону у Казаков сложилось такое же суровое уголовное право, как и на Запорожье. По описанию Ригельмана:

> "При станишных избах плетьми наказывали и за безчестного считали, и в колоду сажали или дом виновного и пожитки грабили и самого хозяина обществом бивали, что часто над их старшинами случалось за обиду, неправильное суждение и за обдел кого в получении добычи, "надуванье", то есть кого заделил или лишнее себе взял. В куль да в воду топили или сажали на время. За оскорбление общества, возмущение, злодейское убийство, междоусобное воровство, если два свидетеля засвидетельствуют, общим приговором, по состоянию вины, а более смертью наказывали". [2])

У В. Д. Сухорукова тоже находим беспристрастную характеристику по понятиям девятьнадцатого столетия:

> "Нравственность Казаков представляла смесь добродетелей и пороков, свойственных людям, которые жили войною". "Жадные к добычам, свирепые в набегах на земли неприятельские, Казаки в общежитии своем были привязаны друг к другу, как братья, гнушались воровства между собою". "Религию чтили свято. Трусов не терпели и вообще поставляли первейшими добродетелями цело-

---

[2]) А. И. Ригельман, Повествование о Донских Казаках.

мудрие и храбрость". "В наказаниях за преступления были жестоки. **В куль да в воду** была главная казнь за измену, трусость, убийство и воровство. Это было утопление человека завязанного в мешок. Приговор и наказание совершались почти в одно время; это могло довольно успешно действовать на своевольство Казаков, ибо каждый, осуждая своего товарища, знал, что никакие происки судопроизводства не избавят его от заслуженного наказания". [3])

Казаки вели торговлю с азовцами рыбою, дровами и разной мелочью; турецким и персидским купцам продавали добычные изделия из дорогих металлов, а покупали от них оружие; русским людям продавали скот и лошадей, а сами приобретали у них хлеб и суда, свинец и селитру.

Защита и нападение составляли главное содержание жизни населения Донской республики. Поэтому существенная роль в ней принадлежала вооруженным силам. Каждый городок должен был обладать оборонными укреплениями, в виде рвов, валов и глинобитных стен, двух параллельных плетней, между которыми набивалась глина. Каждый городок имел своих защитников, готовых к обороне поселения от нападений бродячих татарских шаек. Это Войска Куренная. Она выделяла от себя очередную часть, (но не больше половины) **версталась** в Войску Главную, [4]) расквартированную в Раздорах Донецких.

Главное Войско имело много общего с гарнизоном Низового Коша на Днепре. Будучи постоянной и основной народной армией, оно состояло из очередных воинов, присланных от всех городков, пропорционально численности их населения. Благодаря такому способу пополнения, оно представляло всех жителей и обладало правами непрерывного Народного Представительства. Войсковые Круги, собранные на раздорском майдане, решали текущие государственные вопросы от имени всего населения республики и потому их постановления становились обязательными для каждого гражданина.

---

[3]) Историческое Описание Земли Войска Донского.

[4]) При отсутствии в речи Донцов среднего рода, он заменяется формами женского или мужского рода.

Глава девяносто четвертая

ВОЙСКО

В Донской Казачьей республике верховная власть принадлежала Главному или Великому Войску. **Войско** понималось, как коллективный суверен, выражавший свою волю через Войсковые Круги. Одновременно Войско олицетворяло и всё государство с его территорией, народонаселением и властью. **Главное или Великое Войско** — верховный правитель, как великий князь в княжестве, как царь и великий государь в царстве. Все кадры управления находились в зависимости от Великого Войска, всё законодательство исходило от Великого Войска, все важные решения постановляло Великое Войско, все осложнения ликвидировались Великим Войском, все соседние страны при сношениях должны были обращаться к Великому Войску. Так и возник термин **Войско,** равнозначный с термином **республика** и аналогичный терминам **княжество и царство.** Такой правовой термин **в корне отличался от общего понятия войско-армия** и в будущем должен найти свое место в теоретическом государствоведении для обозначения республики особого типа, республики военной по духу с ее территорией, народонаселением и властью. Этому понятию соответствовал и весь общественный строй речного казачьего государства, возникшего на Среднем Дону к сороковым годам XVI века.

Раз в год, обычно первого января, так же как и у Запорожцев, производились выборы представителей исполнительной власти. На городском майдане собирались все люди, находившиеся в рядах Главного Войска и по абсолютному большинству голосов избирали Войсковых: атамана, судью, хорунжего, писаря и есаулов. Они выполняли те же обязанности, что и у Запорожцев: Войсковой атаман — верховная исполнительная власть, старший начальник всех вооруженных сил края; Войсковой судья — первый его заместитель, высшая судебная инстанция, с надзором за выполнением обычного и писанного права; Войсковой хорунжий — второй помощник атамана, хранитель символов власти, знамён, бунчуков, перначей и насек; Войсковой писарь

— хранитель печати и архивов, шеф канцелярии, заведующий перепиской и сношениями с Москвой, Крымом и другими соседями; есаулы — полицейская власть и командиры пограничной стражи, в обязанности которых входила и координация сил отдельных городков, где выбирались штаты **своих** должностных лиц: атаманы, судьи, хорунжие, писари и есаулы с соответствующими обязанностями и с подчинением объединяющему руководству одноименных с ними войсковых чинов. Здесь постановляющей инстанцией были Сборы жителей, к которым местные люди и обращались по всем делам, начиная от хозяйственных и брачных до уголовных.

Войсковые атаманы с соответствующими штатами правили всей жизнью края, не превышая полномочий, полученных от Войсковых Кругов, но главным Хозяином всё же следует считать Валовой Круг (Всеобщий Круг), когда Главное Войско пополнялось мужами совета, дополнительно избранными по городкам. Перед его сбором ожидали возвращения из походов всех отрядов и на майдане в Раздорах собирались **всех рек Казаки,** чтобы с обнаженными головами разрешать наиболее важные дела: войны и мира, сношений с соседями, установления новых правовых норм, выделения юртов для новооснованных поселений, постройки школ, храмов и монастырей, приема духовенства, разрешения пограничных споров между отдельными городками и суда, в случаях особенно важных нарушений законности.

В силу условий окружающих страну, в ней царил военный дух. Мужи-воины, защитив поселение от врагов или вернувшись домой из походов, больше чем кто либо другой, чувствовали право настаивать на решении общественных дел по их желанию, а остальные легко поддавались их влиянию. На ответственные посты избирались не только мудрейшие, но и более заслуженные в боях.

Деятельность Войсковых атаманов и окружавших их старшин регулировалась обычным правом, сложившимся за века пребывания в различном окружении. Должностные лица находились под постоянным наблюдением всего общества и обязаны были поступать честно, по обыкновениям принятым с давних пор. Иначе их ожидали крупные неприятности. В лучшем случае Круг сменял виновного с бесчестием, а при большей провинности наказывал смертью. Положение не особенно удобное! Но **лучший из лучших** должен был обладать значительной долей жертвенности и риска, так же как и неподкупной честностью в службе интересам своего наро-

да. Суровая ответственность не допускала легкомысленного отношения к обязанностям, а зато послушными кадрами избранных старшин становилось всё население страны. К тому же деятельность выборных начальников оплачивалась не одним почётом. Они получали свою долю со всякой добычи и пользовались крупными земельными угодьями.

Старый есаул

Из кн. Ригельмана, рис. Шелковникова

Раздоры Донецкие, всегда переполненные народом, служили столичным центром Донской Казачьей республики. Там же готовились боевые и промышленные экспедиции, принимались решения по вопросам обще-хозяйственным и переселенческим, вероятно, и по делам

школьным. Казаки знали свет, понимали ценность просвещения, а в жизни постоянно приходила необходимость в людях хорошо грамотных. Известно, что акты, послания и отписки, исходящие от Казаков, написаны грамотно, а очень часто и отличным литературным слогом. Надо предполагать наличие в городках хороших школ, скорее всего — церковных.

В XVI веке на Дону, кроме Казаков, никого не было. Единство происхождения, единство духовное, единство бытовое притягивали к ним всё новые стаи переселенцев с верховьев Дона, из Северщины и с Днепра. Там повсюду казачьи семьи исчислялись десятками тысяч. Они переходили оттуда на Дон Средний, основывали новые городки, усиливали армию, укрепляли молодое государство.

В лаву!

Рис. из кн. Ригельмана

Городки располагались в донской излучине и ближе к устьям реки, а также вдоль запольных речек Хопра и Медведицы. К концу века образовалась довольно длинная линия обороны с упором на воды Дона. В случае нападения Крымцев или Нагайцев, Главное войско всегда готово было послать своим городкам помощь, но в обычное время не располагало крупными силами, судя

по актам, никогда не разросталось даже до десяти тысяч. Десятка два тысяч бойцов оставалось по своим городкам готовыми к действию. В обороне поселений принимали участие и женщины.

В отличие от Запорожцев, Донцы предпочитали действовать в конном строю, а тактика их боя существенно отличалась от устойчивой твёрдости запорожской пехоты. Если они встречали противника в открытом поле, то атаковали его **лавой,** охватывающим, развёрнутым и разомкнутым, строем, с флангами обеспеченными особыми **уступами.** Когда же противник атаковал сам преобладающими силами, Казаки рассеивались и собирались снова где либо в заранее условленном месте, чтобы опять построить **лаву** и ударить на врага с фланга.

Отдельные разъезды находились постоянно в движении. Этого требовала безопасность страны: надо было знать обо всех намерениях ордынцев, а кроме того существовал особый промысел на **Татарина,** погоня за отдельными Крымцами и Нагайцами и ловля их на аркан, особенно тех, за которых предвиделся выкуп. Не брезговали и молодым **ясырем,** необходимым в домашнем хозяйстве. Пленников можно было и продать у соседей на рынках невольников.

Вообще же степные нападения не отличались кровопролитиями. Смерть ожидала только наиболее упорных противников. Во время стычек вручную гибли немногие. Человек имел фактическую рыночную ценность. Жалкое имущество кочевника не стоило ломанного гроша, а зато самого хозяина и кое кого из его семьи можно было хорошо продать. В Москве, Азове или Кафе взрослый пленник стоил на рынке от шести до весьми рублей, много денег по тому времени. Не стоило и убивать.

У Донцов имелась своя артиллерия, а также речная и морская пехота, **судовая войска.** За недостатком собственных строительных материалов, боевые лодки, по размеру несколько меньшие, чем запорожские, они приобретали у мастеров на Верхнем Дону. Оборудовав их так же, как Запорожцы, вязанками камыша у внешних бортов, они рисковали на своих утлых судах ходить в далекие морские походы.

Для того, чтобы закрыть им выход с Дона, Турки перегородили его главное русло цепями и поставили каланчу с артиллерией, а на Мёртвом Донце — редут, тоже

вооруженный пушками. Но Казаки поднимались вверх по Донцу Северскому, затем по системе мелких речек и небольших переволок попадали в речку Кальмиус и спускались по ней прямо в Азовское море. Когда удавалось миновать и Керченский пролив, целью нападения становились берега Крыма и Малой Азии. Морские экспедиции Донцы часто совершали вместе с Запорожцами, избиравшими тот же путь через реку Самару, Донец и Кальминус. По этому же пути они возвращались обратно в тех случаях, если Турки плотно закрывали днепровский лиман.

Возвращение с уловом

Глава девяносто пятая

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

А у нас на Дону не по вашему:
Не сеють, не жнуть,
Не ткуть, не прядуть,
Хорошо ходють!

Из казачьей песни

Русский генерал А. И. Ригельман, годами живший среди Казаков, писал о Донцах:

"Они почти все смуглова и румяного лица, волосом черные и черноусые, острого взгляда, смелы, хитры, остроумны, храбры, горды, самолюбивы, пронырливы и насмешливы"[1]).

Автор писал во второй половине XVIII века, но надо думать, описанный им физический тип, внешность и характер мало изменились за полтора века, отделявших Ригельмана от интересующего нас XVI столетия. Конечно, могли встречаться и многие отклонения от его описания. Речь идет об **основном** типе как его представлял себе посторонний наблюдатель.

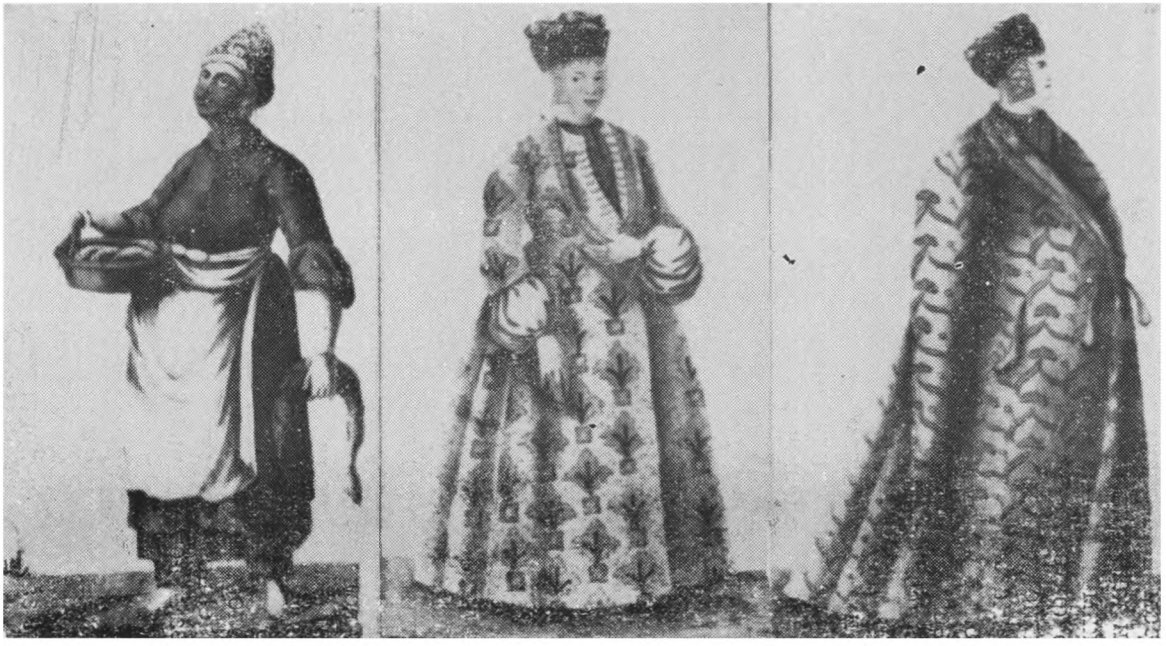
"Болезней мало знают, писал Ригельман, наибольшая часть умирает против неприятеля или от старости. Платье носят почти совсем татарское, парчевое, штофное и суконное, кафтан и полукафтанье или бешмет и штаны широкие, сапоги и шапка черкесские, опоясываются кушаком. Волосы на голове вокруг подстригают, ходят с бородами, а некоторые, оставляя усы, бреют"[2]).

"Жены их лица круглого и румяного, глаза темные большие, собою плотные и черноволосые, к чужестранцам неприветливы. Они носят, зажиточные, **каврак** или **саян** и **кобелеки** парчевые, штофные и прочей материи, то есть кафтан долгой и полукафтанье, который только ниже колен длиною, из под коего видна шелковая цветная рубашка, так же и рукава оной, по нынешнему обычаю с обшивкой, как у мушчин, а по старому висят высокие, и опоясываются по кубелеку поясами и **чепраками** то есть с золотыми и серебряными, а иные и с другими каменьями и медными по ремню бляшками, разными узорами сделанными и наперe-

---

1) А. И. Ругельман, История или Повествование о Донских Казаках, стр. 135

2) Там же

Донские Казачки в XVI веке. Рис. Г. Шелковникова
(По Ригельману)

ди с замошною пряжкою. На голове носят повязки с висящими по щекам **чикиликами,** то есть лопастьми жемчужными и поверх оных высокие кички с сороками на подобие стоячей большой трехугольной лопаты, вышитой спереди золотом, серебром и шелками в узор, а иные унизаны дорогими каменьями и женчугом с покрытыми белым тонким шальником, то есть кисейною или флеровою фатой, с распущенными сзади концами; нынешние же побольшей части старшинские и богатых Казаков жены носят с Черкессокого обычая собольи и другие круглые шапки с унизанным каменьев и жемчугом, а у маломощных в узор золотом и серебром расшитым, или из какой парчи, материи или бархата, плоские верхом; вдовы же носят их без всякого украшения, только черные; на шее же перлы или **борок,** тоже низанье, и от серег висящие цепочки или просто нити жемчужные, а на руках при самой ручной кисти, кольца нарочитой толщины, золотые и серебряные **бизилики.** Запросто же и по домашнему ходят в высоких повойниках, в парчевых, бархатных, штофных и т ому подобной материи, повязавши узко шелковым платочком. На ногах носят чулочки или **ичеги** кожаные желтые и туфли или башмаки красные, золотом шитые, а вдовы, черные"[3]).

"Девки же их заплетают волосы с косников в одну кссу и носят повязки, что вообще называются **челауч;** богатые — жемчужные с висящими **чикиликами,** как у женщин, по обеим щекам, жемчужными ж; также повязываются лентами и платками называемыми **таркич,** с висящими через всю, укрывая, голову, одним углом назади. В прочем платье носят все такое же, как и женщины, притом все без изъятия ходят в портках, а по их — в штанах, зимою же в тулупах, крытых разными материями. Веселость их состсит беседами между собою и в пойле, но и то случайно: со всем тем изрядные хозяева и домоводцы"[4]).

Казачьи платья и костюмы шились дома швеями-**гиберками** или руками самих женщин. Поэтому фасоны ставались неизменными, национальными, такими, какие образовались давным давно у кавказских прародителей. Их зарисовки приведены в книгах А. И. Ригель-

---

[3]) А. И. Ригельман, История или повествование о Донских Казаках, стр. 136-138

[4]) Там же Курсив мой Г.Г.

Ранний кубелек и каврак. Рис. Шелковникова
(По Ригельману)

мана. Они исполнены современным ему художником Г. Шелковниковым.

Казачки очень дорожили древними фасонами своих одеяний, хранили их образцы, оставшиеся от бабок и прабабок, в сундуках **ухоронах** и щеголяли в них по праздникам еще в прошлом веке. У Кубанских Казаков-Некрасовцев женщины хранят некоторые старинные фасоны одежды до наших дней.

Безусловно, не обошлось и без посторонних влияний. На Днепре стали вносить новые детали под влияниями польскими, а на Северном Дону — под влияниями русскими. Ригельман замечает:

> "У простых и небогатых Казаков в верховых станицах жены носят с двумя рожками посредственные и малые кички, с сороками ж, шитые шелками и красной бумажной пряжей так точно, как в Руси деревенские бабы, и так же в поневах и в мужниных кафтанах, в лаптях, поршнях и сапогах, а летом босиком".

По рисункам Ригельмана видно, что у женщин на Дону была в употреблении и **запаска**, прямоугольный кусок материи запахнутый вокруг бедер, ввиде юбки.

В мужской одежде неизменным свойством казачьего бешмета и чекменя-казакина были застежки на крючках, причём по кавказскому обычаю правая пола всегда покрывала левую. Этот обычай держался в казачьем быту так же крепко, как отсутствие среднего рода в речи Донцов.

Казаки Днепровские прошли через многовековое горнило влияний соседних народов, начиная от Древней Руси, с которой общались их предки Чёрные Клобуки, и кончая Польшей, принесшей в казачью среду влияния западные. Не изменился только общеказачий тип. Ригельман писал, что их не напрасно называли Черкасами, так как они "сходство лица, одежды и несколько жительства, обычаи и во многом обряды равные с Черкесами имеют". Все брили бороду и носили длинные усы. По черкесскому обычаю, **товарищи** на кругом бритой голове оставляли **чуприну.** Её длина указывала на старшинство в этом почётном звании. Основной одеждой мужчины служили: льняная или конопляная рубаха без воротника и пуговок, лишь на завязке, очень широкие шаровары из плотного материала, бешмет с низким воротником и закрытой грудью, верхний кафтан — **кирея** с узким шалевым воротником и с широкими, короткими выше локтя рукавами[5]), на ногах сапоги или рас-

---

[5]) Багрянородный в трактате «Об управлении империей» пи-

хожие чувяки из сыромятной кожи, так называемые, **апостолы.** Головным убором служил чёрный колпак различной высоты, иногда как монашеская скуфья, а иногда высокий с верхом падающим на правую сторону в виде **тумака,** из разного плотного материала — войлока, толстого сукна или телячьей кожи. От дождя и холода Казаки укрывались мохнатой крымской буркой, которую они называли словом, подобным черкесско-татарскому, **кепенек.**

"Одаренные от природы силою и ростом видным, писал Боплан, они любят пощеголять, но только тогда, когда возвращаются с добычею, отнятою и врагов, обычно же носят одежду простую".

Что касается женской одежды, то у Запорожских Казачек, живших среди Литвы и Поляков появились более разнообразные наряды, чем на Дону или на Тереке. Там придерживались старины, а на Днепре следовали западным модам. Появились корсажи и платья нового кроя. Неизменным оставались: **каврак** или **саян,** рогатые головные уборы, женские меховые шапки и пристрастие к дорогим украшениям, ожерельям, браслетам, серьгам и т. п. Богатые Казачки на Днепре были не меньшими франтихами, чем на Дону. И тут и там они любили дорогие материи. Вместе с тем, иностранцев поражала чистота в их домах. Чистоту духовную и физическую сохраняли и казачьи девушки, свободные в выборе мужей.

Казаки учили детей в школах и потому не удивительно, что иностранец Боплан отзывался о многих из них, как о людях, у которых кроме одежды ничего не заметно простецкого.

Такими Казаков на Дону, на Днепре и в Гетманщине видели современники.

Из актовых материалов следует, что язык Запорожцев не отличался однообразием. Одни сохраняли словарь и обороты белорусской речи, принятой в народе и в официальном обиходе Литвы, другие перешли на язык польский, третьи, главная масса, много веков общалась с Украинцами-Русью, стали пользоваться одним из их говоров подновив его своими особенностями.

В свое время их меото-казарская часть пришла на Днепр с особым древне-славянским наречием, образцы которого можно было бы обнаружить, отыскав первоначальные тексты переводов **Иосипона** или **Истории Иудейской войны** Иосифа Флавия. Во всяком случае, в

сал, что Печенеги приставшие к Торкам, по их примеру, обрезали рукова своих кафтанов.

древне-казачьем языке должны были храниться черты, роднившие его со славянской речью Болгар, исключая ее частные особенности, сохранившиеся от того времени, когда Болгары еще не полностью овладели славянским языком. Они пришли на Дунай из Меотиды, где прожили вместе со славянами почти три века. Там, на восточном берегу Азовского моря, вероятнее всего, и произошло первоначальное усвоение ими славянского языка. Основой для славянского языка Болгар-Тюрок могла послужить местная речь Казарских Славян; они овладели им окончательно при дальнейшем сожительстве со Славянами Дунайскими.

Таким образом, древне-болгарская и древне-казачья речь имеют своим источником один и тот же язык, язык Казарских Славян и, следовательно, **болгаризмы**, обнаруженные в древне-славянской письменности, могут принадлежать и нашим предкам.

Вопрос о языке Славян Казарии, иначе говоря, о языке древне-казачьем, никто еще серьёзно не интересовался. Кое какие обоснованные соображения опубликовал сов. ученый Н. А. Мещерский. По его выводам переводная литература появилась у Казарских Славян на много раньше, чем у Славян Днепровских[6]).

За тысячу лет значительные перемены происходят во всех языках. Они не только изменяются, но и заменяются совсем другими, как это произошло на глазах истории у Норманнов Русов, в литовской династии Гедиминовичей, у Болгар и в других случаях. Отчетливым примером может послужить и речь Крымских Армян.

Уходя в 1475 г. от Турок из Крыма, Армяне-христиане задержались на жительство в Каменце Подольском. Перед этим они прожили 200 лет среди Половцев, пользовались их языком и в большинстве забыли свой родной. Когда они пришли в Каменец, древне-армянскую письменность понимали из них только некоторые образованные люди. Но таких становилось всё меньше и от 1577 года секретари их суда перешли на язык половецкий, знакомый местным Армянаам больше родного. В наше время армянские акты из каменец-подольских архивов дают наибелее богатый материал для изучения половецкого языка[7]).

---

[6]) Н. А. Мещерский, Археографический очерк в кн. «История Иудейской войны Иосифа Флавия в древне-русском переводе», М. — Л. 1958; того же автора «Византийско-славянские литературные связи», ВВ XVII, М. — Л. 1960

[7]) «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы», М. 1964, стр. 281-285

Глава девяносто шестая

ГОРЫНИЧИ

Знают все реку Урала
И уральских осетров,
Только знают очень мало
Про Уральских Казаков.

Из казачьей песни

В казачьей истории, так же как в нашем языковедении, остается еще много вопросов нетронутых наукой. Требуют тщательного изучения и древности Уральских Казаков, нашей племенной группы, которой в хаосе нынешних дней грозит полное уничтожение.

Два последние столетия жители нижней половины реки Урала назывались Уральскими Казаками, а раньше их знали, как Казаков Яицких. Но в 1775 г., одним росчерком монаршего пера река Яик или Джаик переименована в Урал и соответственно с этим Казаки Яицкие стали именоваться Казаками Уральскими.

Неофициально, до наших дней, они называли себя и свою реку **Горынычами**, в прямом значении — **Детьми гор,** хотя проживали на равнинах. На чём основывалось такое прозвище, никто из них объяснить не мог, только все придавали ему торжественно-шутливое значение и некоторую загадочность. А между тем, в этом, на первый взгляд незначительном явлении, может скрываться тот же смысл, что и в прозвище **Гребенцы — выходцы с гор.**

Встает естественный вопрос: с каких гор могли явиться на Яик Казаки, заложившие там начало независимого общества? Покаместь, в поисках ответа на подобный вопрос, можно руководствоваться только предположениями.

Яик или Урал вытекает с Уральских гор, через возвышенности Общего Сырта и это вполне объясняет его отечество — **Горынич.**[1]) Может быть и жители его берегов спустились когда то ближе к морю с тех же гор? Но по преданиям и по актовым данным Яицкие Казаки явились на свою реку через Волгу. А. С. Пушкин в **Истории Пугачевского бунта** рассказывает с их слов, что Ка-

[1]) Дон вытекает из озера Ивань и Казаки с почтением называют его Ивановичем.

заки пришли на Яик во время Тамерлана, т. е. в конце XIV века. Они побили местных Татар, а их атаман Гугна взял себе в жены ханскую вдову. **Бабку Гугниху** Горынычи помнят до сих пор.

Есть и более раннее предание о **Синьгорсде в Луке Замора** (может быть, в **Луке за морем**). Его остатков следовало бы искать в одном из городищ на побережье Каспийского моря, в той луке, которую создает его берег в северо-западном углу, повыше устьев реки Терека.

По данным археологии казачьи предки Торки, действительно, пребывали между Волгой и Яиком уже во времена Тамерлана. После трехвекового перерыва, в Золотоордынскую эпоху там снова появляются торческие погребения с конём и таким образом предания подтверждаются археологией.[2]) Но, очевидно, во время ордынской "замятни" Казаки опять покинули свой старый юрт и не появлялись на Яике до тех пор, пока Русы не заняли Казани и Астрахани, не укрепились на берегах Камы и Волги. Имя **Яицких** они сохраняли и пребывая вдали от своей реки. В 1552 году, уже находясь в стороне от нее,община Яицких Казаков посылала своих воинов на помощь Грозному под Казань. Об этом говорится в отписке Донских Казаков, высланной царю московскому 2-го мая 1632 года.

Вторичное заселение Яика Казаками произошло после того, как их тылы от Волги и от Камы стали прикрывать Донцы и Московиты. По всем данным Горынычи двинулись обратно на свою реку и с севера и с юга. Проходя в лодках от моря они по пути сожгли столицу Нагайцев, Сарайчик. В 1582 году из Москвы астраханскому воеводе Бахтеярову Ростовскому указывалось:

> "А будет отпишет к вам Урус, что наши Казаки у него Сарайчик сожгли, и на Волге послов его побили, а он был послан к нам, и выб отписали, что наши Казаки на Сарайчик не хаживали, а воровали будет беглые Казаки, которые бегая от нас живут на Тереке, и на море, на Яике, и на Волге". [3])

Через четыре года нагайский князь Урус жаловался в Москву:

---

[2]) Г. А. Федоров Давыдов, Курганы, идолы, монеты, стр. 64-68. По Ригельману, Казаки на Яике в татарской литературе вспоминаются очень рано, но там могло говориться о Кайсаках или Казахах.

[3]) Историческое Описание Земли Войска Донского, стр. 57; Дела Нагайские кн. 10, л. 247 на об.

Наряды Запорожских Казачек. Рис. Г. Шелковникова (по Ригельману)

"В те поры, пришед на Яик, Казаков с 6 сот и с 7 сот поставили город большой и с того города нам многие лиха починили".[4])

Таковы указания о времени последнего прибытия Горыничей на Яик. Сарайчик, сожженный ими, помещен на карте Дженкинсона в низовьях реки, не выше 30 клм. от ее устья. Дженкинсон проезжал мимо из Бухары на Москву в 1559 году.

Казаки на Тереке и на море указываются в наказе Бахтеярову Ростовскому не без причины. Тот же Дженкинсон, на год раньше плывший по Каспию под охраной пятидесяти русских стрельцов, рассказывает, что за устьями Терека в стране Туменов можно было ожидать нападения морских корсаров, и потому они отвели свой корабль на 40 миль к востоку, чтобы его не могли заметить с берега.[5])

Через одинадцать лет по тому же пути плыл в обратном направлении агент Русско-Английской торговой кампании Джофрей Дукет. С этими корсарами-Казаками он встретился в море, потерял корабль и бывшие на нем товары, но сам, после сражения, был отпущен в Астрахань на корабельном шлюпе, вместе со своими людьми.[6])

Всё это происходило именно в то время, когда Кабардинцы ушли из Ставропольских степей в Пятигорье, когда Пятигоры и Гребенцы покинули прежние жилища в горах и переселились на Нижний Терек и на морской берег, когда на Дону и на Днепре появились **Казаки новые,** опытные морские навигаторы.

Христиане-Кабардинцы долгое время оставались главными противниками Турок и основной силой сопротивления их продвижению на Северном Кавказе. Но Туркам, в конце концов, удалось вытеснить их в горы. В 1557 году Кабардинский князь Темрюк Андорович обратился за помощью в Москву, эту помощь получил и в 1560 году выдал свою дочь Марию замуж за московского царя, стал его тестем. Но другие кабардинские князья и мырзы предпочли союз с крымским ханом. Год из года на Северном Кавказе шли кровавые междоусобия и Грозному нераз приходилось помогать тестю при-

---

[4]) Историческое описание Земли Войска Донского стр. 54; Д. Нагайские св. I, тетр. 8

[5] The voyage of Master Anthony Jenkinson made from cite of Mosco in Russia, to the citie of Boghar in Bactria in the yeere 1558.

[6] Dr. Giles Fletcher, Of the Russe Commonwelth, Introduction, Edit. by Edward A. Bond, London 1856.

сылкой войск. В сентябре 1570 года Русские побили горских князей, оказавших неповиновение Темрюку, разграбили их поселения, взяли много добычи и пленников.

Часть Кавказских Казаков оказалась у каспийского берега. Вероятной причиной их ухода с Терека послужила постройка в устьях реки нового города Терки (1567 г.) с русско-кабардинским гарнизоном. Там установилась несомненная власть Кабардинцев, тех самых, что изгнали Горских Казаков с Кубани, из Пятигорья и Верхнего Терека. Казаки-мореходы ушли дальше к морю. На Тереке остались одни Гребенцы.

Каспийское море открывало свои просторы для походов на мусульманскую Персию и предоставляло возможность нападений на проходящие мимо купеческие суда. Но охрану важного водного пути взяли на себя Русские из города Терки, покинутого ими, по настояниям Турции, только в 1578 году Казакам пришлось расстаться и с морским берегом. Они несколько задержались на Нижней Волге, где причинили Русским и Нагайцам много беспокойства, а затем, в поисках новых мест для поселения, поплыли по морю дальше на восток. На реке Яик они снова погромили Нагайцев и соединились с единоплеменниками Казаками, прибывшими туда же с севера. Свой столичный центр Горынычи нашли удобным основать в 600 клм. от моря там, где на карте Дженкинсона указано татарское селение Шакашик. Здесь в глухой дали они наконец почувствовали безопасность от гонителей Турок и Русских.

Так по преданиям, по данным археологии и по древним актам представляется переселение Казаков-Горынычей на Яик.

Указания на их прежние связи с Кавказом обнаруживаются также в некоторых особенных свойствах их речи. Они, например, нередко употребляют частицы **то, та, те,** а тон их произношения слов не встречается ни у одного славянского народа. Подобно Кабардинцам и Адыгейцам, Уральцы произносят многие звуки при подёбном положении языка. От этого свистящие звуки переходят в звуки шипящие, а вся речь приобретает особенный, как бы замкнутый за щеку, тон.

Мне неизвестно, изучал ли кто либо из диалектологов особенности произношения Уральцев, но ясно, что первая из них находит свой отзвук в языке ославяненных Болгар, а вторая — может быть принята, как след продолжительного пребывания среди Кавказских Горцев. С Болгарами они тоже могли тесно общаться во время их трехвекового пребывания в Предкавказье.

Ко всему этому Горыничи самые большие приверженцы священных книг древнего письма, первоначальных переводов на славянский язык, выполненных, вне всякого сомнения, для христиан Томи и Таны (Приазовья), а после попавших в Киев и переделанных там на русский лад. Все Уральцы стойкие старообрядцы.

Принявши в расчёт эти особенные свойства Горыничей, можно еще больше увериться, что они вышли на Яик именно с Кавказа.

Последние годы XVI столетия переселенцы занимались на Яике устройством новых поселений, оберегались от зауральских соседей, организовали общественный строй по прежним казачьим образцам, с Кругами и атаманами. В разгоревшейся у Московитов Смуте их люди принимали участие с атаманом Корелой, получившим на Руси прозвище **Чернокнижника.** Как и все Казаки, они оказались лояльными по отношению к Михаилу Федоровичу Романову, занявшему московский трон по их же настоянию.

Тогда Горыничи проживали на азиатских рубежах свободным политическим обществом и сносились с Москвою через ее Посольский Приказ. Котошихин, дьяк этого учреждения, писал в своем сочинении, что всем казачьим Зимовым станциям (посольствам) "честь бывает такова, как чужеземным нарочитым людям".

Горыничи, как и Гребенцы, представители основного казачьего типа, наиболее сохранившегося от времен Земли Касак, очень ценный этнографический материал. Слова, сказанные ген. И. Болтиным о Гребенцах, можно отнести и к ним:

> "Убором подобны они Горским народам, в обращении грубы и просты, но в воинском деле превосходят всех Казаков, и для того все тамошние народы их уважают и живут с ними в согласии. Управляет ими Войсковой атаман; питаются земледелием и скотоводством, и живут во всяком обилии и довольстве". [1])

---

[1]) И. Болтин, Примечания на Историю России Г. Леклерка, страница 344

Глава девяносто седьмая

ДОН И ЗАПОРОЖЬЕ

В конце XVI века на земле наших предков существовало четыре независимых политических общества, четыре речных государства: Запорожский Низ, Донская республика, республика Горыничей на Яике и небольшая община Гребенцов на Тереке.[1]) Крайний восточный сектор казачьего расселения находился на Яике, вне каких либо посторонних политических влияний; на юго-востоке проживали Гребенцы, принявшие вместе с Кабардинцами покровительство московского царя; на западе казачьи степи ограничивались владениями Запорожцев между Днепром и Ю. Бугом, а север занимали Запорожцы Гетманщины, жившие в Польше, Путивльские Казаки и Казаки с верховьев Дона, подчинявшиеся царю.

Центральное положение занимала Донская Казачья республика, сохранявшая полную независимость.

Все четыре сектора непрерывно пополнялись новыми людьми. Особенно Запорожье и Дон. Семья за семьей возвращались на прежний перекопский юрт Запорожцы, вначале ушедшие в Литву. Приходили за пороги и правнуки Казаков, некогда основавших город Черкасы. По Суле, Псёлу и Ворскле спускались на Нижний Днепр Казаки Северюки. Они посещали его и раньше, но лишь на время в качестве охотников, рыболовов, медогонов, производителей селитры, а теперь приводили туда же семьи и оставались там на постоянное жительство. Приходило пополнение и с Дона. Всегда находились причины, по которым появлялось желание или необходимость покинуть насиженное место и близких людей, чтобы искать счастья на стороне. Некоторым Днепр представлялся привольнее и изобильнее, чем Дон. Запорожье манило к себе Донцов, но очень часто и Дон притягивал к себе Запорожцев. На Сичевом Низу всегда встречалось много Казаков с Дона и Донца, а в

---

[1]) Это четыре основных корня нашей народности. После покорения Казаков, повелением русской власти из них выделены первоначальные кадры **Войск в прямом смысле слова,** пограничной милиции, поселенной на отдельных участках от Оренбурга до Дальнего Востока.

свою очередь Казаки с Днепра в большом количестве выселялись на Донец и Дон. И там и тут они встречали братский приём. Происходило изживание прежней разрозненности, послужившей, между прочим, причиной и различий в их разговорной речи. Неорганизованно, стихийно шла идеологическая подготовка к постепенному фактическому слиянию, нежелательному для всех соседей.

Между Казаками, разбросанными по различным чатям Каспийско-Черноморской равнины, не угасло тяготение друг к другу, сохранялся своего рода неосязаемый духовный союз, чувство взаимной родственной близости. Объединяло имя, однообразный быт, род деятельности, традиции и предания. Казаки помнили об одинаковом происхождении, а кроме того сходились на идее борьбы с Исламом, столь грозно и кроваво проявившем себя в годы проникновения Турок на Сев. Кавказ. При других условиях, всего этого было бы достаточно для появления воли к политическому объединению в союз фактический, в сильное государство, но при наличной обстановке возникал этому ряд препятствий. Вероятно, не малое влияние на разобщенность оказывало изобилие свободных земель с их природными богатствами, а еще сильнее действовали препятствия, приходящие со стороны. К средине XVI века Донские Казаки и Запорожцы оказались в различных и враждебных политических сферах: первые стали федератами Москвы, а вторым не раз приходилось участвовать в походаах на ту же Москву и трудно было избежать вооруженных встреч со служилыми Донцами. Такие столкновения способствовали наростанию отчуждённости, а она, как раз, и была в интересах Литвы и Руси, постоянно опасавшихся укрепления связей между Доном и Днепровским Низом. Царь и великий князь, выступая в роли защитника Христовой веры и покровителя православных, прикрывал этим свои действительные намерения: присоединить к государевой вотчине и Казачий Дон, дождавшись подходящего момента и **препятствуя созданию общеказачьего независимого центра.** Близость, сохранявшаяся между Донцами и Запорожцами, вызывала тревогу и протесты Москвы. Появление единого нерусского государства на путях к Чёрному морю не соответствовало планам царского правительства. На Руси, так же как в Литве и в Польше жила мечта о расширении границ **от моря и до моря,** от моря Студенного, до морей тёплых, а создание сильной Казачьей федерации стало бы трудно преодолимым препятствием. Такой

возможности Москва усиленно и не без успеха противодействовала. У Казаков продолжалась эпоха "феодальной" раздробленности, со всеми ее печальными последствиями. Близость по крови и по духу не претворилась в близость политическую. Себе на беду, Казаки не объединились в единое политическое целое.

Речь Посполитая тоже опасалась казачьего слияния. Как уже говорилось, король Стефан Баторий начал преследовать Низовцев и пытался ограничить права Казаков Гетманщины, но узнав, что они могут уйти и соединиться с Донцами, прекратил угнетения и стал всех Запорожцев **жаловать.**

В русских источниках XVI и XVII столетий противодействие казачьему единению нашло совершенно отчётливое отражение. Первым условием дружбы и поддержки русское правительство всегда ставило Донцам их полный разрыв с Запорожцами. Борис Годунов поспешил подкрепить это требование основанием города **Царева Борисова,** как раз на пути между Доном и Днепром. Такие настояния Москвы редко когда выполнялись, но всё же служили одной из значительных причин продолжающегося разъединения.

Сотрудничество жителей Днепровской и Донской речных республик, начавшись с первых дней их существования, продолжалось и в XVII веке. Совместная война с общим врагом — Турками шла непрерывно. Нападали на них объединенными силами, вместе совершали далекие морские походы, во время которых часто несли большие потери. В русских актах последующего времени об этом упоминается неоднократно. Вот, например, рассказывает в 1621 г. царский посланник Семен Опухтин, возвратившись с Дона в Москву:

> "Ходили де с Дону на море на добычу атаманы и Казаки, атаман Василий Малыгин, а с ним 1.300 человек да с ними ж Запорожских Черкас 400 человек. Атаманы были у всех у Черкас и у Казаков большие: Черкашеня Сулим, да Шило, да Ятцкой. А пошли до его Семенова приезду задолго, ещо до Великодни за 3 дни. А ходили за Черное море и приступали к городу Ризе и к пашину двору, и тут им учинилась шкота великая — на приступе побили многих людей. А как пошли из города прочь, и на море пришло на них погодье, и струги их многие на море разбило, и людей потопило, а за достальными де пошли турские люди 27 каторг и,

сшодши, Казаков побили всех. А убили Казаков и Черкас 300 человек да в 8-ми стругех Казаков человек по 40-у и по 50-ти, а всего только при нем, при Семене, пришло на Дон с моря человек с 300 да с 30 человек Черкас"[2])

Как видим добыча доставалась не так легко. Сомнительно, чтобы она служила главной целью казачьих походов. Шла война, а не грабительские налёты. В новом морском походе осенью 1625 г. 2.000 донцов и 10.000 Запорожцев погромили Трапезонд и два других города на берегах Малой Азии, но и здесь потеряли больше чем 1.300 человек[3]).

От конца XVI столетия такие совместные морские походы стали обычным явлением. Они неизменно вызывали царский гнев. В 1613 году московский престол занял Михаил Федорович Романов. На его избрании настояли Казаки, согласившиеся при этом сочетать свои действия с интересами Руси, как ее верные союзники. Но они по прежнему не считались с царскими настояниями, жили в мире с Запорожцами, вместе с ними ходили в море.

20 сентября 1622 г. царь упрекал Донцов:

"Да с вашими де товарищи ходили вместе Запорожские Черкасы, которые к вам пришли с Литвы, из Запорог, и ныне у вас на Дону Черкасы многие, и будучи у вас на Дону, с турскими и крымскими людьми чинят задоры многие. А по нашему указу Запорожских Черкас принимати вам к себе не велено, потому что они приходят к вам по наученью польского короля для того, что бы меж нас и турского султана, и крымского царя ссору учинити и война всчать". "И вы б о том на себя нашего государского гнева не наводили и нашие к себе милости не теряли"[4]).

Подобные упреки посылались на Дон неоднократно, но желанного действия не оказывали. Как народ независимый, Казаки действовали сообразно со своей волей, а Москва не хотела отказаться от фикции влияния на федератов-Донцов и продолжала настаивать:

---

2) ВУСР т. I, стр. 24
3) Там же, стр. 61
4) Там же, стр. 27

Иоанн Крылатый

Особочтимая Казаками икона Предтечи в ангельском чине. Рис. Н. Ф. Мишаткина

"И вы б нам отписали наскоро: для чего вы нашего повеленья не слушаете и с турским султаном и с крымским царем нас ссариваете, и Запорожских Черкас к себе пускаете, и сами к ним ходите и с ними на море ходите, и турского султана городы и села и крымского царя улусы громите, и задоры чините, и по чьему велению вы так делаете, — о том бы естя о всем отписали к нам наскоро". "И воров бы есте атаманов и Казаков, которые ходят на Волгу и на Яик, от воровства уймали и чинили им наказание по своему суду, как у вас на Дону повелось. И впредь бы их на Волгу и на Яик не пускали, и Черкасов Запорожских к себе на Дон не пускали, и к ним не ходили и на море с ними отнюдь не ходили"[5]).

В Москве эти требования подкрепили арестом всего состава Зимовой станицы с ее атаманом Алексеем Старым и с одновременными угрозами применить экономические санкции, закрыть границу:

"И в городы ни в которые вас пускать, и с запасы ни с какими из городов к вам ездить не велим"[6]).

Не помогло и это, Казаки по прежнему перемещались с Запорожья на Дон и с Дона в Запорожье так, будто бы проживали в одних границах. В 1626 г. атаман Ханеев и Иван Гудов подтверждали в Посольском Приказе, что на Дону бывает по многу Запорожцев и живут они там по разным местам, а Донцы прибывши в Запорожье должны обязательно явиться местному атаману:

"То де у них ведется: как с Дону поедут на Днепр, и они атаманом сказываются, а на добродетели их челом бьют"[7]).

Наиболее подробные сведения о сожительстве Донцов с Запорожцами тогда же сообщил в Посольском Приказе запорожский полковник Алексей Шафран:

"Живет де он Олеша на Дону 18 лет, а иные его товарищи живут лет по 5-ти и по 6-ти, а всех де их на Дону есть с 1.000 человек. А в Запорогах де Донских Казаков также много: мало не вполы того, сколько их. Только живут переходя: они ходят на

---

5) Царская грамота от 22 октября 7134 (1625 г.), ВУСР т. I, страница 60

6) Там же

7) Там же, стр. 69

Дон, а з Дону Казаки к ним, и живут сколько где кто хочет. А повелось де у них то с Донскими Казаками изстари, что меж себя сходятся и живут вместе в одних куренях"[8]).

Сожительство Донских Казаков с Днепровскими, которых для отличия в Москве продолжали называть **Черкасами**, стало особенно раздражать царей и их правителей от времени царствования Федора Ивановича и Бориса Годунова.

Иван Грозный вёл по отношению к Казакам двойную политику: одной рукой казнил, а другой награждал. После взятия Казани он проявил по отношению к Донским Казакам максимальную лояльность: признал их право на Дон "до тех мест, как им надобно". У Донцов хранилось предание о царской грамоте того времени, где говорилось: а "кто буде дерзнет сих Донских Казаков с их мест сбивать, тот да будет проклят на веки веков". Виновником нарушения отцовского заклятия оказался его сын, царь Федор Иванович, а вернее, фактический правитель страны, царский шурин Борис Годунов. Царь Федор по его настояниям даже поклялся в 1587 году перед нагайскими послами, "свесть Казаков с Волги, Яика и с Дону"[9]).

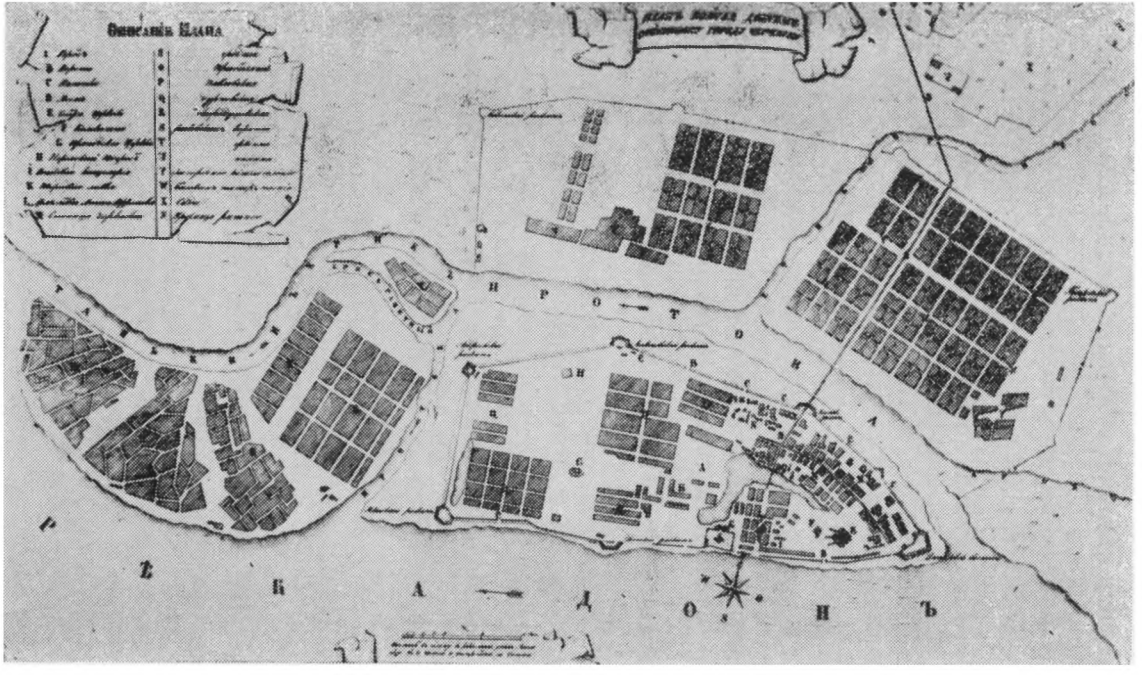
Но у наших предков оказалось достаточно сил для сопротивления. При неограниченных просторах Старого Поля, северокавказских и заволжских степей, куда Русы не решались заходить с малыми силами, Казаки успешно оборонялись от своих гонителей. Погибли не они. Судьбе было угодно прервать с Федором династию Ивана Калиты и убрать из жизни казачьего врага Бориса Годунова с его потомками.

Царская грамота где то "затратилась" (см. стр. 405), но Казаки с ней помнили и, вероятно, считали, что рок постигший Бориса, ничто иное, как результат проклятия, наложенного Грозным на всякого казачьего гонителя, пытавшегося "Казаков с их мест сбивать".

---

[8]) ВУСР т. I, стр. 70

[9]) Историческое описание Земли Войска Донского, стр. 58; Дела Нагайские, связка первая, июль 1587 г.

Старый город Черкасский в XVII веке. (По Ригельману)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начиная это исследование, я поставил себе целью пересмотреть материалы по истории Земли Казаков за первые шестнадцать веков новой эры. Это время было слабо освещено источниками и мало изучено, теперь же, благодаря последним открытиям археологии, его образ выявился на много отчётливей.

Изучение данных, доступных в эмиграции, указало с полной очевидностью процессы слияния племен, вошедших в состав казачьей народности, указало непрерывную прагматическую связь всех явлений из жизни наших далеких предков, зависимость **последующего** от **предыдущего.** Даже в тех случаях, когда имя Казаков (Касаков) исчезало из памятников на два-три века, новые источники вспоминают, его в своих показаниях именно от того пункта, на котором остановились их предшественники. Они повторяют сходный вариант нашего имени, указывают на те же этнические черты, тот же быт, тот же общественный строй в его очередной фазе и много других признаков менее значительных. Такая непрерывность и приводит к выводу о полной тождественности имён: Коссайи, Коссахи, Касаги, Касоги, Касаки, пришедших путём постепенной эволюции к окончательной и уже не изменяющейся форме — Казаки.

Каждый ранний источник, будет ли это сообщение современника (начиная от Страбона), или запись летописца, или ясное указание археологии, всё говорит о Казаках, как о древнем военном народе, объединенном в особых политических обществах, не потерявшем своего имени, своих физических и духовных свойств, своих культурных достижений, быта, обыкновений, общественного строя и военных способов, даже при постоянных попытках сильных мира сего покорить его и уничтожить его своеобразие. Казаки при всяких условиях делали свою особенную историю, не теряли собственного лица и тогда, когда находились отдельными группами в чужой людской массе.

Мне удалось сконденсировать главные постулаты древней истории Казаков.

Источники говорят:

1) что славянский свет в Восточной Европе не сошелся клином на одних Славяно-Русах, что за ними дальше на юго-востоке с давних пор проживали Славяно-Меоты и Славяно-Казары, люди особой степной культуры;

2) что первое понятие о Христе и Его Учении к этим Славянам принесли не позже IV века Милетские Греки и греческое духовенство, во главе с епископами и митрополитами Томи и Таны;

3) что Казаки, сложившись из Степных Славян и Туранцев-Касаков, прошли, как и всякий народ, ряд разнообразных смешиваний и мутаций, а из под власти монгольских ханов вышли народом законченным в современных нам формах, единым по этнологическому сложению, по имени, по быту и по общественным устремлениям, хотя иногда различались по вере;

4) что славянский язык, от древности распространившийся среди всего казачьего сплава, формировался на тех же основах славяно-меотской речи, как язык Приазовских Болгар, ставших позднее Болгарами Дунайскими;

5) что считать современные казачьи диалекты основной речью Казаков, служившей им от древности, будет большой ошибкой. Её первоначальных истоков следует искать в речи Приазовских Славян, которая в церковно-славянском языке нашла много большее отражение, чем речь древне-болгарская;

6) что в результате продолжительного пребывания отдельных казачьих племенных групп в инородном окружении, наш язык разбился на отдельные говоры и диалекты;

7) что после падения Золотой Орды почти все Ордынские Казаки, без различия их вероисповедания, стремились покинуть ряды Татар, вернуться к Христианству, вере отцов, и обосноваться, если не самостоятельными обществами на Старом Поле, то при безопасных границах соседних христианских государств, Литвы и Московии;

8) что оставшиеся на Поле казачьи общины вскоре стали зародышем двух казачьих республик, Донской и Днепровской Низовой;

9) что причиной вражды ко всем магометанам послужили зверства на Кавказе турецких солдат и следовавших за ними фанатических толп Секайдара, немилосердно уничтожавших по пути всех христиан.

Следует также принять в расчёт, что приведенные в этой книге акты и другие материалы составлены чужи-

ми для нас руками, по чужим понятиям, чужим стилем, людей, соблюдавших интересы своей нации. Объективных данных приходится доискиваться нам самим.

Почти каждая глава этой книги, трактуя об отдельных моментах из прошлого нашей земли, может дать остов для более широкого и популярного изложения, может послужить основой для самостоятельной монографии. Я убеждён, что наш народ сумеет выделить новые кадры исследователей, комментаторов и популяризаторов, которые используют мою работу, как схему для более расширенных заключений. Это и должно стать очередной задачею казачьих историков, наравне с изучением событий XVII столетия, блестящей эпохи созидательного, культурного и политического взлёта небольших, но мощных, казачьих республик, при устойчивом сознании национальной однообразности их населения.

Мне бы очень хотелось сделать свое повествование достаточно популярным и легким для чтения, но оказалось, что сочетать изложение сложных научных тем с простым литературным языком совершенно невозможно. Пересмотрев все девяносто семь глав книги, я обнаружил, что читатель, непривыкший к серьёзному чтению, будет утомлен их сжатым тоном, скудостью общих рассуждений и выводов, отсутствием той "литературы", на которой могло бы отдохнуть его внимание. Знаю, что при поверхностном знакомстве с книгой ему будет трудно разобраться и в **разночтениях.** Из них самым существенным в этой работе будут **разночтения** нашего этнического имени, изменяющегося в произношении соседей.

Вместе с тем, опасаясь увеличить объём труда, я тщательно избегал многословия, общих рассуждений. Тем более, что они могли придать всей работе некоторый политический оттенок, безусловно, снижающий объективность каждого исторического исследования. Изучая ход древностей, поневоле приходится забыть о современности и проникнуться духом каждой эпохи.

Но несмотря на сжатость, граничащую с конспективностью, эта книга всё же открывает завесу вековых туманов, скрывавшую от Казаков их далёкое прошлое. С глубоким сожалением, на этом я должен свои исследования закончить, прервать работу именно тогда, когда в распоряжение историка поступает изобильное множество документов и материалов, когда общественная жизнь Казаков достигает своего политического зенита.

На мою долю выпала, хотя и трудная, но наиболее благостная работа: в поисках истины вести исследования, освободившись от предвзятостей и трафаретных заданий, пребывать вне всяких тлетворных влияний, пользоваться свободным и честным полётом мысли.

Льщу себя надеждой, что на смену мне, уже дряхлеющему и теряющему способность к творческой деятельности, придёт молодая смена. И если наши молодые силы продолжат эту интересную, плодотворную работу в обстановке полной свободы, как работал я сам, с такой же любовью к делу и к своему народу, они будут вознаграждены сторицею ее результатами. В их распоряжении окажется приготовленная мною и обоснованная схема древностей, а для новых эпох — широкие по объему запасы материалов и документов, более обильные по сравнению с теми, которыми располагал я.

И если это будут наши, казачьи, учёные, то они найдут в них еще много такого, чем стоит интересоваться, за что стоит любить и Родной Край и то его прошлое, где героика сочетается с миролюбивой мудростью человеческого общежития. Они узнают, как росли и в чём проявлялись духовные силы их предков, найдут объяснение основ истинного народоправства в его истоках, найдут причины невольного упадка казачьей независимости, причины царской службы, когда наш древний народ стали подводить под ранжир сословия и внушали эту мысль самим Казакам, с совершенно очевидной целью постепенно нивелировать их до обще-русского национального стандарта. Ведь сословие, как класс, можно уничтожить одним росчерком пера, а это гораздо проще и легче, чем истребить народ физически.

Узнавши всё это наши учёные подскажут своим современникам, как жить не повторяя ошибок прошлого, как бороться за свое национальное бытие, применяя не только пику и шашку, а и новое оружие: политическую мудрость и академические знания. Исторические науки — Великая Сила! В них хранится бодрость и воля к жизни для последующих поколений: В прошлом — залог будущего!

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ — Византийский Временник.

ВУСР — Воссоединение Украины с Россией. Сборник материалов.

Г. Интериано — Interiano Georgius. La vita: e sito di Zichi.

Гудуд ал-Алэм — Hudud al-'Alam. "The Regions of the World", A persian geography 982 A.D.

Данлоп pezsian Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars.

Историческое описание или ИСТОПЗВД — Историческое описание Земли Войска Донского.

Книга о Казаках — Г. В. Губарёв, Книга о Казаках

КСИИМК — Краткие сообщения Института Истории материальной культуры.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

М. — Л. — Москва и Ленинград.

Об управлении империей — Constantine Porphirogenitus. De Administrando Imperio.

Прокопий Кесарийский, История воен — Procopius of Caesaria. History of Wars.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

СРИО — Сборник Императорского Российского Исторического общества.

Страбон — The Geography of Strabo.

Эрмит. — Летопись по Эрмитажному списку.

Часовня на Монастырском урочище около Старочеркасска, построенная на казачьи пожертвования в 1867 г. В фундамент часовни вложена надпись: «Во славу Преблагого Бога, Пресвятыя Богоматери и защитника Азова св. Иоанна Предтечи, заложен памятник сей в честь и вечную славу Донских героев, покоривших Азов в 1637 году и защитивших его в 1641 г. от 300 000-ной турецкой армии». Рисунок **Н. Ф. Мишаткина**

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Актова книга Житомирського міського уряду кінця XVI ст. Київ 1965
2. Античные древности Подонья Приазовья. Сборник статей по археологии Танаиса. М. 1969
3. Армянские источники о Монголах, в переводе с древне-армянского А. Г. Галстяна. М. 1962
4. **Артамонова О. А.** Могильник Саркела-Белой Вежи. МИА 109, М. — Л. 1963
5. **Артамонов М. И.** История Хазар. Л. 1962
6. **Артамонов М. И.** Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. С, А т. XIX, М. 1954
7. **Артамонов М. И.** Саркел-Белая Вежа. МИА 62, М. — Л. 1958
8. **Артамонов М. И.** От редактора. МИА 75, М. — Л. 1959
9. **Артамонов М. И.** Предисловие. МИА 109, М. — Л. 1963
10. **Бадер О. Н.** Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей. МИА 7, М. — Л. 1947
11. **Банк А. В.** Гребень из Саркела-Белой Вежи. МИА 75, М. — Л. 1959
12. **Бантыш Каменский Д. Н.** История Малой России, ч. I. М. 1842
13. **Бартольд В. В.** Арабские известия о Русах. Сочинения, т. II ч. 1, М. 1963
14. **Бартольд В. В.** Новые мусульманские известия о Русских. Сочинения т. II ч. 1, М. 1963
15. **Бартольд В. В.** Сочинения т. т. I-VI М. 1963-1966
16. **Бахрушин С. В.** Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. М. 1959
17. **Белецкий В. Д.** Жилища Саркела Белой Вежи. МИА 75, М. — Л. 1959
18. **Белова Л. Н.** Моменты из раскопок Тиритаки, Мирмекия и Илурата. МИА 85, М. — Л. 1958
19. Белорусия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов в трех томах. Минск 1959-1961
20. **Бичурин Н. А.** (Иоакинф). Сборник сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т.т. I III, М. — Л. 1950-1953
21. **Болтин И. Н.** Примечания на Историю древния и нынешния России Г. Леклерка, т. I, М. 1788
22. **Боплан Г.** Описание Украйны. Перевод с французского. С-Петербург 1852

23. **Брайчевский М. Ю.** К истории расселения Славян на византийских землях. В.В. XIX, М. 1961
24. **Брайчевский М. Ю.** По поводу одного места из Константина Багрянородного. В.В. XVII, М. — Л. 1960
25. **Будагов Л. З.** Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т.т. I-II. С.-Петербург 1869-1871
26. **Буданов И. П.** Дон и Москва, кн. 1. Париж 1954
27. **Буслаев Ф. И.** Историческая грамматика русского языка. М. 1959 г.
28. **Бусов К.** Московская Хроника 1584-1613. М. — Л. 1961
29. **Василенок С. И.** Фольклор и литература Белоруссии эпохи феодализма (XIV-XVIII в.в.). М. 1961
30. **Ващенко В. С.** Полтавські говори. Харків 1957
31. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М. 1954
32. Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М. 1964
33. **Вуич Л. Г.** Антропологическая характеристика черепов из ранних погребений Саркела. МИА 109, М. — Л. 1963
34. **Вуич Л. Г., Гинцбург В. В., Фирштейн Б. В.** Черепа из погребений у оборонительных стен Саркела-Белой Вежи. МИА 109, М. — Л. 1963
35. **Вуич Л. Г.** Черепа из кочевнического могильника возле Саркела-Белой Вежи. МИА 109, М. — Л. 1963
36. **Вуич Л. Г.** Черепа из курганов эпохи бронзы и сарматского времени на левом берегу Нижнего Дона. МИА 62, М. — Л. 1958 г.
37. **Гайдукевич В. Ф.** Виноделие на Боспоре. МИА 85, М. — Л. 1958 г.
38. **Галл Аноним.** Хроника и деяния князей или правителей польских. М. 1961
39. **Гинсбург В. В.** Краниологические материалы из Правобережного Цимлянского городища. МИА 109, М. — Л. 1963
40. **Гинцбург В. В.** Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья. МИА 60, М. 1959
41. **Голенко К. В.** Новые материалы к изучению таманских подражаний византийским монетам. В.В. XVIII, М. 1961
42. **Голобуцкий В. А.** Запорожское Казачество. Киев 1957
43. **Гольмстен В. В.** Буртасы. КСИИМК XIII, М. — Л. 1946
44. **Горский А. Д.** Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV-XV в.в. М. 1960
45. **Граков Б. Н.** Каменское городище на Днепре. МИА 36, М. 1954
46. **Греков Б. Д.** и **Якубовский А. Ю.** Золотая Орда и ее падение. М. — Л. 1950
47. **Греков Б. Д.** Киевская Русь, Л. 1953
48. **Греков Б. Д.** Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. 1-2. М. 1952-1954

49. **Грязнов М. П.** История древних племен Верхней Оби. МИА 48, М. — Л. 1956
50. **Губарёв Г. В.** Книга о Казаках. Париж 1957
51. **Гумилев Л. Н.** Древние Тюрки. М. 1967
52. **Гумилев Л. Н.** Открытие Хазарии (Историко-географический этюд). М. 1966
53. **Гухман М. М.** Готский язык. М. 1958
54. **Дмитриева Р. П.** Сказание о князьях Владимирских. М. — Л. 1955 г.
55. **Длугош Ян.** Грюнвальдская битва. М. — Л. 1962
56. **Дядиченко В. А.** Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII початку XVIII ст. Київ 1559
57. **Заходер Б. Н.** Каспийский Свод сведений о Восточной Европе т.т. I-II. М. 1962-1967
58. **Зенкович В. П.** Берега Чёрного и Азовского морей. М. 1958
59. **Зограф А. Н.** Античные монеты. МИА 16, М. — Л. 1951
60. **Зограф А. Н.** Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935-1940 г.г. МИА 25, М. — Л. 1952
61. **Иванова А. П.** Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л. 1953
62. Изборник. М. 1969
63. **Иловайский Д. И.** К вопросу о происхождении русского народа. Русский Вестник т. 8, 1873
64. **Ісаевич Я. Д.** Братства та їх роль в розвитку української культури XVI-XVIII ст. Київ 1966
65. История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М. 1957
66. История о Казаках Запорожских, как оные из древних лет зачалися и откуда свое происхождение имеют и в каком состоянии ныне находятся. М. 1847
67. История Северо-Осетинской АССР. М. 1959
68. Иоасафовская летопись. М. 1957
69. **Иордан.** О происхождении и деяниях Гетов (Getica). Русский и латинский тексты, с комментариями Е. Ч. Скрижинской. М. 1960 г.
70. Казачий словарь-справочник т.т. I-III. Кливленд, Огайо, 1966-1970 г.г.
71. **Карамзин Н. М.** История Государства Российского т. т. VIII-IX. С.-Петербург 1819-1821
72. **Карышковский П. О.** Лев Диакон о Тмутараканской Руси. В.В. XVII, М. — Л. 1960
73. **Карышковский П. О.** Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе. В.В. VI, М. 1953
74. **Ключевский В. О.** Сочинения т.т. II и VI. М. 1957
75. **Ковалевский В. О.** Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 г.г. Харьков 1956
76. **Кононов А. Н.** Родословная Туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М. — Л. 1958

77. Корпус Боспорских надписей. М. — Л. 1965
78. **Костомаров Н. И.** Русская история в жизнеописаниях ея главных деятелей т.т. II и III. Изд. Вестника Знания
79. **Крупнов Е. И.** Древняя история Северного Кавказа. М. 1960
80. **Крупнов Е. И.** Киммерийцы на Северном Кавказе. МИА 68, М. — Л. 1958
81. **Кузнецов П. С.** Русская диалектология. М. 1954
82. **Лаппо И. И.** Западная Россия и ее соединение с Польшею. Прага 1924
83. **Левенок В. П.** Пряслица городища Саркел-Белая Вежа. МИА 75, М. — Л. 1959
84. **Левченко М. В.** Произведения Константина Багрянородного, как источник по истории Руси В. В. VI, М. 1953
85. Лексикон словенороський Памвы Беринди. Киев 1961
86. **Леонидова М. А.** Болгарско-русский словарь. М. 1967

Летописи

87. ПСРЛ т. I. Лаврентьевская и Суздальские летописи по Академическому списку. М. 1962.
88. ПСРЛ т. II, Ипатьевская летопись. С.-Петербург 1908. Офсетное воспроизведение текста, М. 1962.
89. ПСРЛ т. IX. Летописный Сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. С-Петербург 1862. Офсетное воспроизведение текста, М. 1965
90. ПСРЛ т. X. Никоновская летопись. С-Петербург 1885. Офсетное воспроизведение текста, М. 1965
91. ПСРЛ т. XI. Никоновская летопись. С-Петербург 1897. Офсетное воспроизведение текста, М. 1965
92. ПСРЛ т XII. Никоновская летопись. С-Петербург 1901. Офсетное воспроизведение текста, М. 1965
93. ПСРЛ т. XIII, первая половина. Никоновская летопись. С-Петербург 1904. Офсетное воспроизведение текста, М. 1965
94. ПСРЛ т. XIII, вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи и Царственная Книга. С-Петербург 1906. Офсетное воспроизведение текста, М. 1965
95. ПСРЛ т. XIV, первая половина. Повесть о честнем житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руссии и Новый Летописец. С-Петербург 1910. Офсетное воспроизведение текста, М. 1965
96. ПСРЛ т. XIV, вторая половина. Указатель к Никоновской летописи. Петроград 1918
97. ПСРЛ т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л. 1949
98. ПСРЛ т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л. 1959.
99. ПСРЛ т. XXVII Никоноровская летопись и Сокращенные летописные своды конца XV века. М.-Л. 1962
100. ПСРЛ т. XXVIII. 1) Летописный свод 1497 г. 2) Уваровская летопись. М.-Л. 1963

101. ПСРЛ т. XXIX. 1) Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича; 2) Александро-Невская летопись; 3) Лебедевская летопись. М. 1965
102. ПСРЛ т. XXX. Владимирский летописец и Новгородская вторая (Архивская) летопись. М. 1965
103. ПСРЛ т. XXXI. Летописцы последней четверти XVII вч М. 1968
104. **Липшиц Е. Э.** Византийское крестьянство и славянская колонизация. Византийский сборник, М. Л. 1945
105. **Липшиц Е. Э.** Никифора, патриарха константинопольского, «Краткая история» (перевод с греческого). ВВ III, М.-Л. 1950
106. **Липшиц Е. Э.** Никифор и его исторический труд. ВВ III, М.-Л. 1950
107. **Львова З. А.** Стеклянные браслеты и бусы из Саркела Белой Вежи. МИА 75, М.-Л. 1959
108. **Ляпушкин И. И.** Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища. МИА 62, М.-Л. 1958
109. **Ляпушкин И. И.** Карнауховское поселение. МИА 62, М.-Л. 1958
110. **Ляпушкин И. И.** Курганный могильник близ Карнауховского поселения. МИА 62, М.-Л. 1958
111. **Ляпушкин И. И.** Памятники Салтово-Маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА 62, М.-Л. 1958
112. **Ляпушкин И. И.** Славянское поселение на территории хутора Ближняя Мельница. МИА 62, М.-Л. 1958
113. **Ляпушкин И. И.** Средневековое поселение близ станицы Суворовской. МИА 62, М.-Л. 1958
114. Материалы по истории крестьян в России XI-XVII вв. Сборник документов. Л. 1958
115. Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI века. Сборник документов. Л. 1955
116. **Мельников Н. М.** Ермак Тимофеевич. Франция 1961
117. **Мельхеев М. Н.** Географические имена. Топонимический словарь. М. 1961
118. **Меховский Матвей.** Трактат о двух сарматиях. Латинский и русский тексты. Введение, перевод и комментарии С. А. Анненского. М.-Л. 1936
119. **Мец Н. А.** К вопросу о Торках. КСИИМК XXIII, М. Л. 1948
120. **Мещерский Н. А.** История Иудейской войны Иосифа Флавия в древне-русском переводе. М.-Л. 1958
121. **Мещерский Н. А.** К вопросу о византийско-славянских литературных связях. В.В. XVII, М.-Л. 1960
122. **Мещерский Н. А.** К истории текста славянской Книги Еноха. ВВ XXIV, М. 1964
123. **Миллер Всеволод.** Осетинские Этюды ч. I. Учёные Записки Императорского Московского университета, М. 1881
124. **Миллер Всеволод.** Язык Осетин. М.-Л. 1962
125. **Миллер М. А.** Дон и Приазовье в древности чч. II-III. Ротаторное издание Института по изучению СССР, Мюнхен 1957-1961

126. **Монгайт А. Л.** Старая Рязань. МИА 49, М. 1955
127. Надписи Ольвии, Л. 1968
128. Народы Дагестана. Сборник статей. М. 1955
129. **Нидерле Л.** Славянские древности. М. 1956
130. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л. 1950
131. Нумизматика. Труды Государственного Эрмитажа т. IV. Л. 1961
132. **Орлов А. С.** Библиография русских надписей XI-XV вв. М.- Л. 1952.
133. Пантикапей. Сборник статей. МИА 56, М. 1957
134. **Пашуто В. Т.** Образование Литовского государства. М. 1959
135. **Пичета В. И.** Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-Русском государстве. М. 1958
136. **Плетнева С. А.** Керамика Саркела — Белой Вежи. МИА 75, М.-Л. 1959
137. **Плетнева С. А.** Кочевнический могильник близ Саркела Белой Вежи. МИА 109, М.-Л. 1963
138 **Плетнева С. А.** От кочевий к городам. М. 1967
139. **Плетнева С. А.** Печенеги, Торки и Половцы в южно-русских степях. МИА 62, М.-Л. 1958
140. Повести о Куликовской битве, М. 1959
141. Повесть временных лет тт. I-II. М.-Л. 1950
142. **Полозой Н. Я.** К вопросу о первом походе Игоря против Византии. ВВ XVIII, М. 1961
143. **Половой Н. Я.** О маршруте похода Русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. ВВ XX, М. 1961
144. **Приселков М. Д.** Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.- Л. 1950
145. **Прокопий** из Кесарии. Война с Готами. М. 1950
146. Псамафийская хроника и хроника Иоанна Камениаты «Взятие Фессалоники» в кн. Две византийских хроники X века, М. 1959
147. Псковские летописи выпуск второй. М. 1955
148. **Пыпин А.** Новые опыты построения русской истории. Журн. Вестник Европы т. 7-8, 1870
149. Разрядная Книга 1475-1598. М. 1966
150. **Рамм Б. Я.** Папство и Русь в X-XV веках. М.-Л. 1959
151. **Раппопорт П. А.** Крепостные сооружения Саркела. МИА 75, М.-Л. 1959
152. **Рашид-ад-Дин**. Сборник летописей т. I в двух выпусках. М.-Л. 1952
153. **Ременников А. М.** Борьба племени Северного Причерноморья с Римом в III веке. М. 1954
154. **Ригельман А. И.** Летописное повествование о Малой Рессии и ее народе и Казаках вообще. М. 1847
155. **Ригельман А. И.** История или повествование о Донских Казаках. М. 1778
156. **Рогов А. И.** Русско-Польские культурные связи в эпоху Возрождения. Стрыйковский и его Хроника. М. 1966

157. Русские повести XV-XVI веков. М.-Л. 1958
158. **Рыбаков Б. А.** Древние Русы. СА т. XVII, М. 1953
159. **Садиков П. А.** Очерки по истории опричнины. М.-Л. 1950
160. Сборник Императорского Русского Исторического общества том 41. С-Петербург 1884. Микрофильм актов на чала XVI ст.
161. Сборник Императорского Русского Исторического общества т. 95. С-Петербург 1895. Микрофильм актов за первую четверть XVI ст.
162. Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Изд. Комиссии для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал губернаторстве. Киев 1888. Микрофильм.
163. Северный Кавказ. Сб. Археологические открытия 1966 г. М. 1967
164. Северный Кавказ. Сб. Археологические открытия 1967 г. М. 1968
165. Северный Кавказ. Сб. Археологические открытия 1968 г. М. 1969
166. **Семенов С. А.** О назначении «коньков» и костей с нарезками из Саркела-Белой Вежи. МИА 75, М.-Л. 1959
167. **Синицын И. В.** Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА 78, М. 1960
168. Сказание о царстве Казанском. М. 1959
169. **Скржинская Е. Ч.** Греческая надпись из Тмуторокани. ВВ XVIII, М. 1961
170. **Скржинская Е. Ч.** О Склавинах и Антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне. ВВ XII, М. 1957
171. Слово о полку Игореве. Академ. издание. М. Л. 1950
172. **Смирнов И. И.** Восстание Болотникова 1606-1607 гг. Л. 1951
173. **Смирнов К. Ф.** Быковские курганы. МИА 78, М. 1960
174. **Смирнов К. Ф.** Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское. МИА 60, М. 1959
175. **Смирнов Н. А.** Россия и Турция в XVI-XVII вв. т. I М. 1940
176. **Смирнов Н. А.** Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М. 1958
177. **Соловьев А. В.** Византийское имя России. ВВ XII, М. 1957
178. **Сорокин С. С.** Железные изделия Саркела-Белой Вежи. МИА 75, М.-Л. 1959
179. Старшая Эдда, Древнеисландские песни о богах и героях в переводе А. И. Корсуна. М. Л. 1963.
180. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск 1960
181. **Столяр А. Д.** Раскопки курганов у хут. Попова в 1950-1951 гг. МИА 62, М.-Л. 1958
182. **Сухоруков В. Д.** Историческое описание Земли Войска Донского. Новочеркасск 1867. Издание переработано русскими цензорами. Микрофильм.
183. **Татищев В. Н.** История Российская тт. I VII. М.-Л. 1962-1968

184. **Тауберт И. К.** Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова, от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. Перевод с немецкого. Издание третье. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук, 1782 г. Микрофильм.
185. Труды Волго-Донской Археологической экспедиции т.т. I-III. МИА 62, 75, 109. М.-Л. 1958-1963
186. Тысячная Книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI века М.-Л. 1950
187. **Удальцова З. В.** Борьба византийских партий на Флорентийском соборе В.В. III, 1950
188. **Успенский Ф. И.** Движение народов из Центральной Азии в Европу. ВВ том I (XXVI), М. 1947
189. Устюжский летописный свод. М.-Л. 1950
190. **Федоров Давыдов Г. А.** Курганы, идолы, монеты. М. 1968
191. **Фирштейн Б. В.** Черепа из насыпей возле Белой Вежи. МИА 109, М.-Л. 1963
192. **Фирштейн Б. В.** Черепа из погребений во дворе Левобережного Цимлянского городища. МИА 109, М.-Л. 1963
193. **Хавлюк П. И.** Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга МИА 108, М. 1963
194. **Хазанов А. М.** Очерки военного дела Сарматов. М. 1971
195. Хроника Быховца. М. 1966
196. **Чернов А В.** Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. М. 1954
197. **Чичагов В. К.** Из истории русских имён, отчеств и фамилий. М. 1959
198. **Шевалье Пьер.** Історія війни Козаків проти Польщі. Переклад з французького видання 1663 року. Київ 1960
199. **Шелковников Б. А. Поливная керамика** Саркела Белой Вежи. МИА 75, М. Л. 1959
200. **Шелов Д. Б.** Полемон и Танаис. КСИИМК 116, М. 1969
201. **Шилов В. П.** Калиновский курганный могильник. МИА 60, М. 1959
202. **Шовкопляс Т. Г.** Археологічні дослідження на Україні (1917-1957). Київ 1957
203. **Штамм С. И.** Судебник 1497 г. М. 1955.
204. **Щербак А. М.** Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи. МИА 75, М.-Л.1959
205. **Якобсон А. Л.** Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА 85, М.-Л. 1958
206. **Якубинский А. П.** История древнерусского языка.
207. **Миллер М. А.** Археология в СССР. Мюнхен 1954
208. Казачий Исторический Сборник №№ 1-14, гг. 1955-1960, Париж. Ротаторское издание. Редактор издатель И. П. Буданов.

209. Arne T. J. La Suède et L'Orient. Livre I Etudes Archeologiques. Upsala 1914.
210. Barbaro Josafat. The Travels to Tana and Persia. Edit. The Hakluyt Society London 1873.
211. Brehier Louis. La vie et mort de Byzance, Paris 1948.
212. Cambridge History of Poland, Cambridge University Press.
213. Chaillu du, Paul B., The Viking Age, vol. I, New York 1889.
214. Conder Clod Reignier R. E. Syrian Stone - Lore. London 1886.
215. Constantine Porphirogenitus. De Administando Imperio. Greek text edited by Gy Moravcsik, English Translation by B. J. H. Jenkins. Budapest 1949.
216. Contarini. The Travels of the Magnificent M. Ambrosio Contarini in the Year 1473.
A Narrativ of Italian Travels in the fifteens and sixteenth Centuries. London 1873.
217. Cresson W.P. The Cossacks, thier History and Cauntry, New York, 1919.
18. Diele Charles. History of the Byzantin Empire. From French By George Ives.
219. Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. Princenton University Press 1954.
220. Fletcher Giles, Dr. Of the Russe Common Welth. Edit. By Edward A. Bond. London 1856.
221. Gibbon Edward. The Decline and Fall of the Roman Empire, v. I. Chicago, London, Toronto 1952.
222. Herberstein Sigismund. Notes upon Russia (Rerum Moscovitiearum Commentarü) by the baron Sigismund von Herberstein. Translated and edited by R. H. Mayor of the British Museum. Hakluyt S-ty. London 1851.
223. Hignett M. A. The Conquest of Gaul. The Cambridge Ancient History. Hertford College Oxford.
224. Historijja Dmitra Falszywego. Wyprawa czara Moskowskiego Dimitra do Moskwy z Gerzym Mnieszkiem wojewodą Sendomirskim y z inszym rycerstwen roku 1964.
225. Hitti Philip K. History of Syria, New York 1951.
226. Howort H. H. Esq. On the Westerly Drifting of Nomades from Fifth to Nineteenth Century. Part. IV. The Circassians and White Khazars. The Journal of the Ethnological Society of London 1879.
227. Hudud al-Alam "The Regions of the World". A Persian Geography 372 A H. - 982 AD. Translated and explained by V. Minorsky. London 1937.
228. Interiano Georgius. La vita: e sito di Zichi: Chiamati Ciarcassi: historia notabile с переводом на русский язык Ренато Посохова.
229. Jeger Oskar, Prof. Weltgeshichte Bund II - III. Bielefeld und Leipzig 1909.
230. Jenkinson. The woyage of Master Antony Jenkinson, made from

the citie of Mosko in Russia to the citie of Boghar in Bactria in the Year 1558. By Hakluyt Society vol. XXII.
231. Jowett B. and Harward J. The Dialogues of Plato, Book III. Chicago, London, Toronto.
232. Lassota Tagebuch des Erich Lassota von Steblau. Nach einer Handschrift der von Gersdorf - Weich' schee Bibliotheck Zu Bautzen herausgegeben und mit Einleitung und Vermerkungen begleitet von Reinhold Schottin Dr. Ph. Halle 1866.
233. Marcellinus Ammianus, History of Rome. Bohns Libraries.
234. O. Kozakach. Wyciag fotograficzny z Kroniki Marcina Bielskiego.
235. Pachimer. L'Histoire des Empéreurs Michel et Andronique, ecrité par Pachimer. Histoire de Constantinople depuis le regne de l'ancien Justin jusqu'a la fin de l'Empire. Traduit sur le originaux grecs par Mr. Cousin. Tome VI, Paris 1685. Microfilm.
236. Plano Carpini. The Voyage of Johanes de Plano - Carpini unto de Northest parts of the World 1246. Edit by Richard Hokluyt, Glasgow, New York 1903.
237. Polujanski Alexander. O. Kozakach. Ksiega Swiata. Warzawa 1855.
238. Prikryl Francisek, Pamatky sw. Cyrila a Metoda. Praha 1933.
239. Procopius of Caesaria. History of Wars - With. English translation by H. B. Dewing, London, New York 1914 - 1940.
240. Talbot Rice David M. B. E. The Byzantines. London 1962.
241. Rubruquis. The Jurnal of frier William de Rubrquis, a French man of the Order of the Minorite Friers 1253. Edit. by Richard Hakluyt, Glaskow, New York 1903.
242. Russia at the close of the Sixteenth Century Hakluyt Society London 1856.
243. Stoekl Gunter. Die Entstehung des Kosakentums Isar Verlag, München 1953.
244. Strabo. The Geography of Strabo. With an English translation by Horace L. Jones Ph. Dr. Cornell University. London, New York 1932.
245. Szejnocha Karol, Dwa lata dziejów naszych.
246. Tarn W. D. Parthia. Cambrigde Ancient History v. XI.
247. Vasiliev Alexander A. The Goths in the Crimea Massachusetts 1936.
248. Wernadsky George and Karpovich Michael. A History of Russia vol. I. New Haven, Oxford 1943.
249. Wernadsky George. The Origins of Russia, Oxford 1959.
250. Wielhorski Wladyslaw. Prof. Dr. Dzieje Ziem Welkiego Księstwa Litewskiego. The Academic Community of the Wilno Stefan Batory University. London 1953.
251. Wielhorski Wladyslw, Prof. Dr. Statut Litevski. Dzieje Ziem Wielkiego Księstwa Litewskiego. London 1953.

СОСТАВЛЕНЫ ПРИ ДЕЯТЕЛЬНОМ УЧАСТИИ
ИНЖЕНЕРА С. А. КОРОСТЕЛЁВА

УКАЗАТЕЛИ

ЛИЧНЫХ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА

Аарон, молд. господарь, 505
Аббасиды, араб. династия, 84
Абизов Фатька, служ. Казак, 321
Абу-л-Гази, хан хивинский, 123
Аврелий Марк, 40
Аграфена, рязанская княгиня, 332
Адель, княгиня, 176
Адульб, купец, 146
Адунь, купец, 146
Азанус Католикус, оргузиус, 272
Азий, имя, 184
Азуп, половецкий хан, 227
Айдышка, мырза, 326
Айдар, татар. царевич, 310
Ак Буга, татар. царевич 279
Аквила, царь Боспора, 25
Акоминат Никита, древн. автор, 255
Актеву, посол, 145
Акун, Рюрикович, 146
Алакозя, азов. шубаша, 305
Алан, имя, 184
Аларих, гот. король, 63
Алатей, предводит. Остготов, 58
Ал Балхи, древн. автор, 141
Албаш-Улан, татар. царевич, 316
Ал Бекри, древн. автор, 34
Алвад, посол, 146
Алдан, посол, 146
Алей, сиб. царевич, 445
Александр, в. кн. литовский, 315
Александр, епископ, 115
Александр, кн. дубровицкий, 256
Александр, кн. липецкий, 235
Александр, кн. молдавский, 457
Александр, царь Грузии, 396, 527
Алексеев Михаил, служ. атаман, 370
Алексеев Н. Н., автор правовед, 518
Алексеев, посол московский, 306, 307
Алексей Готский, 273
Алексей, кн. казарский, 176
Алексей Михайлович, русск. царь, 308
Алексий, моск. митрополит, 278
Ал Идриси, древн. автор, 128, 248, 261
Алик, крым. царевич, 311, 312
Ал Истахри, 73, 78, 114, 142, 246
Ал Калкашанди, 261
Ал Магриби, 64
Алп, крым. царевич, 311, 312
Альмальтку, сын Симака, 280
Амантий, епископ Паннонии, 58
Амастридский Георгий, 139, 141
Аминод, Рюрикович, 146
Аммий, Росомон, 136
Андрей, венгерский королевич, 265
Андрей, кн., зять Мстислава киевского, 256
Анкудинов, Казак-мореход, 393
Анна Иоанновна, русск. императрица, 269
Анна, царевна, 176
Аннинский С. А. 298
Ансы, готская и казарская династия, 37, 45, 47, 56, 62-65, 71-76, 169.
Анфимов Н. В. 24
Аппак крым. кн. 327, 343

Апубьксар, посол Игоря, 146
Арак, служ. Казак, 321
Аристотель, философ древности, 74
Арне Т. И., швед. археолог, 59, 147
Артамонова О. А. 14, 114, 228, 229
Артамонов М. И. 14, 34, 55, 61, 64, 65, 67-69, 72-75, 92, 95, 105, 109, 110, 132, 150, 156-158, 160-162, 177, 203, 207, 219, 222
Асан, пленник, 535
Аскольд, киевск. кн. 138, 140
Асмунд, сканд. 49
Аспар, Гот, 154
Аспарух, болг. кн. 59, 102
Аспург, боспор. царь, 27
Аттила, царь Гуннов, 58, 63
Аузь Черкас, см. **Узь Черкас**
Ахмат, баскак, 9, 281, 283, 350
Ашина, тюркутский хан, 64, 73

Багрянородный Константин, импер., 10, 14, 15, 20, 31, 35, 40, 52 ,54, 55, 76, 88, 90, 91, 123, 128-131, 145, 146, 156, 162, 171, 172, 180, 182, 183, 235, 248, 252, 350, 375, 566
Байда см. Вишневецкий Дм. Ив.
Балабан Гедеон, львов. епископ, 516
Баламбер, король Гуннов, 58, 154
Бал'ами, 61
Баламир, хан, 44
Балданов, Казак-мореход, 393
Банистер, англ. купец, 354
Бантыш Каменский Д. Н. 236, 453
Барабаш Богдан, сподв. Ермака, 433
Барбаро Иосафат, 45, 50, 92, 93, 158, 159, 261, 291, 302, 351
Бароний, 200
Бартольд В. В., 136, 139, 141, 143, 145, 167, 168, 177, 180, 261
Бастаргаев Чебак, казак., мырза, 420
Батухан, 257, 259, 265, 268
Бахтеяров Ростовский, воевода, 570, 572
Баязет, султан, 305
Бегбелий, вогульский кн. 337
Бек Булат, тат. царевич, 279
Беклемишев, посол, 289
Бела IV, венг. король, 267
Белецкий В. Д. 105, 109
Белова Н. Л. 39
Бельский Иоахим, 371, 373
Бельский Мартин, 249, 269, 293, 315, 361, 368, 373, 375
Бендис, имя, 131
Бен Якуб Ибрагим, 34
Беер Готлиб Зигфрид, русск. академик, 47, 131, 181, 251, , 283, 353, 534
Берен, см. **Перун**
Берке, хан, 262
Берн, Рюрикович, 146
Берсень Беклемишев, боярин, 396
Биркин Василий, служ. атаман, 538, 539
Бируля Мадский, запорож. атаман, 383, 533
Бируни, , 47
Бичурин Н. Я. 65
Благой Борис, посланник, 530-532, 539
Блако Корнелий, картограф, 92
Богданко Ружный, см. **Ружинский Богдан**
Бодянский О. М. 250
Болгаринович Иосиф, киев. митрополит, 514
Болдырь Далмат, служ. Казак, 321
Болеслав, кн. мазовецкий, 266, 287
Болотников И. И. 401, 549, 550
Болтин И. Н. 8, 233, 234, 281, 283, 533, 574
Болуш, половецкий хан, 199

Болховской С. Д. кн. воевода 443
Бонд Эдвард, издатель, 572
Боплан Гильом, 294, 296, 377, 451, 461, 465, 475-477, 480, 482, 483, 486, 487, 508, 567
Борис Вячеславич, кн. 209
Борис Годунов, русский царь, 547-550, 577
Борич, посол Игоря, 146
Бравлин, князь, 139
Брайчевский М. Ю. 81
Бровко Ивашка, служ. атаман, 370
Брокгауз и Ефрон, издатели, 121
Бруны, посол Игоря, 146
Брязга Богдан, сподвиж. Ермака 438
Будагов Л. З. состав. словаря, 313, 373
Буданов Ив. Пл. 21, 184, 267, 277, 279, 294, 404, 434
Булавин Кондратий, дон. атаман 16, 294, 233, 250
Булак Темир, царевич, 275
Булгаков Юрий, нач. служ. Казаков, 366, 434, 435, 538
Бунин И. А. русск. писатель, 11
Бурган, турец. нач. в Азове, 341
Бурнаш, царевич, 305, 307
Буслаев Ф. И., филолог, 119, 338
Бутурлин, воевода, 432, 539
Быховец, 267, 268, 314

Василий Васильевич Темный москов. князь 235, 279-282, 288, 392, 530
Василий Иванович, москов. кн. 342, 428
Василий I, визант. император 137, 156
Василий Ярославич, р. князь 282
Васильев А. А. историк, 158 173, 226, 268, 270, 271, 273
Васильев Андрей, р. крестьянин, 401
Васильев, боярин, 342
Васильев Вишата, Сл. ат. 540, 541, 543
Васка, сын боярский, 342
Вельгорский Владислав, проф. 381
Вениамин, каз. хакан, 132
Верверевский Гур, воевода, 539
Веремуд, посол Олега, 145
Вернадский Г., ам. профессор, 33, 34, 48, 79, 98, 151-156, 158, 159
Викентий, монах, 291
Виталин, визант. полководец, 154
Витовт, велик. князь литовский, 299, 325
Вишневецкие Корибуты, 390, 448, 491
Вишневецкий Александр, кн. 491, 494
Вишневецкий Дм. Мих. кн. 370
Вишневецкий Дм. Ив. (Байда), кн. 363-372, 378, 464, 520
Вишневецкий Ив. Мих. кн. 363
Вишневецкий Мих. Александрович, князь, 363
Вишневецкий Мих. Ив. князь, староста черкасский, 370, 382, 533
Владимир Всеволодович Мономах, в. кн. киевский, 209, 213, 238-240
Владимир Мстисл. кн. галиц. рода, 265
Владимир Святославич, киев. кн. 168, 170, 176, 199
Воейков Семен, дон. атаман, 541, 543
Водопьян, служ. атаман, 370
Воик, Рюрикович, 146
Воист, посол Игоря, 146
Волконский, кн. 545
Володарь Ростисл. кн. Перемышльский, 211, 212
Володислав, кн. из рода Рюрика, 146
Ворон Нос, дон. атаман, 400
Воротынский М. И. кн. воевода, 413, 417

Ворыпаев Ромашко, служ. Казак, 321, 369
Всеволод II Ольгович, в. князь киевск. 214, 240
Всеволод Ярославич, в. кн. кіев. 190, 191, 199, 200, 208,-210, 213
Всеслав, кн. полоцкий, 194, 200
Вуефаст, посол кн. Игоря, 146
Вузлев, посол кн. Игоря, 146
Вуич Л. Г. антрополог, 14, 108, 204
Вульфила, готский епископ, 58, 116
Выговский Иван, Войск. писарь, 284
Вязигин С. А. археолог, 228
Вячеслав Ярославич, кн. смолен., 190

Гардзин Севрюк, служ. Казак, 321
Гардизи, персидский автор, 90, 143, 199
Гастольдо Джиокомо, картограф, 353
Гдовс, Гзовс, древн. имя, 131
Гедимин, в. кн. литовский, 450
Гедиминовичи, 323, 368, 369, 380, 450, 568
Генкель Яков, герм. посол, 497, 503
Генрих Француз, польский король, 456
Георгий Амстридский, см. **Амстридский Георгий**
Герберштейн Сигизмунд, герм. посол, 172, 253, 283, 296, 297, 302, 309, 327, 328, 350, 353, 359, 480, 486, 530, 534
Германарих, готский король, 135
Гермоген, полоцкий архиепископ, 516
Геронтий, епископ Томи и Таны, 115
Гиббон Эдуард, англ. историк, 43, 44, 46, 47
Гинцбург В. В. антрополог, 14, 90, 101, 124, 133, 157, 204
Гиреи, крым. князья, 309, 478
Глеб Зеремеевич, болоховский князь 265
Глеб Святославич, кн. 191, 193, 194
Глинские, кн. род, 306, 325, 358
Глинский Богдан, кн. 309
Глинский Мих. Львович, кн. 325, 420
Глумов Гавриил, дон. атаман, 538
Глухов Иван, моск. дьяк, 443
Гнастр, посол Игоря, 146
Гоголь, пинский епископ, 516
Годунов Борис, царск. наместник, 538, 542, 544, 581
Голенко К. В. сов. историк, 213
Голобуцкий В. А. сов, автор, 269, 361, 362, 371, 493
Головатый Ант. Андр. Войсковой писарь, 231
Голохвостов Алексей, моск, посол 293
Голубок, запор. атаман, 512
Гольдер, англ. историк, 434
Гомол, посол Игоря, 146
Горелов, Казак-мореход, 393
Городцов В. А. археолог, 29
Готье Ю. В. археолог, 97, 219
Грабянка Григорий, казачий летописец, 249
Граков Б. Н. арх. 27
Грамотин, дьяк, 284
Греков Б. Д. историк 313, 373, 397, 400, 401, 430
Григорий IX, папа римский, 220
Григорий, киев. митрополит, 514
Грим, посол Игоря, 146
Гроза Иван, атаман, 438
Губарёв Г. В. 14, 20, 26, 62, 63, 66, 260, 262, 263, 291, 374
Губин Третьяк, моск. посол, 344
Гугна, яицкий атамам, 254, 570
Гугниха, жена атамана, 254, 570
Гуд, Рюрикович, 146
Гудов Иван, Дон. Казак, 580
Гуды, посол Олега, 145

Гумилев Л. Н. сов. историк, 16, 73, 150, 151, 220, 221, 255
Гунар, Рюрикович, 146
Гухман М. М. филолог, 47, 71 120, 375
Гюрги, см. Долгорукий Юрий.

Давид Игоревич, изгой, 211, 212
Даниил, галицкий кн. 265, 266 287
Данлоп Д. Н. ам. историк, 14, 29, , 62, 64, 73
Дашкович Евстафий, староста черкаск. 312, 318, 328, 358, 356, 359, 361
Дашкович Иван, кн., стар. черкасский, 358
Девлет Бердий, царевич, 276
Девлет Гирей, крым. хан, 366, 423
Дежнев Семён, Казак-мореход, 393
Дербыш, нагайск. хан., 274, 406
Державин Гавр. Ром. русский поэт, 275
Джахар, араб. полководец, 69
Джебе, монг. царевич, 165, 256
Дженкинс Р. переводчик Багрянородного, 10
Дженкинсон, английс. купец, 572, 573
Диофант, жит. Пантикапея, 39
Дир, киев. кн. 138, 140
Дмитриев Сергей, русский крестьянин, 400
Дмитрий Ив. Донской, мос. вел. князь 276, 277, 303, 402
Дмитрий, подольский владетель, 267, 268, 314
Дмитрий Самозванец, моск. царь, 454, 551
Долгая Пола Оноха, служ, атаман, 540, 541
Долматов, каз. фамилия, 243
Доронин, каз. фамилия, 243
Дуван, атаман, 274, 406
Дукет Джофрей, англ. купец, 354, 572
Думан, см. Дуван
Дю Чэйллу Поль, амер. историк, 47-49
Дядиченко В. А. сов. историк, 511

Евгений IV, римский папа, 514
Евгеник Иоанн, 169
Евнон, царь Аорсов, 25
Евлиск, Рюрикович, 146
Евстафий, сын Мстислава Храбр. 187
Егер Оскар, герм. историк, 44, 46
Егри, посол Игоря, 146
Едигер, сиб. хан, 429, 430
Елка, служ. Казак, 321
Елкин Михаил, дон. атаман, 539
Емиг, посол Игоря, 146
Епифаний, визант. автор, 182
Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири, 431-447
Еськович, запорож. атаман, 365
Етон, Рюрикович, 146

Жебелев С. А. академик, 9
Жигулин Василий, дон. атаман, 540, 543
Жолкевский, корон. гетман, 505 507

Забела С. войск. товарищ, 511
Забелин И. Г. русск. историк, 277
Замойский Ян, польск. канцлер, 496, 505
Занебек, хан, 310
Заславские, польск. князья, 386 390, 453, 491
Захарий Ритор, древн. автор, 135
Заходер Б. Н. сов. ориент. 68, 79, 80, 91, 199
Збаражские, польск. князья, 457
Збируйский, холмский епископ, 516
Зборовский Самуил, польский магнат, 488-491
Зиновьев Петр, моск. посол, 418
Зогаф А. Н., сов. археол. нумизмат, 39

Зорсин, царь Сиракинов, 25
Зосим, греч. автор 58, 79
Зудов Заня, моск. посланец, 326
Зяблин Л. П., археолог, 29

Ибн аль-Асир, 67, 69, 167
Ибн-Мискавейх, 167
Ибн-Русте, 78, 143
Ибн-Фадлан. 63, 69, 125, 132, 143
Ибн-Хаукал, 64, 167, 247
Ибн-Хордадбех, 34, 145
Ибрагим Чауш, турецкий посол, 539
Иван Васильевич Грозный, моск. царь, 287, 310, 335-338, 343, 345, 348, 355, 366, 368-370, 385, 403-406, 409-413, 415-417, 421, 425, 427-430, 432, 434, 435, 438, 441, 442, 445, 526, 528, 537, 547, 550, 570, 572, 781
Иван Езболдукович, кабард. кн. 407
Иван Калита, в. кн. московский, 276, 548, 581
Иванов Гавриил, служ. Казак, 434
Иван III, в. кн. московс., 332, 396
Иван Федорович, рязан. кн., 279
Ивоний, волош. господарь, 456, 457
Ивор, посол, 146
Иггивлад, посол, 146
Игельд, посол, 146
Игнатий, автор-монах, 278
Игнат, сын боярский, 342
Игорь Ольгович, кн. 240
Игорь Рюрикович, кн. киев., 121, 145
Игорь Святославич, кн. черниг. 145, 146, 148, 162, 216, 242
Игорь Ярославич, кн. владимир., 190
Измаил-мырза, нагайск. кн., 347, 359, 420, 527, 537
Израил, еп. Кавк. Албании, 80
Изяслав Давидович, кн. киев., 241
Изяслав Мстиславич, кн. киев. 240
Изяслав Ярославич, кн. киев., 170, 187, 190, 200, 208, 209
Иисус Христос, 21, 485, 513, 584
Иловайский Д. И., истор. 32, 34, 88, 172
Илья-пророк, 140
Инегельд, посол, 145
Интериано Георгий, 302, 312, 351, 352
Иньгвар, кн. киев. 242
Иоаникий, монах-зодчий, 193, 225
Иоанн VIII, визант. импер., 514
Иоанн, казар. кн. 169
Иоанн Крылатый, Предтеча, 579
Иордан, истор. Готов, 43, 45, 47, 58, 62, 63, 116, 135, 136, 154, 238
Иосиф патриарх конст., 514
Иосиф, хакан казар., 55, 65, 67
Исидор, митрополит, 514
Искусеви, посол, 146
Ислам Гирей, крым. хан, 361, 539
Истархи 72
Истр, посол, 146

Кабан Василий, дон. атаман, 543
Кабан, черкесск. кн., 541, 542
Кадлубек, см. **Кутлубуга**
Кадышев Темеш, служ. Казак, 321
Казимир III, польск. король, 356
Казимир IV, польский король 311, 317
Калиновский Валентин, магнат, 491
Камал, турецкий посол, 307, 326
Каминский, шляхтич, 505
Каницар, посол, 146
Кануков, Георгий Александрович, 407
Кануков Ковьклыч, кабард. мырза, 366, 407
Карабай, азов. атаман, 93, 304
Карабай Нагиба, сл. Каз. 321

Каракоз Мнюзович, чернокл. старейшина, 241-243
Караман Мигула, служ. Казак, 321
Карамеснов Томило, служ. Казак, 321
Карамзин Н. М., 236, 237, 299, 304, 305, 333, 336, 338, 370 410, 428, 429, 435, 442, 443, 445, 484, 523, 524, 532
Карас Кокей, чернокл. старейшина, 241, 242
Карасев, каз. Фамилия, 243
Карача, сиб. царевич, 444
Карлы, посол, 145
Карн, посол, 145
Карпович М., 98, 151-156, 158, 159
Картавой Нехорошка, служ. Казак, 545
Каршев, посол 146
Кары, посол, 146
Карышковский П. С., историк, 25, 158
Капуста, служ. Казак, 321, 417
Касак, имя, 184
Касим, казанск. царевич, 282, 352, 392
Касим бей, наместн. Кафы, 422 423
Качалин, атаман станицы, 434
Кебенек, казан. кн. 420
Кейстут, лит. в. князь, 299
Кельмагмед, ногайск. мырза, 333
Кирейка, новокрещен. Казак, 412
Кирилл, св., 11, 119, 121, 122
Кирилов Михалко, служ. Казак, 369
Кишкин, дон. атаман, 531
Клавдий, рим. импер. 25
Клек, Рюрикович, 146
Клобуков, гонец в Литву, 370
Ключевский В. С., историк, 290, 320, 331, 373, 391, 392, 412, 413
Кобяков Ширяй, дон. атаман, 366
Ковалевский А. П., арабист, 64, 126, 132, 143
Кожухов Янгондырь, служ. Казак, 321
Кол, посол. 146
Колычев Филипп, соловецкий игумен, 198
Кольцо Иван, атаман, 433, 438, 442-444
Коматерос Петрона, гр. строитель, 229
Комос Осадукович, половецк. царевич, 209
Кондер Клод Ренье, англ. историк, 83
Кондувдый, чернокл. кн. 242
Конецпольские, магнаты, 386, 390
Кононов А. Н. сов. тюрколог, 123, 336
Константин Багрянородный, см. **Багрянородный Константин**
Константин Копроним, визант. император, 84, 89, 90
Копыстенский Михаил, епископ перемышльск. 516
Корела, яицкий атаман, 574
Кориатовичи, лит. кн. род, 268
Корибут Вишневецкие, см. **Вишневецкие Корибут.**
Корибут Ольгердович, лит. кн. **363**
Корибуты, лит. кн. род, 325
Коробов Василий, моск. посол, 317, 326, 342
Косматый Фёдор, служ. Казак, 395
Костомаров Н. И., историк, 308, 331, 395
Котис, царь Боспора, 25, 39
Костошихин Г. К., подьячий, 421, 525, 574
Котырев, русск. военода, 432
Кочетов Васюк, служ. Казак 395
Кочибей, см. **Хачибей**
Кравцова Гракова С. А. археолог, 27

Крёйс, адмирал, 477, 486
Крузо Робинзон 149
Крупнов Е. И., археолог, 25, 127
Кудьяр, см. **Кулдьр**
Кулдьяр, черноклоб. князь, 242 243
Кумшак Дороня, служ. Казак, 321
Кунотувдей, см. **Кондувдый**
Курбский, русский князь 404
Курлай Данин, мырза, 420
Курманлий, казан. князь 420
Куров Матвейка, служ. Казак, 395
Куров Сенька, служ. Казак, 395
Кутлубек, см. **Кутлубуга**
Кутлубуга, подольск. владетель, 267, 268, 314
Куцы, посол, 146
Кучум, сибир. хан, 430, 436, 440, 442, 444, 445
Кушник, служ. Казак, 321

Лазарев Ивашка, служ. Казак, 395
Ламбин Н. П. 172
Ланцкоронский Предслав, польский рыцарь, 311, 312, 318, 332, 356-360, 363, 364, 448
Лаппо И. И., историк, 381, 449, 450
Лассота Эрих, посол. германск. импер., 494, 496-503, 505, 519-521
Латышев В. В., греколог, 9
Лев Диакон, визан. автор, 25, 138, 158
Лев I, визант. императ. 58, 115
Левченко М. В. сов. византинист, 139, 156
Лев IV, визант. император, 193
Левшин А. И., историк, 21, 184
Леклерк Г., франц. историк, 9, 234, 533, 574
Лесёвич Николай, Запорожец боярин, 461
Либиар, посол, 146
Лидул, посол, 145
Личуга Курбат, служ. Казак, 321
Лобода, запорож. атаман, 495, 505, 506, 509
Лопырь, служ. Казак, 321
Лось, служ. Казак, 321
Луитпранд, герман. купец, 136
Лученко Яцек, купец Черкас, 458
Любавский М. К. проф. 373
Людовик Благочестивый, герм. император 136
Ляпун, дон. атаман, 406, 407
Ляпун, служ. Казак 321
Лякушкин И. И., археолог, 14, 48, 49, 59, 95-99, 105, 106, 114, 160, 163

Маашук, кабард. кн. 407
Маврикий, визант. император, 62, 173
Магомет Гирей, крым. хан, 312, 317, 326-328, 359, 417, 488-490, 526, 537, 539
Магомет, казан. хан, см. **Махмет**
Магометкул, сиб. царевич, 428, 440, 441, 443, 444
Магомет-Пророк, 290, 484
Мазепа-Колядинский Иван, гетман, 16, 182, 233, 250, 376, 450
Мазета-Колядинский Николай, каз. шляхт., 460
Макарий, митрополит, 106, 148, 172
Максимилиан, эрцгерцог, 505
Малыгин Василий, Дон. атаман, 577
Мальцев Елизар, моск. посол, 360
Мальцев Семен, пленник, 423, 424
Мамай, татар. князь, 276, 277, 288, 300, 402
Маметкул, см. **Магометкул**

Мамин Микита, служ. атаман, 417
Мамутяк, казан. царевич, 281, 282
Мансуров Иван, воевода, 445
Мануил, визант. император, 226
Мария, казар. княгиня, 169
Мария Темрюковна, жена Ивана Грозного, 572
Марр Н. Я., сов. лингвист, 180
Марцеллин Аммиан, истор. V века, 41, 43, 46
Масса Исаак, автор XVII века, 92, 183, 353, 481
Масуди, араб. автор, 29, 36, 54, 68, 78, 79, 182, 183, 247
Махмет, казан. хан, 9, 281, 282, 342
Махмет, сподвижник Ермака, 438
Махмуд Челибей, турец. нач., 344
Мела Помпоний, греч. автор, 39
Мелехов, каз. фамилия, 243
Мельников Н. М., каз. автор, 432, 435
Менгли Гирей, крым. хан, 289, 305, 306, 308, 310, 311, 317, 326, 341, 359, 383, 426, 448
Мерван, араб. полководец, 74, 75, 81, 184
Мердоулат, крым. царевич, 310
Меретек, крым. мырза, 306, 307
Меркатор Жерард, картограф, 92, 271
Мерперт Н. Я., сов. археолог, 59
Мефодий, просветитель Славян, 119
Меховский Матвей, польск. автор XVI в., 249, 283, 296, 298-300, 312, 328, 350, 353
Мец, Н. Н., сов. археолог, 29, 124, 125, 128, 200
Мещерский Н. А., лингвист, 11, 33, 34, 195, 196, 568
Мещеряк Матвей, сподвиж. Ермака, 438, 444, 445
Мигулин, казачья фамилия, 243
Микошинский Богдан, кошевой атаман, 497, 499, 504, 520
Миллер А. А., археолог, 221, 222
Миллер В. Ф., лингвист, 9, 53, 184
Миллер М. А., историк, 36, 37, 96, 219, 222, 224, 228, 229
Минорский В. Ф., востоковед, 15, 52, 77, 78, 89, 132
Мирхонд, вост. автор., 373
Митридат, царь Боспора, 25
Михаил, визант. император, 138
Михаил Канболович, крещен. царевич, 400
Михаил Керулларий, патриарх констант., 514
Михаил, см. **Олег Святославич**
Михаил Фёдорович, русск. царь, 550, 551, 574, 578
Михайлов, боярин, 342
Михайлов Яков, сподвижник Ермака, 438, 443
Мишаткин Н. Ф., художник, 88, 95, 415, 536.
Млынский, запорож. атаман, 365
Мнюз, черноклобуцк. старейшина, 242
Могила Еремий, молд. господарь, 505
Моначук, черноклобуцк. старейш., 242,-243
Мономаховичи, кн. род, 256
Моны, посол, 146
Моравчик Г., венгер. византинист, 10
Мотякин Иван, дон. атаман, 422
Мошин Карач, служ. Казак, 321
Мстислав Мстиславич, русск. князь, 337
Мстислав Романович, киевск. князь 257
Мстислав Храбрый, кн. Тематорканн, 159, 165, 173, 176-181, 183, 185-190, 198, 199, 205-208, 215, 223, 224, 228-230, 239, 241, 330 344.

Мурад, тур. султан, 496
Мусталык, крым. посланец, 490
Мустафа, пленник, 535
Мустафа, татар. царевич, 9, 280
Мутур, посол, 146

Нагай, князь-темник, 205, 260, 268, 270, 275, 276, 301, 374
Нагибин, каз. фамилия, 243
Нагой Афанасий, моск. посол, 423
Надо, жена Мстислава Храброго, 177
Назарьин Кирилл, русск. крестьянин, 400
Налетов Куземка, служ. Казак. 395
Наливайко Северин, атаман, 505-507, 510, 512.
Нащокин Григорий моск. посол, 531, 532, 540-542, 544, 545
Небольсенок Жадной, сын боярский, 342
Несзетаев Юшко, дон. атаман, 538
Нестор, летописец, 176, 181
Нидерле Л., чешск. историк, 34, 36, 85
Николай, епископ, 192
Никон Великий, летописец, 9, 17, 170, 178, 180, 186, 187, 189, 191-197, 205, 218, 224
Никон, патриарх, 81, 82, 85, 89, 97, 261, 308
Ничипор, каз. посланец, 503
Новосильцев И. П., посол в Турцию, 425
Нос Иван, запорожск. атаман, 543

Обадия, казар. хакан, 92
Огодиакос, 131
Огуз, половецкий хан., 70, 123
Ода, жена кн. Святослава Ярославича, 216
Один, скандин. вождь полубог, 155
Одинец Петр, Запорожец, 284
Олеб, посол, 146
Олевченко, запарожский атаман 512
Олег Иванович, рязанский кн., 278
Олег, кн. киевский, 121, 140, 145, 169
Олег, кн. рыльский, 235
Олег Святославич (Гориславич), 209-213, 216, 232
Олъбыр, черноклоб. старейшина, 243
Ольга, киев. княгиня, 146, 212
Ольгерд, в. кн. литовский, 267, 268, 276, 363
Ольгердовичи, 402
Ольговичи, черниг. князья, 242, 256
Омашук Иван, кабард. кн. 367
Омеяды, араб. династия. 84
Опухтин Семен, царский посланец, 577
Орозий, древн. автор, 43
Ортелиус, картограф XVI в. 359
Оскольд, см. **Аскольд**
Осман-паша, тур. воевода, 530, 535
Осадук, половецкий хан, 209
Острожские, князья Рюриковичи, 453. 505
Острожский Константин, кн., 311, 356, 386, 491
Острожский Януш, кн. 491
Острянин, кошевой атаман, 509
Оузь Черкас, см. **Узь Черкас**
Охозиакос, см. **Огодиакос**

Павлюк, кошевой атаман, 457. 509
Палеологи, визант. династия, 169
Пан Никита, сподвижн. Ермака, 433, 438, 442
Папроцкий Бартош, польск. автор, 488
Пахимер Георгий, греч. автор

V в., 205, 260, 261, 268, 301
Пацей Игнатий, брест. епископ, 515-516
Певный Григорий, сподвижник Ермака, 438
Пелепелицын Василий, воевода, 433, 438
Передьслава, княжна, 146
Перун, язык. божество, 31, 140
Петражицкий Иона, кош. атаман, 457
Петр Александрович, молд. кн. 457
Петр, апостол, 513
Петрила, волош. кн. 488, 490
Петриша, молд. господарь, 457
Петров Иван, Казак-землепроходец, 421
Петр I, русск. император, 294, 376, 405
Петр, служ. Татарин, 327
Пимен, митрополит, 278
Пирог Подолянский Иван, служ. атаман, 370
Пичета В. И., сов. историк, 448
Плано Карпинм Иоган, 45, 301
Платов М. И., донской атаман, 419
Плетнева С. А., сов. археолог, 14, 89, 95, 96, 100-102, 107, 108, 110, 112, 114, 118, 127, 128, 133, 157, 160-162, 173, 185, 203, 210, 219 224, 245-248
Плещеев Михаил, посол, 293
Плиний Старший, авт. I в. по Р. Хр., 24, 27, 33, 37, 39, 42, 46
Плоскыня, воевода Бродников, 165, 257, 259
Подкова Иван, молд. кн. 457
Позытыла, кошевой атаман, 457
Покровский А. М., археолог, 98, 151
Покровский М. В., сов. историк, , 218
Полемон, царь Боспора, 39
Полуянский Александр, польск. авт., 316
Поляк А. Н., израильск. арабист, 261
Поляков Павел Сергеевич, поэт, 497
Попов Алексей, историк, 18
Попов, Казак-мореход, 393
Попов Х. И., каз. историк, 277, 435
Потоцкие, магнаты, 386
Прастен, посол, 146
Пречистая Дева Мария, 485, 513
Прозоровский, русск. воевода, 284
Прокопий Кесарийский, авт. VI в., 20, 33, 39, 41, 46, 53, 55, 75, 115, 116, 131, 153, 155, 238, 301, 339
Птоломей географ II в. н. э., 20, 23, 24, 26, 27, 33, 35, 37, 39, 41, 45, 55, 131
Пушкин А. С., русск. поэт, 254, 294, 569

Радзивил Юрий, лит. кн., 325
Разин Степан, атаман, 395
Раманчуков, русск. дьяк, 284
Ратибор, черниг. дружинник, 210, 211
Рашид ад-Дин, персид. истор., 123, 128, 153, 373
Редедя, асаланский кн., 178, 179, 189, 224
Резанов Девлетхозя, служ. Казак, 320
Резанов Федер Девлетхозин. Казак, 320
Резван, турецк. посол, 545
Ременников А. М., сов. автор, 79
Ржевский, дьяк, 365, 366
Ригельман А. И., генерал-историк, 37, 57, 119, 148, 190, 230, 233, 249, 251-254, 257, 277, 280, 311, 331, 351, 353, 356-358, 368, 369, 375, 376, 382, 383, 404-406, 477, 484, 533, 546, 553, 554, 558, 559, 561, 562, 564, 566, 570, 571

Роалд, посол, 146
Рогов А. И., сов. историк, 269, 315, 325, 364
Рогоза Михаил, митрополит киевск., 515
Рожен Васка, запорожск. атаман, 417
Роман Мстиславич, кн. галицкий, 242, 265
Роман Святославич, кн. Томаторкани, 209, 210
Ростислав Владимирович, кн. Томаторкани 190-193, 198
Ростислав Мстиславич, киев. кн., 241
Ростовцев М. И., археолог, 23, 24
Ростьлой, служ. Казак, 321
Рохлин Д. Г., сов. антрополог, 14
Руалд, посол, 145, 146
Руар, посол, 145
Рубрукис В. 45, 128, 230, 301
Рудольф II, герм. император, 496, 504, 527
Ружинский Богдан, лит. кн. 456, 482
Ружинский Евстафий, лит. кн. 363, 364, 448
Ружинский Николай, лит. кн. 491
Рулав, посол, 145
Руно Иван Дмитриевич, воевода, 394
Руссо Жан Жак, франц. писатель, 519
Рустём 21
Рыбаков Б. А., сов. историк, 33, 135, 150, 161, 224, 246
Рыхлик, служ. атаман, 321, 417
Рычков П. И., автор XVIII в., 250
Рюрик, русск. кн., 137, 143, 145
Рюриковичи, династия, 259, 266, 286, 323, 368, 380, 409
Рюрик Ростиславич, кн., 242

Саадат-Гирей, крым. царевич, 361, 539
Саврамат II, царь Боспора, 25
Сагайдачный Нечай, кош. атаман, 457
Садиков П. А., 393, 400
Саип-Гирей, крым. хан, 360, 361
Сангушко, лит. кн., 453, 491
Сар, Росомон, 136
Сармат, имя, 184
Сары-Азман, атаман, 343
Сарыкозя, хан, 279
Сасаниды, персид. династия, 21
Сатмаз, черноклоб. старейшина, 243
Сафрак, аланский кн., 58
Свен, Рюрикович, 177
Свень, посол, 146
Сверговский Дружко, каз. предводитель, 456
Сверчовский, см. **Сверговский**
Святослав Всеволодович, кн., 242
Святослав Игоревич, киев. кн., 105, 106, 138, 146, 155, 157, 163, 164, 166-168, 170, 172, 176, 177, 185, 187, 208, 229, 257, 344
Святослав, кн. липецкий, 235
Святослав Ольгович, кн., 221, 240, 256
Святослав Ярославич, кн., 190, 194, 200, 208, 214, 216
Северга, служ. Казак, 321
Сеин, шурин султана, 525
Секайдар, перс. владетель, 290-292, 309, 584
Селим II, турец. султан, 422
Серебряный П. С., кн. воевода, 423
Сибок-Василий, кабард. кн. 367
Сигизмунд II Август, польск. король, 363, 365, 379, 385, 448
Сигизмунд I, польско-литовский король, 310, 318, 325, 326, 356, 360-362, 382, 386, 387, 448, 449, 450
Сигизмунд III, польско-лит. король, 496

Силуан, епископ Сарский и Подонский, 287
Симановский П. И., бунчук. товарищ, каз. летописец, 249
Симеон Бекбулатович, татар. кн., 410
Симон Арменикус, оргузиус, 272, 273
Синан паша, тур. визирь, 534, 536
Синд, имя, 184
Синеус, кн. из пл. Русь, 137
Синицын А. А., археолог, 29
Синицын И. В., археолог, 263
Синко, посол, 146
Скалозуб, кош. атаман, 456
Скилица, древний автор, 138
Скиф, имя, 184
Скржинская Е. Ч., историк 192, 193, 238
Слепецкой, запорож. атаман, 417
Слуды, посол, 146
Смагин Нечай, служ. Казак, 321
Смирнов А. И., археолог, 60
Смирнов В., сов. историк, 271
Смирнов И. И., сов. историк, 401, 549, 550
Смирнов К. Ф., археолог, 28, 29, 124, 263
Смирнов Н. А., сов. историк, 293, 423-425, 481, 530, 535, 539, 545, 553
Собакин, русск. воевода, 285
Собырев Мурашка, служ. Казак, 321
Сотаров Мелек, служ. Казак, 321
Соловьев С. М., историк, 289, 360
Срезневский Изм. Ив., филолог, 398
Старый Алексей, атаман 580
Стегги, посол, 146
Стемид, посол, 145
Стефан Баторский, король Речи Посп., 432, 434, 452, 454, 457, 493, 496, 512, 526, 577
Стефан Сурожский, св., 137, 157
Стир, посол, 146
Страбон, географ I в. н. э., 9, 10, 18-23, 26, 35, 42, 53, 75, 148, 171, 184, 201, 205, 478, 517, 583
Стрешнев С., русск. воевода, 285
Струков Д., ист. автор, 115, 157
Стрыйковский Матвей, польск. летописец XVI в., 268, 315, 325, 364
Строганов Аника, 428
Строганов Григорий, 429, 436
Строганов Максим, 430, 436, 443
Строганов Никита, 436, 443
Строганов Семен, 430, 436, 443
Строганов Яков, 429, 436
Строгановы, уральск. промышленники, 427, 430, 431, 434, 437, 438, 442, 446
Субедей, монг. полководец, 165, 221, 256
Субутай-богатырь, см. **Субедей**
Сулейман, турецк. султан, 365
Сунильда из рода Росомонов, 135
Сусар Ратька, служ. Казак, 321
Сусарев, каз. фамилия, 243
Сухоруков В. Д., казачий историк, 16, 304, 330, 336, 405, 486, 554
Сфаньдра из рода Рюрика, 146
Сфирка, посол, 146
Сфирьк из рода Рюрика, 146
Сымонович Э. А., археолог, 203

Табари, араб. историк IX в, 67
Тазрют, кабард. кн., 407
Таиш, служ. Казак, 321
Тамерлан, татар. кн., 254, 279, 288, 570
Тарн В. Д., англ. историк, 23, 30
Татарук, кабард. кн., 407
Татищев В. Н., историк, 16, 19, 20, 122, 131, 164, 176, 181, 182, 187, 188, 200, 212-214, 230, 232-234, 243, 252, 283, 353, 412, 413, 437, 534

Тауберт И. К., русск. академик, 131, 181, 227, 251
Тейфельбах, герм. главнокомандующий, 504
Телетс, болг. хан, 84
Темир, мордов. кн. 326
Темрюк Андорович, кабард. кн., 407, 527, 572, 573
Тенглибердий, оргузиус, 272
Теодор, епископ Алании, 301
Терлецкий Кирилл, луцкий епископ, 515 516
Тилен, посол, 146
Тимишлык, каз. голова, 342
Тимофей, епископ Томч и Таны, , 115
Тихомиров М. Н., сов. историк, 16
Тоган, мордов. кн., 275
Тоглыева, полов. кн., 242
Томиленко В., чигирин. полк. 285
Тор, языч. бог-громовержец, 31, 70, 140, 175
Тохтамыш, татар. хан, 210, 271, 278, 288, 289, 306, 325, 329, 358
Тохтар Уразлыев, наг. мырза, 419
Тошман, черноклобуцк. старейшина, 242, 243
Третьяков П. Н. сов. историк, 33-35, 141
Троекуров Михаил, кн. воевода, 333
Труан, посол, 145
Трубчанинов, дон. атаман, 543
Трувор, кн. Русов, 137
Туад, Рюрикович, 146
Тудор, черноклобуцк. кн., 243
Тудок, Рюрикович, 146
Туманский А. Г., востоковед, 15
Туренин, воевода, 285
Турукан Осадукович, полов. кн. 209
Турчанинов Иван Салтанович, служ. Казак, помещик, 320
Тутаев Сенька, служ. Казак 321
Тучков Михаил, посол, 312
Турьберн, посол, 146
Турьд, Рюрикович, 146
Тышкевич Василий, черкасск. староста, 363 379
Тышлык Адам, украин. предводитель, 509
Тягрибердей, кыпчак, мырза, 417-419, 537

Узбек, хан, 275
Узь Черкас, азов. атаман, 31 304
Угуз Черкас, см. **Узь Черкас**
Улеб, посол, 146
Ульфила, см. **Вульфила**
Уразов Гарх, служ. Казак, 321
Урачко, служ. Казак, 321
Урмамет, наг. кн., 537
Урус, наг. кн. 570
Ута из рода Рюрика, 146

Фадинамос, имя, 131
Факр и Рази, имам, 15
Фарлоф, посол, 145
Фарнак, царь Боспора, 25
Фаст, Рюрикович, 146
Федор Иванович, моск. царь, 401, 418, 504, 535, 538, 547, 581
Фёдоров Давыдов Г. А. историк, 16, 210, 262, 570
Федорович Самко, посол к императору Рудольфу, 503
Фёдоров Матвей, запорожский атаман, 418, 529
Фёдоров Смирной, дон. атаман, 543
Федор Олегович, рязан. кн. 279
Феогност, моск. митропол. 278
Феодосий, игумен, 194
Феотим, митрополит Томи и Таны, 115
Феофан, древн. автор., 138, 156
Феофания Музалон, жена Олега-Михаила, 212
Феофил, визант. импер. 136
Фердуси, автор XI века 21

Филимонов Ляпун, служ. атаман, 433
Филипп, соловецк. игумен, 399
Фирштейн Б. В., антрополог, 14, 204
Флавий Иосиф, автор I в. н. э., 11, 41, 195, 567, 568
Флетчер Джильс, англ. автор, 322, 329, 355, 410, 451, 572
Фост, посол, 145
Фотий, визант. патриарх, 137, 156
Франк, имя, 184
Фрастен, посол, 146
Фредутио, картограф XV в., 92
Фрелав, посол, 145
Фрутан, посол, 146
Фудри, посол, 146
Фурьстен, посол, 146

Хаворт Х. Х., англ. историк, 63, 64, 92
Ханеев, атаман Зим. стан. 580
Харламов Григорий, служ. Казак, 395
Хачибей, подольский владетель, 267, 268, 314
Хворостинин, воевода, 432
Хлопицкий Станислав, запорожский полк. 496, 499-501, 504
Хмельницкий Богдан, 236, 295
Хмельницкий Венжик, запорож. атаман, 364, 448
Хоренский Моисей, армянский автор V в., 62
Хорошей Федор, служ. атаман, 540, 541
Хрущев Петр, сын боярский, 541, 542

Царев Лука, дон. атаман, 538
Цимисхий Иоанн, визант. имп., 138

Чагровичи, чернокб. старейшины, 241
Чауш, пленник, 541, 542, 544
Чейллу Поль, см. **Дю Чейллу Пол**
Чексман, см. **Чекьман**
Чекьман, чернокл. старейшина, 242-243
Челеби Эвлия, турецк. автор XVII в., 269
Черкас Николай, запорож. атаман, 512
Черкашенини Даниил, донск. Казак, 525
Черкашенин Михаил, дон. атаман, 367, 525
Черкашенин Филипп, жит. г. Гадяча, 458
Черкашеня Сулим запор. атаман, 577
Черников Савва Балыкчеев, служилый Казак, 321, 370
Чернов А. В., воен. историк, 402 403, 411, 412, 414
Чарторыйский Александр, лит. князь, 386
Чета, татар. мырза, 538, 547
Четей, служ. Татарин 395
Чигин Ермак, см. **Ермак Тимофеевич.**
Чигин Тимофей, служ. Казак, 434
Чингисиды, 259, 275, 287, 310, 319, 364, 430, 441
Чингисхан, 373
Чубанов Третьяк, моск. посланник, 428
Чувак, царевич, 306
Чулков Даниил, служ. атаман, 366, 419, 537
Чурук-мырза, кабар. посол, 367

Шаула, атаман повстанцев, 506
Шафран, запор. полковник, 580
Шах бен Мурзин, автор X в. 167
Шах Заде, правитель Кафы, 305 306, 309
Шах, кошевой атаман 457
Шахматов А. А., русск. академик, 139

Шевалье Пьер, авт. XVII в. 315, 507
Шейн, боярин, 434
Шейноха Кароль, польск. историк, 311, 315, 465, 480, 488, 508, 509
Шелковников Г., художник, 251, 495, 546, 558, 565 566, 571
Шемяка Дмитрий, русск. князь, 282, 392
Шерош, черноклоб, старейш., 243
Шибанов Миша, служ. Казак, 395
Шибрид, посол, 146
Шило, запорож. атаман, 577
Шилов В. П., сов. археолог, 263
Шихберн, посол, 146
Штоекль Гюнтер, немец. автор, 17, 260, 270-274, 289
Шуйский Василий русск кн. 551

Эварницкий Д. И., историк, 465
Эминус Куманикус, оргузиус, 272
Эпикур, древн. философ, 471

Юргевик, историк, 273
Юрий Долгорукий, киев. князь 240-241
Юсуф, нагайск. кн. 335-337, 343
Ягелло, польский король. 144
Ягеллоны, польско-лит. династ., 380, 450
Ягуп, казан. царевич, 281, 282, 392
Явтяг, посол, 146
Язловецкие, польские магнаты, 453, 591

Яковлев Молчан, служ. атаман, 417
Яковлев Федяйко, служ. атаман, 370
Якуби, араб. автор IX в. 68
Якубинсткий Л. П., лингвист, 194
Якубовский А. Ю. сов. историк, 313, 373
Якун, наемник, 186
Ялец Федька, служ. атаман, 370
Ялычев Бурнаш, служ. атаман, 421
Ямгурчей, нагайск. хан, 406

Ян Альбрехт, польск. королевич, 269, 315
Янов Василий, каз. воевода, 432, 435
Ярополк Владимирович, князь, 103, 240, 245, 300
Ярослав Владимирович, киев. кн., 164, 181, 186, 187, 190, 200, 205, 207, 230
Ярослав Святославич, кн., 214
Ятцкой, запорож. атаман, 577

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Аас, см. **Асы**
Абоба Плиски, гор., 60, 97
Абхазия, стр., 350
Австрия, стр., 261
Агаряны, нар., 137, 282
Адзак, см. **Азов**
Адрианополь, гор., 58
Адыгейцы, нар., 57, 90, 93, 172, 182, 183, 302, 350, 352, 524, 530, 573
Азары, племя, 47
Азгард, гор., 155, 227, 243
Азгейм, см. **Азгард**
Азербайджан, стр., 291
Азиаты, 191, 297
Азия, 10, 19, 21, 23, 51, 72. 76, 77, 79, 82, 97, 102, 123, 124, 127, 148, 185, 208, 227, 287, 441, 447, 463, 482, 524, 552
Азия Малая, см. **Азия Передняя**
Азия Передняя, 26, 81-83, 248, 354, 481, 484, 531, 561, 578
Азия Средняя, 75, 259, 275
Азманы, нар., 300, 339, 345, 346, 349, 524
Азов, гор., 50, 71, 72, 92, 93, 97, 173, 181, 188, 190, 218, 226, 227, 228, 279, 290, 293, 294, 296, 297, 302-306, 309, 317, 326, 330, 337, 341, 342, 344, 346-348 351, 353, 360, 366, 395, 407, 417, 422 425, 523, 525, 526, 529, 531-533, 535, 537, 539-541, 543-545, 552, 560
Азовско-Донской край, 190-193
Азовское море, 28, 33, 35, 43, 49, 53, 56, 76, 89, 90, 91, 106, 119, 155, 163, 166, 167, 171-175, 178, 216, 218, 220, 223, 225, 226, 229, 252, 290, 292, 295, 302, 341, 350, 354, 486, 523, 540, 553, 561, 568
Азовско-Черноморский путь, 191
Азы, см. **Азманы**
Айдар, река, 367
Айфор, днепр. порог, 146
Акас, гор., 227, 228, 296, 524, 532
Акишев, городок, 347
Аккерман, гор. 269, 356, 359, 480
Ак-орда, 215
Акс, приток Терека, 253
Аланготы, см. **Готиталаны**
Алания, стр., 76, 115, 183, 202, 205, 298
Аланы нар., 12, 15, 17, 23, 26, 28, 30, 33, 37, 38, 41-55, 57-61, 70, 74, 77, 85, 96, 97, 103, 113, 115, 116, 123, 124, 132, 133, 152,-155, 158, 159, 168, 172, 182, 193, 203, 205, 256, 298, 301, 339, 579
Албания Кавказская, 110
Алопекия, остр. 228
Амазонки, 135
Амазраты, 135
Анапа, гор., , 353
Анатолия, 482
Англичане, 355, 410
Анса, алано-готский клан, 45, 64
Анты, нар. 75, 152-154
Аорсы, нар,, 23, 25, 42, 51
Арабы, 8, 61, 65, 68, 69. 74, 75, 89, 90, 110, 114, 123, 141, 143, 151, 164, 170, 261
Аракс, р., 19
Арбатская Стрелка, полуостров, , 165, 166
Ардебиль, гор., 290
Аржановский, гор., 347
Арклий, местечко, 460

Армения, , 23. 62
Армяне, 8, 42, 68, 84, 152, 568
Арта, гор., 141, 142
Артана, р. 82
Артана стр., 82-85, 88 90, 95. 102, 106, 116, 141, 142, 160, 162, 163, 166, 247, , 339
Асагард, см. **Азгард**
Асаланд, 155
Асаланы, нар., 26, 42, 47, 48, 51, 54-56, 58, 66, 71, 83, 84, 112, 168, 174, 258, 301, 313, 339, 376
Асена, клан, 64
Асии, см. **Асы**
Аскоал, см. **Оскол**
Аслан городок, см. **Ислам Кермень**
Асманы, нар., 45
Астраханское царство, 406, 525
Астрахань, гор., 274, 293, 348, 354, 385, 402, 406, 407, 416, 422-425, 427, 429, 432, 446, 530, 533, 535, 570, 572
Асы, нар., 12, 17, 37, 38, 41-56, 58, 63, 97, 101, 103, 113, 116, 131-133, 152-155, 158, 161, 168, 174, 178, 202, 205, 261, 296, 300, 339
Атара, гор. 226
Атель, гор., 29, 62, 66, 71, 72, 76, 86, 129, 167, 169
Атех, остр., 35, 171
Атиль, р., 62, 77
Африка, 10, 44, 286
Ахардей, р., 25
Ахтары, гор., 226, 350
Ахтуба, дельта Волги, 76
Ахтырка, гор., 350
Ачуев, гор., 353
Бабей, гор., 343
Баварцы, 410
Багдад, гор., 84, 145
Бадиат ал Шам, провинция, 90
Базавлук, остр., 376, 377, 463, 470, 497, 503
Базавлук, р., 470
Базилея, провин., 40, 62
Базилиане, 62
Бай-Казак, сел. 314
Бактрия, 42
Баку, море 291
Балин, гор., 103, 245, 300
Балканы, 59, 81, 92, 95, 354
Балкар, нар., 78-80, 168
Балтийское море, 42, 43, 47
Балтийцы, 155
Бантос, море, 15
Барадас, нар., 69, 77-80, 148, 151, 164, 168, 174, 215, 255, 258, 278, 313
Баранджер, см. **Беренджер**
Барчула, племя, 78, 79, 168
Басан, урочище, 440
Бастарны, 42
Бахчисарай, гор., 531, 539
Бачинаки, нар., 123
Башкиры, нар., 275, 438
Безугляки, каз. дер. 460
Белая Вежа, 14, 101, 105, 106, 109, 110, 133, 150, 157, 164, 167, 203, 218, 219
Белая Гора, 19
Белая Церковь, гор., 233, 297, 314, 460, 465, 491, 493
Белгород (Аккерман), 316, 482, 496, 500, 503
Белгород на Донце, 549
Белгородские степи, 325
Белев, гор., 366
Беленджеры, см. **Беренджеры**
Белое море, 402
Белозерский Затон, 376
Белоозеро, 137, 141
Белорусия, 380, 505
Белорусы, 147, 299, 315, 380, 381, 384, 505-509
Белоцерковское староство, 473, 512
Белый Яр, р., 279
Бендеры, гор., 269
Бердаа, гор., 74
Бердники, каз. дер. 460
Березань, местечко, 459

Березняги, село, 245
Берендеи, нар., 22, 31, 68-70, 108, 131, 147, 175, 199, 232, 233, 235, 237, 239-241, 244, 261, 267, 524
Беренджеры, нар. 12, 61, 66-69, 71, 78, 80, 88, 174, 175, 180, 202, 244, 255
Берендичи, см. **Берендеи**
Берингов пролив, 393
Бершады, гор., 377, 495
Бетюк, р., 278
Бештау, горы, 234, 353, 387
Биевцы, каз. дер. 460
Бильмачи, каз. дер. 460
Биркозово, каз. дер. 460
Бихувка, каз. дер., 460
Ближняя Мельница, каз. хутор, 105-107, 218
Бог, р., 35
Богоявленская, станица, 105
Богуслав, гор., 460
Богушово, слобода, 460
Болгария, 59, 60, 81, 85, 89, 95, 102, 142, 163
Болгары, 15, 28, 33, 34, 52, 54, 59, 60, 64, 65 68, 71, 78, 84, 88, 97, 101, 108, 109, 112, 114, 119, 126, 131, 143, 160, 162, 164, 166-168, 174, 175, 180, 185, 199, 200, 205, 247, 568, 573, 584
Болгары Камские, 72, 239, 275
Болгары Чёрные, 12, 83, 85, 88, 148, 246, 255, 267
Болгары Срединные, см. **Болгары Чёрные**
Болоховцы, каз. племя, 258, 259, 265, 266, 268, 269, 301, 311
Большая Соль, гор., 443
Бокота, гор., 268
Бораны, нар., 42, 79
Бористен, р., 294
Боровеск, гор., 325
Боровский уезд, 320
Борчала, племя, 80
Борешево, посел. 218
Босанцы, 267, 288
Босняки, см. **Босанцы**
Боспор Киммерийский, 33, 35, 39, 40, 158
Боспорская Кесария, 65
Боспорское царство, 25, 39, 40, 62, 74
Босфор, 8, 83, 481, 482
Брацлав, гор., 314, 356, 386, 390, 457, 465
Брацлавское старостве, 473, 508
Бреславль, гор., 311
Брест, гор., 515, 516
Бродасы, см, Барадасы
Бродники, нар. 16, 69, 74, 79, 80, 148, 150, 151, 164, 165, 168, 174, 180, 202, 216, 218-221, 239, 254 259, 267, 278, 301, 313, 321, 432
Буба, тур. крепость, 498
Буг Южный, р., 239, 242, 250, 259, 265-267, 295, 310, 311, 314, 329, 358, 377, 378, 402, 452, 457, 463, 473, 490, 508, 575
Бугогардова паланка, 473
Буджак, обл., 295
Будило, днепр. порог, 375
Бузент, р., 63
Бузук, посад, 535
Бузулук, см. **Базавлук**
Булгар, нар. 69, 78, 141, 143, 267
Булкар, племя, 67, 142, 143
Бурджан, 15
Бурлик, пролив, 36, 172
Буртас, р., 78
Буртас, край, 77-80, 167, 168
Бутовичи, каз. дер. 460
Бухара, 14, 572
Быков, местечко, 459
Бычина, гор., 512
Бычье озеро, 35
Бэлз, гор., 311

Вабандар, нар., 67-69
Вагай, р., 444
Валанготы, см. **Готиталаны**
Валахия, 59, 457, 488, 498, 501

Валуйки, гор., 549
Ванандар, см. **Вабандар**
Вандалы, нар., 11, 42, 44, 46, 238
Варанги, см. **Варяги**
Варачан, гор., 67, 68, 80
Варна, гор., 482
Варшава, гор., 316, 512
Варяги, 47, 48, 121, 136, 137, 139-141, 145-147, 155, 186, 200, 223, 286, 344, 380
Васильковщина, вол., 572
Везеготы, см. **Вестготы**
Великий Луг, остр., 365, 372
Великий Устюг, гор., 428
Вена, гор., 92
Венгрия, 220, 261, 267, 296, 500, 505
Венгры, 265
Венендры, нар., 68, 69, 90, 168, 174, 199
Верхне-Днепровск, гор., 376
Верхне-Курмоярская, станица, 420
Верхний Салтов, городище, 95-98
Вестготы, нар., 42, 58
Весь, нар., 202
Византийцы, 40, 89, 115, 139, 170, 177, 270
Византия, 52, 53, 74, 83, 84, 86, 100, 102, 119 131, 138, 145, 149, 157 162, 192, 198, 199, 207, 208, 212, 213, 215, 226, 229, 238, 514
Винница, гор., 297, 314
Вирма, соловец. волость, 398
Витебск, гор. 385
Вифиния, обл., 26
Вицивицы, р., 460
Вишневец, гор., 311, 356
Владимир Волынский, гор., 266
В-н-нт-р, нар., 67, 69, 77, 79, 80, 88, 89, 108 114, 164
Вогулы, нар., 429, 437-438
Вожа, р., 276
Войсковая Скарбница, остр., 483, 487
Волга, р., 27-29, 36, 43, 55, 66, 69, 71, 72, 74, 75, 77-79, 108, 124, 129, 131-133, 141, 148, 155, 161, 166-170, 200, 215, 223, 236, 248, 255, 262, 263, 303, 313, 344, 346-348, 401, 406, 419, 422, 423, 424, 432, 433, 435, 438, 443, 524, 525, 526, 537, 569, 570, 573, 580, 581
Волгоград, 124
Волоколамский мон. 400
Волоты Устье, каз. дер. 460
Волохи, нар., 366, 456, 457, 489, 500
Волчанский замок, 100
Волчья, р. 100
Волынь, 265, 491, 503, 505, 507
Вольнег, днепр. порог, 375
Вольный, днепр. пор., 375
Ворона, каз. посел. 314
Воронеж, гор., 59, 96, 219, 307, 330, 545, 549
Воронеж, р., 278
Воронежские пустыни, 338
Воронова Забора, днепр. пор. 375
Ворскла, р., 295, 297, 329, 330, 369, 384, 390, 460, 575
Вотяки, нар., 438
Выргапы, каз. дер., 459
Вятичи, слав. пл., 71, 104, 106, 174, 188, 202, 215, 219, 229, 255, 258
Вятка, гор. 427

Гадяч, гор., 458
Газа, р., 252
Газария, 169, 270
Газары, 148, 252
Гайсин, вол., 512
Галичане, 265
Галичина, 388, 489, 507
Галлия, 44, 151
Галлы, нар., 11, 147
Ганг, р., 51
Гард, гор., 377, 473, 495
Гауказ, см. **Грауказ**

Генуэзцы, 225, 229, 310
Генуя, 173, 270, 271
Гепиды, нар., 238
Германасса, гор., 173, 223
Германия, 44, 261
Германцы, 11, 43, 45, 46, 152, 261, 286
Герулы, нар., 42, 238
Гетманщина, обл., 295, 362, 448, 451, 456, 458, 461, 462, 465, 467, 473-475, 478, 479, 493, 494, 505-507, 511, 512, 516, 529, 567, 575
Гиркания, 23
Гладков, каз. посел. 353
Глинск, гор., 325
Глушки, каз. дер. 460
Гога и Магога земля, 291
Гочка, озеро, 75
Голтва, мест., 460
Голый Гребень, урочище, 253
Гомолча, городище, 160
Городец, 319
Городище, каз. дер. 460
Горы Высокие, р. 278
Горыничи, нар. 569, 570, 572-575
Гостинный остров, 540, 543, 545
Гостомля, вол. 512
Готиталаны, нар., 47, 63, 113, 158, 159
Готы, нар., 11, 39, 40, 42-47, 52, 56, 58, 62, 63, 70, 85, 97, 101, 113, 115, 119, 136, 138, 139, 154, 158, 159, 176, 193, 226, 238, 260, 268, 270, 271, 273, 375, 519
Грауказ, 19, 42
Граукос, см. **Грауказ**
Гребенцы, 253, 258, 297, 350, 353, 355, 405, 481, 530, 569, 572-575
Грейтунги, гот. пл. 42, 43
Греки, 9, 18, 39, 59, 61, 85, 115, 131, 162, 176, 193, 200, 210, 211, 223, 232, 252, 286, 301, 323, 344, 518, 584
Гремуч, обл. 93, 291
Гренландия, 286
Греция, 10
Грошин, гор., 314
Грузинское море, см. **Гурзиян**
Грузины, 42, 152, 550
Грузия, 42, 80, 115, 530
Грушевка, р., 374
Губин, гор., 266
Гузы, нар., 77, 123, 125, 132
Гумнинья, городище, 100
Гунны, нар. 28, 39, 43, 44, 46, 51, 53 55, 58, 67, 85, 97, 101, 126, 153, 154 161, 164, 175, 223, 238
Гура Хумора, 265
Гурз см. **Гурзиян**
Гурзиян, море, 15, 52, 88, 89, 132
Гусятин, гор., 505

Дагестан, 62, 65, 67, 68, 74, 115, 530
Даки, нар., 36
Дальний Восток, 575
Дамаск, гор., 84, 90
Дандарии, нар., 25
Данилов, мест. 459
Дарданеллы, пролив, 248
Дар-и-Алан, гор., 52
Дафнусия, крепость, 82
Дверень, гор., 314
Дежнев, мыс, 393
Дембинцы, каз. дер. 460
Дербент, гор., 48, 291, 530, 535
Деревич, гор., 266
Десна, р., 33, 105, 306, 308, 325, 372, 412
Дешт-и-Кыпчак, стр., 260, 263, 271, 275, 276, 301, 314, 328, 416
Джурджан, край, 145
Дзиги, см. **Адыгейцы**
Дигор, пл. 42
Дикое Поле, 294, 369, 384, 448, 452, 495
Днепр, р., 22, 29, 30, 36, 69, 70, 71, 76, 80, 88, 89, 108, 121, 130, 135, 139, 142, 155, 163, 166, 170, 173, 176, 177, 186, 190, 191, 199, 215, 223, 229, 230, 234, 239, 250, 252, 253,

255, 281, 283, 284, 292, 295, 300, 308-311, 313-316, 329, 330, 344, 349, 354, 356-360, 365, 366, 369, 370, 373-378, 402, 418, 419, 452, 453, 456, 459-461, 463, 464, 470, 473, 476, 478, 481, 486-488, 490, 491, 494, 497, 500, 506, 508, 518, 519, 523, 528, 533, 554, 555, 559, 566, 567, 572, 575, 577, 580

Днепровская Низовая республика, 577, 584

Днепровская Русь, 220

Днепровские пороги, 146

Днепровско-Бугский клин, 314, 377, 462

Днепровско-Бугский лиман, 138, 463

Днестр, р., 369

Добрая, городище 59, 96

Добринский замок. 100

Добруджа, 58, 83, 268, 270, 315

Дон, р. 9, 15, 22, 23, 25, 26, 28, 29, 32, 34, 36, 37, 41-43, 45, 48, 49, 51, 52, 54, 55, 59, 60, 66, 69, 70-72, 74-77, 79-81, 85, 86, 88-92, 95-99, 101, 103-106, 108-110, 113-115, 118, 130-134, 142, 147-152, 155, 157, 158, 161, 162, 164-170, 174, 175, 177, 181, 183, 185, 191, 192, 199, 200, 202, 204-209, 215, 216, 218-223, 227, 229, 230, 237, 239, 251, 255-258, 262, 267, 276-280, 286, 288, 293-297, 299, 301, 302, 307, 319, 322, 325, 328-330, 332, 335, 338-349, 353, 354, 363, 367, 369, 374, 375, 384, 394, 395, 400, 401, 403-406, 408, 412, 413, 416-426, 432, 434, 435, 453, 464, 467, 470, 481, 486, 518, 523-541, 544-546, 549-552, 554, 556, 559, 560, 562, 566, 567, 569, 572, 575-578, 580, 581

Донецкий кряж, 295

Донец Мертвый, 350, 360

Донец Северский, 9, 29, 32, 33, 48, 49, 59, 60, 66, 71, 75, 76, 81, 83-86, 89, 95-98, 100, 101, 103, 104, 108, 109, 155, 161, 163, 164, 167, 175, 179, 185, 191, 199, 200, 202, 203, 216, 218, 223, 227, 229, 240, 241, 250, 261, 293, 296, 300, 301, 306, 308, 310-312, 319, 325, 326, 328, 330-333, 335, 339, 341, 342, 346, 349, 367, 416-418, 422, 424, 425, 506, 524, 529, 532, 547-549, 561, 576

Донков, гор. 330

Дон Малый, см. **Донец Северский.**

Донская Казачья республика, 340, 523-525, 527, 538, 548, 551, 552, 555, 556, 558, 575, 577, 584

Донских Казаков Земля, 183, 330, 335, 336, 405, 417, 418, 424, 426, 435, 438, 443, 486, 525-527, 531-533, 535, 537, 540-543, 545, 555, 570, 572, 581

Донцы, нар. 256, 323, 336, 341, 346, 348, 376, 405, 419, 423, 464, 486, 526, 529-531, 534, 536, 538-540, 543-545, 550, 555, 560-562, 566, 570, 576-578, 580, 581

Древляне, племя 202

Дремайловка, р. 344

Дроздово, каз. деревня 460

Дромиты, 138, 139, 141, 145, 147

Дромос Ахиллеса, 138,

Дублянчицы, каз. деревня 460

Дулицкие, каз. деревня 460

Дуна, р. см. **Дунай**

Дунай, р. 33, 36, 58, 59, 67, 71, 75, 81, 88, 97, 100, 106, 113, 114, 155, 160, 200, 239, 247, 248, 269, 498, 501, 568

Дядьков Божский, гор. 266

Евксинопонт, море 137, 482

Евпатория, гор. 173

Евреи 68, 352

Европа 10, 32, 43, 51, 58, 61, 72, 83, 85, 95, 97, 103, 110, 147, 148, 154, 169, 172, 179, 181, 191, 199, 204, 205, 207, 257, 261, 269, 286, 287 463, 465, 475, 480, 487, 496, 505, 514, 519, 521, 524, 584
Европейцы, 552
Египет, 261
Егорлык, р. 25
Елец, гор. 330
Елизаветовская, станица 228
Елмазов, местечко 459
Епифанский уезд, 392
Епифань, гор. 330
Еруслан, р. 263
Ефрат, р. 201

Жванчик, р. 356
Жемойдь, нар. 299, 382
Жигули, г. 15, 77, 129
Житомир, гор. 493

Забаши, море 226
Заволжье, 27
Задонщина, 83, 84, 141, 163
Закавказцы, 26, 31
Закавказье, 22, 23, 25, 66, 70, 74, 75, 100, 256, 291, 530
Замык, гор. 374
Заполье, 255, 295
Запорожцы, нар. 230, 233, 250, 251, 285, 298, 299, 311, 316, 322, 323, 333, 351, 357, 359-361, 363, 364, 366, 370, 371, 373, 376, 379, 383, 387, 390, 448, 451-453, 456, 457, 461, 462, 464, 467, 470, 475, 477-480, 484, 490, 491, 493-496, 499, 500, 504, 506, 507, 509, 512-514, 516, 520, 524, 527-530, 533, 534, 536, 540, 550, 556, 560, 561, 567, 575-578, 580
Запорожье, 315, 316, 346, 374-376, 378, 384, 418, 467, 487, 488, 494, 496, 497, 508, 509, 522, 525, 548, 550, 554, 575,
Заслав, гор. 364
Звонец, порог, 375
Земля Запорожских Черкасов, 362, 449, 454, 458, 459, 473, 475, 516
Земщина, часть Московии 410, 411
Зихи, см. **Адыгейцы**
Зихия, 75, 171, 172, 183
Зливки, могильник 204
Злочев, гор. 488
Змиев, городище 100
Золотая Орда, 8, 92, 93, 237, 259, 260, 264, 266, 271, 275, 288, 289, 292, 310-313, 316, 319, 324, 333, 344, 364, 373, 391, 416, 422, 432, 524, 528, 584
Забаши, море, 226
Заволжье, 27
Задонщина, 83, 84, 141, 163
Закавказцы, 26, 31
Закавказье, 22, 23, 25, 66, 70, 74, 75, 100, 256, 291, 530
Замык, гор. 374
Заполье, 255, 295
Золотоноша, гор. 390
Зотовский городок, 347

Иберийцы, нар. 11, 151
Ивановский городоч, 347
Ивань, озеро 569
Изборск, гор. 533
Измаил, гор. 482
Изюм, гор. 250, 548
Изюмский путь, 330
Иллирийцы 36
Иловатка, село 263
Иловля, р. 66, 75, 104, 174, 258, 295
Илурат, гор. 39, 223
Ингельхейм, гор. 136
Ингул, р. 350
Ингулец, р. 295, 350, 376
Ингульская паланка 473
Ингур, р. 350
Иран, 19, 151
Иранцы, 46, 123, 151, 154
Ирон, осетин. племя 42
Иртыш, р. 444, 445

Исайки, каз. деревня 460
Искер, гор. 440, 441, 443-445
Ислам Кермень, гор. 316, 367, 377, 457, 490
Испания, 44, 151
Итиль, р. 229
Ишкил, племя 76. 79, 80, 168

Кабановский замок, 100
Кабарда, стр. 54, 92, 127, 182, 183, 253, 258, 353
Кабарди, поселение 226
Кабардинцы, 54, 80, 85. 90-93, 101, 109, 162. 174, 175, 180, 182, 183, 192, 258, 354, 366, 367, 407, 481, 524, 527, 530, 540, 550, 572, 573, 575
Кабары, см. **Кабардинцы**
Кавказ, 9, 17, 18, 21, 22, 23, 26-28, 31, 34, 35, 42, 44, 48, 51, 52, 54-57, 59, 60, 62, 65-67, 70, 71, 80, 81, 90, 91, 95-97, 105, 115, 123, 124, 126, 130, 131, 135, 153, 155, 168, 181-183, 198, 201, 212, 233, 235, 237, 243, 247, 256, 258, 283, 290,-293, 297, 302, 319, 329, 339, 351, 353, 354, 369, 387, 407, 408, 422, 450, 478, 480, 481, 484. 486, 525, 527, 530, 534, 536, 572-574, 576
Кавказские горы, 257, 300, 402
Казава, гор. 227
Каза дель Троси, поселен. 226
Казак, гор. 227
Казаки, народ 8, 9, 13, 14-18, 20-22, 36, 37-50, 53, 75, 92, 93, 149, 151, 171, 180-182, 184, 185, 201, 205, 206, 221, 222, 227, 233, 234-237, 242, 249, 250-252, 256-258, 260-164, 268-272, 279, 281, 283, 286, 287, 290, 291, 293, 294, 298-304, 309-311, 315, 320, 322-324, 330-333, 337, 345-347, 351, 352, 354, 355, 360, 364, 366, 374, 393, 398-402, 404, 416, 420, 426, 427, 431, 433, 435, 436, 438, 440, 444 447, 449, 452, 477, 485, 486, 505, 518, 519, 521, 524, 535, 536, 547-549, 551, 567, 570, 574, 576-578, 580, 583-586
Казаки Азовские, 220, 258, 292, 297, 302-308, 312, 325-330, 333, 335, 338, 339, 341-343, 346, 350, 402, 523, 524
Казаки Белгородские, 274, 307, 310-312, 322, 325-328, 330, 333, 335, 338, 339, 343, 402, 524
Казаки Бродники 297, 391
Казаки Волжские 349, 436
Казаки Вольные, 289, 305, 308, 312, 330, 332, 333, 335, 407, 416-418, 432, 433, 435, 447, 484, 547-549, 550
Казаки Городецкие, 330
Казаки Горские, см. **Казаки Гребенские.**
Казаки Гребенские, 258, 353, 354, 392, 436, 530, 573
Казаки дворяне, 318, 449, 454
Казаки дети боярские, 412
Казаки Днепровские, 258, 276, 284, 285, 295-297, 312, 313, 316, 325, 328, 349, 356-362, 365-373, 375 379, 383, 384, 387, 389, 390, 453, 454, 456, 458, 461, 462, 464, 475, 476, 478,-480, 483, 487-489, 491-494, 496-499, 501-504, 506, 508, 509, 512, 513, 515, 516, 520, 521, 526, 529, 533, 540, 566, 576, 581
Казаки Донские, 258, 276-278, 330, 331, 337, 338, 342, 347 349, 354, 391, 392, 400, 404, 405, 407, 412, 415, 417, 419, 421-425, 432, 434-436, 477, 523, 525-528, 531, 533-535, 537-544, 545, 552, 554, 555, 557, 559, 562, 564, 566, 569, 570, 576, 581
Казаки Запорожские, 314, 318, 357, 359, 380-382, 386, 417, 419, 421, 448, 450, 451, 463, 465-467, 470, 471, 473,571, 577
Казаки Кавказские, 292, 481, 573

Казаки Крымские, 292
Казаки Кубанские, 566
Казаки купцы, 362, 475
Казаки магометане, 308, 355, 465
Казаки мещане, 362, 363, 449, 495
Казаки Мещерские, 349
Казаки мореходы, 369, 480, 572, 579
Казаки Муганские, 75
Казаки Ордынские, 281, 288, 289, 300, 301, 303, 305, 312, 314, 319, 320-322, 326, 333, 402, 419, 420, 432, 465, 473, 524, 547, 584
Казаки Перекопские, 274, 310, 312, 314, 316, 317, 322, 333, 357, 372, 374, 402, 448, 449, 452, 462
Казаки помещики, 318, 412
Казаки Путивльские, 360, 412
Казаки-путкалы, 269
Казаки Пятигорские, 258, 314, 319, 323, 450
Казаки Русские, 321, 323
Казаки Рязанские, 279, 280, 288
Казаки Северюки, 325, 328, 330, 348, 384
Казаки селяне, 363, 449, 493 495
Казаки Слободские, 284
Казаки Служилые 320, 321, 324, 330, 345, 365, 391, 392, 394, 395, 397, 403, 406, 407, 409, 411-414, 418, 419, 427, 429, 430, 433, 453, 539, 540, 545, 547, 551, 575
Казаки Терские, 349
Казаки Уральские, 569
Казаки Черкасы, 257, 282, 283, 350, 419, 473, 507, 533
Казаки Яицкие, 250, 254, 349, 436, 570, 572, 573
Казань, гор., 319, 327, 367, 385, 390, 402-404, 416, 420, 425, 427, 429, 570, 581
Казанское царство, 275, 406, 446, 525
Казар, стр. 15, 30, 34, 52, 55, 60, 61-63, 65, 66, 69, 71, 74-79, 81, 84, 86, 89, 105, 106, 110, 113, 119, 122, 129-132, 142, 147, 163, 166 - 170, 175 - 178, 185, 195, 196, 200, 202, 205, 206, 208, 233, 253, 261
Казария, см. **Казар**
Казаровцы, 66, 157, 179, 210, 216, 253
Казары, 15, 17, 33, 34, 52-55, 60-65, 67, 69, 72, 75, 77, 78, 86, 91, 105, 106, 108, 111, 119, 121, 122, 129, 131, 140, 148, 157, 160, 162-165, 169, 178, 179, 180, 183, 186, 196, 199, 200, 205, 210-212, 218, 220, 225, 232, 237, 251-253, 258, 344, 531
Казах, гор., 183, 201
Казах, стр. 258
Казахи Тюрки, 18, 21, 54, 275, 570
Казачий городок, 524
Казачки Донские, 563, 564, 566
Казачки Запорожские 567
Казачья речка, 271
Казыев улус, 527, 532, 541, 545
Казягъ, см. **Касаги**
Кажарозцы, см. **Казаровцы**
Кайдак, днепр. порог 375
Кайсаки, см. **Казахи Тюрки**
Калак, р. см. **Калка**
Калка, р. 80, 91, 183, 221, 256, 257
Калмыки, нар. 421
Калужский уезд, 320
Кальмиус, р. 91, 250, 487, 561
Кальмиусский путь 330
Кама, р. 61, 71, 427-429, 434, 436, 438, 441, 525, 570
Камбридж, 386
Каменец, гор. 266, 268, 568
Каменица, р. 491
Каменка, р. 376

Каменный Пояс, 427
Каменская станица, 101
Камышенка, р. 435
Канев, гор. 210, 234, 316, 329, 358, 360, 366, 372, 373, 383, 386, 456, 459, 463, 465, 488
Каневский монастырь, 457
Карабутский замок, 100
Каракор городок, 343
Каркинитский залив, 138
Карпаты. горы 32, 261, 265
Карповский городок, 347
Карт-Казак, селение 314
Карфаген, 74
Кархе, см. **Керчь**
Касаги, нар. 22, 41, 57, 91, 157, 164, 165, 178-183, 185, 186, 205, 218, 235, 251, 344, 350, 583
Касак, гор. 74
Касак, гора 10, 11
Касак Земля, 9, 10, 31, 41, 50, 52-57, 76, 91, 93, 105, 115, 132, 133, 147, 165 172-174, 176, 178-180, 190, 191, 208, 215, 216, 220, 225, 226, 235-237, 252, 256, 257, 259, 292, 295, 300, 302, 306, 308, 339, 341, 350, 574
Касаки, 12, 13, 14-22, 25-29, 31, 33, 41, 54, 57, 108, 130, 147, 168, 169, 174-176, 179, 180, 182, 185-187, 190, 199, 202, 205, 210, 212, 215, 220, 230, 261, 301, 518, 583
Касаки-туранцы, 519
Касакос, 9, 20, 53
Касахи, 53, 235
Касахия, стр. 9, 10, 18, 20, 31, 41, 52, 54, 57, 76, 91, 143, 172, 173 178, 180-183, 235, 258, 350, 353
Касимов, гор. 283, 319
Касоги, см. Касаги
Каспийское море, 23, 42, 44, 65, 71, 72, 155, 223, 235, 256, 291, 354, 481, 486, 523, 530, 570, 572
Каспийско-Черноморская равнина, 576
Кассак, 20
Каталунские поля, 58
Кафа, гор. 270, 271-273, 289, 302, 309, 342, 352, 360, 423, 424, 523, 530, 539, 544 560
Кахетия, стр. 75
Качалинская станица, 434, 435
Кашира, гор. 319
Кельты, нар. 11, 151
Кергедень, креп. 438
Керченский полуостров, 66, 166, 177, 191, 208, 223
Керченский пролив, 39, 171, 172, 177, 225, 561
Керчь, гор. 25, 35, 72, 173, 174, 188, 190-194, 211, 218, 223, 309, 317, 487, 531
Кесарея, обл. 39, 40, 71, 169, 177
Кешек (Кешак), 54, 182, 183
Киев, гор. 9, 22, 31, 70, 72, 80, 106, 121, 130, 140, 166-171, 173, 175-177, 185-196, 198, 199, 208, 209, 214, 216, 218, 230, 233, 237, 238, 240-242, 253, 258, 259, 276, 284-286, 294, 314, 372, 395, 451, 465, 476, 494, 514, 574
Киево-Печерский монастырь, 194-196
Киевская Русь, 140, 152, 157, 195, 198
Киевское воеводство, 459, 461
Киевщина, 449, 475
Кизикермень, гор. 378
Кизилташский лиман 171, 173
Килия, креп. 498
Кимбры, нар. 283, 354
Киммерийцы, 25, 177
Киргизы, 18, 21, 275
Кирилловский монастырь, 398
Китай, 421
Клоцки, каз. дер. 460
Кляпеч, гор. 314
Княгинин, днепр. порог 375
Кобудь Городец, 266
Кобяково городище, 218

Ковыла, гор. 314
Кодацкая паланка, 473
Кодковское городище, 100
Козаки, см. **Казаки**
Козаники, каз. дер. 460
Козлов, гор. 330
Кок Орда, 430
Кокуй городок, 440
Колокша, гор. 214
Коломна, гор. 319
Колхида, стр. 42
Комарицкая волость, 412
Комольшинский замок, 100
Конка, р. 374
Конкор, крепость 438
Конотоп, гор. 369, 390, 458
Консенция, гор. 63
Конская, р. 295
Конские воды, р. 366
Константинополь, 68, 136, 138, 139, 140, 227, 286, 301, 352, 482, 530
Копа (Кубань), р. 226
Кордюково, пос. 354
Коробовский замок, 100
Коротояк, гор. 59, 95
Короча, р. 100
Корсунь, гор. 119, 166, 232, 238, 314, 316, 459
Корчев, см. **Керчь**
Коссайи, см. **Коссахи**
Коссайхи, см. **Коссахи**
Коссаки, 13, 19, 20, 22, 75, 201
Коссахи, 9, 13, 19, 22, 75, 201, 517, 583
Костенец, каз. дер. 459
Костенки, сел. 218
Кострома, гор. 303, 438
Котала, сел. 226
Кошлаково ущелье, 253
Краков, гор. 370, 457, 496
Крапивное, местечко 460
Красная речка, 173
Красные Горы, 279
Красный маяк, 173
Красный остров 173
Кременчуг, гор. 456
Кремни, эмпориум 95
Кривичане, племя 145, 202
Кричев, гор. 312
Крутицы, гор. 287
Крылов, местечко 459
Крым 49, 54, 65, 100, 110, 111, 114, 137, 139, 156-158, 160, 163, 166, 177, 226, 260, 268, 270, 271, 273-276, 294, 301-305, 309, 311, 312, 314, 316, 326-328, 344, 348, 354, 360, 361, 364, 365, 369, 376, 378, 379, 383, 395, 406, 412, 417, 422, 423, 425, 426, 449, 457, 462, 463, 478, 479, 489, 490, 496, 525, 530, 538, 539, 561, 568
Крымское ханство, 290, 452, 462, 473
Крым Стамбул, 309
Крымцы, 335, 345, 360, 365, 367, 378, 413, 417, 479, 523, 536, 540, 545, 559, 560
Крышин, каз. дер. 459
Куба, обл. 353
Кубань, край 39, 54, 71, 219, 220
Кубань, р. 21, 22, 23-25, 37, 52, 55, 66, 115, 119, 124, 171, 172, 219, 226, 258 295, 341, 350, 352, 573
Куликово Поле, 276, 277, 402, 403
Кума, р. 295
Куманы, нар. 137, 220, 267
Кунзумское море (Каспий), 535
Кура, р. 19, 20, 75
Курман Яр, городок 343
Курск, гор. 9, 165, 187, 190, 198, 208, 214, 216, 234, 412, 413, 415, 420
Кустандини, 67
Кустовая, р. 460
Куяба, гор. 141, 142
Кызылбаши 436
Кыпчаки (Половцы), 17, 70, 103, 108, 123, 128, 147, 165, 191, 199, 216 219, 256, 419
Косоги быдыр (равнина Казах), 235

Ладожское озеро 194
Ланцкорунь, гор. 356
Латки, каз. дер. 460
Лебедянь, гор. 330
Лензинины 145
Ливны, гор. 330, 418
Ливония, стр. 432-435
Лисий остров, 228
Листвен, гор. 165, 186, 187, 200, 207, 257
Литва, нар. 336, 337, 382, 446, 521, 567
Литва, стр. 147, 152, 218, 265, 268, 269, 271, 281, 284, 287-289, 292, 295, 297, 300, 303, 310-312, 314-319, 322, 324-329, 343, 344, 349, 356-359, 362, 364-372, 374, 378-389, 400, 422, 433, 434, 448-451, 453, 454, 458, 462, 463, 465, 481, 491, 494, 507, 509, 511, 515. 520, 526, 528, 529, 533, 537, 539, 567, 575, 576, 578, 584
Литовцы-Пруссы 11
Ломикозинцы, каз. дер. 460
Лондон, 302, 329, 381, 572
Лоханной, днепр. порог 375
Лубны, гор. 390
Луга, гор. 400
Лука Замора, 570
Лух, гор. 281
Луцк, гор. 311
Лыки, каз. дер. 460
Лычка, днепр. порог 375
Львов, гор. 311, 452
Люблин, гор. 386
Любомир, слоб. 460
Ляхи, 258, 285, 480. 506 508

Маврокастрон, митрополия 138, 156, 157
Маджар, 69
Мадьяры, 31, 91, 98, 130, 131, 199
Малая Азия, см. **Азия Передняя**
Малая Россия, см. **Россия Малая**
Малая Соль, гор. 443
Малоросса, 173
Малороссияне, 236
Малые Готы, 116
Малый Дон, см. **Донец Северский**
Мангыты нар. , 276
Мандзяла, местечко 460
Маныч, р. 23, 168, 532, 535
Манычская станица, 532
Мапопа, гор. 226
Мардат, см. **Мирват**
Массагеты, нар. 23, 43
Матарха, гор. 173, 226
Матрига, см. **Матарха**
Мациевичи, посел. 509
Маяцкое городище, 59, 95-101, 109, 113, 117, 160
Медведица, р. 75, 104, 174, 216, 257, 258, 261, 262, 266, 267, 279, 295, 344, 347, 559
Мезия, 58-60, 116
Меловое городище 374
Меотида, 21, 35, 37, 40, 76, 172, 178, 352, 568
Меотийское озеро, 42, 46, 89, 106, 148, 172, 252
Меото-Казары, 313, 486
Меоты, 25, 26, 30, 56, 115, 531
Мертвое море, 148, 252
Мерула, прит. Кубани 352
Меря, нар. 69, 202, 336
Мерянская область, 143
Месопотамия, 83
Мещера, 69, 329, 426
Мидия, 19, 21, 201
Микитино урочище, 374
Минск, гор. 382
Мирват, нар. 15, 86, 88-93,101, 109, 112, 114, 132, 174, 175, 180, 183
Миргород. 459
Мирмекий, 39, 223
Мисайловка, каз. дер. 460
Миус, р. 91, 92, 226, 487
Михайлов, гор. 330
Михайлово городище, каз. дер. 460
Можайск, гор. 369

Молдаване, нар. 370
Молдавия, 316, 318, 319, 365, 370, 457, 488-490, 495, 496, 505
Монастырский городок, 92
Монастырский остров, 367, 374
Монастырское урочище, 93, 192, 529
Монголия, 313
Монголо-Татары, 257, 259, 260, 288, 296, 297, 308, 314, 325, 341, 347, 354
Монголы, 45, 80, 152, 221, 254, 256, 270, 301
Моравия, 119
Мордва, нар. 69, 255, 280, 326, 336
Морской Чулек, каз. хутор 350
Москва, 172, 237, 250, 253, 267, 276-279, 282 286, 288, 289, 302-308, 312, 316, 317, 319, 321-327, 329, 330, 335 337, 341-345, 348, 352, 353, 356, 359, 361, 365-368, 369, 370, 385, 392, 394, 395, 404-408, 412-414, 417, 419-422, 425, 427, 429, 430, 432, 434-436, 438, 442 445, 452, 454, 456, 462, 479, 493, 496, 502-504, 520-523, 525 528, 530-533, 536-539, 542, 544, 546, 547, 550, 560, 570, 572, 574, 576-578, 580
Московиты 302, 383, 422, 427, 520, 533, 538, 548, 470
Московия, 287, 288, 292-295, 300, 305, 316, 323, 328, 329, 331, 342, 345, 349, 359, 368, 382, 385, 392, 393, 402, 403, 409, 416, 420, 426, 434, 446, 447, 449, 453, 462, 493, 504, 516, 524, 525,, 527, 528, 533, 536, 547, 548, 550, 584
Московский уезд, 320
Мохначевское городище 160
Мугальская земля, 421
Мужинцы, каз. дер. 460
Муравский путь, 330
Муром, гор. 137, 187, 188, 190, 191, 208, 214, 216, 256
Муромская земля 283
Мухначевский замок, 100

Нагавская станица, 420
Нагайские степи, 290
Нагайцы (Ногаи), нар. 149, 276, 327, 330, 335, 345, 347, 348, 406, 423, 432, 433, 435, 445, 448, 479, 523, 539, 541, 560, 570, 573
Напиты, нар. 42
Напрасники, каз. дер. 460
Наручадь, гор. 275
Нарым, гор. 442
Натолия см. **Анатолия**
Нежатина Нива, пос. 209
Нежегольский замок, 100
Нежин, гор. 359
Нежинский поселок, 27
Некрасовцы, 171, 337, 566
Нендры, см. **Венендры**
Немцы, 410, 446
Непрядва р. 277
Неясытец, днепр. порог 375
Нижне-Курмоярская станица, 420
Низ Запорожский, 295, 340, 350, 357, 261, 372, 376-379, 383, 386, 390, 448, 449, 452-455, 458, 462-467, 469, 471, 473 475, 478, 479, 488, 489, 491, 493-496, 505-508, 510, 512, 516, 519, 520, 522, 523, 528, 529, 554, 575, 576
Низовцы, 488, 493, 494, 508, 509, 512, 519

Новая Россия, гор. 128, 157
Новгород Великий, 121, 137, 141, 143, 166, 186, 187, 190, 194, 207, 286, 400, 427
Новгородцы, 337
Ново-Гладково, поселок 354
Ново-Зыбков, гор. 415
Новониколаевская станица, 226
Новороссия, 138
Новосиль, гор. 330
Новый Пазар, гор. 60, 97
Новый Черкасский город, 484

Норманны, 11, 22, 47, 48, 50, 72, 98, 136, 137, 139, 145, 147, 152, 286, 445, 568

Обезы, нар. 180
Облутицы, гор. 269
Общий Сырт, возв. 569
Обь, р. 393, 428, 430
Овечьи Воды, р. 383
Овсы, см. **Осетины**
Огузы (Туркмены), 66, 77, 123-125, 127-129, 132, 168, 191, 199, 248, 272, 275
Ока, р. 15, 36, 71, 129, 142, 258, 263
Олеховец, каз. дер. 460
тор 460
Ольвия, гор. 184
Ольшанка, р. 491
Орел, гор. 415, 420
Орель, р. 473
Оренбург, 27, 575
Орша, гор. 325
Осетины, 42, 50, 53, 54, 152, 154, 168, 182, 183, 235
Осетия, 42, 61, 127, 153
Осилы, нар. 41
Оскол, гор. 549
Оскол, р. 41, 100, 101, 216, 227, 328, 417, 549
Остготы 42, 58, 154, 486
Острицкий на Узеню, каз. ху-хутор 460
Острог, гор. 451
Острогожск, гор. 284
Остроготы, см. **Остготы**
Остяки, нар. 428, 429, 439, 441
Отоманская Порта, стр. 271, 290
Очаков, гор. 269, 294, 309, 360, 365, 480, 486, 487, 503

Павлово ущелье, 253
Павловский посел. 347
Паволочь, обл. 491
Пайнил, казарск, казв. Печенегов 132
Паленичинцы, каз. дер. 460
Паннонцы, 36
Панский Млынок, хутор 460
Пантикапей, гор. 25, 39, 174, 223, 224
Папаги, племя 183
Папагия, обл. 76, 119
Парфия, стр. 23
Пезо, гор. 226
Пекарское, каз. дер. 459
Переволока волго-донская, 72, 279, 344, 347, 406 420
Перекоп, гор. 498
Перекоп Крымский, 157, 314, 315, 347, 365, 367, 419, 490, 501, 502
Перекоп на Иртыше, 444
Перендеи, нар. 175
Переяслав, гор. 190, 194, 198, 199, 210, 213, 232, 240, 386, 390, 459
Переяславль Рязанский, 278, 279
Переяславское старостве, 473
Пермия, обл. 428, 438
Пермь, гор. 429, 436, 438
Персия, 19, 31, 92, 291, 302, 351, 354, 436, 481, 489, 530, 573
Персы, 8, 9, 18, 22, 41, 53, 68, 69, 85, 88, 131, 141-143, 221, 261, 323, 273, 530
Песьи Кости, гор. 314
Петухи, каз. дер. 460
Печенеги, нар. 14, 15, 17, 22, 52, 55, 77, 89, 91, 108, 112, 118, 123, 129, 130-134, 160-163, 167, 168, 174, 180, 191, 199, 203, 215, 220, 232, 237, 239, 245-248, 255, 261, 262, 566
Печенежские горы, 15, 142
Печерьский монастырь, 192
Пилипча, слобода 460
Пименов Дуб, урочище 253
Пиньчуки, каз. дер. 460
Пирятин, гор. 390
Пищиково, каз. дер. 460
Побужье, 267, 269
Поволжье, 28, 29, 42, 43, 51, 124, 204, 262, 420
Подлысенковский замок, 100
Поднепровье, 296, 376

Подолье (Подолия) 266 269, 276, 295, 311, 314-316, 363, 378, 461, 465, 475, 491, 503-506
Подонье, 37, 46, 50, 76, 80, 106, 150, 171, 176, 177, 198, 201, 204, 205, 207, 215, 259, 266, 296, 377
Подпольная, р. 374, 470
Подунавье, 269
Полесье, 388, 505, 507
Политотделское, село 263
Половцы, нар. 14, 17, 69, 70, 80, 103, 118, 123, 128, 137, 147, 148, 150, 151, 165, 170, 191, 197, 199, 200, 203, 205, 209, 210, 213 217, 219, 221, 225, 228-230, 238-242, 244 248, 255, 257, 259, 276, 296, 301, 419, 568
Полоцк, гор. 137, 385, 435
Полтава, гор. 390
Полузора, р. 460
Польско-Литовское королевство, 359, 368, 382
Польша, 233, 265, 269, 285, 292, 293, 299, 311, 315, 316, 318, 327, 346, 358, 364, 369, 372, 377, 378, 380, 381, 383, 384-386, 388, 422, 423, 449, 450, 452, 453, 455, 458, 462, 488, 492, 494 495, 497, 502, 503, 506, 509, 512, 515, 522, 528, 533, 566, 575, 576
Польша Малая, 356
Поляки, 152, 174, 233, 284, 294, 298, 299, 382, 387, 389, 390, 421, 449, 451, 452, 475, 477, 492, 493, 506-508, 513, 516, 521, 529, 567
Понт, 25
Попов, хутор 133
Поросье, 240, 242, 245, 246, 276, 372, 464
Поросяне. Порсяне, Поршане, 230-232
Посулье, 148, 166, 448, 464
Потайновский хутор, 218
Похорь, р. 279
Почапские волости, 383
Правобережная крепость, 204
Прага, столица 381
Предкавказье, 28, 40, 48, 179, 573
Приазовье, 26, 32, 34-37, 49, 50, 52, 54, 55, 59, 60, 76, 96, 106, 121, 147, 148, 151, 152, 157, 158, 165, 167, 170, 172, 174-176, 201, 202, 205, 206, 216, 218, 223, 225, 229, 258, 295, 302, 339, 341, 574
Приазовская Русь, 32, 156-158, 172, 173
Прибалтика, 218
Прикамье, 435
Прикаспий, 27, 78, 79
Прикубанье, 124, 481
Прилуки, гор. 390
Приуралье, 124
Пронск, гор. 330
Пропасное городище, 374
Протовчанская паланка, 473
Протока кубанская, 115
Протока черкасская, 419
Пруссия, 147
Псёл, р. 314, 325, 329, 350, 366 384, 390, 575
Пустыни Воронежские, 523
Пустыни Харьковские, 523
Пустыня Наднепрянская, 365, 451, 459, 522, 529
Путивль, гор. 285, 327, 329, 330, 369, 395, 412, 413, 415
Пясечна, слоб. 460
Пятигорские Славяне, 392, 534, 536
Пятигоры, нар. 200, 234, 283, 353, 454, 481, 486, 504
Пятигорье, 9, 52, 127, 182, 253, 258, 281, 283, 292, 295, 350, 352, 353, 387, 572, 573
Пятка, посел. 493, 505

Радимичи, племя 166
Радогощ, гор. 383
Раздорская станица, 532

Раздоры Верхние, 539, 543
Раздоры Донецкие, 346-349, 532, 533, 540, 541, 543-545, 554, 555, 557, 558
Райтков, каз. дер. 459
Регенсбург, гор. 496, 498, 503
Рейн, р. 46
Речь Посполитая, 384 386, 432, 449-451, 458, 466, 467, 481, 491, 492, 494, 496, 512, 521, 533, 577
Решоты, каз. дер. 459
Риза, гор. 577
Рим, 25, 74, 137, 207, 208, 513-515
Римляне, 25, 26, 33, 39, 40, 58, 62, 252
Римская империя 58, 149, 151
Родос, остр. 212
Роксоланы, нар. 154, 251, 298
Романов, волость 512
Романов, гор. 319
Ромеи (византийцы). 40, 115, 199
Ромны, гор. 314, 390
Росия, гор. 226, 228
Росомоны, готск. племя 135--137
Росса, остр. 173
Россафор, маяк 173
Российская империя, 447
Россия, 16, 24, 32, 37, 70, 114, 137, 144, 147, 151, 152, 172, 173, 181, 182, 236, 250, 253, 269, 283 - 285, 289, 293, 295, 308, 322, 328, 331, 359, 360, 375, 399, 412, 414, 418, 423-425, 427, 428, 442, 443, 447, 450, 452, 481, 484, 507, 523-527, 530, 533, 535, 539, 545, 553, 572
Россия Западная, 381, 493
Россия Малая, 190, 235, 250-252, 257, 311, 358, 368, 369, 376, 406, 453
Ростов на Дону, гор. 192, 532
Ростов Суздальский, 137, 141, 143, 188
Ростовица, р. 491
Росы, см. **Русы**
Рось, р. 230, 232, 295, 314, 329, 358, 374, 448, 452, 453, 460
Руда, каз. дер. 460
Рум, 52
Румийцы, см. **Ромеи**
Руса, гор. 303
Русин-Казак, 360
Русины-Украинцы, 389
Русская возвышенность, 88
Русские, нар. 122, 135, 154, 220, 221, 227, 233, 235, 254, 277, 280, 294, 299, 320, 331, 342, 343, 345, 352, 385, 392, 410, 413, 419, 424, 432, 433, 436, 451, 573
Русские Евреи, 323
Русские Казаки, 323
Русские Немцы, 323
Русские Татары, 323
Русы, 22, 33, 48, 69, 80, 89, 106, 114, 119, 121, 135-143, 145, 148, 153, 155-158, 160, 163, 167, 170, 172, 180, 185-187, 190, 191, 199, 205-208, 216, 220, 223, 237, 239, 247, 248, 256, 257, 259-261, 265, 267, 289, 299, 314, 323, 331 336, 344, 375, 458, 491, 528
Русы Дромиты, 138-140
Русы Норманны, 323
Русь, 9, 29, 33, 37, 70, 78, 80, 106, 115, 119, 121, 136, 137, 139, 143-145, 147, 150, 156, 165, 166, 172, 173, 178, 187, 188, 190, 194-197, 199, 200, 202, 207, 212-214, 215, 216, 219, 229, 230, 233, 235, 238-242, 244, 247, 254-256, 259-261, 263, 266, 276, 280, 282, 284, 286, 294, 304, 306, 313, 320, 326, 329, 337, 341, 344, 346, 350, 353, 356, 360, 364, 370, 380-382, 391-393, 397, 400, 401, 403, 405, 409, 417, 419, 430, 445, 464, 523-525, 537, 551, 566, 567, 570, 574, 576, 578
Русь Литовская, 374
Русь Таврическая, 157
Рута, р. 142
Рутены 249, 283, 299
Рыгинское городище, 101

Рязанская земля, 276, 391
Рязань, гор. 165, 187, 188, 190, 191, 208, 214, 216, 279, 327, 342
Ряжск, гор. 330, 532, 545

Савиры, 37
Саврань, местечко 491
Сагины, 20, 40
Сакалибы, 29, 74, 76
Саканы, 20
Сакарауки, 23
Сакасена, обл. 19, 20, 23
Саки, нар. 18-21, 23, 24, 30, 40, 74, 201
Сакины, 40
Саклаб, 15, 88
Сал, посел. 314
Сал, р. 86, 100, 112, 132-134
Салаба, гор. 142
Салтания, стр. 291
Салтово, 14, 59, 95-100, 101, 104, 109, 113, 117, 155, 219
Салтовское городище, 160
Салтовцы, 86, 104, 106, 107, 109, 111-114, 118, 119, 122, 160, 162-165, 176, 179, 185, 204, 206, 207, 217
Сальские степи, 132
Самандьяр, см. **Семендер**
Самара, р. 295, 463, 487, 561
Самбата, гор. 71, 72, 76, 86, 121, 140, 166
Самоеды, нар. 428, 429
Самсун, гор. 484
Санкорси, гор. 226
Сапожков, гор. 330
Сарай, гор. 275, 276
Сарайчик, ханская ставка 570, 572
Саратов, гор. 435
Сарацины, нар. 84
Сарир, стр. 52
Саркел (Белая Вежа), 14, 55, 72, 76, 86, 101, 105-107, 109, 110, 112, 114, 133, 150, 167, 168, 188, 204, 217, 218, 228, 229, 247, 248
Сарматия, 296 298, 299, 328
Сарматы, 41, 45, 46, 50, 115, 124, 232
Сарское городище, слоб. 460
Сары Азманы, племя 103, 227, 334-339, 343, 346, 363, 375, 395, 529, 532
Сатанов, мест. 505
Сахи, см. **Саки**
Свияжск, гор. 319
Священная Римская империя, 496, 520
Севастополь, гор. 271
Север-Глинщина, 325, 330
Северский Донец, см. Донец Северский
Север-Сульский, 306, 308, 330, 372, 384, 461
Северщина, 312, 326-329, 334, 350, 382, 524, 559
Северы, 33 35
Северяне, 33, 71, 75, 104, 106, 114, 166, 186, 188, 202, 215, 229
Севрюки, 330-333, 335, 343, 345, 349, 372
Севск, гор. 412, 413
Селивончицы, каз. дер. 460
Селище, каз. дер. 459
Семендер, гор. 65, 71, 110
Семерехов, каз. дер. 460
Семикаракорский замок, 100
Семмачи, обл. 291
Сербии (Сервии), 20, 33, 35, 37
Сербия, 288
Серебрянка, р. 440
Серпухов, гор. 319, 545
Сибирский путь, 440
Сибирское царство, 429, 432, 438, 440, 445, 446
Сибирь, 222, 426, 429, 434, 436-438, 441-443, 445-447, 525
Сиваш, озеро 35
Сидорчицы, каз. дер. 460
Синечь, гор. 314
Синие Воды, 267, 268
Синкопа, гор. 226
Синоп, гор. 482, 484
Синь-город, 254, 570

Синюха, р. 250, 268, 369, 452, 463
Силезия, 496
Силистрия, гор. 269
Сираки, нар. 12, 22-28, 31, 33, 108, 130
Сиракины, см. **Сираки**
Сирийцы, 84, 90, 91, 101, 135
Сирия, 84, 89, 90, 97, 114, 163
Сиротынино, каз. дер. 460
Ситакены, 35
Сич Бузулуцкая, 463
Сичевая Казачья республика, 340, 390, 452, 470, 478, 497, 503, 505, 511, 519-522
Сичи Запорожские, 250, 252, 338, 372, 459, 467, 470, 471, 475, 478, 479, 488, 499, 506, 508, 509, 520, 554
Сич Крайчиня, 376
Сич Переволоченская, 376
Сич Томаковская, 463, 490, 498
Сич Чертомлыцкая, 463, 489, 490
Скандинавия, 49, 121, 139, 286
Скандинавы, 70, 147, 155
Сквира, волость 512
Скифия (Скуфь), 19, 23, 58
Скифополис, гор. 90
Скифы, 18, 19, 43, 45, 54, 56, 115, 130, 131 139, 202, 221
Склавиния, 85
Склавины, 76
Скнятин, гор. 314
Скробеши, каз. дер. 460
Славия, 141
Славяне, 11, 12, 14, 17, 18, 21, 22, 26, 31-34, 36, 37, 58, 59, 66, 68, 70, 72, 74, 75. 80, 81, 83-86, 97, 101, 104, 106, 109, 119, 121, 122, 130, 135-137, 142, 143, 147, 148, 155, 157, 160, 163, 164, 166, 172, 174-176. 180, 181, 193, 196, 202, 204, 205, 211, 212, 216, 219, 232, 247, 251, 255, 261, 288, 289, 307, 323, 343, 344, 409
Славяне Днепровские, 568
Славяне Дунайские, 568
Славяне Кавказские, 517
Славяне Подонские, 518
Славяне Приазовские, 518
Славяно-Казаки, 329
Славяно-Казары, 218, 219, 221, 229, 237, 244-257, 283, 323, 568, 584
Славяно-Меоты, 584
Славяно-Русы, 219, 229, 283, 315, 331, 410, 584
Славяно-Туранцы, 74
Слободка, соловецкая волость 398
Смоленск, гор. 190
Смотрич, гор. 268
Смотрич, р. 268
Снепородь, гор. 314
Сновь, р. 253
Сожец, р. 209
Соколы, гор. 434
Соловецкий монастырь, 398-400, 427
Солуница, р. 506
Сольвычегодск, гор. 428, 429
Сольдая, гор. 270, 272, 273
Сосновый, остр. 433
Спарта, 74, 79
Спасо-Прилукский монастырь, 403
Спасский на Чаще монастырь, 401
Споры, нар. 33, 35
Средиземное море, 44
Средне-Русская возвышенность, 69, 295
Ставрополье, 353, 572
Ставропольская возвышенность, 93, 133, 295
Сталинград, (Волгоград), 124
Стамбул, столица Турции 306, 344, 365, 370
Стародуб, гор. 383
Старое Поле, 115, 198, 294-301, 303, 304, 313, 324, 328, 329, 331, 333, 334, 339, 342, 344-350, 391, 393, 414, 416, 418, 420, 427, 435, 446, 463, 517, 523, 527, 528, 538

Старочеркасск, 529
Стеблиев, гор. 459
Сторожевое, посел. 218
Стрельчий, днепр. порог 375
Студенное (Белое) море, 393, 426
Суары, нар. 33, 35
Сугдея, гор. 270
Сугров, гор. 103, 245, 300
Судак, гор. 270
Суздаль, гор. 214, 256
Сула, р. 307, 308, 314, 325, 329, 350, 384, 390, 491, 506, 509, 575
Сума, соловецкая волость 399
Сунжа, р. 535
Супой, р. 390
Сурож, гор. 139, 157, 166
Сурской, днепр. порог 375
Сухолисы, каз. дер. 460
Сыльва, р. 428, 430, 436

Таборувка, волость 460, 512
Тавань, форт 378
Таволжанской, остр. 488
Таволжанской, днепр. порог 375
Таврида, см. **Таврия**
Тавриз, гор. 142
Таврика, см. **Таврия**
Таврия, 25, 138, 141, 156, 276, 295, 316, 348, 525
Тавроскифы, 138, 139, 158
Тавчавода, р. 487
Таганрог, гор. 92
Таганрогский залив, 92, 101, 183
Таганча, посел. 117, 210, 244
Тагиль, р. 440
Таманский залив, 35, 171, 225
Таманский монастырь, 192
Таманский полуостров, 110, 119, 171
Таманская станица, 40
Тамань, 17, 25, 26, 33, 35, 41, 49, 54, 66, 76, 106, 150, 155, 169, 170-174, 176, 187-196, 205, 207-212, 216, 217, 222, 223, 226, 302, 344, 487
Таматарха, гор. 54, 56, 72, 166, 167, 173, 188, 225, 226
Тамбов, гор. 415
Тана, гор. 11, 50, 52, 54, 56, 72, 115, 119, 121, 190, 193, 218, 225, 227, 228, 271, 291, 302, 518, 574, 584
Танаида, 9, 12, 20, 53
Танаис, гор. 25, 223, 228, 243, 296
Танаис, р. 43, 58, 155, 298
Танаиты, нар. Подонья 26, 33, 38, 39, 41-43, 46, 50, 51, 58, 74, 97, 155
Татаркасия, обл. 294
Татар-Тупово, ущелье 253
Татары, 8, 19, 21, 48, 57, 104, 147, 152, 153, 184, 205, 206, 227, 234, 236, 237, 251, 254, 257, 265, 277-280, 282, 287-289, 292, 294, 296, 299, 300, 302, 309, 311, 312, 314 316, 319, 320, 322, 326, 327, 329, 331, 333, 338, 343, 346, 347, 351, 352, 355, 358, 359, 366, 368, 373, 378, 383, 384, 389, 391, 392, 397, 402, 413, 416-419, 421, 422, 427, 440, 445, 448, 451, 452, 456, 465, 466, 473, 479, 480, 489, 491, 494, 498, 502, 503, 505, 507, 524, 525, 527, 533, 538, 560, 570, 584
Татары базовые, 419
Татары Крымские, 268, 270-273, 316, 330, 356, 359-360, 369, 372, 382, 395, 424, 478, 496
Татары служилые, 320, 437
Тарасцы, урочище 461
Тарки, гор. 65
Тармагно, гор. 226
Тарпарво, гор. 226
Таурус, горы 90
Тахтеи, обл. 429
Тверь, гор. 303
Тбилиси, стол. Грузии, 74, 183
Тезех, обл. 291
Темир Бугаз, крепость 353
Темников, гор. 319

Темрюк (Темрох) гор. 171, 218, 220, 226, 353
Тептыевка, каз. дер. 460
Тервинги, племя 42
Терек, р. 21, 27, 52, 53, 61, 62, 65 67, 71, 115, 221, 251-253, 256, 258, 291, 292, 295, 352, 354, 355, 404, 481, 530, 531, 535, 545, 567, 570, 572, 573, 575
Терки, гор. 573
Терклия, городище 279
Терновка, р. 374
Тетерев, р. 465
Тетракситы, гот. племя, 40, 52, 56, 176
Тзаны, нар. 131
Тигр, р. 23
Тирамбе, посел. 226
Тиритака, развал. 39, 223
Тифлис, см. **Тбилиси**
Тихая Сосна, р. 101, 276
Тихвинский монастырь, 401
Тмутараканская Русь, 25, 158, 172
Тмутаракань, 37, 156, 157, 176, 188, 207, 212, 219
Тобол, р. 428-430, 440
Тома см. **Томи**
Томаковка, остр. 376, 377, 489, 494
Томаторкань, гор. 9, 148, 170, 171, 176, 192, 193-197, 218, 223-225
Томаторкань, госуд. 17, 22, 165, 173, 178-181, 183, 185, 187, 190, 191, 198, 200-202 205, 207-210, 212-217, 220, 223, 229, 230, 237, 247, 256, 287, 301, 340, 347
Томи, гор. 11, 115, 121, 173, 188, 193, 225, 518, 574, 584
Томилово, каз. дер. 460
Томитана, епископия 177
Толучеева, р. 104
Тореты, нар. 12, 22, 26-28, 33, 130, 174, 175
Торкайс, см. **Торки**
Торки, нар. 14, 15, 23, 25-31, 54, 55, 66, 69, 70, 88, 107, 108, 118, 123-125, 127-134, 147, 167-169, 174, 175, 185, 190, 191, 199, 200, 202, 203, 205, 210, 212, 220, 227, 230, 232, 233, 235-239, 244-247, 255, 259, 261, 262, 267, 286, 301, 432, 518, 524, 566, 570
Торки-Касаки, 216, 313
Торков, мест. , 267
Торпеты, племя 233
Торча, р. 267
Торчанка, р. 267
Торчев, село 267
Торческ, гор. 230, 232, 239, 241, 242, 265, 267
Торческий Степак, село 267
Торческое взгорье, 267
Торчин, мест. 267
Торчин, село 267
Торчица, р. 267
Трансильвания, 457
Трапезиты, см. **Тетракситы**
Трапезунд, гор. 169, 482, 484, 578
Трахтемиров, гор. 316, 512
Трахтемировский монастырь, 459
Трилисы, гор. 460
Троицко- Сергиевская лавра, 400
Троки, гор. 299, 359
Тростенцы, каз. дер. 459
Трухончицы, каз. дер. 460
Трущеков, каз. дер. 460
Туалта, осет. племя 42
Тула, гор. 367, 395
Тумен, обл. 291, 572
Туники, каз. дер. 460
Тура, р. 428, 440, 442
Туран, стр. 19, 29
Туранцы, 18, 22, 26, 31, 74, 108, 130, 131, 193, 206, 221, 307
Турганрих, остр. 171
Туркестан, 124, 127
Туркмены, нар. 132, 336
Турков, гор. 311
Турки, 14, 22, 31, 88, 89, 91, 129-132, 261, 288, 290-294, 297, 300-302, 305, 308, 309, 312, 316,

318, 320, 327, 329, 333, 335, 341, 342, 345-348, 350-354, 356-360, 363, 366-368, 370, 372, 374, 375, 377-379, 383, 390, 405, 416, 422-425, 449, 452, 456, 457, 473, 475, 478-482, 484, 486, 488, 490, 491, 496, 502, 504, 514, 523 525, 527, 530, 533, 539, 544, 545, 550, 552, 560, 561, 568, 572, 573, 576, 577
Турку, племя 132
Турция, 269, 292, 293, 303, 305, 316, 317, 326, 337, 342, 344, 345, 347, 370, 378, 379, 383, 394, 423-425, 452, 481, 482, 513, 521, 522, 526, 528, 535, 536, 538-540, 545, 547, 553, 573
Тысменица, р. 295
Тышлык, р. 508
Тюмень, гор. 437
Тюрки, 31, 64, 77, 78, 180, 206, 221, 275
Тюркуто-Болгары, 76
Тюркуты, 64, 65, 73
Тягинка, городище 374
Тясмин, р. 230, 250, 295, 329, 369, 374, 425, 463, 473

Угра, р. 328, 454
Угро-Финны, 72, 442
Угры, нар. 77, 80, 131
Уда, р. 102
Удзы, см. **Узы**
Узбеки, нар. 275
Узень, р. 79
Узия, 131
Узы, нар. 12, 15, 20, 22, 25, 26-31, 33, 55, 66, 108, 123-125, 127-132, 168, 174, 175, 199, 200, 202, 205, 215, 220, 247, 248,
Украина, 235, 284, 285, 295, 296, 369, 451, 475 477, 480, 482, 483, 486, 487, 491, 503, 524
Украина Западная, 227, 311
Украина Левобережная, 511
Украина Литовская, 310, 317, 357, 384, 387, 388, 390, 450, 454, 458, 462, 473, 492, 498, 507, 513
Украина Московская, 312, 383
Украинцы, нар. 152, 276, 315, 459, 505-509, 567
Укруг, дельта Кубани 35, 171, 276
Укрух см. **Укруг**
Уле, каз. дер. 460
Уманское староство, 473
Умань, гор. 512
Умань, пустырь 491
Унава, р. 491
Урал, р. 43, 402, 569
Уральские горы, 393, 426, 427, 429-431
Уральцы, 254, 573, 574
Уртаб, гор. 142
Уругунды, 42
Уруп, р. 350
Урюпин, городок 350
Урюф, р. 252
Умань, гор. 307
Успа, гор. 23, 25
Устье у Ростовиц, каз. дер. 460
Утешков, гор. 314
Утигуры, болг. племя 54
Утцы, кавк. пл. 27

Фанагория, др. гор. 39, 223
Феррара, гор. 514
Фиуме Россо, 173
Финны, 72, 77, 80, 131
Флоренция, гор. 513, 514
Фракия, обл. 58-60, 82, 84, 90, 93
Фракийцы, 36
Франки, 11, 46, 139, 147, 261
Франция, 147, 356
Французы, 8, 286

Хаалан, р. 41
Хазария (Казар), 76, 89, 161, 162, 196, 204, 229, 255
Хазары (Казары), 14, 61, 67, 73, 82, 92, 105, 143, 157
Хаилан, гор. 52
Харсары, нар. 19
Харьковские пустыни, 338

Хвощева, каз. дер. 460
Херсонес, гор. 121, 191, 192, 301
Хмельник, гор. 297, 314
Ховарезм (Хорезм), стр. 78, 79, 167
Холмщина, 388, 507
Хопер, р. 75, 104, 174, 216, 257, 258, 262, 295
Хороль, гор. 390
Хортица, остр. 316, 365, 366, 378, 483, 489
Хортицкий замок 464
Хотин, гор. 250, 509
Хотунок, пригород 419
Храпачи, каз. дер. 460

Царбаганин, остр. 171
Царев-Борисов, гор. 548, 577
Царицын, гор. 124
Царьград, 210, 211, 278, 286, 377, 482 514
Царьпаганин, см. **Царбаганин**
Цебулино, каз. дер. 460
Цембало, гор. 270, 272, 273
Цепи (Кепи), 35, 223
Черкеты (Керкеты), нар. 90
Цизы, гор. 226
Цики, нар. 205, 302, 312, 353, 480, 481, 486, 530, 531
Цымлянское городище, 100, 101, 110
Чардынь, креп. 438
Чебановка, каз. дер. 459
Чемесов, гор. 314
Чеппичи, обл. 291
Чербетри, обл. 291
Червленый Яр, обл. 262, 279, 374
Червленый Яр, р. 278
Черемисы, 275
Черкасск Старый, городок 419, 524, 532-534
Черкасский остров, 93
Черкасское урочище, 532
Черкасско-Каневское староство, 463, 473, 533
Черкасы, гор. 234, 245, 253, 281, 283, 314-316, 329, 358, 360-363, 366, 369, 372, 373, 386, 448, 452, 453, 456, 460, 461, 465, 494, 533, 575
Черкасы Запорожские, 418, 448, 454, 577, 578
Черкасы-Зихи, 251, 352
Черкасы Кабардинские, 407, 542
Черкасы каневские, 368, 370, 382, 383
Черкасы крымские, 327, 531
Черкасы-мореходы, 309
Черкасы, нар. 15, 31, 70, 85, 90, 93, 131, 175, 183, 199, 220, 233, 235-237, 241, 242, 249, 257, 261, 283-285, 302, 304, 310, 314, 353, 383, 458, 527, 533, 540, 581
Черкасы Пятигорские, 283, 353, 534
Черкасы-Славяне, 353
Черкасы служилые, 329
Черкасы, стр. 51, 70, 252, 253, 258, 281-284, 288, 291, 351, 367, 392, 408, 524
Черкесы, 233, 234, 253, 283, 299, 317, 423, 534, 566
Чермный, посел. Гребенцов, 354
Черная Калитва, р. 100
Черная р. 271
Чернигов, гор. 165, 186-191, 194, 208, 209, 213, 214, 216, 242, 314, 383, 390
Черное море, 14, 15, 24, 35, 49, 53, 58, 72, 81, 137, 143, 145, 155, 158, 171, 182, 195, 223, 226, 261, 290-292, 295, 313, 319, 344, 352, 353, 453, 456, 480, 483, 486, 518, 553, 576, 577
Черноморская Русь, 158
Черноморские степи, 42, 103
Черноморье, 184, 199, 235, 271, 293, 367
Черные Клобуки, нар. 9, 15, 16, 31, 70, 108, 131, 175, 199, 220, 230, 232-242, 244-247, 249, 252, 259-262, 267, 284, 286, 289, 310, 314, 315, 325, 337, 364, 374, 383, 448, 566
Черный шлях, 465

Черный лес, 372
Чернь, гор. 330
Чернявск, гор. 330
Чертомлык, полуостр. 490
Чертомлык, р. 374, 376, 470, 503
Чигирин, гор. 244, 297, 354, 369, 458, 459, 481
Чигрин Дуброва гор. 390
Чики, см. **Цики**
Чир, р. 218
Чугуев, городище 100
Чудь, нар. , 336
Чуры Михайловы, городище, 278
Чусовая, р. 428, 430, 438
Чусовой городок, 437

Шакашик, посел. 573
Шам, обл. в Сирии 90
Шам-ал, гор. 90
Шарукань, гор. 103, 245, 300
Шведы, 97, 113, 136, 152, 155
Швейцарцы, 286
Шевкал, княжество 407
Шексна, р. 141
Шелонь, обл. 337
Щадрин, городок 354
Щербаневка, каз. дер. 460

Эвксинский Понт, 44, 83, 238
Эллада, 208, 450
Эллины, 115, 177
Эльба, р. 32
Эрак, р. 154
Эсседоны, нар. 42, 153

Югорский Камень, горы 426-428, 430, 438, 446, 447
Югра, стр. 393
Югричи, нар. 429
Юрьев, гор. 319
Яблонов, мест. 459
Яготин, мест. 459
Яйва, р. 428, 430
Яик, р. 27, 79, 129, 130, 215, 254, 404, 569, 570, 572 575, 580, 581
Ярославец, гор. 325
Ярыженский городок, 347
Ясы Донецкие, нар. 48, 86, 103, 147, 152, 160, 163, 164, 180, 181, 227, 237, 245, 250, 261, 296, 300, 301, 339, 524

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 7

РАЗДЕЛ I. ДРЕВНОСТИ НАШЕЙ ЗЕМЛИ

Глава первая. Касаки 19
Глава вторая. Сиракины 23
Глава третья. Торческие погребения 27
Глава четвертая. Славяне на Казачьей Земле 32
Глава пятая. Кесарея, Танаиты, Готы и Гунны 39
Глава шестая. Аланы 45
Глава седьмая. После Гуннов 51
Глава восьмая. Земля Касак 54
Глава девятая. Асаланские пути-дороги 58
Глава десятая. Казарская династия 62
Глава одинадцатая. Беленджер 67
Глава двенадцатая. Казария 71
Глава тринадцатая. Буртасы и Брадасы-Бродники 77
Глава четырнадцатая. Выходцы из скланского племени 81

РАЗДЕЛ II. АРТАНА

Глава пятнадцатая. Загадка имени Мирват 88
Глава шестнадцатая. Салтово-Маяцкая культура 95
Глава семнадцатая. Замки 100
Глава восемнадцатая. Салтовцы 104
Глава девятнадцатая. Деятельность Салтовцев 109
Глава двадцатая. Духовная жизнь Салтовцев 113
Глава двадцать первая. Торки — Узы 123
Глава двадцать вторая. Наши кочевники 129

РАЗДЕЛ III. СЛАВЯНЕ И РУСЫ

Глава двадцать третья. Первоначальные Русы 135
Глава двадцать четвёртая. Русы Поволжские 141
Глава двадцать пятая. Русское имя 144
Глава двадцать шестая. Взгляды русских историков 149
Глава двадцать седьмая. Русы и гибель Салтовцев 160
Глава двадцать восьмая. Упадок Казарии 166

РАЗДЕЛ IV. КАЗАЧЬЕ ЦАРСТВО

Глава двадцать девятая. Тамань и Подонье. 171
Глава тридцатая. Мстислав — Объединитель. 176
Глава тридцать первая. Касоги. 180
Глава тридцать вторая. Торки Касаки и Мстислав. 185
Глава тридцать третья. Жемчужина Азовско-Донского края. ... 190
Глава тридцать четвёртая. Разрушительные силы. 198
Глава тридцать пятая. Тысяча лет. 201
Глава тридцать шестая. Смутная пора. 207
Глава тридцать седьмая. Олег и Ольговичи. 212
Глава тридцать восьмая. Народ. 217
Глава тридцать девятая. Города и посёлки. 223
Глава сороковая. Золотое звено. 230
Глава сорок первая. Федераты. 238
Глава сорок вторая. Курганы-свидетели вековечные. 244
Глава сорок третья. Казачьи предания. 249

РАЗДЕЛ V. В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Глава сорок четвёртая. На Дону. 255
Глава сорок пятая. С Монголами. 259
Глава сорок шестая. Болоховцы и их потомки. 265
Глава сорок седьмая. Оргузии-атаманы. 270
Глава сорок восьмая. Ордынская замятня. 275
Глава сорок девятая. Казаки из Земле Черкасской. 281
Глава пятидесятая. Служба. 286

РАЗДЕЛ VI. НОВОЕ ВРЕМЯ

Глава пятьдесят первая. Турки. 290
Глава пятьдесят вторая. Старое Поле. 294
Глава пятьдесят третья. Азовские Казаки. 302
Глава пятьдесят четвёртая. Степняки в лесо-степи. 308
Глава пятьдесят пятая. Запорожские Казаки. 313
Глава пятьдесят шестая. Ордынские Казаки в Москве. 319
Глава пятьдесят седьмая. Казаки-Севрюки. 325
Глава пятьдесят восьмая. Сбор в Севрщине. 329
Глава пятьдесят девятая. Сары-Азман. 335
Глава шестидесятая. Возвращение на Дон. 341
Глава шестьдесят первая. Гребенцы. 350

РАЗДЕЛ VII. НА ЗАПАДЕ

Глава шестьдесят вторая. Предслав Ланцкоронский и Евстафий Дашкович. 356
Глава шестьдесят третья. Вишневецкий-Байда. 363
Глава шестьдесят четвёртая. Днепровский Низ. 372
Глава шестьдесят пятая. Великое княжество Литовское. 380
Глава шестьдесят шестая. Речь Посполитая. 385

РАЗДЕЛ VIII. СТРАНИЧКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

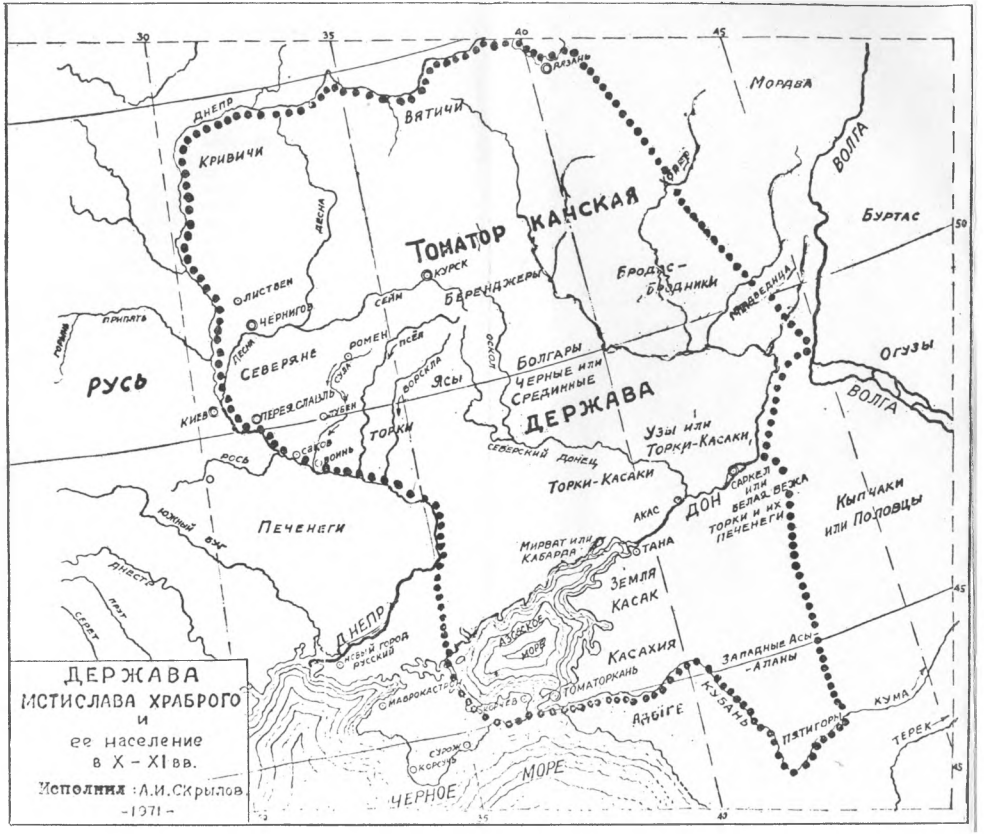
Глава шестьдесят седьмая. Служилые Казаки. 391
Глава шестьдесят восьмая. Служки монастырские. 397
Глава шестьдесят девятая. Взятие Казани и плен Астрахани. ... 402
Глава семидесятая. Грозный царь Иван Васильевич. 409
Глава семьдесят первая. Царь и Казаки. 416
Глава семьдесят вторая. Турки под Астраханью. 422
Глава семьдесят третья. У подножья Югорского Камня. 426
Глава семьдесят четвёртая. Ермак Тимофеевич. 432
Глава семьдесят пятая. Сибирь. 441

РАЗДЕЛ IX. ЗЕМЛЯ ЗАПОРОЖСКИХ ЧЕРКАСОВ

Глава семьдесят шестая. Гетманщина. 448
Глава семьдесят седьмая. Запорожская Земля. 458
Глава семьдесят восьмая. Сичевой Низ. 462
Глава семьдесят девятая. Управление Сичевым Низом. 467
Глава восьмидесятая. Быт Запорожцев. 475
Глава восемьдесят первая. Походы Запорожцев. 478
Глава восемьдесят вторая. В море. 482
Глава восемьдесят четвёртая. Восстание Косинского. 492
Глава восемьдесят пятая. Посольство германского императора. 496
Глава восемьдесят шестая. Казаки, Украинцы, Белорусы. 505
Глава восемьдесят седьмая. Брестская Уния. 512
Глава восемьдесят восьмая. Некоторые выводы. 517

РАЗДЕЛ X. МЕЖДУ ТУРКАМИ И РУСЬЮ

Глава восемьдесят девятая. Воинственная республика. 523
Глава девяностая. Нижний Дон. 530
Глава девяносто первая. Дон и Москва. 537
Глава девяносто вторая. Царь Борис Годунов. 547
Глава девяносто третья. На Тихом Дону. 552
Глава девяносто четвёртая. Войско. 556
Глава девяносто пятая. Дела житейские. 562
Глава девяносто шестая. Горынычи. 569
Глава девяносто седьмая. Дон и Запорожье. 575
Заключение. 582
Список сокращений. 587
Список использованной литературы. 589
Указатели. 599

ДЕРЖАВА
МСТИСЛАВА ХРАБРОГО
и
ее население
в X – XI вв.
Исполнил: А.И. Скрылов
-1971-
ДЕРЖАВА
ТОМАТОРКАНСКАЯ
РУСЬ
Северяне
Кривичи
Вятичи
Болгары Черные или Срединные
Печенеги
Торки
Узы или Торки-Касаки
Торки-Касаки
Кыпчаки или Половцы
Земля Касак
Касахия
Адыге
Аланы
Западные Асы
Буртас
Огузы
Моравa
Броднс – Бродники
Днепр
Десна
Сейм
Припять
Десна
Ромен
Псёл
Ворскла
Ясы
Донец
Северский Донец
Дон
Волга
Кубань
Терек
Кума
Пятигоры
Южный Буг
Днестр
Прут
Серет
Киев
Чернигов
Листвен
Курск
Переяславль
Сакса
Донь
Рось
Белгород
Тана
Мирват или Кабарда
Саркел или Белая Вежа
Торки и их печенеги
Таматоркань
Таматарха
Керчь
Корсунь
Сурож
Азовское море
Черное море
Азак
30
35
40
45
50
55
60